

Звезды
новой
фантазии

Один из лучших
ФЭНТЕЗИ-РОМАНОВ
ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ!

Хитрости
**ЛОККА
ЛАМОРЫ**

СВЕЖО. ОРИГИНАЛЬНО,
КРАЙНЕ ЗАНИМАТЕЛЬНО —
И ВЕЛИКОЛЕПНО ИСПОЛНЕНО.

ДЖОРДЖ МАРТИН

СКОТТ ЛИНЧ

824.111(73)-312.9

А 57

2017/5

555

Мур Е.

Симпозиум
Новые технологии
1358640

2017/5
555

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

СКОТТ ЛИНЧ

Хитрости

ЛОККА
ЛАМОРЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73) - 312.9 -

ББК - 84(7Сое)-44

Л 59

Григорьев Александр
1975 г.р.

Scott Lynch
THE LIES OF LOCKE LAMORA

Copyright © 2006 by Scott Lynch

All rights reserved

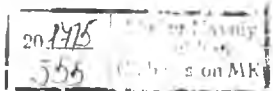
First published in 2006 by Gollancz, London

Перевод с английского Марии Куренной

Серийное оформление Виктории Манацковой

Оформление обложки Сергея Шикина

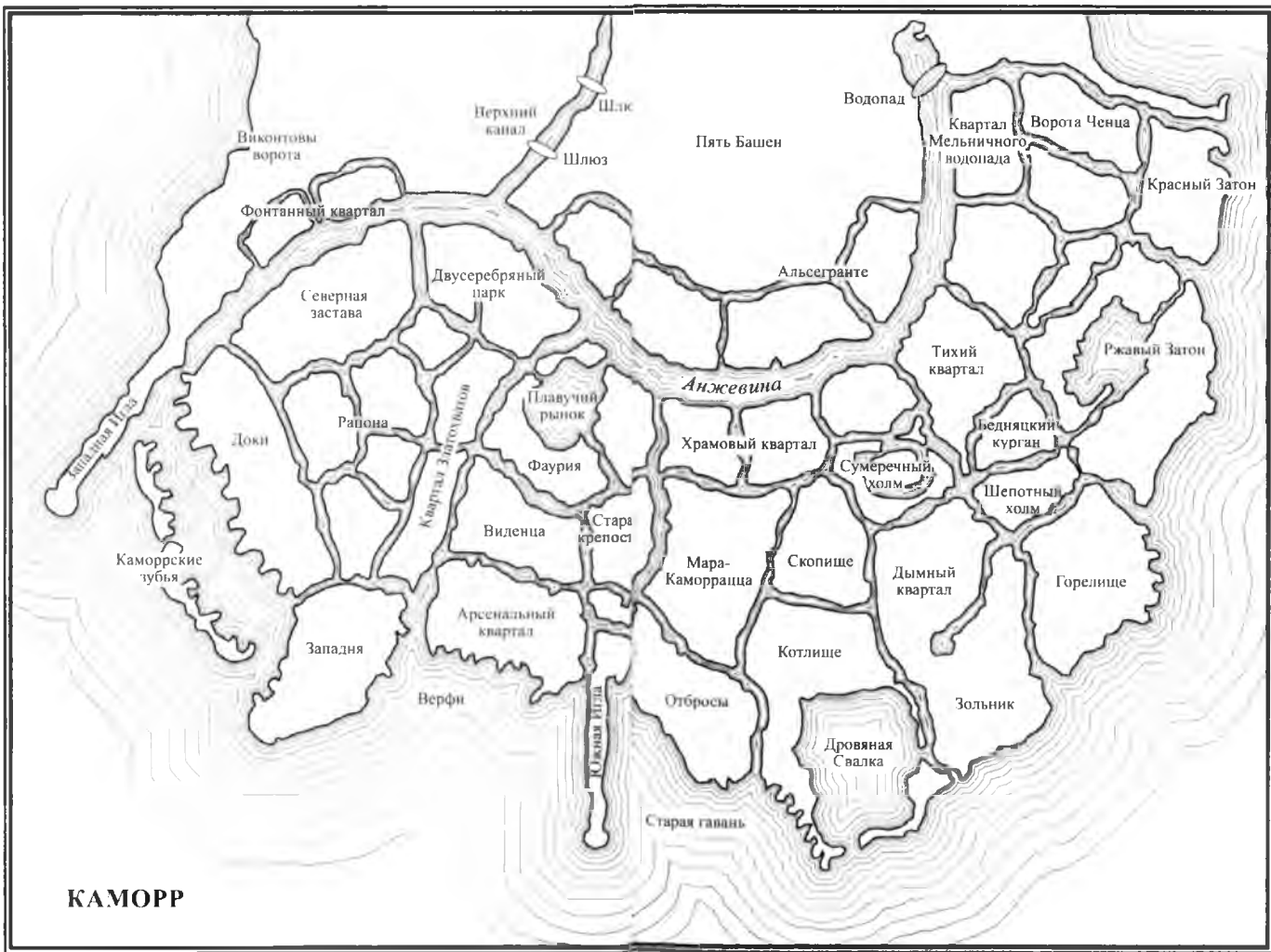
Карта выполнена Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-08786-6

© М. Куренная, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление,
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

*Милой Джени, которая все время стояла за моим плечом,
благословляя рождение этого маленького мира,
с вечной любовью посвящается*

Пролог

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ СЛИШКОМ МНОГО КРАЛ

1

В середине долгого сырого лета семьдесят седьмого года Сендовани к Безглазому священнику храма Переландро неожиданно-негаданно явился каморрский Воровской наставник в отчаянной надежде сбегрить с рук несносного мальчишку Ламору.

— Ох и выгодную же сделку я тебе предложу! — с порога начал гость, взяв не самый верный тон.

— Поди, такую же выгодную, как с Кало и Галдо? — проворчал Безглазый священник. — Я по сей день бьюсь, чтобы отучить этих вечно хихикающих болванов от дурных привычек, перенятых у тебя, а взамен привить дурные привычки, угодные мне.

— Ну знаешь, Цеппи, — пожал плечами Воровской наставник, — я ведь сразу предупредил, что они ни дать ни взять мартышки пакостливые, но тогда тебя это нимало не смутило...

— Или, может, такую же выгодную, как с Сабетой? — Священник возвысил голос, густой и звучный, и слова замерли на языке у Воровского наставника. — Сам прекрасно помнишь, какую цену за нее заломил. Ободрал меня как липку, забрал все подчистую, кроме разве костей моей покойной матушки. Надо было заплатить тебе одними медяками и посмотреть, как ты надрываешь пуп.

— Но Сабета, согласишься, не рядовой товар. И мальчишка этот, он тоже особенный. Ровно такой, какого ты просил подыскать после того, как купил Кало с Галдо. В нем есть решительно все, что тебе любо-дорого в Сабете. Каморрец, но не чистых кровей, а еще теринских и вадранских в равных долях. И он просто прирожденный вор — это так же верно, как то, что в море полно рыбьей мочи. Вдобавок я согласен уступить малоего... ну... со скидкой.

Безглазый священник с минуту поразмыслил, а затем сказал:

— Ты уж прости, но когда иссохшая сморщенная репка, которую ты называешь сердцем, вдруг ни с того ни с сего возгорается желанием меня облагодетельствовать, мне хочется взять в руки оружие и встать спиной к стене.

Воровской наставник постарался придать своему лицу искреннее выражение (без особого, впрочем, успеха) и чересчур небрежно пожал плечами:

— Ну да, положим, с мальчишкой сложности. Но это только пока он находится под моей опекой. Уверен, если ты возьмешь его на свое попечение, все сложности исчезнут сами собой.

— О, так твой малец обладает волшебным даром. Что ж ты сразу не сказал! Священник поскреб лоб под белой шелковой повязкой, закрывавшей глаза. — Превосходно. Я посажу его в чертову землю и выращу лозу до заоблачной зачарованной страны.

— Ага! Вот и знакомые стрелы сарказма полетели! — Воровской наставник отвесил шутливый поклон, несколько скованный по причине старческой подагры. — Обычно они свидетельствуют о твоей готовности поторговаться. Почему бы просто не признать, что предложение тебя заинтересовало?

Теперь пожал плечами Безглазый священник.

Ладно, допустим, Кало, Галдо и Сабете не помешает обзавестись новым товарищем по играм или хотя бы новой группой для битв. Допустим, я согласен отдать за твоего кота в мешке три медяка да горшок мочи. Но ты должен убедить меня, что я не прогадаю, отдав в придачу к указанной сумме еще и целый горшок мочи. Так в чем беда с твоим мальчишкой, а?

— Беда с ним в том, — медленно проговорил Воровской наставник, — что, если ты его не купишь, мне придется перерезать паршивцу глотку, а тело бросить в залив. Причем нынче же ночью.

2

Той памятной ночью, когда Воровской наставник взял под свое крыло маленького Ламору, на старом кладбище на Сумеречном холме выстроилось вереницей множество детей. Тихо и смиренно стояли они в ожидании, когда новые братья и сестры проследуют в усыпальницы.

Все до единого подопечные Воровского наставника держали свечи, холодный голубой свет которых пробивался сквозь сереб-

ристую пелену речного тумана подобно тому, как пробивается сквозь законченное окно тусклый свет уличных фонарей. Цепочка призрачных огоньков, повторяя извивы кладбищенских дорожек, спускалась с вершины холма к широкому стеклянному мосту через Дымный канал, едва видный под покровом душного теплового тумана, что летними ночами сочится из отсыревших костей Каморра.

— Шагайте живее, милые мои, золотые мои, повообретенные мои чада! — шептал Наставник, подталкивая в спину последнего из тридцати детей-сирот, взойшедших на Дымный мост. — Пусть огни впереди не пугают вас: там ждут ваши новые друзья, чтобы показать вам путь на вершину моего холма. Прибавьте шагу, мои сокровища. Ночь убывает, а разговор нам предстоит долгий.

В редкие минуты досужего раздумья Воровской наставник воображал себя художником. Если точнее — скульптором, для которого малолетние сироты служат глиной, а старое кладбище на Су-меречном холме — мастерской.

Огромный девяностотысячный город непрерывно и равномерно производил человеческие отбросы, количество которых дневно и ночью пополнялось, кроме прочего, за счет постоянного притока осиротелых, потерянных и брошенных детей. Многих из них отлавливали работорговцы, чтобы переправить в Тал-Веррар или на Джеремские острова. По закону рабство в Каморре было запрещено, разумеется, но на сами акты порабощения и горожане, и власти смотрели сквозь пальцы, если за жертву было некому заступиться.

В общем, одни беспризорники попадали в рабство, другие погибали по собственной глупости. Смерть от голода и сопутствующих болезней тоже была обычным делом среди тех, у кого не хватало смелости или сноровки, чтобы прокормиться на городских улицах воровством или иным незаконным способом. Смелые же, но недостаточно сноровистые часто заканчивали жизнь в петле на Черном мосту, напротив Дворца Терпения. Магистраты герцога вешали юных воришек на той же веревке, что и преступников постарше, только детям еще привязывали к ногам груз, чтобы уж наверняка и быстро.

А сирот, чудом избежавших перечисленных злосчастных жребиев, собирали по всему городу подопечные Воровского наставника и приводили в свое братство, по одному, по двое или испуганными стайками. Там новички очень скоро узнавали, какая жизнь ожидает их под старым кладбищем, в самом сердце владений Воровского наставника, где без малого полторы сотни сирых детей преклоняли колена перед одиноким согбенным стариком.

— Давайте, шевелите ножками, мои родненькие, мои новые сыночки и доченьки! Следуйте по цепочке огней, поднимайтесь на вершину холма. Мы уже почти дома, где вас накормят, намотают и спать уложат. Где вы найдете спасение от дождя, тумана и душной жары.

Лучшее время для пополнения рядов братства наступало сразу после моровых поветрий. Эти тридцать сирот из Горелища ускользнули из губительных объятий так называемого черного шепота — повальной хвори, которую Воровской наставник ценил выше всех прочих. Болезнь пришла в квартал невесть откуда, и только своевременно принятые карантинные меры (любого, кто пытался переправиться через канал или уплыть на лодке, наступала смерть от ярдовой стрелы) спасли остальной город от всех сопряженных с эпидемией неприятностей, кроме разве что тревоги и параноидального страха. Черный шепот означал мучительную смерть для всякого старше одиннадцати-двенадцати лет (насколько могли судить лекари, хотя болезнь собирала жатву без особой оглядки на правила). Дети же младше одиннадцати обычно отделялись всего лишь отеком глаз и лихорадочным румянцем, которые проходили через пару-другую дней.

На пятый день карантина пронзительные крики стихли и попытки переправиться через канал прекратились. Поэтому квартал избежал прискорбной участи, не раз постигавшей его в прошлом, в чумные годы, и послужившей причиной для нынешнего его названия. На одиннадцатый день, когда карантин сняли и герцогские Упыри вошли в Горелище, чтобы оценить последствия эпидемии, из четырех сотен детей, насчитывавшихся там ранее, в живых остался лишь каждый восьмой. В борьбе за выживание они уже сбились в шайки и освоили азы жестокости, необходимые в жизни без взрослых.

Воровской наставник дождался, когда всех детей соберут и выведут из квартала, объятых злой тишиной.

Он щедро заплатил серебром за тридцать лучших из них и еще больше заплатил за молчание Упырям и стражникам, сопровождавшим детей. А потом повел своих новых подопечных — отошальных, вонючих, растерянных — в темный парной туман каморрской ночи, к старому кладбищу на Сумеречном холме.

Ламора был самым младшим и самым мелким из всех: мальчонка лет пяти-шести, живой скелетик, обтянутый грязной кожей. Наставник и братья-то его не собирався — малыш просто увязал-

ся за ними, словно так и надо. Старик, конечно, сразу заметил приبلудыша, но в своей жизни он неоднократно убеждался, что любой незачумленный сиротка, даже самый мозглявый, — это подарок судьбы, от которого грех отказываться.

Дело было летом семьдесят седьмого года Гандоло — Отца удачи, бога торговли и звонкой монеты. Воровской наставник шел сквозь туманную ночь, ласково подгоняя детей, бредущих неровной вереницей.

Через каких-нибудь два года он будет чуть ли не на коленях умолять отца Цеппи, Безглазого священника, забрать у него маленького Ламору. И точить нож на случай, если священник откажется.

3

Безглазый священник поскреб щетинистый кадык:

— Не шутишь?

— Нисколько. — Воровской наставник залез во внутренний карман камзола, который пару лет назад можно было назвать просто потрепанным, и извлек кожаный кошелек, затянутый тонким кожаным шнурком. Кошелек был ржаво-красного цвета запекшейся крови. — Уже сходил к самому и получил разрешение. Перережу мальчишке глотку от уха до уха и скормлю рыбам.

— О боги... Экая душещипательная история. — Священник, с поразительными для слепца меткостью и проворством, ткнул Воровского наставника точно в грудь. — Нет уж, найди другого дурака, который согласится снять бремя с твоей совести и взвалить на себя.

— Да к черту совесть, Цеппи! Я о корысти толкую, твоей и моей. Оставить мальчишку у себя я не могу, вот и предлагаю тебе редкую возможность. Выгодную сделку.

— Если мальчишка шибко строптивый, почему бы не вбить в него немного ума-разума и не подождать, когда он созреет до надлежащего продажного возраста?

— Исключено, Цеппи. У меня руки связаны. Я не могу просто взять и отколошматить гаденыша: нельзя допустить, чтобы остальные паршивцы узнали, что он... гм... отмочил. Если у кого-нибудь из них возникнет хоть малейшее желание сотворить то же самое... о боги!.. я навсегда утрачу влияние на них. Мне остается либо

убить мальчишку сегодня же, либо продать сейчас же. Шиш с маслом или ничтожная прибыль. Угадай, что я выбираю?

— Мальчишка выкинул что-то такое, о чем ты даже обмолвиться не можешь при своих подопечных? — Цеппи потер лоб над повязкой и вздохнул. — Черт... Мне даже стало любопытно.

4

Старинная каморрская поговорка гласит: ничто на свете не постоянно, кроме непостоянства человеческого. Всё и вся, кроме него, рано или поздно выходит из моды — даже такая полезная и нужная вещь, как холм, нашпигованный мертвецами.

Сумеречный холм был первым в истории Каморра кладбищем для знати, где бранные останки горожан, сытно питавшихся при жизни, покоились вне досягаемости соленых вод Железного моря. Однако со временем соотношение сил между соперничающими семьями камнерезов, гробовщиков и профессиональных гробносецев изменилось, и постепенно на Сумеречном холме стали хоронить все меньше и меньше знатных господ, поскольку на расположенном неподалеку Шелотном холме предлагали больше места для более внушительных и помпезных памятников, пусть и за большее комиссионное вознаграждение. Войны, моровые поветрия и политические козни делали свое дело, и с течением десятилетий количество семей, ухаживавших за могилами на Сумеречном холме, неуклонно сокращалось. В конце концов единственными посетителями кладбища остались служители Азы Гийи, ночевавшие в гробницах в период своего ученичества, да бездомные сироты, поселившиеся в заброшенных, темных и пыльных склепах.

Воровской наставник (хотя тогда он, разумеется, таковым еще не был) волею случая оказался в одном из таких склепов в самые черные дни своей жизни, когда он представлял собой жалкое недоразумение — ибо как еще назовешь вора-карманника с девятью перебитыми пальцами?

Сперва он держался с сиротами полуугрожающе-полупросительно. Какая-то остаточная потребность во взрослом вожаке помешала детям убить пришлеца во сне. Он же, со своей стороны, неохотно начал объяснять им секреты своего ремесла.

По мере того как пальцы медленно заживали (правда, семь из них срослись плохо и навсегда остались кривыми, как надломлен-

ные сучки), он передавал все больше и больше своих порочных знаний маленьким оборванцам, прятавшимся вместе с ним от дождя и городской стражи. Число учеников постепенно увеличивалось, как и совокупный доход сообщества, и дети все шире расселялись по сырым каменным склепам старого кладбища.

В скором времени кривопалый карманник стал знаменитым Воровским наставником, а Сумеречный холм — царством, где он безраздельно властвовал.

Маленький Ламора со своими товарищами из Горелища впервые вступил в это царство спустя два десятка лет после его основания. Кладбище представляло собой обширное скопление неглубоких старых склепов, соединенных между собой сетью подземных тоннелей и галерей, чьи плотно утрамбованные стены были укреплены частыми опорами, похожими на ребра давно истлевших драконов. Ископных обитателей кладбища уже давно повытаскивали из гробниц и побросали в залив под покровом ночи, и ныне Сумеречный холм превратился в гигантский муравейник, населенный сиротами-воришками.

Вновь прибывшие дети вошли в темные недра самого верхнего мавзолея и двинулись по тоннелю с ребристыми стенами, освещенному серебряными огнями прохладных алхимических шаров. Маслянистые щупальца тумана обвивались вокруг щиколоток; из всех углов и закоулков выглядывали старожилы Сумеречного холма, с холодным любопытством рассматривая новичков. В спертом воздухе висел запах сырой земли и давно не мытых тел, какой смрадный дух маленькие оборванцы из Горелища ощутили усиленно своим присутствием.

— Проходите! Проходите! — восклицал Наставник, потирая руки. — Отныне мой дом — ваш дом! Добро пожаловать! Всех нас здесь объединяет одно: все мы круглые сироты. Печально, что и говорить, но теперь у вас будет братьев и сестер сколько пожелаете и сухая земля над головой. Дом... семья.

Дети-старожилы вереницей устремились по тоннелю вслед за Наставником, на ходу задувая свои призрачные голубые свечи, и вскоре путь освещало лишь серебристое сияние настенных алхимических шаров.

В самом сердце владений Воровского наставника находилось огромное теплое помещение с утоптаным земляным полом высотой в полтора человеческого роста и размером тридцать на тридцать ярдов. У дальней стены стояло единственное кресло из по-

лированного черного дерева — массивное такое, с высокой спинкой, — и старик с довольным вздохом в него опустился.

Десятки ветхих покрывал, расстеленных на полу, были уставлены едой: котелками с костлявыми цыплятами, маринованными в дешевом миндальном вине, мисками с мягкими хвостами морских лисиц, завернутыми в бекон и щедро сдобренными уксусом, тарелками с соленым горохом и чечевицей, подносами с грубым хлебом, политым колбасным жиром, и грудями перезрелых помидоров и груш. Пища непритязательная на самом деле, но представленная в таком количестве и разнообразии, какое сиротам из бедного квартала даже не снилось. Они жадно накинулись на еду, не дожидаясь приглашения, и Воровской наставник снисходительно улыбнулся.

— Я не настолько глуп, чтобы вставать между вами и вкусной едой, дорогие мои. Ешьте досыта, ешьте сколько влезет. Наверстывайте упущенное. Поговорим позже.

Пока оголодавшие сироты набивали живот, в подземном логове собрались все обитатели Сумеречного холма — они обступили новеньких тесной толпой и молча наблюдали. Воздух в переполненном помещении с каждой минутой становился все более спертым. Пиршество продолжалось, пока на «столе» не осталось ни крошки. Наконец дети, выжившие после нашествия черного шепота, дочиста облизали перепачканные жиром пальцы и только тогда обратили настороженные взгляды на Воровского наставника и его подопечных. Старик, словно по сигналу, вскинул три скрюченных пальца.

— Теперь о деле! — воскликнул он. — На повестке дня три пункта. Во-первых, вы здесь потому, что я вас выкупил. Причем заплатил сверх положенного, чтобы вас отдали именно мне, а не кому-нибудь другому. Поверьте, всех до единого ваших товарищей, которых не взял я, уже отдали работорговцам. Куда еще девать сирот? Держать вас негде, заботиться о вас некому. Стражники продают таких, как вы, по цене кувшина вина, голубчики мои. Сержанты не считают нужным упоминать о вас в своих рапортах, а капитаны не считают нужным обращать на это внимание. Сейчас, — продолжал Наставник, — когда с вашего квартала снят карантин, все каморрские работорговцы — и все желающие таковыми заделаться — уже рыщут по городу в поисках добычи. Вы вольны покинуть наш холм когда пожелаете, хоть сейчас, — только имейте в виду, что в самом скором времени вы будете сосать грязные

елдыки или ворочать веслами на галерах... Что подводит меня ко второму пункту. Все мои друзья, которых вы здесь видите, — он широким жестом обвел детей, теснившихся вдоль стен, — могут уходить с холма когда захочется и разгуливать там, где вздумается, поскольку они находятся под моей защитой. Я знаю, — продолжал он с видом внушительным и серьезным, — что сам по себе я не произвожу грозного впечатления, однако пусть это не вводит вас в заблуждение. У меня есть могущественные друзья, способные обеспечить безопасность моим подопечным. Если кто-нибудь — например, работорговец — осмелится поднять руку на одного из моих питомцев, наказание последует незамедлительно и будет достаточно жестоким...

Когда никто из новичков не выказал должного воодушевления, Наставник значительно кашлянул и пояснил:

— Этого гнусного скота просто убьют. Ясно?

Яснее было некуда.

— Что прямо подводит нас к третьему пункту — а именно ко всем вам, мои милые. Наша маленькая семья всегда нуждается в новых братьях и сестрах, и вы можете считать, что вам предлагают — можно даже сказать, вас просят — осчастливить нас своей искренней и крепкой дружбой. Изберите Сумеречный холм своим домом, меня — своим хозяином, а этих славных мальчиков и девочек — своими братьями и сестрами. Вы будете жить в тепле и сытости, под надежной защитой. Либо вы можете уйти сейчас же и закончить в одном из джеремских публичных домов, там свежим ягодкам всегда рады. Ну что, есть такие желающие?

Никто из новичков не издал ни звука.

— Я знал, что могу положиться на вас, бесценные мои сокровища! — Воровской наставник распростер руки и широко улыбнулся, показав полумесяц зубов цвета болотной воды. — Но разумеется, за все хорошее надо платить. Взаимные услуги, равный обмен. Еда не произрастает у меня из задницы. Ночные горшки не опоражниваются сами собой. Улавливаете, о чем я?

Десять-двенадцать из вновь прибывших детей неуверенно кивнули.

— Правила очень простые, со временем вы все их усвоите. Пока же запомните главное: кто ест, тот работает, а кто работает, тот ест. Что подводит нас к четвертому... ох, батюшки! Уважьте забывчивого старика, милые детки: вообразите, будто он поднял не три, а четыре пальца... Итак, вот четвертый важный пункт повестки

дня. У каждого из нас есть работа здесь, на холме, но у каждого из нас есть работа и в другом месте. Работа деликатная и необычная... интересная и увлекательная. Делается она в городе, иногда днем, иногда ночью. И требует смелости, ловкости и... гм... осторожности. Мы будем очень рады, если вы станете помогать нам в этих... гм... особенных делах.

Воровской наставник ткнул кривым пальцем в мальчишку, доставшегося ему бесплатно, в маленького приبلудыша, который пристально смотрел на него опухшими немигающими глазами, приоткрыв измазанный помидорным соком рот.

— Вот ты, малыш, ты, дополнительный привесок к тридцати избранным... Что скажешь? Будет ли от тебя польза? Готов ли ты помогать своим братьям и сестрам в их интересной работе?

Мальчонка на секунду задумался, потом пропищал тоненьким голоском:

— Вы хотите, чтобы мы крали разные вещи.

Старик уставился на него и долго молчал. Несколько сирот-старожилов прыснули в ладошку.

— Ну да, — наконец промолвил Воровской наставник, медленно кивнув. — Можно и так сказать — хотя, надо заметить, ты слишком прямолинейно судишь об известных проявлениях личной инициативы, говоря о которых мы предпочитаем употреблять более изысканные и неопределенные выражения. Не то чтобы я рассчитывал, что ты поймешь, о чем речь... Как тебя зовут, малыш?

— Ламора.

— Верно, твои родители были скрягами, раз дали тебе одну лишь фамилию. Как еще они тебя звали?

С минуту мальчонка напряженно обдумывал вопрос.

— Меня звать Локк, — наконец сказал он. — В честь отца.

— Славное имя. Легко с языка слетает. А ну-ка, Локк-в-честь-отца Ламора, подойди ко мне на пару слов. Все остальные — ступайте прочь. Ваши братья и сестры покажут, где вам лечь спать. А сперва покажут, куда отнести посуду, куда сложить покрывала и все такое прочее. Первая ваша работа по хозяйству, так сказать. Сегодня вы просто уберете все здесь за собой, но в дальнейшем у каждого из вас появятся иные обязанности, всю важность которых вы поймете ко времени, когда узнаете, как меня называют за пределами нашего холма.

Локк подошел к Воровскому наставнику, восседавшему на деревянном троне. Новички поднялись с пола и беспорядочно топ-

тались взад-вперед, пока старшие из сирот Сумеречного холма не начали их строить, отдавая нехитрые распоряжения. Через считанные минуты маленький Локк и Воровской наставник остались наедине.

— Видишь ли, дружок мой, — заговорил старик, — всех новых своих чад, прибывающих на Сумеречный холм, мне приходится отучать от некоторых предрассудков. Ты знаешь, что такое предрассудок?

Ламора помотал головой. Его круглое личико облепляли сальные тускло-каштановые волосы; разводы помидорного сока вокруг рта подсохли и стали походить на грязные потеки. Старик подался вперед и осторожно вытер ребенку губы и щеки рукавом своего потрепанного синего камзола. Мальчик не отшатнулся.

— Это значит, что всем детям сызмалу внушали, что красть нехорошо, а потому в разговорах с ними мне приходится прибегать к разным недомолвкам и околичностям, покуда они не свыкнутся с мыслью о допустимости воровства. Ясно? Однако ты, похоже, не скован подобными предрассудками, поэтому мы с тобой можем говорить прямо. Ты уже крал раньше, верно?

Мальш кивнул.

— И до чумы тоже?

Снова кивок.

— Я так и подумал. А скажи-ка, голубчик... ты ведь лишился родителей еще до нашествия черного шепота, да?

Мальчик опустил голову и опять кивнул, едва заметно.

— То есть ты уже научился... гм... сам о себе заботиться. Ну, тебе нечего стыдиться. Возможно даже, благодаря своему опыту ты сумеешь снискать известное уважение в нашем братстве — вот только надо бы испытать тебя на деле...

Вместо ответа Ламора достал что-то из-под драной рубашонки и протянул Воровскому наставнику. На раскрытую ладонь старика легли два маленьких дешевых кошелька — замызганные мешочки из жесткой кожи, затянутые потертыми шнурками.

— А это у тебя еще откуда?

— Стражники, — прошелгал Локк. — Они брали нас на руки и несли.

Наставник отпрянул, будто ужаленный гадюкой, и недоверчиво уставился на кошельки:

— Ты стянул кошельки у городских стражников? У желтокурточников?

Малыш кивнул, на сей раз с видимым воодушевлением:

— Ага, они брали нас на руки и несли.

— Боги мои... — выдохнул Воровской наставник. — О боги...

Да ты нас всех без ножа режешь, Локк-в честь-отца Ламора. Просто режешь без ножа.

5

... Он нарушил Тайный уговор в первую же ночь, как вступил в братство, нахальный маленький паршивец! — Воровской наставник удобно сидел в саду на крыше храма, держа в руках просмоленную кожаную кружку с вином; вино было дрянное — страшно кислое, перебродившее почти в уксус, — но оно служило обнадеживающим признаком, что сделка еще может состояться. — Тако-го никогда не случалось — ни до, ни после.

— Кто-то научил мальчишку обчищать карманы, но не предупредил, что желтокурточники неприкосновенны. — Отец Цеппи поджал губы. — Любопытно, очень любопытно. Наш дорогой ка-па Барсави был бы рад свести знакомство с твоим подопечным.

— Я так и не выяснил, кто натаскал мальчика. Он заявил, что сам всему научился, но это чушь собачья. Пятилетние дети играют с дохлыми рыбешками да конскими говешками, Цеппи. Они не изобретают тонких приемов карманного воровства по своей прихоти.

— А как ты поступил с кошельками?

— Да помчался обратно на сторожевую заставу Горелища и ли-зал там бабмаки и задницы, пока язык не почернел. Объяснил капи-тану, что один из новичков просто не знал о заведенных в Каморре порядках, и вернул украденное с изрядной доплатой, моля о вели-кодушном прощении и милостивом снисхождении.

— И они приняли извинения?

— Деньги всегда веселят душу, ты же знаешь. Я набил оба ко-шелька серебром до отказа. Вдобавок дал каждому из тамошних стражников на выпивку, чтоб на всю неделю хватило, и мы усло-вились, что они выпьют пару-другую стаканов за здоровье капы Барсави, которого совсем не обязательно... гм... беспокоить таки-ми мелочами, как тот факт, что преданный ему Воровской настав-ник сел в лужу, позволив пятилетнему карапузу нарушить чер-тов уговор.

— Итак, — промолвил Безглазый священник, — то были первые часы твоего знакомства с моим таинственным мальчишкой — неожиданным подарком судьбы, так сказать.

— Я премного рад, что ты уже называешь маленького гаденыша своим. Цепши, поскольку у меня на него ну никакого терпения не хватает. Даже и не знаю, как сказать. Одним моим детям нравится воровать, другие вообще не задумываются, хорошо это или плохо, а есть и такие, которые воруют противно своей воле, ибо понимают, что у них просто нет другого выбора. Но на моей памяти еще никто — никто, повторяю, — не был *настолько* охоч до воровства. Если Ламора будет валяться с располосованным горлом и лекарь попытается зашить рану, этот маленький поганец украдет у него иголку с ниткой и сдохнет, радостно хихикая. Он... слишком много крадет.

— Слишком много крадет, — задумчиво повторил Безглазый священник. — Уж чего-чего, а такой жалобы я никак не ожидал услышать от человека, который живет обучением детей воровству.

— Можешь смеяться, — вздохнул Воровской наставник. — Но в этом-то вся соль.

6

Текли месяцы. Миновали парфис, фесталь и аурим, и на смену туманным летним грозам пришли проливные зимние дожди. За семьдесят седьмым годом Гандоло наступил семьдесят седьмой год Морганте — Отца города, бога Петли и Лопаты.

Число сирот из Горелища заметно сократилось: восемь бедолаг, не обнаруживших способностей к деликатной и интересной работе, предложенной Воровским наставником, закончили свои дни в петле на Черном мосту перед Дворцом Терпения. Но жизнь продолжалась, и все остальные были слишком поглощены своей собственной деликатной и интересной работой, чтобы особо переживать по поводу товарищей.

Братство Сумеречного холма, как скоро узнал Локк, жестко делилось на два клана: уличники и домушники. Последние, меньшие числом и более искусные в воровском деле, промышляли только после заката: забирались на крыши, спускались по дымоходам, отмыкали замки, проникали за решетки и крали все подряд — от монет и драгоценностей до шматов свиного сала, оставленных без присмотра в кладовых.

Дети же из уличников рыскали по площадям, улицам и мостам Каморра в дневное время. причем всегда работали группами. Старшие и более опытные (хватуны) ловко обчищали карманы и прилавки, а младшие и менее умелые (заманухи) отвлекали внимание — надрывно звали своих несуществующих матерей, разыгрывали всяческие припадки или метались взад-вперед с криком «Держи вора!», пока хватуны убегали со своей добычей.

Каждого сироту, вернувшегося на кладбище после вылазки в город, обыскивал старший и более сильный ребенок. Все украденное или добытое иным способом передавалось вверх по иерархии влиятельных членов братства, кулакастых и напористых, и в конечном счете оказывалось у Воровского наставника, который по получении дневного дохода всякий раз отмечал плюсами или минусами имена в своем точном мысленном списке. Дети, принесшие прибыль, получали свой ужин; всем прочим приходилось потрудиться позже вечером с двойным усердием.

Ночь за ночью Воровской наставник — обремененный кошельками, ожерельями, шелковыми платками, железными пуговицами и прочими ценными предметами — проходил по извилистым тоннелям Сумеречного холма. Подопечные тихо подкрадывались из темных закоулков или пытались отвлечь внимание разыгранными спектаклями, чтобы стянуть у него хоть что-нибудь. Всякого, кого он хватал за руку, ждало немедленное наказание. Воровской наставник предпочитал не лупцевать проигравших в подобных учебных играх (хотя мог и отстегать хлыстом под настроение), а заставлять их пить чистое имбирное масло из фляжки, под насмешливое улюлюканье остальных детей. Каморрское имбирное масло — гадость редкостная, на вкус ничуть не лучше (по мнению Наставника), чем тлеющая зола ядовитого сумаха.

Упрямец, отказывавшихся открывать рот, переворачивали вверх ногами и вливали масло через нос. Одного такого урока, как правило, хватало навсегда.

Со временем даже сироты с обожженными имбирем языками и глотками осваивали азы карманного воровства и незаметного отъема товаров у зазевавшихся купцов. Воровской наставник воодушевленно объяснял детям устройство камзолов, дублетов, сюртуков и поясных кошельков, сообразуясь со всеми последними веяниями моды, и обстоятельно растолковывал, что можно срезать, что — оторвать, а что — вытащить проворными пальцами.

— Не следует тереться об ногу жертвы, как трахучий пес, или хвататься за руку, как потерявшееся дитя. Даже полсекунды телесного соприкосновения зачастую оказываются перебором. — Наставник плавным жестом изобразил петлю на шее и высунул язык. — Чтобы выжить, вы должны неукоснительно соблюдать три священных правила. Во-первых, всегда убеждайтесь, что внимание вашей жертвы надежно отвлечено — либо заманухами, либо какой-нибудь посторонней херотенью, вроде драки или пожара. Для нашей работы нет ничего лучше пожаров, дорожите такими подарками судьбы. Во-вторых, сокращайте — до последнего возможного предела сокращайте — время непосредственного соприкосновения с жертвой, даже когда ее внимание отвлечено. — Он скинул с шеи воображаемую петлю и хитро улыбнулся. — И в-третьих, сразу же, как сделали свое дело, смывайтесь прочь, даже если жертва молчит как пень. Чему я учил вас?

— Стянул — беги куда попало, — хором говорили ученики. — Замешкаешь — ниши пропало!

Новенькие сироты прибывали по одному и парами; каждые несколько недель кто-нибудь из детей постарше бесследно исчезал с холма. Локк догадывался, что подобные исчезновения свидетельствуют о неких дисциплинарных мерах почище имбирного масла, но никаких вопросов не задавал, поскольку занимал слишком низкое положение в иерархии братства, чтобы любопытничать или получать достоверные объяснения.

Что же до его обучения, то на следующий день после прибытия на холм Локка зачислили в клан уличников одним из заманух (в качестве наказания, подозревал он). Уже через два месяца он, благодаря своим незаурядным способностям, перешел в разряд хватунов. Это считалось большим шагом вверх по иерархической лестнице, но Ламора, похоже единственный на всем холме, предпочитал работать заманухой еще долго после того, как получил право оставить это занятие.

В пределах холма Ламора держался угрюмо и замкнуто, но на городских улицах, в роли заманухи, просто оживал. Он придумал пользоваться пережеванной апельсиновой коркой, изображая рвоту. Если другие заманухи просто хватались за живот и стонали, то Локк расцветчивал свои выступления тем, что изрыгал желто-белое месиво под ноги намеченным жертвам (а когда пребывал в особенно капризном настроении, так и прямо на сапоги или подолы).

Другим его замечательным изобретением стал прием с длинной сухой веткой, спрятанной под штаниной и крепко привязанной к щиколотке. Резко падая на колени, он переламывал ветку с громким хрустом, после чего испускал душераздирающий вопль, неизменно привлекавший сочувственное внимание всех окружающих, тем паче если дело происходило в непосредственной близости от колес какой-нибудь телеги. Выполнив намеченное, Локк избавлялся от внимания толпы при помощи своих товарищей, которые подбегали и кричали, что отнесут его домой к матушке, а уж матушка вызовет к бедняге лекаря. Разумеется, способность ходить возвращалась к нему за ближайшим углом.

Маленький Ламора столь быстро освоил и усовершенствовал репертуар заманух, что Воровской наставник счел нужным еще раз побеседовать с ним с глазу на глаз — после того, как Локк изловчился незаметно перерезать карманным ножичком пояс у одной молодой дамы, вследствие чего с нее, на потеху честному народу, свалилась юбка.

— Послушай, Локк-в-честь-отца Ламора, — сказал старик, — на сей раз обойдемся без имбирного масла, не бойся, но мне бы очень хотелось, чтобы в своих уловках ты отказался от излишней театральности в пользу простой практичности.

Мальчишка молча смотрел на него, переминаясь с ноги на ногу.

— Ладно, скажу прямо. В последнее время заманухи выходят в город не работать, а глазеть на твои представления. Так вот, содержать собственную театральную труппу никак не входит в мои планы. Прекрати строить из себя великого актера, не замораживай голову моим подопечным, пускай они возвращаются к своей обычной работе.

После этого разговора какое-то время все шло тихо-гладко.

Потом, спустя без малого полгода после своего прибытия на холм, Ламора стал невольным виновником пожара в таверне «Стеклянная лоза» и непосредственной причиной страшного карантинного переполоха, едва не стеревшего Скопище с карты Каморра.

Скопищем назывался беднейший квартал на северной окраине города, обширное скопление лачуг и хибар, расположенное в широкой природной впадине, своего рода амфитеатре глубиной около сорока футов. По стенкам этой громадной бурлящей чашки теснились ряды бараков и беззаконных лавчонок, развалюха на развалюхе, и змеились туманные улочки, где двум мужчинам не пройти плечом к плечу.

«Стеклянная лоза» стояла у булыжной дороги, что тянулась на запад, через каменный мост, в зеленые сады острова Мара-Каморрацца. Это было ветхое деревянное строение в три этажа, осевшее и скособоченное, с шаткими внутренними и наружными лестницами, на которых калечился по меньшей мере один посетитель в неделю. На самом деле там вовсю делали ставки, кто следующий из завсегдатаев оступится и разможит башку на хлиньких ступеньках. В таверне собирались курильщики трубок и наркоманы-глядельцы, которые прилюдно закапывали в глаза свое драгоценное зелье и часами лежали во власти видений, мелко вздрагивая и дергаясь, пока другие гости заведения шарили у них по карманам, а то и использовали бесчувственные тела в качестве столов.

В один из первых дней семьдесят седьмого года Морганте маленький Локк Ламора приковылял в общий зал «Стеклянной лозы», шумно всхлипывая и шмыгая носом. Кровоточащие губы, лихорадочный румянец и синяки вокруг глаз изобличали в нем зараженного черным шепотом.

— Прошу вас, господни хороший... — прошептал он объятому ужасом вышибале; костыри, карточники, подавальщики, воры и шлюхи застыли на месте, уставившись на мальчишку. Умоляю вас... Родители захворали... не знаю, что с ними. Лежмя лежат, я один еще на ногах стою... Вы должны... — он громко шмыгнул носом, — помочь мне! Прошу вас, сударь...

Во всяком случае, такие слова услышали бы все присутствующие, если бы вышибала не завопил во все горло: «Черный шепот! Черный шепот!», что послужило сигналом к стремительному массовому исходу из «Стеклянной лозы». В последующей панической давке маленький Ламора уцелел потому лишь, что признаки страшной болезни у него на лице ограждали надежнее щита. Игральные кости со стуком попадали на столы, карты разлетелись по полу, точно осенние листья под порывом ветра, жестяные стаканы и просмоленные кожаные кружки попрокидывались, выплескивая дешевое пойло. Люди в бегстве своем переворачивали столы и лавки, выхватывали ножи и дубинки, чтобы подгонять недостаточно проворных. Топча недвижимые тела глядел, орава человеческого отребья хлынула ко всем дверям, кроме той, у которой стоял Локк, тщетно взывая о помощи.

Когда в таверне не осталось никого, кроме нескольких стонущих (или вообще не подающих признаков жизни) глядел, внутрь прошмыгнули товарищи Локка: дюжина самых быстрых и ловких

уличников, отобранных Ламорой для этой вылазки. Они мигом рассыпались по всему залу, торопливо собирая все ценное, что валялось между опрокинутых столов и за обветшалой стойкой. Здесь горсть монет, там добротный нож, тут игральные кости из китовой кости, с метками из гранатовых кристалликов. В кладовой — корзина черствого, но вполне съедобного хлеба, брусок соленого масла, завернутый в вощеную бумагу, и дюжина бутылок вина. На всё про всё Локк дал товарищам полминуты и сразу стал отсчитывать в уме секунды, стирая с лица грим. Досчитав до тридцати, он знаком велел своим сообщникам покинуть таверну.

Уже били тревожные барабаны, призывая стражу, и сквозь мерный их грохот доносились леденящие душу завывания дудок, свидетельствующие о приближении герцогских Упырей — карантинной службы.

Участники грабительского налета пробрались через толпы смятенных, испуганных обитателей Скопища и помчались домой окольными путями, кто через Мара-Каморрацца, кто через Дымный квартал.

На памяти старожиллов никто еще ни разу не возвращался из вылазки с такой богатой добычей: целая груда вещей и продуктов, а вдобавок несколько пригоршней медных полубаронов, гораздо больше, чем Локк рассчитывал добыть. Он не знал, что игроки в кости или карты всегда выкладывают деньги на стол, поскольку на Сумеречном холме играть в азартные игры дозволялось только старшим и самым влиятельным детям, а Локк к числу таковых не относился.

Поначалу Воровской наставник был просто смущен и озадачен.

Но позже ночью пьяные мужики, охваченные паникой, запалили «Стекланную лозу», и сотни жителей попытались сбежать из квартала, когда городским стражникам не удалось установить местонахождение малолетнего виновника переполоха. Тревожные барабаны гремели до рассвета, на мостах стояли заградительные кордоны, и лучники герцога Никованте, запасшись стрелами на всю ночь, несли дозор в плоскодонках на каналах вокруг Скопища.

Утро застало Воровского наставника за очередным разговором с самым младшим и самым несносным из всех подопечных сирот.

— Беда с тобой в том, Локк чертов Ламора, что ты не предусмотрителен. Знаешь, что значит «дальновидный»?

Локк помотал головой.

— Попробую объяснить. У таверны был хозяин. Он работал — как работаю я — на очень важного человека — капу Барсави. Хо-

заян таверны платил капе — как плачу я — за спокойную жизнь, без неприятностей. Но твоей милости у него случились жуткие неприятности, хотя он исправно платил деньги и ждать не ждал ничего подобного. Так вот, возбуждение паники среди горожан и подстрекательство пьяных скотов к поджогу таверны — прямая противоположность действиям дальновидным. Ну как, догадываешься теперь, что означает это слово?

Локк почел за лучшее живо кивнуть.

— Если в прошлый раз, когда ты попытался вогнать меня в могилу прежде времени, я сумел откупиться, то сейчас, когда откупиться никаких денег не хватило бы, мне, хвала богам, и откупаться не придется — такой страшный переполох творится в городе. Ночью желтокурточники избили дубинками добрых две сотни человек, прежде чем сообразили, что среди них нет больных. Герцог подступил к Скопищу со своим чертовым регулярным войском, еще немного — и спалил бы квартал дотла. Ты, Локк Ламора, сейчас стоишь передо мной, а не плаваешь с изумленной физиономией в акульем брюхе по одной лишь единственной причине: потому что от «Стеклянной лозы» осталось только пепелище и никто не знает, что до пожара таверна была ограблена. Никто, кроме нас. Значит, мы все сделаем вид, будто никто из нас о случившемся ведавать не ведает, а ты все-таки научись осторожности, о которой я вам талдычу с утра до вечера. Договорились?

Мальчик кивнул.

— Мне нужны от тебя ловкие мелкие кражи, и ничего больше. Кошелек здесь, кольцо колбасы гам. Я хочу, чтобы ты проглотил свое честолюбие, высрал его, как переваренную жратву, и на следующую тыщу лет стал обычным юным заманухой. Можешь сделать мне такое одолжение? Не воруй у желтокурточников. Не поджигай таверны. Не устраивай переполохов в городе. Притворись заурядным карманным воришкой, каковыми являются твои братья и сестры. Все ясно?

Локк снова кивнул, постаравшись принять подобающий случаю горестный вид.

— Хорошо. А теперь... — Наставник извлек из кармана почти полную флягу имбирного масла, — мне хотелось бы подкрепить свои наставления делом.

И опять какое-то время — после того, как Локк восстановил способность нормально дышать и говорить, — все шло тихо-гладко.

Но за семьдесят седьмым годом Морганте наступил семьдесят седьмой год Сендовани, и хотя Локку довольно долго удавалось

скрывать свои похождения от Воровского наставника, в конце концов он, в одном совсем уже вопиющем случае, снова забыл об осмотрительности.

Когда Воровской наставник понял, что сотворил паршивец на сей раз, он отправился к капе Каморра и оформил у него разрешение на одну маленькую смерть. Однако по зрелом размышлении старик решил все-таки сперва навеститься к Безглазому священнику, движимый отнюдь не милосердием, но слабой надеждой выгнать хоть самую малость.

7

Небо уже окрасилось тусклым багрянцем, и об ушедшем дне напоминала лишь тающая золотая полоска над западным горизонтом. Локк Ламора плелся в длинной тени Воровского наставника, направлявшегося к храму Переландро, чтобы продать своего подопечного. Наконец-то мальчик понял, куда исчезали старшие дети.

Мощная арка стеклянного моста соединяла северо-западное подножие Сумеречного холма с восточной оконечностью огромного вытянутого Храмового квартала. На самом верху моста Наставник остановился и устремил взгляд на север — за окутанный мраком Тихий квартал и подернутые туманной пеленой воды стремительной Анжевины, на темные роскошные особняки и белокаменные бульвары четырех островов Альсегранте, над которыми вздымались невероятной высоты Пять башен.

Пять башен были самыми приметными сооружениями из Древнего стекла в городе, полном загадочных архитектурных изысков. Меньшая и самая скромная из них, Зарсвая, имела восемьдесят футов в ширину и четыреста в высоту. Истинный цвет каждой из пяти гладкостенных башен сейчас терялся в багровых отблесках заката, и паутина канатов с грузовыми клетями, протянутая между верхушками величественных строений, едва различалась на фоне рдяного неба.

— Давай постоим здесь немного, дружок, — промолвил Воровской наставник непривычно печальным голосом. — Здесь, на моем мосту. Столь мало людей ходит по нему на Сумеречный холм, что я привык считать его своим.

Ветер Герцога, весь день дувший с Железного моря, уже переменялся; в каморрской ночи всегда властвовал береговой Ветер

Палача, сырой и теплый, насыщенный запахами возделанных полей и гниющих болот.

— Я с тобой расстанусь, — после долгой паузы добавил старик. — Прощай навсегда. Очень жаль, что тебе не хватает... здравого смысла, что ли.

Локк молчал, неподвижно глядя на могучие стеклянные башни. Небо за ними быстро тускнело, бледно-голубые звезды становились все ярче, и скоро последние лучи солнца погасли на западе — точно огромный глаз сомкнулся.

Однако, едва над Каморром стала сгущаться ночная тьма, в ней зародился новый свет, поначалу слабый и зыбкий. Он исходил из недр Пяти башен и полупрозрачного моста, на котором стояли старик с мальчиком, и с каждым мгновением набирал силу, разливался все шире, растекался над городом, подобный призрачному дымчатому сиянию пасмурного дня.

Наступил час Лжесвета.

И мощные стены Пяти башен, и громадные стеклянные волнорезы обсидиановой гладкости, и рукотворные рифы под свинцовыми водами моря — каждая грань, каждая поверхность, каждый осколок Древнего стекла в Каморре, каждая крупница неземного строительного материала, в незапамятное время оставленная здесь основателями города, — источали таинственный Лжесвет. Каждый вечер после захода солнца стеклянные мосты обращались размытыми полосами дрожащего света, стеклянные башни, стеклянные мостовые, причудливые сады стеклянных скульптур бледно мерцали лиловым, лазурным, жемчужно-белым, а звезды и луны тускнели в поднебесье.

То был час, когда последние дневные работники расходились по домам, ночная стража заступала в дозор и городские ворота закладывались засовами. Час потустороннего сияния, которое скоро сменится непроглядным почным мраком.

— Ну ладно, пойдем, — наконец произнес Наставник, и они двое запагали к Храмовому кварталу, ступая по мягкому неземному свету.

8

Двери каморрских храмов закрывались лишь по истечении часа Лжесвета, и сейчас Безглазый священник старался с толком потратить все оставшееся время, чтобы наполнить медную чашу

для жертвований, стоявшую перед ним на ступенях обветшалого храма Переландро.

— Сироты! — восклицал он зычным голосом, более уместным на бранном поле. — Не все ли мы осиротеем рано или поздно? Увы, увы всем, оторванным от материнской груди еще в пору младенчества!

Там же на ступенях, с одной и другой стороны от медной чаши, сидели два худых мальчика в белых балахонах с капюшоном — вероятно, сироты. Они пристально следили за мужчинами и женщинами, спешащими по своим делам через квартал богов, и отблески призрачного Лжесвета горели в черных провалах их глаз.

— Увы, увы всем, брошенным жестокой судьбой в мир, где они никому не нужны! — продолжал священник. — Рабами, вот кем они становятся! Рабами, а то и хуже — игрушками для утоления низменных страстей нечестивцев и безбожников, обрекающих несчастных на постыдное, жалкое существование, в сравнении с коим даже рабская участь кажется великим благом!

Локк, никогда прежде не видевший театральных представлений и не слышавший опытных ораторов, так и замер с разинутым ртом. Речи священника дышали жгучим презрением, которое заставило бы и камень обратиться в кипящую воду, дышали страстным укором, от которого к глазам мальчика подступали горячие слезы стыда, хотя он сам был сиротой. Он бы слушал и слушал, как этот громогласный человек кричит на него.

Слава отца Цеппи, Безглазого священника, была столь велика, что даже маленький Локк Ламора уже слышал о нем раньше — об этом вот крепком пожилом мужчине, с грудью шириной с пшечую конторку и грубым морщинистым лицом, с бородой, похожей на жесткую волосяную мочалку. Плотная белая повязка, закрывающая глаза и лоб; белая полотняная ряса, ниспадающая до голых лодыжек; черные железные кандалы на запястьях. Толстые цепи тянулись от кандалов вверх по ступеням, в глубину храма. Когда отец Цеппи вздымал руки, цепи натягивались почти до предела, а значит, сейчас он находился у самой границы пространства своей свободы.

По слухам, вот уже тринадцать лет отец Цеппи ни разу не ступал дальше крыльца своего храма. В знак всецелой преданности Переландро — богу милосердия, Покровителю сирых и обездоленных — он приковал себя к стене храмового святилища железными цепями без замков и заплатил лекарю за то, чтобы тот прилюдно его ослепил.

— Покровитель сырых и обездоленных неусыпно смотрит за детьми, потерявшими отца и мать, поверьте мне! И всякий, кто не по долгу родства, но по зову сердца оказывает помощь и поддержку несчастным сиротам, благословен в его очах...

Хотя священник был в наглазной повязке, да и вообще слепым (если верить молве), Локк мог поклясться, что он повернул голову к ним с Наставником, когда они двинулись через площадь к храму.

— От чистой благости души своей они кормят и защищают детей Каморра — не из расчетливой корысти, но из бескорыстной доброты! Воистину благословенны покровители бедных, несчастных сирот Каморра! — патетическим шепотом закончил отец Цеппи.

Воровской наставник стал подниматься по храмовым ступеням, стараясь топтать посильнее, дабы возвестить о своем прибытии.

— Кто-то приближается! — встрепенулся Безглазый священник. — Двое, если мне не изменяет слух.

— Я привел мальчика, о котором мы говорили, отец, — сообщил Наставник достаточно громко, чтобы слышали случайные прохожие. — Я как мог подготовил его к... гм... испытаниям ученичества и посвящения.

Священник шагнул к Локку, волоча за собой гремящие цепи. Мальчики в капюшонах, сторожащие чашу для пожертвований, едва удостоили Локка беглым взглядом и не произнесли ни слова.

— Привел, значит? — Рука отца Цеппи с пугающей точностью взметнулась вперед, и заскорузлые пальцы по-паучьи проворно пробежали по лбу, носу, щекам и подбородку Локка. — Мальчик маленький, похоже. Совсем еще ребенок. Хотя и не без характера, насколько можно судить по исхудалым чертам этого несчастного сиротки.

— Его зовут Локк Ламора, — сказал Воровской наставник. — Надеюсь, в ордене Переландро он найдет полезное применение своей... гм... деятельнейшей предприимчивости.

— Хорошо бы он был еще честным, прямодушным, совестливым и дисциплинированным, — пророкотал священник. — Впрочем, я не сомневаюсь, что за время, проведенное под вашей опекой, малыш перенял от вас все эти замечательные качества. — Он трижды хлопнул в ладоши. — Дети мои! На сегодня с работой покончено. Возьмите сосуд с жертвованиями добрых горожан Каморра, и давайте отведем в храм будущего члена нашего ордена.

Воровской наставник потрепал Локка по плечу и энергично подтолкнул к Безглазому священнику. Когда мальчики в балахо-

нах пронесли мимо позвякивающую медную чашу, старик бросил в нее маленький кожаный кошель, после чего театрально раскинул руки и поклонился со змеиной грацией. Обернувшись напоследок, Локк увидел, как Наставник быстро удаляется прочь, широко размахивая кривопальными руками и вольно покачивая плечами — походкой человека, избавившегося наконец от тяжелой обузы.

9

Святилище храма Переландро оказалось затхлым каменным помещением, с лужами на полу и ветхими гобеленами на стенах, проеденными плесенным грибок до дыр. Освещалось оно лишь бледным Лжесветом да слабым мерцанием матового алхимического шара, ненадежно установленного в скобе прямо над вделанной в стену железной пластиной, к которой крепились цепи Безглазого священника. В дальнем углу Локк разглядел занавешенный дверной проем.

— Кало, Галдо! — сказал отец Цеппи. — Будьте добреньки, позаботьтесь о дверях, а?

Мальчики поставили медную чашу на пол и подошли к одному из гобеленов. Совместными усилиями они отодвинули его в сторону и потянули за ржавые рычаги, скрывавшиеся за ним. В стенах святилища заскрежетал какой-то огромный механизм, и двойные двери храма, распахнутые наружу, начали медленно закрываться, скребя по каменным плитам. Когда створки наконец сомкнулись, алхимический шар внезапно вспыхнул ярким светом.

— А теперь, — промолвил священник, опускаясь на колени между грудями своих цепей, — подойди ко мне, Локк Ламора. Проверим, есть ли у тебя способности, необходимые для служения в этом храме.

Стоя на коленях, он был почти одного роста с Локком. По призывному знаку священника мальчик приблизился и выжидательно остановился. Отец Цеппи наморщил нос:

— Чую, твой бывший хозяин по-прежнему не брезглив к скверному запаху своих подопечных. Впрочем, не важно: телесные запахи — дело поправимое. А сейчас дай-ка мне руки, вот так... — Цеппи мягким, но решительным движением поднес ладошки Локка к своему лицу и положил на белую шелковую повязку. — Так...

теперь закрой глаза и сосредоточься... хорошенько сосредоточься. Пусть все твои добродетельные мысли всплывут из глубин ума, пусть тепло твоей благородной души истечет из твоих невинных рук. Да, да... вот так...

Со смешанным чувством испуга и любопытства Локк наблюдал, как по морщинистому лицу отца Цеппи расплывается выражение восторга и рот приоткрывается в счастливом предвкушении.

— Да, да... — хриплым от волнения голосом прошептал священник. — У тебя и впрямь есть способности... особый дар... я чувствую его... Мне кажется, сейчас... ах, сейчас свершится чудо!

В следующий миг Цеппи резко запрокинул голову, и Локк испуганно отпрыгнул назад. Гремя цепями, священник вскинул руки к лицу и картинным жестом сорвал повязку. Мальчик отшатнулся, ожидая увидеть страшные пустые глазницы, однако, к несказанному своему удивлению, увидел самые обычные глаза. Цеппи страдальчески зажмурился от света алхимического шара и потер веки костяшками пальцев.

— О-хо-хо-хо! — прогремел он затем, простирая руки к Локку. — Я исцелен! Я! Снова! Вижу!

Уже второй раз за вечер маленький Ламора застыл на месте с разинутым ртом, не зная, что и сказать. Мальчишки в балахонах сдавленно захихикали у него за спиной, и Локк подозрительно сдвинул брови.

— Так вы... не слепой вовсе, — медленно проговорил он.

— А ты малый смекалистый! — вскричал священник, вскакивая на ноги с такой резвостью, что в коленях у него что-то влажно хрустнуло. Он взмахнул закованными в кандалы руками, точно птица, собирающаяся взлететь. — Кало! Галдо! Снимите с меня эти чертовы железяки, и давайте скорее перечтем благословенные дары дня минувшего!

Мальчишки подбежали к нему и что-то сделали с кандалами (что именно — Локк не понял), после чего оковы разомкнулись и с резким лязгом упали на пол. Цеппи осторожно потер запястья, мертвенно-белые, как мясо свежей рыбы.

— Да вы и не священник вовсе! — поразился Локк.

— О нет, — возразил Цеппи, продолжая растирать постепенно розовеющие запястья. — Я именно что священник, просто служу не Переландро. И послушники мои служат не Переландро. И ты будешь служить не Переландро. Поприветствуй Кало и Галдо Санца, Локк Ламора.

Мальчики откинули кашюшоны, и Локк увидел, что они близнецы, годом-двумя старше его и гораздо здоровее на вид. Смуглолицые и черноволосые, как чистокровные каморрцы, но с длинными, чуть крючковатыми носами, для каморрцев нехарактерными. Пасмешливо улыбаясь, братья взялись за руки и одновременно поклонились Локку в пояс.

— Э-э... привет, — неуверенно произнес Локк. — И кто из вас кто?

Сегодня я Галдо, — ответил один из них.

— А завтра я буду Галдо, — сказал другой.

Или, может, мы оба захотим быть Кало, — добавил первый.

— Со временем, — вмешался в разговор отец Цеппи, — ты научишься различать этих негодников по количеству вмятин, оставленных моим башмаком на их задницах: один из них всегда умудряется опережать другого. — Он встал за спиной Локка и положил ему на плечи тяжелые широкие ладони. — Знакомьтесь, балбесы, это Локк Ламора. Как вы поняли, я только что купил его у вашего прежнего благодетеля, хозяина Сумеречного холма.

— Мы тебя помним, — сообщил предполагаемый Галдо.

— Ты из Горелница, — подхватил предполагаемый Кало.

— Отец Цеппи купил нас вскорости после того, как ты вступил в братство... — ухмыляясь, сказали они хором.

— Хватит валять дурака! — царственным тоном перебил священник. — Вы двое только что вызвались приготовить ужин. Груши и жареная колбаса. Вашему новому брату — двойная порция. Живо за дело! А мы с Локком займемся пожертвованиями.

Хихикая и размахивая руками, близнецы бросились к занавешенному дверному проему и скрылись в нем. Локк услышал, как они топочут, спускаясь по какой-то лестнице. Потом отец Цеппи знаком велел мальчику сесть подле чаши с деньгами.

— Сядь, дружок. Давай поговорим о наших делах. — Священник уселся, скрестив ноги, на сырой пол и задумчиво воззрился на Локка. — Твой бывший хозяин сказал, что ты неплохо знаешь счет. Это правда?

— Да, хозяин.

— Не называй меня «хозяин». Терпеть не могу, аж зубы сводит и яйца скукоживаются. Называй просто «отец Цеппи». А теперь давай посмотрим, как ты переворачиваешь чашу и пересчитываешь все монеты.

Локк попытался опрокинуть медный сосуд набок и сразу понял, почему Кало и Галдо пришлось тащить его вдвоем. Подавшись

вперед, Цеппи подтолкнул чашу снизу, и ее содержимое высыпалось на пол рядом с Локком.

— Чем чаша тяжелее, тем умыкнуть труднее, — усмехнулся мужчина.

— Как вы можете... как вы можете притворяться священником? — спросил Локк, раскладывая целые и ломаные медяки по разным кучкам. — Неужто совсем не боитесь богов? Гнева Переландро?

— Боюсь, конечно. — Цеппи прочесал пальцами лопатистую косматую бороду. — Очень даже боюсь. Но я и в самом деле священник, только служу не Переландро. Я посвященный служитель Безымянного Тринадцатого бога — Хранителя воров, Многохитрого Стража, Великого Благодетеля, Отца уловок и плутней.

— Но ведь... богов всего двенадцать.

— Просто диву даешься, сколь широко распространено сие прискорбное заблуждение. Представь, что у Двенадцати богов есть младший брат — паршивая овца в семье, так сказать. Этаким негодник, покровительствующий ворами, как ты да я. Хотя Двенадцать старших не позволяют упоминать вслух имя Тринадцатого, все они сиздавна относятся снисходительно к забавной разновидности беззакония, которой он ведает. Вот почему старых притворщиков вроде меня, незаконно занявшего храм почтенного бога Переландро, не поражает молния и не разрывает на части толпа.

— И вы священник этого... Тринадцатого?

— Именно так. Священник воров и сам вор. Такими же священниками однажды станут Кало с Галдо — да и ты, возможно, если стоишь хотя бы тех нескольких жалких медяков, что я за тебя заплатил.

— Но если... — Локк вытащил из груди монет кошелек Воровского наставника (ржаво-красный кожаный мешочек) и протянул священнику. — Если вы заплатили за меня, почему мой бывший хозяин оставил вам такое щедрое пожертвование?

— О, будь уверен, я заплатил за тебя, хотя и сущую мелочь. А это не пожертвование. — Цеппи развязал мешочек и вытряхнул на ладонь содержимое — акулий зуб длиной с большой палец Локка. — Видал такой когда-нибудь?

— Нет. А что это?

— Метка смерти. Зуб волчьей акулы — личный знак кашы Барсави, повелителя твоего бывшего хозяина. И нашего с тобой повелителя, коли па то пошло. Означает же метка смерти, что ты на-

— Решительно все. — Несколько долгих мгновений Цеппи буравил мальчика взглядом, потом вздохнул. — Ну ладно. Так сколько же добрые горожане пожертвовали на благое дело Переландро сегодня?

— Двадцать семь медных баронов.

— Хм. То есть чуть больше четырех серебряных слонов. Негусто. Но все равно больше, чем можно наворовать за день любым другим способом.

— Вы крадете жертвенные деньги у Переландро?

— Само собой. Говорю же, я — вор. Только вор не такого рода, с какими ты знался прежде, а гораздо лучше. В Каморре полно болванов, которые заканчивают на виселице потому лишь, что считают, будто воровать можно только руками.

— Э-э... а чем же воруете вы, отец Цеппи?

Бородатый священник легонько постучал себя по виску двумя пальцами и широко ухмыльнулся:

— Острым умом и бойким языком, дружок. Острым умом и бойким языком. Я пристроил свою задницу здесь тринадцать лет назад, и с тех пор благочестивые простаки Каморры исправно снабжают меня деньгами. К тому же слава обо мне идет повсюду — от Эмберлена до Тал-Веррара, что очень приятно, хотя звонкую монету я люблю куда больше славы.

— Но разве вам не тягостно жить здесь? — Локк обвел взглядом убогое каменное помещение. — Никогда не выходить дальше крыльца?

Цеппи усмехнулся:

— Этот жалкий закуток сравнительно с остальным храмом все равно что твоё прежнее подземное жилище сравнительно со всем кладбищем. Так вот, Ламора, мы вориной масти. В своем деле мы полагаемся на умение обмануть, ввести в заблуждение, заморочить голову. Мы не видим необходимости трудиться в поте лица, когда притворством и складной брехней можно заработать гораздо больше.

— Получается, вы на заманух похожи.

— Пожалуй... в том смысле, в каком бочка горючего масла похожа на щепоть красного перца. Вот почему я купил тебя, дружок, даром что здравомыслия в тебе не больше, чем в морковном корешке. Ты врешь как дышишь. Ты изворотлив, как акробат. Думаю, я смогу сделать из тебя мастера воровского дела, если ты заслужишь мое доверие.

Священник устремил на Локка пытливый взгляд, и мальчик понял, что нужно что-то сказать.

— Мне бы очень этого хотелось, — прошептал он. — А что я должен делать?

— Для начала расскажи о том, что ты творил на Сумеречном холме. Обо всех своих безобразиях, которыми довел своего бывшего хозяина до белого каления.

— Но... вы же и так все знаете.

— Знаю, но хочу выслушать тебя. Давай все как на духу, внятно и четко, без умолчаний и лишних отступлений. Если попытаешься скрыть что-то важное, мне не останется ничего другого, как счесть тебя недостойным доверия и осуществить свое право, подтверждение которого висит у тебя на шее.

— А с чего мне начать? — спросил Локк чуть дрогнувшим голосом.

— С последних своих проступков. На Сумеречном холме есть один закон, подлежащий неукоснительному соблюдению, однако твой бывший хозяин сказал, что ты нарушил его дважды, самонадеянно полагая, что тебе удастся выйти сухим из воды.

Локк густо покраснел и уставился на свои руки.

— Ну, рассказывай. По словам Воровского наставника, ты подстроил убийство двух своих братьев и он догадался о твоей причастности к делу только после второго убийства. — Цеппи сложил ладони домиком и невозмутимо воззрился на мальчика с меткой смерти на шее. — Я хочу знать, почему ты их убил. Я хочу знать, как ты их убил. И хочу услышать это из твоих уст, прямо сейчас.

Часть I
ПЛАН

Что ж, я могу с улыбкой убивать,
Кричать «Я рад!» — когда на сердце скорбь,
И увлажнять слезой притворной щеки,
И принимать любое выраженье.

Георих VI. Акт III

Глава 1

ОБЛАПОШИТЬ ДОНА САЛЬВАРУ

1

Локк Ламора твердо держался следующего практического правила: перед всяким крупным мошенничеством необходимо потратить три месяца на планирование, три недели на непосредственную подготовку и три секунды на то, чтобы навсегда завоевать или потерять доверие жертвы. На сей раз он собирался провести решающие три секунды, картинно задыхаясь в наброшенной на шею удавке.

Локк стоял на коленях, с трижды обвитой вокруг шеи пеньковой веревкой, концы которой держал Кало, стоявший у него за спиной. Грубая веревка выглядела устрашающе, и после нее на горле останутся весьма убедительные красные полосы. Разумеется, любой настоящий каморрский убийца, вышедший из сопливого возраста, воспользовался бы для своей цели проволокой или тонким шелковым шнуром (чтобы сильнее передавить дыхательные пути). Однако, если дон Лоренцо Сальвара с расстояния тридцати шагов сумеет отличить поддельное удушение от настоящего, значит они здорово недооценили человека, которого намеревались обокрасть, и вся затея с треском провалится.

— Ну что, не видать его еще? И Клоп не подает сигнала? — чуть слышно прошипел Локк, после чего издал несколько выразительных булькающих звуков.

— Ни Клопа, ни дона Сальвары. Дышать-то можешь?

— Все в порядке, — прохрипел Локк. — Только тряси меня покрепче, для пушей достоверности.

Они находились в тупиковом проулке за старым храмом Благоприятных Вод; из-за высокой оштукатуренной стены доносился шум священных храмовых водопадов. Локк снова схватился

обеими руками за обмотанную вокруг шеи веревку и покосился на Умирленную лошадь, навьюченную внушительными товарными тюками. Бедная бессловесная животина стояла чуть поодаль, уставившись на него немигающими молочно-белыми глазами, в которых не отражалось ни любопытства, ни страха. Даже если бы Локка душили по-настоящему, она бы и ухом не повела.

Текли драгоценные секунды. Солнце стояло высоко в безоблачном, опаленном жаром небе, и вязкая грязь липла к штанинам Локка, точно сырой строительный раствор. Рядом, в той же густой грязной жиже, лежал Жан Таннен, а Галдо делал вид, будто крушит ему ребра ногами. Вот уже добрую минуту один близнец приплясывал возле Жана, а другой «душил» Локка.

Дон Сальвара вот-вот должен был показаться из-за угла и (если все пойдет по плану) броситься в проулочек, чтобы спасти Локка и Жана от «грабителей». А заодно уже и от скуки.

— Да где же Сальвара, будь он не ладен? — прошипел Кало на ухо Локку, грозно хмурясь, чтобы со стороны казалось, будто он чего-то требует. — И куда Клоп запропастился? Мы не можем торчать здесь весь день: мимо чертова проулочка и другие люди ходят.

— Души меня, не отвлекайся, — прошептал Локк. — Думай о двадцати тысячах крон и души меня. Я готов хоть до ночи хрипеть и задыхаться, коли понадобится.

2

Утром того дня все шло замечательно, даже несмотря на нервическую раздражительность юного ворюшки, впервые допущенного к участию в крупном деле.

— Да помню я, где должен находиться, когда все начнется! — Клоп страдальчески закатил глаза. — Я ж на той крыше проторчал больше времени, чем в мамкиной утробе!

Жан Таннен свесил правую руку в теплую воду канала и откусил от кислого болотного яблока, зажатого в левой руке. Он ослабленно полулежал в носу плоскодонной барки в розовом свете раннего утра, удобно разместив между бортами свое двухсотдвадцатифунтовое тело — живот бочонком, мощные плечи, кривые ноги и все прочее. Кроме него, в пустой барке находился один толь-

ко Клоп — долговязый лохматый паренек лет двенадцати, орудовавший шестом на корме.

— Мамке твоей, понятно, не терпелось поскорее от тебя избавиться. — Голос Жана, мягкий и ровный, никак не вязался с его грозной наружностью и подобал бы скорее учителю музыки или переписчику свитков. — А у нас такой цели нет. Посему сделай милость, позволь мне еще раз удостовериться, что ты уяснил все до последней мелочи.

— Черт! — ругнулся Клоп, налегая на шест и с усилием толкая барку против медленного течения. — Ты, Локк. Кало и Галдо ждете в проулке между храмом Благоприятных Вод и садами храма Нары, так? Я сижу на крыше храма через дорогу.

— Продолжай, — певнятию проговорил Жан, жуя яблоко. — Где находится дон Сальвара?

Мимо них, рассказывая мутные от глины воды канала, проплывали другие барки, тяжело нагруженные самым разным товаром — от бочек с пивом до мычащих коров. Клоп толкал плоскодонку на север по Виа Каморрацца — главному водному пути Каморра, ведущему к Плавучему рынку, а огромный город вокруг них постепенно пробуждался.

Кривобокие каменные бараки с мокрыми от ночной сырости стенами извергали своих обитателей на свет солнца, с каждой минутой пригревавшего все сильнее. Стоял летний месяц парфис, а значит, влажный туман испарений, висящий над улицами, скоро бесследно рассеется, оставив город во власти сухой раскаленной жары.

— Около полудня он выйдет из храма Благоприятных Вод, как делает в каждый Покаянный день. Если нам повезет, с ним будет слуга и две лошади.

— Странный обычай, — сказал Жан. — Зачем он туда таскается?

— Выполняет последнюю волю своей матери. — Клоп уперся шестом в дно, поднатужился и толкнул барку еще немного вперед. — Она сохранила вадранскую веру, когда вышла замуж за старого дона Сальваро. Поэтому теперь раз в неделю дон Лоренцо оставляет в вадранском храме жертвоприношение и спешит поскорее вернуться домой, чтоб не привлекать к себе лишнего внимания. Черт возьми, Жан, да знаю я всю эту дребедень! Чего я здесь делаю, спрашивается, если ты мне не доверяешь? И вообще, по-

чему именно я должен толкать эту паршивую барку всю дорогу до рынка?

— О, можешь бросить шест хоть сейчас, если одолеешь меня в кулачном бою, в трех схватках из пяти. — Жан оскалил в ухмылке кривые сколотые зубы отъявленного драчуна, которые были вполне под стать лицу, выглядевшего так, будто в свое время какой-то неумелый кузнец бил по нему молотом, пытаясь придать чертам более правильную форму. Кроме того, ты еще только учишься почетному воровскому ремеслу под наставничеством самых искусных и самых требовательных мастеров, каких только можно сыскать. Любая черная работа чрезвычайно полезна для твоего нравственного воспитания.

— Что-то я не припомню, чтобы вы особо занимались моим нравственным воспитанием.

— Правда твоя. Это потому, наверное, что мы с Локком до недавних пор и о своей-то нравственности не слишком заботились. Что же до того, почему мы с тобой еще раз повторяем весь план, то позволь напомнить тебе: одна-единственная оплошность — и участь вон тех бедолаг покажется нам завидной по сравнению с нашей скорбной участью.

Жан показал пальцем на телегу с огромным помойным баком, стоящую на набережной канала в ожидании, когда из верхнего окна кабака хлынет темная струя нечистот. Такие телеги-дерьмовозы обслуживались мелкими преступниками, провинившимися перед законом не настолько тяжело, чтобы содержаться в строгом заточении во Дворце Терпения. В защитных кожаных накидках до пяг, прикованные цепями к своим телегам, они по утрам выходили из ворот темницы, чтобы наслаждаться солнечным светом каждую свободную минуту, когда они не проклинали на все лады сомнительную меткость тысяч каморрцев, опорочивших свои ночные горшки.

— Я не оплошаю, Жан! — Клоп пошарил в уме, точно в пустом кармане, отчаянно пытаясь найти достаточно внушительные слова, чтобы выглядеть таким же спокойным и уверенным, как Жан и все остальные Благородные Канальи. Но у большинства двенадцатилетних мальчишек язык далеко опережает мысли. — Просто не оплошаю, и все, поверь!

— Молодец, — кивнул Жан. — Рад это слышать. Но в чем именно ты не оплошаешь?

Клоп вздохнул:

— Я подаю знак, когда Сальвара выходит из храма Благоприятных Вод. Я во все глаза слежу, не идет ли кто — особенно стражники — в сторону вашего проулка. А если вдруг кто появится, я живо спрыгну с крыши и мечом поотрубая им бошки.

— Что-что ты сделаешь?

— Любым способом отвлеку их внимание. Ты оглох, что ли, Жан?

Слева от них проплывала череда счетных домов — с мраморными фасадами, полированными резными дверями, шелковыми навесами и прочими приметами роскоши. Деньги и власть прочно обосновались в трех-четырёхэтажных зданиях квартала Златохватов. Этот старейший и богатейший финансовый квартал на континенте славился могуществом и замысловатыми ритуалами не меньше, чем стеклянные громады Пяти башен, где обособленно от своего города жили правители — герцог и Великие семейства.

— Сворачивай к берегу под мостами. — Жан неопределенно махнул обгрызенным яблоком. — Там нас поджидает его милость.

Ровно в середине набережной Златохватов через Виа Каморрацца были перекиннуты две стеклянные арки, одна повыше, другая пониже: узкий пешеходный мост и широкий мост для повозок. Сверкающие сооружения из цельного неземного стекла были подобны расплавленным алмазам, которые чьи-то гигантские руки растянули, плавно изогнули и оставили затвердевать над каналом. Справа лежал берег Фаурии — густонаселенного острова, тесно застроенного многоярусными каменными домами с всеякими садами. У самой набережной, взбивая белую пену, крутились деревянные лопастные колеса — они подавали воду наверх, в сеть желобов и виадуков, пролежавших над улицами Фаурии на всех уровнях.

Клоп подвел барку к хлипкому причалу под пешеходным мостом, и из бледной, полупрозрачной тени стеклянной арки выступил мужчина, одетый (как и Жан с Клопом) в поношенные кожаные штаны и грубую полотняную рубаху. Он спрыгнул на причал, а оттуда легко соскочил в барку, едва колыхнувшуюся под ним.

— Приветствую вас, господин Жан Таннен, и от души поздравляю с тем, что вам в кои-то веки удалось прибыть без опоздания.

— Приветствую вас, господин Ламора, и выражаю глубочайшее восхищение ловкостью и изяществом, с какими вы сошли на борт нашего скромного судна. — После этих слов Жан отправил

в рот огрызок яблока вместе с черенком и принялся жевать с влажным хрустом.

— Фу, гадость! — Локк Ламора скорчил гримасу отвращения. — Ну зачем жрать такую дрянь, а? Ты же знаешь, что из семечек этих поганых яблок черные алхимики изготавливают яд для рыбы.

— Мое счастье, что я не рыба, — ухмыльнулся Жан, проглотив пережеванную кашу.

Локк имел внешность среднюю во всех отношениях: средний рост, среднее телосложение, средней длины волосы средне-темного цвета, лицо не особо привлекательное и совсем незапоминающееся. Единственной приметной его чертой были ясные серые глаза. Сейчас он выглядел обычным теринцем (хотя не таким смуглым и румяным, как Жан и Клоп), но при другом освещении вполне мог сойти за сильно загорелого вадранца. Когда бы боги задумали создать человека, которого никто не замечает и не запоминает, они дали бы ему такую вот наружность. Локк присел на левый борт и закинул ногу на ногу:

— И тебе привет, Клоп! Я знал, что ты сжалишься над своими старшими товарищами и позволишь им греться на солнышке, пока сам работаешь шестом.

— Жан — наглый старый лентяй, вот он кто, — проворчал Клоп. — А если я откажусь толкать барку, он мне все зубы повышибает.

— Жан — добрейшая душа во всем Каморре, и твои обвинения глубоко его ранят. Теперь он проплачет всю ночь, глаз не сомкнет.

— Я в любом случае по ночам не смыкаю глаз, — добавил Жан. — Плачу от ревматических болей да свечи жгу, чтобы прогнать вредоносную сырость.

— Не сказать, правда, что днем наши бедные кости не скрипят, — вздохнул Локк, растирая колени. — Мы ведь вдвое тебя старше — весьма почтенный возраст для представителей нашего ремесла.

— На этой неделе служители Азы Гийи шесть раз пытались совершить надо мной заупокойный обряд, — пожаловался Жан. — Тебе повезло, что мы с Локком еще достаточно бодры, чтобы взять тебя с собой на дело.

Сторонний наблюдатель принял бы Локка, Жана и Клопа за команду наемной барки, направляющейся за грузом к рынку, расположенному в слиянии Виа Каморрацца и Анжевины. Чем даль-

ше они продвигались вперед, тем больше становилось вокруг грузовых барок, длинных черных челнов и утлых суденышек разного рода, из которых иные еле держались на плаву.

— Кстати, о деле, — сказал Локк. — Хорошо ли наш прилежный юный ученик уяснил свою роль в общем ходе событий?

— Да я сто раз уже повторил весь план Жану, — пробурчал Клоп.

— И каков результат?

— Запомнил все в полной точности.

Клоп со всей силы налег на шест, направляя барку в узкий просвет между двумя высокобортными плавучими садами. Когда они вплыли под свисающие ветви, на них волной накатил аромат жасмина и анельсиновых деревьев. Бдительный охранник одного из плавучих садов перегнулся через борт, держа наготове шест, чтобы оттолкнуть барку при необходимости. Очевидно, большие суда везли саженцы для сада какого-то аристократа.

— До мельчайшей мелочи запомнил, и я вас не подведу, обещаю. Где сидеть, куда смотреть, когда знак подавать — все знаю. Я не подведу!

3

Кало тряс Локка с подлинным рвением, и Локк изображал жертву просто мастерски, но томительно текли секунды, а дон Сальвара все не показывался. В своей бесконечной, однообразной пантомиме они четверо являли собой подобие живой картины, представляющей страдания грешников в одном из изощренных адов, описанных в теринской теологии: два грабителя, обреченные до скончания веков душить и избивать своих жертв, которые никогда не испустят дух и никогда не отдадут деньги.

— Мне все тревожнее становится, а тебе? — тихо проговорил Кало.

— Не отвлекайся от дела, — прошипел Локк. — Нельзя одновременно молиться и душить человека.

Внезапно откуда-то справа раздался пронзительный мальчишеский вопль, отразившийся эхом от булыжных мостовых и каменных стен Храмового квартала. Потом послышались громкие крики и тяжелые поскрипывающие шаги мужчин в боевом облачении — но шум удалялся от проулка.

- Похоже, Клоп орал, — выдохнул Локк.
- Надеюсь, он просто отвлекает внимание, — прошептал Кало, на секунду ослабив удавку.

В следующий миг над ними, на фоне узкой полоски неба между высокими стенами проулка, промелькнула неясная темная тень.

— Черт, а это еще что такое? — спросил Кало.

Справа опять донесся вопль.

4

Барка с Клопом, Локком и Жаном достигла Плавучего рынка точно в намеченное время, когда стеклянные ветряные колокольцы на западной дозорной башне, освобожденные от креплений, закачались на легком морском ветру и прозвонили одиннадцать часов.

Плавучим рынком называлось сравнительно спокойное озеро в самом центре Каморра, имевшее около трехсот ярдов в поперечнике. Оно было защищено от стремительного течения Анжевины и окружающих каналов рядами каменных волнорезов, и воду в нем возмущали лишь сотни торговых судов и суденышек, которые медленно двигались по кругу противосолонь, стараясь найти выгодные места у широких плоских волнорезов, где толпились покупатели и зеваки.

Городские стражники в горчично-желтых плащах плавали взад-вперед на черных остроносых челнах с закованными в цепи гребцами, узниками из Дворца Терпения, и с помощью длинных шестов и площадной брани расчищали проходы в хаотичной круговерти рынка. По проложенным водным коридорам медленной вереницей шли прогулочные барки знати, тяжело груженные барки кушцов и порожние барки вроде той, в которой трое Благородных Каналий плыли сейчас через шумное море человеческой алчности и надежды.

Они миновали нескольких мелочных торговцев в утлых грязно-серых лодчонках; потом продавца пряностей, разложившего свой товар на стойке посередине неуклюжей круглой плоскодонки-вертолы; потом Канальное дерево, покачивавшееся на громадном плоту из надутых кожаных мешков. Погруженные в воду длинные корни пили мочу и прочие зловонные выделения большого города; развесистая изумрудно-зеленая крона роняла узор-

чатую тень и струила питрусовый аромат. За деревом присмагивали средних лет женщина и трое ребятинек, которые юрко сновали среди ветвей и по требованию кидали в проходящие мимо барки лаймы или лимоны (ибо на этом гибридном дереве, выведенном алхимиками, произрастали плоды обоего вида).

Над торговыми судами всех мастей реяли флаги, вымпелы и шелковые знамена, соперничающие друг с другом в умении привлечь внимание покупателей яркостью красок. На флагах помещались грубые изображения рыб и птиц, пивных кружек и винных кувшинов, хлебных ковриг и фруктов, башмаков и штанов, портновских иголок с ниткой, плотницких инструментов, предметов кухонной утвари и разных других товаров. Там и сям в скопищах лодок под флагами с цыпльями или плотов под флагами с башмаками разгорались нешуточные битвы за покупателей: каждый торговец громко нахваливал свой товар или последними словами честил соседа: мол, и жена его шлюха, и дети ушленки. Челны же стражников тем временем держались на разумном расстоянии от них, готовые вмешаться в дело, если вдруг кто-нибудь начнет тонуть или пойдет на abordаж.

— До чего ж порой обидно притворяться бедняками, — вздохнул Локк, мечтательно озираясь кругом.

Клоп тоже с удовольствием поглазел бы по сторонам, не будь он сейчас поглощен попытками избежать столкновения. Впереди, им наперерез, медленно шла барка, груженная деревянными клетками с воющими кошками; над ней развевался голубой вымпел с мастерски выполненным изображением мертвой мыши, из чьего разорванного горла струилась алая кровь.

— Есть в этом месте что-то необъяснимое, — задумчиво продолжал Локк. — Я почти готов убедить себя, что мне позарез нужны два фунта рыбы, пара-другая тетив, старые башмаки и новая лопата.

— К счастью для нас, мы уже приближаемся к следующей важной вехе на нашем пути к огромной куче денег. — Жан указал рукой за северо-восточный волнорез рынка, на ряд богатых гостиниц и таверн, отделяющий рынок от Храмового квартала.

— Ты, как всегда, прав. Алчность превыше праздных мечтаний. Не позволяй нам отвлекаться от дела. — Локк воодушевленно (хотя и без всякой надобности) показал пальцем туда же, куда указывал Жан. — Клоп! Выходи в реку и поворачивай направо.

Один из близнецов поджидает нас у гостиницы «Фрегат», третьей по счету на южном берегу.

Клоп стал толкать барку на север, с трудом доставая шестом до дна, ибо «рыночное» озеро было раза в полтора раза глубже, чем все окружающие каналы. Пока они медленно лавировали между чрезмерно усердными продавцами грейпфрутов, пирожков с мясом и алхимических осветительных палочек, Локк с Жаном развлекались своей любимой игрой — высматривали юных карманников в толпах на волнорезах. Вот уже почти двадцать лет минуло с тех пор, как они навсегда покинули сырые подземелья Сумеречного холма, а ротозейство каморрцев по-прежнему кормило дряхлого Воровского наставника.

Как только барка покинула спокойные воды рынка и вышла в реку, Клоп и Жан без слов поменялись местами. Чтобы тягаться на равных с быстрым течением Анжевины, требовалась недюжинная сила Жана, а Клопу следовало хорошенько отдохнуть перед делом. Когда Клоп устало уселся в носу барки, Локк невесть откуда достал коричный лимон и кинул мальчишке. Тот в несколько укусов съел плод вместе с сухой кожурой и косточками, нарочито комично пережевывая красновато-желтую мякоть кривоватыми белыми зубами, а потом широко ухмыльнулся:

— Из них ведь не делают яда для рыбы, верно?

— Верно, — кивнул Локк. — Яд изготавливают только из той дряни, которую жрет мой друг.

— От рыбьего яда в малых дозах волосы на груди растут, — проворчал Жан. — Если только ты не рыба, конечно.

Он вел барку вдоль самого берега, где шест свободно доставал до дна, и, когда они проплывали под мостами, жемчужно-белые потоки преломленного стеклом света слепили и обжигали. От быстротечной реки, имевшей в ширину двести ярдов, поднимались влажные испарения вместе с запахами ила и рыбы.

К северу от них дрожали и струились в знойном маресе склоны островов Альсегранте, где обитали самые состоятельные простолюдины Каморра и низшая знать. То было царство роскошных садов, скульптурных фонтанов и белокаменных особняков, к которому людей, одетых, как Локк, Жан и Клоп, и близко не подпускали. Сейчас, когда солнце приближалось к зениту, огромные тени Пяти башен отползли в Верхний город и лежали на северных берегах Альсегранте подобием тускло-розовых бликов от витражного стекла.

— Славный все-таки город наш Каморр, — негромко произнес Локк, барабанив пальцами по бедрам. — Порой мне думается, что он возник единственно потому, что преступления любезны сердцу богов. Карманники крадут у простых людей, торговцы обирают всякого, кого сумеют одурачить, капа Барсави грабит и грабителей, и простой народ, мелкая знать грабит почти всех, а герцог Никованге время от времени выступает со своим войском и беспощадно грабит Тал-Веррар и Джерем, не говоря уже о том, что он творит с собственными подданными всех званий.

— Выходит, мы грабим грабителей, которые работают на грабителя, грабящего всех остальных грабителей, — сказал Клоп.

— Да, мы и впрямь несколько портим эту благостную картину. — Локк ненадолго задумался, тихо прищелкивая языком. — Считаю, что мы просто... э-э... тайно взимаем налоги со знатных господ, у которых денег с избытком, а благоразумия не хватает. Ага, вот мы и прибыли.

Под гостиницей «Фрегат» находился длинный ухоженный причал с дюжиной швартовых тумб, в настоящее время пустующий. Гладкая серая стенка набережной поднималась над уровнем воды футов на десять; навсрх вели широкие каменные ступени и мощеный пандус для лошадей и грузов. На краю причала ждал Кало Санца, одетый лишь немногим лучше, чем его товарищи, а позади него спокойно стояла Усмиренная лошадь.

— Эй, как у вас дела? — крикнул Локк, помахав рукой.

Жан ловко и уверенно толкал шестом барку — до причала оставалось двадцать ярдов, потом десять, и вот они уже плавно скользили вдоль него, легко скребя бортом по краю настила.

— Галдо уже притащил все в комнату — это Бушпритный номер на втором этаже, — приглушенным голосом сообщил Кало, наклоняясь за причальным канатом барки.

У него была густо-смуглая кожа, волосы чернее ночи и темные глаза с морщинками от смеха в уголках (хотя любой, кто знал близнецов Санца, сказал бы, что не от смеха, а от вечных дурацких ухмылок). Его невероятно острый крючковатый нос воинственно выдавался вперед, точно взятый на изготовку кинжал.

Привязав барку к швартовой тумбе, Кало бросил Локку увесистый железный ключ на плетеном шнуре из красных и черных шелковых нитей. В приличных гостиницах вроде «Фрегата» каждый номер запирался на хитроумный съемный замок, вставленный в специальное гнездо в двери (извлечь его оттуда мог лишь хозя-

ин заведения одному ему известным способом). Всякий раз, когда в комнату заселялся новый постоялец, дверь оснащалась другим, случайно выбранным замком, к которому прилагался соответствующий ключ. Поскольку за полированной стойкой в приемном зале хранились сотни таких одинаковых с виду замков, представлялось совершенно очевидным, что изготавливать дубликаты ключей с целью последующего ограбления номера — только время зря тратить.

Эта замечательная предохранительная мера позволит также Локку с Жаном надежно укрыться от посторонних глаз, чтобы быстро переменить обличье.

— Прекрасно! — Локк выпрыгнул на причал с той же ловкостью, с какой немногим ранее соскочил в барку; Жан отдал шест Клопу и прыгнул следом за товарищем, сотрясши судно мощным толчком ногой. — Пойдем же пригласим на выход наших эмберленских гостей.

Локк и Жан зашагали вверх по ступеням, а Кало знаком велел Клопу помочь ему с лошадкой. Белоглазое животное было напрочь лишено и страха, и деятельной воли, но именно в силу полного отсутствия инстинкта самосохранения представляло опасность как для барки, так и для себя самого. После нескольких минут совместных усилий, толкающих и тянущих, Кало с Клопом наконец завели кобылу в барку и поставили ровно посередине, где она и осталась неподвижно стоять, точно каменное изваяние, по странному случаю наделенное легкими.

— Прелестное создание. — сказал Кало. — Я бы назвал ее Препной. Ее можно использовать в качестве стола. Или арочного устоя.

— У меня от Умиранных мурашки по спине, — поежился Клоп.

— А у меня здоровенные мураши, с кулак размером. Но неопытные новички и безголовые дурни предпочитают иметь дело с Умиранными лошаадьми, а наш славный эмберленский торговец как раз и неумен, и неискушен.

Прошло несколько минут. Кало и Клоп стояли в дружелюбном молчании под нещадно палящим солнцем. Со стороны они выглядели обычными перевозчиками, ждущими у своей барки важного пассажира, который вот-вот должен появиться из недр гостиницы. В скором времени означенный пассажир спустился по ступеням на причал и дважды кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.

Это был Локк, разумеется, но разительно изменившийся внешне: волосы зализаны назад с помощью розового масла; скулы словно бы заострились, а щеки запали глубже; глаза наполовину скрываются за круглыми очками в оправе из черного перламутра, отсверкивающими серебром на солнце.

Теперь на нем был наглухо застегнутый черный камзол эмберленского фасона, плотно облегающий тело в верхней части и расширяющийся от пояса книзу. Талию охватывали два черных кожаных ремня с блестящими серебряными пряжками. Из-за воротника ниспадало черное шелковое жабо, легко трепыхавшееся на горячем востерке. На ногах были расшитые серые чулки и башмаки из акульей кожи — на толстом каблуке, с длинными узкими язычками, которые недешево загибались вперед и поникло висели над ступнями. На лбу у Локка уже выступили бисеринки пота, ибо знойное каморрское лето ни в коей мере не потворствовало проникновению в город чужеземной моды, рассчитанной на более прохладный климат.

— Меня зовут Лукас Фервайт, — произнес Локк Ламора отрывистым четким голосом, лишенным привычных модуляций. К своему родному каморрскому говору, сейчас слегка искаженному, он добавил толику жестковатого вадранского акцента — так работник за питейной стойкой смешивает в стакане разные напитки. — На мне одежда, которая через считанные минуты насквозь промокнет от пота. Я достаточно глуп, чтобы разгуливать по улицам Каморра безо всякого оружия. И к тому же, — добавил он с нескрываемым сожалением, — я полностью вымышленный персонаж.

— От всей души вам сочувствую, господин Фервайт, — промолвил Кало. — Но в утешение спешу доложить, что и барка, и лошади готовы к вашему важному путешествию.

Локк медленно двинулся к краю причала, чуть покачиваясь всем телом, как человек, совсем недавно сошедший с корабля и еще не привыкший ступать по поверхностям, которые не колеблются под ногами. Неестественно прямая спина, скованная чопорность движений — он облекся в маперные повадки Лукаса Фервайта, словно в незримый костюм.

— Мой спутник вот-вот присоединится к нам, — сообщил Локк-Фервайт, осторожно слезая в барку, один в двух лицах. — Его зовут Грауманн, и он тоже обнаруживает признаки вымышленности.

— Боги милосердные, — сказал Кало. — Должно быть, это заразно.

И вот наконец по мощеному скату грузной постунью сошел Жан, обремененный поскрипывающей конской сбруей и битком набитыми кожаными тюками общим весом сто двадцать фунтов. Он был в черном камзоле нараспашку, белой шелковой рубахе, туго натянутой на животе и местами уже прозрачной от пота, и в белом же шейном платке. Расчесанные на прямой пробор и густо смазанные маслом волосы Жана, и всегда-то не ахти какие живописные, сейчас напоминали две пухлые подушки, пристроенные на голову подобием двускатной крыши.

— Мы опаздываем, Грауманн. — Локк раздраженно заложил руки за спину. — Извольте поторониться и предоставьте бедной лошади выполнять ее работу.

Жан взвалил ношу на спину Усмиренной кобылы, не обратившей на сей факт ни малейшего внимания, и крепко затянул подпругу. Клоп передал шест Кало, отвязал причальный канат от тумбы, и они вновь тронулись в путь.

— Вот будет забавно, если сегодня дон Сальвара вдруг решит отступить от заведенного обычая. — сказал Кало.

— Не волнуйся. — Сейчас Локк говорил обычным своим голосом, хотя и сохранял горделивую осанку Лукаса Фервайта. — Он свято чтит память своей матери. Зачастую совесть надежнее водяных часов, когда речь идет о выполнении последней воли.

— Твои бы слова да богам в уши, — отозвался Кало, легко и весело орудуя шестом. — А если ты все-таки ошибаешься, меня-то не убудет. Это ж тебе приходится по жаре париться в черном шерстяном камзоле весом добрых десять фунтов.

Поднявшись вверх по Анжевине до западной границы Храмового квартала, они пронесли под широким стеклянным мостом, на котором стоял худой темноволосый мужчина, как две капли воды похожий на Кало.

Когда барка заходила под мост, Галдо Санца как бы случайно выронил недоеденное красное яблоко, и оно с тихим всплеском упало в воду всего в паре ярдов позади кормы.

— Сальвара в храме! — воскликнул Клоп.

— Превосходно! — Локк с усмешкой развел руки в стороны. — Я же говорил, что он страдает обостренным чувством сыновнего долга.

— Как хорошо, что своими жертвами ты выбираешь только носителей высоких нравственных устоев, — сказал Кало. — Любые другие служили бы дурным примером для Клопа.

Буквально через минуту они достигли длинного общественного причала, расположенного на северо-западном берегу Храмового квартала, прямо под огромным новым храмом Иона, Отца штормов, Повелителя Алчных вод. Там Жан с похвальной быстротой пришвартовал барку и вывел из нее Препону, которая по всем статьям выглядела как навьюченная товаром лошадь богатого купца.

За ним последовал Локк, полностью в образе надменного и раздражительного Фервайта; вся шутивая веселость в нем разом угасла, точно задутая ветром свеча. Клоп стрелой помчался через людную набережную, сиеша поскорее занять свою наблюдательную позицию над входом в тупиковый проулок, где в скором времени тщеславие дона Сальвары подвергнется жестокому искушению. Кало нашел взглядом своего брата, сходящего с моста, и неторопливо двинулся к нему. Оба близнеца безотчетно потрагивали оружие, спрятанное под мешковатыми рубашками.

Ко времени, когда братья Санца встретились и в ногу зашагали к условленному месту встречи у храма Благоприятных Вод, Локк и Жан уже приближались к нему с противоположной стороны. Дело завертелось.

В четвертый раз за последние четыре года Благородные Каналы, в нарушение самого незыблемого закона каморрского преступного мира, взяли на прицел одного из влиятельнейших людей в городе. Они направлялись на встречу, в результате которой дон Лоренцо Сальвара мог лишиться почти половины своего состояния. Теперь все зависело от пунктуальности намеченной жертвы.

5

С крыши храма Клоп должен был первым увидеть пеший патруль; это предусматривалось планом. Появление пешего патруля планом тоже предусматривалось и означало, что план провалился.

— Ты будешь нашими глазами, Клоп, — объяснил Локк. — Мы поджидаем Сальвару на самой пустынной улице Храмового квартала, любой наземный наблюдатель там будет виден за милю. Другое дело — мальчишка, затаившийся на высоте двух этажей.

— А кого мне высматривать-то?

— Да любого и всякого, не имсет значения. Герцога Никованте и Ночных дозорщиков. Повелителя Семи Сущностей. Старушку с навозной тачкой. Одним словом, как только заметишь кого-нибудь на улице — мигом подаешь сигнал. Простых горожан, возможно, ты сумеешь так или иначе отвлечь. Если же появятся стражники... ну, тогда нам придется либо изображать невинность, либо улепетывать со всех ног.

И вот сейчас шестеро мужчин в горчично-желтых плащах и в полном боевом снаряжении, с дубинками и зловеще бряцающими клинками на двойных поясных ремнях, неторопливо шагали по улице с юга и уже находились в нескольких десятках ярдов от храма Благоприятных Вод. Они неминуемо пройдут прямо у выхода из проулка, где разыгрывается сцена ограбления. Даже если Клоп сию же секунду условным криком предупредит товарищей об опасности и Кало, положим, успеет спрятать веревку-удавку, Локк и Жан все равно будут перепачканы в грязи, а близнецы все равно будут наряжены как театральные разбойники, да еще и с платками на лицах в довершение ко всему. Изобразить невинность уже всяко не получится; если сейчас Клоп подаст сигнал, им останется только улепетывать со всех ног.

Еще ни разу в жизни Клопу не приходилось соображать столь быстро. Сердце частило так, что казалось, будто кто-то перелистывает веером книжные страницы у него в груди. Он должен сохранять спокойствие и сосредоточенность, должен найти выход из положения. Как там любит повторять Локк? Рассматривай все возможности! Он должен выбрать один из возможных вариантов действий.

Но выбирать-то не из чего. Двенадцатилетний мальчишка, скорчившийся под кустом в одичалом саду на крыше заброшенного храма. У него ни дальнобойного оружия какого-нибудь, ни вообще ничего, чем можно отвлечь внимание. Дон Сальвара все еще свидетельствует почтение богам своей матери в храме Благоприятных Вод, и единственные люди в поле видимости Клопа — четверо Благородных Каналий да обливающиеся потом патрульные стражники, которые вот-вот испортят все дело.

Хотя...

В двадцати футах под ним и шестью футами правее, у самой стены ветхого здания, на крыше которого он прятался, лежала куча мусора. Полусгнившие джутовые мешки вперемешку с какой-то бурой дрянью.

Конечно, самое благоразумное сейчас — предупредить товарищей об опасности, чтобы те успели дать деру. В конце концов, Капо и Галдо не впервой играть в догонялки с желтокурточниками. Можно ведь и отложить все на неделю. Но с другой стороны — вдруг сегодняшняя неудачная попытка встревожит городские власти и в ближайшие недели здесь будет вдвое больше патрулей? Вдруг поползут слухи, что в Храмовом квартале стало неспокойно? Вдруг капа Барсави, несмотря на крайнюю свою занятость, обратит внимание на недозволенное нарушение порядка и усилит охрану квартала собственными солдатами? Тогда Благородным Канальям не видать денег дона Сальвары как своих ушей.

Нет, сейчас не до благоразумия. Клоп просто обязан снасти дело. И мусорная куча внизу давала возможность для великого и славного подвига, граничащего с поменательством.

Ни о чем больше не думая, Клоп бросился с крыши. Он падал спиной вниз, раскинув руки и уставившись в знойное полуденное небо, падал с непоколебимой уверенностью двенадцатилетнего мальчишки, что смерть и увечье могут грозить любому на свете, кроме него самого. В падении он завопил, с диким восторгом, для того лишь, чтобы уж точно привлечь внимание стражников.

В последнюю долю секунды Клоп боковым зрением увидел под собой темную землю и одновременно заметил какую-то тень, стремительно пронесшуюся прямо над храмом Благоприятных Вод. Изящные вытянутые очертания, зримая телесность... Птица, что ли? Крупная чайка? Других птиц такого размера в Каморре не водилось — не говоря уже о птицах, летающих со скоростью арбалетной стрелы и...

Когда Клоп рухнул в мусорную кучу, несколько смягчившую падение, воздух с влажным хрипом вырвался у него из легких и голова резко дернулась вперед. Острый подбородок отскочил от тощей груди, зубы лягнули, прокусывая язык, и рот наполнился теплым солоноватым привкусом. Он снова заорал, уже непроизвольно, и отплюнул кровь. Небо над ним накренилось сначала в одну сторону, потом в другую, словно мир предлагал рассмотреть себя под новыми, странными углами.

Топот тяжелых башмаков по булыжнику. Скрип форменных ремней и лягг оружия. Между Клопом и небом всунулось немолодое красное лицо с обвислыми усами, мокрыми от пота.

— Лопни Переландровы яйца, парены! — Стражник выглядел равно изумленным и встревоженным. — Какого хрена ты здесь

лазишь по крышам? Твое счастье, что ты приземлился туда, где лежишь.

Остальные желтокурточники, столпившиеся позади него, нестройным хором выразили согласие с последними словами своего товарища. Клоп слышал исходящий от них запах пота и промасленных ремней, слышал и мерзкую вонь гнилья, в которое упал. Что ж, когда прыгаешь в кучу какой-то бурой дряни на улице Каморра, не приходится ожидать, что она будет благоухать розами. Клоп потряс головой, прогоняя пляшущие перед глазами белые искры, и осторожно подергал ногами, проверяя, слушаются ли. Слава богам, кости вроде целы. Когда все закончится, он пересмотрит свои взгляды на собственное бессмертие.

— Господин сержант... — прохрипел Клоп, пуская кровавые слюни (черт, прокушенный язык горел огнем). — Господин...

— Что, малый, что? — Глаза мужчины округлились еще больше. — Руками-ногами пошевелить можешь? Болит где-нибудь?

Клоп поднял руки, дрожащие не вполне притворной дрожью, и впился в поясные ремни сержанта, словно желая привстать.

— Господин сержант, — проговорил он через несколько секунд, — что-то ваш кошелек не шибко увесистый. Небось хорошо с девками погуляли прошлой ночью, а?

Он потряс маленьким кожаным кошельком прямо под темными усами сержанта, и воровская часть его души (прямо скажем, большая) возликовала при виде опеломления, проступившего на лице мужчины. На долю секунды Клоп забыл даже о боли от не самого мягкого приземления в мусорную кучу. Мгновение спустя другая его рука как по волшебству взметнулась вверх, и «сиротский фунтик» врезался стражнику прямо промеж глаз.

«Сиротским фунтиком», или «красным кистеньком», назывался длинный утяжеленный мешочек, похожий на миниатюрную дубинку, который уличные мальчишки носили под одеждой, но ни в коем случае не на голом теле. Обычно его набивали перемолотыми стручками жгучего красного перца и разными едкими отходами из алхимических лавок. Штуковина совершенно бесполезная против настоящей угрозы, но самое то против других уличных мальчишек. Или взрослых похотливцев с блудливыми руками.

Или незащищенной физиономии на расстоянии плевка.

Клоп стремительно откатился влево, и облако рыжего порошка, вырвавшееся из «фунтика», его не задело. Сержанту повезло меньше: удар был сильным, и дьявольски жгучая молотая смесь

попала бедняге и в нос, и в рот, и в глаза. Он испустил сдавленный хриплый вопль и отпрянул назад, судорожно царапая щеки. Клоп уже вскочил на ноги и мчался прочь с легким проворством, свойственным юному возрасту. Даже дикая боль в прокушенном языке временно отступила перед необходимостью удирать во все лопатки.

Теперь Клоп безраздельно завладел вниманием стражников. Он несся во всю прыть, дробно стуча пятками по булыжной мостовой, глубокими обжигающими глотками хватая влажный воздух, и слышал позади громкие крики и топот. Он сделал все от него зависящее, чтобы дело не сорвалось. Товарищи могут продолжать без него, пока он занимается с герцогскими констеблями бегом на дальние расстояния.

Какой-то особо сообразительный стражник наконец сунул в рот свисток и засвистел: три короткие резкие трели, пауза, потом еще три. «Нападение на патрульного». Ох, черт... Сейчас сюда примчатся желтокурточники из всех окрестных кварталов, с оружием на изготовку. В том числе с арбалетами. А значит, Клоп должен во что бы то ни стало улизнуть от своих преследователей, пока другие патрули не начали посылать на крыши выглядчиков. Происходящее перестало казаться веселой забавой. У него оставалось минуты полторы, наверное, чтобы добраться до одного из своих обычных укрытий и схорониться там.

Прокушенный язык нестерпимо задергало болью.

6

Дон Лоренцо Сальвара вышел из-под портика храма на ослепительное солнце душного каморрского полудня, ни сном ни духом не ведая, какой жизненный урок получает сейчас на этой самой улице один шибко умный юный воришка. Издалека слабо доносились свистки патрульных. Сальвара прищурился и не без любопытства всмотрелся в одинокого стражника поодаль, который брел по булыжной мостовой, сильно пошатываясь, спотыкаясь и палтая на стены. Обеими руками мужчина держался за голову, как если бы боялся, что она вот-вот сорвется с плеч и взмоет в небеса.

— Ну мыслимое ли дело, сударь? — Конте уже вывел лошадей из неприметного грота, служившего храмовой конюшней, и ждал

хозяина у портика. — Еще за полдень не перевалило, а он уже пьян, как младенец в пивной бочке. Сборище шикемных придурков эти новые желтушники.

Конте был средних лет мужчиной с иссушенным солнцем морщинистым лицом, талией профессионального танцора и руками профессионального гребца. В каком качестве он состоял при молодом доне, любой понимал с первого взгляда, даже прежде, чем замечал пару длинных стилетов у него на поясе.

— А в ваше время подобного не допускалось, да?

Дон Лоренцо же был привлекательным молодым человеком чистых каморрских кровей — черноволосым, с темно-медовой кожей. Лицо у него было тяжеловатое, с мягкими чертами, но фигура стройная и подтянутая. В целом он выглядел как примерный благовоспитанный студент, переодетый аристократом, и лишь глаза за модными очками без оправы — цепкие глаза лучника, нетерпеливо высматривающего мишень, — нарушали это впечатление.

Конте фыркнул:

— В наше время мы, по крайней мере, знали, что напиваться в дымину следует за закрытыми дверями.

Он передал хозяину поводья холеной мышастой кобылы немногим крупнее пони, хорошо обученной, но явно не Усмиренной. Ровно то, что надо для коротких прогулок по городу, где владельцы судов (или акробаты, как часто жаловалась донья София) по сей день чувствовали себя вольготнее, чем лошади. Шагающий стражник скрылся за углом — в направлении, откуда доносились настойчивые свистки. Поскольку шум не приближался, Сальвара внутренне пожал плечами и вывел кобылу на середину улицы.

В следующее мгновение взорам дона Лоренцо и Конте внезапно явилось во всей красе второе за день диковинное зрелище. Когда они свернули направо, глазам их открылся тупиковый проулок с высокими стенами, расположенный сразу за храмом Благоприятных Вод, и в проулке этом два разбойника вытрясали душу из двух богато одетых господ.

Сальвара застыл на месте от изумления: головорезы в масках здесь, в Храмовом квартале? Один из них душил удавкой мужчину, одетого во все черное... похоже, в тесный и плотный вадранский камзол, совершенно неуместный в такую жару. Боги милостивые! Чуть в стороне стояла Усмиренная лошадь с поклажей, безразлично наблюдая за происходящим.

После секундного замешательства, вызванного единственно удивлением, дон Сальвара бросил поводья своей кобылы и бегом устремился в проулок. Он даже не оглянулся, зная наверное, что Конте следует за ним по пятам, с обнаженными кинжалами.

— Эй, вы! — крикнул молодой человек уверенным, хотя и звенящим от возбуждения голосом. — А ну, отпустите этих людей и стойте смиренно!

Разбойник, что поближе, резко повернул голову на окрик, и его темные глаза над платком-маской расширились при виде дон Сальвара и Конте. Он рывком поднял на ноги свою побагровевшую от удушья жертву, прикрываясь ею от незваных гостей.

— Вам нет нужды беспокоиться, сударь, — произнес разбойник. — Просто повздорили малость. Сугубо личное дело.

— Своими личными делами вам следовало заняться в менее публичном месте.

— А что, герцог отдал вам в собственность этот проулок? — злобно осведомился головорез. — Сделаете еще хоть шаг — сверну малому шею.

— Ну так не медли. — Дон Сальвара выразительно положил руку на эфес своей раниры с корзинчатой гардой. — Мы с моим слугой перекрываем единственный выход отсюда. Уверен, ты ничуть не пожалеешь, что убил этого человека, когда тебе в горло вонзятся три фута стали.

Первый разбойник не выпустил из рук веревки, затянутой на пее едва живого господина в черном, но медленно попятился в глубину тупика, неуклюже таща за собой жертву. Второй налетчик немного отступил от простертого на земле мужчины, которого недавно избивал ногами, и обменялся со своим сообщником быстрым значительным взглядом.

— Не делайте глупостей, друзья мои.

Сальвара наполовину вытащил раниру из ножен, и солнце ослепительно сверкнуло на превосходнейшей каморрской стали. Конте чуть согнул ноги в коленях и подался вперед, принимая хищную стойку бывалого попововца.

Без дальнейших слов первый головорез с силой толкнул свою жертву прямо на Конте и Сальвару. Бедняга в черном, судорожно хватая ртом воздух, вцепился в своих спасителей, а двое налетчиков опрометью бросились к глухой стене в конце проулка. Отодвинув в сторону задыхающегося, дрожащего вадранца, Конте ринулся за ними следом, однако разбойники оказались не только

проворны, но и хитры: со стены свисала тонкая, еле заметная веревка с навязанными через равные промежутки узлами. Налетчики молниеносно вскарабкались по ней один за другим и исчезли за стеной. Конте со своими клинками опоздал буквально на пару секунд. Утяжеленный грузом дальний конец веревки перелетел через ограду и шлепнулся в схваченную коркой грязь у его ног.

— Никчемные лодыри, твою мать! — Слуга дона Сальвары стремительным, отточенным за годы практики движением засунул стилеты за пояс и наклонился над телом, по-прежнему неподвижно лежащим на земле; жутковатый белый взгляд Усмиренной лошади, казалось, пристально следил за ним, когда он приложил пальцы к толстой шее мужчины, проверяя сердцебиение. — Чертовы стражники напиваются допьяна с утра пораньше — и смотрите, что творится в Храмовом квартале, пока они шляются без дела...

— О, благодарение Сущностям! — славленно прохрипел господин в черном, наконец снимая с шеи и бросая на землю удавку; теперь дон Сальвара разглядел, что платье на нем (не по сезону теплое, конечно, и сейчас заляпанное грязью) просто отменного качества: великолепно скроенное, точно подогнанное по фигуре и отделанное неброско, но по-настоящему дорого. — Благодарение Соли и благодарение Сладости! Благодарение Подводным Дланям, что негодяи напали на нас рядом с этим храмом, средоточием священной силы, чьи могучие токи принесли вас на помощь к нам!

Вадранец говорил по-терински грамотно, хотя и с сильным акцентом; голос его по понятной причине звучал хрипло. Подслеповато щурясь и потирая горло, он принялся шарить в грязи свободной рукой.

— Полагаю, я еще раз смогу помочь вам, — произнес дон Сальвара на лучшем своем вадранском, столь же грамотном и столь же искаженном акцентом, как теринский, на котором говорил незнакомец.

Он подобрал с земли очки (на удивление легкие, но прочные, такие немалых денег стоят) и подал вадранцу, предварительно протерев стекла рукавом своего просторного ярко-красного камзола.

— О, так вы говорите по-вадрански! — восторженно вскричал мужчина, переходя на вадранский с резковатым эмберленским выговором. Он надел очки и, часто моргая, уставился на своего

спасителя. — Еще одно чудо! Смел ли я надеяться на такое?.. Ах, Грауманн! — Он с трудом поднялся на ноги и неверной поступью направился к своему товарищу.

Грузный мужчина, уже перевернутый на спину усилиями Конте, лежал по-прежнему неподвижно, но его измазанная в грязи могучая грудь мерно вздымалась.

— Живой он, живой, не волнуйтесь. — Конте пощупал ребра и живот бедняги. — Вроде ничего не сломано, не разорвано, хотя в ближайшие недели ваш приятель будет ходить весь в синяках. Сперва зеленых, как ряска на пруду, потом черных, как ночь, — это так же верно, как то, что я в состоянии отличить говешку от заварной булочки.

Вадранец в черном испустил протяжный вздох облегчения:

— От заварной булочки... ну да, конечно. Святые Сущности в высшей степени милосердны. Грауманн — мой постоянный спутник, мой секретарь, мой усердный и незаменимый помощник. Увы, он совершенно не владеет оружием, но, с другой стороны, сам я тоже вопиюще слаб по этой части. — Незнакомец, опять говоривший на теринском, пристально всмотрелся в дону Сальвару и изумленно округлил глаза. — И сейчас я неучтив равно вопиюще, ибо вы, не иначе, один из благородных донув Каморра. — Он низко поклонился — гораздо ниже, чем предписывал этикет иноземцу, приветствующему представителя родовой знати Мирного герцогства Каморр; казалось, еще немного — и он ткнется лбом в землю, потеряв равновесие. — Позвольте представиться: Лукас Фервайт, служащий торгового дома бель Аустеров из кантона Эмберлен, что в королевстве Семи Сущностей. Я полностью к вашим услугам и невыразимо благодарен вам за помощь.

— Я Лоренцо, дон Сальвара, а это мой слуга Конте. И это *мы* всецело к вашим услугам и почтем за счастье быть вам полезными. — Каморрский аристократ поклонился ровно так, как полагалось по этикету, и подал руку для пожатия. — Я в известном смысле несу ответственность за гостеприимство Каморра, а вам здесь оказали прием далеко не гостеприимный. Прийти к вам на помощь было для меня делом чести.

Фервайт сжал протянутую руку чуть выше запястья и потряс. Хватка у него была по-детски слабая, но дон Лоренцо снисходительно отнес это на счет того, что бедняга еще не вполне оправился после встречи с грабителями. Потом Фервайт склонил голову и легко прикоснулся лбом к тыльной стороне ладони своего спа-

сителя, тем самым завершив обмен формальными знаками любезности.

— Позвольте с вами не согласиться, сударь. Вас сопровождает верный слуга, человек бывалый, судя по виду. Честь свою вы вполне могли удовлетворить, послав к нам на помощь Конте, однако же вы сами обнаружили готовность вступить в схватку. Насколько я заметил, именно вы бежали впереди, а он старался вас нагнать. Уверяю вас, я прекрасно видел все происходящее, хотя и находился в крайне неудобном положении.

Дон Сальвара небрежно отмахнулся от слов вадранца, точно от мухи.

— Просто жаль, что негодьям удалось скрыться, господин Фервайт, а значит, справедливость не восторжествовала в полной мере — за что опять-таки приношу вам извинения от имени всего Каморра.

Фервайт опустил на колени рядом с Грауманном и убрал с его лба мокрые от пота темные волосы.

— Ну как же не восторжествовала? Мне несказанно повезло остаться в живых. Всемилотивные боги хранили меня в долгом путешествии, а потом, в отчаянную минуту, послали вас ко мне на помощь. Я жив-здоров и могу спокойно заняться делом, приведшим меня в ваш город. На мой взгляд, это и есть самое настоящее торжество справедливости. — Вадранец вскинул голову и снова внимательно всмотрелся в Сальвару. — Прошу прощения, но не тот ли вы самый дон Сальвара, что владеет накоццанскими виноградниками? И не приводится ли вам супругой некая донья София, знаменитый алхимик-ботаник?

— Я действительно имею такую честь и имею такое счастье, — ответил дон Сальвара. — А вы, насколько я понял, служите в торговом доме бель Аустеров? И вероятно, имеете дело с... э-э...

— О да, именно так! Я служу тем самым бель Аустерам и занимаюсь поставкой и продажей того самого пашитка, о котором вы подумали. Поразительно, просто поразительно! Святые Сущности играют мной. Подводные Длани желают, должно быть, чтобы я умер на месте от удивления. Подумать только: вы спасаете мне жизнь, вы говорите по-вадрански, у нас с вами оказывается общий деловой интерес... Прос го невероятно!

— Да уж, поистине удивительные совпадения, и притом чрезвычайно приятные. — Дон Сальвара обвел проулок задумчивым взглядом. — Моя мать была вадранского происхождения, вот по-

По слухам, он горячая голова. Отчаянный малый. Как у вас говорится, так и ищет приключений на свою задницу. Готов идти на любой риск.

-- Пожалуй, можно сказать о нем и так.

Фервайт взволнованно облизал губы:

— Дон Лоренцо... это очень важно. Не могли бы вы... не благоволили бы вы, пользуясь своим высоким положением, устроить мне встречу с доном Джакобо? Совестно просить вас об этом, конечно, но еще совестнее будет не выполнить дело, порученное мне бель Аустерами.

Дон Сальвара улыбнулся без малейшего намека на веселость, отвернул голову и уставился на Грауманца, неподвижно лежащего в грязи. Конге уже поднялся на ноги и сейчас во все глаза глядел на своего хозяина.

— Господин Фервайт, — наконец сухо вымолвил дон, — разве вы не знаете, что Палери Джакобо — мой заклятый враг? Что мы с ним дважды сходились в поединке до крови и уже давно уладили бы наши дела раз и навсегда, не запрети нам герцог Никованте драться до смерти.

— Ох... — произнес Фервайт с оторопелым видом человека, уронившего горящий факел в огромную бочку осветительного масла. — Как неловко! Как глупо с моей стороны! Мне уже доводилось бывать в Каморре по делам, но я ни сном ни духом... Я оскорбил вас. Я обратился к вам с невыполнимой просьбой.

— Ну это как посмотреть... — проговорил Сальвара вновь потеплевшим голосом и побарабанил пальцами правой руки по эфесу рапиры. — Вы прибыли к нам по поручению бель Аустеров. У вас с собой груз, с которым вы не расстаетесь ни на минуту. У вас явно есть план, так или иначе касающийся дона Джакобо, но сначала вам необходимо получить у него аудиенцию. Правильно ли я понял, что названный господин не знает ни о вашем прибытии, ни о вашем намерении встретиться с ним?

— Я... гм... прошу прощения... по мне бы не хотелось распространяться о моем деле...

— По какому делу вы здесь, представляется совершенно очевидным, — сказал дон Сальвара, теперь уже положительно веселым тоном. — И разве несколько минут назад вы, господин Фервайт, не повторили неоднократно, что в долгу передо мной? Разве не отклонили решительнейшим образом все мои заверения в обратном? Или теперь вы отступаете от своих слов?

— Я... при всем моем желании, сударь... черт!.. — Фервайт тяжело вздохнул и стиснул кулаки. — Мне очень стыдно, дон Сальвара. Сейчас я должен либо отречься от долга благодарности перед человеком, спасшим мне жизнь, либо нарушить клятвенное обещание блюсти секретность, данное бель Аустерам.

— Ни первое, ни второе вовсе не обязательно, — возразил Лоренцо. — И возможно, я сумею помочь вам выполнить поручение ваших хозяев. Ужели вы не понимаете? Если дон Джакобо не знает о вашем прибытии, у вас нет перед ним никаких обязательств, верно? Ясно, что вы здесь по важному делу. У вас есть какой-то план, какой-то расчет, какое-то торговое предложение. Вы определенно собираетесь затеять некое новое предприятие, иначе у вас уже имелись бы налаженные деловые связи в Каморре. Не браните себя, господин Фервайт, вы ни словом не проболтались. Я просто рассуждаю логически. И ведь я прав, да?

Фервайт потупил взор и неохотно кивнул.

— Ага! В таком случае скажу вам следующее. Хотя я и не столь богат, как дон Джакобо, но все же располагаю значительными средствами, и у нас с вами взаимодополняющие деловые интересы, так? Отобедайте со мной завтра на моей барке, в Плавучем цирке. Сделайте свое предложение *мне*, и мы с вами все обстоятельно обсудим. — В глазах дон Сальвары плясали злорадные огоньки, явственно различимые даже при ярком свете полуденного солнца. — Раз уж вы в долгу передо мной, оплатите мне всего-навсего своим согласиен посетить меня завтра. А потом, уже свободные от всяких обязательств друг перед другом, мы договоримся о взаимовыгодных условиях. Как вы прекрасно понимаете, я кровно заинтересован в том, чтобы перехватить у Джакобо многообещающую сделку, даже если он никогда об этом не узнает. *Тем паче* если он никогда об этом не узнает! Или я недостаточно решителен, на ваш взгляд? Могу поклясться, лицо у вас вдруг вытянулось, будто по волшебству. Что такое? Что не так?

— О, вы здесь совершенно ни при чем, дон Лоренцо. Просто Подводные Длани опять невесть почему явили мне безмерную милость. У нас, вадранцев, есть пословица: незаслуженное счастье чревато опасностью.

— Не берите в голову, господин Фервайт. Если вы готовы обсудить со мной понстине стоящее дело, нам с вами еще предстоит изрядно потрудиться и решить множество сложных вопросов.

Так мы условились? Вы отобедаете со мной завтра в Плавучем цирке? И мы все толком обговорим?

Фервайт, сглотнув, посмотрел прямо в глаза дону Сальваре и решительно кивнул:

— Ваше предложение звучит весьма разумно. И обещает большую выгоду для нас обоих. Я принимаю ваше приглашение и готов посвятить вас в дело. Значит, завтра? С нетерпением буду ждать нашей встречи.

— Было очень приятно с вами познакомиться, господин Фервайт. — Дон Сальвара учтиво наклонил голову. — А теперь позвольте нам поднять вашего друга из грязи и проводить вас до гостиницы, дабы удостовериться, что вы добрались без дальнейших злоключений.

— Я с радостью воспользуюсь вашей великодушной услугой, если только вы немного подождете — приглядите за бедным Грауманном и моим грузом, — пока я схожу в храм, чтобы сделать приношение. — Локк вытащил объемистый кожаный кошелек из поклажи, навьюченной на лошадь. Пожертвование будет более щедрым, нежели предполагалось поначалу. Но мои хозяева хорошо понимают, что в нашем деле благодарственные приношения богам суть неизбежная статья расходов.

7

Обратный путь до гостиницы «Фрегат» занял много времени, ибо Жан еле тащился, с успехом изображая головокружение, телесные страдания и легкое затмение ума. Если кто-то из прохожих и испытывал удивление при виде двух перепачканных в грязи, не по погоде наряженных чужеземцев в сопровождении каморрского аристократа, его слуги и трех лошадей, то чувства свои они никак не выражали и лишь оглядывались вослед странной компании. По дороге эти четверо встретились с Кало, теперь одетым простым рабочим. Он подал руками череду быстрых, незаметных знаков: мол, Клоп бесследно пропал, буду ждать его в условленном месте и молиться, чтоб все обошлось.

— Лукас! Глазам своим не верю! Лукас Фервайт собственной персоной!

Едва Кало растворился в толпе, как перед ними возник Галдо, облаченный в яркие шелка и атласы: ни дать ни взять преуспева-

ющий каморрский купец. Один его роскошный сборчатый дублет с разрезными рукавами стоил не меньше, чем барка, в которой Благородные Канальи плыли по реке сегодня утром. Сейчас, с открытым лицом и тщательно зализанными волосами под круглой шапочкой, он несколько не походил на головореза, с которым дон Сальвара и Конте столкнулись немногим ранее в глухом проулке. Поигрывая лакированной тросточкой и широко улыбаясь, он приблизился к ним.

— Ба, да это ж Эванте! — воскликнул Локк Фервайт и застыл как вкопанный, с притворным изумлением вытаращив глаза. Потом протянул руку и обменялся с Галдо кренким рукопожатием. — Какой приятный сюрприз!

— Да уж, Лукас, поистине приятный. Но что с тобой стряслось, скажи на милость? И с тобой. Граумани? Выглядите вы оба так, будто ввязались в большую драку и проиграли.

— Ты недалеко от истины. — Локк потер глаза под очками. — Ох, ну и утречко выдалось у меня сегодня, Эванте! Мы с Грау уже и с жизнью распростились бы, наверное, если бы не наш замечательный провожатый. — Локк повел рукой в сторону аристократа. — Господин Сальвара, позвольте представить вам Эванте Эккари,стряпчего из Рацоны. Эванте, перед тобой дон Лоренцо Сальвара. Владелец накощанских виноградников — если ты все еще интересуешься теми землями.

— Боги милостивые! — Галдо сдернул с головы шапочку и поклонился в пояс. — Благородный дон. Как же я вас сразу не узнал, сударь! Тысяча извинений. Эванте Эккари, полностью к вашим услугам.

— Очень приятно, господин Эккари. — Дон Сальвара поклонился с надлежащей учтивостью, хотя и несколько небрежно, а потом шагнул вперед и пожал руку мнимому стряпчему, таким образом давая понять, что в дальнейших поклонах и расшаркиваниях нет нужды. — Так, значит, вы знакомы с господином Фервайтом?

— О, мы с Лукасом уже давно знаем, сударь. — Галдо суетливо отряхнул засохшую грязь с рукава черного камзола Локка. — Я работаю с банкирским домом Мераджо, занимаюсь преимущественно таможенными пошлинами и трудовыми разрешениями для наших северных друзей. Лукас — один из лучших служащих бель Аустеров, блестящего ума человек.

— Ты мне льстишь. — Локк каплянул и смущенно улыбнулся. — Эванте великолепно знает все важнейшие законы и постановления вашего государства и весьма доходчиво перелагает их на теринский. Он уже не раз оказывал мне поистине неоценимую помощь в моих торговых делах здесь. Похоже, у меня дар находить неприятности в Каморре — и дар находить добрых каморрцев, выручающих меня из передряг.

— Не многие клиенты отозвались бы о моей работе в столь похвальных выражениях, Лукас. Но что же все-таки стряслось? Почему вы с Грауманном все в грязи и синяках? Ты говоришь, на вас напали?

— Да. В вашем городе водятся очень... гм... предприимчивые грабители. Дон Сальвара и его слуга недавно обратили в бегство двоих из них. Боюсь, мы с Грауманном не сумели оказать достойного сопротивления негодяям.

Галдо подошел к Жану и дружески похлопал по спине. Здоровяк страдальчески скривился, проявив недюжинные актерские способности.

— Позвольте выразить восхищение вашим поступком, дон Сальвара! Лукас человек, каких мало, — так сказать, высшей пробы человек, — пускай у него и не хватает ума сменить свой дурацкий зимний наряд на платье полегче. Я глубоко обязан вам за то, что вы сделали, и...

— Полноте, сударь, полноте. — Дон Сальвара вскинул ладонь, а другую руку заложил за пояс. — Я сделал всего лишь то, чего требовала моя честь. А изъявлений признательности я получил сегодня уже с избытком.

Дон Лоренцо и «господин Эккари» еще пару минут обменивались изысканными любезностями. В конце концов Галдо вял наивежливейшей из всех возможных версии фразы «Спасибо, но отвяжись уже от меня, а?» и с сокрушенным вздохом промолвил:

— Что ж, я безмерно рад был с вами встретиться, сударь, но, к сожалению, меня ждет клиент. Да и у вас с Лукасом определено какие-то дела, от которых мне не следует отвлекать вас. С вашего позволения...

— Конечно, конечно. Приятно было познакомиться, господин Эккари.

— А уж как мне приятно, сударь! Лукас, если у тебя выдастся свободный часок, ты знаешь, где меня найти. И если вдруг воз-

никнет надобность в моих скромных умениях, я всегда к твоим услугам...

— Разумеется, Эванте! — Локк обеими руками схватил правую руку Галдо и с воодушевлением потряс. — Полагаю, рано или поздно нам придется обратиться к тебе за помощью.

Он приложил палец к носу сбоку, и Галдо кивнул. Затем последовал общий обмен поклонами, рукопожатиями и прочими прощальными любезностями. Напоследок Галдо подал товарищам несколько условных знаков, так и этак поправив шапочку на голове: мол, о Клопе ничего не знаю; отправляюсь на поиски.

Дон Сальвара проводил мнимого стряпчего задумчивым взглядом, потом вновь повернулся к Локку, и маленькая компания продолжила путь к гостинице «Фрегат». Светская беседа сама собой сошла на нет. Локк - Фервайт без труда изобразил, как радость от встречи с «Эккари» постепенно угасает в нем. Вскоре он являл собою воплощенное уныние, каковое свое настроение объяснил головной болью, разыгравшейся вследствие долгого удушья от удавки. В цитрусовом саду перед гостиницей дон Сальвара и Конте распрощались с двумя Благородными Канальями, настоятельно посоветовав обоим хорошенько отоспаться и отложить все дела до завтра.

Как только Локк и Жан (несший на плечах выюки с «ценным товаром») оказались в своем номере, они мигом скинули измазанные в грязи богатые наряды, надели простое неприметное платье и поспешили к условленному месту встречи, чтобы там ждать известий о Клопе (если таковые вообще появятся).

На сей раз никто из них не заметил странной черной тени, которая бесшумно следовала за ними, стремительно перелетая с крыши на крышу.

8

Лжесвет постепенно угасал. Насыщенный болотным туманом Ветер Палача пронизывал влагой одежду, неприятно липнущую к телу, и не рассеивал, а, казалось, напротив, стущал серые клубы табачного дыма, окутывавшие Кало и Галдо. Близнецы в низко надвинутых капюшонах сидели, обливаясь потом, в глубокой дверной нише одной из ссудных лавок на севере Старокрепостного квартала. Ломбард был уже заперт на ночь — засовы заложены.

ставни закрыты, — и семья владельца, по всей видимости, предавалась веселым возлияниям двумя этажами выше.

— Первый шаг удался, я считаю, — сказал Кало.

-- Ага, что верно, то верно.

— Лучшее наше выступление. Нам ведь с тобой обличье изменить ой как непросто, таким видным красавцам.

— Признаться, я не думал, что ты и меня держишь за красавца.

— Брось, не умаляй свои достоинства. Внешне ты ничем мне не уступаешь. Чего тебе не хватает, так это моих способностей к наукам. И моего беспечного бесстрашия. И моего дара обошления женщин.

— Если ты говоришь о легкости, с которой швыряешься деньгами во время гулянок с девками, то ты прав, конечно. Для каморрских шлюх ты щедрейший благотворитель и жертвователь.

— Зря ты так, — насунился Кало.

— Твоя правда — зря. — Несколько секунд близнецы молчали. — Извини. Просто на душе мутно. Как подумаю о мальце, так под ложечкой холодеет. Видал, что творится на улицах?

— Ага. Усиленные патрули. Все злые как черти. Свистят беспрерывно. Интересно знать, что там Клоп выкинул и почему.

Вероятно, у него были свои причины. Если первый шаг у нас и впрямь удался, так только благодаря мальчишке. Надеюсь, он жив-здоров, и мы сможем со спокойной совестью задать ему взбучку.

В слабо подсвеченном тумане неясными тенями проплывали редкие прохожие. На Старокрепостном острове почти не было Древнего стекла, поэтому бледное сияние лилось издалека. Откуда-то с юга донесся приближающийся стук копыт.

Локк сейчас, несомненно, затаился где-то около Дворца Терпения и пристально следит за патрульными стражниками, спущенными взад-вперед по Черному мосту: не ведут ли они знакомого маленького пленника или не тащат ли знакомое маленькое тело. А Жан наверняка ждет в другом условленном месте, взволнованно ходит взад-вперед, хрустя пальцами. В храм Переландро Клоп сегодня точно не вернется и к гостинице «Фрегат» близко не сунется. Старшим Благородным Канальям остается ждать его на улице, в парной духоте каморрской ночи.

Загрохотали деревянные колеса, раздраженно всхрапнула лошадь. Едва различимая в тумане повозка со скрипом остановилась футах в двадцати от братьев Санца.

— Авендандо? — раздался громкий, но неуверенный голос.

Кало и Галдо разом вскочили на ноги — имя Авендандо служило тайным сигналом, оповещающим о непредусмотренной встрече.

— Здесь я! — крикнул Кало, бросив окурок и забыв притоптывать.

Из тумана возник плешивый бородатый мужик, с мощными ручищами мастерового и солидным брюшком горожанина среднего достатка.

— Я не шибко понимаю в ваших делах, — пророкотал незнакомец, — но если один из вас Авендандо, то мне было обещано, что я получу десять солонов, коли доставлю к этому ломбарду вон ту бочку. — Он ткнул большим пальцем в сторону телеги.

— Бочка! Ну да! — С колотящимся сердцем Галдо полез за кошельком. — А что в бочке-то?

— Не вино, — ответил мужик. — И не самый вежливый на свете мальчишка. Но он мне посулил десять серебряков.

— Конечно, конечно. — Галдо быстро отсчитал в ладонь мастерового блестящие монеты. — Вот десять за бочку. И еще одна за то, чтобы вы напрочь забыли о нашей встрече. Лады?

— Черт, совсем башка дырявая стала: уже и не помню, за что вы мне платите.

— Вот и славно.

Галдо сунул кошелек обратно под плащ и поспешил на помощь брату, который забрался на телегу и стоял над средних размеров деревянной бочкой. Затычка в крышке отсутствовала, и через маленькое круглое отверстие внутрь поступал воздух. Кало трижды стукнул по крышке, и в ответ изнутри послышалось три слабых удара. Радостно ухмыляясь, близнецы Санца сгрузили бочку на землю и кивнули возчику на прощанье. Мужик уселся на передок телеги и, весело насвистывая, укатил в темноту; в кармане у него позвякивали монеты на общую сумму, двадцатикратно превосходившую продажную стоимость бочки.

— Сдается мне, это вино еще слишком молодое и резкое, чтобы разливать по бутылкам. — сказал Кало, когда они откатили бочку к своему укрытию в дверной нише.

— Выдержать, что ли, в погребе еще лет пятьдесят-шестьдесят?

— Я думал просто в реку вылить.

— Вот как? — Галдо побарабанил пальцами по бочке. — Чем же река заслужила такое наказание?

Из бочки донеслись невнятные звуки протеста. Оба брата наклонились к отверстию в крышке.

— Я уверен, Клоп, — начал Кало, — что ты в состоянии удовлетворительно объяснить, почему ты сидишь там в бочке, а мы торчим здесь на улице, сходя с ума от тревоги за тебя.

— Объясню все в лучшем виде. — Голос Клопа звучал сишло и гулко. — Останетесь довольны. Только сперва скажите, как все прошло?

Просто великолепно. — ответил Галдо.

— Через три недели, самое большее, мы приберем к рукам все состояние Сальвары, вплоть до последних шелковых панталон его супружницы, — добавил Кало.

Мальчик испустил стон облегчения:

— Здорово! А со мной вот какая история приключилась: гляжу, по улице топает целая толпа желтокурточников, напрямик к вашему переулку. Я их отвлек, само собой, да таким манером, что они люто разозлились и погнались за мной. А я, значит, помчался во все лопатки в Старокрепостной квартал, к знакомому бондарю. Он ведет дела с винодельнями выше по реке, и у него во дворе полно пустых бочек. Ну, я запрыгнул в одну из них и сказал, мол, если он разрешит мне посидеть в ней, а после Лжесвета доставит меня сюда, то заработает восемь солонов.

— Восемь? — Кало поскреб подбородок. — Этот пройдоха запросил десять, а получил одиннадцать.

— Ну... ничего страшного. Клоп кашлянул. — Когда мне совсем наскучило сидеть без дела в тесноте и темноте, я тихонько выбрался и стянул у него кошелек. Там на два солона медяков. Получается, часть денег мы вернули.

— Я уже собирался посочувствовать тебе, бедному, полдня протрчавшему в бочке, — сказал Галдо. — А тебя, болвана, следует хорошенько отругать за дурость.

— Да ладно тебе! — В голосе Клопа послышалась обида. — Мужик-то уверен, что я все время просидел в бочке, а потому на меня ну никак не подумает. А ты сейчас отвалил ему кучу денег, так что и тебя он всяко подозревать не станет. Все отлично вышло. Локк наверняка оценит мою проделку.

— Клоп, — сурово промолвил Кало, — Локк нам как брат, и наша любовь к нему безгранична. Но самые роковые слова из всех, существующих на теринском наречии, — это «Локк наверняка оценит мою проделку».

— Соперничать с ними могут лишь слова «Локк научил меня новому трюку».

— Ибо единственный на свете человек, которому сходят с рук фокусы, измышленные Локком Ламорой...

— ...это сам Локк Ламора...

— ...поскольку, по нашему мнению, боги приберегают его для какой-нибудь поистине впечатляющей смерти. С дыбой, клещами и раскаленным железом...

— ...и многотысячной толпой улюлюкающих зрителей.

Братья одновременно кашлянули.

— Ну, как бы там ни было, — после долгой паузы проговорил Клоп, — кошелек я стянул и мне все сошло с рук. Может, теперь уже домой двинемся?

— Домой, — задумчиво повторил Кало. — А и пожалуй. Локк с Жаном будут рыдать от счастья, как любящие бабульки, когда увидят тебя живым-здоровым.

— Думаю, вылезать тебе не стоит, — сказал Галдо. — Пожги у тебя небось совсем одеревенели, и шаг ступить не сможешь.

— Так и есть! — жалобно проскулил мальчишка. — Но вам нет нужды тащить меня на руках всю дорогу..

— Золотые твои слова, Клоп. Ты прав, как никогда.

Галдо встал с одной стороны бочки и кивнул брату. В унисон насвистывая, близнецы покатали бочку по булыжной мостовой, и нельзя сказать, что они выбрали самый короткий или самый ровный путь до Храмового квартала.

Интерлюдия ЛОКК ОБЪЯСНЯЕТ

— Это случайно вышло, — наконец заговорил Локк. — Оба раза случайно.

Прошу прощения? Должно быть, я ослышался. — Отец Цеппи сузил глаза и уставился на Локка, тускло освещенного красным огоньком маленькой глиняной лампы. — Могу поклясться, ты сейчас сказал: «Швырните меня через парапет, пожалуйста. Я ничемный маленький засранец и готов умереть сию же минуту».

Цеппи пожелал продолжить беседу с Локком на крыше храма, где они удобно расположились под высоким парапетом, который должны были бы увивать декоративные растения. Давно запущенный висячий сад храма Переландро служил дополнительным и весьма существенным штрихом к жертвенной трагедии Безглазого священника: еще одна деталь общей декорации, призванная вызывать сострадание, измеряемое в звонкой монете.

По небу ползли плотные низкие облака, бледно подсвеченные разноцветными огнями Каморра, и ни звезд, ни луи не было видно. Ветер Палача обтекал вялыми душными струями священника и Локка, сейчас торопливо пытавшегося пояснить свои слова.

— Нет, нет! Я просто хотел навредить им, вот и все. Я же не знал... не думал, что так получится.

— Положим, в это я почти готов поверить. — Цеппи легко постучал пальцем правой руки по ладони левой, каковой жест у каморрских купцов означал «ближе к делу». — Давай-ка по порядку. Это мое «почти» — главная твоя беда. Объясни мне все внятно и толково, а начни с первого мальчика.

— Веслин. — прошептал Локк. — Еще Гретор, но Веслин первый.

— Ага, Веслин, — кивнул Цеппи. — Бедняге перерезал глотку не кто иной, как твой бывший хозяин. Старикуну пришлось купить

у каны акулий зуб и использовать оный по назначению. С чего вдруг?

— Ну, некоторые старшие мальчики и девочки из наших перестали выходить на работу. — Локк уставился на свои тесно сплетенные пальцы, словно ожидая от них подсказки. — Они просто забирали у нас всю добычу, когда мы возвращались из города, все до последней мелочи вытрясали. И отчитывались за нас перед Наставником, но кое-какие вещи к рукам прибирали.

— Все правильно, — кивнул Цепни. — Привилегия старших по возрасту, более сильных, более искушенных в подхалимстве. Если останешься в живых после сегодняшнего нашего разговора, то скоро поймешь, что это обычное дело почти во всех крупных шайках. Почти во всех.

— И там был один парень, Веслин. Он не только забирал у нас всю добычу, а еще и бил больно, отнимал всякую одежду, какая приглянется, заставлял работать за него по хозяйству. Он часто отдавал хозяину меньше половины того, что мы приносили, а вещи, которые присваивал, потом дарил старшим девочкам из домушников. И все мы из-за него получали меньше еды, особенно заманухи. Маленькие руки Локка расцвели и медленно сжались в кулаки. — А когда мы пытались пожаловаться хозяину, он просто смеялся, как будто без нас все знал и потешался над нами. А Веслин после каждой нашей жалобы... вообще как с цепи срывался.

Цепни кивнул и снова постучал пальцем по ладоши.

— Я думал, как нам быть. Много думал. Ни один из нас не мог дать Веслину отпор, он был гораздо старше и сильнее. Ни у кого из нас не было на холме старших, сильных друзей. А если б мы набросились на Веслина всем скопом, к нему на подмогу прибежали бы все его друзья, и нам бы не поздоровилось... Каждый день Веслин выходил в город с одним из своих товарищей, и они поблизости от нас отирались. Работать не мешали, но наблюдали за нами, понимаете? И Веслин постоянно говорил разные гадости. — Тонкие губы Локка искривились в злобном оскале, который выглядел бы комично на лице другого ребенка, не такого грязного, не такого тощего и изможденного. Сейчас мальчик походил на костлявую горгулью, приготовившуюся к прыжку. — Говорил гадости, когда мы домой возвращались. Мол, и неуклюжие мы, и ленивые, и добычи мало приносим. И опять бил нас, опять обижал по-всякому, опять обкрадывал. А я все ломал голову, что же нам делать.

— А идея, стоившая Веслину жизни? — спросил Цеппи. — Ты сам до нее додумался?

— Ага, — с живостью кивнул мальчик. — Со мной рядом никого из наших не было, когда меня осенило. Я увидел патрульных желтокурточников и подумал... подумал, вот у них дубинки, мечи... А что, если бы *они* поколотили Веслина? Что, если бы разозлились на него за что-нибудь? — Локк перевел дыхание и продолжал: Потом я стал думать дальше, но так и не сумел сообразить, как бы такое устроить. И тогда я подумал: ну ладно, пускай сами стражники на Веслина не разозлятся — но может, получится сделать так, чтобы из-за них на Веслина разозлился хозяин?

Цеппи понимающе кивнул.

— И где же ты раздобыл беложелезную монету?

Локк вздохнул:

— Так в городе и раздобыл. Все мы, кто имел зуб на Веслина, воровали сверх положенного. Смотрели в оба, обчищали карманы у господ поважнее, старались изо всех сил. Несколько недель работали без усталости. Целую вечность! Мне позарез нужна была беложелезная монета, и наконец я украл одну у толстяка во всем черном. В смешном таком суконном камзоле и дурацком галстуке.

— Вадранец. — Цеппи выглядел удивленным, даже озадаченным. — Вероятно, купец, прибывший в Каморр по торговым делам. Они слишком высокомерны, чтобы сразу нереодеться по погоде, а порой просто слишком скаредны, чтобы заказать платье у местного портного. Значит, ты раздобыл беложелезную монету. Полную крону.

— Ага. Всем хотелось взглянуть на нее, в руках подержать. Я позволил, но взял с ребят обещание держать язык за зубами. Сказал, мол, если будете помалкивать, мы сумеем поквитаться с Веслином.

— И что же ты сделал с монетой?

— Положил в кошелек, в маленький кожаный кошелек, какие мы постоянно крали. А кошелек спрятал в городе, чтоб не отобразили. В одном надежном месте, о котором старшие не знали. Через несколько дней, когда Веслин со своими приятелями был в городе, я вернулся на холм пораньше. Медяки и хлеб я отдал проверяющим девчонкам, а беложелезная монета была у меня в башмаке спрятана. — Локк нерешительно умолк, повертел в руках маленькую лампу, и красные блики заплясали у него на лице. — В общем, я подбросил монету в комнату Веслина — где они с Грегором ночевали. Хороший сухой склеп, в самой середине холма. Я выковы-

рлял из пола камень, который плохо держался, и спрятал под ним кошелек. А потом, когда убедился, что меня никто не видел, попросил разрешения поговорить с хозяином. Я сказал, что мы видели Веслина около одного сторожевого поста. Что он там брал деньги у желтокурточников, а потом похвастался перед нами монетой и пригрозился сдать нас властям, если мы донесем на него Наставнику.

— Поразительно. — Цеппи поскреб в бороде. — Ты не замечал, что перестаешь мямлить и заикаться, когда начинаешь рассказывать, как обмишулил кого-нибудь?

Локк недоуменно моргнул, потом вскинул подбородок и настороженно уставился на священника. Тот рассмеялся:

— Это не укор, сынок, и я вовсе не хотел остановить поток твоего красноречия. Продолжай свой рассказ. Откуда ты знал, что хозяин рассердился? Желтокурточники когда-нибудь предлагали деньги тебе или твоим друзьям?

— Нет. Зато я точно знал, что *хозяин* дает деньги желтокурточникам. За услуги там разные, за сведения. Мы не раз видели, как он раскладывает монеты по кошелькам. Потому мне и пришло в голову не стражников натравить на Веслина, а хозяина.

— Понятно.

Порывшись в складках рясы, Цеппи достал плоскую кожаную коробочку, в красноватом полумраке имевшую цвет обожженного кирпича. Оттуда он вытащил полоску бумаги, насыпал на нее из другого угла коробочки немного темного порошка, потом ловко свернул самокрутку и с аристократическим изяществом прикурил от лампы. Призрачные серые клубы дыма поплыли к призрачным серым облакам; в воздухе разлился запах горячей сосновой смолы.

— Извини. — Цеппи передвинулся немного вправо, чтобы выдыхаемый дым не попадал на мальчика. — Позволяю себе всего две сигарки за вечер. С крепким табаком — перед ужином и со слабым — после.

— Так я останусь на ужин?

— Ах ты, нахальный маленький двурюшник! Скажем так, в настоящую минуту ситуация остается неопределенной. Давай досказывай свою историю. Ты сообщил хозяину, что Веслин работает тайным осведомителем в знаменитой охранной службе Каморра. Старик, надо полагать, пришел в бешенство.

— Ага. Сказал, что убьет меня, если я вру. — Локк тоже передвинулся вправо, подальше от дыма. — Но я сказал, что Веслин схоронил монету в своей комнате... то есть своей и Грегоровой.

И хозяин там настоящий погром учинил. Я спрятал монету очень хорошо, но в конце концов он ее нашел, как и следовало ожидать.

— Хм... Ну и как ты представлял себе дальнейшие события?

— Я не думал, что хозяин убьет их! — В возбужденном голосе мальчика Цеппи не услышал ни малейшей печали, лишь удивление и досаду. — Я думал, он как-нибудь накажет Веслина при всех. Мы же почти всегда ужинали вместе, всем братством. И обычно провинившиеся развлекали нас по-всякому... или прислуживали, а потом все за нами убирали. Иногда получали порку. Пили имбирное масло. Я думал, Веслину грозит что-нибудь такое. Или все сразу.

— Ну что ж... — Отведя глаза от мальчика, Цеппи глубоко затянулся и на несколько долгих секунд задержал дым в легких, словно так думалось яснее и соображалось лучше. Наконец он выпустил череду дрожащих дымных колечек, которые проплыли в воздухе несколько футов и растаяли в тонком ночном тумане. Потом громко хмыкнул и опять взглянул на Локка. — Что ж, теперь ты понял, куда ведут благие намерения, верно? Порка. Обслуживание и уборка. Хе-хе. Бедного Веслина знатно обслужили и убрали. И как же твой бывший хозяин сделал это?

Он ушел с холма на пару часов, а когда вернулся — стал ждать в комнате Веслина. Когда позже вечером Веслин с Грегором возвратились из города, их сразу окружили старшие мальчики, так что убежать они уже никак не могли. А потом... хозяин просто убил обоих. Перерезал горло Веслину, и... ребята рассказывали, он повернулся к Грегору и долго-долго смотрел на него, смотрел и ничего не говорил, а потом... — Локк чиркнул двумя пальцами по горлу, как немногим ранее делал Цеппи. Потом он прикончил и Грегора тоже.

— Оно и понятно! Бедный Грегор. Грегор Фосс, кажется? Один из счастливчиков, осиротевших в достаточно сознательном возрасте, чтобы уже помнить свою фамилию. Вроде тебя. Разумеется, твой хозяин и Грегора прикончил. Они же с Веслином были закадычные друзья. Не разлей вода, как говорится. Если один из них прячет под камнем целое состояние, естественно предположить, что другой об этом знает. — Цеппи вздохнул и потер глаза. — Все проще простого. Ну ладно, а теперь, когда ты завершил свой рассказ, позволь мне объяснить, где именно ты дал маху и почему твои маленькие друзья из уличников, помогавшие тебе, не доживут до рассвета.

Глава 2

ВТОРОЙ ШАГ И АКУЛЬИ БОИ

1

Праздник день, одиннадцатый час утра, Плавающий цирк. Ослепительно-белое солнце, подобное объятому пламенем алмазу, снова вершило свой огненный путь в безоблачном небе, изливая жгучий зной. Локк, облаченный в платье и манеры Лукаса Фервайта, стоял под шелковым навесом на прогулочной барке дона Сальвары и наблюдал, как собираются зрители и участники представления.

На плоту неподалеку выступала труппа танцоров с веревками. Четверо человек стояли по углам своего плавучего помоста на расстоянии футов пятнадцати друг от друга, и разноцветные шелковые шнуры, обвязанные у них вокруг кистей, груди, шеи и соединяющие каждого со всеми остальными партнерами, образовывали затейливые перекрестные узоры, как в детской игре в ниточку. Каждый танцор, казалось, работал сразу с четырьмя или пятью шнурами одновременно. В паутине шнуров, на хитроумных скользящих креплениях, висели всевозможные предметы — мечи, кинжалы, плащи, сапоги, стеклянные статуэтки, блестящие безделушки, — и все они медленно и непрерывно двигались в разных направлениях, в то время как танцоры плавно вращали руками, грациозно покачивались и переступали ногами, расплетая старые узоры и сплетая новые.

Восхитительное, но далеко не самое чудесное зрелище на реке, полной чудес, не последним из которых являлась прогулочная барка дона и доньи Сальвара. Многие аристократы переносили декоративные растения в горшках из своих садов на барки и обратно, но супруги Сальвара первыми пошли дальше. Их прогулочное судно представляло собой постоянный плавучий сад. Проч-

ный деревянный корпус барки — прямоугольный, шагов пятьдесят в длину и двадцать в ширину — был наполнен землей, дававшей питание дюжине дубов и олив. Одинаковые густо-черные стволы деревьев и роскошные изумрудно-зеленые кроны с блестящими как лакированные крупными листьями наглядно свидетельствовали о замечательных достижениях алхимической ботаники.

Вокруг нескольких деревьев спиралью обвивались лестницы, испещренные сквозными тенями листьев; все они вели в расположенную среди ветвей смотровую беседку с шелковым навесом, откуда открывался прекрасный вид. С одной и с другой стороны от этого великоленного плавучего сада, на длинных, тяжелых выносных скамьях, значительно повышающих остойчивость судна, сидело по двадцать наемных гребцов.

В смотровой беседке, рассчитанной на двадцать человек, нынче утром находились лишь Локк и Жан, дон и донья да вечно бдительный Конте, который сейчас заправлял у затейливо устроенного питейного шкафа, больше напоминавшего аптекарскую лабораторию. Локк вновь устремил задумчивый взгляд на «веревочных» танцоров, чувствуя странное сродство с ними. Не одни они сегодня утром одним неосторожным шагом могли загубить искусное представление.

— Госнодин Фервайт, ваше платье! — Донья София Сальвара встала рядом с Локком у передней ограды беседки, положив ладони на поручень всего в паре дюймов от его рук. — Вы выглядели бы прекрасно зимой в Эмберлене, но зачем же носить такой наряд летом в Каморре? Вы в нем сомлеете и раскраснеетесь, как роза! Почему бы вам не снять хотя бы камзол?

О... уверяю вас, сударыня... я вполне хорошо себя чувствую.

Милостивые Тринадцать, да она с ним заигрывает! Легкая улыбка, скользнувшая по лицу доня Сальвары, говорила о том, что супруги заранее условились, как донье Софии держаться с гостем. Немного женского внимания, чтобы взволновать и смутить неуклюжего торговца. Превосходная уловка — и старая как мир. Проба сил перед решительной схваткой, так сказать.

— Какое бы неудобство ни доставляла мне моя одежда в вашем... весьма необычном климате, я нахожу, что оно служит мне лишь на пользу. Не позволяет ни на минуту забывать о деле. Не дает расслабиться, знаете ли, потерять деловой нюх.

Стоявший неподалеку Жан вовремя прикусил язык. Нанусть на Локка Ламору белокурых женщин — все равно что пытаться скормить акуле салатные листья, а донья София ну очень

белокура — одна из редких уроженок Терина, наделенных кожей цвета каленого янтаря и волосами цвета миндального масла. Глаза у нее глубокие и пронизательные; соблазнительные изгибы тела искусно подчеркиваются кроем темно-оранжевого открытого платья, из-под подола которого чуть выглядывает нежно-кремовая нижняя юбка. Что ж, супругам Сальвара просто не повезло наткнуться на вора, имеющего чертовски странные предпочтения по части женского пола. Впрочем, Жан готов восхищаться доньей за них обоих, ибо в силу сегодняшней своей незначительной роли, да и полученных накануне «телесных повреждений», он все равно лишен возможности заняться чем-нибудь иным.

— У господина Фервайта железный характер, моя дорогая. — Дон Лоренцо стоял в ленивой позе у ограды поодаль от них — в просторных белых шелках, темно-оранжевом безрукавном дублете, застегнутом только на нижнюю застежку, и белом шейном платке с небрежно распущенными концами. — Вчера он подвергся жестокому нападению, а сегодня бросает вызов каморрскому солнцу, нарядившись в одежды, на изготовление которых пошло столько шерсти, что и на пять камзолов хватило бы. Должен сказать, Лукас, я все больше и больше радуюсь, что перехватил вас у Джакобо.

Локк поблагодарил молодого аристократа за лестные слова легким поклоном и смущенной улыбкой.

— Ну, по крайней мере, выйдите чего-нибудь, господин Фервайт.

Донья София положила ладонь на руку Локка, буквально на мгновение, но он успел ощутить жесткие мозоли и рубцы от химических ожогов, которые не скрыть никакими ухищрениями. Значит, она и впрямь самый что ни на есть настоящий алхимик-ботаник и этот великолепный плавучий сад является не только плодом ее замысла, но и непосредственным творением ее рук. Столь незаурядные способности предполагают холодный, расчетливый ум. Лоренцо определенно человек горячий и порывистый, но, будучи еще и человеком явно неглупым, он наверняка прислушается к мнению жены, прежде чем соглашаться на какие-либо предложения Лукаса Фервайта. Посему Локк застенчиво улыбнулся донье Софии и неловко кашлянул. Пускай она думает, что ее чары на него действуют.

— Я бы с превеликим удовольствием, любезная донья София, — сказал он, — когда бы мог вам поручиться, что не захмеваю. Я не в первый раз в Каморре по торговым надобностям и хорошо знаю, как у вас здесь пьют в ходе деловых переговоров.

— Утро для потения, ночь для сожаления, — проговорил дон Сальвара, отступая от ограды и подавая знак слуге. — Конте, сдастся мне, наш гость сейчас заказал не что иное, как «имбирный огонь».

Конте споровисто принялся за дело: выбрал узкий хрустальный бокал, налил в него на два пальца чистейшего имбирного масла цвета прокаленной корицы, потом щедро плеснул мутно-белого грушевого бренди, а затем добавил прозрачного крепкого ликера под названием «адженто», который на самом деле был не ликером в подлинном смысле слова, а кулинарным вином, настоящим на редисе. Далее Конте обернул левую руку мокрой салфеткой, а правой вытащил из закрытой тлеющей жаровни, стоявшей рядом с питейным шкафом, тонкий железный пруток с докрасна раскаленным кончиком. Пруток этот он на секунду сунул в бокал — раздалось громкое шипение, выхнуло облачко пряного пара, — после чего взболтал напиток тремя резкими движениями и подал гостю на тонком серебряном блюдечке.

В своей жизни Локку неоднократно приходилось участвовать в подобных ритуалах, но всякий раз, когда «имбирный огонь» опалял его губы и десны язвляющим холодным жаром (еще даже прежде, чем обжигал язык и горло), он невольно вспоминал Сумеречный холм и жестокие уроки Воровского наставника; вспоминал жидкий пламень, словно бы проникавший в носовые пазухи и горевший за глазами яблоками столь жарко, что их хотелось вырвать. Достоверно изобразить не самые приятные ощущения от первого глотка «имбирного огня» было гораздо проще, чем изображать интерес к донье.

— Бесподобно... — Локк закашлялся и легонько подергал за черный шейный платок, чтобы чуть-чуть ослабить; супруги Сальвара очаровательно улыбнулись. — Я в очередной раз вспомнил, почему моя торговля более слабыми напитками идет в Каморре столь успешно.

2

Один день в месяц — каждый четвертый Праздный день — Плавучий рынок превращался в Плавучий цирк. Торговые суда не заходили в огромный круглый водосм, примыкающий к Анжевине, но стояли на якоре или лежали в дрейфе поблизости от

него, в то время как добрая половина города собиралась там на представление.

В Каморре никогда не было большого каменного или стеклянного амфитеатра, поэтому здесь сложилась необычная традиция сооружать его плавучее подобие раз в месяц. В заводь заходили громадные многоярусные барки на буксирной тяге и надежно причаливались к каменным волнорезам. Всякая такая барка, подобная вырезанной из стадиона трибуне, обслуживалась отдельной семьей или сборной купеческой командой, одетыми каждая в свое форменное платье. Все они яростно боролись за зрителей, да и между постоянными зрителями нередко вспыхивали шумные споры за места на излюбленных «трибунах».

Выстроенные должным порядком, многоярусные барки занимали примерно половину окружности Плавучего рынка. Для судов, заплывающих в заводь, оставлялся узкий проход, а на другой стороне водоема становились полукругом прогулочные барки знати, которых обычно насчитывалось около сотни, а по праздникам — в полтора раза больше. Сегодня был как раз праздник: до летнего солнцестояния и Дня Перемен оставалось меньше трех недель.

Еще даже до начала представления заводь являла собой увлекательное зрелище: неисчислимое множество людей, бедных и богатых, толнящихся на волнорезах и теснящихся на плавучих трибунах, мерящихся силами в традиционной борьбе за лучшие места, главная прелесть которой состоит в полном отсутствии правил. Желтокурточники всегда присутствовали здесь в изрядном количестве, но скорее для того, чтобы пресекать самые бурные ссоры, грозящие перейти в кровавое мордобитие, нежели для того, чтобы предотвращать вообще любые беспорядки. Ежемесячные цирковые представления были чем-то вроде шумной, буйной общегородской гулянки, которую герцог охотно оплачивал из собственной казны, ибо подобные мероприятия давали народу возможность выплескивать накопленную агрессию и утолять низменные страсти безопасным для властей образом.

Шелковый навес беседки уже не спасал от палящего зноя предполуденного солнца, а «имбирный огонь» лишь усугублял положение Локка и четы Сальвара, которые неспешно потягивали из своих бокалов, глядя сквозь дрожащее жаркое марево на тысячи каморрцев, постепенно заполнявших многоярусные барки для простого люда. Конте приготовил для своих хозяев такие же напитки (хотя, возможно, с меньшим количеством имбирного масла), но подал их «Грауманн», как предписывали правила каморр-

ского этикета в подобных обстоятельствах. Локк уже наполовину опустошил свой бокал; выпитое ощущалось тяжелым горячим комом, распирающим желудок, и жгучим жжением в горле, до боли памятным.

— Итак, о деле, — наконец промолвил он. — Вы оба чрезвычайно добры к нам с Грау. И в отплату за вашу доброту я готов поведать, с каким поручением прибыл в Каморр. Давайте поговорим об этом, если вы не против.

— У вас никогда еще не было столь внимательных слушателей, господин Фервайт!

Наемные гребцы уже завели барку дона Сальвары в заводь, и теперь роскошный плавучий сад приближался к выстроенным полукругом баркам попроще, на иных из которых толпились дюжины, а то и сотни гостей. Глаза молодого аристократа горели жадным любопытством.

— Так поведайте же!

— Ни для кого не секрет, — со вздохом сказал Локк, — что королевство Семи Сущностей трещит по швам.

Супруги Сальвара невозмутимо потягивали из своих бокалов, не произнося ни слова.

— Эмберленский кантон держится в стороне от борьбы за власть. Но граф фон Эмберлен и Черный стол стараются — всяк по-своему — завлечь нас на губительный путь.

— Черный стол? — переспросил дон Лоренцо.

— О, прошу прощения. — Локк отпил очередной крохотный глоток из бокала, и огненная струйка вновь скользнула по языку. — Черным столом у нас называется совет из самых влиятельных эмберленских торговцев, в число которых входят и мои хозяева, бель Аустеры. Они управляют всеми делами в Эмберлене, за исключением военных и налоговых. И все они до смерти устали от графа, устали от Торговых гильдий других шести кантонов, устали от бесконечных ограничений. Эмберлен богатеет за счет новых способов торговли и предпринимательства. А старые гильдии для Черного стола что камень на шес.

— Странно, что вы говорите «для Черного стола», а не «для всех нас», — заметила донья Софья. — Это существенно?

— Вы в самую точку попали, сударыня. — Еще один крохотный глоточек; несколько мгновений притворного волнения. — Дом бель Аустеров признает, что гильдии себя изжили, что торговые правила минувших веков, закрепленные гильдейским законом, подлежат пересмотру. Но мы далеко не уверены... — Локк

словно отпил из бокала и поскреб в затылке. — Далеко не уверен, что... гм... графа фон Эмберлена следует низложить, когда он покинет кантон со своим войском, чтобы выступить на стороне своих кузенов в Парлее и Сомнее.

— Святые Двенадцать! — Дон Сальвара потряс головой, словно не веря своим ушам. — Да не может быть, чтобы они это серьезно! Ваш кантон меньше Каморрского герцогства! И с двух сторон открыт с моря! Там же невозможно держать оборону!

— Тем не менее подготовка ведется. Годовой оборот торговых и банкирских домов Эмберлена вчетверо превышает доходы самого богатого после него кантона в Семи Сущностях. Черный стол видит в этом залог успеха. Да, деньги действительно дают дополнительные возможности, и немалые, но Черный стол ошибочно полагает, будто они являются силой сами по себе. — Одним длинным, медленным глотком Локк осушил бокал до дна. — Так или иначе, через два месяца разразится гражданская война. Кто придет к власти, предсказать невозможно. Страды и Дворнмы, Разулы и Стриги — все сейчас точат ножи и муштруют солдат. А эмберленские купцы в эту самую минуту готовятся арестовать оставшихся аристократов, пользуясь отсутствием герцога. Заручиться поддержкой флота. Начать рекрутские наборы среди «свободных граждан». Сколотить отряды наемников. Одним словом, они сейчас попытаются отделиться от Семи Сущностей. Неминуемо попытаются.

— И какое именно отношение имеет ко всему этому ваш приезд в Каморр?

Донья София сжимала бокал с такой силой, что костяшки побелели. Она сразу поняла, что означает рассказ Фервайта. Грядет большая война, крупнейшая за последние несколько веков. Кровопролитная гражданская война, возможно сопровождаемая хозяйственной катастрофой.

— По мнению моих хозяев, бель Аустеров, у трюмных крыс нет возможности встать к штурвалу корабля, несущегося на рифы. Но они запросто могут сбежать с корабля.

3

Посреди Плавучего пирка в воде стояло множество высоких железных клеток. Многие из них служили опорами для деревянных площадок, на которых размещались артисты, жертвы, бойцы

и служители. В нескольких особенно прочных клетках зловеще кружили темные силуэты, смутно различимые в полупрозрачной серой воде. Вокруг вереницей двигались большие весельные лодки с помостами, где выступали «веревочные» танцоры, метатели ножей, акробаты, жонглеры, силачи и прочие диковинные артисты. Возбужденные крики зазывал с длинными медными рупорами отражались от водной глади слабым эхом.

Начиналось каждое представление с Искупительных боев, в которых мелкие преступники из Дворца Терпения могли сразиться с заведомо более сильным противником в обмен на сокращение тюремного срока или незначительное улучшение условий содержания. И сейчас могучий мускулистый *никавеццо* («карающая рука»), один из герцогских гвардейцев, уже избивал своих несчастных жертв. Он был в черных кожаных доспехах с блестящим стальным нагрудником и в стальном шлеме, украшенном гребнем из свежесрезанного плавника гигантской летучей рыбы. Чешуйки и иглы ярко посверкивали на солнце, когда солдат переступал взад-вперед, с видимой небрежностью нанося удары окованной дубинкой.

Никавеццо стоял на маленькой, но прочной и устойчивой площадке, а вокруг него, на расстоянии вытянутой руки, теснились круглые шаткие плотники, на которых кое-как удерживались два десятка тощих, грязных узников, вооруженных палками. Возможно, они и справились бы со своим облаченным в доспехи мучителем, когда бы набросились на него всем скопом, но похоже, действовать совместными усилиями бедолаги просто не умели. Приближаясь к никавеццо поодиночке или по двое, по трое, они один за другим получали сокрушительный удар дубинкой по голове и падали в воду. Служители на маленьких лодках быстро вытаскивали бесчувственных узников из воды, пока те не пошли ко дну: герцог в великом своем милосердии требовал по возможности предотвращать смертельные исходы в Искупительных боях.

Мм... — Локк на миг отвел в сторону руку с пустым бокалом, и Конте тотчас выхватил его у него из пальцев со стремительной грацией фехтовальщика, разоружающего своего противника.

Когда слуга двинулся к питейному шкафу, Локк кашлянул:

— Нет надобности прямо сейчас наполнять мой бокал, Конте. Вы очень добры, благодарю вас. — Затем он повернулся к хозяевам. — С вашего позволения, сударь и сударыня, я хотел бы пре-

поднести вам пару скромных подарков. Один просто в знак сердечной признательности вам за вашу доброту. А другой... впрочем, вы сами увидите. Грауманн! — Локк щелкнул пальцами.

Жан кивнул, подошел к деревянному столу рядом с питейным шкафом и взял с него две увесистые кожаные сумки с металлическими уголками и железными замочками, вделанными в откидные крышки. Поставив сумки так, чтобы супруги Сальвара хорошо их видели, Жан отступил назад, а Локк отпер замки изящным ключиком слоновой кости. Из первой сумки он извлек бочоночек из светлого ароматного дерева, около фута в высоту и с полфута в поперечнике, и протянул дону Сальваре для обозрения. Черное торговое клеймо, выжженное на боку бочоночка, гласило: «Брендвин аустерсалинский 502».

Дон Лоренцо со свистом втянул воздух сквозь зубы, и ноздри его раздулись. Локк хранил на лице Лукаса Фервайта выражение вежливое и невозмутимое.

— Двенадцать богов. Пятьсот второй! Лукас, если вчера я позволил себе добродушно посмеиваться над вашим решительным нежеланием расставаться со своим товаром, прошу вас принять мои глубочайшие...

— Вам нет нужды извиняться, сударь. Локк изящно повел ладонью, словно отметая слова хозяина прочь. — В знак благодарности за ваше вчерашнее отважное заступничество, дон Сальвара, и за ваше сегодняшнее любезное гостеприимство, прекрасная донья, разрешите преподнести вам сей скромный дар для украшения ваших погребов.

— Скромный?! — Дон Сальвара взял бочоночек и прижал к груди столь нежно и бережно, будто это был младенец пяти минут от роду. — Я... у меня есть Пятьсот шестой и пара Пятьсот четвертых. Насколько я знаю, Пятьсот второго в Каморре нет ни у кого... ну, кроме разве герцога.

— С тех пор как пошел слух о высоких достоинствах Пятьсот второго, бель Аустеры всегда держат изрядные запасы этого напитка. Мы используем его, чтобы, так сказать, растапливать лед в ходе особенно важных деловых переговоров.

На самом деле бочоночек обошелся Локку почти в восемьсот полных крон, включая расходы на морское путешествие в Анмир, где они с Жаном в печистой карточной игре сумели выиграть сосуд с редким напитком у чудаковатого мелкого аристократа. При чем львиная доля денег ушла на то, чтобы откупиться от голово-

резов, посланных стариком за своей утраченной собственностью. Можно сказать, этот Пятьсот второй был слишком дорогим, чтобы просто взять его да выпнуть.

— Какой щедрый жест! — Донья Сальвара взяла мужа под руку и покровительственно улыбнулась ему. — Лоренцо, дорогой, тебе следует почаще спасать незнакомцев из Эмберлена. Они невероятно очаровательны!

— О... вы мне льстите, сударыня. — Локк смущенно кашлянул и переступил с ноги на ногу. — А теперь, дон Сальвара...

— Прошу вас, зовите меня просто Лоренцо.

— А теперь, дон Лоренцо, я покажу вам нечто, имеющее непосредственное отношение к делу, приведем меня в ваш город.

Из второй сумки Локк извлек такой же бочоночек, но помеченный одной затейливой буквой «А», вписанной в изящную виньетку.

Это продукт прошлогодней перегонки, — промолвил он. — Пятьсот пятьдесят девятый.

Дон Сальвара выронил бочоночек Пятьсот второго.

Его жена с девичьим проворством выставила вперед правую ногу и приняла деревянный сосуд на подъем ступни, откуда он упал на палубу — со слабым глухим стуком, а не с громким хрустким треском. Сильно пошатнувшись, донья выронила свой «имбирный огонь»: бокал полетел за борт и уже через считанные секунды покоился на глубине двадцати футов. Супруги Сальвара помогли друг другу восстановить равновесие, после чего Лоренцо дрожащими руками поднял с палубы бочоночек Пятьсот второго.

— Лукас... да вы шутите, должно быть, — прерывистым голосом проговорил он.

4

Необходимость наблюдать во время обеда, как джерештийский морской дьявол рвет на части барахтающихся в воде мужчин, не доставляла ни малейшего удовольствия, однако Локк рассудил, что мнимому эмберленскому купцу в ходе многочисленных вымышленных путешествий доводилось видеть и не такое, а потому никак не обнаружил своих подлинных чувств.

Было уже хорошо за полдень. Искунительные бои закончились, и теперь устроители представления перешли к Судебным

взысканиям, каковым иносказательным выражением именовалась жестокая и зрелищная казнь дюжины убийц, насильников, работорговцев и поджигателей. Формально все они были вооружены, и, если бы им каким-то чудом удалось убить водную тварь, против них выставленную, власти сократили бы всем выжившим срок заключения. Но водных тварей всегда привозили столь ужасных, а оружие выдавали столь смехотворное, что иначе, чем казнью, происходящее нельзя было назвать.

Щупальца морского дьявола имели в длину около двенадцати футов — столько же, сколько и черно-серое полосатое тело. Чудовище находилось в кругу диаметром шестьдесят футов, ограниченном тесно сомкнутыми клетками и плавучими платформами. Там же с отчаянными воплями барахтались мужчины, большинство которых уже давно потеряло свои короткие тонкие кинжалы. Опасливые стражники с арбалетами и копьями, стоящие на платформах, сталкивали обратно в воду всех, кто пытался выбраться. Время от времени морской дьявол переворачивался в кипящей красной воде брюхом вверх, и Локк мельком видел безвекий черный глаз размером с суновую миску — примерно такую, какую он сейчас держал в руках.

— Извольте еще, господин Фервайт?

Рядом возник Конте с серебряной супницей охлажденного томатного супа с белыми креветками, обильно приправленного луком и жгучим перцем. У супругов Сальвара было весьма странное чувство юмора.

— Нет, Конте, благодарю вас, но я пока что сыт.

Локк поставил миску рядом с початым бочоночком Пятьсот пятьдесят девятого (на самом деле неприязнительного пятидесятикронового Пятьсот пятидесятого, щедро разбавленного крепчайшим ромом, какой только удалось раздобыть Жацу) и отпил из пузатого бокала глоточек янтарного напитка. Даже несмотря на изрядную примесь сомнительного, хотя и далеко не дешевого пойла, вкус у подделки был превосходный. Грауманн в предупредительной позе замер позади хозяев, сидевших напротив Локка за столиком из промасленного серебряного дерева. Донья София задумчиво трогала ложечкой тончайшие ломтики апельсинового желе, выложенные на тарелке в виде тюльпана. Дон Лоренцо по-прежнему зачарованно смотрел на свой бокал бренди.

— Это кажется почти... святотатством! — Невзирая на такие свои чувства, он наконец отхлебнул порядочный глоток, и по ли-

цу его разлилось блаженство; в отдалении позади него над водой взлетело что-то похожее на истерзаный человеческий торс и с плеском упало обратно, под восторженный рев толпы.

Как всем известно, аустерсалинский бренди после перегонки и купажа выдерживался не менее семи лет, и до истечения этого срока никто из посторонних не имел ни малейшей возможности заполучить хотя бы один бочоночек. Торговым представителям дома бель Аустеров запрещалось даже упоминать о партиях товара, еще не готовых к продаже. Местонахождение погребов для выдержки держалось в глубокой тайне, для сохранности которой, по слухам, виноторговцы при необходимости прибегали к услугам наемных убийц. Дон Лоренцо просто остолбенел от изумления, когда Локк небрежно преподнес ему бочоночек Пятьсот пятьдесят девятого, и едва не грянулся в обморок, когда Локк равно небрежно вскрыл сургучную пробку и предложил распить бесценный напиток за обедом.

— Это вы верно заметили, — усмехнулся Локк. — Бренди, можно сказать, религия дома бель Аустеров. Столько правил, столько ритуалов, столько наказаний! — Уже без улыбки, он выразительно чиркнул пальцем по горлу. Возможно, мы с вами — единственные в истории люди, которым довелось пить невыдержанный бренди за обедом. Я подумал, вам будет приятно.

— О, я просто в восторге! — Дон Сальвара легонько взболтал напиток и с минуту неподвижно смотрел в бокал, словно замороженный янтарной прозрачностью жидкости. Потом поднял глаза на собеседника. — И мне не терпится узнать, какой же план вы замыслили.

— Что ж... — Локк тоже взболтал свой бренди, несколько театральным жестом. — За последние двести пятьдесят лет Эмберлен трижды подвергался вторжению. Будем говорить прямо: вопросы престолонаследия в королевстве Семи Сущностей всегда решаются в первую очередь войнами и кровопролитием, время благословений и миров наступает позже. Когда между графами разгорается усобица, Аустерсалинские горы — единственная преграда на пути захватчиков в Эмберлен — неизменно становятся местом ожесточенных боев, которые всякий раз прокатываются вниз по восточным склонам, прямо через виноградники бель Аустеров. И сейчас неминуемо повторится то же самое. Тысячи пеших и верховых солдат пройдут через перевалы. Вытопчут виноградники. Разграбят все дочиста. Теперь, когда у нас появилось горячее мас-

ло, дело может обернуться еще хуже, и через полгода от наших виноградников останутся одни пепелища.

— Да уж, виноградники не упакуешь и с собой не возьмешь, когда... гм... бежишь с корабля, — заметил дон Лоренцо.

— Вы правы, — вздохнул Локк. — Аустерсалинский бренди невозможен без аустерсалинских почв. Потеря виноградников неизбежно означает длительный перерыв в производстве. Десять, двадцать... возможно, даже тридцать лет. Или больше. Но и это еще не все. Положение наше, прямо скажем, хуже некуда. Если в королевстве разразится гражданская война, граф не допустит, чтобы морские порты и богатства нашего кантона достались противнику, и в ближайшее же время захватит Эмберлен при помощи своих союзников. Они перебьют всех участников Черного стола и изымут в казну их земельные владения и денежные средства. Дом бель Аустеров тоже не пощадят... В настоящее время Черный стол действует тихо, но решительно. Мы с Грау отплыли из Эмберлена пять дней назад, за двенадцать часов до закрытия порта. Сейчас кораблям под эмберленскими флагами запрещено выходить в море — все они стоят у причалов на «ремонте» или «карантине». Аристократы, по-прежнему хранящие верность графу, сидят под домашним арестом, а стража их разоружена. Наши вклады в банкирские дома Эмберлена временно заморожены. Торговые дома Черного стола по общему согласию пошли на такой шаг, чтобы ни один из них не смог сбежать из кантона со своими деньгами и товарами. Сейчас мы с Грау пользуемся кредитом, несколько лет назад открытым нам здесь банкирским домом Мераджо. Мои хозяйева... ну, мы просто никогда не хранили средства за пределами Эмберлена. Так, немножко тут, немножко там — на всякий непредвиденный случай.

Локк пристально следил за тем, какое впечатление производят его слова на слушателей. В своем рассказе о положении дел в Эмберлене он по возможности опирался на самые свежие и достоверные сведения. Однако не исключено, что у дона Сальвары имеются свои надежные источники новостей, не выявленные Благородными Канальями в ходе предварительного наблюдения и подготовки. Все, что касалось Черного стола и предстоящей гражданской войны, относилось к разряду разумных и обоснованных предположений, а вот история про внезапное закрытие портов и домашние аресты была чистой воды выдумкой. Сам Локк с уверенностью полагал, что настоящая заваруха в Эмберлене начнется не раньше

чем через несколько месяцев. Если дон Сальвара осведомлен об истинном положении вещей, весь план того и гляди с треском провалится. Конте уже через считанные секунды попытается пригвоздить Локка к столу своими стилетами, а Жан тогда выхватит топорики, спрятанные под камзолом, и всем пятерым в беседке под шелковым навесом придется очень и очень несладко.

Но супруги Сальвара не произносили ни слова, лишь смотрели на него напряженным, выжидательным взглядом, всем своим видом выражая нетерпеливое любопытство. Приободрившись, Локк продолжил:

— Нынешние наши обстоятельства совершенно невыносимы. Мы не хотим стать ни заложниками политики Черного стола, которую не одобряем, ни жертвами мести, которую осуществит граф по своем неминуемому возвращении. Посему мы решили пойти на... гм... довольно рискованный шаг. Но здесь нам потребуется существенная помощь какого-нибудь каморрского аристократа. Ваша, дон Сальвара, если вы располагаете достаточными средствами.

Супруги Сальвара пожали друг другу руки под столом. Лоренцо возбужденно взмахнул ладонью, призывая Локка продолжать.

— Мы готовы отказаться от попыток спасти наши деньги, тем самым выиграв время для дальнейших действий. И мы вполне уверены, что при старании сумеем нажить столько же, сколько потеряли, и даже больше, дай только время. Мы даже готовы... — Локк скрипнул зубами. — Мы даже готовы пожертвовать нашими виноградниками. Сами спалим их дотла, чтоб никому не достались. В конце концов, почву для них мы обогащаем секретными алхимическими составами, известными лишь нашим мастерам-виноградарям.

— Аустерсалинская метода, — выдохнула донья София, уже не в силах скрывать свое волнение.

— Конечно же вы о ней слышали, — кивнул Локк. — Ну что я могу сказать... У нас никогда не работает больше трех мастеров-виноградарей одновременно, и аустерсалинская метода слишком сложна, чтобы непосвященный мог разобраться в ней, просто исследуя нашу почву; такое не по силам даже столь одаренным ученым, как вы, сударыня. Многие составы, используемые нашими алхимиками, на самом деле не оказывают на почву никакого питательного воздействия и служат лишь для отвода глаз, вот так-то... Единственное, что мы никак не можем оставить в Эмберлене, так

это огромный запас педодержанного бренди, разлитого по бочкам за последние шесть лет. А равно редкие сорта и пробные образцы кунажей. Аустерсалинский бренди мы храним в тридцатидвухгаллонных бочках, и таких бочек у нас без малого шесть тысяч. Мы должны во что бы то ни стало вывезти их из Эмберлена, и сделать это необходимо в ближайшие несколько недель — прежде чем Черный стол ужесточит надзорные меры и прежде чем граф начнет осаду своего кантона. А все наши суда сейчас, считай, арестованы, и у нас нет доступа к нашим денежным средствам.

— Так вы... вы намереваетесь вывезти все эти бочки из Эмберлена? Все до единой? — Дон Сальвара аж задохнулся от возбуждения.

— Как можно больше, во всяком случае, — ответил Локк.

— И чем же мы можем помочь вам? — Донья София нетерпеливо поерзала на стуле.

— Суда под эмберленскими флагами, как я уже говорил, в настоящее время не могут ни покинуть порт, ни зайти в него, если не хотят надолго там задержаться. Но, скажем, небольшая флотилия каморрских кораблей с каморрскими командами, снаряженная на деньги какого-нибудь каморрского аристократа... — Локк поставил свой бокал на стол и развел руки в стороны.

— То есть вы предлагаете мне снарядить морскую экспедицию?

— Двух-трех больших галеонов нам хватит. Речь идет о грузе общим весом около тысячи тонн. Команды в пятьдесят-шестьдесят человек на корабль будет вполне достаточно. Мы выберем причалы, найдем надежных капитанов. Само путешествие на север займет шесть-семь дней; еще какое-то время уйдет на то, чтобы нанять корабли и собрать команды, — думаю, меньше недели. Вы со мной согласны?

— Меньше недели... да, пожалуй. Но... вы предлагаете мне вложить деньги в это предприятие?

— Все ваши траты окупятся сторицей, уверяю вас.

— При условии, что все пройдет гладко... да, конечно. И мы чуть позже вернемся к вопросу моей выгоды. Но чтобы так быстро найти два галеона, хороших капитанов, собрать надежные команды и...

— И еще наполнить трюмы съестными продуктами, — подхватил Локк. — Дешевое зерно, сухой сыр, самые простые свежие фрукты. Ничего особенного. Но Эмберлену скоро предстоит осада, а посему Черный стол премного обрадуется возможности по-

полнить запасы городского продовольствия. Положение Эмберлена сейчас слишком шатко, чтобы отказываться от помощи суверенного Каморра, тем самым проявляя к нему неуважение. Вот почему мои хозяева рассчитывают, что на ваши корабли запретительные меры не распространятся.

— Хорошо... — задумчиво проговорил дон Сальвара, пощипывая нижнюю губу. — Значит, два галеона, две команды, груз дешевых продуктов. Смотрители за грузом, по десять-двенадцать человек на корабль... В это время года желающие занять такую должность толпами ошиваются у Виконтовых ворот. Еще хотелось бы по небольшому отряду вооруженных охранников на каждый галеон, во избежание всяких... ну, осложнений.

Локк согласно кивнул.

— А каким образом мы на глазах у всех перевезем ваши драгоценные бочки из погребов в порт?

— О, тут самая простая хитрость, — улыбнулся Локк. — У нас есть несколько пивоварен с пивными погребами... так сказать, побочное развлечение наших мастеров купажа. Пиво хранится в точно таких же тридцатидвухгаллонных бочках, и местонахождение наших пивных складов всем хорошо известно. Все время, пока мы с Грау плыли на юг, в Каморр, мои работники потихоньку перевозили бочки аустерсалинского бренди в пивные погреба и выжигали на них другие клейма. И они будут делать это все время, пока мы здесь ведем переговоры, и вплоть до прибытия ваших кораблей в Эмберлен.

— Значит, вам не придется тайно грузить на борт бренди! — Донья София взволнованно стиснула руки. — Вы будете открыто грузить обычное пиво!

— Именно так, сударыня. Даже самая крупная партия пива не вызовет таких подозрений, какие вызвала бы любая партия бочек с невыдержанным бренди. Это будет выглядеть как успешная торговая сделка, и мы станем первыми, кто обойдет запрет на выход эмберленских кораблей в море. Мы доставим в Эмберлен запасы продовольствия, жизненно необходимые кантону ввиду предстоящей осады, и извлечем из этого хорошую прибыль. По завершении погрузки мы сразу же покинем порт, взяв с собой еще шестьдесят-семьдесят человек — семейство бель Аустер и их наемных работников, которые помогут нам наладить новое предприятие в Каморре. Обман наш, конечно, рано или поздно раскроется, но это уже не будет иметь для нас равным счетом никакого значения.

— И все это нужно устроить в самое ближайшее время... — Дон Лоренцо глубоко задумался. — Пятнадцать тысяч крон, по моим прикидкам. Возможно, двадцать.

— Да, где-то так, согласен с вами, сударь. Ну и еще тысяч пять на взятки и прочие сопутствующие расходы. — Локк пожал плечами. — Как ни хороша наша хитрость с бочками, но иные чиновники все-таки должны смотреть в сторону, пока мы занимаемся нашими делами в Эмберлене.

— Значит, двадцать пять тысяч. Черт! — Дон Лоренцо одним глотком допил свой бренди, отставил бокал и сценил руки на столе. — Это больше половины моего состояния. Вы мне нравитесь, Лукас, но сейчас настало время обсудить другую сторону вашего предложения.

— Разумеется. — Локк умолк и взялся за бочоночек, чтобы налить собеседнику еще поддельного «невыдержанного».

Дон Сальвара сначала отрицательно повел ладонью, но потом желание вновь насладиться вкусом бесценного напитка возоблдало над здравым смыслом, и он протянул свой бокал. Донья София последовала примеру мужа, и Жан поспешил взять у нее бокал и передать Локку. Обслужив супругов Сальвара, Локк изрядно плеснул и себе самому, после чего продолжил:

— Во-первых, вы должны ясно понимать, на что бель Аустеры готовы пойти и на что не пойдут ни под каким видом. Секретов аустерсалинской методы вы никогда не узнаете — они по-прежнему будут передаваться только из уст в уста, исключительно среди представителей дома. Мы не сможем предложить вам ничего из нашей земельной собственности ни в качестве поручительства, ни в качестве платы за ваше содействие, ибо мы, вероятно, лишимся всех наших владений, когда сбежим из Эмберлена. Само собой, мы постараемся вернуть себе виноградники, но прибегать к вашей помощи здесь не собираемся. Любая ваша попытка выведать секреты нашей методы — скажем, путем подкупа каких-либо представителей дома бель Аустеров — будет рассматриваться как вопиющее нарушение договоренности. — Локк отпил маленький глоточек бренди. — Я понятия не имею, какие именно наказательные меры мы примем в знак своего недовольства, но выражено оно будет во всей полноте, уж поверьте. Мне поручено недвусмысленно предупредить об этом.

— И мы вняли предупреждению. — Донья София положила руку на плечо мужа. — Но вы все говорите об ограничительных условиях, а не о самом предложении.

— Простите великодушно, любезная донья София, что мне приходится разговаривать с вами в таком духе. Но вы должны понимать: речь идет о важнейшем решении из всех, какие когда-либо доводилось принимать дому бель Аустеров. Мы с Грау сейчас держим будущее всего нашего сообщества в своих легкоуязвимых руках. В данную минуту я говорю с вами не как ваш благодарный гость Лукас Фервайт, но как доверенное лицо дома бель Аустеров. И вы прекрасно понимаете, что о некоторых вещах мы говорить не можем и не будем, даже тончайшими намеками.

Супруги Сальвара согласно кивнули — София чуть помедленнее, чем Лоренцо.

— Итак, вернемся к нашим обстоятельствам. В Эмберлене вот-вот разразится война. Наши виноградники и прочие наши владения почитай что потеряны. А без виноградников производство аустерсалинского бренди остановится на... одним только Суцностям известно, на какой срок. Десять лет? Двадцать? Тридцать? И даже когда мы вернем виноградники в свою собственность, нам понадобится не один год, чтобы восстановить почву. В нашей истории такое случалось уже трижды. А значит, в следующие много, много лет единственным источником настоящего аустерсалинского бренди будет та часть шести тысяч бочек, которую мы сумеем тайно вывезти из Эмберлена — действуя, как тати в ночи. Но вообразите, как поднимется спрос! Как взлетят цены!

Дон Сальвара непроизвольно пошевелил губами, подсчитывая возможную прибыль. Донья София уставилась куда-то вдаль, хмуря брови. Аустерсалинский бренди был самым качественным и самым востребованным хмельным напитком из всех известных; даже веррарские алхимические вина, во всем своем многообразии, не могли тягаться с ним в цене. Одна полугаллонная бутылка самого молодого аустерсалинского бренди в розницу стоила тридцать полных крон, а выдержанный бренди стоил гораздо, гораздо дороже. Внезапная нехватка спростового товара, ограниченные запасы одного, ясное понимание, что аустерсалинские виноградники в обозримом будущем не дадут урожая...

— Ох, твою мать!.. — невольно вырвалось у Конге, когда перед его мысленным взором проплыли цифры предполагаемого дохода. — Прощу прощения, сударыня.

— И правильно делаешь. — Донья София осушила свой бокал одним быстрым глотком, совсем не по-женски. — Ибо твои подсчеты неверны. На самом деле тут тянет по меньшей мере на «трижды твою мать».

— Дом бель Аустеров, — продолжал Локк, — желает основать в Каморре товарищество, чтобы хранить и продавать аустерсалинский бренди во время... неизбежного перерыва в производстве. В обмен на вашу помощь, оказавшую нам в отчаянную минуту, мы готовы предложить вам пятьдесят процентов выручки от продажи любой партии товара, какую вам удастся вывезти из Эмберлена. Опять-таки примите во внимание положение дел на питейном рынке и неминуемый рост цен на аустерсалинский бренди. Ваши вложения десятикратно окупятся в первый же год. А за пять-десять лет...

— Да... — Дон Лоренцо покрутил в руках очки. — Но знаете, Лукас, почему-то вы выглядите.. гм... не особенно удрученным сейчас, когда сидите здесь передо мной, рассуждая о возможном разорении дома бель Аустеров и вынужденном переселении в город, расположенный в пятистах милях к югу от ваших родных мест.

Локк улыбнулся своей самой обезоруживающей улыбкой, которую когда-то несколько недель криду репетировал перед зеркалом.

— Когда мои хозяева осознали свое нынешнее положение, иные из них сказали, что нам следовало создать искусственную нехватку бренди на рынке еще много лет назад. Так или иначе, мы твердо уверены, что сумеем обратить прискорбную неудачу в блистательный успех. Шесть тысяч бочек, проданных по заоблачным ценам в течение пяти-десяти лет... Мы вернемся в Эмберлен с состоянием, по сравнению с которым все, от чего нам придется отказаться сейчас, покажется сущей мелочью. Что же касается до вас...

— Речь идет не о сотнях тысяч крон, — очнулась от задумчивости донья София. — Речь идет о миллионах.

— Было бы неразумно рассчитывать на слишком многое, но да... не исключено, что совокупный доход от продаж достигнет таких цифр. Мои хозяева готовы также по своему возвращении в Эмберлен и после восстановления виноградников предложить вам еще одно, последнее вознаграждение: постоянное участие во всех прибылях дома бель Аустеров. Разумеется, ничего близкого к контрольной доле, но что-нибудь вполне достойное. Процентом десять-пятнадцать. Вы станете первыми и, надеюсь, единственными иноземцами, удостоенными столь высокой чести.

Наступила пауза.

— Это... очень заманчивое предложение, — наконец проговорил дон Сальвара. — Как подумаешь, что такая удача должна была не-

ожиданно свалиться на Джакобо! Клянусь богами, Лукас, если мне когда-нибудь случится снова встретиться со вчерашними грабителями, я сердечно поблагодарю их за то, что они устроили наше знакомство.

Ну, я лично считаю, что прошлое должно оставаться в прошлом, — усмехнулся Локк. — А вот Грав наверняка держится иного мнения. И факт остается фактом: хотя я чувствую, что очень скоро у нас появится повод поздравить друг друга, нам еще предстоит снарядить корабли, совершить путешествие на север и быстро схватить наш приз. Положение дел сейчас сродни туго натянутому грузовому канату, в котором рвется каболка за каболкой. — Локк отсалютовал супругам Сальвара своим пузатым бокалом. — И канат этот вот-вот с треском лопнет.

Морской дьявол вышел из схватки победителем, и в награду за службу стражники утыкали его отравленными арбалетными стрелами. Заталкивать чудовище, выполнившее свое назначение, обратно в клетку не стали, просто оттащили с помощью багров и цепей к краю водоема. Красная кровь морского дьявола, смешиваясь с кровью истерзанных жертв, расплылась в воде огромным темным облаком, которому предстояло сыграть свою роль в следующем действе.

5

Магистры Теринского коллегия, проживающие в безопасном удалении от Железного моря, сказали бы вам, что волчья акула — прекрасное и поистине удивительное создание, с мощной мускулатурой, более развитой, чем у самого сильного быка, и толстой наждачно-шершавой кожей, испещренной полосами всех оттенков — от тусклой зелени старой патины до густой черноты грозовой тучи. Однако любой рыбак, промысляющий в прибрежных водах Каморра, скажет вам, что волчьи акулы — огромные злобные твари, причем страшно прыгучие.

Запертые в прочные клетки, голодные и обезумевшие от запаха крови, волчьи акулы — гвоздь каждого представления Плавучего цирка. В одних городах устраиваются гладиаторские бои, в других — смертельные схватки людей с дикими зверями. Но только в Каморре можно увидеть, как особым образом вооруженный гладиатор (контрареквиалла) сражается со свиреной прыгающей

акулой; и по давней каморрской традиции контрареквиаллами становятся лишь женщины.

Это зрелище и называется акульми боями.

6

Пригожи ли собой четверо женщин-контрареквиалл, сказать было трудно, но в целом выглядели они великолепно. ничего не скажешь. Смуглокожие каморрки, по-крестьянски статные и крепкие, с внушительной мускулатурой, хорошо видной даже на расстоянии. Все их одеяние состояло из коротеньких черных жилеток, борцовских набедренных повязок и тонких кожаных перчаток. Длинные черные волосы, спереди убранные под традиционные красные косынки, были заплетены в косы, сплошь унизанные медными и серебряными кольцами, ярко сверкавшими на солнце. Предназначение колец оставалось вопросом спорным: одни утверждали, что они слепят морских хищников, и без того слабых зрением; другие считали, что блеск украшений, напротив, помогает чудовищным тварям высматривать своих жертв.

Каждая контрареквиалла держала в левой руке дротик, а в правой — особый боевой топор: с полной гардой на рукояти (для надежности хвата) и двойным лезвием — с одной стороны в виде привычного полумесяца, а с другой — в виде длинного изогнутого шипа, как у кирки. Искусные вонтельницы обычно старались начисто отрубить плавники и хвост, прежде чем приканчивали морскую хищницу, а самые лучшие из них, считанные единицы, могли убить одним только шипом, хотя кожа у волчьей акулы по толщине и прочности зачастую не уступала коре столетнего дерева.

Локк рассматривал суровых контрареквиалл со своего рода меланхолическим восхищением. Он всегда полагал, что женщины эти столь же безумны, сколь отважны.

— Крайняя слева — Цицилия де Рикюра, — указал дон Лоренцо своему гостю, решив ненадолго прервать оживленные переговоры, которые длились уже больше часа. — Нецлохой боец. Рядом с ней Аганесса — она известна тем, что никогда не пользуется дротиком. Другие две, должно быть, новенькие. По крайней мере, здесь у нас они впервые.

— Очень жаль что сегодня нет сестер Беранджа, господин Фервайт, — сказала донья София. — Они лучшие.

— Вероятно, лучшие из всех, кто выступал когда-либо. — Дон Лоренцо прищурился от блеска воды, силясь оценить размеры акул, чьи темные силуэты едва различались в клетках. — Или будет выступать когда-либо. Но они вот уже несколько месяцев не появляются на представлениях.

Локк кивнул и задумчиво пожевал щеку. Как Локк Ламора, гарриста Благородных Каналий и уважаемый вор, он был лично знаком с двойняшками Беранджа и доподлинно знал, где они провели последние месяцы.

Первая воительница уже выходила на свою позицию. Сражались контрареквиаллы на выстроенных квадратной сеткой деревянных площадках, каждая из которых имела размеры два на два фута и выступала над водой на полфута. Площадки располагались на расстоянии четырех-пяти футов друг от друга, и громадные рыбы могли свободно проплывать между ними. Женщинам предстояло проворно перескакивать с одной площадки на другую, нанося удары топором или дротиком и одновременно уворачиваясь от акул, выпрыгивающих из воды. Падение в воду обычно означало конец схватки.

Позади клеток с акулами (открывавшихся посредством цепной лебедки с барки поодаль) стояла лодка с высокооплачиваемыми добровольными гребцами и тремя традиционными наблюдателями за акульими боями. Там находился, во-первых, священник бога Иона в своих бирюзовых одеяниях, отделанных серебром; затем жрица Азы Гийи — повелительницы Долгого безмолвия, Богини Смерти, — облаченная в черный балахон и прячущая лицо под серебряной маской; и наконец, лекарь, чье присутствие всегда казалось Локку проявлением совершенно безосновательного оптимизма.

— Каморр! — Молодая женщина — видимо, Цицилия де Риккура — вскинула над головой оружие. Гул толпы стих; наступила тишина, нарушаемая лишь слабым плеском воды о борта лодок и волнорезы. Пятнадцать тысяч зрителей как один затаили дыхание. — Я посвящаю эту смерть герцогу Никованте, нашему господину и покровителю!

То было традиционное приветствие контрареквиаллы, и слова «эта смерть» могли относиться к любой из двух участниц сражения.

Грянули трубы, радостно взревела толпа, и служитель на барке поодаль повернул ворот лебедки, выпуская на волю первую акулу.

Десятифутовая рыбина, уже обезумевшая от запаха крови, молниеносно выскользнула из клетки и стремительно поплыла вокруг скопления деревянных площадок, рассекая воду зловецким серым плавником. Цицилия присела на одной ноге, а другой несколько раз ударила по воде, выкрикивая проклятья и угрозы противнице. Акула тотчас приняла вызов и уже через пару секунд металась взад-вперед между площадками, подобная громадному зубастому маятнику.

— Эта терять времени не станет! — Дон Сальвара возбужденно стиснул руки. — Бьюсь об заклад, она сейчас прыгнет.

Едва он успел договорить, как акула взметнулась из воды в фонтане сверкающих брызг, бросаясь на пригнувшуюся контрареквизаллу. Правда, взлетела она невысоко, и Цицилия легко увернулась, перескочив на площадку справа. В прыжке женщина успела метнуть дротик; острие вонзилось акуле в бок, древко мелко задрожало, а уже мгновение спустя этот свирепый обтекаемый сгусток мышц с плеском ушел под воду. Зрители завопили, кто восторженно, кто неодобрительно: бросок был замечательно ловким, но недостаточно сильным. Акула только еще больше разъярилась, а Цицилия потеряла консье.

— Ах, как опрометчиво! — Донья София поцокала языком. — Девушке нужно научиться терпению. Посмотрим, оставит ли ей новая подруга такую возможность.

Вспенивая и взбрызгивая розоватую воду мощными ударами хвостового плавника, акула следовала за тенью контрареквизаллы, готовая к следующему нападению. Цицилия прыгала с площадки на площадку, держа топор шином наружу.

— Господин Фервайт... — Дон Лоренцо повертел в руках очки, которые снял, чтобы наблюдать за схваткой. Похоже, вдаль он видел хорошо. — Я готов согласиться на ваше предложение, но вы должны принять во внимание, что именно на меня приходится основная доля начального риска, особенно если учесть общую сумму моих наличных средств. Посему я ставлю условием, чтобы прибыль от продажи аустерсалинского бренди делилась в соотношении пятьдесят пять на сорок пять процентов — в мою пользу.

Локк сделал вид, будто обдумывает требование. Цицилия тем временем длинными прыжками неслась по площадкам, резко отмахивая локтями; хищный серый плавник рассекал воду в каком-нибудь футе позади нее.

— Ну что ж... Я уполномочен пойти на подобную уступку. Однако в таком случае ваша доля в доходах от аустерсалинских виноградников составит пять процентов.

— Идет! — улыбнулся дон Лоренцо. — Я предоставлю деньги на два галеона, команды и капитанов, на все необходимые взятки и прочие подготовительные расходы, на груз продовольствия, который мы повезем на север. Я буду надзирать за порядком на одном галеоне, вы — на другом. На каждый корабль я самолично наберу охрану из наемников, для пущей безопасности. Конге поплывет с вами, ваш Граумани может сопровождать меня. Любые издержки сверх оговоренных двадцати пяти тысяч каморрских крон останутся на мое усмотрение.

Акула прыгнула еще раз и опять промахнулась. Цицилия стремительно выполнила стойку на одной руке, размахивая топором. Под оглушительный рев толпы акула неуклюже развернулась и поплыла следом за своей убегающей противницей, готовясь к очередной атаке.

— Решено! — кивнул Локк. — Одинаковые экземпляры договора, заверенные подписями, будут храниться у вас и у меня. Третий экземпляр, на теринском, отдадим на хранение независимому стряпчему, выбранному по обоюдному согласию; он вскрыет и изучит документ в течение месяца, если вдруг с одним из нас при перевозке бочек приключится... какой-нибудь несчастный случай. Четвертый экземпляр, на вадранском, тоже подписанный должным образом, я доверю знакомому торговому посреднику для последующей доставки моим хозяевам. Сегодня вечером, в гостинице «Фрегат», мне понадобится опытный составитель договоров. И мне нужен от вас заемный вексель на пять тысяч крон, чтобы завтра с утра получить по нему деньги в банкирском доме Мераджо. Тогда я смогу безотлагательно приступить к работе.

— Это все?

— Все.

Несколько секунд дон Сальвара молчал, потом решительно произнес:

— Ладно, черт с ним, я согласен! Давайте ударим по рукам и попытаем счастья.

На водной арене Цицилия остановилась и замерла с приподнятым топором, выбирая время для удара. Акула, волнообразно изгибая тело, подплывала к площадке справа, слишком медленно для высокого прыжка. Но в тот самый миг, когда девушка пода-

лась вперед и занесла топор шипом вниз, акула резко выгнула спину, сложившись чуть ли не пополам, и мощным броском нырнула в глубину. Взметнувшийся в воздух хвост хлестнул контрареквиаллу по ногам, чуть ниже коленей. Пронзительно вскрикнув — не столько от боли, сколько от неожиданности, — Цицилия де Ринкура навзничь упала в воду.

Остальное было делом нескольких секунд. Акула стремительно всплыла, схватила девушку за ногу, возможно за обе, и бешено завертелась на месте, не выпуская из зубов жертву. Локк мельком видел то отчаянно бьющееся женское тело, то темный шершавый бок рыбы — белое, серое, белое, серое. Через считанные мгновения розовая пена на воде вновь стала темно-красной, и две извивающиеся тени скрылись в глубине под деревянными площадками. Половина зрителей взревела в кровожадном восторге; а другая половина склонила головы в почтительном молчании, которое продлится ровно до тех пор, пока на красную от крови водную арену не выйдет следующая девушка.

— О боги! — Донья София пристально смотрела на расплывающееся на воде темное пятно; три оставшиеся контрареквиаллы неподвижно стояли с опущенными головами; священник Ионо и жрица Азы Гийи воздели руки в благословляющем жесте. — Просто невероятно! Чтобы попасться на такую нехитрую уловку — и так быстро. Мой отец всегда говорил: одна-единственная оплошность, допущенная на арене Плавучего цирка, опаснее десятка ошибок, совершенных в любом другом месте.

Локк низко поклонился и поцеловал ей руку:

— И я с ним полностью согласен, сударыня. Полностью.

С любезной улыбкой он поклонился еще раз, а потом повернулся к дону Сальваре и обменялся с ним рукопожатием.

Интерлюдия

ЛОКК ОСТАЕТСЯ НА УЖИН

1

— Что?! — Локк чуть не вскочил с места. — Да что вы такое говорите?

— Мальчик мой, — промолвил Цеппи. — Милый мой мальчик с редкими проблесками ума, ты не видишь дальше собственного носа. Ты достаточно смыслен, чтобы одурачить кого-нибудь, но совершенно не умеешь просчитывать хоть сколько-либо отдаленные последствия. Так вот, пока ты не научишься предусматривать любые возможные последствия своих действий, ты постоянно будешь подвергать опасности себя и всех окружающих. Да, ты еще юн летами, и тут ничего поделаешь, однако даже в твоём возрасте вопиющая глупость не имеет оправдания. Поэтому слушай меня внимательно... Первая твоя ошибка заключалась в том, что ты не удосужился выяснить, какое наказание полагается вору, взявшему деньги у стражника. Подобное правонарушение карается не побоями, а смертью. Ясно тебе? Здесь, в Каморре, стражники берут деньги у нас, но никак не наоборот. Это незыблемое правило, не допускающее исключений. Всякий и любой вор, его нарушивший, приговаривается к смерти. Получает ножом по горлу, отправляется на корм акулам, предстает перед богами. Ясно?

Локк кивнул.

— Таким образом, желая вырыть Веслину яму, ты вырыл могилу. Но ошибку свою ты усугубил тем, что использовал беложелезную монету. Знаешь, сколько в точности стоит полная крона?

— Много.

— Ха! «Много» — это не «в точности». Ты не в ладах с теринским или в самом деле не знаешь?

— Ну... в самом деле не знаю.

— Так вот, этот блестящий кругляшок белого железа — если чертова монета не спилена, конечно, — стоит сорок серебряных солонов. Понятно? Двести сорок медяков. Ага, у тебя глаза на лоб полезли. Значит, соображаешь, какие это большие деньги, да?

— Да. Ух ты!

— Вот именно, «ух ты!». Теперь давай посмотрим на дело шире. Обычный желтокурточник — один из наших бескорыстных и бесконечно преданных долгу городских стражников — зарабатывает такую сумму за два месяца каждодневной службы. А стражникам платят очень даже неплохо по сравнению с простыми горожанами, и жалованье они получают уж всяко не белым железом.

— О...

— Выходит, Веслин взял не просто деньги, а слишком большие деньги. Полную крону! Да чья угодно смерть обойдется много дешевле, в том числе и твоя.

— А... сколько вы заплатили за мою? — Локк похлопал по мешочку с меткой смерти, по-прежнему висевшему у него на груди под рубашкой.

— Не хотелось бы уязвлять твое самолюбие, но я до сих пор не уверен, что разумно потратил эти два медяка. — Глядя на вытянувшееся лицо мальчика, Цеппи от души расхохотался, но затем вновь посерьезнел. — Оставлю тебя в неведении на сей счет, сынок. Но вернемся к нашему предмету. За гораздо меньшие деньги можно нанять опытных, надежных людей для важной работы. Можно купить главные пай в пяти-шести деловых предприятиях, если ты понимаешь, о чем я. Поэтому твоя беложелезная монета, подброшенная Веслину...

— Это слишком много за... какую-то простую работу?

— В самую точку. Невероятно, немисливо много за сведения или обычные услуги. Ни один человек в здравом уме не даст паршивому кладбищенскому оборванцу полную крону. Если только этому паршивому оборванцу не поручают какое-нибудь дело величайшей важности. Убить твоего бывшего хозяина, к примеру. Сдать властям всех до единого обитателей Сумеречного холма. Бедный старик и так страшно расстроился, когда узнал, что Веслина подкупили. Можешь представить, что он почувствовал, когда обнаружил, о каких деньгах идет речь.

Локк усиленно закивал.

— Итак, это две твои ошибки. Третья же заключалась в том, что ты впутал в дело Грегора. Или ты хотел, чтобы и Грегору досталось на орехи?

— Нет, хотя он тоже мне не нравился. Я думал отомстить только Веслину. Ну, может, хотел, чтобы и Грегору немного влетело, но не так сильно, как Веслину.

Вот именно. Ты наметил жертву, придумал хитрую каверзу против нее, но не предусмотрел побочных последствий. Поэтому, хотя злоумышлял ты против одного Веслина, несчастный Грегор Фосс тоже получил ножом по горлу.

— Я же так и сказал — нет, что ли?! С Грегором случайно получилось, я же признал.

О, теперь ты злишься? Ну да, конечно... злишься, что дал маху. Злишься, что оказался не таким умным, как воображал. Злишься, что боги наделили тебя умом не исключительным, а самым что ни на есть заурядным. Вот досада-то, да?

Локк резко задул лампу и перекинул через парапет, подбросив как можно выше. Стук ее падения потонул в оживленном гуле вечернего Каморра. Мальчишка скрестил руки на груди и насунился.

— Замечательно, что ты избавился от лампы, представлявшей для нас угрозу, дружок. — Цеппи сделал последнюю затяжку и растер окурки о каменный парапет. — Она ведь наушничала на нас герцогу, да? Замышляла нас убить?

Локк молчал, стиснув зубы и выпятив нижнюю губу. Grimаса, выдающая раздражение; мимический язык малолетнего ребенка. Цеппи хмыкнул:

— Я верю твоему рассказу, Локк, потому что, перед тем как купить тебя, я долго разговаривал с твоим бывшим хозяином, и он тоже все мне рассказал. Сообщил среди всего прочего о твоей последней и самой большой ошибке, которая окончательно утвердила его в решении избавиться от тебя. Догадываешься, о чем речь?

Локк помотал головой.

— Не знаешь или не хочешь говорить?

— Не знаю, честно. — Мальчишка потупил взгляд. — Я... я об этом не думал.

— Ты показывал беложелезную монету другим детям из уличников. Нескольким из них ты объяснил, зачем она тебе нужна. И велел им держать язык за зубами. Но с чего ты взял, что они тебя послушают?

Глаза у Локка расширились. Он снова выпятил губу, но уже без раздражения, и после короткой паузы неуверенно проговорил:

— Они... они тоже ненавидели Веслина. И хотели, чтоб хозяин поколотил его.

— Разумеется. И возможно, пару дней твои приятели и впрямь помалкивали. Ну а потом? После того, как твой хозяин убил Веслина, убил Грегора, поостыл немного и получил возможность хорошенько все обдумать? Что, если он начал задавать вопросы про некоего Ламору? Что, если отвел в сторонку кого-нибудь из твоих друзей и ласково спросил, а не замышлял ли в последнее время Локк Ламора что-нибудь этакое... необычное? Необычное даже для него?

— Ох! — Мальчишка вздрогнул. — Ох!..

— О-хо-хо! — Цеппи подался вперед и потрел его по плечу. — Озарение! Оно всегда как обухом по голове, верно?

— Пожалуй.

— Ну вот, теперь ты сам видишь, почему у тебя все пошло не так, как задумывалось. Сколько всего детей живет на Холме, Локк? Сто? Сто двадцать? Со сколькими из них, по-твоему, Наставник сумеет справиться, если они вдруг нападут на него? С одним-двумя — легко. А с четырьмя? С восьмью? Со всеми?

— Мы... э-э... да нам никогда такое в голову не приходило.

— А знаешь почему? Потому что власть твоего бывшего хозяина основана не на здравом смысле, а на страхе. Из страха перед ним старшие огольцы ходят по струнке. А мелюзга вроде тебя ходит по струнке из страха и перед ним, и перед ними. Все, что ослабляет этот страх, угрожает положению Воровского наставника. И тут появляется Локк Ламора, который гордится своими дурацкими проделками и считает себя умнее всех на свете.

— Я вовсе... я не считаю себя умнее всех на свете.

— Еще три минуты назад -- считал. Послушай, Локк, вот я — гарриста, то есть предводитель шайки, пускай и маленькой. Твой бывший хозяин тоже гарриста — гарриста Сумеречного холма. А когда способность предводителя крепко держать вожжи в руках ставится под сомнение, в ход идут ножи. Ну подумай сам: разве сумел бы Воровской наставник сохранить непрерываемую власть на Сумеречном холме, если бы пошла слухи, что ты его так ловко одурачил? Обвел вокруг пальца, точно несмышленного ребенка? Старик уже никогда не смог бы держать своих сирот в полном повиновении. Они с каждым днем распоясывались бы все больше — и дело неминуемо закончилось бы кровопролитием.

— Поэтому он и избавился от меня? Но что насчет уличников? Что насчет ребят, которые помогали мне поквитаться с Веслином?

— Хорошие вопросы. Простые ответы. Твой бывший хозяин берет под опеку малолетних беспризорных сирот, и обычно они живут на Сумеречном холме до тринадцати-четырнадцати лет. Он обучает детей азам ремесла — воровским приемам и воровскому языку, умению заводить знакомства среди Путных людей и уживаться в шайке, всем хитростям и уловкам, позволяющим избежать виселицы. Обученных воришек он продает в крупные шайки, в настоящие шайки. Понимаешь? Он принимает заказы. Скажем, Серолицым требуется девчонка-домушница. Или Арсенальным нужен крепкий мальчишка, умеющий драться. Шайкам от Воровского наставника одна выгода: он поставляет им новых работников, уже владеющих всеми необходимыми навыками.

— Ага, я знаю. Вот почему... он меня продал вам.

— Да. Потому что ты — случай из ряда вон. У тебя недюжинные способности, хотя ты и направил их на дурное дело. Но твои маленькие друзья из уличников? Они ведь особыми дарованиями не отличались. Обычные воришки-карманники, заурядные малолетние заманухи. Еще не созревшие для настоящей работы. Никто за них и медяка не дал бы, кроме работорговцев, но у твоего бывшего хозяина, как ни странно, осталась крупица совести: он не продаст в рабство ни одного своего воспитанника даже за все богатства Каморра.

— То есть... он должен был что-то сделать со всеми нами? Со всеми, кто знал про монету и мог проболтаться? И я единственный, кого он продал?

— Совершенно верно. Что же до остальных... — Цеппи пожал плечами. — Через две-три недели никто уже и имен их не вспомнит. Сам знаешь, как оно бывает на Холме.

— Получается, это я убил их?

— Да, так и есть. — Цеппи не счел нужным смягчить голос. — Пытаясь навредить Веслину, ты в придачу к нему убил Грегора и четырех-пятерых своих товарищей.

— Ох, черт...

— Теперь ты понимаешь, что такое последствия? Почему нужно действовать без спешки, продумывать все заранее, учитывать все обстоятельства? Почему сейчас тебе надо уgomониться и подождать, когда в тебе разовьется здравый смысл, достойный твоего плутовского дара? Впереди у нас годы совместной работы, Локк. Годы спокойной, усердной работы с тобой и остальными моими проказниками. Если ты хочешь остаться здесь, накрепко усвой

одно правило: никаких самовольных мошениств, никаких плутней, никаких надувательств, вообще ничего без моего приказа. Когда молодцы вроде тебя лезут на рожон, обстоятельства ополчаются против них. А тогда обычно страдают другие люди. Все ясно?

Локк кивнул.

— Итак... — Ценни резко расправил плечи, покрутил головой из стороны в сторону, и внутри у него что-то захрустело и затрещало. — Ты знаешь, что такое посмертное приношение?

Нет.

— Это то, что все мы делаем для Великого Благодетеля и друг для друга. То, что делают не только посвященные служители Тринадцатого, но все воры и мошеники, все Путные люди Каморра. Когда мы теряем близкого человека, мы должны добыть что-нибудь ценное и расстаться с добычей — выбросить в море, скажем, или кинуть в огонь. Мы делаем это, чтобы помочь нашим друзьям на их пути в иные пределы. Ясно?

— Ага. Но мой бывший хозяин...

Он тоже так делает, поверь мне. Он страшный скупердяй, но все равно втайне от вас он совершает посмертное приношение за всех до единого своих подопечных, которых теряет. Просто не считает нужным говорить вам об этом. Но тут вот какое дело... существует одно строгое правило: в дар Великому Благодетелю нельзя приносить вещь или деньги, тебе уже принадлежащие. Понятно? Ты обязательно должен пойти и украсть что-нибудь — не взять с ведома и позволения владельца, а именно украсть. Смекаешь? Добыть воровством, и никак иначе.

— Да, конечно.

Отец Ценпи хрустнул пальцами:

— Так вот, Локк, ты совершишь посмертные приношения за всех детей, тобой убитых. За Веслина, за Грегора, за каждого из своих маленьких друзей. Точное их число я узнаю через день-другой.

— Но я... они не...

— Разумеется, они твои друзья, Локк. И друзья очень хорошие. Потому что они помогут тебе понять очень важную вещь: если убиваешь, жди последствий. Одно дело — убить на дуэли, убить при самообороне, убить из мести. И совсем другое дело — убить просто по беспечности, по недомыслию. Смерти эти будут служить тебе постоянным напоминанием и предостережением до тех пор, пока ты не станешь таким осмотрительным, таким благоразум-

ным, что Переландровы угодники будут плакать от умиления, на тебя глядячи. Твое посмертное приношение составит тысячу полных крон за голову. Украденных по всем правилам, тобой собственноручно.

— Но я... что?! Тысяча крон? За каждого? Тысяча?!

— Ты снимешь метку смерти с шеи, только когда отдашь Великому Благодетелю последнюю монету — и ни секундой раньше.

— Но это же невозможно! На это уйдет... целая вечность!

— Не один год, если точнее. Но здесь, в моем храме, мы воры, а не убийцы. Если хочешь остаться жить со мной, отдай дань уважения мертвым — таково мое требование. Эти мальчики и девочки — твои жертвы. Уясни себе это хорошенько. Ты им кое-что должен в глазах богов. И останешься здесь единственно в том случае, если поклянешься на крови, что долг свой отдашь. Готов ли ты принести клятву?

Локк ненадолго задумался, потом тряхнул головой, словно прогоняя неприятные мысли, и решительно кивнул.

— Тогда дай мне левую руку.

Локк повиновался. Цеппи достал из складок рясы тонкий череный стилет и провел острием по своей левой ладони. Затем крепко взял протянутую руку мальчика и сделал неглубокий, но болезненный надрез между большим и указательным пальцем. Потом они двое крепко сценили руки и не расцепляли, пока перемешанная кровь не растеклась у них по ладоням.

— Ну вот, теперь ты один из нас, Благородных Каналий. Я твой гарриста, а ты мой пезон, мой маленький солдат. Так ты клянешься сделать то, что я велел? Совершить посмертные приношения за детей, погибших по твоей вине?

— Я все сделаю, — сказал Локк.

— Хорошо. В таком случае можешь остаться на ужин. Пойдем вниз.

2

За занавешенной дверью в глубине святилища оказался грязный коридор, ведущий к нескольким равно грязным кельям. Царство сырости, плесени и нищеты. Лампы под колпаками из масляной бумаги сочили мутно-желтый свет, позволявший разглядеть грубые дощатые нары с разбросанными на них свитками и кни-

гами, а также сомнительной чистоты рясы, висящие на стальных крючках.

— Эта вся херотень для отвода глаз. — Цеппи провел Локка в ближайшую к занавешенной двери каморку и плавно развел руками, словно хвастаясь перед гостем роскошным дворцом. — Мы иногда принимаем здесь попечителей или странствующих священников ордена Переландро, а они должны видеть то, что ожидали увидеть.

Нары самого священника (ибо Локк заметил, что цепи из святилища ни до одной другой кельи не дотянутся) стояли на цельной каменной плите, выступающей из стены подобием широкой ступени. Цеппи засунул руку под несвежие одеяла, что-то повернул там с металлическим щелчком и поднял свою постель, точно крышку гроба. Оказывается, одеяла крепились на деревянной панели, которая откидывалась на вделанных в камень петлях. Из прямоугольного проема в каменной плите полился манящий золотистый свет и потянулись пряные запахи перворазрядной каморрской кухни. Локк принялся: да, именно такие ароматы порой прилетали с ветром из квартала Альсегранте и плыли из богатых гостиниц и домов.

— Давай, спускайся туда! — махнул рукой Цеппи; заглянув в отверстие, мальчик увидел каменный колодец чуть шире могучих плеч священника, прочную деревянную лестницу, ведущую футов на двадцать вниз, и дощатый пол, вроде бы полированный. — Шевелись, хватит глазами хлопать!

Локк подчинился. Расстояние между широкими нестругаными ступеньками не превышало полуфута, и спускаться было легко. Уже через несколько секунд Локк стоял в просторной галерее, словно бы перенесенной сюда из башни самого герцога. Пол и впрямь оказался полированным: длинные, ровные золотисто-коричневые доски приятно поскрипывали под ногами. Сводчатый потолок и стены покрывал толстый слой молочно-золотистого стекла, источавшего слабое сияние, подобное дымчатому сиянию зимнего солнца, что еле пробивается сквозь плотные облака. Свет шел ниоткуда и отовсюду: светились сами стены. Шумно кряхтя, тяжело стуча ногами и позвякивая джутовым мешком с собранными за день пожертвованиями, Цеппи спустился следом за мальчиком и грузно срыгнул с последней ступеньки. Он дернул за веревку, привязанную к лестничной тетиве, и крышка люка, замаскированная под нары, со щелчком захлопнулась.

— Ну вот. Здесь поуютней будет, верно?

— Ага. — Локк провел ладонью по безупречно гладкой стене, на удивление прохладной. — Это Древнее стекло, да?

— Да уж, знамо дело, не штукатурка. — Ценци подтолкнул мальчика вперед по галерее, которая ярлов через пятнадцать-двадцать поворачивала налево. — Весь подвал окружен стеклом, словно бы запечатан в нем. А храм построен нарочно, чтобы закрыть к нему доступ, много веков назад. Насколько я знаю, в стеклянной толще вокруг нет ни единого разлома, ни единой трещины, кроме пары тоннелей, ведущих в места не менее любопытные. Подвал надежно защищен от наводнений, сюда не просачивается ни капли, даже когда на улицах воды по пояс. И сюда не пробраться ни крысам, ни тараканам, ни паукам, ни прочей дряни, если только сам не вступишь по невнимательности, когдаходишь и выходишь.

Приблизившись к повороту галереи, они услышали звон сковород и приглушенное хихиканье братьев Санца, а когда завернули за угол — оказались в превосходно обустроенной кухне с высокими буфетами и длинным столом ведьмина дерева, окруженным стульями. Локк аж глаза протер от удивления, увидев мягкие сиденья с черной бархатной обивкой и золотые листовные узоры на высоких спинках.

Кало и Галдо хлопотали у кирпичной кухонной стойки, бойко стуча ножами и передвигая сковороды на огромной плите белого алхимического камня. Подобные белокаменные плиты, дававшие бездымный жар, если плеснуть на них водой, Локк видел не раз, но такую большущую — впервые: она весила, наверное, не меньше, чем отец Ценци. Пока мальчик смотрел, Кало (или Галдо?) поднял сковороду и вылил темного воды из стеклянного кувшина на шипящий камень. Над плитой пыхнуло облако пара, насыщенного столь аппетитными запахами, что рот у Локка мигом наполнился слюной.

Над столом ведьмина дерева сияла необычного вида люстра. Став постарше, Локк признает в ней армилярную сферу, со стеклянными кольцами и осью из чистого золота. Алхимический шар в самом центре источал яркий бронзово-белый свет солнца; концентрические стеклянные кольца изображали орбиты родной планеты и всех ее небесных сестер, включая три луны; а вокруг сферы блестели сотни крохотных звездочек, похожих на брызги расплавленного стекла, чудом застывшие в воздухе. Свет играл и переливался на всех гранях люстры, однако что-то с ним было

не так. Казалось, будто стекло потолка и стен вытягивает свет из алхимического солнца, поглощает его, впитывает и разносит по всему Древнему стеклу в этом диковинном подвале.

— Добро пожаловать в наш настоящий дом, в наш маленький храм Великого Благодетеля. — Цеппи бросил на стол мешок с монетами. — Наш покровитель никогда не разделял распространенного мнения, что истинная набожность непременно предполагает отказ от мирских благ. Здесь, внизу, мы выражаем благодарность за земные радости, оные радости вкушая, если ты понимаешь, о чем я. Эй, ребятки! Гляньте, кто жив остался после беседы со мной.

— Да мы и не сомневались, — сказал один из близнецов.

— Ни секунды, — подтвердил другой.

— Теперь-то можно узнать, за что его прогнали с Сумеречного холма? — почти в один голос спросили братья, видимо имевшие обыкновение говорить хором.

— Узнаете, когда старше станете. Гораздо старше. — Цеппи выразительно посмотрел на Локка и отрицательно покачал головой, приказывая помалкивать на сей счет. — Полагаю, Локк, сервировать стол ты не умеешь. Я прав?

Мальчик кивнул, и священник подвел его к высокому буфету слева от кухонной плиты. В нем стояли стопки белых фарфоровых тарелок. Взяв одну из них, Цеппи показал Локку изображенный на ней герб (рука в латной перчатке, сжимающая стрелу и виноградную лозу) и ярко-золотой узор по ободку.

— Позаимствовано, так сказать, на бессрочной основе у доньи Изабеллы Манечеццо, вдовой тетушки герцога Пикованте, — пояснил священник. — Она умерла бездетной, а при жизни устраивала приемы крайне редко, как что тарелками этими почти не пользовалась. Видишь, как иные наши действия, на первый взгляд жестокие и преступные, оказываются вполне целесообразными, если посмотреть на них под правильным углом зрения? А способность правильно видеть вещи даруется Великим Благодетелем; во всяком случае, нам нравится так думать. Ведь не будь его воля, мы не отличали бы доброе от дурного.

Цеппи протянул тарелку Локку. Тот с преувеличенной осторожностью взял ее и принялся внимательно разглядывать золотой узор на ободке.

— А это... — священник любовно провел ладонью по столу из ведьмина дерева. — это бывшая собственность Мариуса Кордо, веррарского негодяя. Стол стоял в кают-компании трехпалуб-

ного галеона. Громадный корабль! Восемьдесят шесть весел. У нас с Мариусом вышла небольшая размолвка, вот я кают-компанию и обчистил в знак своего недовольства. Все без остатка вынес: стулья, ковры, гобелены, одежду. Прямо с корабля. Деньги нарочно не взял, чтоб он понял, что не в них дело. А все украденное я утопил в Медном море, кроме этого вот стола... А вон та вещь! — Цеппи поднял палец, указывая на люстру в виде небесной сферы. — Ее везли в надежно охраняемом торговом обозе из Ашмира старому дону Левiane. И в ходе перевозки она непонятным образом превратилась в обычный ящик с соломой.

Священник достал из буфета еще три большие тарелки и вложил в руки Локку.

Ух... — крикнул Локк под тяжестью изысканного фарфора.

— Ах да, — Цеппи махнул рукой в сторону стула во главе стола. — одну поставь там, для меня. Другую поставь слева, там будешь сидеть ты. А справа — две тарелки для Кало и Галдо. Будь ты моим слугой, я бы сейчас приказал тебе сделать повседневную сервировку. А ну-ка, повтори.

Повседневная сервировка.

— Умница! Так накрывают стол знатные господа, когда обедают в тесном семейном кругу, ну, может, еще с одним-двумя близкими друзьями. Значительным взглядом и равно значительным тоном Цеппи дал понять, что Локк должен намотать себе это на ус, а затем принялся знакомить мальчика с затейливым многообразием бокалов, льняных салфеток и серебряных столовых приборов.

Что за нож такой? — Локк недоуменно повертел в руках нож для масла, со скругленным лезвием. — Он же никуда не годится: ни пырнуть толком, ни зарезать.

— Да, зарезать таким непросто, согласен с тобой, дружок. — Цеппи стал показывать, как раскладываются столовые приборы и расставляются различные блюда и миски. — Но за столом у знатных господ считается невежливым убивать чем-либо, помимо ядов. А этот нож предназначен для того, чтобы намазывать масло, а не перерезать глотки.

— Сколько хлопот, чтобы просто пожрать!

— Ну, на Сумеречном холме вы могли есть холодный бекон да горелые пироги хоть с задниц друг у дружки — твоего бывшего хозяина вопросы этикета не заботят. Но ты теперь *Благородный Каналья*. Повторяю, *благородный*, а значит, обладающий изысканными манерами. Ты должен научиться есть и обслуживать своих гостей, как принято в приличном обществе.

— Но зачем?

— Да затем, Локк Ламора, что когда-нибудь тебе придется обедать с баронами, графами и герцогами. С кунцами, адмиралами, генералами и знатными дамами. И когда такое случится... — Цепни двумя пальцами приподнял за подбородок голову Локка, чтобы посмотреть прямо в глаза. — Когда такое случится, никто из этих болванов даже не заподозрит, что сидит за одним столом с вором.

3

— Ну не славно ли?

Священник отсалютовал пустым бокалом трем своим подопечным, занявшим места за роскошно накрытым столом, на котором дымились медные чаши и тяжелые фаянсовые супницы с плодами кулинарных усилий Кало и Галдо. Локк, усаженный на дополнительную подушку, чтобы локти находились на уровне столешницы, смотрел на чудесные яства и богатое столовое убранство широко раскрытыми глазами. У него просто в голове не укладывалось, что за каких-то несколько часов он навсегда распрощался со своей старой жизнью и начал новую, в обществе этих на удивление милых чудаков.

Цепни взял бутылку с темной, густой, как ртуть, жидкостью, которую назвал алхимическим вином. Когда он вытащил пробку, в воздухе разлился терпкий можжевеловый запах, на мгновение перебивший пряные ароматы главных блюд. Священник до половины наполнил бокал — в ярком свете люстры тягучая струя блеснула расплавленным серебром, — а затем поднял его на уровень глаз и торжественно возгласил:

— Этот бокал наполнен для того, кто незримо присутствует за нашим столом: для нашего покровителя и защитника, Многохитрого Стража, Отца уловов и плутней.

— Благодарение за полные карманы без пригляда, — хором сказали близнецы, и Локк подивился серьезности их тона.

— Благодарение за стражу, спящую на посту, — произнес Цеппи.

— Благодарение за город, кормящий нас, и за темную ночь, нас укрывающую, — отозвались братья.

— Благодарение за друзей, помогающих нам тратить добытое! — Священник поставил наполовину наполненный бокал на

середины стола, а потом взял другой бокал, поменьше, и налил в него на палец жидкого серебра.

— Этот бокал наполнен для нашего отсутствующего друга. Мы желаем Сабете удачи и молимся за ее благополучное возвращение.

— Хорошо бы, однако, чтобы сумасбродства у нее поубавилось, — сказал один из близнецов, которого Локк для удобства мысленно поименовал Кало.

— А скромности поприбавилось. — Галдо кивнул. — Да, скромность — это было бы просто здорово.

— Братья Санца желают Сабете удачи. — Цеппи неподвижно держал бокал в поднятой руке и сурово смотрел на братьев. — И молятся о ее благополучном возвращении.

— Да, мы желаем ей удачи.

— Благополучное возвращение — это было бы просто здорово.

— Кто такая Сабета? — тихонько спросил Локк у священника.

— Украшение нашей маленькой шайки. Единственная среди нас представительница прекрасного пола, в настоящее время отсутствующая по делам... скажем так, образовательного свойства. — Цеппи поставил второй бокал рядом с первым, наполненным для Великого Благодетеля, а затем взял бокал Локка. — Тоже особое приобретение, доставшееся мне от твоего бывшего хозяина. Как и ты, мой мальчик, она одарена необычайной способностью выводить из терпения окружающих.

— Под «окружающими» он разумеет нас двоих, — пояснил Кало.

— А скоро в число этих несчастных войдешь и ты, — ухмыльнулся Галдо.

— Хватит болтать, балаболки! — Цеппи плеснул серебристого вина в бокал и передал его Локку. — Еще один тост и еще одна молитва. За Локка Ламору, нашего нового брата! Моего нового пезона. Мы сердечно приветствуем его и желаем всяческой удачи. И мы просим Великого Благодетеля ниспослать Локку Ламоре благоразумия.

Изящными движениями он налил вина Кало и Галдо, а потом почти до краев наполнил свой бокал. Цеппи и братья Санца подняли бокалы, и Локк быстро последовал их примеру. Серебро играло и мерцало под золотом.

— Добро пожаловать в общество Благородных Каналий! — Цеппи притронулся своим бокалом к бокалу Локка; раздался нежный звон, тихо растаявший в воздухе.

— Лучше бы ты выбрал смерть, — улыбнулся Галдо.

— Он же предлагал тебе такой выбор, верно? — хихикнул Кало.

Братья чокнулись и одновременно потянулись через стол, чтобы чокнуться с Локком.

— Смейтесь, ребятаки, смейтесь. — Цеппи отпил глоточек вина. — Только помяните мое слово: если этот тощий мальчонка останется в живых, вы уже через год превратитесь в дрессированных мартышек, готовых скакать и кувыркаться перед ним за виноградинку. Давай, Локк, пей!

Заглянув в бокал, мальчик увидел на серебристой поверхности напитка зыбкое, но вполне отчетливое отражение собственного лица и ярко освещенного потолка; поздри защекотал дымчатый аромат можжевельника и аниса. Он поднес свое крохотное отражение к губам и отпил немного. Прохладное вино, казалось, пошло двумя путями: приятно щекочущая струйка тепла потекла вниз по горлу, а ледяные щупальца скользнули вверх по нёбу, прямо в носовые пазухи. Глаза у Локка полезли из орбит, он закашлялся и вытер ладонью внезапно онемевшие губы.

— Это зеркальное вино из Тал-Веррара. Превосходный напиток. Быстренько закуси чем-нибудь, иначе в голову ударит так, что закачаешься.

Кало и Галдо проворно сдернули влажные салфетки с сервировочных блюд и мисок, впервые явив взорам все многообразие поданных на стол кушаний. Были здесь и колбасы, аккуратно нарезанные и обжаренные в масле вместе с четвертинками груш; и красные перцы, фаршированные миндальной пастой с мелко нарубленным шпинатом; и куриные грудки, завернутые в тончайшее тесто, прожаренное до бумажной прозрачности; и холодные черные бобы в горчично-винном соусе. Братья Санца принялись накладывать Локку в тарелку всего понемногу с такой скоростью, что он не успевал следить за ними.

Неуклюже орудуя серебряной двузубой вилкой и одним из скругленных ножей, недавно вызвавших у него насмешливое недоумение, Локк начал закидывать в рот пищу, и богатейший вкусовой букет жарко расцвел у него на языке. Куриные грудки в тесте были сдобрены имбирем и молотой апельсиновой цедрой. Винный соус бобового салата согрел нёбо, а летучие пары горчицы обжигали горло. Локк жадно прихлебывал зеркальное вино, спеша погасить каждый очередной пожар, вспыхивавший во рту.

К немалому удивлению мальчика, братья Санца не принялись за еду после того, как обслужили его. Они сидели, сцепив руки,

и выжидательно смотрели на своего наставника. Убедившись, что Локк уписывает за обе щеки, Цеппи обратил взгляд на Кало:

— Ты — вадранский аристократ. Скажем, вассальный граф одного из наименее значимых кантонов Семи Сущностей. Ты находишься на званом обеде в Тал-Верраре. Здесь присутствует равное число мужчин и женщин: места за столом распределены заранее. Гости входят в столовую залу. Твоя дама идет об руку с тобой, вы ведете светскую беседу. Твои дальнейшие действия?

— На званом обеде в Вадране я бы выдвинул для нее стул, не дожидаясь приглашения, — ответил Кало без тени улыбки. — Но веррарская дама остановится подле стула, показывая тем самым своему кавалеру, что позволяет его выдвинуть. Оказывать услуги по собственному почину считается невежливым. Поэтому я подожду, пока она не сделает первый шаг.

— Молодец. Так, теперь ты. — Цеппи ткнул пальцем в Галдо, другой рукой накладывая себе в тарелку. — Сколько будет семнадцать помножить на девятнадцать?

Галдо на несколько секунд закрыл глаза, считая в уме ответ:

— Э-э... триста двадцать три.

— Правильно. Какова разница между вадранской и теринской морскими лигами?

— Вадранская лига длиннее теринской на сто... э-э... на сто пятьдесят ярдов.

— Молодец. Ну ладно, довольно с вас. Приступайте к еде.

Братья Санца, позабыв о приличиях, принялись сражаться за обладание сервировочными блюдами, а Цеппи повернулся к Локку, уже наполовину опустошившему свою тарелку:

— Через несколько дней я и тебе начну задавать подобные вопросы — проверять твои знания. У нас, понимаешь ли, кто не учится, тот не ест.

— А чему я должен научиться? Ну, кроме того, как на стол накрывать?

— Да всему! — Цеппи выглядел чрезвычайно довольным собой. — Решительно всему, мой мальчик. Как драться, как воровать, как лгать с честными глазами. Как стряпать такие вот кушанья! Как изменять свое обличье. Ты должен научиться говорить, как аристократ, писать, как священник, пускать слюни, как полудурок.

— Последнее у Кало знатно получается, — сказал Галдо.

— А-мна-на-мну-ба, — промычал Кало с набитым ртом.

— Помнишь, я говорил, что мы работаем не так, как обычные воры? Мы воры новой разновидности, Локк. Мы актеры, лицедеи. Вот я сижу здесь и изображаю священника Переландро, и на протяжении многих лет люди несут мне деньги. Из каких средств, по-твоему, я плачу за обстановку этой роскошной берлоги, за эту восхитительную еду? Мне пятьдесят три года. В таком возрасте лазить по крышам да колдовать над замками уже поздно. Своей мнимой слепотой я зарабатываю гораздо больше, чем в былые дни зарабатывал проворством и смекалкой. И я стал слишком тучен и неповоротлив для любой подвижной работы. — Ценни осушил бокал и палил себе еще. — Но вы четверо — ты, Кало, Галдо и Сабета... у вас будут все преимущества, каких не было у меня. Вы получите всестороннее и глубокое образование. Я передам вам все свои знания, все свои практические навыки, кои вы отточите до совершенства. И по завершении образования вы четверо будете проворачивать такие дела, рядом с которыми мое маленькое мошенничество с храмом Переландро покажется невинной детской проделкой.

— Звучит заманчиво, — сказал Локк, уже порядком захмелевший. Теплый туман счастливого удовлетворения нисходил на него, заглушая тревожную настороженность, свойственную любому кладбищенскому сироте. — И с чего мы начнем?

— Ну, сегодня вечером — если ты не будешь занят извержением из себя первого в твоей жизни приличного ужина — Кало и Галдо приготовят тебе горячую ванну. Отмывшись от грязи и дивного запаха, ляжешь спать. Завтра нарядим тебя служкой, будешь сидеть с нами на ступенях, собирать подаяние. А вечером... Ценни поскреб в бороде и отхлебнул из бокала. — Вечером пойдешь со мной к очень важному человеку. Капе Барсави. Ему не терпится взглянуть на тебя.

Глава 3

ВЫМЫШЛЕННЫЕ ЛЮДИ

1

Уже во второй раз за последние два дня дон Лоренцо Сальвара столкнулся в самом неожиданном месте с незнакомцами в масках и низко надвинутых капюшонах. На сей раз дело происходило сразу после полуночи, и двое незваных гостей поджидали Сальвару в его собственном кабинете.

— Закройте дверь, сударь. — велел один из них, пониже ростом. Говорил он на чистейшем каморреском, хриловатым резким голосом, изобличавшим в нем человека, привычного к беспрековному повиновению окружающих. — Присаживайтесь, сударь, и не трудитесь звать слугу. Он сейчас... гм... обездвижен.

— Кто вы такие, черт возьми? — Сальвара произвольно потянулся за рапирой, но рапиры при нем не было. Он закрыл за собой дверь, однако с места не сдвинулся. — Как вы сюда попали?

Незнакомец стянул вниз черный платок, закрывавший нос и рот, и откинул назад капюшон. У него было худое угловатое лицо, аккуратно подстриженные темные усики и черные волосы; правую щеку пересекал белый шрам. Порывшись в складках великоленно скроенного черного плаща, мужчина достал черный кожаный бумажник и раскрыл, показывая содержимое: маленький золотой полумесяц, вделанный в затейливо вырезанное матовое стекло.

— О боги! — Потрясенный Сальвара без дальнейших колебаний отошел от двери и упал в кресло. — Так вы Полуночники!

— Совершенно верно. — Незнакомец захлопнул бумажник и спрятал обратно в карман. Второй незваный гость, по-прежнему в маске и надвинутом капюшоне, неторопливо обошел дону Лоренцо и встал между ним и дверью. — Просим прощения

за почное вторжение. Но мы здесь по делу весьма щекотливого свойства.

— Я что, чем-то вызвал недовольство его светлости?

— Нет, насколько мне известно, сударь. Собственно говоря, мы здесь как раз для того, чтобы удержать вас от действий, которые вызовут недовольство герцога.

— Я... ну... положим. Гм... А что вы сделали с Конте?

— Просто дали ему кой-чего, чтоб уснул ненадолго. Мы знаем, что ваш телохранитель безмерно вам предан, и знаем, что он человек опасный. Нам хотелось бы избежать возможных... недоумений.

В подтверждение последних слов второй мужчина приблизился к столу и аккуратно положил на него боевые клинки Конте.

— Понятно. Надеюсь, с ним все будет в порядке. — Пристально глядя на незнакомца со шрамом, дон Сальвара побарабанил пальцами по столу. — В противном случае я буду крайне раздосадован.

— Он цел и невредим. Слово герцогского слуги.

— Удовольствуюсь вашим заверением. Пока что.

Мужчина со шрамом вздохнул и потер переносицу двумя пальцами в перчатке:

— Нам нет необходимости начинать разговор в таком тоне, сударь. Еще раз приношу извинения, что явились без приглашения и проникли в ваш дом тайно, но вы скоро поймете, что наш хозяин печется в первую очередь о вашем благополучии. Мне поручено спросить, хорошо ли вы провели время сегодня в Плавучем цирке?

— Вполне хорошо. — Дон Сальвара осторожно выбирал слова, как если бы разговаривал со стряпчим или судейским писцом. — Полагаю, именно так можно оценить мое сегодняшнее времяпрепровождение.

— Прекрасно. Вы ведь были там не один?

— С доньей Софией.

— Я имею в виду еще кое-кого. Не из числа подданных его светлости. Не каморрца.

— А, мой гость. Торговец по имени Лукас Фервайт, из Эмберлена.

— Из Эмберлена. Ну конечно. — Незнакомец со шрамом скрестил руки на груди и обвел глазами кабинет, на мгновение задержав взгляд на двух небольших портретах в траурных рамках, где

были изображены покойные дон и донья Сальвара. — Так вот, сударь, человек этот такой же эмберленский торговец, как вы или я. Он обманщик. Мошенник.

— Что?.. — Дон Сальвара чуть было не вскочил на ноги, но вовремя спохватился, вспомнив про стоящего у него за спиной мужчину. — Но это невозможно! Он...

— Прошу прощения, сударь. — Собеседник растянул губы в неприятной деланой улыбке, какой улыбаются старые холостяки, когда пытаются успокоить плачущее дитя. — Но позвольте поинтересоваться, доводилось ли вам слышать о человеке по прозвищу Каморрский Шин?

2

— Я ворую потому лишь, что иначе мне не прокормить мою любимую семью! — провозгласил Локк Ламора, подняв бокал с вином.

Вместе с остальными Благородными Канальями он сидел за столом ведьмина дерева в роскошном логове под храмом Переландро. Кало и Галдо размещались справа от него, Жан и Клоп — слева. Стол ломился от яств, над головой сияла знакомым золотистым светом люстра в виде небесной сферы. Слова Локка были встречены свистом и смехом.

— Лжец! — хором выкрикнули его друзья.

— Я ворую потому лишь, что жестокий мир не дает мне возможности зарабатывать на жизнь честным трудом! — громко произнес Кало, поднимая бокал.

— Лжец!

— Я ворую потому лишь, что вынужден содержать своего бездельника-брата, чья лень разбила сердце нашей матушки! — объявил Галдо, толкая локтем Кало.

— Лжец!

— Я ворую потому лишь, что связался с дурной компанией, — сказал Жан.

Лжец!

Наконец очередь дошла до Клопа, впервые принимавшего участие в этом ритуале. Подняв бокал слегка дрожащей рукой, мальчик возбужденно прокричал:

— Я ворую потому лишь, что это страсть как забавно!

— Каналья!

С веселыми возгласами пятеро воров звонко сдвинули бокалы над столом. Золотой свет играл на хрустале и пронизывал мутно-зеленые глубины веррарского мятного вина. Четверо мужчин единым духом осушили бокалы и стукнули ими о стол. Клоп, уже малость окосевший, проявил больше осторожности в обращении со своим бокалом.

— Господа, у меня в руках первые плоды наших многонедельных исследований и усилий. — Локк поднял над головой пергаментный свиток, перевязанный ленточкой и скрепленный голубой восковой печатью представителя низшей каморрской знати. — Заемный вексель на пять тысяч полных крон, которые завтра нам выплатят из средств дона Сальвары, хранящихся в банкирском доме Мераджо. Первый наш успех, достигнутый при помощи пового и самого юного участника нашего сообщества.

— Мальца из бочки! — хором проорали братья Сацца, и в следующий миг в Клопа полетела обсыпанная миндалем булочка, которая угодила парнишке прямо между глаз и упала в его пустую тарелку.

Разломив булочку пополам, Клоп ответил тем же самым — и не промахнулся, даром что голова слегка кружилась от выпитого. Пока Галдо сердито моргал и тер глаза, выгоняя из них крошки, Локк продолжал:

— Второй шаг к цели, сделанный сегодня, особой сложности не представлял. Но мы не продвинулись бы так далеко за один-единственный день, если бы не вчерашние стремительные действия Клопа. Какой глупый, безрассудный, нелесный, чертовски рискованный поступок! У меня нет слов, чтобы выразить свое восхищение. — Не переставая говорить, Локк ухитрился проделать удивительный фокус с бутылкой: никто и не заметил, каким образом все бокалы оказались вновь наполненными. — За Клопа! За новую головную боль каморрской стражи!

После того как все выпили и старшие товарищи похлопали Клопа по спине, да так крепко, что тот едва на стуле удержался, Локк поставил на стол еще один бокал, самый большой, и медленно его наполнил.

— И последнее, прежде чем приступить к трапезе. — Он поднял бокал, и остальные разом умолкли. — Этот бокал наполнен для нашего отсутствующего друга. — Все мы тоскуем по славному старому Цеппи и молимся за упокой его души. Пусть Многохитрый страж неусыпно хранит своего многохитрого слугу. Он был человеком добрым и в своем роде совестливым.

Локк осторожно поставил бокал на середину стола и накрыл квадратным лоскутом черной ткани.

— Он гордился бы тобой, Клоп.

— Надеюсь. — Мальчик неподвижно смотрел на накрытый бокал в окружении великолепного столового хрусталя и золота. — Жаль, мне не довелось с ним встретиться.

— Ты стал бы для него утешением и радостью на склоне лет. — Жан прикоснулся губами к тыльной стороне своей левой ладони — то был благословляющий жест посвященных служителей Безымянного Тринадцатого. — Вожделенным отдохновением после многих мучений, кои он претерпел, возвращая нас четверых.

— Жан просто не хочет задеть никого из присутствующих. На самом деле мы с ним были кроткими овечками. А вот из-за братьев Санца бедный старик ночами не спал, все молился. — Локк потянулся к блюду, накрытому салфеткой. — Ну ладно, давайте есть, господа.

— А молился он, разумеется, о том, чтобы вы с Жаном выросли такими же смышленными и пригожими, как мы с братом. — Галдо быстро перехватил руку своего гарриста. — Ты ничего не забыл?

— О чем ты?

Кало, Галдо и Жан молча уставились на него. Клоп с преувеличенным интересом разглядывал люстру.

— Ох, черт...

Локк со вздохом поднялся с позолоченного стула и направился к буфету. Вернулся он с крохотным, чуть поболее наперстка, дегустационным бокалом, куда плеснул несколько капель мятного вина. Поднимать его Локк не стал, просто подтолкнул по столу к большому бокалу, накрытому черным лоскутом.

— Вот бокал, наполненный еще для одного отсутствующего. Где она сейчас, мне неизвестно, и чтоб всем вам подавиться, кроме Клопа, чертовски благодарен за внимание.

— Не слишком-то благочестивая молитва, особенно для священника. — Кало поцеловал свою левую руку и поводит ею над бокальчиком. — Она была одной из нас еще до твоего появления здесь, гарриста.

— Знаете, о чем молюсь? — Локк сжал кулаки на столе так, что костяшки побелели. — О том, чтобы в один прекрасный день вы поняли, что настоящая любовь гнездится не в области гульфика, а гораздо выше.

— Вина за разбитое сердце всегда лежит на двоих. — Галдо мягко положил ладонь на запястье товарища. — Я что-то не при-

помню, чтобы она рушила ваши отношения без твоей умелой помощи.

— И смею заметить, — сказал Кало, — что у всех нас сильно полегчает на душе, если ты наконец любезно согласишься сходить к шлюхам, развлечься в полное удовольствие. Боги мои, возьми сразу трех! В деньгах-то у нас недостатка нет, верно?

— А я смею заметить, что мне давно осточертели подобные разговоры! — Локк возвысил голос почти до крика, и Жан твердо взял его за левую руку выше локтя, без труда обхватив пальцами бицепс.

— Она была нам другом, Локк. И до сих пор таковым остается. Она заслуживает более сердечной молитвы.

Он потянулся за бутылкой и долил в маленький бокал вина до краев. Потом поднял его к свету и отпустил руку Локка.

— Этот бокал наполнен для нашего отсутствующего друга. Мы желаем Сабете удачи. А нам самим — братского взаимопонимания и согласия.

Локк пристально смотрел на него несколько секунд, которые показались минутами, потом глубоко вздохнул:

— Прощу прощения. Я не хотел портить праздничный ужин. Тост действительно был плохой, и я... искренне о нем сожалею. Мне следовало отнестись к своим обязанностям серьезнее.

— Я тоже прошу прощения, — смущенно ухмыльнулся Галдо. — Мы понимаем твои чувства и не виним тебя. Мы знаем, что она... она не подарок, чего греха таить.

— Ну а я за свое предложение сходить к шлюхам извиняться не стану. — Кало пожал плечами. — Я серьезно, приятель. Возьми женщину. Обмакни свой фитиль. Брось свой якорь. Вложи свой кинжал в ножны, и тебе сразу полегчает.

— Да я и так на седьмом небе от счастья, разве не видно? Хотите, чтоб я совсем от радости обезумел? Нам ведь с вами еще предстоит поработать позже вечером. Многохитрого стража ради, давайте просто покончим с этой темой и бросим ее чертов труп в залив, а?

— Ну извини. — чуть погодя проговорил Кало, поймав на себе испепеляющий взгляд Жана. — Извини. Ты же знаешь, мы тебе только добра желаем. Прости, если мы слишком настойчивы. Но она в Парлее, а мы в Каморре, и совершенно очевидно, что ты...

Фраза осталась незаконченной, поскольку в переносицу Кало ударила миндальная булочка, и он осекся, вздрогнув. Вторая булочка угодила в лоб Галдо, третья упала на колени Жана, и Локк

едва успел вскинуть руку, чтобы отбить четвертую, брошенную в него.

— Ну честное слово! — Клоп нахватал еще булочек и сейчас угрожающе целился в товарищей. — Неужто я тоже таким скучным стану, когда вырасту? Я думал, мы тут празднуем наш успех, веселимся и ликуем, что мы богаче и умнее всех на свете!

Несколько мгновений Локк молча смотрел на мальчишка, а потом улыбнулся и взял из руки Жана маленький бокал, наполненный до краев.

— Клоп прав. Хватит дурацких разговоров, давайте ужинать. — Он поднял бокал к свету люстры, возможно выше. — За нас — самых богатых и самых умных на свете!

— Самые богатых и умных на свете! — хором повторили все остальные.

— За отсутствующих друзей, благодаря которым мы стали такими, какие есть. Мы скучаем по ним. — Локк чуть пригубил вина и поставил бокал на середину стола.

— И по-прежнему любим, — тихо добавил он.

3

— Каморрский Шип — это нелепейшая выдумка, измышленный праздными умами персонаж, разговоры о котором заходят за столом всякий раз, когда какие-нибудь чрезмерно впечатлительные господа не разбавляют свое вино должным образом.

— Каморрский Шип, — любезно промолвил мужчина со шрамом, — несколько часов назад покинул вашу прогулочную барку с подписанным вами заемным векселем на пять тысяч беложелезных крон.

— Кто? Лукас Фервайт?

— Именно.

— Лукас Фервайт — вадранец. Моя мать была вадранкой, и я хорошо знаю вадранский язык! Лукас — эмберленец до мозга костей. Ходит по жаре в шерстяном платье и шарахается от каждого женского взгляда! — Дон Лоренцо раздраженно сдернул очки и положил на стол. — Да этот человек без раздумий поставит жизнь своих детей против денег, которые сможет выручить за бочку сельдочных потрохов! С такими людьми я столько раз имел дело, что и не счесть. Лукас Фервайт не каморрец — и уж в любом случае не ваш мифический вор.

— Сударь, вам двадцать четыре года, верно?
 — В настоящее время — да. А при чем здесь мой возраст?
 — Несомненно, за годы, миновавшие с кончины ваших родителей — да пребудет с ними покой Долгого безмолвия! — вам довелось общаться со многими торговцами. И многие из них были вадранцами, так ведь?

— Именно так.

— Если бы некий человек, очень умный и хитрый, захотел, чтобы вы приняли его за торговца... Кем бы он нарядился и представился перед вами? Рыбаком? Наемным лучником?

— Не понимаю, о чем вы.

— Я о том, сударь, что против вас использовали собственные ваши ожидания. Безусловно, у вас острое чутье на деловых людей. Вы втрое умножили семейное состояние за недолгое время, что ведете дела самостоятельно. Посему самое разумное, — что может сделать мошенник, желающий заманить вас в ловушку, это прикинуться многоопытным торговцем. Ответить всем вашим ожиданиям. Явить вашему взору ровно то, что вы ожидаете и хотите увидеть.

— Но если согласиться с вашими доводами, — медленно проговорил дон Лоренцо, — то получается, что самоочевидная истинность любой вещи может служить доказательством ее ложности. Я утверждаю, что Лукас Фервайт — эмберленский торговец, поскольку он по всем признакам таковым является; а вы в ответ говорите, что как раз эти признаки и изобличают в нем обманщика. Нет, мне требуются более разумные доказательства.

— В таком случае, сударь, позвольте мне отклониться в сторону и задать вам другой вопрос. — Мужчина со шрамом сцепил руки под плащом и пристально взглянул на молодого аристократа. — Будь вы вором, выбирающим своих жертв только среди знати Мирного герцогства Каморр, как бы вы скрывали ваши дела?

— Только среди знати? Опять вы о своем Каморрском Шипе. Да нет такого вора и быть не может! Существуют определенные соглашения... Тайный уговор. С любимым, кто осмелился бы его нарушить, мигом разделались бы другие воры.

— А если наш вор неуловим? Если наш вор успешно скрывает свою личность от собратьев по ремеслу?

— Если... если... По слухам, Каморрский Шип обкрадывает богатых... — дон Сальвара приложил ладонь к груди, — и все до последнего медяка отдает бедным. Но доводилось ли вам слышать о мешках золота, брошенных на улице в Горелище? Об угольщиках

или старьевщиках, внезапно обзаведшихся шелковыми камзолами и расшитыми бабшаками? Я вас умоляю! Ваш Шип — плод досужих вымыслов, герой дурацких застольных баек. Искусный фехтовальщик, дамский соблазнитель, призрак, проходящий сквозь стены. Смешно, право слово.

— Двери вашего дома кренко заперты, окна закрыты ставнями — однако мы с моим напарником здесь, в вашем кабинете.

— Гм... положим. Но все же вы обычные люди из плоти и крови.

— Да, ходят такие слухи. Впрочем, мы отвлеклись от темы. Так вот, сударь, наш вор не прикладывал бы усилий к тому, чтобы скрыть свои преступления, а предоставил бы своим жертвам сделать все за него. Допустим, Лукас Фервайт не кто иной, как Каморрский Шип, и вам стало известно, что он обчистил ваши сундуки. Как вы поступите? Поднимете на ноги стражу? Открыто возопите о помощи, явившись ко двору его светлости? Расскажите о случившемся в присутствии дона Палери Джакобо?

Я... я... Вот, значит, как вы вопрос повернули. Не знаю даже...

Захотите ли вы, чтобы весь Каморр узнал, что вам патянули нос? Что вас оставили в дураках? Смогут ли деловые люди полагаться на ваше здравое суждение после такого? Удастся ли вам когда-нибудь полностью восстановить репутацию?

— Думаю, это было бы весьма непросто.

Правая рука собеседника вновь выпросталась из-под плаща — без перчатки, бледная на фоне темной ткани. Мужчина поднял указательный палец:

Четыре года назад ее светлость донья Розалина де Марре лишилась десяти тысяч крон, отдав означенную сумму за права на владение несуществующими садами выше по реке. — Он разогнул второй палец. — Два года назад дон и донья Фелучча потеряли вдвое больше. Они полагали, что финансируют переворот в Талишеме, после которого весь город станет их родовым владением. В прошлом году, — он разогнул третий палец, — дон Джаварри заплатил пятнадцать тысяч крон прорицателю, пообещавшему вернуть к жизни его старшего сына. — Мужчина резко разогнул мизинец и помахал всей пятерней перед доном Лоренцо. — А теперь дон и донья Сальвара вовлечены в секретное деловое предприятие, сулящее огромную выгоду. Скажите, вы хоть краем уха слышали о неприятностях, постигших поименованных мной господ?

— Нет.

— Донья де Марре дважды в неделю навещает вашу супругу, дабы обсудить с ней вопросы алхимической ботаники. Вы не раз встречались за карточным столом с сыновьями дона Джаварриза. Но тем не менее вы впервые обо всем этом слышите?

— Да... и я потрясен, надо признать!

— Точно так же в свое время был потрясен и его светлость. Мой хозяин потратил четыре года на то, чтобы отыскать и проследить тончайшие нити улики, связывающие все эти преступления. Подумать только! Огромные состояния, не меньше вашего, бесследно улечувивались, но потребовался прямой приказ герцога, чтобы развязать язык потерпевшим! Гордость принуждала их к молчанию.

Дон Лоренцо надолго задумался, уставившись в стол, потом наконец заговорил:

— Но... Фервайт снимает номер во «Фрегате». У него слуга, превосходное платье, очки стоимостью в сотню крон. А также... секретная собственность торгового дома бель Аустеров. — Молодой человек поднял глаза и посмотрел на собеседника так, как если бы обращался к строгому учителю за помощью в решении сложной задачи. — Откуда у обычного вора взяться всему этому?

— Ужели добротная одежда не по карману человеку, имеющему в своем распоряжении свыше сорока тысяч украденных крон? А что до бочонка невыдержанного бренди... откуда вам, мне, да и вообще любому, кто не посвящен в секреты дома бель Аустеров, откуда всем нам знать, как должен выглядеть пашинок? Какой вкус у него должен быть? Ваш бренди — просто подделка.

— Но Фервайта узнал на улице рацонский стряпчий, ведущий дела с банкирским домом Мераджо!

— Ничего удивительного. Наш друг начал создавать личность Лукаса Фервайта очень давно, вероятно еще до своего знакомства с доньей де Марре. Лукас Фервайт имеет самый настоящий счет у Мераджо, открытый пять лет назад на самые настоящие деньги. Лукас Фервайт обладает всеми внешними признаками человека зажиточного и преуспевающего, но на самом деле он призрак, фантом. Театральная роль, играемая для избранной узкой публики. Я знаю, о чем говорю, ибо слежу за ним уже много месяцев.

— Но мы с Софией люди вполне здравомыслящие. Если бы что-то было неладно, мы бы наверняка заметили.

— *Что-то* неладно? Да здесь неладно все от начала до конца! Прошу вас, господин Сальвара, послушайте меня внимательно!

Вы занимаетесь поставками первосортных крепких напитков. Каждую неделю молитесь за упокой души своей матери в вадранском храме. И вдруг наталкиваетесь у храма на вадранца, нуждающегося в вашей помощи, который — ну надо же! — оказывается купцом, торгующим тем же самым товаром, что и вы. Странное совпадение, вы не находите?

— А где еще, как не в храме Благоприятных Вод, молиться приезжему вадранцу?

— Негде, разумеется. Но посмотрите на это нагромождение случайностей. Вадранский питейный торговец на ваших глазах попадает в беду, причем как раз на своем пути к дону Джакобо — вашему заклятому врагу, которого, как всем хорошо известно, вы готовы уничтожить любым способом, не запрещенным герцогом.

— Вы что... следили тогда за нами?

— Да, и очень внимательно. Мы видели, как вы с вашим слугой бросились в проулок, чтобы спасти человека, которому, как вам показалось, угрожает смертельная опасность. И мы...

— Что значит «показалось»? Фервайта душил грабитель!

— Неужели? На самом деле разбойники в масках были его сообщниками, сударь. Сцену нападения мошенники разыграли с целью познакомить вас с мнимым купцом и его мнимым предприятием. И чтобы завлечь вас в ловушку, они сыграли на главных ваших струнах! На вашем теплом отношении к вадранцам, вашем чувстве долга и пылкой отваге, вашем деловом интересе к качественным крепким напиткам, вашему страстном желании насолить дону Джакобо. Ну разве не подозрительно, что план Фервайта должен оставаться в глубокой тайне? Что осуществить всю затею необходимо в кратчайшие сроки? Что предложенная сделка расплетает все ваши честолюбивые желания?

С минуту молодой человек молчал, уставившись в стену напротив и барабая пальцами по столу все быстрее и быстрее.

— Вы меня сразили наповал, — наконец произнес он тихим растерянным голосом.

— Сожалею, что пришлось огорчить вас, дон Сальвара. Правда очень неприятна, спору нет. Конечно же, Каморрский Шип не десяти футов ростом. Конечно же, он не может проходить сквозь стены. Но он существует на самом деле и в настоящее время прикидывается вадранцем по имени Лукас Фервайт. Он уже прикарманил ваши пять тысяч крон и рассчитывает выманить у вас еще двадцать тысяч.

— Надо срочно послать кого-нибудь к Мераджо, чтобы отметить выплату по векселю! — спохватился дон Лоренцо.

— Со всем уважением к вам, сударь, но ничего подобного делать не следует. Я получил ясные и четкие распоряжения. Нам нужен не только сам Шипп, но и его сообщники. Все его пособники, осведомители и соглядатаи. Сейчас он у нас на виду, и мы можем следить за всеми его передвижениями. Но стоит лишь Шиппу почуять что-то неладное — он мигом от нас скроется, а потом ищисвищи. И неизвестно, представится ли нам еще когда-нибудь другая такая возможность. Его светлость герцог Никованте недвусмысленно приказал, чтобы все до единого соучастники этих преступлений были установлены и арестованы. Поэтому мы от имени герцога просим и требуем вашего полного сотрудничества с нами.

— В таком случае что я должен делать?

— Продолжайте вести себя так, будто безоговорочно верите истории Фервайта. Пусть он получит деньги по векселю. Пусть насладится первым успехом. А когда он вернется и попросит еще денег...

— Да?

— Дайте ему все, что он попросит, сударь.

4

По завершении трапезы со стола убрали, и подзахмелевший Клоп получил задание вымыть всю посуду до блеска горячей водой и тонким белым песком. «Чрезвычайно полезно для твоего нравственного воспитания!» — воскликнул Жан, нагромоздив гору фарфора и хрусталя перед мальчиком. Локк с Кало сразу после ужина удалились в гардеробную, чтобы подготовиться к третьему и самому важному шагу в своем мошенническом предприятии.

Подвал под храмом Перселандро состоял из трех помещений: в одном находилась кухня, другое делилось деревянными перегородками на спальни, а третье служило гардеробной.

Вдоль всех стен гардеробной тянулись длинные вешалки, на которых висели сотни нарядов, упорядоченных по здешним и чужеземным модам, по сезону, по покрою, по размеру и по сословной принадлежности. Чего здесь только не было! И дерюжные рубахи, и рабочие блузы, и мясницкие фартуки в пятнах засохшей крови. И плащи самого разного вида — толстые зимние и тонкие летние,

груботканые и искусно пошитые, ничем не украшенные и украшенные всем, чем только можно, вплоть до золота, жемчуга и павлиньих перьев. И одеяния почти всех теринских священнических орденов — Переландро, Морганте, Нары, Сендовани, Ионо и прочих. И шелковые сорочки, и дублеты с хитроумно вшитыми с исподу защитными пластинами, и перчатки, и шейные платки, и галстуки всех фасонов. А также палки и трости в таком количестве, что можно снарядить целую армию хромых стариков.

Коллекцию эту Ценни начал собирать более двадцати лет назад, а его ученики постоянно пополняли на деньги, добытые мошенничеством. Изношенные вещи Благородные Капальи почти никогда не выбрасывали: даже самые грязные, провонявшие потом летние одежды тщательно стирались, обсыпались алхимическими ароматическими порошками и аккуратно вешались на вешалку — мало ли пригодятся. А в случае необходимости их всегда можно будет опять испачкать.

Посреди гардеробной находилось большое ростовое зеркало, а еще одно, поменьше, висело на таях, закрепленных на потолке, и могло перемещаться и устанавливаться в любом нужном положении. Сейчас Локк стоял перед зеркалом, в густо-черном бархатном дублете и таких же бриджах, в чулках цвета крови на багряной закатной воде и в простом каморрском галстуке похожего оттенка.

— Не слишком ли театрально мы вырядились? — Кало был одет точно как же, только чулки и галстук не красные, а серые. Он поддернул рукава к локтю и скрепил зажимами, украшенными черным жемчугом.

— В самый раз, — ответил Локк, поправляя галстук. — Мы Полночники, мы полны сомнений. Какой уважающий себя тайный сыщик вторгнется среди ночи в чужой дом, одетый в зеленое, оранжевое или белое?

— Да такой, который просто подойдет к двери и постучит.

— Я все понимаю, но не хочу отступать от плана. После насыщенного приятного событиями дня дон Сальвара должен испытать глубочайшее потрясение. А лиловые и карминные оттенки недостаточно сильно впечатляют.

— Ну, если так посмотреть на дело, пожалуй.

— Чертов дублет жмет в спине, — пробормотал Локк. — Жан! Жа-а-ан!

— Что там такое? — гулко донеслось до них мгновение спустя.

— Что-что... Наверное, мне просто нравится произносить твое имя! Иди сюда!

Через несколько секунд в гардеробную неспешно вошел Жан, с бокалом бренди в одной руке и потрепанной книгой — в другой.

— Я думал, сегодняшняя вечер у Грауманна выходной.

— Грауманн может отдыхать спокойно. — Локк раздраженно ткнул большим пальцем себе за спину. — А мне требуются услуги самой уродливой в Каморре швен.

— Галдо занят: помогает Клопу мыть посуду.

— Живо хватай иголку с ниткой, очкарик.

Жан недовольно пасунил брови над очками, но отложил книгу, отставил бокал и полез в маленький деревянный сундучок, стоявший у стены.

— Что читаешь? — Кало приколол к галстучному банту серебряную брошь с аметистом и сейчас одобрительно разглядывал себя в маленьком зеркале.

— Кимлартену, — ответил Жан, осторожно продевая черную нитку в белую костяную иглу.

— Коришнейские рыцарские романы? — насмешливо фыркнул Локк. — Сентиментальная чушь. Вот уж не думал, что ты увлекешься детскими сказками.

— К твоему сведению, эти, как ты выражаешься, сказки — важные литературные памятники эпохи Теринского владычества. — Жан подступил к Локку сзади, с распарывателем в одной руке и иголкой с ниткой в другой. — И вообще там зверь Вуаццо отрывает голову по меньшей мере трем рыцарям.

— Книга небось с картинками?

— Увы, самые интересные эпизоды не проиллюстрированы. — Жан принялся орудовать распарывателем с той же осторожностью, с какой вскрывал замки или лез в чужой карман.

— Ох, да не возись там особо, мне плевать, как дублет выглядит сзади: все равно под плащом не видно будет. Привести его в порядок мы всегда успеем.

— Мы? — усмехнулся Жан, ловко распарывая швы в нужных местах. — Скорее уж, я. Из тебя портной, как из собаки поэт.

— Не стану спорить. Ну вот, так гораздо лучше. Теперь есть место, где спрятать бумажник со значком тайного сыска и еще пару занятных вещей на всякий случай.

— Как-то непривычно выпускать для тебя одежду, а не ушивать. — Жан убрал швейные принадлежности обратно в сундучок

и закрыл крышку. — Смотри не забывай о тренировках: нам совсем ни к чему, чтобы ты набрал еще полфунта.

— Ну, положим, большую часть моего веса составляет мозг. — Локк подтянул рукава к локтю и скрепил зажимами, как немногим ранее сделал Кало.

— Ты на треть состоишь из дурных намерений, на треть — из алчности и на одну восьмую — из спеси. А все остальное — пожалуй, да: мозг.

— Раз уж ты здесь и раз уж ты про меня, бедного-несчастливого, досконально все знаешь, может, придвинешь гримерный шкафчик да пособишь мне преобразиться?

Прежде чем подтащить к зеркалу деревянный шкафчик с десятками выдвижных ящичков, Жан немного отхлебнул из бокала.

— С чего начнем? С волос? Тебе нужны черные, полагаю?

— Как смоль. Этого малого я буду изображать всего два-три раза.

Жан обернул плечи Локка белым полотенцем, которое скрепил на груди крохотным костяным зажимом. Затем открыл одну из многочисленных аптечных банок и обмакнул пальцы в содержимое — черную желеобразную мазь с резким цитрусовым ароматом.

— Хм... Цветом чернее угля, а пахнет апельсинами. Нет, мне никогда не понять юмора нашей Джессалины.

Он принялся втирать мазь в каштановые волосы товарища.

— Черным аптекарям тоже нужно как-то развлекаться, — улыбнулся Локк. — Помнишь усыпительную свечу с запахом говядины, которую она дала нам для чертова сторожевого пса дона Фелучча?

— Да уж, смеху не оберешься. — Кало нахмурился, поправляя галстук и одергивая дублет. — На запах сбежались бродячие кошки со всего Каморра да и попадали там одна за другой. Как вспомню, так вздрогну: вся улица устлана спящими кошками — шагу не ступить, а ветер поминутно меняется, и мы носимся взад-вперед, чтоб оставаться с наветренной стороны от дыма, не надыхаться случайно...

— Прямо скажем, не лучшая минута в нашей жизни. — кивнул Жан, уже почти закончивший работу: мазь полностью впиталась в волосы Локка, придав им натуральный черный цвет — с влажным отливом, правда, но на него никто не обратит внимания, поскольку в Каморре многие мужчины пользуются разными маслами и помадами для укладки волос.

Вытерев пальцы о полотенце на плечах Локка, Жан окунул тряпицу в другую банку, с густой серовато-жемчужной жидкостью, и бесследно смыл с рук черную краску. Той же тряпичей он промокнул лоб и шею товарища, удаляя пятна и брызги, оставленные при окрашивании.

— Шрам? — спросил он затем.

— Ага. — Локк провел мизинцем по правой скуле. — Вот здесь чиркани, пожалуйста.

Жан достал из гримерного шкафчика тонкий деревянный цилиндр с острым кончиком, похожим на мелок, и провел короткую линию там, где показал Локк. Белая полоса зашипела — Локк поморщился от боли — и через считанные секунды чуть вспучилась и застыла точным подобием зарубцевавшегося шрама.

В дверях гардеробной возник Клоп, раздурявшийся от выпитого за ужином вина. В руке он держал черный кожаный бумажник размером чуть поболее складных кошельков, в каких знатные господа хранят бумажные деньги.

— В кухне прибрано, — доложил паренек. — Галдо сказал, что бумажник ты непременно забудешь, коли не кинуть тебе под нос.

— Только не надо понимать это дословно. — Локк протянул руку за бумажником, в то время как Жан снял с него полотенце, убедившись предварительно, что волосы полностью высохли. — Разобьешь эту штуковину — я тебя до самого Эмберлена докачу в бочке. Собственнолично.

Хранившийся в бумажнике затейливый значок, выполненный из золота, хрусталя и матового стекла, был самым дорогостоящим реквизитом разыгрываемого спектакля — даже бочоночек Пятисот второго обошелся дешевле. Изготовили эту вещьцу в Талишеме, расположенном в четырех днях пути к югу вдоль побережья. Никто из каморрских умельцев, независимо от уровня мастерства, не взялся бы подделывать значок герцогского тайного сыска.

Стилизованный золотой паук поверх государственной печати Мирного герцогства — ни один из Благородных Каналий настоящих значков в глаза не видел, но Локк с уверенностью полагал, что не видел их и почти никто из низшей аристократии. Примерное описание наводящего ужас значка ходило среди Путных людей Каморра, вот на основании этого описания и была изготовлена подделка.

Дюрант Колченог говорит, брешут люди, нет никакого паука, — сообщил Клоп, отдавая бумажник.

Трое старших товарищей сурово взглянули на мальчишку.

— Коль мозги твоего Дюранта опустить в наперсток с водой, они будут выглядеть там точно корабль в бескрайнем море, — сказал Жан.

— Полуночники существуют на самом деле, Клоп. — Локк осторожно провел рукой по волосам и убедился, что они не пачкаются. — Если ты когда-нибудь нарушишь Тайный уговор, молись о том, чтобы первым до тебя добрался капа, а не они. Барсави — воплощенное милосердие по сравнению с людьми, заправляющими во Дворце Терпения.

— Да я знаю, что Полуночники не выдумка, — сказал Клоп. — Я просто говорю, что про Паука брехня все.

— Паук тоже не выдумка, поверь. Жан, подбери мне какие-нибудь усы в тон к волосам. — Локк провел пальцем по гладко выбритой коже над губой. — Во главе Полуночников стоит кто-то из приближенных герцога. Мы с Жаном много лет пытались выяснить, кто именно, но все ведущие к нему ниточки рано или поздно обрываются.

— Даже мы с Галдо в полном тупике, — добавил Кало. — А значит, мы имеем дело с необычайно хитрым дьяволом.

— Тогда почему же вы уверены, что Паук взаправду существует?

— Объясню тебе так, Клоп... — Локк ненадолго умолк, разглядывая предложенные накладные усы, потом помотал головой, и Жан опять принялся копаться в гримерном шкафчике. — Когда капа Барсави расправляется с кем-то, мы об этом непременно узнаём, верно? Новости передаются из уст в уста и всегда доходят до нас через одних или других знакомых. Сам кана хочет, чтобы люди знали об учиненных расправах и наказаниях: такие устрашающие примеры призваны предотвратить новые преступления.

— А когда с кем-то расправляется герцог, — вставил Кало, — мы тоже всегда узнаём об этом по разным явным признакам. Ну там желтокурточники, Ночные дозорчики, указы, суды, оглашенные постановления.

— Но когда покарать кого-то решает Паук... — Локк коротко кивнул, одобряя вторые усы, предложенные Жаном. — Так вот, когда за дело берется Паук, его несчастная жертва просто исчезает с лица земли. А кана Барсави пикнуть не смеет. Понимаешь? Делает вид, будто ничего не произошло. А если учесть, что перед герцогом наш кана не трепещет — и даже смотрит на него немножко свысока, — вывод напрашивается один: есть кто-то другой, кого он боится до мокрых штанов.

— Кто-то еще, кроме Серого короля?

— Ой, да с ним будет покончено через пару месяцев. Клоп, — пренебрежительно фыркнул Кало. — Один безумец против трех тысяч кинжалов в подчинении у Барсави... Серый король, почитай, уже покойник. А вот от Паука так просто не избавиться.

— Вот почему мы рассчитываем, — подхватил Локк, — что дон Сальвара подпрыгнет на шесть футов, когда застанет нас в своем кабинете. Представителей голубой крови неожиданные визиты Полуночников радуют не больше, чем нас с тобой.

— Мне неудобно перебивать, — сказал Жан, — но ты побрился на сей раз? Ага. Хорошо.

Тонкой палочкой он нанес блестящий прозрачный клей на верхнюю губу Локка, сморщившегося от отвращения, а потом ловко приставил накладные усы и прижал пальцами. Уже через несколько секунд они приклеились так прочно, что не отличить от настоящих.

— Клей сварен из плавательных пузырей волчьей акулы, — пояснил Жан Клопу. — В последний раз мы забыли добавить в него немного растворителя...

— А мне потребовалось срочно избавиться от усов, — сказал Локк.

— Ох и орал же он, когда Жан взялся помочь, — ухмыльнулся Кало.

— Ага, прямо как братец Санца в пустом борделе. — Локк показал Кало непристойный жест, а Кало в ответ изобразил, будто стреляет в него из арбалета.

— Так... шрам, усы, волосы... Ну что, мы закончили? — Жан стал убирать в шкафчик гримировальные принадлежности.

— Да, все в порядке. — С минуту Локк придирчиво разглядывал свое отражение в зеркале. Когда же он снова заговорил, голос его звучал чуть ниже и резче, чем обычно, а в тоне слышалась равнодушная скука, с какой пожилой сержант стражи отчитывает тысячного мелкого правонарушителя, задержанного им за годы службы. — Ну ладно, пойдем сообщим человеку, что он попался на крючок к мошенникам.

5

— То есть вы хотите, — проговорил дон Сальвара, — чтобы я продолжал выдавать заемные векселя человеку, который слывет самым одаренным вором в Каморре?

— Со всем уважением к вам, господин Сальвара, но вы так поступали бы в любом случае, даже без нашего вмешательства.

В голосе и манерах Локка сейчас не осталось ничего от Лукаса Фервайта: ни малейшего намека на суховатую сдержанность и чопорное достоинство вадранского торговца. Новый персонаж опирался в своих действиях на вымышленные непрерываемые приказы герцога; такой человек мог себе позволить насмешливый тон в разговоре со знатным господином, неприкосновенность чьего дома он нарушил. Подобную дерзость нельзя просто изобразить — Локк должен был подлинно исполниться ею, вызвав из собственного существа, облачиться в высокомерие, словно в привычное старое платье. Настоящий Локк Ламора, вор и плут, стал бледной тенью для себя самого — теперь он был Полуночником, офицером герцогского тайного сыска. Изошренная ложь Локка обратилась простой правдой нового персонажа.

— Но обсуждавшиеся суммы... составляют чуть ли не половину моего состояния.

— Значит, вы отдадите нашему другу Фервайту половину своего состояния, сударь. Пусть он подавится тем, чего просит. Благодаря вашим векселям мошенник никуда от нас не денется: будет бегать туда-сюда между банковскими конторами.

— Которые будут выдавать этому призраку мои самые что ни на есть настоящие деньги, вы хотите сказать.

— Да. Во исполнение воли герцога, еще раз подчеркиваю. Не переживайте, господин Сальвара. Его светлость располагает достаточными средствами, чтобы возместить вам любые убытки, которые вы понесете, помогая нам поймать преступника. По моему мнению, однако, Шип не успеет ни растратить ваши деньги, ни далеко спрятать, и они вернуться к вам еще прежде, чем у вас возникнет в них надобность. Вам следует подумать также и о другой стороне дела, не денежной.

— О чем вы говорите?

— О благодарности герцога за помощь в достижении поставленной цели, — сказал Локк. — В противовес недовольству, которое вы непременно на себя навлечете, если из-за вашего отказа сотрудничать с нами мошенник ускользнет из сети, затягивающейся вокруг него.

— Хм-м... — Дон Сальвара опять нацепил на нос очки. — Да, пожалуй, с этим не поспоришь.

— Общаться с вами на людях я не смогу. Ни по каким вопросам, связанным с нашим делом, обращаться к каморским страж-

никам, в него не посвященным, вам не следует. Если мне понадобится поговорить с вами, встречи наши будут происходить тайно, ночью.

— Надо ли мне приказать Конте, чтоб держал наготове закуски на случай, если среди ночи в окно полезут люди в черном? Или попросить донью Софию, чтоб отсылала ко мне в кабинет всех Полуночников, внезапно выскакивающих из ее платяного шкафа?

— Даю вам слово, сударь: впредь наши посещения будут обставляться не столь театрално. Мне было велено довести до вашего понимания всю серьезность обстоятельств и наглядно показать нашу способность... э-э... преодолевать препятствия. Уверяю вас, у меня нет ни малейшего желания враждовать с вами. Возвращение ваших денег станет венцом моих неустанных многомесячных усилий.

— А донья София? Ваш хозяин отвел ей какую-нибудь роль в вашем... хитроумном встречном плане?

— Ваша супруга — незаурядного ума женщина. Да, конечно, сообщите ей о нашем разговоре. Расскажите правду про Лукаса Фервайта. Заручитесь ее помощью в нашем непростом деле. Однако, — злорадно улыбнулся Локк, — я с сожалением вынужден предоставить вам самолично объясниться с нею, сударь.

6

Со стороны суши Каморр защищен древней крепостной стеной, по которой денно и нощно расхаживают вооруженные часовые, бдительно высматривая, не покажется ли вдали разбойничья шайка или вражеская армия. Со стороны же моря дозор несут солдаты на сторожевых башнях и военных галеонах.

На постах, выставленных вокруг квартала Альсегранте, круглыми сутками стоят городские стражники, оберегающие низшую каморрскую знать от неприятной необходимости видеть или обонять своих голоштаных подданных.

Незадолго до полуночи Локк и Жан верхом пересекли Анжевину по так называемой Арке Древних. Этот широкий стеклянный мост, украшенный затейливой резьбой, соединял западный Альсегранте с Двусеребряным парком — роскошными прогулочными садами для избранной публики, откуда недостаточно зажиточных горожан тоже гнали подальше, зачастую дубинками и хлыстами.

Длинные стеклянные цилиндры изливали рубиновый алхимический свет на тонкие пряди тумана, завивавшиеся вокруг лошадиных бабок. Середина моста находилась в пятидесяти футах над водой, а обычный ночной туман не поднимался выше. Сырой и теплый Ветер Палача легко покачивал красные фонари в черных железных каркасах, и двое Благородных Каналий ехали, окруженные жутковатым кровавым ореолом колеблющегося света.

— Стойте! Доложите, кто вы такие и по какому делу!

У самого подножья моста на северном берегу Анжевины находилась приземистая караульная будка с затянутыми масляной бумагой оконцами, из которых сочился белесый свет. Около нее стоял одинокий человек, чей желтый плащ казался оранжевым в красном сиянии фонарей. Слова часового прозвучали бы повелительно, если бы не голос, неуверенный и совсем молодой.

Локк улыбнулся. На каждом сторожевом посту в квартале Альсегранте должны стоять по два желтокурточника, но сегодня старший из них, не иначе, решил отдохнуть и поручил всю работу своему неопытному юному напарнику. Оно только к лучшему. Придержав лошадь у караульной будки, Локк достал из-под черного плаща драгоценный бумажник:

— Имя мое не имеет значения. — Локк раскрыл бумажник и коротко показал круглолицему молодому стражнику значок тайного сыска, блеснувший в слабом свете бумажных окон. — Я здесь по делу, порученному мне его светлостью герцогом Никованте.

— По... понятно, сударь.

— Я здесь не проезжал. Мы с тобой не разговаривали. И напарнику своему втолкуй, что он меня не видел и не слышал.

Желтокурточник поклонился и быстро отступил назад, явно робея. Локк улыбнулся. Всадники в черных плащах, на черных лошадях, выплывающие из тьмы и тумана... При свете дня подобные страшилки вызывают лишь смех. Но под покровом ночи поверить в призраков очень легко.

Если на улице Златохватов деньги всю работу, то в Альсегранте они оседали на покой. Четыре острова Альсегранте, соединенные между собой мостами, представляли собой ступенчатые холмы, чьи вершины находились вровень с широким плато, где вздымались к небу могучие Пять башен. Деньги, нажитые в давнем прошлом, и деньги, нажитые в прошлом недавнем, здесь причудливо смешивались в пестрой мозаике особняков и частных садов. Отсюда купцы, менялы и судовые агенты снисходительно взирали

на остальной город. Отсюда низшая знать с завистью смотрела на башни Пяти семейств, правивших Каморром.

Время от времени по улицам грохотали черные лакированные кареты с раскачивающимися фонарями и трещащими на ветру гербовыми вымпелами своих владельцев. Иные экипажи сопровождала охрана из вооруженных всадников в разрезных дублетах и полированных нагрудных пластинах (такой моде следовали в этом году пасмные головорезы). В некоторых упряжках лошадиные сбруи были украшены крохотными алхимическими шариками, и издали казалось, будто в тумане летит рой светлячков.

Особняк доня Сальвары — четырехэтажное прямоугольное здание с колоннами, возведенное несколько веков назад, — уже слегка просел под бременем лет, ибо он был целиком и полностью построен человеческими руками. Расположенный в сердце Дюроны, самого западного из Альсегрантских островов, окруженный густыми садами и со всех сторон огороженный двенадцатифутовой каменной стеной, громадный особняк и сам казался своего рода островом. Зарешеченные окна на четвертом этаже горели янтарным светом.

Двое благородных Каналий тихо спешились в переулке у северной стены усадьбы. За несколько долгих ночей тщательной разведки Локк с Клопом выяснили, где проще перелезть через ограду и взобраться на крышу. Одетые во все черное, они с Кало станут практически невидимыми под покровом тьмы и тумана, едва лишь окажутся по другую сторону каменной ограды.

Обстоятельства им благоприятствовали: полная тишина и ни единой живой души вокруг. Кало привязал лошадей к деревянному столбу у стены и ласково погребал жидкую гриву своей кобылы:

— Выпей в память о нас стаканчик-другой, голубушка, коли мы не вернемся.

Прислонившись спиной к стене, Локк подставил сцепленные ладони. Кало оперся ногой на это подобие стремени и, крепко оттолкнувшись, прыгнул вверх. Бесшумно взобравшись на стену, он свесился вниз и протянул обе руки товарищу. Затащить следом за собой Локка, стройного и легкого, жилистому Кало не составило ни малейшего труда. Уже через считанные секунды они прыгнули в благоуханную влажную темноту сада и застыли на корточках, напряженно прислушиваясь.

Все двери на первом этаже запирались изнутри на хитроумные шестеренчатые замки и железные засовы — против них от-

мычка бессильна, ясное дело. Но вот крыша... Многие обитатели Альсегранте, еще не достигшие достаточно важного положения в обществе, чтобы опасаться наемных убийц, свято верили в неприступность высоких каменных оград.

Два вора медленно и бесшумно карабкались по северному фасаду особняка, крепко целясь за трещины в теплой гладкой кладке. На втором и третьем этаже было темно и тихо. Свет горел на четвертом, с другой стороны здания. С колотящимися от возбуждения сердцами Локк и Кало надолго замерли под самым парапетом крыши, напрягая слух, не донесется ли из глубины дома какой-нибудь шум, свидетельствующий о том, что их заметили.

Луны скрывались за тонкими серыми облаками. Слева от Локка и Кало расстился город — широкая дуга расплывчатых разноцветных огней, мерцающих сквозь туман; а над ними на фоне ночного неба смутно чернели силуэты громадных башен. Крохотные огоньки окон и парапетных фонарей на самом верху не скрашивали, а, наоборот, усиливали зловещее впечатление, производимое грандиозными сооружениями. Если смотреть на них снизу с близкого расстояния — головокружение обеспечено.

Локк перелез через парапет первым. В тусклом свете подернутых облаками лун он добрался до белой мощеной дорожки, проходящей посередине крыши, и медленно двинулся по ней. По обеим сторонам от него темнели очертания цветущих кустов, невысоких деревьев и вьющихся лоз; в воздухе висел запах влажной земли, смешанный с ароматом зелени и цветов. Сад вокруг особняка был самым что ни на есть обычным, а здесь, на крыше, располагался ботанический заповедник доньи Софии.

Локк по опыту знал, что почти все ботаники-алхимики увлекаются изготовлением диковинных ядов, поэтому он закутался в плащ поплотнее, надвинул капюшон пониже и закрыл лицо черным шейным платком до самых глаз.

Бесшумно ступая, Локк и Кало пробирались через сад Софии с такой осторожностью, будто шли между лужами горячего масла в тлеющих плащах. В центре сада находился люк с обычным дверным замком. Минуты две Кало стоял подле него с отмычками в руке, чутко прислушиваясь, а потом за десять секунд открыл замок.

Задерживаться в лаборатории доньи Софии на четвертом этаже двоим незванным гостям хотелось еще меньше, чем в ботаническом саду на крыше. На цыпочках, точно виноватые мужья, припозднив-

шиеся домой с попойки, они крадучись прошли через темные помещения, заставленные растениями в горшках и научным оборудованием, и наконец достигли узкой каменной лестницы, что спускалась на третий этаж.

План дома Благородные Канальи знали как свои пять пальцев. На третьем этаже находились спальня хозяев и кабинет донна Сальвары напротив через коридор. На втором этаже располагалась большая обеденная зала, которая в отсутствие гостей почти не использовалась. На первом этаже размещались кухня, несколько гостиных и комнаты прислуги. Кроме Конте, супруги Сальвара держали двух пожилых служанок, повара и мальчишку, выполнявшего обязанности посыльного и судомоя. Все они, вероятно, сейчас крепко спали в своих комнатах, и в любом случае никто из них не представлял собой и сотой доли той опасности, какую представлял Конте.

Часть плана, связанная с ним, виделась лишь в общих чертах: перед разговором с доном Сальварой они должны найти и обезвредить старого вояку.

Внезапно до них донеслись гулкие шаги. Локк, шедший впереди, быстро присел на корточки и осторожно выглянул из-за угла. Он увидел длинный продольный коридор, деливший третий этаж пополам, и донна Сальвару, который секундой раньше вышел из кабинета, оставив дверь открытой, и сейчас заходил в спальню. Дверь спальни за ним плотно затворилась, и мгновение спустя щелкнул замок.

— Вот удача-то! — прошептал Локк. — По всему похоже, Сальвара будет там занят какое-то время. Но свет в кабинете он оставил — значит еще вернется туда. Давай поскорее покончим с самым трудным делом.

Локк и Кало тихонько двинулись по коридору, уже обливаясь потом, но по-прежнему плобно кутаясь в плащи, чтоб не шурпали. Стены здесь были украшены гобеленами и затейливыми канделябрами, в которых горели крохотные алхимические шарики, дававшие не больше света, чем тлеющие угольки. За массивной дверью в покои супругов Сальвара послышался приглушенный смех.

Коридор заканчивался широкой круговой лестницей; беломраморные ступени, выложенные мозаикой с картой Каморра, спускались в обеденную залу. Неожиданно Кало схватил Локка за рукав, приложил палец к губам и кивком указал вниз:

— Слышишь?

Металлический лязг... шаги... металлический лязг... шаги...

Такая последовательность звуков повторилась еще несколько раз, постепенно приближаясь. Локк с ухмылкой взглянул на друга. Кто-то шел по обеденной зале, методично проверяя замки и железные запоры на окнах. В столь поздний час заниматься этим мог лишь один человек в доме.

Кало опустился на колени за балюстрадой слева, чтобы любой, кто станет подниматься по лестнице, прошел прямо под ним. Он достал из-под плаща треугольный кожаный мешок и черный шелковый шнур, который ловко пропустил сквозь отверстия по краям мешка особым хитроумным способом. Локк сидел на корточках рядом с Кало, не спуская глаз с коридора. Конечно, Сальвара вряд ли скоро появится, но Великий Благодетель, как всем известно, примерно наказывает недостаточно бдительных воров.

Внизу показался свет фонаря. Послышались твердые шаги по ступеням.

В честной схватке верный слуга Сальвары в два счета разукусил бы стены кровью Локка и Кало, а значит, необходимо было сделать схватку предельно бесчестной. Увидев под собой плешивую макушку Конте, Кало молниеносно просунул руку между балюстрадами и сбросил на него свой «цирюльничий колпак».

Для людей неосведомленных, кого не похищали и не продавали в рабство на острова Железного моря, «цирюльничий колпак» выглядит миниатюрным подобием палатки, когда быстро летит вниз, влекомый штыками в края грузиками. В последний миг он широко расхлопывается и накрывает голову жертвы по самые плечи.

Конте пошатнулся от неожиданности, а Кало резко дернул шелковый шнур, затягивая мешок у него на шею.

Любой более или менее хладнокровный человек, само собой, уже через пару секунд пытается стащить с головы «цирюльничий колпак», поэтому изнутри мешок всегда обильно смазывают летучим спотворным зельем, приобретенным у черного аптекаря. Зная крутой нрав телохранителя Сальвары, Локк и Кало потратили почти тридцать крон на вещество, пары которого сейчас вдыхал Конте — вдыхал достаточно глубоко, хотелось верить.

Обычному человеку, как правило, хватало одного панического вдоха в плотно затянутом кожаном мешке, чтобы свалиться на месте. Однако, когда Локк бросился вниз по ступенькам, чтобы подхватить бесчувственное тело жертвы, он с удивлением обна-

ружил, что Конте по-прежнему стоит на ногах, сляясь сдернуть «цирюльничий колпак». Он заметно ослаб, да, но все еще оставался в сознании, хотя и явно помутнелом. Что ж, быстрый тычок кулаком под дых заставит Конте открыть рот и вдохнуть сонные пары поглубже. Локк подскочил к нему и одной рукой обхватил за шею прямо под «колпаком», готовясь нанести удар. Это едва не испортило все дело.

Конте стремительно вскинул руки, срывая удушающий захват противника, прямо скажем, слабоватый, а в следующую секунду заломил Локку правую руку и яростно ударил раз, другой, третий его самого в живот, прямо под вздох. Боль взорвалась жарким огнем внутри, и Локк кулем осел к ногам своей предполагаемой жертвы. Конте резко вскинул колено, собираясь вышибить противнику зубы через уши, но спотворное зелье, благодаренье богам, наконец-то подавило неукротимую волю старого солдата. Колено лишь слегка задело подбородок Локка, зато тяжелый башмак Конте врезался ему в пах. Локк опрокинулся навзничь, крепко ударившись о мраморную ступень затылком (отчасти защищенным толстым капюшоном плаща), и остался лежать там, судорожно хватая ртом воздух и тщетно пытаясь вырвать свою руку из руки Конте, по-прежнему не разжимавшего хватки.

На помощь подоспел Кало. Бросив затяжной шнур, он сбежал вниз и подсечкой сбил Конте со слабеющих ног, одновременно придержав за грудки, чтобы тот произвел поменьше шума при падении. Едва лишь Конте распростерся на лестнице головой вниз, Кало наклонился над ним и довольно безжалостно саданул кулаком в пах, дважды. После первого удара мужчина слабо дернул ногами, а после второго уже не шевельнулся: «цирюльничий колпак» наконец сделал свое дело. Затем Кало кинулся к другу, чтобы помочь ему сесть, но Локк отмахнулся.

— Ты как? — прошептал Кало.

— Как будто рожая и чертов младенец прорубает себе дорогу топором. — Тяжело дыша, Локк сорвал с лица платок, чтобы не сблевануть прямо в него и не перемазаться так, что уже ничем не скроешь.

Пока Локк пытался справиться с дурнотой и дрожью, Кало присел на корточки около Конте, рывком стянул с него «колпак» и быстро помахал перед собой ладонью, разгоняя приторный запах сонного зелья. Аккуратно свернув кожаный мешок и спрятав обратно под плащ, он перетащил Конте на несколько ступенек вверх.

— Кало... — Локк сдвленно кашлянул. — Мой грим... испорчен?

— Да нет, вроде. Похоже, никаких заметных повреждений Конте тебе не причинил, если, конечно, ты сможешь идти не враскорячку. Подожди здесь минутку.

Кало проворно спустился к подножью лестницы и окинул взглядом обеденную залу. В тусклом свете городских огней, проникавшем в запертые окна, он разглядел длинный стол и стеклянные горки с посудой и разными фарфоровыми безделицами, неразличимыми в полумраке. В зале никого не было, и снизу не доносилось ни звука.

Когда Кало вернулся, Локк уже стоял на четвереньках. Рядом мирно спал Конте, с комичным блаженством на грубом, изрезанном складками лице.

— По пробуждении у него на физиономии появится со-о-овсем другое выражение. — Кало помахал тонким медным кастетом с кожаной подложкой и грациозным движением спрятал его в рукав. — Я прибегнул к помощи маленького друга разбойников, чтобы врззать бедняге покрепче.

Мне твоего беднягу ни капельки не жаль после того, как он пинком вколотил мне яйца в легкие.

Локк попытался оттолкнуться от ступеньки руками, но не сумел. Кало подхватил товарища под правый локоть и потянул вверх, помогая подняться на колени.

— Ну, по крайней мере, ты отдышался. Идти-то сможешь?

— Ковылять смогу. Внаклонку поначалу. Но через минуту-другую, думаю, уже сумею держаться как ни в чем не бывало. По крайней мере, пока мы здесь.

Кало помог Локку взобраться по лестнице обратно на третий этаж. Оставив друга следить за коридором, он опять спустился и осторожно поволок Конте вверх по ступеням. На самом деле теплохранитель Сальвары весил не так уж и много.

Сконфуженный Локк, желая показать, что уже вполне оправился, вынул из-под плаща два мотка прочной веревки, сам связал Конте по рукам и ногам, заткнул ему рот сложенным вчетверо носовым платком, вытащил кинжалы у него из ножен и отдал Кало, который сунул их себе за пояс.

Дверь кабинета по-прежнему стояла распахнутой настежь, и из нее в коридор лился мягкий теплый свет. Дверь же спальни оставалась плотно закрытой.

— Да пошлют вам боги сегодня больше страсти и выносливости, чем обычно, сударь и сударыня, — прошептал Локк. — Вашим домашним ворам нужно немножко передохнуть, прежде чем продолжить свои дела, намеченные на вечер.

Когда Кало подхватил Конте под мышки и потащил, Локк наклонился и взял телохранителя за ноги, даром что кривился от боли. Стараясь производить возможно меньше шума, они черепашным шагом вернулись в другой конец коридора и положили спящего Конте на пол за углом, рядом с лестницей в лабораторию.

Когда несколькими минутами позже они наконец вошли в кабинет дона Сальвары, Локк с облегченным вздохом плюхнулся в глубокое кожаное кресло, а Кало встал у двери. Из спальни напротив снова донесся приглушенный смех.

— Возможно, ждать придется долго, — заметил Кало.

— Боги к нам милостивы. — Локк взглянул на застекленный питейный шкаф — коллекция бутылок, там представленная, была даже более внушительной, чем на прогулочной барке дона Сальвары. — Я бы налил нам по глоточку-другому-третьему, да боюсь, подобная развязность нашим персонажам несвойственна.

Они прождали десять минут, пятнадцать, двадцать... Локк дышал глубоко и ровно, стараясь не обращать внимания на нульсирующую боль, отдававшуюся во всем теле. Однако, когда в замке двери напротив проскрежетал ключ, Локк быстро вскочил на ноги, расправил плечи и сделал вид, будто вовсе не ощущает свои яйца подобием глиняных плошек, упавших на бульжную мостовую с огромной высоты и разбившихся вдребезги. Он снова натянул на лицо черный шейный платок и волевым усилием вызвал в себе волну властного высокомерия, которое тотчас проступило во всем его облике.

Как сказал однажды отец Цеппи, даже самый искусный грим не преображает внешность сильнее, чем внутреннее перевоплощение.

Кало поцеловал тыльную сторону своей ладони через платок-маску и подмигнул товарищу.

В кабинет, насвистывая, вошел дон Лоренцо Сальвара, в домашней одежде и без оружия.

— Закройте дверь, сударь, — произнес Локк холодным повелительным тоном, не допускающим возражений. — Присаживайтесь, сударь, и не трудитесь звать слугу. Он сейчас... гм... бездвиген.

Через час после полуночи двое мужчин покинули Альсегранте по Арке Древних. Были они в черных плащах, при черных лошадях. Один неторопливо ехал верхом, другой шел странной походкой враскорячку, ведя лошадь под уздцы.

— Просто невероятно! — воскликнул Кало. — Все и впрямь вышло в точности, как ты планировал. Жаль, никому не похвастаться. Самое крупное наше дело — а нам потребовалось просто-напросто сообщить жертве, что мы ее обманываем!

— И получить по яйцам, — пробормотал Локк.

— Да, сочувствую. Лютый мужик этот Конте, что и говорить Ладно, утешься мыслью, что он будет чувствовать себя не лучше, когда очнется.

— Тоже мне, утешение. Если бы подобные мысли могли при-туплять боль, никому никогда не взбрело бы на ум давить виноград.

— Клянусь Многохитрым стражем, я сроду не слышал, чтобы состоятельный человек столько ныл и жаловался! Выше нос, дружище! Ты ж у нас самый богатый и самый умный на свете, верно?

— Ага. И богатый, и умный, и хожу смешно.

Двое воров двинулись на юг через Двусеребряный парк, на окраине которого они сначала оставили в укромном месте своих лошадей, а немногим позже избавились от приметных черных нарядов, после чего, уже в одежде простых рабочих, направились в Храмовый квартал. Они дружелюбно кивали встречным патрульным стражникам, расхаживавшим в тумане с фонарями на длинных копьях, и ни один из них ни разу не взглянул вверх.

На всем обратном пути за ними следовала крылатая тень, бесшумная, как дыхание младенца. Быстрая и легкая, она перелетала с крыши на крышу, ни на шаг от них не отставая. Когда Локк с Кало наконец добрались до Храмового квартала, загадочная тень взмахнула крыльями и стала подниматься в темноту по широкой медленной спирали. Вскоре она вознеслась над пеленой каморрского тумана и затерялась в серой дымке низких облаков.

Интерлюдия «ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА»

1

Первое знакомство с веррарским зеркальным вином имело для Истощенного мальчишки даже более тяжелые последствия, чем ожидал Цепни. Почти весь следующий день Локк ворочался и метался на своем тюфяке; голова у него гудела, и даже самый слабый свет нестерпимо резал глаза.

— У меня лихорадка, — глухо простонал он в мокрую от пота подушку.

— У тебя похмелье. — Цепни взъерошил Локку волосы и хлопал по спине. — Моя вина на самом деле. Братья Санца пьют как лошадь. Зря я позволил тебе брать с них пример в первый же вечер. Сегодня работать не будешь, отлеживайся.

— Что, от выпивки всегда так плохо? Даже когда протрезвеешь?

— Жестокая шутка, правда? Боги за все удовольствия требуют платы. Если только ты не пьешь аустерсалинский бренди, конечно.

— Астрослинский?

— Аустерсалинский. Из Эмберлена. Одно из многочисленных достоинств этого бренди состоит в том, что от него не бывает похмелья. Оч-чень дорогой напиток.

До самого вечера Локк провалился в муторном полусне, а к часу Лжесвета обнаружил, что снова может ходить, хотя у него по-прежнему оставалось ощущение, будто мозг пытается подкопаться под затылочную кость и сбежать из черепа. Отменять визит к капе Барсави священник не собирался («Нарушать договоренности о встречах с капой осмеливаются лишь обитатели стеклянных башен, чьи профили чеканят на монетах, и даже они еще хорошенько подумают»), однако он согласился предоставить Локку более или менее удобное средство передвижения.

Оказывается, за храмом Переландро находился маленький воюющий хлев, где жил Усмирённый козел.

— Имени у него нет, — сказал Ценни, усаживая мальчика на спину животного. — Что толку давать скотине имя, если она все равно не будет на него откликаться?

В отличие от большинства детей, Локк никогда не испытывал безотчетного отвращения к Усмирённым. В своей жизни он видал вещи и пострашнее, чем пустой взгляд кротких белоглазых животных.

В глубоких горных пещерах встречается белое мелоподобное вещество под названием Призрачный камень. Оно не естественного происхождения и залегает лишь рядом с облицованными стеклом тоннелями, давным-давно, как считается, проложенными Древними — загадочным племенем, много веков назад построившим Каморр. В твердом состоянии Призрачный камень не имеет вкуса, почти лишен запаха и не вступает во взаимодействие с другими веществами. Свои удивительные свойства он обнаруживает при горении.

Ученые лекари издавна исследовали пути и способы воздействия различных ядов на живой организм: один останавливает сердце, другой разжижает кровь, третий поражает желудок или иные внутренние органы. Отравный дым Призрачного камня несколько не вредит телесному составу, но уничтожает самую индивидуальность. Честолюбие, упрямство, отвага, воля, жизненная сила — все пропадает после нескольких глотков гадливого бледного дыма. Человек, случайно вдохнувший малое его количество, на несколько недель погружается в тупую апатию, а изрядно надышавшийся остается в таком состоянии навсегда. Жертвы живы-здоровы, но совершенно безразличны ко всему и вся. Они не отзываются на свое имя, не узнают родственников и друзей, не реагируют на смертельную опасность. Их можно заставить принимать пищу, отправлять естественные надобности, таскать разные ноши, но больше ничего. Белесая пленка, заволакивающая их глаза, есть внешнее проявление пустоты, навсегда овладевшей душами и умами.

В давние времена Теринского владычества таким образом карали злостных преступников, но еще несколько веков назад все цивилизованные города-государства Терина отказались от усмирения людей посредством Призрачного камня. Даже общество, в котором детей вешают за мелкие кражи, а узников скормливают морским хищникам, находит подобную меру наказания чрезмерной.

Теперь усмирению подвергаются только животные — преимущественно вьючные. Это распространенная практика в больших

городах вроде Каморра, с тесными лабиринтами улиц, где на каждом шагу подстерегает опасность. Усмирненные пони никогда не взбрыкнут и не сбросят малолетних седоков. Усмирненные лошади и мулы никогда не лягут погонщика и не скинут дорогостоящий груз в канал.

На морду животного надевается джутовый мешок с цепотью толченого Призрачного камня и тлеющей лучиной, после чего работники быстро выбегают на свежий воздух. Уже через несколько минут глаза животного затягиваются молочно-белой пленкой, а само оно напрочь лишается собственной воли.

Но маленького Локка, мучившегося жестокой головной болью и еще не вполне свыкшегося с мыслью, что теперь он убийца и обитатель сказочного стеклянного подземелья, жутковатое механическое поведение козла совершенно не беспокоило.

— Храм должен стоять на прежнем месте, когда я вернусь позже вечером, — сказал отец Цешпи, закончив переодеваться для вылазки в город.

Безглазый священник бесследно исчез, а вместо него появился крепкий мужчина средних лет и среднего достатка — с волосами и бородой каштанового отлива, в дешевом коротком плаще на льняной подкладке, накинутом поверх простой бледно-желтой рубахи без шейного платка или галстука.

— На прежнем месте, — повторил один из близнецов Санца.

— И целехонький, а не сгоревший дотла, — добавил другой.

— Если вам, ребята, удастся спалить камень и Древнее стекло, значит боги уготовили вам судьбу более великую, нежели участь моих учеников. Ведите себя хорошо. А я отведу Локка туда, где он получит... э-э... — Искоса взглянув на маленького Ламору, Цешпи пантомимически изобразил, будто пьет из стакана, а потом схватился за челюсть и скривился, словно от боли.

— О-о-о-ох... — в один голос произнесли братья Санца.

— Вот именно. — Цешпи надел круглую кожаную шапочку и взял поводья козла, на котором сидел Локк. — Дождитесь нас. Наш визит к капе обещает быть... интересным, мягко выражаясь.

2

— Этот капа Барсави... — произнес Локк, когда отец Цешпи, ведя за собой безымянного козла, зашагал по одному из узких стеклянных мостов между Фаурией и улицей Златохватов. — Кажется, мой бывший хозяин что-то говорил мне о нем.

— Верно, говорил. Когда по твоей милости стореда «Стеклянная лоза».

— О, так вы и про это знаете.

— Ну, когда твой бывший хозяин начал рассказывать о тебе, он просто... несколько часов кряду не мог остановиться.

— Если я ваш пезон... вы что, пезон Барсави?

— Да, это ясное и точное описание наших с ним взаимоотношений. Все до единого Путные люди Каморра — солдаты Барсави. Его глаза и уши, его шпионы и подчиненные. Пезоны. Но Барсави также в известном роде мой друг. Я оказывал ему разные услуги в прошлом, когда он еще только шел к власти. Мы, можно сказать, вместе продвигались по общественной лестнице — и в конечном счете я заслужил особое отношение, а Барсави получил в свое распоряжение весь город.

— Особое отношение?

Стоял один из чудесных, располагающих к прогулкам вечеров, какие только бывают в Каморре летом. Меньше часа назад прошел ливень, и свежий туман, простиравший между домами свои щупальца, подобные длинным цепким рукам призрачных великанов, дышал приятной прохладой. Воздух еще не успел напитаться ароматами гнилого ила, дохлой рыбы и человеческих отходов. После часа Лжесвета прохожих на улице Златохватов было совсем немного, и Локк с Цеппи разговаривали вполне свободно.

— Капа дал мне длинный поводок. Как бы тебе объяснить... ну вот, в нашем городе добрая сотня шаек, Локк. Даже больше сотни, всех и не упомянуть. Некоторые из них слишком недавно образовались или слишком много вольничают, чтобы Барсави мог полностью им доверять. Поэтому он за ними внимательно приглядывает — внедряет в них своих людей, требует постоянных отчетов, следит за всеми действиями. Что же до тех, за кем пристальное наблюдение не ведется... — Цеппи указал пальцем на себя, потом на Локка, — предполагается, что мы делаем дела честно, покуда не доказано обратное. Мы соблюдаем все правила капы, отдаем ему долю наших доходов, и он считает, что может более или менее доверять нам. Никаких проверок, никаких шпионов и прочего дерьма. Длинный поводок. За такую привилегию и платить не жалко.

Цеппи позвенел монетами в кармане плаща.

— Вот небольшой знак моего уважения к капе. Две десятины от пожертвований, собранных в храме Переландро за неделю.

— Сто с лишним шаек, вы говорите?

— В нашем городе шаек больше, чем мерзких запахов. Иные из них древнее, чем многие знатные семейства Альсегранте, и ритуалы у них строже, чем у некоторых священных орденов. Черт возьми, а ведь когда-то в Каморре было почти тридцать кап, и каждый держал в подчинении всего четыре-пять шаек!

— Тридцать кап? И все как Барсави?

— Ну... и да и нет. Да — потому что они руководили шайками, отдавали приказы и вспарывали животы от яиц до самой глотки, когда гневались. Нет — потому что во всех прочих отношениях они не походили на Барсави. Еще пять лет назад в городе заправляли тридцать таких вот кап. Тридцать маленьких королевств — и все сражаются между собой, грабят друг друга, выпускают друг другу кишки на улицах. Одновременно все они воевали с желтокурточниками, убивавшими по двадцать воров за неделю в самое спокойное время. Потом появился капа Барсави из Тал-Веррара. Повернишь ли, раньше он был магистром Теринского коллегия, преподавал риторику. Он прибрал к рукам несколько шаек и начал резню. Но не как буйный поножовщик в темном переулке, а скорее как хладнокровный лекарь, вырезающий гнойный нарыв. Убивая одного капу за другим, Барсави забирал под свою власть их шайки. На них он особо не давил без необходимости — отводил каждой свою территорию, позволял самим выбрать гарристу, щедро делился доходами. В общем, пять лет назад в городе было тридцать кап, четыре года назад — десять. А три года назад остался один-единственный. Капа Барсави со своей сотней шаек. Весь город — все Путные люди, включая здесь присутствующих, — оказались у него в кармане. Никаких больше открытых войн между кварталами. Никаких массовых казней, когда перед Дворцом Тернения вздергивали по десять-двадцать воров одновременно. В наши дни за раз вешают двух-трех, не больше.

— Это все из-за Тайного уговора? Который я нарушил?

— Который ты нарушил, да. Верная догадка. Да, мой мальчик, это и есть ключ к замечательному успеху капы Барсави. В общих чертах дело обстоит так: капа заключил с герцогом долгосрочное соглашение, за исполнением которого следит один из влиятельнейших герцогских приближенных. Каморрские шайки не трогают знать: мы не покушаемся на корабли, подводки и сундуки, помеченные законным гербом владельца. Взамен Барсави стал фактическим правителем многих весьма привлекательных кварталов города: Горелища. Сконица, Отбросов, Дровяной Свалки, Запад-

ни и прочих. Пу и вдобавок городская стража... гм... несколько утратила бдительность.

— Значит, нам можно грабить всех, кроме аристократов?

— И кроме желтокурточников, да. К нашим услугам купцы, менялы и все присезжие. Через Каморр проходит больше денег, чем через любой другой город на нашем побережье. Сотни кораблей в неделю, тысячи матросов и офицеров. Мы совершенно не против того, чтобы оставить местную знать в покое.

— А купцы, менялы и остальные не возмущаются такой... несправедливостью?

— Возмущались бы, кабы о ней знали. Вот почему уговор и называется Тайным. И вот почему Каморр такой чудесный, замечательный и безопасный город. Бояться за свои деньги здесь приходится лишь тем, у кого их не так уж и много.

— О... ясно. — Локк потерял шнурок, на котором висел мешочек с акульим зубом. — Я вот еще чего хочу спросить. Вы говорили, мой бывший хозяин заплатил за разрешение... ну, убить меня. А Барсави не осерчает, что вы меня... так и не убили?

Цеппи рассмеялся:

— Да разве ж я повел бы тебя к нему, дружок, когда бы опасался, что он осерчает? Нет, твоей меткой смерти я могу распоряжаться по своему усмотрению. Я же ее купил. Разве не понятно? Капе решительно все равно, используем мы метки смерти или нет. Для него важно, чтобы мы признавали за ним единоличное право даровать или отбирать жизнь. Что-то вроде налога, взимать который дозволено лишь ему одному. Смекаешь?

Локк кивнул и несколько минут молчал, переваривая услышанное. Головная боль затрудняла это дело.

— Вот расскажу тебе одну историю, — вновь заговорил отец Цеппи немного погодя. — Чтобы ты понял, что за человек наш кана, которому ты присягнешь в верности сегодня. В самом начале, когда Барсави еще только укреплялся во власти, ни для кого не было секретом, что два десятка гаррист вступили в сговор и замышляют избавиться от него при первом же удобном случае. Предвидя возможные упредительные действия капы, они держались на чеку. А методы Барсави они хорошо знали, поскольку немногим ранее сами же и помогали ему прибрать к рукам город... Заговорщики позаботились о том, чтобы он не смог устранить всех их одновременно. Примись кана резать глотки своим противникам, шайки успели бы предупредить друг друга, и тогда началась бы кровавая бойня, новая затяжная война. Однако Барсави ничего не

предпринимал. А слухи о предательстве гарриет становились все настойчивее... В то время всех посетителей капа Барсави принимал в своей резиденции, размещавшейся в корпусе старого веррарского корабля, одного из громадных неповоротливых галеонов, предназначенных для перевозки войск. Он и по сей день стоит на приколе в Свалке, своего рода дворец на воде, известный под названием Плавучая Могила. Так вот, капа с шумными хлопотами доставил туда и расстелил на полу приемного зала огромный анмирский ковер, поистине великолепный: такой даже сам герцог повесил бы скорее на стену, для пущей сохранности. И он ясно дал понять всем и каждому, что ковром своим дорожит до чрезвычайности... Уже в скором времени подданные Барсави знали: исход его встречи с тем или иным человеком можно с уверенностью предсказать по коврам. Если капа собирался пустить кому-то кровь, ковер скатывали и убирали подальше. Всякий раз, без исключения. Шли месяцы. Ковер скатывали и расстилали, скатывали и расстилали. Иные посетители, увидев под погами голый пол, сразу пытались обратиться в бегство, что было равносильно признанию своей вины... Однако вернемся к нашим гарристам-заговорщикам. У всех них хватало ума не соваться на Плавучую Могила без надежной охраны и не оставаться с капой наедине. А Барсави в ту пору еще не настолько прочно утвердился во власти, чтобы гневаться по такому поводу. Поэтому он просто выжидал... а потом, в один прекрасный вечер, капа пригласил на ужин девятерых из неблагонадежных гарриет. Не всех смутьянов, конечно, но самых умных и самых опасных, предводительствовавших самыми крупными шайками. Лазутчики разведали обстановку и доложили своим хозяевам, что любимый ковер капы расстелен на полу и на нем стоит пиршественный стол, ломящийся от яств, каких и сами боги не выдвали... И эти несчастные болваны решили, что Барсави просто хочет обсудить с ними положение вещей, что он напуган и готов к переговорам. Поэтому они не взяли с собой охрану и вообще никак не позаботились о своей безопасности. Были уверены, что одержали верх над капой... Можешь вообразить, каково же было их удивление, — продолжал Цепни, — когда они спокойно расселись за столом, стоявшим на великолепном анмирском ковре, а в зал вдруг ворвались полсотни солдат Барсави с арбалетами. Бедных одухов утыкали стрелами так, что дикобраз в гоню набросился бы на любого из них и отымел бы, приняв за самку. Кровища хлестала фонтанами, и что не попало на ковер, то разлетелось брызгами по стенам и потолку.

— Значит, ковер попортили?

— Не то слово. Так вот, Барсави создал у всех определенные ожидания, чтобы в нужный момент одурачить людей, злоумышлявших против него. Гарристы рассудили, что странная причуда капы служит залогом их безопасности. А оказалось, что ради уничтожения нескольких сильных врагов и расчудесным ковром не жаль пожертвовать.

Цеппи указал рукой вперед, на юг:

— Вот какой человек ждет тебя для разговора там, в полумиле отсюда. Я бы настоятельно посоветовал быть с ним предельно вежливым.

3

Воровская таверна «Последняя ошибка» была местом, где преступное подполье Каморра выходило наружу. Здесь Путные люди разного рода и звания могли выпить и свободно обсудить свои дела, а добропорядочные горожане, по неведению сюда сунувшиеся, сразу привлекали внимание, точно змеи в детской комнате, и в два счета выпроваживались прочь вооруженными мужиками малоприятной наружности, явно страдающими острым недостатком воображения.

Здесь собирались целые шайки, чтобы зашибить муху, договориться о работе или просто покрасоваться друг перед другом. Во хмелю посетители громко спорили о лучших приемах удушения сзади и о том, какие яды предпочтительнее подмешивать в вино, а какие — в пищу. Они открыто обсуждали глупость герцогских приближенных, изъяны в порядке налогообложения и недалеко-видность дипломатических соглашений Каморра с другими городами-государствами на побережье Железного моря. Они разыгрывали на столах целые сражения с помощью игральных костей, хлебных корок и обломков куриных косточек, громогласно утверждая, что вот тут следовало повернуть налево, а не направо, как сделал герцог Никованте по недомыслию, а вот тут надо было стоять намертво, когда пять тысяч копейщиков повстанческой армии Полюмного графа хлынули вниз с холма Священных Врат.

Но ни один из них, сколь бы ни был он одурманен выпивкой, грезотворным зельем или джеремскими порошками, каким бы великим полководческим талантом или мудрым государственным

умом ни мнил себя, — ни один из них в жизни не осмелился бы посоветовать кане Венкарло Барсави даже просто поменять одну-единственную пуговицу на жилете.

4

Девяностофутовая Расколотая башня, одна из заметных достопримечательностей Каморра, высится на северной окраине Западни — многолюдного прибрежного квартала, где матросы из сотни разных портов в ночное время шатаются по тавернам, кабакам и игорным притонам. Они, образно выражаясь, просеиваются через частое сито трактирщиков, плутов, уличных воров, костырей, карточных шулеров и прочих мелких жуликов, откуда карманы у них не пустеют, а голова не тяжелеет, и к утру в пьяном беспамятстве возвращаются на свои корабли лечить свинцовое похмелье и вновь подцепленные болезни неприличного свойства. Толпы их накатывают на берег и уходят обратно в море, как приливные волны, не оставляя после себя ничего, кроме осадка из меди да серебра (а порой и крови).

Никакими человеческими усилиями Древнее стекло не разбить, и Расколотая башня была пайдена в нынешнем ее виде много веков назад, когда первые люди опасливо вошли в Каморр, чтобы поселиться на руинах загадочной древней цивилизации. Глубокие трещины в неземном стекле и камне верхних этажей заделаны деревом, известковым раствором и прочими строительными материалами. Надежность ремонта не подлежит сомнению, но выглядят залатанные стены не ахти, и наемные комнаты на верхних шести этажах пользуются наименьшим спросом в городе, поскольку добираться до них приходится по наружной спиральной лестнице — хлипкому и шаткому деревянному сооружению, которое тошнотворно раскачивается при сильном ветре. Селятся там преимущественно молодые головорезы из разных шаяк, видящие в таких вот опасных бытовых неудобствах своеобразный предмет гордости.

«Последняя ошибка» занимает первый этаж в широком основании Расколотой башни, и в любой момент времени после наступления Лжесвета и до глубокой ночи здесь насчитывается не менее ста посетителей.

Локк крепко цеплялся за плащ отца Цепни, локтями прокладывая путь в толпе у входа. Из дверей таверны тянуло хоропо

знакомыми Локку запахами: смешанные ароматы самых разных вин и крепких напитков, хмельное дыхание мужчин и женщин, запахи застарелого и свежего пота, мочи и рвоты, пряных ароматических шариков и влажного сукна, резкая горечь имбиря и едкий табачный дым.

— А тот мальчишка не украдет нашего козла? — прокричал Локк, перекрывая шум.

— Нет, конечно. — Цеппи замысловатым жестом поприветствовал группу мужчин, мерившихся силой рук за ближайшим к двери столом в главном зале, и несколько человек из числа зрителей ухмыльнулись и помахали в ответ. — Во-первых, сторожить наше имущество — его работа. Во-вторых, я хорошо заплатил. И в-третьих, только сумасшедший позарится на Усмиренного козла.

«Последняя ошибка» служила своего рода памятником всем людям, не обнаружившим должной сноровки и смекалки в отчаянную минуту. Здесь находилось внушительное собрание разнообразных памятных предметов, каждый из которых красноречиво рассказывал историю, заканчивавшуюся словами «сплоховал, за что и поплатился». Над питейной стойкой висели полные доспехи с квадратным отверстием от тяжелой арбалетной стрелы на груди слева. По стенам были развешены сломанные мечи, расколотые шлемы, обломки весел, мачт и рей, обрывки парусов. Хозяин таверны чрезвычайно гордился тем, что в коллекции у него так или иначе представлены все до единого корабля, затонувшие в пределах видимости от Каморра за последние семьдесят лет.

В это-то многолюдное, шумное заведение и затащил Локка отец Цеппи, подобный галеону, влекущему за собой на буксире малую барку. В южной стене зала была глубокая и широкая ниша с приподнятым полом, почти полностью скрытая от глаз тяжелыми занавесами. Перед ней стояли навытяжку рослые мужчины и женщины, безостановочно шарившие по толпе холодными настороженными глазами и державшие руки на оружии, выставленном напоказ: кинжалах, дротиках, медных и деревянных дубинках, коротких мечах, топорах и даже арбалетах всех размеров — от маленьких уличных до мощных боевых, способных убить лошадь («Из такого небось и каменную стену пробить можно», — подумал Локк, с боязливым любопытством рассматривая огромный самострел).

Старший охранник остановил отца Цеппи и коротко переговорил с ним шепотом. Затем он отослал одного из своих подчиненных с докладом к капе, а сам продолжал подозрительно разглядыв-

вать священника. Через несколько секунд второй страж вернулся и знаком велел гостям проследовать за занавесы. Так Локк впервые оказался в присутствии Венкарло Барсави. Каморрский капа сидел на простом стуле за простым столом; несколько слуг стояли у стены за ним — достаточно близко, чтобы мигом подскочить к хозяину при надобности, но достаточно далеко, чтобы не слышать приглушенного разговора за столом.

Барсави был крупным мужчиной — такого же роста и телосложения, как Цеппи, но немного моложе. Намасленные черные волосы гладко зачесаны назад и крепко стянуты на затылке; густая борода заплетена в три тугие косицы, одна над другой. Когда капа резко поворачивал голову, косицы разлетались в стороны, похожие на толстые хлесткие кнуты.

Был он в камзоле, жилете, бриджах и башмаках из какой-то диковинной темной кожи, необычайно толстой и грубой даже на неискушенный взгляд Локка; мальчик не сразу сообразил, что кожа эта — акуля. Чудной формы белые пуговицы на камзоле, манжетах и красном шелковом жабо при внимательном рассмотрении оказались... человеческими зубами!

На коленях у Барсави сидела девочка с сердцевидным личиком, растрепанной шапкой темных волос и внимательным немигающим взглядом — примерно ровесница Локка. Она тоже была одета несколько странно: украшенное шитьем белое шелковое платье, подобающее дочери аристократа, а из-под подола выглядывают подкованные черные башмачки с острыми железными шипами на носках и пятках.

— Вот он, значит, — произнес Барсави низким, чуть носовым голосом с едва уловимым веррарским акцентом. — Одаренный мальчуган, который чуть не свел с ума нашего дорогого Воровского наставника.

— Он самый, ваша честь. Теперь успешно сводит с ума меня и остальных моих подопечных. — Цеппи взял Локка за плечо и поставил перед собой. — Позвольте представить вам Локка Ламору, бывшего обитателя Сумеречного холма, а ныне вновь посвященного служителя Переландро.

— Некогого бога, во всяком случае, — усмехнулся Барсави, беря со стола и протягивая гостю небольшую деревянную коробку. — До чего же приятно тебя видеть, Цеппи, когда ты чудесным образом прозреваешь. На вот, закуривай. Это джеремский черный корень, превосходные сигарки, только на этой неделе скручены.

— Не могу отказать себе в таком удовольствии, Вен. — Цеппи взял из коробки тугую табачную скрутку в красной бумажной обертке.

Пока мужчины прикуривали от трепещущей тонкой свечки (склонившись над ней, Цеппи уронил на стол мешочек с деньгами), девочка составила окончательное мнение о Локке:

— Он маленький уродец, папа. Тонкий как скелет.

Капа Барсави закашлялся, выпуская первые клубы дыма; уголки его губ изогнулись в улыбке.

— А ты маленькая грубиянка, милая моя. — Он снова затянулся и выпустил длинную струю полупрозрачного дыма. Табак был душистый и мягкий, с легким привкусом жженой ванили. — Прошу извинить мою дочь Наску. Я во всем ей потакаю, ни в чем не могу отказать, и она у меня растет с повадками пиратской принцессы. Особенно распоясалась сейчас, когда обзавелась шипастыми башмачками.

— Да, теперь я всегда при оружии. — заявила девочка и пару раз взбрыкнула ножками в подтверждение своих слов.

— А бедный Локк вовсе не уродец. Просто спал с тела от голодной жизни на Сумеренном холме. Поживет месяцок под опекой Цеппи — станет круглый да ладный, как катапультный снаряд.

— Хм... — Девочка еще несколько секунд пристально смотрела на Локка, потом подняла взгляд на отца, рассеянно теребя одну из косиц его бороды. — Ты сделаешь мальчишку своим пезоном?

— Да, голубушка, есть у нас с Цеппи такое намерение.

— Хм... Тогда я выпью еще бренди, пока вы проводите церемонию.

Холодные серые глаза Барсави сузились, и вокруг них собрались глубокие морщины от постоянного подозрительного прищуря.

— Ты уже выпила две свои вечерние порции, милая. Твоя мать убьет меня, если я позволю тебе еще хоть глоточек бренди. Вели слуге принести пива.

— Но я хочу...

— Твои желания, моя маленькая тиранка, не имеют никакого значения, если я сказал «нет». До конца вечера можешь пить пиво или вообще ничего не пить. Выбор за тобой.

— Хм... Ладно, тогда пиво.

Барсави хотел было спустить дочку с колен, но она спрыгнула сама, выскользнув из толстопалых мозолистых рук, и громко простучала подкованными каблучками по дощатому полу, направляясь к стоящим у стены слугам.

— И если еще хоть один из моих людей получит пинок по голени — будешь целый месяц ходить в тростниковых сандалиях! — крикнул ей вслед Барсави. Потом он снова затянулся сигаркой и повернулся к Цеппи и Локку. — Огонь-девчонка, сладу нет. На прошлой неделе вообще отказалась ложиться спать без маленькой удавки под подушкой. «Хочу как пашинны телохранители» — и все тут. Ее старшие братья еще не подозревают, что, вполне возможно, следующий кана Барсави будет ходить в платьях и шляпках.

— Теперь понятно, почему вас так позабавили рассказы Воровского наставника про нашего мальчонку, — сказал Цеппи, положив руки на плечи Локка.

— Вот-вот. Хотя с тех пор, как мои собственные дети выпли из несмышленного возраста, меня трудно чем-то удивить. Впрочем, речь сейчас не о них: ты привел сюда своего маленького подопечного, чтобы он принес мне первую и последнюю клятву сезона. Рановато, конечно; следовало бы подождать пару лет. А ну-ка, подойди ко мне, Локк.

Капа Барсави приподнял за подбородок лицо мальчика и пристально посмотрел в глаза:

— Сколько тебе лет, Локк Ламора? Шесть? Семь? А на счету у тебя уже нарушение Тайного уговора, сгоревшая таверна и шесть-семь смертей. — Капа усмехнулся. — Твоей лихости могут позавидовать иные из моих наемных убийц впятеро старше тебя. Цеппи все растолковал тебе про порядки в моем городе?

Локк кивнул.

— После того как ты принесешь клятву, никаких поблажек от меня не жди. Порезвился — и хватит: пора братья за ум. Если Цеппи сочтет нужным тебя убить, он так и сделает. Если я прикажу Цеппи тебя убить, он выполнит мою волю. Все ясно?

Мальчик снова кивнул. К столу вернулась Наска и встала подле отца, прихлебывая из просмоленной кожаной кружки, которую держала обеими руками, и неподвижно глядя поверх нее на Локка.

Капа Барсави шелкнул пальцами, и один из холуев тотчас скрылся за занавесом.

— В таком случае не буду больше утомлять тебя угрозами, Локк. С сегодняшней ночи ты — взрослый мужчина. Отныне ты будешь работать, как взрослый, и отвечать за свои поступки, как взрослый. Ты станешь одним из нас, Путных людей. Узнаешь секретные опознавательные слова и знаки, пользоваться которыми следует с умом и осторожностью. Подобно тому как твой гарриста Цеппи поклялся преданно служить мне, так же и ты поклянешься

преданно служить мне, через него. Я твой верховный гарриста, стоящий над всеми остальными гарристами. Я единственный герцог Каморра, чью власть ты признаешь отныне. Преклони колени.

Локк подчинился, и Барсави протянул вперед левую руку ладонью вниз. На ней был узорчатый беложелезный перстень с огромной черной жемчужиной. Внутри жемчужины мерцала красная точка, похожая на каплю крови, невесть каким образом туда помещенную.

Поцелуй перстень каморрского капы.

Локк прикоснулся сухими губами к прохладной жемчужине.

- Произнеси имя человека, которому присягнул в верности.
- Капа Барсави, — прошептал мальчик.

В следующую минуту капин прислужник вернулся и вручил своему хозяину небольшой хрустальный стакан с бурой жидкостью.

— Ну а теперь ты должен выйти за меня, как пили все мои пезоны. — Капа достал из жилетного кармана акулий зуб чуть побольше метки смерти, висевшей у Локка на шее, и бросил в стакан. Затем он легко взболтал напиток и протянул стакан мальчику. — Это ром из темного тростникового сахара с островов Медного моря. Опрокидывай одним махом, вместе с зубом. Только зуб не проглоти ни в коем случае — держи во рту. Вытащишь, когда весь ром в себя зальешь. И постарайся не порезаться.

Локк взял стакан. В нос ударил резкий запах крепчайшего спиртного, и желудок скрутило спазмом. Но мальчик стиснул зубы и, собираясь с духом, уставился на акулий зуб, смутно белеющий на дне. А потом, мысленно моля Великого Благодетеля избавить его от позора, одним движением опрокинул в рот все содержимое стакана вместе с зубом.

Проглотить оказалось не так просто, как он надеялся. Акулий зуб Локк осторожно прижал языком к нёбу, чувствуя, как острые зазубрины царапают верхние передние зубы, и начал заглатывать огненный напиток крохотными глотками, судорожно давясь и перхая. Через несколько бесконечно долгих секунд, передернувшись всем телом, он проглотил последнюю каплю рома и вздохнул с облегчением: ну слава богам, и не сблеванул, и акулий зуб языком удержал.

И тут вдруг острый зуб крутанулся у него во рту. Крутанулся с силой, будто зажатый в незримой руке, и глубоко полоснул по левой щеке изнутри. Локк вскрикнул от боли, закашлялся и выплюнул зуб на ладонь вместе со слюной и кровью.

— Ну вот... — Кана Барсави схватил зуб двумя пальцами и засунул обратно в жилетный карман, даже не потрудившись вытереть. — Теперь ты связан со мной кровной клятвой верности. Мой зуб вкусил от твоей жизни, и отныне твоя жизнь принадлежит мне. Мы с тобой больше не чужие люди, Локк Ламора. Я твой кана, а ты мой пезон, в согласии с волей Многохитрого стража.

По знаку Барсави мальчик неуклюже поднялся на ноги, мысленно проклиная знакомое со вчерашнего вечера чувство головокружения от спиртного. С похмелья он за весь день не съел ни крошки, и комната уже плыла перед глазами. Локк перевел взгляд на Наску и увидел, что та улыбается со снисходительным одобрением, какое порой выказывали старшие дети на Сумеречном холме ему и его товарищам из уличников.

Еще не успев ни о чем подумать, Локк опустил перед ней на одно колено.

— Раз ты станешь следующим каной Барсави, я должен присягнуть и тебе тоже, — вынул он. — И вот я присягаю и клянусь верно служить. Сударыня. Госпожа Наска. То есть... госпожа Барсави.

Девочка отступила на шаг назад:

— Да у меня уже есть слуги. И еще какие — самые настоящие убийцы! У моего папы сотня шаек и две тысячи ножей!

— Наска Белонна Дженавеза Ангелиза де Барсави! — прогремел ее отец. — Пока что ты научилась ценить в слугах лишь телесную силу. Но со временем ты уразумеешь, что любезная учтивость важна ничуть не меньше. Мне стыдно за тебя!

Заметно смешавшись, Наска несколько раз перевела взгляд с отца на Локка и обратно. Щеки ее медленно залились краской. После минутного хмурого раздумья она неловко протянула Локку кружку:

— На, можешь отпить моего пива, если хочешь.

Локк взял кружку и поднес к губам с таким чувством, будто ему оказана величайшая честь. Он сознавал, хотя и смутно, что хмель с решимостью парламентского охвостья упразднит у него в голове привычные понятия о поведении с окружающими — особенно с девочками. Пиво было темное, горькое и чуть подсоленное, как принято у веррарцев. Локк из вежливости выпил два глотка и с поклоном (довольно шатким) вернул кружку. Девочка от волнения не нашла, что сказать, а потому просто кивнула.

— Ха! Превосходно! — Кана Барсави весело пожевал сигарку. — Твой первый пезон! Разумеется, оба твоих брата тоже захотят обзавестись собственными пезонами, как только узнают.

Обратно в Храмовый квартал Локк возвращался как в мутном, душном тумане. Он цеплялся за шею своего Умирного козла, чтоб не свалиться, и ословело таращился на Ценпи, который шагал рядом, тихонько посмеиваясь в бороду.

— Ах, мальчик мой, — негромко произнес мужчина. — Мой славный маленький пьянчужка. Ты же понимаешь, что это был всего лишь дурацкий фокус?

— Вы про что?

— Про акулий зуб. Много лет назад, в Картене, эту штуковину заколдовал для Барсави один вольнонаемный маг: чтобы всякий, у кого она окажется во рту, пребольно ею порезался. С тех пор капна с зубом не растает и использует при любой возможности. За годы, посвященные изучению театра эпохи Теринского владычества, он приобрел сильную склонность к драматическим эффектам.

— Значит, это не было... ну там, знаком судьбы или волей богов... ничем таким?

— Нет, это был просто акулий зуб с малой толикой колдовства. Неплохой фокус, надо признать. — Ценпи потер щеку, сочувствуя Локку и вспоминая свой собственный опыт. — Не бойся, дружок, ты не принадлежишь Барсави. Он могущественный союзник, с которым лучше не ссориться, и он властный повелитель, требующий безоговорочного подчинения, да. Но ты капне не принадлежишь. Да и мне тоже, коли на то пошло.

— Значит, я не должен...

— Соблюдать Тайный уговор? Быть исправным маленьким пезоном? Должен, но только для виду, Локк. Только для отвода глаз. Если последние два дня твои уши не были плотно защищены сыромятным пнуром, ты наверняка уже понял, что я намерен сделать из тебя, Кало, Галдо и Сабеты... — Ценпи хищно оскалился, — подобие мощной катапультной стрелы, которая вонзится в самое сердце драгоценного Тайного уговора Венкарло.

Часть II

НЕОЖИДАННОЕ
ОСЛОЖНЕНИЕ

Игрой цветов сравнюсь с хамелеоном;
Быстрой Протея облики меняю.
В коварстве превзойду Макиавелли.

Генрих IV. Часть 3, акт III, сцена 2¹

Глава 4

ПРИ ДВОРЕ КАПЫ БАРСАВИ

1

— Девятнадцать тысяч девятьсот двадцать, — устало выдохнул Клоп. — Все. Можно мне теперь пойти и самоубиться?

— В чем дело, Клоп? Я думал, ты будешь счастлив помочь нам подсчитать добычу.

Жан сидел скрестив ноги посреди столового зала в стеклянном подвале храма Переландро. Стол и стулья были отодвинуты к стене, чтобы освободить место для огромного количества золотых монет, сейчас разложенных маленькими блестящими кучками, окружавшими Жана и Клопа сплошным кольцом.

— Так вы ж не предупредили, что приглашите все в тиринах.

— Ну, сам знаешь, белое железо слишком дорого. Никто не станет выплачивать пять тысяч крон белым железом, да и не сыщется таких дураков, которые согласятся запросто таскаться с ним по городу. Мераджо всегда производит крупные выплаты в тиринах.

В следующую минуту по входному коридору прогрехотали шаги, и из-за угла появился раскрасневшийся Локк в обличье Лукаса Фервайта. Он сдернул с носа фальшивые очки, распустил шейные платки, небрежно сбросил свой суконный камзол прямо на пол и радостно помахал сложенным пергаментным листом с голубой восковой печатью.

— Еще семьдесят пять сотен, парни! Сказал Сальваре, что мы нашли четыре подходящих галеона, но требуются дополнительные расходы — надо заплатить взятки, собрать и протрезвить команды, подмаслить офицеров, отделаться от других грузоотправителей... И он только что выдал мне вексель, любезно улыбаясь. Боги мои! Мне следовало бы додуматься до такой аферы еще

пять лет назад! Нам даже не нужно тратить силы на поиски кораблей, якобы готовых к плаванию, на подделку документов и разные прочие ухищрения, поскольку Сальвара знает наверное, что Фервайт обманщик. Нам остается лишь сидеть отдыхать да денежки пересчитывать.

Вот и пересчитывал бы сам, коли для тебя это отдых. — Клоп вскочил на ноги и крепко потянулся, хрустнув позвонками.

Да я бы с удовольствием. Клоп. — Локк достал из буфета бутылку и налил себе полбокала красного вина, которое затем развел до розового цвета теплой дождевой водой из медного кувшина. — А ты завтра изобразишь Лукаса Фервайта. Уверен, дон Сальвара не заметит разницы. Здесь все?

— Пять тысяч крон, выданных в виде двадцати тысяч тириннов, — доложил Жан. — Минус восемьдесят тириннов на комиссионное вознаграждение, охрану и наемную подводку.

При перевозке больших денег в тайное пристанище под храмом Переландро Благородные Каналы прибегали к простой подмене: во время короткой остановки по пути кованые сундучки с монетами исчезали с одной телеги, а на другую погружались бочки с обычными продуктами и напитками. Даже маленький ветхий храм нуждается в постоянном снабжении съестными припасами.

— Ладно, — сказал Локк, — дайте мне освободиться от одежды бедного Лукаса Фервайта, и я помогу вам перетащить все в хранилище.

На самом деле в глубине подвала, за спальнями, было целых три хранилища. Два из них представляли собой широкие десятифутовые колодцы, в незапамятном прошлом прорубленные в Древнем стекле с неизвестной целью. Накрытые деревянными крышками на петлях, они напоминали миниатюрные зерновые башни, утопленные в земле и почти наполовину наполненные монетами разного достоинства.

В колодцы ссыпалась основная часть добытого золота и серебра, а на узких полках по стенам помещения хранились деньги на текущие расходы, сложенные столбиками или рассованные по мешочкам. Были здесь и дрянные мешочки с медными баронами, и великолепные кожаные кошельки, набитые серебряными солонями, и миски с ломаными или стертymi полумедяками, приготовленные на случай любой срочной надобности, какая может возникнуть у одного из Благородных Каналий. Даже чужеземные монеты лежали кучками — марки королевства Семи Сущностей, веррарские солары и прочие.

Еще со времен отца Цеппи ни крышки колодцев, ни дверь самого помещения на замок не запирались. Не потому, что Благородные Канальи доверяли друг другу (хотя они доверяли полностью), и не потому, что о существовании стеклянного подвала никто из посторонних не знал (хотя никто и впрямь не знал ни сном ни духом), но по причине сугубо практического свойства: ни Кало, ни Галдо, ни Локк, ни Жан, ни Клоп совершенно не представляли, что делать с неуклонно растущей грудой драгоценного металла.

Они были самыми богатыми ворами Каморра — после капы Барсави, конечно. Согласно последней записи в пергаментной счетной книге, лежавшей на одной из полок в хранилище, в собственности шайки окажется свыше сорока трех тысяч полных крон после того, как они обратят в наличность второй вексель дона Сальвары. Благородные Канальи были не беднее нынешней своей жертвы и гораздо богаче многих каморрских аристократов.

Однако для всех они оставались заурядной шайкой мелких воров — достаточно опытных и осторожных, успешно добывающих средства к существованию, но звезд с неба не рвущих. Для безбедной жизни вполне хватало десяти крон в год на каждого, а большие траты неизбежно привлекли бы в высшей степени нежелательное внимание со стороны каморрских властей, равно официальных и неофициальных.

За последние четыре года Благородные Канальи провернули три крупных дела и сейчас работали над четвертым. И все деньги, добытые за последние четыре года, просто пересчитывались и сыпались во тьму хранилищ.

Беда была в том, что отец Цеппи прекрасно научил своих подопечных освобождать каморрскую знать от бремени накопленного богатства, но не удосужился обсудить с ними возможности использования громадных сумм, неминуемо оседающих в руках. Благородные Канальи не могли ума приложить, куда еще тратить деньги, кроме как на подготовку новых мошеннических предприятий.

Взимаемая с них Барсавой десятина в среднем составляла около кроны в неделю.

2

— Возрадуйтесь! — воскликнул Кало, появляясь в кухне, где Локк с Жаном передвигали стол на прежнее место. — Братья Санца вернулись!

— Интересно знать, — хмыкнул Жан, — кто-нибудь еще когда-нибудь произносит эту замечательную фразу?

— Только молодые незамужние дамы, обитающие на другом конце города, — ответил Кало, выкладывая на стол небольшой джутовый мешок.

Локк вытряхнул из него содержимое: несколько медальонов, украшенных полудрагоценными камнями, набор серебряных ножей и вилок довольно тонкой работы и с десятков разных колец — от дешевого медного колечка с гравированным узором до крупного плетеного перстня из золота и платины, с бриллиантом и обсидиановыми кристаллами.

— Нешлохо, — кивнул Локк. — Стодится. Жан, выбери еще чего-нибудь из Барахольного ларя и принеси мне... м-м... двадцать солонов, ладно?

— Ага, двадцать будет в самый раз.

Локк знаком велел братьям Санца помочь ему расставить стулья вокруг стола, а Жан направился обратно в хранилище. Там он откинул крышку высокого и узкого деревянного сундука, стоявшего у левой стены, и принялся в нем рыться с задумчивым выражением лица.

Барахольный ларь был наполовину наполнен блестящими ювелирными украшениями, всевозможными побрякушками, предметами домашней утвари и декоративными безделками. Здесь были хрустальные статуэтки, зеркальца в резных рамках из слоновой кости, ожерелья и кольца, подсвечники из разных драгоценных металлов -- и даже несколько бутылок со снадобьями и алхимическими зельями, завернутых в тонкий войлок и снабженных бумажными ярлыками.

Поскольку Благородные Канальи не могли рассказать капе об истинном характере своей деятельности и поскольку у них не было ни времени, ни желания вскрывать дверные замки и лазать по дымоходам под покровом ночи, они обзавелись Барахольным ларем, чтобы успешно изображать из себя обычных мелких воров. Раз или два в год они пополняли его содержимое, совершая набег на ломбарды и рынки Талишема или Ашмира, где могли открыто покупать всякую всячину. Лишь изредка в ларь добавлялись вещи, украденные в Каморре, -- в основном разная мелочь, стянутая братьями Санца по внезапной прихоти или добытая Клопом в учебном порядке.

Жан отобрал два серебряных кубка, добротный кожаный футляр с очками в золотой оправе и завернутую в войлок бутылочку.

Осторожно ухватив все это в одну руку, другой он отсчитал двадцать серебряных монет из кучки на полке, пинком захлопнул сундук и поспешил обратно в столовую. Клоп уже снова присоединился к старшим товарищам и сейчас с гордым видом гонял солон по костяшкам правой руки. Он овладел этим трюком всего пару недель назад, после многомесячных наблюдений за братьями Санца, которые умели катать монетки по костяшкам обеих рук одновременно, причем в разных направлениях.

— Давайте скажем, что неделя была не самая удачная, — предложил Жан. — В такую дождливую погоду никто не ждет от домушников особых подвигов. Мы будем выглядеть подозрительно, если принесем слишком много. Уверен, его честь поймет и не обессудит.

— Конечно, — согласился Локк. — Здравая мысль.

Он взял завернутую бутылочку и взглянул на рукописный ярлык, согласно которому ней содержалось подслащенное опшумное молоко — дурманное зелье из сушеных джеремских маков, слабость каморрских знатных дам. Сняв ярлык и обертку, Локк сунул граненую бутылку с притертой медной пробкой в джутовый мешок. Туда же последовало и все остальное добро.

— Так, порядок. Теперь посмотрите-ка, нет ли на мне каких следов от Лукаса Фервайта — остатков грима, деталей маскарада.

Расставив руки, он покружился на месте. Жан и братья Санца заверили его, что в настоящую минуту он Локк Ламора с головы до пят.

— Ну ладно, раз все мы снова стали самими собой, пойдемте платить налоги.

Он взял мешок с «краденными» вещами и небрежно бросил Клопу. Мальчишка ойкнул, выронил свою монетку и едва успел поймать глухо звякнувший мешок.

— Это что, тоже полезно для моего нравственного воспитания?

— Нет, на сей раз я просто старый лентяй, — ухмыльнулся Локк. — Зато сегодня тебе не придется работать шестом.

3

Был третий час пополудни, когда Благородные Канальи порознь покинули храм Переландро по спасательным тоннелям, ведущим к боковым выходам. Моросил теплый дождь, и небо было

поделено на две части ровной линией, словно прочерченной по линейке гигантским стилосом богов: на севере низко нависали темные тучи, а на ясном юго-западе ослепительно сияло послеполуденное солнце. Дождь ненадолго вымыл из воздуха обычные городские запахи, и все вокруг дышало свежестью. Благородные Канальи встретились у юго-западных причалов Храмового квартала и остановили проплывающую мимо ветхую наемную гондолу.

К носу длинной плоскодонной лодки, украшенной резной фигуркой бога Иона, была привязана свежееубитая крыса — самая надежная защита (как считалось в народе) от опрокидывания вверх днищем и прочих неприятных происшествий на воде. Стоявший на корме костлявый гребец в попугайской красно-оранжевой куртке и соломенной шляпе с полями шире плеч оказался старым знакомцем — Вителе Венто по прозвищу Дерганый, угонщик лодок и кошелечник из шайки Серолицых.

Вителе установил над скамейками изъеденный плесенью кожаный зонт, чтобы хоть отчасти защитить пассажиров от дождя, и плавно повел гондолу между высокими каменными набережными Храмового квартала и буйно заросшим берегом острова Мара-Каморрацца. В эпоху Теринского владычества на Маре располагался лабиринтовый сад одного из богатых вельмож, но в позднейшие времена сад пришел в запустение и ныне служил пристанищем для каморрских воров, куда городская стража почти не навевывалась. Единственная причина, по которой честные горожане отваживались соваться в опасные зеленые тоннели Мара-Каморрацца, заключалась в том, что остров находился в самом сердце паутины пешеходных мостов, связывающих между собой остальные восемь островов.

Жан вытащил из-за пояса маленький томик стихов и погрузился в чтение. Клоп снова принялся гонять по костяшкам монетки, правда теперь медную, чтобы не привлекать ненужного внимания. Локк и братья Санца завели разговор о работе с Вителе, в чьи обязанности среди всего прочего входило высматривать плохо охраняемые или груженные особо ценным товаром барки и указывать на них товарищам. Вот и сейчас он время от времени подавал рукой условные знаки наблюдателям на берегу, а Благородные Канальи из вежливости делали вид, будто ничего не замечают.

Они приближались к Сумеречному холму, даже при свете дня словно бы окутанному мраком. Дождь вдруг усилился, и древнее царство могил затянула мутная пелена. Вителе повернул лодку

направо, и вскоре они уже плыли на юг, между Сумеречным холмом и Скопищем, подгоняемые течением канала, вода в котором теперь кипела мелкой рябью от дождя.

Чем дальше на юг они продвигались, тем менее оживленным становился канал и тем менее респектабельно выглядели суда и суденышки, по нему проплывающие: гондола Вителе покидала центральную часть города, находящуюся под властью герцога Каморрского, и входила во владения капы Барсави. По левую руку грохотали кузницы Дымного квартала, выбрасывая к небу черные клубящиеся столбы, которые в вышине расплзались и таяли под напором дождя. Ветер Герцога уносил клочья дыма в сторону Зольника — самого неприглядного в городе острова, где шайки грабителей и своры нищих вели постоянные войны за полуразрушенные, черные от сажи и копоти особняки, возведенные в давние времена процветания.

Слева прошла встречная барка, распространяя запах несвежего дерьма и свежей смерти. В ней лежали вповалку забытые лошади, а сопровождала груз дюжина живодепов. Одни из них потрошили и разделявали животных зазубренными тесаками с руку длиной, другие торопливо раскатывали парусиновые полотнища в бурых пятнах крови и сооружали навесы от дождя.

Любой каморрец сказал бы, что омерзительный вид и запах плавучей живодепии как нельзя лучше сочетается с видами и запахами Котлища. Если в Отбросах царил беспросветная нищета, Западня имела дурную славу, в Мара-Каморрацца на каждом шагу подстерегала смертельная опасность, а заросший грязью Зольник ветшал и разрушался, то Котлище соединяло в себе все эти черты и вдобавок воплощало собой всю бездну человеческого отчаяния и безысходности. Вонь тут повсюду стояла такая, будто в мертвецкой жарким летним днем разлили бочонок прокисшего пива. Большинство здешних покойников так и не добиралось до мелких могильных ям, вырытых каторжниками на Бедняцком кургане: трупы сбрасывали в каналы или просто сжигали. Даже до заключения Тайного уговора желтокурточники не осмеливались заходить в Котлище иначе как целыми отрядами. Вот уже лет пятьдесят, если не больше, здесь не действовал ни один храм. Эти грязные, смрадные трущобы, где шумные воровские таверны, дурманящие притоны и игорные вертепы тесно соседствовали с убогими перенаселенными бараками, капа Барсави отдал на откуп своим самым диким и необузданным шайкам.

По общему мнению, в Котлище проживала добрая треть Путных людей Каморра — тысяча пропойц, азартных игроков и головорезов, которые только и знали, что буяннить, драться да запугивать соседей. Локк был родом из Горелища, Жан — с более-менее благополучной Северной заставы, а Кало с Галдо попали на Сумеречный холм из Отбросов. Один только Клоп родился и рос в Котлище, и за все четыре года, проведенные с Благородными Канальями, мальчик ни словом не обмолвился о своей прежней жизни.

Сейчас он смотрел застылым взглядом на разбитые, просевшие причалы, скособоленные обветшалые бараки, хлопающие на бельевых веревках драные рубахи и штаны, насквозь мокрые от дождя. Над кривыми улочками стелился ядовитый бурый дым от отсырелых дров. Каменные противоподавковские стенки крошились и осыпались, почти все Древнее стекло скрывалось под толстым слоем сажи и грудями мусора. Медная монетка перестала скакать у Клопа по костяшкам и неподвижно лежала на тыльной стороне ладони.

Локк облегченно вздохнул, когда они наконец миновали Котлище и поравнялись с высоким узким волнорезом, отмечавшим восточную границу Дровяной Свалки. Каморрское кладбище кораблей выглядело не в пример веселее квартала, оставленного за кормой.

В обширной укрытой бухте, размерами превосходящей Плавающий рынок, теснились остовы сотен судов, больших и малых. Они слабо покачивались на воде, днищем вниз или днищем вверх, все еще стоящие на якорь или свободно дрейфующие, просто гниющие или разбитые катапультными снарядами. Между остовами кораблей, подобный свернувшейся пене на холодной похлебке, плавал слой мелких обломков, который то относило прочь отливом, то приносило обратно приливной волной. Порой в час Лже-света плавающий мусор всколыхивали незримые морские твари, заплывшие в бухту из Каморрского залива: если главные городские каналы были перегорожены под водой надежными железными решетками, то Дровяная Свалка оставалась открытой для обитателей моря.

В самой середине Свалки стояла громоздкая старая посудина без мачт, длиной шестьдесят ярдов и шириной почти тридцать, которую прочно удерживали на месте четыре якоря на толстых цепях, два носовых и два кормовых. В Каморре никогда не строи-

ли таких тяжелых и неповоротливых кораблей — много лет назад, в разговоре с Локком, отец Ценни назвал это судно одним из самых грандиозных творений судостроителей далекого Тал-Веррара. Под огромными шелковыми навесами, натянутыми над высокими баком и ютом, порой закатывались разгульные пиршества, не уступающие в упаднической разнузданности оргиям, что устраиваются в увеселительных павильонах Джерема. Но сейчас на палубе не было никого, кроме завернутых в плащи часовых, зорко всматривавшихся в пелену дождя. Локк разглядел по меньшей мере дюжину человек, стоявших по двое, по трое с луками и арбалетами в руках.

Вокруг там и сям виднелись и другие люди; некоторые из наименее поврежденных судов служили жильем для целых семей, а некоторые использовались как дополнительные наблюдательные площадки вооруженными мужчинами сурового обличья. Вителе вел гондолу через Свалку, петляя между остовами кораблей и осторожно вскидывая руку при приближении к каждому следующему часовому.

— Ночью Серый король еще одного прикончил, — негромко проговорил он, налегая на шест. — Сейчас десятки настороженных молодых глаз с нас не спускают, держа оружие наготове, уж не сомневайтесь.

— Еще одного? — Кало сузил глаза. — Мы об этом не слыхали. И кого же?

— Длинного Тессо из Полных Крон. Беднягу нашли в Ржавом Затоне прибитым к стене старой лавки, да еще и с отрезанными яйцами. Кровищи из него потекло море, — верно, вся до капли вытекла.

Локк с Жаном переглянулись, и Дерганый Вителе хмыкнул:

— Знакомы с ним были, что ли?

— В некотором роде. И довольно давно, — коротко ответил Локк и задумчиво умолк.

Длинный Тессо был гарристой Полных Крон, одной из самых доходных шаек Барсави, и близким другом младшего сына капы, Пакеро. Казалось бы, никто в Каморре (кроме самого Барсави и пресловутого Паука) не посмеет и пальцем тронуть Тессо — однако таинственный сумасшедший душегуб, называющий себя Серым королем, взял и тронул, да еще как.

— Уже шесть общим счетом, да? — спросил Жан.

— Семь, — поправил Локк. — Черт! Чтобы гаррист так вот убивали одного за другим... Ничего подобного уже лет двадцать не случалось!

— Хех! — усмехнулся Вителе. — Подумать только, а ведь еще недавно я тебе завидовал, Ламора, даром что шайка у тебя крошечная.

Локк смотрел на него отсутствующим взглядом, сияясь сообразить в уме головоломку, без особого, впрочем, успеха. Семь гаррист за два месяца. Все семеро были у капы на длинном поводке, то есть пользовались значительной свободой действий, но больше ничего общего друг с другом не имели. Локк всегда радовался, что Барсави не слишком за ним приглядывает, держа за мелкую сошку, но сейчас крепко задумался. А вдруг и он тоже значится в убойном списке? Вдруг он, сам того не ведая, представляет для капы какую-то ценность — и Серый король приготовил арбалетную стрелу и для него, Локка? Сколько еще смертей стоит между ним и этой самой стрелой?

Проклятье, — проворчал Жан. — Только этого нам не хватало.

Может, нам стоит поторопиться с... нашим делом? — Галдо поерзал на месте, тревожно озираясь. — А потом смыться из города на какое-то время. Посетить Тал-Веррар или Талишем... ну или по крайней мере тебя, Локк, отправить куда-нибудь подальше.

— Глуности. — Локк сплюнул за борт. — Извини, Галдо. На первый взгляд твое предложение кажется разумным, но ты раскинь мозгами. Капа никогда нам не простит, если мы сбежим в трудное для него время. Он посадит нас на короткий поводок и поставит над нами самого гнусного и сволочного ублюдка, какого только найдет. Нет, пока Барсави остается здесь, нам бежать нельзя. Черт, да Наска первая мне колени дубинкой переломает.

— Сочувствую вам, ребята. — Перекидывая шест из руки в руку, Вителе ловкими толчками повел гондолу вокруг скопления крупных обломков. — Работа на каналах, конечно, не из легких, но, по крайней мере, меня никто не хочет убить по каким-то причинам, кроме самых простых и понятных. Вас на Могилу высадить или у причала?

— Нам надо повидаться с Гарцей, — сказал Локк.

— О, сегодня он наверняка злой как собака. — Вителе принялся толкать лодку к северному берегу Свалки, где за длинными каменными пристанями теснились дешевые гостиницы и всякого рода лавки. — Значит, у причала.

4

Ломбард Гарца Накась-Выкуси был одной из главных достопримечательностей во владениях капы Барсави. Хотя иные ломбарды платили дань побольше и почти все принадлежали особам не столь скверного нрава, ни один из них не располагался на расстоянии брошенного камня от резиденции капы. Путные люди, сбывая Гарце творчески добытое добро, точно знали, что о них непременно будет доложено Барсави. А лишний раз зарекомендовать себя деятельным и ответственным воров никогда не вредно.

— Ну конечно, — сварливо проворчал старый вадранец, когда Жан придержал тяжелую, обитую железом дверь и посторонился, пропуская товарищей. — Сегодня, понятное дело, лишь ничтожнейшие из гаррист отважатся здесь показаться. Ну, заходите, мерзкие отродья каморрских шлюх. Хватайте своими сальными теринскими лапами мой чудесный товар. Топчите мокрыми грязными башмаками мои прекрасные полы.

Лавка Гарца в любую погоду — дождь ли, солнце ли — была закупорена, как гроб: двери крепко закрыты, узкие зарешеченные окна плотно запавешены пыльными холщовыми полотнищами. Здесь вечно стоял запах плесени, затхлого ладана, застарелого пота и полировочной пасты для серебра. Сам ломбардщик был щуплым мучнисто-бледным стариком, с водянистыми глазами навывкате. Каждая морщина и складка на его лице словно бы сползала вниз — такое впечатление, будто бог, лепивший Гарцу, находился в легком подпитии и слишком сильно давил пальцами, разглаживая глину. Прозвище Накась-Выкуси хозяин лавки заслужил за свою жесткую позицию против ссуд, продления кредитов и прочих благодеяний. Кало как-то сказал, что если Гарце в черепушку воткнется стрела, он будет долго сидеть и ждать, чтобы та сама вывалилась, прежде чем все-таки решит купить у лекаря хотя бы клочок марли.

В правом углу на высоком деревянном табурете со скучающим видом сидел охранник — жирный молодой парень с дешевыми медными перстнями на всех пальцах, сальными кудреватými волосами, спадающими на глаза, и окованной железом дубинкой на поясе. Он медленно кивнул вошедшим, не посчитав нужным удостоить улыбкой людей, в силу своей тупости неспособных понять всю важность возложенных на него служебных обязанностей.

— Локк Ламора, — продолжал Гарца. — Склянки духов и бабье белышкко. Миски, тарелки, кубки. Погнутый, поцарапанный металлический хлам, который не купит ни один приличный человек. Вы, взломщики и домушники, воображаете себя самыми умными. Вы бы и дерьмо у собаки из задницы украли, будь у вас подходящая сума, чтоб донести добычу до дому.

— Удивительное совпадение, Гарца, — сказал Локк, забирая у Клопа джутовый мешок и показывая ломбардщику. — Потому что у меня тут как раз...

— Не собачье дерьмо, слышу по звону. Ну, давай глянем, не притащил ли ты по случайности что-нибудь стоящее.

Поздри Гарцы возбужденно затренитали, когда он раскрыл мешок и осторожно вытряхнул содержимое на кожаную подложку на прилавке. Казалось, оценка краденого была единственным видом чувственного удовольствия, теперь доступным старику, и он с воодушевлением взялся за дело, быстро перебирая длинными костлявыми пальцами.

— Барахло. — Он поднял с прилавка три медальона, добытые Кало и Галдо. — Паршивые алхимические стекляпки и речные агаты. Даже на корм козе не годятся. Два медяка за штуку.

— Мало, — сказал Локк.

— Красная цена. Да или нет?

— Семь медяков за все три.

— Три раза по два будет шесть. Говори «да» или гуляй лесом, мне плевать.

— Ну, в таком случае «да».

— Хм... — Гарца внимательно рассмотрел серебряные кубки, выбранные Жаном из Барахольного ларя. — Так и есть, поцарапанные. Вам, дуракам, обязательно нужно затолкать хорошую серебряную вещь в мешок со всякой острой дрянью. Ладно, отполирую и сбуду какой-нибудь заезжей деревенщине. Солон и три медяка за штуку.

— Солон и четыре, — сказал Локк.

— Три солон и один медяк за оба.

— Идет.

— Так, а здесь у нас что? — Гарца взял бутылочку с опиумным молоком, выкрутил пробку, понюхал, похмыкал и вставил пробку обратно в горлышко. — Вообще-то, это стоит больше, чем твоя никчемная жизнь, но выгодно это не продать. Привередливые каморские сучки либо сами варят зелье, либо заказывают алхими-

кам, а у людей незнакомых никогда не покупают. Может, удастся сбыть какому-нибудь придурку, которому нужно передохнуть от винища или грезотворной отравы. Три солона и три барона.

— Четыре солона и два.

— Сами боги не выговорили бы у меня четыре и два. Великий Морганте с огненным мечом и десятком голых девственниц, нетерпеливо дергающих меня за штаны, еще мог бы выторговать четыре солона и один барон. А ты получишь три и четыре — и точка.

— Идет. Но только потому, что мы торопимся:

Гарца записал очередную сумму гусиным пером на клочке пергамента. Потом он пробежался пальцами по россыпи дешевых колец, украденных Кало и Галдо, и рассмеялся.

— Да ты, верно, шутишь! Этот хлам мне нужен не больше, чем куча отрубленных собачьих херов.

— Ой, брось...

— Собачьи херы, по крайней мере, можно продать живодерам. — Гарца принялся швырять Благородным Канальям медные и бронзовые кольца, одно за другим. — Я не шучу. Больше такого барахла не приносите. У меня в кладовой горы ящичков, забитых всякой дребеденью, которую в жизни никому не сбавить. — Он дошел до плетеного перстня из золота и платины, с бриллиантом и обсидиановыми кристалликами. — Мм... Ну хоть что-то более или менее приличное. Пять солоноров ровно. Золото настоящее, но платина — дрянная веррарская дешевка, такая же подлинная, как стеклянный глаз. И я шесть раз в неделю гажу бриллиантами гораздо крупнее.

— Семь и три, — сказал Локк. — Мне стоило больших трудов добыть этот перстень.

— По-твоему, я должен переплачивать из-за того, что у тебя при рождении голова и задница поменялись местами? По-моему — нет. Будь так принято, я бы наверняка знал. Бери пять и считай, что тебе здорово повезло.

— Уверю тебя, Гарца, еще никто не выходил из твоей лавчонки с мыслью, что ему здорово повезло.

В таком же духе продолжалось и дальше: называлась заведомо заниженная цена, изливались потоки взаимных оскорблений, потом Локк неохотно соглашался, а старик страдальчески скрежетал немногими оставшимися зубами, убирая под прилавок отобранные вещи. Наконец Гарца небрежно сгреб обратно в мешок разную мелочь, не вызвавшую у него интереса.

— Итак, сладкие мои, с меня шестнадцать солонов пять баронов. Всяко выгоднее, чем работать дерьмовозом, верно?

— Ага, или держать ломбард, — ухмыльнулся Локк.

— Очень смешно! — фыркнул старик, отсчитывая шестнадцать тусклых серебряных монет и пять медных, меньшего размера. — Отдаю вам обратно легендарные утерянные сокровища Каморра. Забирайте свое барахло и проваливайтесь. Увидимся через неделю. Если, конечно, Серый король не укукошит вас к тому времени.

5

Когда Благородные Канальи, тихо посмеиваясь, вышли из лавки Гарцы, дождь уже ослаб до мелкой измороси.

— Вот уж поистине, как говаривал Цешси, наибольшей свободой пользуется тот, кого недооценивают окружающие, — заметил Локк.

— О да! — Кало закатил глаза и высунул язык. — Будь мы еще хоть чуточку свободнее — воспарили бы в небеса, как птицы.

От северного края Дровяной Свалки к плавающей крепости капы Барсави вел высокий деревянный мост, достаточно широкий, чтобы на нем свободно разошлись двое. На берегу перед ним открыто стояли четверо мужчин в легких летних плащах, под которыми виднелось оружие, и Локк подозревал, что по меньшей мере еще столько же укрывается где-то поблизости, на расстоянии полета стрелы. Приблизившись к караульным, он сделал рукой несколько условных знаков, действительных в текущем месяце. Все здесь, конечно, друг друга знали, но формальности следовало неукоснительно соблюдать, особенно в такое неспокойное время.

— Здорово, Ламора. — Самый старший из стражников, жилистый старик с выцветшими татуировками акул от шеи до самых висков, шагнул навстречу, и они с Локком пожали друг другу левые предплечья. — Слышал про Тессо?

— Да, и тебе здорово, Бернелл. Один из Серолицых сообщил нам по дороге сюда. Так, значит, это правда? Прибит к стене, яйца отрезаны и все прочее?

— Ага, прибит, отрезаны и все прочее. Можешь вообразить, в каком настроении хозяйин. К слову сказать, тебя Наска хочет видеть. Не далее чем сегодня утром велела отправить тебя к ней, как

появишься. Сказала, чтоб не платил дань, пока она не поговорит с тобой. Ты ведь с данью пришел?

Локк потряс маленьким серым мешочком с двадцатью солонами Жана, шестнадцатью солонами Гарцы и несколькими медяками.

— А как же! Явились выполнить свой гражданский долг.

— Хорошо. Сегодня почти никого не пропускаем, кто по другому делу. Слушай, я знаю, ты на особом положении, в друзьях у Наски и все такое, — но может, тебе стоит сегодня поосторожнее? Тут вокруг полно пезонов, кто на виду, кто в укрытии. Начеку, с оружием наготове. Капа сейчас допрашивает парней из Полных Крон, где были прошлой ночью.

— Допрашивает?

— Старым проверенным способом. Так что следи за своими манерами и не делай резких движений, ясно?

— Ясно. Спасибо за предупреждение.

— Всегда пожалуйста. Арбалетные стрелы денег стоят. Жаль их расходовать на таких, как ты.

Бернелл махнул рукой — мол, проходите. — и Благородные Каналии неторопливо зашагали по деревянному мосту около ста ярдов длиной. Он вел к корме громадного неподвижного судна, прямо к обитой железом двойной двери из ведьмина дерева, установленной в проеме, вырубленном в обшивке. У входа в Плавучую Могилу стояли еще двое караульных, мужчина и женщина, с темными кругами усталости под глазами. При приближении Благородных Каналий женщина четыре раза стукнула в дверь, и через пару секунд створки распахнулись внутрь. Подавив зевок, стражница снова прислонилась к стенке и накинула на голову капюшон парусинового плаща. С севера напозлали тучи, и жара уже спадала.

Передний зал на Плавучей Могиле был высотой в четыре человеческих роста, поскольку еще много лет назад все внутренние палубы старого галеона разобрали, оставив только верхнюю, ныне служившую крышей. Пол и стены здесь были из твердой древесины кофейного цвета; на переборках висели черно-красные гобелены с вытканым по краю золотом и серебром орнаментом в виде акульих зубов.

Прямо напротив Благородных Каналий стояло со вскинутыми арбалетами полдюжины стражников обоего пола — в кожаных наручах и поножах, в кожаных же дублетах, укрепленных тонки-

ми железными полосами, и в жестких кожаных нашейниках. Более изысканную переднюю украшали бы светильники и декоративные вазы с цветами, но тут вместо них были ивовые корзины с арбалетными стрелами и стойки с запасными мечами.

— Ну-ну, полегче, — сказала девушка, стоявшая позади стражников. — Да, конечно, выглядят они чертовски подозрительно, но Серого короля я среди них не вижу.

Она была в мужских бриджах, черной шелковой блузе с пышными рукавами и рубчатой кожаной кирасе, судя по виду редко пылившейся без дела. Девушка вышла вперед — подкованные железом башмаки, к каким она питала слабость с детства, звонко процокали по полу. Она приветливо улыбнулась, но улыбка не коснулась глаз, тревожно бегавших за очками в простой черной оправе.

— Извините за такой прием, мои дорогие, — промолвила Наска Барсави, обращаясь ко всем Благородным Канальям сразу, но положив руку на плечо Локку. Она была выше него на добрых два дюйма. — Понимаю, здесь тесно, но вам четверым придется подождать в передней. Отец в дурном настроении. Принимает только гаррист.

Из-за дверей, ведущих во внутренние покои Плавучей Могилы, донесся приглушенный вопль, потом послышались неразборчивые гневные голоса — крики, брань, проклятья — и снова вопль.

Наска потеряла виски и со вздохом откинула назад непослушную прядь черных волос:

Он там из кожи вон лезет, чтобы... вырвать признание у кого-нибудь из Полных Крон. Там с ним Мудрый Доброхот.

— Святые Тринадцать! — воскликнул Кало. — Мы с превеликим удовольствием подождем здесь.

В самом деле. — Галдо достал из кармана чуть подмокшую колоду карт. — Заняться у нас есть чем, хоть до самой ночи.

При виде карт в руках одного из братьев Сапца стражники разом отступили на шаг, причем некоторые из них явно испытали желание вновь вскинуть арбалеты.

— Что? И вы туда же, парни? — изумился Галдо. — Да брехня все это, честное слово. Просто тогда всем остальным за столом страшно не везло...

За тяжелыми широкими дверями находился короткий коридор, пустой и без охраны. Затворив за собой двери, Наска повер-

нулась к Локку, уже без тени улыбки, и убрала у него со лба мокрые волосы.

— Ну здравствуй, пезон. Вижу, ты опять недоедаешь.

— Да нет, питаюсь упорядоченно.

— Нужно питаться не только упорядоченно, а еще и сытно.

Помнится, однажды я сказала, что ты тощий как скелет.

— А я, помнится, тогда впервые увидел семилетнюю девочку, нахлебавшуюся до чертиков при взрослых.

— Ну, тогда, может, я и нахлебалась до чертиков, а вот сейчас боюсь до чертиков. Папа в ужасном состоянии, Локк. Потому-то я и хотела увидеться с тобой, прежде чем ты пойдешь к нему. У него к тебе кой-какой разговор, и я хочу... В общем, о чем бы он ни попросил, пожалуйста, не отказывайся... ради меня... просто соглашайся, и все. Не перечь ему, ладно?

— А как иначе? Еще ни один гарриста, дорожащий своей жизнью, не пытался прекословить твоему отцу. Псужто ты думаешь, что в такой день, как сегодня, я начну перед ним выкаблучиваться? Да если он прикажет мне лаять собакой, я лишь угодливо спрошу: «Какой породы, ваша честь?»

— Знаю, прости. Но я вот о чем. В последнее время отец сам не свой. Он напуган, Локк, по-настоящему напуган. Когда умерла мама, он был страшно подавлен, но сейчас... Он кричит во сне, каждый день пьет вино и опиум лошадиными дозами, пытаюсь успокоить нервы. Раньше только мне одной запрещалось покидать Могилу, а теперь он и Аньяиса с Пакеро отсюда не выпускает. Днем и ночью нас охраняют пятьдесят стражников. За жизнь самого герцога так не трясутся. Папа и братья всю ночь бранились из-за этого.

— Ну... послушай, мне очень жаль, но здесь я вряд ли могу чем-нибудь помочь. А о чем он хочет со мной поговорить?

Пристально глядя на него, девушка открыла было рот, но почти сразу плотно сомкнула губы и нахмурилась.

— Черт побери, Наска! Если тебе нужно, я прыгну в залив и брошусь с голыми руками на акулу, честное слово, но все-таки сначала ты должна сказать мне, насколько она большая и насколько голодная. Понимаешь?

— Да. Просто... будет лучше, если он сам тебе все скажет. Ты, главное, помни, о чем я попросила. Выслушай его, не возражай... а потом мы с тобой как-нибудь все уладим. Если живы будем.

— Что значит «если живы будем»? Наска, ты меня пугаешь.

— Дела наши плохи, Локк. Совсем плохи. Серый король уже вплотную подобрался к папе. У Тессо было шестьдесят бойцов, десять из них находились при нем неотлучно. Тессо пользовался особой милостью, у папы были на него большие планы. Но папа настолько привык держать все в своих руках, что сейчас... мне кажется, он просто растерялся и не знает, что делать. А потому решил свернуть все дела и укрыться здесь вместе с нами. Перейти на осадное положение, так сказать.

— Хм... — Локк вздохнул. — Знаешь. Наска, уж в чем в чем, а в неблагоприятии твоего отца трудно упрекнуть. Он всегда...

— Да он просто сумасшедший, если собирается вечно прятаться в своей крепости! Раньше папа половину вечеров проводил в «Последней ошибке». В любой час дня и ночи свободно разгуливал по торговым кварталам, по Мара-Каморранца, по Скопищу. Бросал медяки в толпу во время Шествия Теней! Это герцог Каморрский может править городом, не выходя из своей башни, а каморрский капа — не может. Он должен постоянно показываться на люди.

— Рискую погибнуть от руки Серого короля?

— Локк, я уже два месяца безвылазно сижу на этом поганом деревянном корыте и могу точно сказать: здесь мы не в большей безопасности, чем если бы купались нагишом в самом грязном фонтане в самом темном дворе Котлица. — Наска сложила руки на груди так крепко, что кожаная кираса скринула. — Кто такой этот Серый король? Где скрывается? Кто его люди? Мы ни малейшего понятия не имеем — а он преспокойно убивает наших гаррист, когда захочет. Что-то здесь не так. У него явно есть средства и возможности, нам неизвестные.

— Он умен и везуч. Но рано или поздно допустит ошибку, поверь мне.

Не просто умен и везуч, Локк. Ты прав, и ум, и удача когда-нибудь да подводят. Но какие козыри у него припасены? Что он знает? Или кого? Если среди нас не завелся предатель, значит Серый король во всем превосходит нас. А я вполне уверена, что пока еще нас никто не предал.

— Пока еще?

— Не прикидывайся дурачком, Локк! До сих пор дела худо-бедно шли своим чередом, даром что мы с папой уже долго не кажем носа из Плавучей Могилы. Но если он перестанет выпускать

и Аньяиса с Пакеро, в последнее время заправлявших в городе вместо нас, вся его власть полетит к черту. Гарристы могут полагать разумным, что кто-то из Барсави укрывается от опасности; но если мы *все* спрячемся, они посчитают нас трусами. И они не станут просто перешептываться у нас за спиной, а живо выберут нового капу... а то и сразу нескольких. Возможно, самого Серого короля.

— Вот потому-то твои братья и не согласятся безвылазно торчать здесь.

— Все зависит от того, насколько далеко старик зайдет в своем отчаянии и безумии. Но даже если он не запретит Пакеро с Аньяисом выходить в город, положение наше не намного улучшится. Повторяю, Серый король во всем нас превосходит. У нас в подчинении три тысячи ножей, а этот чертов призрак все равно творит что хочет.

— И что ты здесь подозреваешь? Колдовство?

— Да все сразу! Говорят, Серый король может убить одним прикосновением. Говорят, его не берет ни один клинок. Я подозреваю, сами боги с ним заодно. А братья считают, что я спятила. Сами они видят в происходящем лишь обычную войну за власть. Думают, что сумеют взять верх, если спрячут старика-отца с крохой-сестренкой и выждут время, чтобы точно нанести ответный удар. Но я смотрю на дело совсем иначе. Я вижу kota, лапой прижавшего хвост мышке. Если он еще не выпустил когти, то вовсе не потому, что опасается мышки. Разве не понятно?

— Наска, я понимаю, ты взволнована. Я буду тебя слушать сколько понадобится и молчать как камень. Кричи на меня, если хочешь. Но что еще я могу для тебя сделать? Я простой вор, самый ничтожный из воров твоего отца. Я готов сыграть в карты в акульей пасти, если в Каморре найдется шайка меньше, чем моя.

— Мне нужно, чтобы ты помог мне успокоить лапу, Локк. Если он станет хоть немного похож на себя прежнего, то сможет меня выслушать и отнестись к моим доводам серьезно. Вот почему я прошу тебя угодить ему. Угодить во что бы то ни стало. Показать себя верным и преданным гарристой, беспрекословно выполняющим любые приказы. Как только папа снова начнет строить разумные планы на будущее, я пойму, что к нему вернулась способность внимать голосу здравого смысла.

— Задача интересная, — заметил Локк. — И чрезвычайно трудная.

— В детстве папа говорил мне, что когда-нибудь я научусь ценить в своих подчиненных любезную учтивость. Поверь, Локк, я научилась... Ну вот мы и пришли.

В конце коридора находились еще одни широкие толстые двери — похожие на те, что вели обратно в приемный зал, только запертые на несколько прочных железных засовов, которые приводились в движение хитроумным веррарским замком, врезанным в створки посередине. В замке была добрая дюжина скважин, и Наска, сняв с шеи два ключа, встала так, чтобы Локк не видел, в какие отверстия она их вставляет. Послышались частые щелчки и скрежет замкового механизма. Скрытые задвижки одна за другой выскочили из своих гнезд, блестящие засовы отодвинулись, и тяжелые створки приоткрылись.

Из-за двери раздался очередной душераздирающий вопль, теперь прозвучавший до жути громко и отчетливо.

— Выглядит все еще хуже, — предупредила Наска.

— Я знаю, какие услуги оказывает Доброхот твоему отцу.

— Одно дело — знать, и совсем другое — видеть своими глазами. Обычно Доброхот занимается одним-двумя одновременно, но сегодня отец приказал этому скоту работать со всеми сразу.

6

— Я совершенно ясно дал понять, что не получаю от этого никакого удовольствия, — прорычал капа Барсави, — так почему же ты принуждаешь меня продолжать?

Темноволосый молодой человек висел головой вниз на дыбе, с зажатыми в железных кольцах ногами и привязанными за запястья руками, вытянутыми до предела. Тяжелый кулак капы обрушился на ребра бедняги около подмышки со звуком, похожим на удар молота по мясной туше. Брызнули капельки пота, и узник заорал, дергаясь и извиваясь в своих путах.

— Зачем ты меня так оскорбляешь, Федерико? — Увесистый кулак с двумя выставленными костяшками ударил еще раз, в то же место. — Почему не считаешь нужным хотя бы врать поубедительнее из вежливости?

Капа Барсави хлестанул ладонью Федерико по горлу; узник задохнулся и захрипел, пуская кровавые пузыри.

Огромное помещение в сердце Плавучей Могилы напоминало великолепную бальную залу с выгнутыми стенами. Стеклопанные шары на длинных серебряных цепях источали теплый янтарный свет. Широкие лестницы вели на галереи, а с галерей на палубу под шелковым навесом. На возвышении у дальней стены стояло массивное деревянное кресло – в нем восседал капа, принимая посетителей. Зал был убран с изысканной роскошью, и сегодня здесь висел густой запах страха, крови и испражнений.

Деревянная рама с несчастным Федерико была одной из восьми, обычно висевших полукругом под потолком и при необходимости спускавшихся вниз на канатах: время от времени капа проводил дознания с размахом, требующим использования всех пыточных приспособлений сразу. Сейчас шесть окровавленных дыб уже пустовали, а на двух все еще висели узники.

Бросив взгляд на вошедших Локка с Паской, капа коротко кивнул и знаком велел подождать у стены. Старый Барсави по-прежнему был здоровенным как бык, но с возрастом расплылся и обрюзг. Три седые косицы его бороды теперь покоились на трех рыхлых подбородках, под глазами темнели круги, а на щеках горел нездоровый румянец, свидетельствующий о пристрастии к бутылке. Вспотев от усилий, он скинул камзол и работал в одной шелковой рубашке.

Поблизости от него, со сложенными на груди руками, стояли Аньяис и Пакеро, старшие братья Паски. Аньяис был уменьшенной копией отца, за вычетом тридцати лет и двух бород, а Пакеро больше походил на сестру – высокий и стройный, с вьющимися темными волосами. Оба брата тоже носили очки, ибо покойная госпожа Барсави, страдавшая слабым зрением, передала сей физический изъян всем трем своим выжившим детям.

Поодаль, прислонясь спиной к стене, стояли две женщины крепкого телосложения, с загорелыми мускулистыми руками, покрытыми рубцами и шрамами. Хотя они давно вышли из юного возраста, все в них дышало животным здоровьем. Черина и Райза Беранджа, сестры-близнецы, похожие друга на друга как две капли воды, и величайшие в истории Каморра контрареквиаллы. Всегда выступая в паре, сестры уже свыше сотни раз выходили на арену Плавучего цирка, где сражались с акулами, морскими дьяволами, гигантскими рыбами-фонарями и прочими хищниками Железного моря.

Последние пять лет Черина и Райза Беранджа служили личными телохранителями и палачами капы Барсави. Их буйные гривы дымчато-черных волос были убраны под серебряные сетки, сплошь увешанные акулыими зубами, побрякивавшими при каждом движении. Общее количество зубов, по слухам, равнялось количеству людей, убитых сестрами за годы службы у Барсави.

Последним по счету (но отнюдь не по значению) в этом избранном обществе был Мудрый Доброхот — круглоголовый мужчина средних лет и среднего роста, с коротко остриженными волосами соломенного цвета, изобличавшими в нем теринца из Картена или Лашена, расположенных далеко на западе. Глаза у него всегда казались увлажненными от волнения, но лицо неизменно хранило бесстрастное выражение. Мудрый Доброхот был, наверное, самым невозмутимым человеком в Каморре — он рвал ногти своим жертвам со спокойным равнодушием человека, чистящего башмаки. Капа Барсави знал толк в пытках, но, когда он исчерпывал свои возможности, на помощь приходил Доброхот, еще ни разу не разочаровавший своего хозяина.

— Он ничего не знает! — истошно провозил второй пленник, еще нетронутый, когда Барсави нанес очередной удар несчастному Федерико. — Капа... ваша честь! Умоляю вас! Мы ничего не знаем! О боги!.. Мы ничего не помним!

Барсави широким шагом подошел к нему и крепко схватил за горло, перекрывая дыхание:

— Разве тебя о чем-нибудь спрашивали? Тебе что, не терпится поскорее принять участие в нашем разговоре? Ты помалкивал, пока я по очереди отправлял на корм рыбам шестерых других твоих дружков. С чего вдруг возопил о пощаде?

— Прошу вас... — сдавленно прохрипел бедняга, когда Барсави немного ослабил хватку. — Прошу вас... это бессмысленно... Вы должны нам поверить, капа Барсави, умоляю вас! Мы бы сразу рассказали, кабы чего знали. Но мы ничего не помним. Мы просто...

Жестоким ударом в лицо капа заставил его замолчать. Несколько мгновений в зале стояла тишина, нарушаемая лишь всхлипами и хрипами двоих узников.

— Я должен вам поверить? Я никому ничего не должен, Жюльен! Ты скармливаешь мне собачье дерьмо и утверждаешь, будто это тушеная говядина. Вас так много, и вы даже не удосужились сочинить правдоподобную историю! Если бы вы всерьез постара-

лись соврать, я бы все равно взъярился, конечно, но я, по крайней мере, понял бы вас. Но нет, вы знай орете, что ни черта не помните. Вы, восемь самых влиятельных людей в Полных Кронах, после самого Тессо. Его избранники. Его друзья, телохранители и верные лезоны. И вы мне тут рассказываете, плача навзрыд, что не помните, где были прошлой ночью, когда Тессо случилось лишиться жизни!

— Но это правда, капа Барсави... прошу вас...

— Еще раз спрашиваю: вы пили прошлой ночью?

— Нет, ни капли!

— Курили какое-нибудь зелье? Все вместе?

— Нет, ничего такого! Во всяком случае, вместе не курили.

— Значит, грезотворная дрянь? Или какая-нибудь пакость от извращенных джеремских алхимиков? Чуток порошка, дарующего блаженство?

— Тессо нам запрещал...

— Ладно. — Барсави почти небрежно ударил Жюльена кулаком под дых. Пока бедняга судорожно хватал ртом воздух, капа воздел руки и с притворной веселостью воскликнул: — Ну, раз мы исключили все мыслимые причины подобной забывчивости, помимо колдовства и божественного вмешательства... О, прошу прощения. Вас ведь не сами боги околдовали, надеюсь? Уж богов-то вы наверняка запомнили бы.

Жюльен снова забился в своих путях:

— Умоляю вас...

— Значит, не боги. Я так и думал. Что я там говорил?.. А говорил я, что твои игры до смерти мне надоели. Доброхот!

Желтоволосый мужчина склонил голову и слегка выставил вперед руки ладонями вверх, словно собираясь принять подарок.

— Давай что-нибудь поинтереснее. Раз Федерико отказывается говорить — предоставим последний шанс Жюльену.

Федерико испустил дикий вопль еще прежде, чем Барсави закончил фразу. — пронзительный, отчаянный вопль обреченного человека. Локк стиснул зубы, пытаясь справиться с дрожью. Как часто, встречаясь здесь с капой, он вынужден лицезреть зверские смертоубийства!.. Похоже, боги все-таки извращенцы какие-то.

Мудрый Доброхот подошел к столику, на котором рядом с дюжиной стеклянных стаканов лежал грубый мешок с затяжным шнуром. Бросив в мешок несколько стаканов, он принялся колотить им об стол. Истощенные вопли Федерико заглушали звон бью-

щегося стекла, но Локк хорошо себе представлял его. Через несколько секунд Доброхот удовлетворенно кивнул и неторопливо направился к Федерико.

— Нет, нет, не надо!.. Умоляю вас, не надо...

Придерживая одной рукой голову обезумевшего от ужаса парня, Доброхот ловко натянул на нее мешок и туго затянул шнур на шее. Толстая грубая ткань заглушила истушенные крики бедняги, снова бессловесные. Доброхот принялся мять мешок, сначала осторожно, почти нежно. Длинные пальцы пыточного мастера вдавливали острые осколки в лицо Федерико, и на мешке начали проступать красные пятна. Сейчас Доброхот походил на опытного скульптора, придающего форму своей глине. Федерико больше не кричал, лишь славленно стонал и хрипел. Локк страстно надеялся, что он уже провалился во мрак безумия, дарующего избавление от боли.

Доброхот стал нажимать и давить сильнее, вминая пальцы в глазницы Федерико, в нос, губы и подбородок. Мешок пропитался кровью насквозь ко времени, когда несчастный наконец перестал дергаться и безжизненно обмяк на дыбе. Руки у пыточного мастера выглядели так, будто он давил перезрелые помидоры; кровь капала с пальцев на пол. Доброхот грустно улыбнулся и направился к Жюльену, пристально на него глядя.

— Уверен, мне удалось убедить тебя, что я настроен самым решительным образом, — промолвил кана. Ты будешь говорить?

— Прошу вас, кана Барсави... — прошептал Жюльен. — В этом нет никакой необходимости. Мне нечего вам сказать. Спросите о чем-нибудь другом, о чем угодно... Но миновавшая ночь напрочь выпала у меня памяти. Я ничего не помню, иначе я бы все рассказал... прошу вас, кана, поверьте, я бы рассказал чистую правду. Ведь мы ваши верные пезоны, самые верные из всех!

— От души надеюсь, что не самые.

Казалось, кана принял какое-то решение. Он знаком подозвал сестер Беранджа и указал на Жюльена. Темноволосые женщины, ни слова ни говоря, проворно развязали веревки, удерживавшие узника на дыбе, но оставили те, что опутывали ему лодыжки, обвинялись вокруг тела и затягивались узлом на шее. Потом они легко подняли парня за руки за ноги.

— Верные? Я тебя умоляю, Жюльен, мы же взрослые люди! Разве верные пезоны отказались бы сказать правду о событиях

прошлой ночи? Ты меня предал — и я отплатчу тебе той же монетой.

В дальнем левом углу зала находился открытый люк, всего в ярде под полом темнела вода. Пол вокруг люка был залит кровью.

— Я тоже предам тебя — смерти, — произнес Капа.

Жюльен испустил последний короткий вопль, когда сестры Беранджа бросили его в люк головой вниз. Он с плеском упал в воду и на поверхность уже не всплыл. Капа имел обыкновение держать под Могилой каких-нибудь хищных морских тварей в сплетенной из толстых веревок огромной сети, висевшей под днищем галсона, точно сито.

— Ты свободен, Доброхот. Вы, мальчики, пока подождите на палубе, а когда я позову вас — прихватите с собой людей, чтобы прибрались здесь. Райза, Черина, вы тоже ступайте.

Капа Барсави медленно подошел к простому деревянному креслу и грузно опустился в него. Он тяжело дышал и дрожал тем сильнее, что отчаянно старался скрыть дрожь. На столике рядом с креслом стоял медный винный кубок вместимостью с хорошую супницу. Капа отхлебнул большой глоток и закрыл глаза, словно всецело сосредоточившись на вкусовых ощущениях. Наконец он очнулся от задумчивости и знаком подозвал Локка с Наской:

— Ну, мой любезный Ламора, сколько денег ты принес сегодня?

7

— Тридцать шесть солонов и пять баронов, ваша честь.

— Хм... Похоже, неделя не задалась.

— Да, Капа Барсави, покорнейше прошу прощения. Но такая дождливая погода для нас, домушников, просто погибель.

— Хм... — Барсави поставил бокал на столик и обхватил левой ладонью правый кулак, потирая покрасневшие костяшки. — Ты не раз приносил гораздо больше. В удачные недели.

— Э-э... да, Капа.

— Так не все поступают, знаешь ли. Некоторые неделю за неделей приносят мне одну и ту же сумму, пока я не теряю терпение и не объясняю доходчиво, что так не годится. Чего, по-твоему, не хватает таким гарристам, Локк?

— Разнообразие в жизни?

— Ха! Вот именно! Жизнь у них и впрямь до крайности однообразна, коли они каждую неделю получают одинаковый доход и приносят мне одну и ту же сумму в качестве десятины. Как будто я несмышленный ребенок, который ничего подозрительного не заметит. С другой стороны, есть гарристы вроде тебя. Ты не боишься явиться ко мне и извиниться, что в этот раз вышло меньше, чем в прошлый, — поэтому я знаю, что ты платишь мне честный процент.

— Надеюсь, я восполняю недосдачу с лихвой, когда у меня выдается урожайная неделя.

О да, безусловно. — Барсави с улыбкой откинулся на спинку кресла: из-под пола около люка, куда сбросили Жюльена, донеслись зловещие всплески и глухие удары. — Если уж на то пошло, ты самый мой верный гарриста. Надежный, как веррарский замок. Сам исправно приносишь мне долю, без всяких напоминаний. Вот уже четыре года, неделю за неделей. Ни разу со смерти Ценпи не задержался с выплатами. Ни разу не сослался на некие обстоятельства, помешавшие тебе предстать передо мной с таким вот кошельком в руке. — Капа указал пальцем на кожаный мешочек, зажатый в левой руке Лукка, и сделал знак дочери.

Наска состояла при капе в должности счетовода. Она могла без единой запинки последовательно назвать все суммы, выплаченные любой шайкой в каждую неделю каждого года, и ни разу не ошибиться. Локк знал, что она вела для отца записи в пергаментной учетной книге, но остальные подданные Барсави полагали, что все до последней цифры баснословных прибылей капы хранятся единственно в памяти этой девушки с красивыми холодными глазами. Локк кинул кошелек Наске, и она ловко поймала его на лету.

— И тебе ни разу не пришло в голову послать вместо себя пезона, — добавил Барсави.

— Вы очень добры, ваша честь. Но сегодня к вам в любом случае пускают только гаррист.

— Не прикидывайся, ты хорошо понимаешь, о чем я. Наска, милая, нам с Локком нужно поговорить наедине.

Наска медленно и глубоко кивнула отцу, быстро и коротко кивнула Локку, затем развернулась и запагала к дверям, гулко стуча подкованными башмаками по деревянному полу.

Многие мои гарристы гораздо круче тебя нравом, — начал Барсави, когда девушка вышла. — Многие популярнее тебя, мно-

гие обаятельнее, многие руководят более крупными и доходными шайками. Но таких учтивых и внимательных, как ты, у меня раз-два и обчелся.

Локк промолчал.

— Многие вещи мне, скажем прямо, не по душе, но вежливость в их число не входит, будь уверен. Ну-ну, не напрягайся так — я не собираюсь тебя вздергивать.

— Прошу прощения, капа. Просто всем известно, что обычно выражать свое неудовольствие вы начинаете в... э-э...

— Окольной манерой?

— Цеппи достаточно порассказал мне про ученых из Теринского коллегия, я усвоил, что они имеют привычку изъясняться обиняками и речи вести с подвохом.

— Ха! Именно так. Не верь тем, Локк, кто говорит, что от старых привычек трудно избавиться: от них вообще невозможно избавиться. — Барсави отрывисто хохотнул и отхлебнул еще вина, прежде чем продолжить. — Настали тревожные времена, Локк. Проклятый Серый король у меня уже в печенках сидит. А смерть Тессо... Видишь ли, у меня были планы, с ним связанные. А теперь я вынужден заняться другими делами раньше, чем предполагал. Скажи-ка, пезон... что ты думаешь об Аньяисе и Пакеро?

— Гм... Вам ведь нужен честный ответ, ваша честь?

— Честный и исчерпывающий. Я приказываю тебе, пезон.

— Они пользуются большим уважением. Прекрасно справляются со своими обязанностями. Никто не отпускает шуточки у них за спиной. По словам Жана, они умеют драться. Братья Санца побаиваются честно играть в карты с ними, что говорит о многом.

— Такой отзыв я могу в любое время услышать от двух дюжин своих шпионов. Это все я знаю. Я спрашиваю твое личное мнение о моих сыновьях.

Локк сглотнул и посмотрел капе прямо в глаза:

— Ну... на мой взгляд, Аньяис и Пакеро действительно заслуживают уважения. Они успешно справляются с работой и, вероятно, хороши в драке. Они оба очень трудолюбивы и весьма неглупы, но... прошу прощения, вапа честь, они смеются над Наской, когда им следовало бы прислушаться к ее предостережениям и советам. У нее острый, пронизательный ум, какого... какого...

— Нет у них?

— Вы знали, что я вам отвечу, да?

Как я сказал, ты гарриста осмотрительный и здравомыслящий. Это отличительные твои качества, хотя они подразумевают и многие другие достоинства. Наломав дров в поразительно раннем возрасте, впоследствии ты неизменно был образцом осторожного вора, не дающего воли своей жадности. Поэтому ты должен зорко подмечать проявления опасного безрассудства в других. Мои сыновья всю жизнь прожили в городе, где все трепещут перед ними из-за их фамилии. Они требуют к себе почтительного уважения на манер аристократов. Они парни безалаберные и даже паглые. Мне необходимо позаботиться о том, чтобы в последующие месяцы и годы рядом с Аньяисом и Пакеро находился человек, способный помочь дельным советом и наставлением. Я не буду жить вечно, даже если разделаюсь с Серым королем.

От веселой уверенности, прозвучавшей в голосе Барсави, у Локка по спине побежали мурашки. Вот он, капа, сидит в крепости, которую не покидал уже два месяца, и пьет вино, дыша воздухом, все еще насыщенным тошнотворным запахом крови восьми участников одной из самых своих влиятельных и преданных шашек.

Разговаривает ли Локк с человеком, имеющим хорошо продуманный план на будущее? Или же рассудок у Барсави помутился, как помутняется море в шторм?

— И мне бы очень хотелось, — продолжал капа, — чтобы таким советчиком стал ты.

— О... ваша честь, я очень... польщен, но... Мы с вашими сыновьями неплохо ладим, но близкими друзьями нас не назвать. Мы играем в карты время от времени, но... скажем прямо, я не самый значительный из гарристов.

— Как я и сказал. Даже сейчас, когда Серый король убивает моих лучших людей, у меня довольно гарристов более сильных, храбрых и популярных, чем ты. Я говорю это не затем, чтобы тебя уязвить, ведь я уже отметил твои отличительные качества. Качества, которых очень не хватает моим сыновьям. Аньяис с Пакеро испытывают недостаток не в решительности, не в смелости, не в обаянии, но в расчетливой осторожности. В благоразумии. Ты мой самый благоразумный гарриста; ты считаешь себя самым незначительным из всех потому лишь, что меньше всех вынычиваешься и шумишь. А теперь скажи — что ты думаешь о Наске?

— О Наске? — Локк насторожился еще больше. — Она... человек незаурядных способностей, ваша честь. Может слово в слово

пересказать любой наш разговор десятилетней давности — особенно если хочет меня смутить. Вы думаете, я благоразумен? Да по сравнению с Наской я неосторожен и беспечен, как медведь в алхимической лаборатории.

— Да, — сказал капа. — Да. Ей следовало бы стать следующим капой Барсави после моей смерти, но такому не бывать. И дело вовсе не в том, что она женщина. Просто Аньяис и Пакеро не потерпят, чтобы ими верховодила младшая сестра. А я не хочу, чтобы мои дети поубивали друг друга из-за наследства, которое я оставляю. Поэтому и не могу обделить сыновей в пользу дочери. Зато я могу — и обязан — позаботиться о том, чтобы в нужное время рядом с ними всегда находился рассудительный и трезвый советчик, от которого нельзя избавиться. Вы с Наской старые друзья, так? Я хорошо помню вашу первую встречу много лет назад... когда она сидела у меня на коленях и воображала, будто командует моими людьми. Ведь ты с тех пор ни разу не упустил случая повидаться с ней, сказать доброе слово? Всегда был ее верным пезоном?

— Э-э... надеюсь, что так, ваша честь.

— Я знаю это напервое. — Барсави отхлебнул очередной глоток вина, со стуком поставил кубок на стол и в упор взглянул на Локка, с великодушной улыбкой на одутлом морщинистом лице. — А потому разрешаю тебе ухаживать за моей дочерью.

«Ну что, начинаем дрожать?» — спросили колени Локка, однако его здравый смысл выдвинул встречное предложение: замереть и не двигаться, как поступил бы человек в воде при виде острого черного плавника, приближающегося к нему.

— О... я не... — наконец пробормотал он, — я никак не ожидал...

— Само собой, — довольно кивнул капа. — Но здесь наши интересы совпадают. Я знаю, что вы с Наской питаете взаимную приязнь. Женитесь на ней, ты войдешь в семью Барсави. Аньяис и Пакеро станут отвечать за тебя, а ты — за них. Неужели не понятно? Со свояком моим сыновьям придется считаться гораздо больше, чем с самым могущественным гарристой. — Барсави вложил левый кулак в правую ладонь и снова широко улыбнулся, подобный краснолицему божеству, раздающему милости с небесного трона.

Локк глубоко вздохнул. Ничего не поделаешь: от него требуется полное и безоговорочное согласие, как если бы капа сейчас целился ему в голову из арбалета. Люди умирали, отказав Барсави и в гораздо меньшем. Отказаться от его дочери — значит выбрать

чрезвычайно неприятный способ самоубийства. Если Локк воспрепятствует планам капы, он не доживет и до завтрашнего утра.

— Это огромная честь для меня, капа Барсави. Величайшая честь. Надеюсь, я вас не разочарую.

— Конечно не разочаруешь. Знаешь, Локк, несколько других моих гарриет давно заглядываются на Наску. Но если бы кто-нибудь из них по-настоящему хотел привлечь ее внимание, то наверняка уже сделал бы это, правда? То-то они удивятся, когда узнают! Уж чего-чего, а такого они никак не ожидают.

«А свадебным подарком для меня, — подумал Локк, — станет злобная ревность неизвестного числа поклонников, обманутых в своих надеждах».

— И... когда и как мне начать, ваша честь?

— Пожалуй, я дам тебе несколько дней, чтобы ты хорошенько все обдумал. А сам тем временем поговорю с дочерью. Конечно, сейчас ей нельзя покидать Плавучую Могилу. Но как только я покончу с Серым королем, ты сможешь ухаживать за Наской с подобающим размахом.

— Вы имеете в виду, что теперь мне нужно красть больше? — спросил Локк очень осторожно.

— Считаю, я дал тебе такое задание, в придачу к родительскому благословию, — ухмыльнулся Барсави. — Посмотрим, сумеешь ли ты сохранить благоразумие, когда твои доходы возрастут. Думаю, сумеешь. Я знаю, что ты не хочешь разочаровать меня или мою дочь.

— Безусловно, ваша честь. Я... я сделаю все от меня зависящее.

Барсави знаком велел Локку подойти ближе и протянул вперед левую руку ладонью вниз. Локк опустился на колени перед деревянным креслом и прикоснулся губами к кольцу капы — к знакомой черной жемчужине с кроваво-красной сердцевинкой.

— Капа Барсави, — промолвил он, не поднимая глаз.

Капа взял Локка за плечи, побуждая встать:

— Даю тебе свое благословение, Локк Ламора. Благословение родителя, пекущегося о своих чадах. Тем самым я ставлю тебя выше многих опасных людей. Ты понимаешь, конечно же, что мои сыновья унаследуют после меня обязанности, сопряженные с угрозой для жизни. И если они будут недостаточно осторожны или решительны... что ж, на свете случались вещи и более стран-

ные. Возможно, однажды этим городом будет править капа Ламо-ра. Мечтал ли ты о таком когда-нибудь?

— Если честно, — прошептал Локк, — я никогда не хотел власти, какой обладает капа, потому что не хотел трудностей, с какими приходится сталкиваться капе.

— И здесь тоже ты проявляешь благоразумие. — Барсави улыбнулся и махнул рукой в сторону двери, разрешая Локку удалиться. — В жизни капы и впрямь очень много трудностей. Но одну из них ты сейчас помог мне разрешить.

В полном смятении мыслей и чувств Локк направился к выходу. Капа неподвижно сидел в кресле, глядя в пустоту и не произнося больше ни слова. Тишину нарушали лишь шаги Локка и мерный стук капель, падающих на пол с пропитанного кровью мешка на голове Федерико.

8

— Ну знаешь, Наска, будь я тыщи лет от роду и повидай все на свете по десять раз, я бы все равно мог ожидать чего угодно, но только не этого!

Девушка поджидала Локка в коридоре. Едва лишь замковый механизм затворил за ним дверь в присмную залу, она виновато взглянула на него чуть искоса:

— Но согласись, было бы еще более странно, если б я тебе заранее все объяснила...

— Да при любом раскладе ничего более страшного быть не может. Пожалуйста, Наска, ты только не обижайся, но...

— Я и не думаю обижаться. Локк...

— Ты мой хороший друг и...

— Могу сказать то же самое, но...

— Даже не знаю, как выразиться поделикатнсе...

— Да очень просто. Послушай, — девушка взяла Локка за плечи и слегка наклонила голову, заглядывая ему в глаза, — ты мой хороший друг. Вероятно, лучший. Мой верный пезон. Я очень тебя люблю — но не как будущего мужа. И я знаю, что ты...

— Я... э-э...

— Локк, — твердо промолвила Наска, — я знаю, что единственная женщина, владеющая ключом к твоему весьма прихотливому сердцу, сейчас находится в тысяче миль отсюда. И я знаю, что

ты предпочтешь остаться несчастным из-за нее, чем обрести счастье с другой.

— Вот как? — Локк сжал кулаки. — Похоже, это ни для кого не секрет. Бьюсь об заклад, герцогу исправно докладывают о моих сердечных делах. Похоже, один только твой отец пребывает в неведении.

— Или не принимает в расчет твои чувства. — Наска подняла брови. — Он капа — ты пезон, Локк. Ничего личного. Он приказывает — ты повинешься. В большинстве случаев.

Но не в этом? Я думал, ты обрадуешься. По крайней мере, твой отец снова строит планы на будущее.

— Я говорила о *разумных* планах. — Наска улыбнулась, на сей раз по-настоящему. — Не унывай, пезон. Попритворяйся несколько дней. Мы сделаем вид, будто согласны с волей отца, а сами тем временем вместе подумаем, как нам выпутаться из положения. Ума-то нам с тобой не занимать, верно? Старика не взять верх над нами, и он даже не узнает, что проиграл.

— Хорошо. Как скажешь.

— Так и скажу. Приходи послезавтра, пораскинем мозгами, как нам быть. Мы не дадим себя заарканить. А теперь ступай к своим подчиненным. И будь осторожен.

Локк вышел в передний зал, а Наска осталась в коридоре. Обернувшись, он несколько долгих секунд смотрел на девушку, стоящую за медленно закрывающимися дверями. Он мог поклясться, что за мгновение до того, как тяжелые черные створки сомкнулись с громким щелчком, Наска ободрительно подмигнула.

...и вот карта, которую ты выбрал. Шестерка шпилей, — говорил Кало, показывая карту стражникам.

— Разрази меня гром! — воскликнул один из них. — Колдовство, да и только.

— Просто ловкие руки старины Санца. — Кало перетасовал колоду одной рукой и протянул Локку. — Хочешь попробовать, старшой?

— Нет, Кало, благодарю покорно. Ладно, парни, пойдемте отсюда. На сегодня наши дела здесь закончены, не будем больше утомлять своим присутствием ребят с арбалетами. — Слова свои он сопроводил несколькими условными жестами, означавшими: «Серьезные осложнения. Обсудим в другом месте».

— Черт, я проголодался. — сказал Жан, поняв знаки. — Давайте купим чего-нибудь в «Последней ошибке» и поедем у нас наверху, а?

- Ага, — оживился Клоп. — Пиво и пирожки с абрикосами!
- Сочетание настолько отвратительное, что мне даже интересно попробовать.

Отвесив шутливый подзатыльник самому младшему из Благородных Каналий, Жан первым вышел за дверь и зашагал во главе шайки по узкому деревянному мосту, связывающему Плавучую Могилу с остальным миром.

9

Кроме капы Барсави (полагавшего, будто шайка Локка и после смерти отца Цеппи два-три дня в неделю собирает подающие на ступенях), никто из Путных людей Каморра не знал, что Благородные Каналии по-прежнему обретаются преимущественно в храме Переландро. Кало, Галдо и Клоп снимали комнаты в Западной и соседних кварталах, перебираясь на новое место каждые несколько месяцев. Локк и Жан уже не первый год успешно создавали видимость, будто снимают жилье вдвоем. По счастливому случаю (хотя на самом деле еще неизвестно, счастливому ли) Жану удалось отхватить комнаты на седьмом этаже Расколотой башни.

Ночь выдалась на редкость темная, дождь лил как из ведра. Никто из Благородных Каналий не горел желанием спускаться обратно по скрипучей и шаткой наружной лестнице с северной стороны Башни. Дождь ровно барабанил по деревянным ставням, ветер жутковато вздыхал в трещинах и щелях старых стен. Благородные Каналии сидели на напольных подушках при свете бумажных фонарей и допивали свое пиво — сладкое светлое пиво, которое большинство каморрцев предпочитало темному и горькому веррарскому. Воздух в комнате был спертый, но по крайней мере сухой.

За ужином Локк поведал товарищам о своем разговоре с капой.

— Да уж, — проговорил Галдо, — это самая неприятная из всех неприятностей, что когда-либо портили нам жизнь.

— Еще раз повторю, — сказал Жан, — нам следует поскорее покончить с нашим предприятием и переждать бурю в какой-нибудь тихой гавани. Серый король нагоняет все больше жути, а если Локк окажется в самой заварухе, нам всяко уже будет не до Сальвары.

— И когда ты предлагаешь остановиться? — спросил Кало.

— Да прямо сейчас. Ну или после того, как вытянем у дона еще один вексель. Но не позже.

— Хм... — Локк задумчиво разглядывал остатки пива на дне своей оловянной кружки. — Мы положили столько усилий на это дело. Я уверен, мы сумеем выманить у Сальвары еще тысяч пятьдесят, самое малое. Пусть не двадцать пять, на которые рассчитывали изначально, но все же достаточно, чтобы гордиться собой. Все-таки ради этих денег я едва яиц не лишился, а Клоп вон с крыши сиганул.

— А потом еще кувыркался в чертовой бочке добрых две мили! — добавил мальчишка.

— Можно подумать, Клоп, гнусная старая бочка напала на тебя в темном переулке и силой заставила в нее забраться, — сказал Галдо. — Я согласен с Жаном, Локк. Даже если ты сейчас не видишь такой необходимости, не стоит ли нам все-таки принять меры к тому, чтобы быстро спрятать тебя в случае опасности? Возможно, в другом городе?

— Ушам своим не верю, — ухмыльнулся Локк. — Санца советует проявить предусмотрительность. А я-то думал, мы богаче и умнее всех на свете.

— Совет этот мы будем повторять без устали, пока остается хоть малейшая вероятность, что тебе перережут глотку, Локк, — поддержал брата Кало. — Я менял свое мнение о Сером короле, без дураков говорю. Может, этот сумасшедший одиночка и впрямь в силах взять верх над тремя тысячами. Не исключено, он и тебя собирает прикончить. А если Барсави приблизит тебя к себе, как замышляет, положение твое станет только опаснее.

— Нельзя ли хоть ненадолго оставить разговор о перерезанных глотках? — Локк встал и повернулся к закрытому ставнями окну, выходящему на море. С минуту он стоял, заложив руки за спину и устремив взгляд будто бы вдаль, потом продолжил: — Вы посмотрите на дело с другой стороны. Не скрою, когда Барсави ошарашил меня своим предложением, я чуть не маханул за борт с перепугу. Но сейчас, по зрелом размышлении, скажу вам вот что: мы старого лиса, считай, поймали в ловушку. Он у нас в руках, честное слово, ребята. Мы настолько хороши в своем деле, что сам каца просит Каморрского Шина жениться на своей дочери. Мы настолько вне подозрений, что даже смешно.

— И тем не менее радоваться здесь нечему, — сказал Жан. — Поскольку это создает сложности, которые могут стать непреодолимой помехой в наших делах.

— Нет, Жан, радоваться очень даже есть чему. Я лично прямо сейчас и примусь радоваться. Неужели ты не понимаешь? От нас ведь ничего особенного не потребуется. Просто обычная работа славных Благородных Каналий — только теперь со мной в паре работать будет Наска. У нас все получится, не сомневайтесь. Вероятность, что мне придется жениться на Наске, равносильна вероятности, что меня завтра утром провозгласят наследником герцога Никованте.

— У тебя есть план? — Во взгляде Жана читалась настороженность, смешанная с любопытством.

— Вообще никакого. Ни малейшего понятия не имею, что мы будем делать. По все лучшие мои планы именно так и начинались. — Локк одним махом допил пиво и швырнул оловянную кружку об стену. — Все, я управился со своим пивом, умял свои абрикосовые пирожки и говорю вам: плевать мне на них обоим — и на Серого короля, и на кану Барсави! Никто нас не отпугнет от дона Сальвары, и никто не женит меня на Наске противно нашей с ней воле. А делать мы будем то же, что и всегда: дождемся удобного случая, воспользуемся им и возьмем свое!

— Ну ладно, — вздохнул Жан. — По ты, по крайней мере, позволишь нам принять кое-какие меры предосторожности? И сам будешь смотреть в оба?

— Разумеется, Жан, разумеется. Закажи нам места на подходящих кораблях — да не скупись, трать сколько понадобится. Мне неважно, куда они направляются, лишь бы не в Джерем. Мы можем спрятаться где угодно на пару недель и тихонько вернуться, когда пожелаем. Кало, Галдо, вы завтра отправляйтесь к Виконтовым воротам. Суньте на лапу желтокурточникам, чтоб мы могли покинуть город в любой неурочный час при необходимости. Не жалейте золота и серебра.

— А мне чего делать? — спросил Клоп.

— Прикрывать наши спины. Держать ухо востро. Крутиться возле храма, примечать всех, кто выглядит подозрительно или слишком долго там ошивается. Если кто-нибудь попытается вести за нами слежку, обещаю, мы тотчас смоемся и растворимся, как моча в океане. А пока положитесь на меня. В ближайшие несколь-

ко дней я, в обличье Лукаса Фервайта, выжму из дона Сальвары все, что только сумею. Возможно, мне придется также предстать перед ним и в менее нарядном образе.

— Значит, разговор закончен, — негромко промолвил Жан.

Жан, я могу быть либо твоим гарристой, либо просто славным парнем, который покупает на всех пиво и пирожки, когда у остальных вдруг невесть куда запропадают кошельки. — Локк обвел присутствующих парочито суровым взглядом. — Но я не могу быть и первым и вторым одновременно: тут уж или один, или другой.

— У меня на душе неспокойно, потому что, в сущности, мы ничего не знаем о противнике, — сказал Жан. — И я разделяю подозрения Наски. У Серого короля явно припрятан в рукаве козырь, о котором мы даже не догадываемся. Предприятие наше трудное и тонкое, а наше положение очень... ненадежное.

— Да, оно верно, — согласился Локк. Но я доверяю своему чутью, подсказывающему мне, что нам нужно идти навстречу опасности с улыбкой на лице. Знаешь, Жан, чем дольше мы занимаемся нашим ремеслом, тем яснее я понимаю, к чему на самом деле нас готовил отец Цеппи. А готовил он нас не к спокойной, упорядоченной жизни, которая позволяла бы нам самим решать, когда быть умными, а когда можно и не напрягаться. Нет, он учил нас находить выход из любого, казалось бы, безвыходного положения. Сейчас мы как раз в таком положении, и я утверждаю: мы в силах из него выбраться. Излишне напоминать мне, что мы плаваем в темной воде. Но вот я хочу напомнить вам, парни, что в темной этой воде мы, черт побери, акулы!

— Точно! — воскликнул Клоп. — Я знал, что не зря поставил тебя вожаком нашей шайки!

— Ну, в здравом смысле малолетнего прыгуна с крыш сомневаться не приходится, — проворчал Жан. — Но я все же надеюсь, что мои замечания приняты к сведению.

— Безусловно. Жан, — живо отозвался Локк. — Приняты, обдуманы со всей серьезностью и признаны вескими. Скреплены печатью, заверены подлинью и надежно сохранены в рассудочной части моего сознания.

— О боги, да тебе и впрямь весело, я смотрю! Ты ведь играешь в словесные игры, лишь находясь в самом жизнерадостном расположении духа. — Жан вздохнул, но все же невольно улыбнулся, едва заметно, одними уголками губ.

— И предупреждаем. Локк, — сказал Кало, — если все-таки ты окажешься в опасности, мы не станем слушать приказы нашего гарриста, а огреем нашего друга дубинкой по тупой башке и тайно вывезем из Каморра в ящике. У меня как раз есть подходящая дубинка.

— А у меня ящик, — подхватил Галдо. — И я уже давно ищу ему полезное применение.

— Тоже с благодарностью принято к сведению, — кивнул Локк. — Но клянусь милостью Многохитрого Стража, я предпочитаю положиться на наши силы. Предпочитаю положиться на суждение отца Цешпи. Предпочитаю и дальше делать то, что у нас лучше всего получается. Завтра мне нужно будет поработать Лукасом Фервайтом, а послезавтра я опять встречу с Наской. Капа ждет этого от меня, и я уверен, сама она уже что-нибудь придумает к тому времени.

Перед мысленным взором Локка вновь возникла Наска, заговорщицки подмигивающая за секунду до того, как огромные темные двери захлопываются между ними. Всю жизнь Наска хранила секреты своего отца. Важно ли для нее завести свой собственный секрет от него?

Интерлюдия

МАЛЬЧИК, ПЛАЧУЩИЙ НАД МЕРТВЫМ ТЕЛОМ

1

Отец Цеппи не считал нужным освободить Локка от занятий на другой день после посещения «Последней ошибки». С гудящей от вышитого накануне головой мальчик начал изучать азы служения Переландро и Великому Благодетелю: условные знаки, ритуальные жесты, молитвенные интонации, традиционные приветствия, символическое значение различных деталей жреческих одежд. На четвертый день своего пребывания под опекой священника Локк уже сидел на ступенях храма в качестве одного из «неофитов ордена Переландро» — в белом балахоне, со смиренным и жалостным видом, подобающим сборщику пожертвований.

В дальнейшем Цеппи расширил круг образования своего нового подопечного. По два часа в день Локк занимался чтением и письмом. Его неуклюжие каракули мало-помалу выправлялись, становились все разборчивее, и наконец Кало с Галдо объявили, что теперь почерк у него не «как у курицы с отшибленными мозгами». Тронутый такой похвалой, Локк в знак признательности насыпал в постели обоим молотого красного перца. К великому огорчению братьев Санца, все попытки мести разбились о параноидальную бдительность Локка, приобретенную за годы жизни на Сумеречном холме и в Горелище: незаметно подкрасться к нему или застигнуть спящим было просто невозможно.

— Братья еще ни разу в жизни не встречали бедокура себе под стать, — сказал как-то Цеппи, когда они с Локком сидели на ступенях храма в один из особенно вялых дней. — Сейчас они относятся к тебе настороженно. Но однажды Кало с Галдо придут к тебе за советом — и тогда ты поймешь, что приручил их.

Локк молча улыбнулся. Как раз сегодня утром Кало предложил Локку помочь с арифметикой — в обмен на признание, каким

образом самому младшему из Благородных Каналий удастся обнаружить и обезвреживать все расставленные на него ловушки.

Локк раскрыл лишь пару своих приемов выживания, но предложенной помощью обоих Санца охотно воспользовался, ибо в награду за каждую правильно решенную задачу Цеппи единственно выдавал ему следующую, более сложную. Тогда же Локк принялся учить разговорный вадранский. Поначалу Цеппи отдавал на вадранском самые простые распоряжения, но когда Локк более или менее с языком освоился, священник зачастую вообще запрещал троим мальчикам общаться на родном теринском в течение нескольких часов. Даже застольные беседы велись на неблагозвучном и нелогичном северном языке, и Локку порой казалось: ну что ни скажи на вадранском — все будет звучать сердито и раздраженно.

— Среди Путных людей ты вадранскую речь редко услышишь, а вот в порту или на рынке — сплошь и рядом, — втолковывал Цеппи. — Однако, услышав вадранский, не выдавай своего знания языка без крайней на то необходимости. Ты удивишься, до чего высокомерны в своих разговорах иные северяне. Прикидывайся дурачком и слушай в оба уха: мало ли что у кого с языка слететь может.

Обучался Локк также и кулинарному мастерству. Цеппи через вечер ставил мальчика на черную кухонную работу, под начало близнецов, немилосердно помыкавших своим младшим товарищем.

— Это *vicce alo apona*, пятое Прекрасное искусство Каморра, — говорил Цеппи. — Мастера поварского дела знают секреты всех восьми кулинарных школ лучше, чем собственные шишаки, но ты пока познакомишься лишь с азами. Однако имей в виду, по сравнению с нашими азами высочайшие достижения прочих кухонь кажутся жалкими потугами. Только Картен и Эмберлен еще могут хоть как-то тягаться с нами, а большинство вадранцев не отличат изысканное блюдо от крысиного дерьма, поджаренного на светильном масле. Итак, здесь у нас золотистый перец, здесь — джерентийское оливковое масло, а за ними я храню сушеную цедру коричневого лимона...

Локк тушил осьминогов и варил картошку, нарезал ломтиками груши, яблоки и алхимические гибридные фрукты, истекающие хмельным медовым соком. Он приправлял и сдабривал, подслащивал и подсаливал, прикусив язык от усердия. Не раз из-под

его рук выходило какое-нибудь малосъедобное месиво, которое тотчас относилось на задворки храма и скармливалось Усмирённому козлу. Однако постепенно Локк совершенствовался в кулинарном деле, как совершенствовался и во всех прочих умениях. В скором времени братья Санца перестали его дразнить и начали понемногу привлекать кстряпне собственных изысканных кушаний.

Уже через полгода после своего появления в храме Локк наравне с братьями Санца участвовал в приготовлении фаршированных акульных мальков — блюда *ricce enta merre*, морской кухни, считавшейся первым Прекрасным искусством Каморра. Кало потрошил мягкокожих рыбин и фаршировал красными и желтыми перцами, которые Локк предварительно начинял колбасой и кровавым сыром. В глазницы акул вставлялись черные маслины. Мелкие острые зубы удалялись, и пасть набивалась сладкой тушеной морковью с рисом. Отрезанные плавники и хвосты откладывались на суп.

— Просто объеденье! Молодцы, мальчики. — похвалил Цеппи, когда превосходное яство упокоилось в четырех благодарных желудках. — А теперь, пока вы убираете со стола и моете посуду, мне хотелось бы послушать ваш вадранский...

Так все и шло. Локк учился сервировать стол и обслуживать особ высокого звания: как правильно отодвигать стул, как разливать чай и вино. Они с братьями Санца совершали сложные застольные ритуалы с сосредоточенной серьезностью врачей, оперирующих пациента. Обучался он и умению одеваться — завязывать шейные платки, застегивать пряжки на башмаках, носить дорогие предметы роскоши, вроде шелковых чулок. На самом деле он усваивал головокружительное множество правил и предписаний из всех сфер человеческой жизни и деятельности — кроме воровства.

Однако незадолго до первой годовщины пребывания Локка в храме настало время вспомнить и о воровском ремесле.

— У меня есть должок кое перед кем, ребятки, — сказал Цеппи как-то вечером, когда все они сидели в своем заброшенном висячем саду. Именно там священник предпочитал обсуждать все важные вопросы, по крайней мере в хорошую погоду. — И должен я таким людям, которым в услуге не откажешь.

— Людям вроде капы? — спросил Локк.

— На сей раз — нет. — Цеппи глубоко затанулся своей ежевечерней сигаркой. — На сей раз я должен черным алхимикам. Вы же знаете, кто они такие?

Кало и Галдо кивнули, но не очень уверенно, а Локк помотал головой.

— В общем так. У нас есть законная гильдия алхимиков, но они принимают в свои ряды далеко не каждого и разрешают заниматься далеко не всякой работой. Столь строгие правила в гильдии установлены именно из-за черных алхимиков. Последние ведут свои дела в подставных лавочках, с людьми вроде нас. Торгуют ядами, дурманными зельями и тому подобным. Формально они подчиняются капе, как и мы, но особо перед ним не гнутся. А капа хорошо понимает, что с черными алхимиками ссориться не след. Так вот, Джессалина д'Обарт, пожалуй, лучшая из них. Однажды я имел несчастье тяжело отравиться, и она меня выходила. Я остался в долгу перед ней, и теперь наконец она попросила об ответной услуге. Ей нужен труп.

— Бедняцкий курган, — сказал Кало.

— И лопата, — добавил Галдо.

— Нет, труп нужен свежий. Еще тепленький и соченький, так сказать. По указу герцога гильдия алхимиков и лекарей ежегодно получает определенное количество свежих трупов, прямо с виселиц, чтобы резать и в потрохах копаться. Черные алхимики такой привилегии лишены, а у Джессалины появились кое-какие теории, которые она хочет проверить на практике. Вот я и решил поручить вам троим первую настоящую работу. Найдите где-нибудь труп свежее утреннего хлеба. Приберите к рукам, не привлекая лишнего внимания, и доставьте сюда, чтобы я передал Джессалине.

— Украсть труп? Работка не из веселых, — заметил Галдо.

— Считайте это серьезной проверкой вашего мастерства, — отвечивал Цеппи.

— А что, нам часто придется воровать трупы в будущем? — невинно поинтересовался Кало.

— Я проверяю не ваши способности к трупокрадству, нахалыш ты безмозглый. — благодушно улыбнулся Цеппи. — Просто хочу посмотреть, как вы втроем справитесь с делом более серьезным, чем приготовление ужина. Я обеспечу вас всем, что потребуется, но никаких советов и подсказок от меня не ждите. Действовать придется самостоятельно.

- Всем, что потребуется? — переспросил Локк.
- В разумных пределах. И смотри не вздумай сам пришить кого-нибудь. Вы должны найти труп человека, принявшего смерть от посторонней руки.

Слова эти Цеппи произнес тоном столь суровым и внушительным, что братья Санца сначала подозрительно уставились на Локка, а потом недоуменно переглянулись.

- А когда эта ваша дама хотела бы получить труп? — осведомился Локк.

— В течение недели-другой.

Мальчик кивнул, немного помолчал, разглядывая сложенные на коленях руки, потом поднял глаза на близнецов:

- Кало, Галдо, вы завтра посидите на ступенях без меня? Мне нужно хорошенько все обдумать.

— Да, конечно, — без малейшего колебания ответили они хором, и отец Цеппи уловил нотку надежды в голосах обоих мальчиков.

Тот вечер священник запомнил до конца своих дней. Вечер, когда братья Санца единодушно признали Локка мозгом предстоящего дела. Признали охотно и с облегчением.

- Значит, труп человека, убитого не нами, причем труп еще не окоченевший, — задумчиво проговорил Локк. — В общем-то, дело плевое. Правда, я пока не знаю, как к нему подступиться.

— Меня воодушевляет твоя уверенность, — усмехнулся Цеппи. — Только помни: никаких бесчинств. Если вдруг где-нибудь поблизости от тебя сторит таверна или, не ровен час, вспыхнут волнения, я привяжу тебе на шею свинцовую чушку и сброшу с крыши.

Кало и Галдо снова пристально воззрились на товарища.

- Никаких бесчинств, ясно. Но вы не волнуйтесь, — успокоил Локк. — Я уже не такой безрассудный, как раньше... ну, когда был маленьким.

2

На следующий день Локк впервые пошел по улицам Храмового квартала один — мальчонка ростом по пояс взрослым, одетый в чистый белый балахон с серебряным шитьем на рукавах. Локка несказанно изумило уважительное отношение окружающих к это-

му балахону (которое, ясное дело, лишь частично распространилось на дурачка, в него наряженного).

Большинство каморрцев относились к ордену Переландро со смешанным чувством презрения и виноватой жалости. Неиссякаемое милосердие бога и его служителей не находило должного отклика в грубых сердцах горожан, однако репутация яркого религиозного фанатика, закрепившаяся за отцом Цеппи, приносила известные выгоды. Даже люди, постоянно отпускающие шуточки по поводу вечного нытья служителей попрошайского бога, со смущенным видом бросали монеты в медную чашу отца Цеппи, проходя мимо храма. Они же теперь выказывали почтение и маленькому послушнику ордена: прохожие расступались перед ним, а уличные торговцы вежливо кивали.

Впервые в жизни Локк испытывал радостное возбуждение человека, успешно прячущего свое истинное лицо под личиной.

Солнце медленно ползло к зениту, по улицам текли людские потоки, и в воздухе стоял неумолчный гул голосов. Локк целеустремленно шагал к юго-западной окраине Храмового квартала — там находился кошачий мосток на Старокрепостной острове.

Кошачьи мостки — еще одно наследие Древних, правивших Каморром до людей, — представляли собой узкие стеклянные арки толщиной с мужское бедро, перекинутые попарно почти через все городские каналы и в нескольких местах через Анжевицу. Блестящая поверхность арок с виду казалась гладкой, но на самом деле была шероховатой, как акучья кожа. Для людей достаточно ловких и уверенных в своих силах многие кошачьи мостки служили самыми удобными путями через водные преграды. Движение на каждом таком мосту было односторонним, и особый герцогский указ давал право всякому человеку, идущему в установленном направлении, столкнуть в воду любого встречного.

Торопливо шагая по кошачьему мостку, Локк ненадолго отвлекся от напряженных раздумий и вспомнил уроки истории, которым отец Цеппи придавал важное значение. Много веков назад, когда все теринские города-государства подчинялись одному властителю, правившему в имперской столице Терим-Пель, Старокрепостной остров был вотчиной герцогов Каморрских. Испытывая суеверный ужас перед стеклянными башнями Древних, представители этого знатного рода воздвигли громадный каменный дворец в самом сердце южного Каморра.

Когда один из далеких предков Никованте (кто именно — Локк при всех своих обширных знаниях не помнил, ибо столь мел-

кие подробности городской истории для него неизменно терялись в тумане безразличия) — так вот, когда далекий предок нынешнего герцога переселился в серебряную стеклянную башню под названием Вороново Гнездо, старая родовая крепость стала Дворцом Терпения, сердцем городского правосудия, пускай и весьма сомнительного. Там квартировали желтокурточники и их офицеры. Там же проживали герцогские судьи — двенадцать мужчин и женщин, председательствовавших на процессах в алых мантиях и бархатных масках. Подлинные их личности никогда широкой публике не раскрывались, и каждый из них именовался по одному из месяцев года — судья Парфис, судья Фесталь, судья Аурым и так далее, — хотя все они вершили правосудие круглый год.

Находились там и темницы, и виселицы на Черном мосту перед воротами Дворца, и много чего еще. Благодаря Тайному уговору количество людей, совершающих короткий стремительный полет с Черного моста, значительно сократилось (какое-то обстоятельство герцог Никованте любил публично приписывать своему великодушию), однако герцогские слуги изобрели множество других наказаний, впечатляющих своей изощренной жестокостью, пускай формально и не смертельных.

Дворец — прямоугольная громада в десять этажей — был сложен из черных и серых каменных блоков, которые образовывали на стенах незатейливые узоры, ныне поблекшие от времени и непогоды почти до неразличимости. Каждый четный этаж украшали ряды высоких арочных окон с витражами, в которых преобладал черный и красный цвет. По ночам все до единого окна горели, подобные во тьме зловещим багровым очам, пристально глядящим во все стороны. Они никогда не гасли, посылая всем обитателям города недвусмысленное предостережение.

По углам здания, на уровне шестого или седьмого этажа, выступали всяческие круглые башни. На стенах башен висели железные клетки с редкими прутьями, прозванные в народе вороньими. В них сажали узников, заслуживающих особо сурового обращения, и они проводили там по несколько часов или даже дней, с болтающимися в воздухе ногами. Однако вороньи клетки казались отдохновенными райскими пристанищами по сравнению с паучьими, которые Локк увидел (между спинами и плечами взрослых), когда сошел с кошачьего мостка на запруженную народом набережную Старокрепостного острова.

Под юго-восточной башней Дворца Терпения висели на длинных цепях подлюжины клеток, покачивавшихся на ветру, как кро-

хотные паучки на паутиных нитях. Две из них двигались: одна медленно поднималась, другая быстро спускалась. Узники, приговоренные к наказанию паучьей клеткой, не должны были знать ни минуты покоя — поэтому другие узники, приговоренные к тяжелым работам, сутками напролет посменно трудились у огромных лебедек на верхних площадках башен, откуда несчастный в клетке не начинал выказывать необходимые признаки помешательства и раскаяния. И в дождь, и в зной, и в ветер клетки безостановочно двигались вверх-вниз, скрипя и раскачиваясь. По ночам отчаянные вопли и мольбы страдальцев, в них сидящих, были слышны даже в соседних кварталах.

Населяли Старокрепостной квартал преимущественно герцогские служащие. За Дворцом Терпения находились причалы и казармы желтокурточников, конторы инсцов, сборщиков налогов и прочих мелких чиновников, маленькие захудалые кофейни, где наемные стряпчие и ходатаи наперебой предлагали свои услуги друзьям и родственникам заключенных. На северном берегу острова все еще оставалось несколько ломбардов и прочих лавок, но их постепенно вытесняли более мрачные правительственные заведения.

Другой достопримечательностью квартала был Черный мост, перекинутый через широкий канал между Старой крепостью и Мара-Каморрацца: высокая мощная арка, сложенная человеческими руками из черного камня и украшенная красными фонарями с черными колпаками церемониального назначения — при надобности колпаки легко спускались, стоило лишь пару раз дернуть за прикрепленные к ним веревки. Казни проводились на деревянном помосте, пристроенном к мосту с южной стороны. По старинному поверью, неуспокоенные души осужденных, умерших над текущей водой, уносит в море. Иные считали, что впоследствии они воплощаются в телах акул, вот почему Каморрский залив кишит хищными тварями, и мнение это особо не высмеивалось. Большинство каморрцев полагали такое перерождение вполне закономерным.

Локк долго смотрел на Черный мост, напрягая те изобретательские способности своего ума, которые отец Цеппи решительно подавлял на протяжении многих последних месяцев. В силу юного возраста мальчик не мог толком разобраться в своем душевном состоянии, но от умственных усилий, направленных на измышление плана, он получал подлинное удовольствие, которое ощуща-

лось подобием трепещущего сгустка тепла в подвздошь. Локк сам не понимал, что и как делает, но мало-помалу из сумятицы беспорядочных мыслей начал выстраиваться план, и чем дольше Локк размышлял над ним, тем довольнее собой становился. Хорошо, белый капюшон скрывал лицо мальчика от прохожих, и никто не увидел, как маленький послушник ордена Переландро радостно скалится, уставившись на виселицы.

3

— Мне нужны имена всех приговоренных к повешению в ближайшие две недели. — деловито сообщил Локк, когда они с отцом Цешши сидели на ступенях следующим утром.

— Будь ты достаточно предприимчив — а в твоей предприимчивости я не сомневаюсь, — ты бы разузнал имена сам и оставил бы своего бедного старого хозяина в покое, — назидательно заметил священник.

— Я бы запросто, да только надо, чтобы это сделал кто-нибудь другой. Если меня увидят у Дворца Терпения до казней, все провалится.

— Что — все?

— Мой план.

— Ого! Нахальный воришка с Сумеречного холма вообразил, будто меня можно держать в неведении! Какой план?

— Как украсть труп.

— Хм... Больше ничего не желаешь добавить?

— План просто блестящий.

Прохожий бросил в чашу монетку. Локк благодарно поклонился, а священник, звеня цепями, простер руки вслед мужчине и прокричал:

— Пятьдесят лет доброго здравия тебе и твоим детям! Да благословит вас всех Покровитель сырых и обездоленных!

— Я бы пожелал и все сто лет, но, судя по звуку, он кинул всего полмедяка, — проворчал Цешши, когда мужчина удалился на порядочное расстояние. — Итак, вернемся к твоему блестящему плану. Про дерзкие твои планы я в свое время наслушался, но вот блестящего среди них не припомню.

— *Этот* именно что блестящий, зуб даю. Но мне нужны имена.

— Ну ладно. — Цеппи выпрямился и, довольно побряхтывая, потянулся до хруста в костях. — Будут тебе имена сегодня вечером.

— И еще мне понадобятся деньги.

— Ага, так и знал. Возьми в хранилище сколько нужно и запиши в счетной книге. Но смотри, если потратишься впустую...

— Знаю-знаю, — перебил Локк. — Свицовая чушка, дикий вошь, смерть.

— Примерно так. Ты, конечно, мелковат будешь, но, полагаю, даже твой труп хоть на что-нибудь да сгодится Джессалине.

4

По традиции казни проводились в Покаянный день. Каждую неделю из дворца в сопровождении стражников и священников выходила горстка угрюмых узников. Вешать приговоренных начинали в полдень.

В восемь часов утра, когда судейские клерки только-только распахнули деревянные ставни своих окон и приготовились день напролет повторять фразу «Идите отсюда именем герцога», три послушника ордена Переландро вкагли во внутренний двор узкую ручную тележку. Младший из троих вошел в здание и направился к первой же конторке, за которой сидела женщина средних лет, фигурой похожая на мешок картошки, но гораздо менее душевная и благожелательная.

— Это еще что такое? Она недоуменно воззрилась на худенького мальчонку, чья голова едва возвышалась над конторкой. — Чего тебе надо?

— Сегодня должны повесить одного человека, — сказал Локк. — В полдень.

— Да неужели? А я-то думала, это государственная тайна.

— Его звать Антрим. Антрим по прозвищу Однорукий. У него...

— Одна рука. Ну да, его вздернут сегодня. Поджог, воровство, темные дела с работорговцами. Милейший человек, одним словом.

— Я хотел сказать, у Антрима есть жена, — невозмутимо продолжал Локк. — И у нее просьба. Насчет него.

— Ходатайствовать уже поздно. Сарис, Фесталь и Татрис утвердили смертный приговор. Теперь Антрим Однорукий принадлежит Морганте, а вскорости отойдет к Азе Гийе. И помочь ему не в силах даже самый пройдошливый прислужник попрошайского бога.

— Знаю, — кивнул Локк. — Я и не прошу о помиловании. Жена Антрима нисколько не возражает, если его повесят. Я пришел насчет тела.

— Вот как? — В глазах чиновницы впервые промелькнуло неподдельное любопытство. — Странно. И что насчет тела?

— Его жена понимает, что он заслуживает виселицы, но хочет, чтобы впоследствии у него сложилось получше... ну, с богиней Долгого безмолвия. Вот она и заплатила нам, чтобы мы забрали тело и доставили в наш храм. Мы будем жечь свечи и молиться Переландро о заступничестве три дня и три ночи. А потом похороним Антрима.

Обычно трупы снимают с виселиц через час и сбрасывают в ямы на Бедняцком кургане. Мерзавцы и этого не заслуживают, но так оно аккуратнее. У нас не принято выдавать тела по всякому требованию.

— Знаю. К сожалению, мой хозяин слепой и не может покинуть храм, иначе он бы сам пришел и объяснился с вами. А кроме нас, у него никого нет. В общем, он велел передать вам свои извинения за причиненное беспокойство. — Маленькая рука Локка стремительно вынырнула из-за конторки и столь же стремительно за ней скрылась, а на счетной доске служащей остался лежать кожаный кошелек.

— Очень любезно с его стороны. Все мы наслышаны о набожности отца Цеппи. — Женщина ловко смахнула кошелек с конторки, встряхнула и недовольно хмыкнула, услышав слабое звяканье монет. — Но дело все-таки сложное.

— Мой хозяин будет благодарен вам за любую помощь. — На конторке появился еще один кошелек, и служащая снизошла до улыбки.

— Хотя попробовать можно. Конечно, я ничего обещаю.

Когда по мановению Локка перед ней оказался третий кошелек, чиновница кивнула:

— Я поговорю с мастерами висельных дел, детка.

— Мы даже тележку с собой взяли, — сказал Локк, — чтоб не доставлять вам лишних хлопот.

— Не бойтесь, не доставите. — Женщина на мгновение смягчилась. — Я не хотела тебя обидеть, когда говорила про попрошайского бога.

— Я совсем не обиделся, сударыня. В конце концов, мы же действительно только и делаем, что просим. — Локк одарил ее

своей самой обворожительной улыбкой. — Вот и вы выполнили мою просьбу потому лишь, что я упросил вас. По доброте сердечной, а вовсе не из-за денег, правда ведь?

— Разумеется, — подтвердила женщина и неожиданно подмигнула.

— Двадцать лет доброго здоровья вам и вашим детям. — Локк поклонился, на секунду скрывшись за конторкой. — Да благословит вас Покровитель сырых и обездолженных!

5

Герцогские мастера висельных дел превосходно знали свое ремесло и управились с работой быстро и ловко. Локк видел казнь не в первый раз и далеко не в последний. Они с братьями Санца даже совершили надлежащие ритуальные жесты, когда один из смертников в последнюю минуту воззвал к Переландро.

На время казней движение через Черный мост перекрывалось, и в течение положенного часа после исполнения приговора там топталась небольшая толпа стражников, священников и зевак. Трупы чуть раскачивались и вращались на поскрипывающих веревках под ними; Локк и близнецы почтительно стояли в сторонке со своей тележкой.

Наконец желтокурточники, под надзором служителей Азы Гийи, начали вытаскивать на мост тела одно за другим и складывать на подводу, запряженную парой лошадей в черно-серебряных пополах. Последний труп принадлежал жилистому мужику с длинной бородой, наголо обритой головой и сморщенной культей вместо левой кисти. Четыре желтокурточника понесли его к тележке, возле которой ждали мальчики; за ними следовала одна из служительниц Азы Гийи. По спине у Локка побежали мурашки, когда к нему склонилась непроницаемая серебряная маска.

— Маленькие братья ордена Переландро, — промолвила жрица, — о какой милости для этого человека станете вы молить своего покровителя?

Судя по голосу, она была совсем юной девушкой, лет пятнадцати-шестнадцати. Но это обстоятельство лишь усилило зловещее впечатление, ею производимое, и у Локка вдруг язык прилип к гортани.

— О любой, какую он пожелает даровать, — ответил вместо него Кало.

— Нам не дано предугадать волю Двенадцати, — подхватил Галдо.

Жрица едва заметно кивнула.

— Мне сказали, что вдова этого человека попросила провести заупокойную службу в храме Переландро.

— Видимо, она считает, что наши молитвы помогут усопшему, — сказал Кало. — Прошу прощения, конечно.

— Да, такое случилось и раньше. Но обычно скорбящие просят нас, служителей Азы Гийи, ходатайствовать перед Великой Госпожой.

— Наш хозяин, — наконец обрел голос Локк, — клятвенно пообещал бедной женщине позаботиться о покойном. Уверен, мы не оскорбим ни вас, ни Прекраснейшую из прекрасных, если сдержим слово.

— О, разумеется. Я вовсе не имела в виду, что вы поступаете неверно. Ведь что бы ни говорилось и ни делалось перед погребением брэнного сосуда, душа усопшего все равно предстанет пред судом Великой Госпожи.

По знаку служительницы Азы Гийи желтокурточники положили труп на тележку. Один из них развернул дешевый полотняный саван и набросил на покойника, оставив открытой только макушку.

Да благословит Повелительница Долгого безмолвия вас и вашего хозяина, — произнесла девушка.

— Да благословит Покровитель сырых и обездоленных тебя и твоих братьев и сестер, — отозвался Локк, и трое мальчиков разом поклонились ей в пояс; серебряный плетеный шнур на шее молодой жрицы свидетельствовал, что она священнослужитель более высокого звания, чем они, простые послушники.

Близнецы взялись за оглобли, а Локк встал позади тележки, чтобы подталкивать да груз придерживать. И сразу же пожалел о своем выборе: при повешении мужчина испражнился, и запах от него шел, прямо скажем, не самый приятный. Стиснув зубы, Локк скомандовал:

— К храму Переландро, со всем достоинством!

Медленно и тяжело ступая, братья Санца потащили тележку с Черного моста, а потом повернули на север, к низкому широкому мосту, ведущему к восточной окраине Плавучего рынка. Они выбрали не самый короткий путь домой, но это не показалось странным никому из тех, кто видел, как трое послушников в белом покидают место казни. Немного прибавив шагу, мальчики

свернули налево и направились к мостам на Фаурию. При виде мертвеца на тележке прохожие оказывали маленьким служителям Переландро дополнительные знаки почтения — к великому удовольствию близнецов, но не Локка, который по-прежнему оставался с наветренной стороны от продуктов последнего в жизни телесного отправления бедняги Антрима.

Достигнув Фаурии, они двинулись на юг и перешли по мосту на Виденцу — довольно опрятный остров немалых размеров, хорошо охраняемый желтокурточниками. Посреди квартала находилась рыночная площадь, где торговали известные мастера-ремесленники, считавшие ниже своего достоинства драться за покупателей в беспорядочной толчее Плавучего рынка. Они держали лавки на первых этажах своих старых деревянных домов с оштукатуренными и побеленными стенами. По давней традиции крыши в квартале Виденца крылись глазурированной черепицей ярких цветов: голубые и пурпурные, красные и зеленые, блестящие на солнце, как стекло, они так и пестрели в глазах.

У северного входа на рыночную площадь Кало вдруг кинулся прочь от тележки и растворился в толпе. Локк, бормоча благодарственные молитвы, перешел от задка повозки вперед, взялся за оглоблю, и они с Галдо потащили свой странный груз к лавке Амброзины Стролло — признанной королевы каморрских свечников, поставлявшей свой товар самому герцогу.

— Если в Каморре и есть место, где еще живо чувство человеческой общности и где имя Переландро произносится не с презрительной жалостью, но с подлинным уважением, так это Виденца, — сказал однажды отец Цепли. — Конечно, кушцы — народ скаредный, и ремесленникам приходится работать не покладая рук. Однако те из них, кто получает хороший доход от своих усердных трудов, в общем-то, счастливы. Во всем городе нет лучше места для простого люда — пока наша братия не меняет им жить.

Локка поразило глубокое почтение, которое окружающие выказывали им с Галдо на всем пути к четырехэтажному дому госпожи Стролло. Равно и торговцы, и покупатели низко склоняли голову при виде тележки с покойником, а иные даже безмолвно призывали благословение Двенадцати, прикладывая обе ладони сначала к глазам, потом к губам и наконец к сердцу.

— Какая честь, дорогие мои! — воскликнула госпожа Стролло. — Я вижу, вы ко мне по делу весьма необычному!

Свечная мастерица, сухошавая женщина в годах, являла собой полную противоположность судейской чиновницы, с которой

Локк разговаривал утром. Всем своим обликом она выражала предупредительное внимание и держалась так, словно два раскрасневшихся и взопревших от натуги маленьких послушника были высокопоставленными служителями самого могущественного ордена. Если она и почуяла запах, исходящий из штанов Антрима, то виду не подала.

Амброзина Стролло сидела у окна своей лавки, под тяжелым дощатым навесом, который на ночь опускали от греха подальше, надежно закрывая доступ внутрь. Окно было шириной футов десять и высотой футов пять, и по обеим сторонам от торговки высились разновеликие аккуратные стопы свечей, похожие на дома и башни сказочного воскового города.

В богатых и просто зажиточных домах Каморра дешевые свечи как источник освещения быстро вытеснялись алхимическими шарами, и немногие оставшиеся свечные мастера в борьбе за покупателя наделяли свои изделия все более и более упоительными ароматами. Кроме того, оставались еще ритуальные потребности каморрских храмов и благочестивых горожан — потребности, удовлетворить которые холодный свет алхимического стекла не мог.

Мы три дня и три ночи будем совершать упокойное моление о нем. — Локк указал на покойника. — Моему хозяину нужны свечи для службы.

— Ты старого Цешни имешь в виду? Страдалец наш сердепный! Значит, так... Вам понадобится лаванда для очищения, осенний кровоцвет для благословения и серная роза для Прекраснейшей из прекрасных, верно?

— Да, будьте добры. — Локк достал скромный кожаный кошелек с серебром. — И еще свечи без запаха, молитвенные. По шесть штук каждого вида, пожалуйста.

Госпожа Стролло тщательно отобрала свечи и принялась заворачивать каждую полудюжину в отдельный кусок вошеной холстины.

— Подарок от меня, — добродушно проворчала она, когда Локк открыл было рот. — И я положила в каждый сверток по паре лишних свечей.

Локк для приличия пытался возражать, но пожилая женщина очень своевременно оглохла на несколько минут, пока старательно упаковывала товар.

Мальчик заплатил три солона (как бы ненароком показав торговке, что в кошельке у него лежит еще добрая дюжина серебра-

ных монет) и пожелал госпоже Стролло и ее детям сто лет доброго здравия, да благословит их всех Покровитель сирых и обездоленных. Сверток со свечами он положил на тележку под полотняное покрывало, возле мертвого лица с остекленелыми глазами.

Он уже повернулся, собираясь занять свое место рядом с Галдо, когда на него вдруг с разбегу налетел мальчишка в грязных лохмотьях и сбил с ног.

Ох! Экий я неловкий! — воскликнул оборванец, оказавшийся не кем иным, как Кало Санца. — Тысяча извинений. Давай помогу... — Схватив протянутую руку Локка, он рывком поднял младшего товарища на ноги. — Святые Двенадцать! Послушник Переландро! Нижайше прошу прощения. Я тебя не заметил. — Сокрушенно покачая языком, он отряхнул пыль с Локкова белого балахона. — Ты не ушибся?

— Нет, все в порядке.

— Прости, я ненароком. Не хотел тебя обидеть.

— Я и не обиделся. Спасибо, что помог мне встать.

Кало насмешливо поклонился и уже через считанные секунды скрылся в толпе. Локк принялся старательно отряхивать одежду, медленно считая в уме до тридцати. На счете «тридцать один» он внезапно сел наземь подле тележки, закрыл лицо ладонями и горестно захлюпал носом, а еще чуть погодя расплакался в голос. По этому условному знаку Галдо подскочил к Локку и опустился на колени, положив руку ему на плечо.

— Эй, ребятки! — встревожилась Амброзина Стролло. — В чем дело? Тебе больно, голубчик? Этот неуклюжий болван зашиб тебя?

Галдо взволнованно пробормотал что-то Локку на ухо. Локк пролепетал что-то в ответ, после чего Галдо и сам шлепнулся на задницу с ним рядом, выпучил глаза и обеими руками вцепился в свой капюшон, убедительно изображая отчаяние.

— Нет, госпожа Стролло! — простонал он. — Все гораздо хуже.

— Хуже? Ты о чем? Что стряслось-го?

— Серебро... — сквозь рыдания выдавил Локк, обратив к женщине залитое слезами лицо с искривленными плачем губами. — Он у меня кошелек украл... в карман залез...

— А там были деньги, что дала нам вдова покойного, — убитым голосом проговорил Галдо. — Не только за свечи, а и за упокойную службу, за благословения, за погребение... Отец Цеппи велел нам доставить кошелек вместе с...

— ...с те-е-лом! — душераздирающе провыл Локк. — А я не уберег де-е-сныги!

— Святые Двенадцать, вот же гаденыш какой! — ахнула Амброзина Стролло. Засим она перегнулась через подоконник и возопила голосом поразительной мощи: — Вор! Держите вора!

Локк снова уткнулся лицом в ладони, а пожилая дама задрала голову и гаркнула:

— Лукреция!

— Да, бабушка, — донеслось из открытого окна на втором этаже. — Что за шум? Какой вор?

— Кликни братьев, детка. Скажи, чтоб живо спускались да дубинки свои прихватили! — Она снова повернулась к Локку с Галло. — Не плачьте, мальчишечки, не плачьте. Мы как-нибудь поправим дело.

— Что такое? Где вор?

К ним подбежал долговязый сержант стражи, в развевающемся горчично-желтом плаще, с дубинкой наготове. По пятам за ним следовали еще двое желтокурточников.

— Хороший же ты стражник, Видрик! Гнусные ворипки из Котлища шастают по нашему кварталу у тебя под носом и обчищают покупателей прямо у моей лавки!

— Как? Здесь? Их, что ли? — Сержант уставился на сокрушенных горем мальчиков, затем перевел взгляд на разгневанную пожилую женщину и наконец заметил покрытый саваном труп. Брови его подпрыгнули, словно пытаясь соскочить со лба. — Ох!.. Сдается мне, этот человек мертв...

— Конечно мертв, куриные твои мозги! Ребятишки везут его в храм Переландро, чтоб отслужить за упокой души и похоронить! А негодный маленький карманник минуту назад стянул у них кошелек со всеми деньгами, заплаченными вдовой!

— Кто-то обокрал послушников Переландро? Помощников слепого священника? — К ним вперевалку подошел краснолицый мужчина с необъятным животом и кучей лишних подбородков. В одной руке он держал трость, а в другой — устрашающего вида резак. — Ах, шельмы окаянные! Какой позор! В Виденце, средь бела дня!

— Простите меня... — всхлипывая, пролепетал Локк. — Простите, недоглядел... Надо было следить за кошельком, а я, ворона... Он раз-два — и поминай как звали... я и глазом моргнуть не успел...

— Глупости, голубчик, — перебила госпожа Стролло. — Твоей вины тут нет.

Запоздало спохватившись, сержант засвистел в свисток. Толстяк с тростью продолжал сыпать проклятиями. Из-за угла дома Стролло выскочили двое молодых парней с окованными медью дубинками. Возбужденно переговорив со своей бабушкой и убедившись, что с ней все в порядке, они наконец расспросили, в чем дело, и в свою очередь разразились яростной бранью и угрозами мести.

Вот, мальчики, возьмите. — Амброзина Стролло положила на прилавок три солоня, отданные ей Локком. — Пусть свечи будут моим подарком. У нас в Виденце не воруют. Мы такого безобразия не потерпим. Сколько было в кошельке?

— Пятнадцать солоньев... до того, как мы расплатились с вами, — прохлюнал Галдо. — Значит, двенадцать у нас украли. Отец Цеппи выгонит нас из ордена.

— Не болтай чушь! — строго сказала госпожа Стролло, добавляя еще две монеты.

У лавки потихоньку собиралась толпа.

— Да, черт возьми! — вскричал толстяк. — Мы не позволим мерзкому дьяволенку покрыть нас позором! Сколько вы дали, госпожа Стролло? Я дам больше!

— Чтoб тебе пусто было, самохвальный старый боров! Я же не напоказ, а по велению души...

А я дам корзинку апельсинов, — раздался женский голос в толпе. — Для вас и Безглазого священника.

— А вот еще солон от меня, — сказал другой торговец, протискиваясь к прилавку с монетой в руке.

— Видрик! — Госпожа Стролло отвлеклась от ссоры со своим тучным соседом и сурово воззрилась на сержанта. — Все случилось по твоей вине, Видрик! Ты должен дать бедняжкам хотя бы пару медяков.

— По моей вине?! По послушайте...

— Нет, это ты меня послушай! Теперь, коль зайдет разговор о Виденце, все станут говорить: «А, знаем-знаем, там еще священников грабят». Святые Двенадцать! Точно в Горелипце или где похуже. Тьфу! — в сердцах плюнула торговка. — Возмести ребятишкам хоть малую долю убытка — иначе я такого наговорю твоему капитану, что тебя поганой метлой погонят с должности. Будешь потом горбатиться на мусорной барке до седых волос и гнилых зубов.

Страдальчески морщась, сержант полез в карман за кошельком, но мальчиков уже тесно обступили сердобольные обыватели, помогли обоим подняться на ноги, и каждый поровил утешительно похлопать Локка по спине. Все наперебой совали заплаканным послушникам монеты, фрукты и разные маленькие подарки, а один купец вручил аж целый кошелек, предварительно переложив в карман самые ценные монеты. Локк с Галдо убедительно изображали удивление и радостную растерянность и приличия ради отнекивались от каждого подарка, прежде чем взять.

6

В четвертом часу пополудни тело Антрима Однорукого было благополучно доставлено в сырое святилище храма Переландро. Трое мальчиков в белом (Кало присоединился к ним на подходе к Храмовому кварталу) спустились по ступеням и уселись рядом с отцом Ценци, который сидел на своем обычном месте, положив толстый локоть на край медной чаши.

- Ну что, ребятки, — промолвил священник. - Придется ли Джессалине пожалеть, что она спасла мне жизнь?

- Не придется, — твердо ответил Локк.

- Труп первостатейный, — доложил Кало.

- Правда, пованивает малость, — добавил Галдо.

- Но в остальном — отменный труп, — заверил Кало.

- Совсем свежий, — сказал Локк. - Мужика в полдень повесили.

- Хорошо. Просто замечательно. Но мне очень хотелось бы знать, почему последние полчаса все прохожие, бросающие подающие в чашу, выражают мне сочувствие по поводу случившегося в Виденце?

- Потому что они сожалеют о случившемся в Виденце, — осклабился Кало.

- Все таверны целы, никаких пожаров, клянусь Великим Благодетелем, — быстро проговорил Локк.

- И чем же вы, мальчики, занимались, прежде чем доставили труп в храм? — с расстановкой произнес священник таким тоном, будто обращался к напраказившему щенку.

- Раздобыли немного денег. — Локк кинул в чашу увесистый кошелек, подаренный щедрым купцом. — Двадцать три солона и три медяка, если быть точным.

— И корзинку апельсинов, — сказал Кало.

— А еще большущий сверток свечей, — подхватил Галдо, — две ковриги черного перченого хлеба, вощеную коробку пива и несколько алхимических шаров.

Несколько мгновений Цепши молчал, а потом, сделав вид, будто поправляет повязку на глазах, чуть приподнял ее и заглянул в чашу. Кало и Галдо, радостно хихикая, пустились взахлеб рассказывать о хитром плане, придуманном Локком и приведенном в исполнение совместными усилиями.

— Багор мне в задницу! — воскликнул священник, когда они закончили. — Хоть убей, не припомню, чтобы я давал разрешение на дурацкие уличные спектакли, Локк.

Должны же мы были как-то вернуть деньги, — пожал плечами мальчик. — Нам пришлось заплатить пятнадцать солонцов, чтоб забрать труп с виселицы. А теперь мы в прибыли, плюс еще свечи, хлеб и пиво.

— И апельсины, — напомнил Кало.

— И алхимические шары, не забывайте, — добавил Галдо. — Чудо какие красивые.

— О Многохитрый Страж... — добродушно проворчал Цепши. — Еще сегодня утром я пребывал в счастливом заблуждении, что я вас здесь учу уму-разуму.

С минуту они сидели в дружелюбном молчании. Солнце клонилось к западу, и тени на улицах города постепенно удлинялись.

— Ладно, черт с ним, — Цепши потряс оковами, разгоняя кровь в затекших руках. — Я заберу ровно столько, сколько выдал вам на расходы. Вам, Кало и Галдо, разрешаю взять по серебряной монете и распорядиться ими по своему усмотрению. А ты, Локк, можешь забрать все остальное и отложить на... гм... погашение известного долга. Деньги украдены по всем правилам.

В следующий миг к ступеням храма подошел солидного вида мужчина в травяно-зеленом камзоле и четырехугольной шляпе. Он бросил в чашу горсть монет — судя по звону, серебряных и медных вперемешку, — затем почтительно прикоснулся к шляпе, приветствуя троих мальчиков, и сказал:

— Я из Виденцы. И хочу, чтоб вы знали: я до глубины души возмущен сегодняшним происшествием.

— Сто лет доброго здоровья вам и вашим детям, — отозвался Локк. — Да благословит вас всех Покровитель сырых и обездоленных!

Глава 5

СЕРЫЙ КОРОЛЬ

1

Я вижу, Лукас, деньги расходятся очень быстро, — заметила донья София Сальвара.

— Обстоятельства нам благоприятствуют, донья София. — Локк улыбнулся самой что ни на есть радостной по меркам Фервайта улыбкой: чуть скривил сомкнутые губы, каковое мимическое движение на любом другом лице читалось бы как гримаса боли. — Приготовления идут полным ходом. Корабли снаряжаются, команды набираются, товар закупается — скоро нам останется лишь упаковать ваш гардероб для короткого путешествия.

-- Ну да, ну да...

Не обозначились ли темные круги у нее под глазами? Не появился ли во взгляде холодок настороженности? Да, у нее явно беспокойно на душе. «Сейчас главное — не перегнуть палку, — подумал Локк. — А то, не ровен час, у доньи нервы сдадут раньше времени». Самое трудное и тонкое дело — честно смотреть в глаза и улыбаться человеку, который точно знает, что имеет дело с мошенником, но не знает, что мошенник знает, что он знает.

С легчайшим вздохом донья София прижала личную печать к кляксе горячего голубого воска внизу пергаментного листа, а чуть выше начертала свое имя округлым теринским письмом, несколько лет назад вошедшим в моду у знати.

-- Ну, раз вы говорите, что требуется еще четыре тысячи, значит, будет вам еще четыре тысячи.

— Я вам глубоко признателен, сударыня.

— Несомненно, скоро вы за все расплатитесь. И расплатитесь с лихвой, если наши надежды оправдаются. — Она впервые за время разговора довольно улыбнулась, отчего в уголках ее глаз со-

брались тонкие морщинки, и протянула Локку очередной вексель.

«Ну вот, так-то лучше, — подумал Локк. — Чем больше жертва уверена, что владеет обстоятельствами, тем больше власти имеет над ней мошенник». Еще одно правило отца Ценни, многократно подтверждавшееся на практике.

— Пожалуйста, передайте вашему мужу сердечнейший привет от меня, когда он вернется с деловой встречи, — сказал Локк, принимая заверенную печатью бумагу. — А теперь, боюсь, я должен вас покинуть: мне нужно кое с кем повидаться по поводу... гм... платежей, которые не будут отражены ни в одной официальной счетной книге.

— Конечно-конечно, понимаю. Конте вас проводит.

Сегодня угрюмый старый вояка выглядел бледнее обычного, и Локку показалось, что он шагает слегка враскорячку и чуть прихрамывает на обе ноги. Да, бедняга явно старался поберечь известный орган, поврежденный накалуе. При воспоминании о собственных своих вчерашних телесных муках Локк невольно исполнился сострадания к слуге Сальвара.

— Позвольте спросить, Конте, — вежливо начал он, — хорошо ли вы себя чувствуете? Не примите в обиду, но последние день-два вы выглядите неважно.

— Со мной все в порядке, господин Фервайт. — Складки в углах его губ обозначились чуть резче. — Просто немножко нездоровится.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Легкая лихорадка, видимо. Обычное дело в это время года.

— Да, один из недостатков вашего климата. Сам я пока еще ни разу лихорадкой не хворал, благодарение богам.

— В таком случае берегите себя, господин Фервайт, — произнес Конте с совершенно бесстрастным лицом. — У нас в Каморре опасность подстерегает в самых неожиданных местах.

«Ага! Значит, Конте тоже посвятили в тайну, — подумал Локк. — А гордости в нем не меньше, чем в донье Софии, раз он позволяет себе завуалированные угрозы. Это нужно иметь в виду».

— Я сама осторожность, дорогой Конте. — Локк засунул вексель во внутренний карман своего черного камзола и поправил пышное многослойное жабо; они уже подошли к парадной двери особняка Сальвара. — В моих комнатах днем и ночью горят алхимические шары, уничтожающие вредоносные испарения, и после

часа Лжесвета я обязательно пошу медные кольца. Верное средство против каморрских лихорадок. И бьюсь об заклад, за несколько дней плавания свежий морской воздух исцелит вас.

— Вне всякого сомнения. — сухо промолвил Конте. — Путешествие пойдет мне впрок. Мне не терпится поскорее... отправиться в путь.

— Тут мы с вами полностью сходимся. — Локк подождал, когда слуга Сальвары распахнет перед ним широкую железную дверь со стеклом, и, прежде чем выйти во влажные сумерки, разбавленные Лжесветом, сдержанно, но дружелюбно кивнул на прощанье. — Завтра я помолюсь о вашем здоровье, мой друг.

— Вы слишком добры, господин Фервайт. — Старый солдат непроизвольно положил ладонь на рукоять кинжала. — А я все-таки помолюсь о вашем.

2

Локк неторопливо запагал на юг, направляясь к Двусеребряному парку тем же путем, каким они с Кало покидали остров Дюрона пару дней назад. Ветер Палача сегодня дул сильнее обычного, и когда Локк шел через сады, залитые бледным, призрачным светом Древнего стекла, в шелесте и шорохе листвы ему чудились протяжные вздохи огромных незримых существ, затаившихся среди деревьев.

Почти семнадцать тысяч крон за полнедели. Дело двигалось значительно быстрее, чем предполагал изначальный план, рассчитанный на полные две недели. Локк не сомневался, что сможет преспокойно вытянуть у донна Сальвары еще один вексель, довести общую прибыль от махинации до двадцати двух или даже двадцати трех тысяч, а потом бесследно исчезнуть. Залечь где-нибудь на месяцок и держать ухо востро, пока неприятная история с Серым королем благополучно не разрешится.

А потом каким-нибудь чудом отговорить кану Барсани от намерения выдать за него Наску. Но отговорить исподволь, не наседая на старика. Локк вздохнул.

Когда на город спускалась подлинная ночь, Лжесвет не просто постепенно угасал, а словно бы отступал, убывал, утекал обратно в Древнее стекло — краткосрочная ссуда, истребованная назад суровым работодателем. Тени разрастались, густели и в скором време-

ни поглотили весь парк. Среди ветвей там и сям загорались изумрудные фонари, чей таинственный мягкий свет певесть почему подействовал на Локка успокоительно. Света этого вполне хватало, чтобы разглядеть гравийные дорожки, петляющие между кущами деревьев и живыми изгородями. Локк чувствовал, как тугая пружина нервного напряжения мало-помалу ослабевает в нем. Прислушиваясь к глухому хрусту щебенки под ногами, он вдруг с удивлением осознал, что испытывает сейчас чувство, близкое к умиротворению.

Он жив-здоров, он богат, он принял решение не поддаваться тревоге, гложущей других Благородных Каналий. И сейчас, посреди огромного, девятистотысячного города со всем его шумом, гамом, смрадом и суетой, он на краткую минуту остался совсем один в окружении колеблемых ветром деревьев Двусеребряного парка.

Один.

Внезапно по спине у Локка побежали мурашки и в душе пробудился знакомый холодный страх — постоянный спутник всякого человека, выросшего на улице. Стоял тихий летний вечер, и Локк находился в Двусеребряном парке — самом безопасном общественном парке города, в любой час ночи охраняемом патрулями желтокурточников с фонарями на шестах, а днем так просто кишачем состоятельными молодыми людьми обоего пола, которые, держась за руки и отмахиваясь от мошкары, прогуливаются по дорожкам в поисках тенистого укромного уголка.

Локк быстро огляделся по сторонам: кругом не видать ни души и не слышать ни звука, кроме вздохов листвы да стрекота ночных насекомых. Ни голосов, ни шагов. Он легко крутанул запястьем, и тонкий вороненый стилет выскользнул из рукава в ладонь рукоятью вперед. Держа стилет лезвием вдоль руки, чтоб его не было видно даже с близкого расстояния, Локк торопливо зашагал к южным воротам парка.

От земли поднимался туман, и чудилось, будто трава сочится странными серыми испарениями. Хотя вечер был теплый и душный, Локка вдруг пробрала дрожь. Самый обычный туман, верно? Летом он заволакивает весь город каждые две ночи из трех — порой такой плотный, что кончика собственного носа не разглядишь. Но почему...

Вот и южные ворота парка. Локк неподвижно застыл перед ними, уставившись на окутанный туманом мост по другую сторо-

ну пустынной мощеной улицы. На Арку Древних с красными фонарями, зловеще мерцающими в серой мгле.

Арку Древних, ведущую на остров Дюрона.

Он сделал круг по парку. Как такое возможно? Сердце бешено колотилось, мысли путались. Потом вдруг Локка осенило: донья София! Хитрая, коварная стерва. Она что-то с ним сотворила... подсунула какую-то алхимическую отраву на пергаменте. В чернилах? В воске? Смертельный ли это яд, помутняющий рассудок, прежде чем убить? Или просто дурманное зелье, вызывающее временное помрачение ума? Мелкая, пустая месть, до поры утолившая злобу доньи Софии? Локк полез за пергаментом, но никак не мог нашарить внутренний карман. Он сознавал, что движения его слишком медленны и неуклюжи, чтобы приписать это единственно расстройству воображения.

Между деревьями показались два человека – один слева от него, другой справа.

Арка Древних. Локк снова стоял на гравийной дорожке посреди парка, таращась в темноту, прорезанную тонкими изумрудными лучами фонарей. Он судорожно глотнул воздуха и чуть присел, держа кинжал наготове. Голова кружилась. Двое мужчин в плащах. Один слева, другой справа. Хруст гравия под шагами. Черные очертания арбалетов, черные фигуры на фоне размытого изумрудного света... Головокружение усилилось.

– Господин Шип, — словно откуда-то издалека донесся приглушенный голос, — вам придется уделить нам час времени.

– О Многохитрый страж... — выдохнул Локк, а в следующий миг даже тусклая зелень деревьев померкла у него перед глазами и крошечная тьма накрыла мир.

3

Очнувшись, Локк обнаружил, что сидит на стуле. Ощущения он испытывал самые странные. Ему и прежде случалось выплывать из черного забытья, вызванного болью или каким-нибудь дурманным зельем, но сейчас все было иначе. Казалось, будто кто-то просто привел в действие механизм его сознания подобно тому, как ученый запускает водяные часы, выдергивая затычку из водоподающей трубки.

Локк сидел за столом в общем зале таверны, один. Он видел питейную стойку, очаг, другие столы, но помещение выглядело заброшенным, и пахло плесенью, сыростью, пылью. Где-то позади него горел масляный фонарь, источающий неверный оранжевый свет. Грязные запотевшие окна тускло отблескивали, и что там за ними — было не разглядеть.

— Вам в спину нацелен арбалет, — раздался голос позади, совсем близко. Веселый мужской голос, с едва уловимым акцентом, но явно принадлежавший урожденному каморрцу. Местный житель, долгое время проживший в чужих краях? Голос был совершенно незнакомый. — Сидите смирно, господин Шип.

По спине Локка забегали ледяные мурашки. Он изо всех сил напряг память, пытаясь вспомнить последние секунды перед забытьем. Кажется, один из двух мужчин в парке тоже употребил такое обращение. Локк глубоко вздохнул:

— Почему вы меня так называете? Мое имя Лукас Фервайт. Я эмберленский подданный, служащий торгового дома бель Аустеров.

— О да, звучит весьма правдоподобно, господин Шип. Акцент убедительный, а ваша героическая готовность париться в черном сукне вызывает глубокое восхищение. Дон Лоренцо и донья Сальвара свято верили в Лукаса Фервайта, пока вы сами не вывели их из заблуждения.

Это не человек капы, лихорадочно соображает Локк. Барсави точно ни при чем. Барсави проводил бы этот разговор самолично. И не здесь, а в недрах Плавучей Могилы, где на дыбах висели бы все до единого Благородные Канальи и на лавке лежали бы все до единого ножи Мудрого Доброхота, наточенные до блеска.

— Меня зовут Лукас Фервайт, — настойчиво повторил Локк. — И я решительно не понимаю, что вам угодно и почему я здесь. Не причинили ль вы какого вреда Грауманну? Он цел, надеюсь?

— Жан Таннен цел и невредим, как вам хорошо известно, — ответил незнакомец. — Да уж, хотелось бы мне посмотреть, как вы заявили в кабинет донна Сальвары, в черном плаще, размахивая бумажником с фальшивым значком тайного сыска. И уничтожили в бедняге веру в Лукаса Фервайта — подобно тому, как отец ласково объясняет своим простодушным детям, что на самом деле Святого Дарителя не существует. Вы настоящий артист, господин Шип!

— Говорю же вам, меня зовут Лукас, Лукас Фервайт, и я...

— Если вы еще раз повторите, что вас зовут Лукас Фервайт, я прострелю вам левое плечо. Убивать вас я не собираюсь, просто осложню жизнь. Славная сквозная дыра. Возможно, перебитая кость. Ваш превосходный наряд испорчен, ваш чудесный пергамент залит кровью. Служащие Мераджо с интересом послушают ваши объяснения. Векселя в бурных пятнах крови, знаете ли, привлекают повышенное внимание.

Локк молчал.

— Нет, Локк, так тоже не пойдет. Безусловно, вы уже поняли, что я не человек Барсави.

«Святые Тринадцать! — подумал Локк. — Где же я допустил ошибку, черт возьми?» Если незнакомец говорил правду, если он действительно не работал на кану, оставалось предположить одно: Локк имел дело с настоящим Пауком. С настоящими Полуночниками. Неужели в Тайном сыске стало известно о фальшивом значке? Неужели талишемский мастер поддельных дел донес на Локка ради дополнительной наживы? Другого объяснения быть не могло.

— Встаньте и повернитесь. Медленно.

Локк подчинился — и чуть было не вскрикнул от удивления.

За столом перед ним сидел мужчина неопределенного возраста, от тридцати до пятидесяти, высокий и поджарый, с сединой на висках. Обличьем чистокровный каморрец: загорелая оливковая кожа, высокий лоб, резко очерченные скулы, длинный острый нос.

Он был в сером кожаном дублете, надетом поверх серой шелковой сорочки, сером плаще с капюшоном и серых же лайковых фехтовальных перчатках, разношенных и потертых. У него были холодные, цепкие глаза охотника. Оранжевый свет фонаря отражался в черных зрачках, и на мгновение Локку показалось, будто он видит внутренний темный огонь, горящий в глубине глаз, а не обычные блики света. Он невольно содрогнулся... Весь этот серый цвет...

— Вы... — прошептал он уже без акцента Лукаса Фервайта.

— Собственной персоной, — подтвердил Серый король. — Сам я нахожу этот наряд целевым в своей театральности, но без него не обойтись. Уж кто-кто, а вы-то прекрасно понимаете такие вещи, господин Шип.

— Ума не приложу, почему вы продолжаете меня так называть. — Локк незаметно переступил с ноги на ногу, принимая стойку поустойчивее и чувствуя успокаивающую тяжесть стилета, спрятанного в другом рукаве. — И я что-то не вижу арбалета, упомянутого вами.

— Я же сказал: он нацелен вам в спину.

С едва заметной насмешливой улыбкой Серый король махнул рукой в сторону дальней стены. Локк осторожно обернулся...

Там стоял человек — стоял ровно на том месте, куда Локк смотрел всего минуту назад. Широкоплечий мужчина в плаще с кашошоном лениво прислонился к стене, держа на сгибе локтя взведенный уличный арбалет, небрежно направленный на Локка.

— Я... — Локк снова повернулся к Серому королю, но тот уже не сидел за столом, а стоял за пустой питейной стойкой, в доброй дюжине футов слева от Локка: фонарь остался на прежнем месте, и в его свете было видно, что мужчина ухмыляется. — Но это невозможно!

— Очень даже возможно, господин Шип. Сами подумайте. На самом деле количество возможностей ничтожно мало.

Серый король плавно повел перед собой ладонью, словно стирая пыль с незримого оконного стекла. Локк оглянулся и обнаружил, что человек с арбалетом опять исчез.

— Черт меня задери! — ахнул он. — Вы — вольнонаемный маг!

— Вовсе нет. Я не имею такого преимущества, как и вы. По я держу у себя на службе вольнонаемного мага. — Он указал пальцем на стол, за которым сидел немногим раньше.

Теперь там сидел худощавый молодой мужчина не старше тридцати лет, причем в такой спокойной, непринужденной позе, будто расположился за столом довольно давно. Его щеки и подбородок покрывал тонкий пушок, но надо лбом уже обозначились залысины. В глаза у него блестели насмешливые искорки, и весь облик дышал властной самонадеянностью, от природы присущей почти всем особам голубых кровей.

Одет он был в безупречно скроенный серый камзол с ярко-красными шелковыми обшлагами. На левом запястье темнела татуировка в виде трех параллельных линий. А на правой руке, облаченной в грубую кожаную перчатку, сидел свирепейший охотничий сокол, который смотрел на Локка так, будто тот был ничтожной полевой мышью, страдающей манией величия. Неподвижные золотые глаза с крохотными черными зрачками, крючковатый клюв

кинжалной остроты. Серо-коричневые крылья плотно сложены, а когти... какие-то странные — что передние, что задние, непомерно длинные и толстые.

— Мой ближайший помощник, Сокольник, — произнес Серый король. — Картенский вольнонаемный маг. Мой личный маг. Своего рода ключ, открывающий для меня двери возможностей. А теперь, когда мы вам должным порядком представились, давайте поговорим о том, что мне от вас нужно.

4

— С ними не связывайся ни в коем случае, — однажды сказал Локку отец Цеппи.

— Это еще почему? — удивился Локк, в тогдашние свои тринадцать лет самоуверенный как никогда впоследствии (что говорит о многом).

— Вижу, ты опять пренебрегаешь уроками истории. В ближайшее же время посажу тебя за чтение хроник, — вздохнул священник. — Картенские вольнонаемные маги — единственные чародеи на всем континенте, поскольку они никому больше не позволяют заниматься магическим ремеслом. Всех других магов они либо заставляют вступить в свою гильдию, либо убивают.

— И никто не сопротивляется? Никто не борется с ними, не пытается от них скрыться?

— Конечно, время от времени такие попытки предпринимаются. Но разве могут два, пять, десять магов в бегах тягаться с четырьмя сотнями, в чьем распоряжении целый город-государство? А с чужаками и отступниками картенские вольнонаемные маги расправляются столь жестоко, что капа Барсави рядом с ними выглядит милосердным жрецом Переландро. Они крайне ревнивы, совершенно безжалостны и решительно не терпят соперничества. Они владеют исключительным правом на занятия магией. Ни один человек не осмелится дать пристанище чародею, неуголному картенским магам. Ни один, будь он даже самым королем Семи Сущностей.

— Странно, что они продолжают называть себя *наемными* магами, — заметил Локк.

— Из ложной скромности. Думаю, это их забавляет. На самом деле они устанавливают такие дикие цены на свои услуги, что

речь уже идет не о столько наемной работе, сколько о жестоком насмехательстве над заказчиком за его же счет.

— Дикая цена?

— Новичок берет пятьсот крон в день. А опытный чародей обойдется в тысячу. О ранге мага свидетельствует татуировка на левой руке. Чем больше черных линий вытатуировано у него вокруг запястья, тем почтительнее следует с ним обходиться.

— Тысяча крон в день?

— Теперь ты понимаешь, почему картенские маги не служат на постоянной основе при каждом дворе, у каждого аристократа и бездарного военачальника, не знающего деньгам счета. Даже в военное время и в годину бедствий их нанимают лишь на очень короткий срок. Но если уж на твоём пути встретился картенский маг, будь уверен: заказчик платит ему за очень серьезную, деятельную работу.

— Откуда они вообще взялись?

— Из Картена.

— Ха-ха. Я про гильдию. Про исключительное право.

— Ну, это проще простого. Однажды ночью некий могущественный чародей стучится в дверь другого, не столь могущественного. «Я основываю гильдию магов, — говорит он. — Присоединяйся ко мне, или я тебя уничтожу на месте, мокрого пятна не останется». И второй чародей, ясное дело, отвечает...

— Ах, я всю жизнь мечтал вступить в гильдию!

— Совершенно верно. Затем они вдвоем идут к третьему магу и говорят: «Вступай в гильдию — или сражайся с нами обонми, один против двоих, здесь и сейчас!» Так повторяется много-много раз, и наконец в дверь последнего независимого мага стучатся триста или четыреста членов гильдии, а все ответившие отказом благополучно пребывают в мире ином.

— Но у них наверняка есть какие-то слабые места.

— Конечно есть. Они смертные люди, как мы с тобой. Они едят и срут, стареют и умирают. Но они что шершни треклятые: тронешь одного — остальные налетят всем скопом и понаделают в тебе дырок. Да помогут Тринадцать тому, кто убьет вольнонаемного мага, случайно или умышленно!

— А что?

— Таково старейшее правило гильдии, правило без исключений: убьешь мага — все до единого члены гильдии бросят свои дела, чтобы отомстить. Они найдут тебя, как ни скрывайся, из-под

земли достанут. Убьют твоих друзей, твою семью, твоих знакомых. Сожгут твой дом. Уничтожат все, когда-либо созданное твоими руками. Они позволяют тебе умереть лишь тогда, когда ты будешь знать, что весь твой род истреблен целиком и полностью.

— Значит, противостоять картенским магам вообще не дозволено?

— О, никто тебе не запрещает. Ты можешь попытаться дать отпор, коли вдруг один из них на тебя ополчится. Но если ты решишь мага... честное слово, оно того не стоит. Лучше уж наложить на себя руки — тогда, по крайней мере, они не поубивают всех твоих родных и близких.

— Ничего себе!

— Да, — кивнул Ценпи. — Магия, конечно, сама по себе штука жутковатая, но страшны картенские маги прежде всего своей лютой жестокостью. Вот почему при встрече с одним из них ты должен кланяться, расшаркиваться и рассыпаться в любезностях, не забывая после каждого слова прибавлять «сударь» или «сударыня».

5

— Славная у тебя птичка, паскуда, — сказал Локк.

Вольнонаемный маг холодно смотрел на него в некотором замешательстве.

— Значит, это по твоей милости никто не может поймать твоего хозяина. По твоей милости никто из Полных Крон не помнит, где был и что делал в ту ночь, когда Длинного Тессо пригвоздили к стене.

Сокол пронзительно крикнул, и Локк невольно отшатнулся, пораженный яростью птицы. То был не обычный крик встревоженной твари, но полный злобы вопль, обращенный, казалось, непосредственно к нему. Локку.

— Моей подруге не нравится твой тон, — произнес Сокольник. — А я всегда полагаюсь на ее мнение. На твоем месте я бы следил за языком.

Я зачем-то нужен твоему хозяину, а следовательно, должен сохранять дееспособность. — ответил Локк. — А следовательно, каким тоном я разговариваю с его картенскими холоуями, не имеет ни малейшего значения. Среди убитых тобой гаррист были мои

друзья. По твоей милости меня, черт возьми, женить собираются! Так что жри пеньку и спи веревкой, любезный!

Со свирепым клекотом соколиха сорвалась с перчатки хозяина. Локк успел заслонить лицо согнутой левой рукой, и птица с налету в нее врезалась, вцепилась острыми когтями в рукав камзола, распарывая плотную ткань, и бешено забила крыльями, стараясь удержаться на месте. Локк заорал и занес правый кулак, чтобы ударить злобную пернатую тварь.

— Ударить — прощайся с жизнью, — сказал Сокольник. — Посмотри повнимательнее на коготки моей подруги.

Стиснув зубы от боли, Локк пригляделся. Задние когти соколихи больше походили на гладкие изогнутые шипы с остриями тоньше иглы. На голених прямо над ними находились какие-то пульсирующие мешочки, показавшиеся страшными даже Локку, совершенно не разбиравшемуся в охотничьих птицах.

— Вестриса — скорпионий сокол, — пояснил Серый король. — Гибрид, созданный средствами алхимии и магии. Один из многих, сотворенных картенскими магами забавы ради. У нашей птички не просто когти, а ядовитые жала. Если она по-настоящему на тебя разозлится, ты и десяти шагов не успеешь сделать, как упадешь замертво.

С руки Локка закапала кровь, он застонал от боли. Соколиха щелкнула на него клювом, явно забавляясь.

— Мы здесь все взрослые, и люди, и птицы, верно? — продолжал Серый король. — Дееспособность — понятие относительное, дорогой Локк. Мне бы очень не хотелось еще раз показывать тебе, насколько оно относительное.

— Приношу свои извинения, — с трудом проговорил Локк сквозь стиснутые зубы. — Вестриса — замечательная птица, обладающая незаурядным даром убеждения.

Сокольник ничего не сказал, но соколиха выдернула когти из руки Локка, опять вскрикнувшего от острой боли, перелетела обратно на перчатку своего хозяина и снова вперила в Локка неподвижный взгляд. Локк вцепился в окровавленный рукав, осторожно потер раны под ним.

— Говорил же я тебе, Сокольник. — Серый король лучезарно улыбнулся Локку. — Наш Шип быстро восстанавливает самообладание в любых обстоятельствах. Еще две минуты назад он ничего не соображал от страха. А сейчас уже оскорбляет нас и наверняка прикидывает, как бы выбраться из неприятного положения.

— Я не понимаю, почему вы продолжаете называть меня Шипом. — упорствовал Локк.

— Да все ты понимаешь. Сейчас послушай меня внимательно. Локк. Дважды повторять не буду. Мне известно о твоей норе под храмом Переландро. О твоём хранилище. О твоём богатстве. Я знаю, что ты никогда не ходишь по почам на кражи, а только прикидываешься мелким домушником перед Путными людьми. Знаю, что ты, в нарушение Тайного уговора, хитроумно облапошиваешь каморрских аристократов, и знаю, что ты очень хорош в своем деле. Я знаю, что не ты распустил слухи про Каморрского Шипа, но мы с тобой оба знаем, что порождены они твоими подвигами. И наконец, я знаю, что капа Барсави самым занимательным образом расправится с тобой и остальными Благородными Канальями, если вдруг проведает обо всем, что известно мне.

— Да бросьте, — сказал Локк. — Вы не в том положении, чтобы мило нашептывать капе на ухо и рассчитывать на полное доверие.

— Так нашептывать буду не я, — усмехнулся Серый король. — Это сделают мои люди из ближайшего окружения капы, если ты не справишься с делом, которое я тебе поручу. Полагаю, я все внятно объяснил?

Несколько секунд Локк молча смотрел на него, потом со вздохом уселся верхом на стул, положив пораненную руку на спинку.

— Я вас понял. А что взамен?

— Взамен я обещаю, что капа Барсави никогда не узнает о ловко налаженной двойной жизни, которую ведете ты и твои товарищи.

— Вот, значит, как, — медленно проговорил Локк.

Я только на моего мага расходов не жалею, а вообще я человек очень бережливый. — Серый король вышел из-за питейной стойки и сложил руки на груди. — В качестве платы за услуги получишь свою жизнь, а не деньги.

— И что от меня требуется?

— Самый обычный обман. Мне надо, чтобы ты стал мною.

— Я... э-э... не понял.

— Мне пришло время выйти из тени. Нам с Барсави нужно поговорить один на один. В ближайшее время я выманю капу из Плавучей Могилы, чтобы тайно с ним встретиться.

— Ничего не выйдет, даже не надейтесь.

— Не надо меня недооценивать. Все нынешние неприятности Барсави — моих рук дело. Уж поверь, я сумею выманить капю из его сырой крепости. Но вот разговаривать он будет не со мной, а с тобой. С Каморрским Шипом. С величайшим актером из всех, что когда-либо рождались в этом городе. Ты выступишь в роли меня. Один вечер. Блестящее представление.

— Представление по королевскому указу. Но зачем такие сложности?

— Во время вашей встречи мне нужно будет находиться в другом месте. Переговоры с капой — лишь часть более обширного плана.

— Но капя Барсави и все его окружение хорошо меня знают.

Удалось же тебе обмануть супругов Сальвара, представ перед ними в двух разных обличьях, причем в течение одного дня. Я научу тебя, что говорить, и снабжу подходящей одеждой. Поскольку ты мастер перевоплощения, а моя внешность никому из обитателей Плавучей Могилы неизвестна, никто даже не заподозрит, что в деле замешан ты или что Серый король не настоящий.

— Интересный план. Чрезвычайно рискованный — что мне нравится. Но вы же понимаете, что я буду выглядеть полным дураком, если капя начнет разговор с того, что всадит мне в грудь дюжину арбалетных стрел?

— Не беспокойся. Ты будешь надежно защищен от обычных глупых выходов Барсави. Я пошлю с тобой Сокольника.

Локк коротко взглянул на мага. Тот улыбнулся с насмешливо-великодушным видом.

— Неужели ты думаешь, — продолжал Серый король, — что я позволил бы тебе прятать стилет в рукаве, если бы оружие в твоих руках могло причинить мне вред? Попробуй пырни меня. Позаймствуй у меня арбалет, коли хочешь. Стрела меня тоже не возьмет. Точно так же и ты будешь защищен во время встречи с капой.

— Значит, это правда. Все слухи, что про вас ходят, не праздные домыслы. Ваш ручной маг способен на большее, чем просто отшибить мне память, как будто я шил запоем всю ночь.

— Да. А слухи начали распускать мои люди, по моему приказу и с единственной целью: я хотел внушить шайкам Барсави такой страх перед Серым королем, чтобы никто уже не смел и близко подойти к тебе, когда вам с капой настанет время встретиться.

В конце концов, я могу убить одним прикосновением. — Серый король улыбнулся. — А став мною, и ты сможешь.

Локк нахмурился. Эта улыбка, это лицо... В Сером короле было что-то очень знакомое. Что-то неуловимое, не поддающееся определению. Просто странное, неотвязное ощущение, будто где-то Локк уже видел этого человека. Он каплянул.

— Очень любезно с вашей стороны. А что потом, после того как я выполню ваше задание?

— Наши пути разойдутся. Ты займешься своими делами, я — своими.

— С трудом верится.

— После встречи с Барсави ты останешься живой, Локк. И в дальнейшем тоже можешь ничего не опасаться. Поверь, все не так страшно, как тебе кажется. Ты же прекрасно понимаешь: если бы я хотел просто убить капю, то давно уже сделал бы это.

— Вы прикончили семерых гарристов. Заперли Барсави в Плавучей Могиле на несколько месяцев. Не так страшно, как мне кажется? После смерти Тессо капю убил восьмерых людей из Полных Крон. Он жаждет вашей крови, и больше ему ничего от вас не нужно.

— В Плавучей Могиле Барсави сам заперся. Поверь мне, Локк, все будет в порядке. Капю, хоть и скрепя сердце, согласится на мои предложения. Мы раз и навсегда решим вопрос с Каморром, ко всеобщему удовлетворению.

— То, что вы человек опасный, я давно понял. Но оказывается, вы еще и сумасшедший.

— Толкуй мои действия, как тебе угодно. Главное — сделай, что от тебя требуется.

— Похоже, выбора у меня нет, — мрачно сказал Локк.

— Да, я об этом позаботился. Так мы договорились? Ты все сделаешь?

— А вы научите меня, что говорить капю?

— Разумеется.

— У меня одно условие.

— Вот как?

— Если я возьмусь за это дело, я должен иметь возможность встретиться с вами или хотя бы передать сообщение в случае необходимости. Вдруг возникнут непредвиденные обстоятельства — не сидеть же мне сложа руки в ожидании, когда вы соизволите появиться.

— Не возникнут, — заверил Серый король.

— Это необходимая мера предосторожности. Вы же хотите, чтобы все прошло без сучка без задоринки?

— Ну хорошо, — кивнул Серый король. — Сокольник!

Вольнонаемный маг встал и вышел из-за стола. Вестриса ни на миг не сводила глаз с Локка. Свободной рукой хозяйин птицы достал из внутреннего кармана свечу — белую восковую палочку со спиральными багровыми прожилками.

— Зажжешь в каком-нибудь уединенном месте, — сказал Сокольник. — Смотри, чтоб ни единой живой души поблизости не было. Произнесешь мое имя — я услышу и явлюсь в самом скором времени.

— Благодарю. — Локк взял свечу и положил в карман. — Сокольник. Легко запомнить.

Вестриса раскрыла клюв, но не издала ни звука. Через пару секунд клюв со щелчком захлопнулся, и соколиха моргнула. Зевает она так, что ли? Или усмехается над Локком на свой птичий манер?

— Я буду постоянно следить за тобой, — предупредил картенский чародей. — Как Вестриса чувствует все, что чувствую я, так я вижу все, что видит она.

— Это многое объясняет, — хмыкнул Локк.

— Ну, раз мы обо всем столковались, будем считать разговор законченным. У меня есть другие дела, не терпящие отлагательств. Благодарю вас за проявленное благоразумие, господин Шил.

— Сказал человек с арбалетом человеку с кошельком. — Локк встал со стула и засунул левую руку, по-прежнему поющую от боли, в карман камзола. — Когда должна состояться моя встреча с капой?

— Через три дня. Надеюсь, это не помешает твоей важной работе с доном Сальварой?

— Вряд ли вас это волнует, но — нет, не помешает.

— Вот и прекрасно. А теперь давай вернем тебя к твоим делам.

— Пойдите, — забеспокоился Локк. — не собираетесь же вы...

Но было поздно: Сокольник уже водил в воздухе свободной рукой и шевелил губами, беззвучно произнося слова. Комната поплыла перед Локком, свет фонаря померк, превратившись в размытое тускло-оранжевое пятно в темноте, а потом осталась одна только темнота.

6

Очнулся Локк на мосту между Западной и улицей Златохватов. По ощущениям забытье продолжалось не больше минуты, но, подняв глаза, он увидел, что облака исчезли, звезды сместились в темном небе и луны висят низко над западным горизонтом.

— Сукин сын! — прошипел Локк. — Это ж сколько времени прошло! Жан, наверное, уже весь издергался.

Он торопливо соображал: Кало с Галдо собирались вечером пошляться по Западне, таская за собой Клона, как водится. Скорее всего, под конец они засели в «Последней ошибке», где допоздна пили, резались в кости и старались не получить по физиономии за карточное плутовство. Жан намеревался провести вечер в наемных комнатах, изображая постояльца Расколотой башни, по крайней мере до возвращения Локка. Значит, оттуда и нужно начинать поиски товарищей.

Тут Локк вспомнил, что он по-прежнему наряжен Лукасом Фервайтом, и хлопнул себя по лбу. Он проворно снял камзол и шейные платки, сдернул с носа фальшивые очки и засунул в жилетный карман. Потом осторожно потрогал глубокие раны от птичьих когтей на левой руке — они по-прежнему болели, но уже немного подсохли, и то хорошо, хоть кровь не льется ручьями.

«Черт подери этого Серого короля. — подумал Локк. — И помогите мне боги благополучно погасить счета этой проклятой ночи».

Он взлохматил волосы, расстегнул жилет, выпустил рубашку из штанов, согнул втрое и заправил внутрь неслезные длинные языки башмаков. Шейные платки и нарядные ремни Локк завернул в камзол, который затем крепко обвязал рукавами. В темноте сверток выглядел в точности как старый тряпичный узел. Теперь, избавившись от внешних бросающих примет Лукаса Фервайта, Локк мог надеяться, что доберется до «Последней ошибки», не привлекая лишнего внимания. С некоторым облегчением он повернулся и быстро зашагал к южному концу моста — в сторону огней и шума ночной Западни.

Едва Локк свернул на булыжную улицу, где находился главный вход в «Последнюю ошибку», из темного бокового проулка вынырнул Жан Таннен и схватил его за руку:

— Локк! Где тебя носило всю ночь? Ты в порядке?

— Ох, Жан, до чего же я рад тебя видеть! Нет, я далеко не в порядке, и все вы тоже. Где остальные?

— Не дождавшись тебя, я спустился в таверну, нашел там ребят с Клопом и отослал в наши комнаты. — приглушенным голосом доложил Жан на ухо товарищу. — А сам рыскал тут по переулкам, стараясь никому на глаза не попадаться, тебя караулил. Решил, что сейчас нам лучше держаться вместе по ночам. Я... мы уж испугались...

— Меня схватили. Жан. Но потом отпустили. Сейчас все расскажу, давай только поднимаемся в комнаты. У нас новая проблема, дружище, — с пылу с жару и жгучая как огонь.

7

На сей раз окна оставили открытыми, только опустили на них тонкие полупрозрачные сетки от комаров и прочих кусачих насекомых. Когда Локк закончил рассказ о ночных событиях, небо уже бледнело и над восточным горизонтом тянулась красная полоса зари. Под глазами у всех лежали усталые тени, но никто не выказывал ни малейших признаков сонливости.

— По крайней мере, теперь мы знаем, — в завершение сказал Локк, — что он не собирается меня убивать, как других гарристов.

— В ближайшие три дня, во всяком случае, — добавил Галдо.

— Да этому скоту совсем нельзя доверять! — выпалил Клоп.

— Но слушаться его все равно придется, — пожал плечами Локк.

Сразу по приходе он переоделся в простую одежду, более подобающую постояльцу Расколотой башни. Жан настоял на том, чтобы промыть ему раны крепленным вином, нагретым на алхимической плите почти до кипения. Сейчас Локк держал руку в целебной повязке, обильно смоченной бренди, под белым алхимическим шаром. По единодушному мнению каморрских лекарей, свет алхимических шаров очищал воздух и предотвращал заражение.

— А надо ли? — Каю поскреб щетинистый подбородок. — Как думаешь, мы успеем скрыться, если прямо сейчас пустимся в бег?

— От Серого короля — кто знает. — Локк вздохнул. — Но от картенского мага точно не скроемся.

уничтожит всех нас на месте, — сказал Локк. — А также я сильно сомневаюсь, что чертова птица станет летать вокруг башни у нас на виду.

— Но наверное-то никогда не знаешь, — ответил Клоп. — Мне кажется, я ее уже видел раньше — когда мы поджидали дона Сальвару в переулке.

— Уверен, я тоже видел. — Кало гонял солон по костяпкам левой руки, не глядя на него. — Когда я душил тебя там, Локк, над нами пролетела какая-то птица. Крупнее и быстрее обычного вьюрка или воробья.

— Значит, он и впрямь следил за нами и знает о нас все, что нужно знать, — сказал Жан. — Сейчас, конечно, разумнее будет уступить и подчиниться, но тем временем надо придумать, как бы вырыть под него яму.

— А наши дела с доном Сальварой мы сворачиваем? — кротко спросил Клоп.

— Мм? Нет. — Локк решительно помотал головой. — Пока что для этого нет причин.

— Как — нет? — удивился Галдо.

— Мы помышляли свернуть дела потому лишь, что хотели укрыться от Серого короля, опасаясь за свою жизнь. Но теперь мы точно знаем, что он нас не тронет, по крайней мере в ближайшие три дня. Так что наше предприятие с доном Сальварой идет прежним чередом.

— Ага, еще три дня. Пока у Серого короля не отпадет надобность в тебе. — Жан сплюнул. — А дальше при любом раскладе — одно: «Благодарю за сотрудничество, вот вам всем в награду нож в спину».

— Не исключено, — согласился Локк. — Поэтому мы поступим следующим образом. Ты, Жан, сегодня побегашь по городу, когда немного выпишься. Сначала отменишь заказ на места на корабле. Если нам придется спешно скрываться из Каморра, ждать отплытия судна мы не сможем. Затем стоняешь к Виконтовым воротам, сунешь страже еще денжжат. Если явится необходимость бежать, мы сбежим посуху, и я хочу, чтобы ворота распахнулись перед нами быстрее и шире, чем двери борделя. Кало, Галдо, вы раздобудете для нас фургон и поставите за храмом, приготовите парусину и веревки для упаковки. Закупите еды и питья в дорогу, все самое простое и сытное. Еще запасные плащи, неприметная одежда — в общем, сами знаете. Если столкнетесь с кем-нибудь из

Путных людей, намекайте, что через пару дней у нас наклеивается выгодное дельце. Барсави будет доволен, коли узнает. Клоп, мы с тобой займемся делом в хранилище. Достанем из колодцев все наши накопления до последней монетки и сложим в мешки, чтобы в случае чего за несколько минут перетаскать всё в фургон.

— Разумно, — кивнул Клоп.

— Значит, братья Санца держатся вместе. Ты, Клоп, ни на шаг не отходишь от меня. Никто ни минуты не действует в одиночку, кроме тебя, Жан. С тобой вряд ли какая беда стряется, если только Серый король не прячет в городе целую армию.

— Ты же меня знаешь. — Жан закинул обе руки за шею и выхватил из-под широкого кожаного жилета, падающего поверх простой полотняной рубахи, два одинаковых топорика длиной фута полтора — с обвитыми кожаным шнуром рукоятками и прямоугольными черными лезвиями ланцетной остроты, уравновешенными вытянутыми обухами с железным шариком на конце; Злобные сестрицы, любимое оружие Жана. — Я никогда не хожу один, нас всегда трое.

— Вот и славно. — Локк подавил зевок. — Если нам потребуются еще какие-нибудь блестящие мысли, пораскинем умом по пробуждению. А сейчас давайте закроем окна, задвинем дверь чем-нибудь тяжелым и зададим храпака.

Благородные Канальи с трудом поднялись на ноги, собираясь привести в исполнение этот разумный план, как вдруг Жан вскинул ладонь, призывая товарищей прислушаться. Наружная лестница трещала и скрипела под шагами многих ног. А в следующую минуту кто-то забарабанил в дверь.

— Ламора, открывай! — раздался громкий мужской голос. — Мы от капы!

Жан быстро взял оба топорика в одну руку и спрятал за спиной, потом встал у стены в нескольких футах справа от двери. Братья Санца потянулись за кинжалами, спрятанными под рубашками, а Галло одновременно загородил собой Клопа. Локк застыл посреди комнаты, сообразив, что его стилеты по-прежнему завернуты в камзол Фервайта.

— Почем нынче коврига хлеба на Плавучем рынке? — после минутного замешательства выкрикнул он.

— Ровно медяк, но хлеб сыроват, — последовал ответ.

У Локка слегка отлегло от сердца — так звучали условное приветствие и отзыв, установленные на этой неделе. Вдобавок если

бы капли люди собирались его схватить по какому-нибудь серьезному обвинению, они бы просто вломилась в комнату без всяких церемоний. Знаком велел друзьям сохранять спокойствие. Локк отодвинул засов и приоткрыл дверь.

На лестничной площадке, на высоте семидесяти футов над «Последней ошибкой», стояли четверо мужчин. Небо у них за спиной было цвета мутной воды в городских каналах, и на нем бледно мерцали последние утренние звезды. Пезвавшие гости имели наружность суровую и даже грозную; чуть напряженные, но непринужденные позы изобличали в них опытных бойцов. Кожаные куртки, кожаные нашивки, красные косынки под черными кожаными шапками — громилы из шайки Красноруких, к которой Барсави обращался всякий раз, когда требовалась грубая сила, причем срочно.

— Извиняй, братец. — Один из мужчин, явно главный здесь, положил руку на дверь. Хозяин желает видеть Локка Ламору прямо сейчас. Приказано никаких отговорок не принимать и доставить тебя любым способом, хоть силком.

Интерлюдия

ЖАН ТАННЕН

1

За год Локк подрос, но не так сильно, как ему хотелось бы. Хотя точный его возраст оставался неизвестным, было очевидно, что мальчонка мелковат для своих лет.

— Просто ты недоедал в раннем детстве, — сказал Цеппи. — Безусловно, за время твоего пребывания здесь дела заметно поправились, но я полагаю, ты всегда будешь, скажем так, довольно деликатного телосложения.

— Всегда?

— Не стоит расстраиваться, — усмехнулся Цеппи, сложив руки на своем объемистом животе. — Худой да малорослый всегда проскользнет там, где человек покрупнее застрянет.

Учеба продолжалась полным ходом — арифметика, история, землеописание, языки. Как только Локк и братья Санца овладели разговорным вадранским. Цеппи ввел уроки произношения. Несколько часов в неделю мальчишки проводили в обществе старого парусного мастера, который распекал своих учеников за «несуветное коверканье» северного языка, сшивая ярды парусиновых полотниц длинными страшными иглами. Они разговаривали на любые темы, приходящие на ум старику, и он придиричиво поправлял всякий неправильно произнесенный звук, будь то излишне мягкий согласный или чересчур долгий гласный. А поскольку за свои услуги вадранец брал вином, по ходу каждого урока он распялялся все больше и краснел лицом все сильнее.

Еще отец Цеппи устраивал различные испытания — иной раз довольно простые, но чаще весьма суровые. Он испытывал мальчиков постоянно, почти безжалостно, но после каждой проверки на ловкость, смелость и сообразительность поднимался с ними

в заброшенный висячий сад и обстоятельно растолковывал, какую цель он преследовал и чем для них полезен приобретенный опыт. Благодаря такой прямоте наставника жестокие учебные игры переносились легче, вдобавок трудности крепко сплотили Локка, Кало и Галдо против окружающего мира. Чем сильнее священник усложнял ребятам жизнь, тем дружнее они становились, тем слаженнее работали вместе, тем лучше понимали друг друга с полуслова.

С появлением Жана Таннена все переменялось.

Был месяц сарис семьдесят седьмого года Иноно, самый конец на редкость сухой и холодной осени. Бури и грозы, бушевавшие на Железном море, по воле ветров или богов обходили Каморр стороной, и вечера стояли на диво погожие. Локк сидел с отцом Цепши на ступенях, сплетая и расплетая пальцы, и с нетерпением ждал часа Лжесвета, когда вдруг заметил Воровского наставника, шагающего через площадь к храму Переландро.

Сейчас, по прошествии двух лет, Локк уже не испытывал былого трепета перед своим прежним хозяином, но костлявый старик по-прежнему оказывал на него странное магнетическое действие. Воровской наставник отвесил низкий поклон, разведя в стороны руки с растопыренными крючковатыми пальцами, и при виде Локка глаза его живо заблестели.

— Милый мой, несносный проказник, до чего же приятно видеть, что ты ведешь разумную и полезную жизнь в обители Переландро!

— Своими успехами Локк обязан прежде всего вашему воспитанию. По лицу священника расползлась улыбка. — Именно благодаря вам он растет человеком стойким и нравственным.

— Растет? — Воровской наставник прищурился, с притворным вниманием разглядывая мальчика. — Я бы не сказал, что он вырос хотя бы на дюйм. Впрочем, не важно. Я привел мальчишку, о котором мы с вами говорили. С Северной заставы. А ну-ка, выйди вперед, Жан. Прятаться за моей спиной — все равно что пытаться укрыться под медной монеткой.

Позади Воровского наставника и впрямь стоял мальчик. Когда он боязливо выступил из-за старика, Локк увидел парнишку одних лет с собой или чуть постарше, который во всех прочих отношениях являлся полной его противоположностью: толстый, румяный, с копной сальных черных волос и фигурой похожий на

извалянную в грязи грушу. Он испуганно таращил глаза, судорожно сжимая и разжимая пухлые кулаки.

— Так-так... — протянул отец Цеппи. — Видеть я его, конечно, не вижу, но, с другой стороны, добродетели, угодные сердцу Покровителя сырых и обездоленных, сокрыты от всякого человеческого взора. Совесть ли ты, сын мой? Искренен ли? Стоек ли душой, как все те, кого наш милостивый небесный владыка уже принял в свои объятия?

Священник, звеня цепями, похлопал Локка по спине. Локк же по-прежнему хранил молчание, пристально разглядывая новичка.

— Надеюсь — да, сударь, — пролетел Жан дрожащим голосом.

— А именно на надежде и зиждется вся наша жизнь, верно? — заметил Воровской наставник. — Ну что ж, дружок, теперь твой хозяин — добрый отец Цеппи. Вверяю тебя его попечению.

— Не моему, по попечению высшей силы, коей я служу, — поправил священник. — Ах да, пока вы не ушли... Я сегодня случайно нашел на ступенях вот этот кошелек. — Он помахал в сторону Воровского наставника туго набитым кожаным мешочком. — Не вы ли, часом, обронили?

— О да! Я! Я обронил, растяпа! — Воровской наставник выхватил кошелек из руки Цеппи и проворно сунул в карман своего погретого камзола. — Какая удача, что вы его нашли!

Он снова поклонился, а затем повернулся и зашагал прочь в направлении Сумеречного холма, монотонно насвистывая.

Цеппи встал, растер затекшие ноги и хлопнул в ладоши:

— Давайте покончим на сегодня с трудами праведными. Жан, это Локк Ламора, один из моих послушников. Будь добр, помоги ему отнести чашу в святилище. Только осторожнее — она тяжелая.

Мальчики, худой и толстый, потащили чашу вверх по ступеням, в сырое святилище. Безглазый Священник ошущью двинулся за ними следом, на ходу подбирая цепи и волоча за собой. Локк привел в действие скрытый в стене механизм, и двери храма медленно затворились. Цеппи уселся на пол посреди святилища и обратил взор на Жана:

— Приятный пожилой господин, препоручивший тебя моим заботам, сказал, что ты бегло говоришь, читаешь и пишешь на трех языках.

— Да, сударь, — подтвердил мальчик, с трепетом озираясь вокруг. — На теринском, вадранском и иссарском.

— Прекрасно. А арифметику знаешь? Счетное дело?

— Да.

— Замечательно. Поможешь мне подсчитать сегодняшнюю выручку. Но сначала подойди ближе и дай мне руку. Вот так. Посмотрим, Жан Таннен, есть ли у тебя способности, необходимые послушнику храма Переландро.

— Что... что я должен делать?

— Просто положи ладони на мою повязку... Нет, стой смиренно. Закрой глаза. Сосредоточься хорошенько. Пусть все твои добродетельные мысли всплывут из глубин ума...

2

— Он мне не нравится, — заявил Локк. — Совсем не нравится.

Они с Цеппи готовили завтрак утром следующего дня. Локк варил на медленном огне луковый суп из неровных бурых кубиков сухого говяжьего бульона, а Цеппи пытался взломать восковую закупорку в горшочке с медом. Пальцами и ногтями у него не получилось, и теперь он ковырял воск стилетом, тихо чертыхаясь.

— Совсем не нравится? — рассеянно переспросил Цеппи. — Что за глупости! Он ведь еще и дня здесь не пробыл.

— Он толстый. Слабодушный. Он не один из нас.

— Ну как же не один из нас? Мы показали Жану наш храм и подземное логово. Он дал мне клятву пезона. Завтра-послезавтра я отведу его к капе.

— Я не в смысле, что он не один из благородных Каналий, а в смысле — не один из нас. Он не вор. Он толстый, робкий...

— Купец. Он из купеческой семьи, да. Но теперь он вор.

— Так он же никогда не крал! Ни карманником не работал, ни заманухой! Он сказал, что провел на Сумеречном холме всего пару дней, прежде чем здесь оказался. Значит, он не один из нас.

— Локк, — священник отвлекся от возни с горшочком и строго взглянул на мальчика. — Жан Таннен — вор, потому что я следаю из него вора. Ты же помнишь, что я здесь воспитываю воров — воров особого рода. Не забыл, надеюсь?

— Но он...

— Жан гораздо образованнее любого из вас. Чисто и бегло пишет на трех языках. Разбирается в коммерции, счетоводстве, за-

конах денежного оборота и многих других вещах. Твой бывший хозяин сразу понял, что я за него ухвачусь.

— Он жирный.

— Я тоже — и что? А ты неказист с виду. У Кало с Галдо носы что стенобитный таран. Сабета вон запрыщавела. О чем, вообще, разговор?

— Он всю ночь не давал нам спать. Как начал рыдать с вечера, так до утра не затыкался.

— Простите меня, — раздался позади тихий голос; Локк и Цеппи повернулись (последний гораздо медленнее, чем первый). В дверях спального помещения стоял Жан Таннен, с опухшими от слез глазами. Я не хотел... просто не мог остановиться.

Ха! — Цеппи вновь принялся ковырять воск стилетом. — Похоже, мальчикам, живущим в стеклянных подземельях, не стоит громко обсуждать товарищей, находящихся в соседней комнате.

— Больше так не делай, Жан. — Локк спрыгнул с деревянной скамеечки, которую по-прежнему подставлял, чтобы свободно дотягиваться до алхимической плиты, подошел к одному из шкафчиков с пряностями и начал в нем рыться. — Лежи тихо и не мешай нам спать. Мы же с Кало и Галдо не реведем.

— Извините меня, — проговорил Жан таким голосом, словно вот-вот опять расплачется. — Извините, просто у меня мама... и папа... Я сирота.

— И что с того? — Локк достал с полки стеклянную бутылку с маринованным редисом, плотно закрытую каменной пробкой, как алхимическое зелье. — Я тоже сирота. Мы все здесь сироты. Хоть изревись весь — родичи твои не оживут.

Он повернулся и направился к плите, а потому не увидел, как Жан срывается с места и бросается за ним. Зато уже через пару мгновений почувствовал, как рука Жана обхватывает его шею сзади — рука, может, и мягкая, но чертовски тяжелая для десятилетнего мальчишки. От неожиданности Локк выронил бутылку, а Жан рывком поднял его, потряхнул в воздухе и с силой швырнул.

Ноги Локка оторвались от пола в тот самый миг, когда бутылка с редисом разбилась вдребезги. Секундой позже Локк треснулся затылком о стол ведьмина дерева и грохнулся на пол, больно ударившись костлявым задом.

— Заткнись! — Сейчас в Жане не осталось ничего от прежнего тихого и подавленного мальчишка: он яростно орал, весь красный

и в слезах. — Захлопни свою поганую пасть! Не смей говорить о моих родителях!

Локк оперся на руки и попытался встать, но кулак Жана полетел ему прямо в лицо и заслонил собой полмира. От удара Локк свалился на бок и свернулся кренделем. Когда к нему вернулось слабое подобие сознания, он обнимал ножку стола, а комната кружилась вокруг него в плавном менуэте.

— Врлгр... — пробулькал он, пуская кровавые пузыри.

— Ну ладно. Жан. — сказал отец Цеппи, оттаскивая взбешенного крепыша от Локка. — Думаю, ты вполне доходчиво все объяснил.

— Ох... больно... — промычал Локк.

— Так тебе и надо. — Цеппи отпустил Жана, который стоял со стиснутыми кулаками, сверкая глазами и дрожа всем телом. — Ты это заслужил.

— Э-э... что?..

Конечно, все мы здесь сироты. Мои родители умерли задолго до того, как ты вообще на свет появился. Твои умерли много лет назад. Но Жан потерял отца и мать всего пять дней назад.

— Ох... — простонал Локк, с трудом сядясь. — Я... я не знал.

— Ну что ж... — Священнику наконец удалось вскрыть горшок с медом: восковая закупорка с треском раскололась. — Когда не знаешь всего, что мог бы знать, имеет смысл заткнуть свое чертово брехало и держаться повежливее.

— Случился пожар... — Жан несколько раз глубоко вздохнул, по-прежнему неотрывно глядя на Локка. — Они сгорели. Вся лавка... дотла. Одни угольки остались. — Он повернулся и побрел обратно в спальню, опустив голову и вытирая глаза.

Цеппи встал спиной к Локку и принялся старательно перемешивать мед, растирая засахаренные комочки о стенки горшка.

Гулко хлопнула потайная дверь, ведущая из храма в подземелье, и через минуту в кухне появились Кало с Галдо — оба в белых послушнических балахонах, оба несли на голове по свежей ковриге хлеба.

— Вот и мы, — сообщил Кало.

— С хлебом, — добавил Галдо.

— Все и без тебя видят, дурень!

— От дурня слышу!

Тут братья наконец заметили Локка с разбитыми в кровь губами, который пытался подняться с пола, держась за край стола, и остановились как вкопанные.

— Мы что-то пропустили? — поинтересовался Галдо.

— Когда я вчера знакомил вас с Жаном, ребята. — вздохнул Цеппи, — я забыл сказать одну важную вещь. Ваш прежний хозяин с Сумеречного холма предупредил, что, вообще-то, Жан мальчик тихий и вежливый, да вот только чертовски вспыльчивый. — Покачав головой, священник подошел к Локку и помог встать на ноги. — Когда окончательно очухаешься, не забудь убрать с пола осколки и редис.

3

Вечером, пока собирали на стол, Локк и Жан держались на почтительном расстоянии друг от друга и не произносили ни слова. Кало и Галдо раздраженно переглядывались (примерно двести раз в минуту), но сами тоже не пытались разговаривать. Цеппи с видимым удовольствием следовал примеру своих угрюмых подопечных, и приготовления к ужину проходили почти в полном молчании.

Как только Локк и Жан уселись за стол, священник поставил перед ними по резному костяному ящичку около фута в длину и ширину, с откидной крышкой. Локк тотчас узнал вычислительные шкатулки — хитроумные веррарские устройства со сложным шестереночным механизмом, передвижными костяшками и деревянными поворотными ручками, позволявшие быстро выполнять различные математические действия. Полгода назад он обучился азам работы с вычислительными шкатулками, но с тех пор ни разу этими устройствами не пользовался.

— Локк и Жан, будьте так добры, — промолвил отец Цеппи. — У меня есть девятьсот девяносто пять каморрских солонгов, и я отплываю в Тал-Веррар. Мне бы очень хотелось по прибытии перевести деньги в солары, а в настоящее время стоимость одного солара составляет... э-э... четыре пятых от полной каморрской кроны. Сколько соларов будут должны мне менялы, прежде чем вычтут плату за свои услуги?

Жан незамедлительно откинул крышку своей шкатулки и начал деловито крутить деревянные ручки, шелкать костяшками и

передвигать туда-сюда тонкие деревянные рейки. Охваченный волнением, Локк тоже торопливо принялся за работу, но суетливые попытки угнаться за соперником успехом не увенчались: уже через полминуты Жан объявил:

— Тридцать один полный солар и примерно девять сотых. — От усердия высунув кончик языка, он вычислял еще несколько секунд. — Четыре серебряных волана и два медяка.

— Превосходно, — улыбнулся Цеппи. — Ты, Жан, сегодня заслужил ужин. А тебе, Локк, боюсь, не повезло. Но все равно спасибо за попытку. Можешь посидеть в своей спальне, пока мы ужинаем.

— Что-о? — Кровь прихлынула к щекам мальчика. — Но раньше было по-другому! Вы давали каждому отдельное задание! И вообще я уже сто лет не пользовался чертовой шкатулкой...

— В таком случае, может, еще одну задачу?

— Да!

— Хорошо. Жан, сделай милость, вычисли и ты ответ. Значит, так... По Железному морю идет джерештнийский галеон, капитан судна — человек весьма богобоязненный. Каждый час он приказывает матросу бросить в воду пресную лепешку как приношение Иону. Каждая лепешка весит четырнадцать унций. Следует заметить, наш капитан человек не только богобоязненный, а еще и на редкость педантичный. Лепешки хранятся в сундуках весом по четверти тоины каждый. Корабль находится в плавании ровно неделю. Сколько сундуков открыл капитан? И каков общий вес лепешек, принесенных в дар Повелителю Алчных вод?

Мальчики снова взялись за свои шкатулки, и снова Жан управился первым. Локк, с выступившими бисеринками пота на лбу, все еще лихорадочно возился со своим счетным устройством, когда Жан поднял глаза на священника и сказал:

— Он открыл только один сундук. И израсходовал сто сорок семь фунтов лепешек.

Отец Цеппи тихонько похлопал в ладоши:

— Молодец, Жан. Ты по-прежнему ужинаешь с нами. Ну а ты, Локк... Я тебя кликну, когда нужно будет убрать со стола и помыть посуду.

— Смешно, честное слово! — рассердился Локк. — Он лучше меня умеет обращаться с вычислительной шкатулкой. Вы нарочно подстроили, чтоб я проиграл!

— И верно — смешно. В последнее время ты совсем зазнался, дружок. Ты достиг трудного возраста, когда многие мальчики засовывают свой здравый смысл куда подальше на несколько лет. И наша Сабета тоже такое же проделала, черт возьми. Отчасти поэтому я и отправил ее гуда, где она сейчас находится. В любом случае, мне кажется, для человека, носящего на шее метку смерти, ты слишком уж задираешь нос.

Локк покраснел пуще прежнего. Жан украдкой бросил на него взгляд. Кало с Галдо, знавшие про акулий зуб, пристально изучали свои пустые тарелки.

— Жизнь полна трудностей, для решения которых требуются самые разные навыки. Ужели ты полагаешь, что всегда сможешь выбрать для себя лишь посильные задачи? Вот если мне понадобится для дела мальчик, изображающий ученика менялы, как потвоему, кому из вас двоих я поручу работу — тебе или Жану? Да тут и выбирать не приходится!

— Ну да... я думаю...

— Слишком много о себе ты думаешь. Ты высмеиваешь своего нового товарища из-за того, что его телосложение напоминает мою внушительную статью. — Цеппи похлопал себя по животу и усмехнулся без тени веселости. — А тебе не пришло в голову, что благодаря такой своей фигуре Жан для многих дел подходит гораздо лучше, чем ты? Он выглядит как сын купца, как упитанный аристократ, как полнотелый юный школяр. Его комплекция дает ему не меньше преимуществ, чем тебе — твоя.

— Э-э... пожалуй...

— А если тебе нужны еще какие-то доказательства, что в иных отношениях Жан намного превосходит тебя, я могу велеть ему еще разок задать тебе хорошую тренку.

Локк непроизвольно съежился и попытался раствориться в воздухе. Потерпев неудачу, он удрученно опустил голову.

— Ты меня извини, — подал голос Жан. — Надеюсь, тебе было не очень больно.

— Не стоит извинений, — промямлил Локк. — Мне и впрямь поделом досталось.

— Голодный желудок живо вразумляет неразумных, — ухмыльнулся Цеппи. — Жизненные трудности случайны и непредсказуемы, Локк. Никогда не знаешь заранее, какое именно твое качество или какое свойство твоего товарища поможет тебе пре-

одолеть ту или иную из них. К примеру, поднимите руки те, чья фамилия Санца.

Кало с Галдо подчинились, несколько нерешительно.

— Все, чья фамилия Санца, могут сегодня отужинать с нашим новым братом Жаном Танненом, — возгласил священник.

— Ой, мне нравятся такие примеры! — обрадовался Галдо.

— Всем, чья фамилия Ламора, тоже дозволяется поесть, — продолжал Цеппи, — но сначала они должны подать на стол все блюда и обслужить Жана Таннена.

Локк принялся снова взад-вперед, красный от смущения, но с облегченным сердцем. На ужин был жареный каплун, фаршированный чесноком и луком, с гарниром из винограда и нижира в горячем винном соусе. Отец Цеппи произнес все положенные молитвенные тосты, посвятив последний «Жану Таннену, который, потеряв одну семью, вскорости обрел другую».

При этих словах на глазах у Жана выступили слезы, и мальчик, повеселевший было при виде роскошных яств, снова поник духом. Заметив это, Кало и Галдо приняли меры к тому, чтобы поправить ему настроение.

— А ты здорово управляешься с вычислительной шкатулкой, — сказал Кало.

— У нас так быстро не получается, — подхватил Галдо.

— Хотя мы порядочно знаем арифметику!

— Во всяком случае, мы так считали до знакомства с тобой, — добавил Галдо.

— Да ничего особенного, — откликнулся Жан. — Я и быстрее могу. Просто мне... ну... — Он нерешительно взглянул на отца Цеппи, прежде чем продолжить. Мне нужны очки. Для чтения, для разной работы вблизи. Без них я плоховато вижу. Я бы и быстрее управился, если б в очках был. Но я свои... потерял. Один мальчик на Сумеречном холме...

— Будут тебе новые очки, — пообещал священник. — Завтра или послезавтра. Только на людях их не носи, это не вяжется с нашим нищенским обличем. Но здесь носи на здоровье.

— Значит, ты еще и ни черта не видел, когда меня победил? — удивился Локк.

— Видел, но плохо. Все такое... расплывчатое. Вот почему я так далеко назад откидывался.

— Математический монстр, — задумчиво проговорил отец Цеппи, — и лихой драчун. Сколь необычное сочетание дарований по-

слал нам Благодетель в лице юного господина Таннена! Ведь теперь он один из нас, Благородных Капалий, верно, Локк?

— Да, — ответил Локк. — Конечно.

4

Следующим вечером погода была все такая же ясная и сухая. Луны стояли высоко в черном небе, блистательные царицы ночи в окружении свиты из звезд. Жан Таннен сидел у парапета на крыше и читал, держа книгу в вытянутой руке, подальше от глаз. Две масляные лампы в стеклянных кожухах озаряли его теплым желтым светом.

Не помешаю? — спросил Локк.

Жан, вздрогнув, поднял взгляд:

— Боги! Да ты тише мыши!

— Не всегда. — Локк остановился в нескольких футах от крепьща. — Порой я бываю очень шумным... когда на меня дурь находит.

— Я... гм...

Можно присесть?

Жан кивнул. Локк плюхнулся рядом с ним и обхватил коленки руками.

— Извини меня, — сказал он. — Иногда я веду себя как последнее дерьмо.

И ты извини, что я тебя ударил. Я не хотел... просто теряю всякое соображение, когда злюсь.

— Ты правильно мне врезал. Я не знал про твоих родителей. Очень тебе сочувствую. Я... мне не следовало болтать лишнее. Сам я тоже... долго не мог привыкнуть.

С минуту мальчики молчали. Жан закрыл книгу и задумчиво смотрел в небо.

— А знаешь, может даже, я и не сирота вовсе, — нарушил молчание Локк. — То есть не совсем сирота.

— Как это?

— Ну... моя мама умерла. Я точно знаю, сам видел. А вот отец... он от нас ушел, когда я был совсем крохой. Я его вообще не помню... собственно, и не знал никогда.

— Сочувствую.

— Да, нам обоим можно посочувствовать, верно? Думаю, мой отец был моряком или кем-то вроде. Может, торговцем каким.

Мама ничего о нем не рассказывала. Не знаю... могу и ошибаться, конечно.

— А мой отец был хороший человек, — сказал Жан. — Он... они с мамой держали лавку на Северной заставе. Привозили в Каморр кожу, шелка, драгоценные камни. Плавали по всему Железному морю, иногда и сушией по торговым делам путешествовали. Я родителям помогал. Не товары перевозить, конечно, а записки вести, учет доходов и расходов. Еще я приглядывал за кошками, у нас их девять было. Мама... она все смеялась, мол, я у нее единственный не четвероногий ребенок. — Он шмыгнул носом и вытер глаза. — Кажется, я уже все слезы выплакал. И вообще не знаю, как быть и что делать. Родители учили меня честности. Говорили, что воровство противно человеческим законам и воле богов. А теперь выясняется, что у воров есть свой бог. И мне остается либо помирать с голоду на улице, либо благополучно жить здесь.

— Не такое уж это плохое дело, — сказал Локк. — Я вот, сколько себя помню, ничем другим и не занимался. Воровство вполне честное ремесло, если посмотреть на него так, как мы смотрим. И совсем, совсем не простое, уж поверь. — Локк вытащил из-за пазухи небольшой тряпичный мешочек. — На, держи.

— Что... что это?

— Ты же сказал, тебе нужны очки. — улыбнулся Локк. — В Виденце есть один полировщик линз, древний старикан, старше самих богов, наверное. Он не следит за прилавком, как надлежало бы, вот я и стащил для тебя несколько штук.

Жан открыл мешочек и обнаружил там три пары очков: две в круглой золотой оправе и одна в квадратной серебряной.

— О... спасибо, Локк. — Жан по очереди поднес все три пары очков к глазам и слегка нахмурился. — Я даже не знаю... гм... не хочу показаться неблагодарным, но ни одни из них мне не подходят. — Он указал на свои глаза и неуверенно улыбнулся. — Линзы надо подбирать по зрению, оно ведь у всех разное. Некоторые люди плохо видят вдаль, эти очки для них. А я, что называется, близкослепый... не дальнослепый.

— Ох, черт. — Локк поскреб затылок и смущенно ухмыльнулся. — Я же не ношу очки, вот и не знал. Ну я и болван!

— Вовсе нет. Оправы мне очень даже пригодятся, они часто ломаются. Я просто вставлю в них подходящие стекла, будут запасные очки. Еще раз спасибо.

Мальчики еще немного посидели в молчании, теперь дружелюбном. Жан прислонился спиной к парапету и закрыл глаза.

Локк пристально смотрел на луны, силясь разглядеть крохотные синие и зеленые пятнышки — леса богов, как говорил отец Цепни. Наконец Жап кашлянул.

— Значит, ты хорошо умеешь... воровать?

— Должен же я хоть что-то хорошо делать. А в драке и в математике я, похоже, не особо силен.

— А ты... Мне тут отец Цепни рассказал про один обряд, который совершают почитатели Великого Благодетеля... посмертное приношение, кажется. Ты про него знаешь?

— О, прекрасно знаю, клянусь всеми Тринадцатью, помереть мне на месте!

— Я хотел бы сделать это, для мамы с паной. Но я... никогда не крал. Ты не мог бы мне помочь?

— Научить тебя воровать, чтобы ты правильно совершил приношение?

— Да. — Жап вздохнул. — Полагаю, раз уж боги привели меня сюда, мне придется подчиниться здешним обычаям.

— А ты научишь меня пользоваться счетной шкатулкой, чтобы в следующий раз я не выглядел таким придурком?

— Почему бы нет?

— Значит, договорились! — Локк вскочил на ноги и широко раскинул руки. — Завтра Кало с Галдо могут плющить задницы на ступенях храма, а мы с тобой отправимся на дело.

— Звучит угрожающе.

— Для всех остальных — возможно. А для нас, Благородных Каналий, это просто работа.

— Для нас?

— Именно.

Глава 6

ОГРАНИЧЕНИЯ

1

Алое солнце уже показалось над темными зданиями Зольника. Когда Локк в сопровождении Красноруких зашагал по длинному деревянному мосту, ведущему к Плавучей Могиле. В лучах восходящего светила вся Дровяная Свалка окрасилась в кровавый багрянец, и когда Локк жмурился, в черноте перед глазами все равно плавали красные круги.

Локк изо всех сил старался сохранять ясность мыслей. Нервическое возбуждение в сочетании с усталостью всегда вызывало в нем странное ощущение невесомости — вот и сейчас ему казалось, будто он скользит в дюйме-другом над дощатым настилом, не дотягиваясь до него ногами. Часовые на берегу, часовые у дверей, часовые в переднем зале — в значительно большем количестве, чем прежде. Все они хранили угрюмое молчание, пока Краснорукие вели Локка глубже в недра плавучей крепости капы. Внутренние двери со сложным шестеренчатым замком оказались незапертыми.

Капа Барсави стоял посреди огромного приемного зала спиной к Локку, с опущенной головой и сцепленными сзади руками. Занавеси на высоких окнах с восточного борта галеона были раздвинуты, и красные пальцы света тянулись к Барсави, его сыновьям, большой деревянной бочке и накрытому темной тканью продолговатому предмету на похоронных носилках.

— Отец, — произнес Аньяис, — Ламора пришел.

Капа Барсави глухо рыкнул и повернулся. Несколько секунд он смотрел на Локка пустыми безжизненными глазами, потом махнул левой рукой:

— Оставьте нас. Сейчас же!

Аньянс и Пакеро, понурив головы, поспешно вышли вон. Краснорукие последовали за ними. Мгновением позже гулко грохнула дверь и залязгали механические засовы.

— Ваша честь, что происходит? — спросил Локк.

— Этот ублюдок... Этот ублюдок убил ее, Локк.

— Что?!

— Он убил Наску. Сегодня ночью. Мы обнаружили... тело... всего пару часов назад.

Локк с отвисшей челюстью уставился на капю, ошеломленный до потери соображения.

— Но... но она же находилась здесь, да? — наконец проговорил он.

— Нет. — Барсави судорожно сжимал и разжимал кулаки. — Она незаметно улизнула... или ее похитили. Во втором или третьем часу пополудни. Ее... вернули в половине пятого утра.

— Вернули? Кто?

— Иди сюда. Смотри.

Венкарло Барсави откинул покрывало на носилках. Там лежала Наска — с восковым лицом, сомкнутыми веками, мокрыми волосами. На шее слева темнели два синевато-багровых синяка. Чувствуя жгучую резь в глазах, Локк до боли закусил палец.

— Смотри, что сотворил этот ублюдок, — прошептал Барсави. — Она была живой памятью о своей матери. Моя единственная дочь. Лучше бы мне умереть, чем видеть такое. — По щекам старика потекли слезы. — Наску... уже вымыли...

Вымыли? Что вы имеете в виду?

— Ее вернули в этом. — Капа указал рукой на бочку, стоявшую в нескольких футах от носилок.

— В бочке?!

— Загляни внутрь.

Локк отодвинул крышку и тотчас отшатнулся, ибо в ноздри ударила тошнотворная вонь.

Бочка была наполнена мочой. Лошадиной мочой, темной и мутной.

Локк резко отвернулся и обеими руками зажал рот, подавляя рвотные позывы.

— Не просто убили, а утопили. — сдавленно проговорил Барсави. — Утопили в лошадиной ссаке.

Локк хрипло застонал, борясь со слезами:

— Не могу поверить... просто в голове не укладывается. За чем, черт подери? Какой смысл?..

Он снова подошел к носилкам и внимательно разглядел шею Наски. Багровые кровоподтеки при ближайшем рассмотрении оказались опухолями, и спереди от каждой виднелись три глубокие прямые царапины. Локк живо вспомнил жгучую боль от соколиных когтей, проткнувших кожу. Пораненная птицей рука по-прежнему горела.

— Ваша честь, — медленно произнес он, — хотя Наску вернули в бочке, я уверен, что умерла она не от утопления в ней.

— Как тебя понимать?

— Видите эти вздутости и царапины с ними рядом? — Локк импровизировал, стараясь говорить ровным голосом и сохранять безучастное выражение лица. Какая ложь прозвучит достаточно правдоподобно? — Однажды я уже видел такие — несколько лет назад, в Талишеме. На теле человека, убитого скорпионьим соколом. Вам доводилось слышать о таких птицах?

— Да, — кивнул Капа. — Чудовищный гибрид, измышленный картенскими чародеями. Так следы у нее на шее... оставлены этой тварью? Ты уверен?

— Наску ужалил скорпионий сокол, — твердо сказал Локк. — Рядом с отечными ранками видны царапины от когтей. Она умерла почти мгновенно.

— Значит, он просто... замариновал ее потом, — прошептал Барсави. — Чтобы усугубить оскорбление. Чтобы еще глубже ранить меня.

— Мне очень жаль, — сказал Локк. — Я понимаю... это слабое утешение.

— Если ты прав, значит смерть была быстрой. — Барсави провел рукой по влажным волосам Наски и снова накрыл ее голову покрывалом. — И мне остается благодарить богов хотя бы за такую милость, дарованную моей бедной дочери. Но серый мерзавец на быструю смерть может не рассчитывать, когда я доберусь до него. Клянусь всем святым.

— Но зачем, зачем он ее убил? — В совершенном смятении Локк обеими руками взъерошил волосы. — Это же не имеет никакого смысла! Почему Наску, почему сейчас?

— Вот пусть он сам тебе и объяснит.

— Что? Я вас не понимаю...

Капа достал из внутреннего кармана камзола сложенный лист пергамента и протянул Локку.

«Барсави! — гласила записка, написанная ровным, четким почерком. — Мы приносим извинения за вынужденные меры, нами

принятые, но мы пошли на такой шаг, дабы ты яснее осознал наше могущество, а следовательно, необходимость сотрудничества с нами. Мы настоятельно желаем встретиться с тобой для прямого взаимоуважительного разговора, чтобы раз и навсегда решить вопрос о разделе власти в Каморре. Мы будем ждать тебя в Гулкой Норе в одиннадцатом часу вечера, в Герцогов день, через три ночи от нынешней. Мы будем одни и без оружия, однако ты, со своей стороны, можешь привести с собой столько советчиков, сколько пожелаешь, и вооружить оных, как сочтешь нужным. Мы со всей прямотой обсудим положение дел и, возможно, с милостивой помощью богов, избавим тебя от дальнейшей необходимости терять верных слуг или кровных чад».

— Просто невероятно! — выдохнул Локк. — Встретиться для прямого взаимоуважительного разговора — после такого!

— Он явно не каморрец, — сказал Барсави. — За годы, здесь прожитые, я сам стал настоящим каморрцем. По духу я больше каморрец, чем многие уроженцы нашего города. Но этот человек? — Старик яростно потряс головой. — Он не понимает, сколь чудовищное злодеяние совершил, чтобы привлечь мое внимание, и сколь жестокое оскорбление я нанесу своим сыновьям, если вступлю в переговоры с ним. Он только зря потратил время на письмо. И это царственное «мы»! Какая театральность!

— Ваша честь... а что, если он все прекрасно понимает?

Крайне маловероятно, Локк. — Капа невесело усмехнулся. — Иначе он не сотворил бы такого.

— Но если предположить, что на самом деле он собирается устроить засаду в Гулкой Норе? И предлагает встретиться единственно, чтобы выманить вас из Плавучей Могилы в место, где намерен расправиться с вами?

— Опять твоя рассудительная осторожность. — Барсави скривил рот в подобии улыбки. — Такая мысль приходила мне в голову, Локк. Но если он хочет меня устранить, почему не напал врасплох еще два месяца назад — прежде чем начал убивать моих гаррист? Нет, похоже, он действительно полагает, что если достаточно запугает меня, я соглашусь на любые условия. Конечно же я пойду в Гулкую Нору. Наша с ним встреча обязательно состоится. Что же до моих советчиков — я возьму с собой сыновей, сестер Беранджа и сотню своих самых опытных и свирепых солдат. А также тебя и твоего друга Жана.

Сердце у Локка отчаянно забилося, как птица в западне. Он с трудом подавил желание закричать.

— Да-да, — сказал он. — Разумеется! Мы с Жаном выполним любой ваш приказ. Я очень благодарен вам за предоставленную возможность.

— Хорошо. Потому что вести переговоры мы будем арбалетными стрелами, ножами и кулаками. Если этот серый кусок дерьма воображает, что может диктовать мне условия над телом моей единственной дочери, то он глубоко заблуждается!

Локк стиснул зубы. «Уж поверь, я сумею выманить капю из его сырой крепости», — прозвучали у него в голове слова Серого короля.

— Прощу прощения, капа Барсави, — снова заговорил он, — но принимаете ли вы в расчет... гм... слухи про Серого короля? Будто он убивает одним прикосновением, умеет проходить сквозь стены, неуязвим для клинков и стрел...

— Пьяные застольные рассказы. Он делает ровно то, что делал я, когда устанавливал свою власть в городе. Надежно прячется и правильно выбирает жертв. — Старик тяжело вздохнул. — Надо признать, у него хорошо получается — не хуже, чем у меня в свое время. Но он не призрак.

— Есть и другая вероятность. — Локк нервно облизал губы. (Сколько из сказанного здесь дойдет до Серого короля? Узнал же он каким-то образом все секреты Благородных Каналий. Ладно, черт с ним.) — Что, если в деле замешан вольнонаемный маг?

— Который помогает Серому королю?

— Да.

— Серый король возмущает спокойствие в моем городе уже не первый месяц, Локк. Да, это многое объяснило бы, но цена... Даже я не смог бы платить картенскому магу столько времени.

— Картенские маги не просто создали скорпионных соколов, — сказал Локк. — Насколько мне известно, только они одни и держат этих тварей. Разве возьмется обычный... сокольник обучать птицу, способную убить его одним случайным уколом жала? — «Ври убедительно, — подумал Локк. — Ври очень, очень убедительно». — И Серому королю не было нужды пользоваться услугами картенского мага все это время. Может, маг только что прибыл в город. Может, его наняли всего на несколько ближайших дней, когда Серый король собирается перейти к решающим действиям, в чем бы они ни заключались. А слухи о сверхъестественных способностях Серого короля он и сам мог распустить заранее... чтобы подготовить почву.

— Фантастическое предположение. — промолвил Капа, — хотя оно многое объяснило бы.

— Оно объяснило бы, почему Серый король готов встретиться с вами один и без оружия. Под защитой вольнонаемного мага негодяю нечего опасаться.

— В таком случае мое решение остается прежним. — Барсави обхватил левый кулак правой ладонью. — Если один маг сумеет одолеть сотню человек — включая нас с тобой, моих сыновей, сестер Беранджа и твоего друга Жана с его смертоносными ножами, — значит Серый король подготовился к схватке лучше, чем я. Но я лично так не думаю.

— Но вы все-таки не сбрасывайте со счетов такую вероятность, хорошо? — настойчиво попросил Локк.

Хорошо. — Барсави положил руку Локку на плечо. — Ты прости меня, мой мальчик, что не уберег Наску.

— Вам не за что просить прощения, ваша честь. — «Если Капа меняет тему, — подумал Локк, — значит тема закрыта». — Вы ни в чем не виноваты.

— Это моя война. Серому королю нужен я.

— Вы оказали мне великую честь, Капа Барсави. — Локк снова облизал губы, внезапно пересохшие. — Я буду счастлив помочь вам убить гнусного скота.

— И у нас все получится. В Герцогов день, в девятом часу вечера, мы начнем собираться. Аньяис зайдет в «Последнюю ошибку» за тобой и Танненом.

— А братья Санца? Они ловко управляют с ножами.

— И с картами, я слышал. Я ничего против них не имею, Локк, но они скоморохи. Шуты гороховые. А я беру с собой серьезных людей на серьезное дело.

— Воля ваша, Капа.

— А теперь... — Старик достал из кармана шелковый носовой платок и медленно промокнул им лоб и щеки. — Оставь меня одного, пожалуйста. Приходи завтра вечером, в качестве священника. Я созову и всех остальных священников, служащих Великому Благодетелю. Мы... проводим ее в последний путь со всеми ритуальными почестями.

Локк невольно почувствовал себя польщенным. Капа всегда знал, что все подопечные отца Цеппи — посвященные служители Великого благодетеля, а сам Локк — полноправный священник, но еще ни разу не обращался к нему с просьбой исполнить священнические обязанности.

— Конечно, — тихо сказал Локк.

Затем он удалился, оставив капю стоять в кроваво-красных лучах раннего солнца. Оставив скорбящего старика одного в самом сердце плавучей крепости, наедине с бездыханным телом дочери.

2

— Господа! — Шумно отдуваясь, Локк закрыл за собой дверь комнаты на седьмом этаже Расколотой башни. — На этой неделе видимость нашего проживания здесь мы создали, теперь возвращаемся в храм и остаемся там вплоть до особого распоряжения.

Жан сидел в кресле с потрепанным томиком коришнейских баллад в руках; оба его ножа лежали у него на коленях. Клоп по-сапывал на спальнях нарах, в одной из немыслимых поз, от которых миглом начинает ломить кости у всех, кроме самых юных и глупых. Братья Санца сидели у дальней стены, вяло перекидываясь в карты. При появлении Локка они одновременно повернули к нему головы.

— Мы избавились от одного затруднения, но тотчас возникло другое, — сообщил Локк. — Из огня да в полымя, одним словом.

— И какие же новости? — поинтересовался Жан.

— Самые ужасные. — Локк бессильно рухнул в кресло, откинул назад голову и закрыл глаза. — Наска мертва.

— Как?! — Кало вскочил на ноги, Галдо тоже. — Что случилось?

— Серый король случился. Должно быть, это и были «другие дела, не терпящие отлагательств», о которых он упомянул, прощаясь со мной. Он вернул тело Наски в бочке лошадиной мочи.

О боги... — выдохнул Жан. — Очень тебе сочувствую, Локк.

— И теперь, — продолжал Локк, — нам с тобой предстоит сопровождать одержимого жаждой мести капю, когда он отправится на «тайную встречу». Которая, кстати, состоится через три дня в Гулкой Норе. Под словом «тайная» Барсави понимает сотню головорезов, врывающихся в помещение, чтобы покромсать Серого короля на мелкие кусочки.

— Ты имеешь в виду — покромсать *тебя* на мелкие кусочки, — уточнил Галдо.

— Спасибо, конечно, но я и без тебя прекрасно помню, кто должен расхаживать перед капю в сером наряде. Я просто размышляю, не стоит ли мне повесить на грудь мишень для пущего удоб-

ства арбалетчиков. Ах да! И еще гадаю, успею ли я к Герцоговому дню научиться раздвигаться.

— С ума сойти! — Жан в сердцах захлопнул книгу.

— Это раньше было «с ума сойти», а сейчас «хоть в петлю лезь».

— Но зачем Серому королю понадобилось убивать Наску?

— Чтобы привлечь внимание капы, — вздохнул Локк. — Либо напугать на него страху — что не получилось, — либо привести в лютое бешенство — что получилось.

— Все, теперь о мире можно забыть. — Кало в волнении мерил шагами комнату. — Капа или убьет Серого короля, или погибнет сам. Разумеется. Серый король это понимает! Он хотел не ускорить переговоры, а исключить самую их возможность. Навсегда.

— Сдается мне, Серый король далеко не все рассказал нам об этом своем плане, — мрачно проговорил Локк.

— В таком случае — вперед, к Виконтовым воротам! — воскликнул Галдо. — До вечера раздобудем повозку и все необходимое в дорогу, сложим деньги в мешки — и поминай как звали. Черт, да если мы, имея на руках сорок с лишним тысяч полных крон, не найдем, где начать новую жизнь, значит мы вообще недостойны жить. Можно купить аристократические титулы в Лашене. Сделаем Клопа графом, а сами представимся его слугами.

— Или сами станем графами, а Клопа сделаем нашим слугой, — подхватил Кало. — Будем гонять малого в хвост и в гриву. Это чрезвычайно полезно для его нравственного воспитания.

— Ничего не выйдет, — осадил товарищей Локк. — Надо исходить из предположения, что от Серого короля нам не скрыться. От картенского мага, если точнее. Покуда Сокольник состоит у него на службе, бежать не имеет смысла. Во всяком случае, пока остается хоть какой-то выбор.

— А когда выбора не останется?

— Ну... тогда почему бы и не попытаться, терять-то нам уже будет нечего. Нужно все подготовить к бегству, и, если возникнет крайняя необходимость дать деру, мы сами впряжемся в повозку вместе с лошадьми, коли понадобится, и помчимся со всех ног.

— Теперь нужно лишь решить, от какого из двух обязательств тебе отвертеться в вечер встречи в Гулкой Норе, — сказал Жан.

— Тут и решать нечего. Серого короля не проведешь при всем старании, а одурачить Барсави мы в силах. Поэтому я выступлю в роли Серого короля и придумаю, как бы освободиться от обязательств перед капой, не лишившись при этом жизни.

- Это будет ой как непросто, — заметил Жан.
- А может, и не надо ничего придумывать? — Кало указал на брата. — Серого короля изобразит один из нас, а вы с Жаном будете сопровождать капу, как приказано.
- Да! — поддержал брата Галдо. — Великолепная мысль!
- Нет! — отрезал Локк. — Во-первых, я меняю обличье гораздо лучше, чем любой из вас, и вы сами это знаете. Вы оба парни слишком видные — вдруг вас кто признает? Во-вторых, пока я буду играть роль Серого короля, про вас двоих никто и не вспомнит и вы сможете спокойно заниматься другими важными делами. Я бы предпочел, чтобы вы ждали нас в условленном месте с повозкой и всем прочим — на случай, если события примут дурной оборот и нам придется спешно бежать из города.
- А Клоп?
- А Клоп уже давно храпит притворно, — подал голос мальчишка. — И я хорошо знаю Гулкую Нору — не раз прятался там, когда еще состоял в шайке Сумеречного холма. Я буду сидеть под полом, около водопада, и держать ухо востро.
- Клоп, ты не... — начал Локк.
- Если ты против, — перебил Клоп, — тебе придется запереть меня в сундуке, чтобы удержать дома. Вам с Жаном нужен сторонний наблюдатель, и Серый король не говорил, что никакие твои друзья не должны прятаться поблизости. А прячусь я лучше любого из вас, потому что вы все слишком большие, неповоротливые, неуклюжие и...
- О боги! — воскликнул Локк. — Недолго мне осталось ходить в гарристах! Герцог Клоп ставит мне условия, на которых, так уж и быть, согласен служить. Хорошо, ваша милость, вы получите роль, которая позволит вам находиться рядом с местом действия. Но только спрячетесь там, где я скажу, ясно?
- Яснее не бывает!
- Значит, договорились. А теперь, если никому больше не требуется, чтобы я тут изображал великого и ужасного повелителя или нашего друга, которого всем хочется прикончить, я бы немного соснул, с вашего позволения.
- До чего Наску жаль, слов нет, — сказал Галдо. — Вот же сукин сын!
- Да уж, — вздохнул Локк. — Кстати, я собираюсь сегодня же вечером поговорить с ним об этом. С ним или его ручным колдуном — смотря кто из них изволит явиться.
- Свеча, — понимающе кивнул Жан.

— Ага. Когда мы управимся со всеми делами, в час Лжесвета. Вы подождете меня в «Последней ошибке», а я сяду здесь, зажгу свечу и подожду гостей. — Локк ухмыльнулся. — Пусть эти гады прогуляются вверх-вниз по нашей лестнице.

3

День выдался ясным и теплым, а вечер — на редкость прохладным для Каморра. Локк сидел в комнате на седьмом этаже, и прозрачные щупальца Лжесвета уже тянулись к пурпурному небу за запахнутыми окнами с опущенными сетками.

Свеча Сокольника теплилась на столе рядом с остатками скромного ужина и наполовину пустой бутылки вина. Другая половина бутылки согревала желудок Локка, сидевшего в кресле лицом к двери, и осторожно потиравшего руку в свежей повязке, которую Жан наложил перед тем, как спуститься в таверну.

— О Многохитрый Страж, — проговорил Локк, обращаясь в пустоту, — если я тебя чем-то прогневал, право слово, не стоит прибегать к таким ухищрениям, чтобы наказать меня. А если я тебя ничем не прогневал, мне остается лишь уповать, что ты находишь мои злосчастия забавными.

Морщась от боли, он несколько раз согнул и разогнул пальцы раненой руки, потом взял со стола бутылку и бокал.

— Этот бокал наполнен для нашего отсутствующего друга, — произнес Локк, наливая в бокал темно-красного вина — превосходной рецины сорта накоцца из виноградников дона Сальвары, расположенных выше по реке.

Бутылка была преподнесена в подарок Лукасу Фервайту, когда он покидал прогулочную барку дона много-много дней назад... или не так уж и много? Казалось, с тех пор прошла целая жизнь.

— Мы уже тоскуем по Наске Барсави и желаем ей покоя в мире ином, — продолжал Локк. — Она была хорошей гарристой и старалась помочь своему пезону в обстоятельствах, неприятных для них обоих. Она заслуживала лучшей участи. Наказывай меня сколь угодно сурово, о Многохитрый Страж, но для нее сделай все, что в твоих силах. Об этом молит тебя твой верный слуга.

— Хочешь узнать истинную меру набожности человека, — сказал Сокольник, — понаблюдай за ним во время его одинокой трапезы.

Дверь за картенским магом затворилась, но как она открывалась, Локк не видел и не слышал. Да и вообще он заложил на ней засов, прежде чем сесть за ужины. Сокольник явился без птицы, в уже знакомом Локку сером камзоле с расходящимися полами и алыми обшлагами, украшенными серебряными пуговицами. На голове у него был серый бархатный берет с приколотым серебряной булавкой пером, явно принадлежащим Вестрисе.

— Сам я никогда особой пажобностью не отличался. — продолжал маг. — Как и особой любовью к лестницам.

— Мое сердце исполнено сострадания к тяготам, выпавшим на твою долю. — сухо ответил Локк. — Где твой сокол?

— Летает поблизости.

Локк с тревогой подумал об открытых окнах, всего минуту назад казавшихся неприступными. Если вдруг Вестриса решит ворваться в комнату, сетка не остановит сокола.

— Я надеялся, твой хозяин придет с тобой.

— Мой клиент занят другими делами. Я говорю от его имени и передам ему все твои слова. Если ты сообщишь что-нибудь, достойное внимания, разумеется.

— Слова для него у меня всегда найдутся. Например, «кровавый безумец» или «тупой выродец». Тебе или твоему клиенту вообще приходило в голову, что единственный верный способ превратить каморра в закланого врага, который никогда не пойдет ни на какие переговоры с вами, — это убить его кровного родственника?

— О боги! — воскликнул Сокольник. — Вот беда-то! А ведь Серый король искренне полагал, что Барсави воспримет убийство своей дочери как дружественный жест. — Он вопросительно поднял брови. — Так ты хочешь самолично доложить об этом моему клиенту — или мне прямо сейчас бежать к нему с твоим поразительным откровением?

— Очень смешно, гнусный ты червь! Я же согласился парядиться твоим хозяином — но вы с ним, мать вашу, здорово осложнили мне дело, прислав капе тело его единственной дочери в бочке лошадиной мочи!

— Сожалею, — пожал плечами вольнонаемный маг. — Но договоренность остается в силе, как и угрозы, заставившие тебя пойти на нее.

— Барсави хочет, чтобы я отправился с ним на встречу. О чем и сообщил мне сегодня утром. В других обстоятельствах я бы

сумел отвертеться — но теперь? Убийство Наски поставило меня в безвыходное положение.

— Ты у нас все-таки Каморрский Шип. Я лично буду очень разочарован, если ты не изыщешь способа преодолеть это затруднение. В случае с Барсави речь идет о просьбе, а в случае с моим клиентом — о безоговорочном требовании.

— Твой чертов клиент не все мне рассказывает.

— Можно с уверенностью предположить, что он лучше тебя знает, как ему поступать. — Сокольник лениво перебирал пальцами правой руки тонкую нить со странным серебряным отливом.

— Черт подери! — прошипел Локк. — Возможно, мне плевать на капю, но Наска была моим другом. Принуждение угрозами я могу понять, но бессмысленное злодейство — нет. Вам, сволочи, не было решительно никакой необходимости убивать девушку!

Сокольник растопырил пальцы, и натянутая между ними крестнакрест нить заблестела. Он медленно зашевелил пальцами, сплетая из нее узор за узором с такой же ловкостью, с какой братья Санца гоняли монетку по костяшкам.

— Не выразить словами, сколь тяжело мне сознавать, что мы можем лишиться твоего милостивого расположения, — сказал колдун.

Затем он коротко прошипел какое-то слово, единственный слог на незнакомом Локку наречии. Неприятный резкий звук отдался в комнате слабым, словно прилетевшим издалека эхом.

Деревянные ставни позади Локка с грохотом закрылись, и он испуганно вскочил с кресла.

Одно за другим захлопнулись все остальные окна, и незримая рука с лязгом задвинула защелки на них. Сокольник снова пошевелил пальцами, блеснул сплетенный между ними паутинный узор, и Локк сдавленно охнул: колени его внезапно обожгла боль, как от сокрушительного пинка.

— Ты опять держишься со мной непочтительно, — холодно произнес вольнонаемный маг. — Меня это несколько не забавляет. Посему я выполняю распоряжения своего клиента с сугубым усердием, с толком и расстановкой.

Локк заскрипел зубами, и на глазах выступили слезы, когда боль начала усиливаться, остро пульсировать, растекаться по ногам. Теперь у него было ощущение, будто в коленных чашечках пылает холодный огонь. Он бессильно пошатнулся вперед, одной рукой схватился за колено, другой вцепился в край стола и устре-

мил на мага яростный взгляд. Попытался заговорить, но горло сдавило судорогой.

— Ты собственность, Ламора. Ты принадлежишь Серому королю. Ему нет ни малейшего дела до твоей дружбы с Наской Барсави. Девушке просто не повезло с отцом, которого ей дали боги.

Судорога поползла вниз по спине, по рукам и по ногам, где соединилась в чудовищном сплаве с ледяной болью, грызущей колени. Задыхаясь, Локк рухнул навзничь, с застывшим в гримасе ужаса лицом и вскинутыми руками со скрюченными, как когти, пальцами.

— Сейчас ты похож на брошенную в огонь букашку. А ведь я показал тебе лишь малую долю своих способностей. Ты даже не представляешь, что я могу сотворить с тобой, вышив твоё имя на ткани или написав на пергаменте. Фамилию Ламора ты явно получил не при рождении — на старотеринском «ламора» означает «тьма». Но для того чтобы полностью подчинить тебя своей власти, мне хватит и одного имени.

Пальцы Сокольника засновали, замелькали, расплываясь в нечеткое пятно; серебряные нити засверкали, растягиваясь и сплетаясь все в новые и новые фигуры — и чем быстрее чередовались сияющие узоры, тем страшнее становились мучения Локка. Пятки его бешено колотили по полу, зубы дробно лязгали. Казалось, будто кто-то вспарывает его бедра ледяными кинжалами, пытается вытащить кости. Раз за разом он силился набрать в грудь воздуха, чтобы завопить, но легкие не слушались. В горле стоял тугой колючий ком, и по краям зрения сгущалась кроваво-черная пелена...

Само избавление от дикой боли несказанно ошеломило Локка. Он вдруг разом обмяк и теперь валялся на полу, как старая тряпичная кукла, чувствуя затухающие болевые волны во всем теле. По щекам катились горячие слезы.

— Ты не особенно умен, Ламора. Умный человек не стал бы попусту тратить мое время. Умный человек сразу понял бы все тонкости своего положения, не выпуждая меня... объяснять еще раз.

На самом краю зрения Локка снова забегали расплывчатые серебряные блики, и новая вспышка боли полыхнула в груди, распускаясь огненным цветком вокруг сердца. Он явственно ощущал, как яростное пламя пожирает легкие, и казалось даже, слышал запах горелой плоти. Воздух в горле раскалился, точно в хлебной печи. Локк застонал, корчась в невыносимых муках, запрокинул голову и наконец испустил душераздирающий вопль.

— Ты мне еще нужен, — сказал Сокольник. — Но я требую от тебя покорности, кротости и благодарности за мое терпение. Другое дело — твои друзья. Следует ли мне проделать то же самое с Клопом, на твоих глазах? Или с братьями Санца?

Нет... умоляю, не надо! — выкрикнул Локк, скрючившись пополам и схватившись обеими руками за грудь. Хрипло рыча, словно обезумевшее от боли животное, он принялся рвать на себе рубашку. — Только не они!

— Почему же? Для моего клиента они никакой ценности не представляют. От них вполне можно избавиться.

Жгучая боль отступила, опять с поразительной быстротой. Локк лежал на полу, сжавшись в комок, и тяжело, прерывисто дышал, не в силах поверить, что столь лютой жар мог исчезнуть в мгновение ока.

Еще одна грубость, еще одна дерзость, еще одно требование, еще хоть что-нибудь, кроме рабской покорности. — и твои друзья дорого заплатят за твою гордыню. — Вольнонаемный маг взял со стола бокал рецины и отпил глоток. Потом щелкнул пальцами, и вино в бокале бурно вскипело и бесследно пропало, испарившись за долю секунды без всякого огня. Ну что, мы достигли взаимопонимания?

Да... полного... — прохрипел Локк. — Да! Прошу вас, не трогайте их. Я сделаю все, что скажете.

— Конечно сделаешь — куда ты денешься? Теперь так: я принес тебе костюм для встречи в Гулкой Норе. Найдешь за дверью. Он в должной мере театрален. Объяснять тебе про грим и прочие маскарадные ухищрения я не стану — без меня все знаешь. В назначенный день приходи к Гулкой Норе в половине одиннадцатого вечера. А дальше я буду подсказывать тебе, что делать и говорить.

— Барсави... — с трудом выдавил Локк. — Барсави меня убьет.

— Разве ты сомневаешься в том, что я могу мучить тебя здесь, сколько моей душе угодно, пока ты не сойдешь с ума от боли?

— Нет... нет!

— Так не сомневайся и в том, что я в силах защитить тебя от любых глупых выходов, которые взбредут тебе в голову.

— Но как... как вы собираетесь мне подсказывать?

«Чтобы быть услышанным, мне не обязательно волновать воздух звуками, — раздался в голове Локка голос мага, до жути громкий и ясный. — Когда во время разговора с Барсави тебе понадобится подсказка, ты ее получишь. Когда тебе нужно будет выдви-

нуть требование или согласиться с требованием, я дам знать, как это сделать. Все понятно?»

— Да... и-понятно... с-спасибо.

— Ты должен быть благодарен мне и моему клиенту за оказанную тебе услугу. Многие годами ждут случая спискать доверие капы. А тебе такая возможность была поднесена на золотом блюде. Ну разве не щедро с нашей стороны?»

— Да... конечно.

— Вот именно. Советую сейчас же придумать, как уклониться от обязательства перед Барсави. Тогда ты сможешь всецело сосредоточиться на своем обязательстве перед нами. Нам совсем ни к чему, чтобы в решающую минуту твое внимание раздваивалось.

4

Народу в «Последней ошибке» было на удивление мало — такого Локк еще ни разу не видел. Разговоры велись приглушенными голосами; глаза смотрели холодно и настороженно; целые шайки блистали своим отсутствием. Все посетители, и мужчины и женщины, были одеты не по погоде тепло: полуплащи, толстые куртки, стеганые камзолы. Под такой одеждой легче прятать оружие.

— Что с тобой стряслось, черт возьми?

Жан помог Локку гесть. Он выбрал для них маленький стол в боковой нише, откуда была хорошо видна входная дверь. Локк осторожно поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее: мышцы шеи и суставы все еще ныли от остаточной боли.

— Сокольник сообщил мне свое мнение по ряду вопросов, — сообщил он приглушенным голосом. — И похоже, я не такой обаятельный малый, как воображал. — Он непроизвольно потрогал разорванный ворот рубашки и вздохнул. — Сначала пиво. Нытье потом.

Жан пододвинул к нему глиняную кружку с тепловатым каморрским пивом, и Локк в два глотка выпил половину.

— Ну ладно, — выдохнул он, утерев рот. — Зато я высказал все, что о нем думаю. Вряд ли картенские маги часто слышат оскорбления в свой адрес.

— Ты чего-нибудь выяснил?

— Нет. — Локк залпом допил пиво и поставил кружку на стол вверх дном. — Ни черта. Правда, подвергся зверским истязаниям, что тоже в известном смысле познавательно.

— Вот скотина! — Жан сжал кулаки. — Руки чешутся избить мерзавца если не до смерти, так хотя бы до полусмерти. Очень надеюсь, что такая возможность мне представится.

— Прибереги это для Серого короля, — тихо проговорил Локк. — Думается мне, если намеченная встреча пройдет гладко, он не станет долго держать Сокольника на службе, слишком уж это затратно. А когда маг покинет город...

Мы еще раз побеседуем с Серым королем. На языке ножей.

— Золотые твои слова. Последуем за ним хоть на край света, коли понадобится. Мы не знали, на что потратить наши деньги. Теперь знаем. Как только этот ублюдок поиздержится и не сможет больше платить вольнонаемному магу, мы ему покажем, нравится ли нам, когда нас подбирают под коготь. Даже если придется гнаться за ним через все Железное море, за мыс Нессек и до самого Батинеля на другом краю Медного моря.

— Отличный план. А сегодня ты что собираешься делать?

— Сегодня? — хмыкнул Локк. — А пожалуй что последую совету Кало. Прогуляюсь до Гильдейских лилий и накувыркаюсь там в постели до потери мозгов. А поутру пускай милые девицы поставят мне мозги на место. За это придется приплатить, конечно, но на такое дело денег не жалко.

— Не иначе, я умом тронулся. — изумился Жан. — Уже четыре года прошло, а ты еще ни разу...

— Я расстроен, подавлен, и мне нужно отвлекаться. А она за тысячу миль отсюда. В конце концов, я человек, черт побери, и ничто человеческое мне не чуждо. В общем, не ждите меня сегодня.

— Тогда я с тобой, — сказал Жан. — Нынче ночью опасно одному разгуливать по улицам. Слухи о Наске разнеслись по всему городу, и народ на взводе.

Опасно? Уж кому-кому, а мне никакая опасность не грозит, старина. Я единственный во всем Каморре человек, которого никто убивать не собирается. Во всяком случае, пока я нужен нашим друзьям-кукловодам.

5

— Ничего не выйдет, — сказал Локк два часа спустя. — Извини... тут нет твоей вины.

В комнате стоял приятный теплый полумрак. Деревянное опахало, скрытое в стеновой полости, с мерным шорохом двигалось

взад-вперед, нагнетая свежий воздух. Под окнами с плеском вращались водяные колеса, соединенные приводными ремнями и цепями с многочисленными бытовыми механизмами и устройствами дома Гильдейских лилий, что на северной окраине Западни.

Локк, голый, лежал на широкой кровати с периной и шелковыми простынями, под шелковым пологом. Раскинувшись на спине в мягком красном свете алхимического шара, сиявшего чуть ярче пунцовой луны, он любовался роскошным телом женщины, ласкавшей ладонями его бедра. От нее пьяняще пахло яблочным вином, корицей и мускусом, изгибы ее тела восхищали взор, однако Локк не испытывал ни малейшего возбуждения.

— Не надо, Фелиса, — попросил он. — Зря я вообще пришел.

— Ты чем-то расстроен, — процентовала Фелиса. — У тебя мысли заняты другим, и эта рана на руке отнюдь не способствует делу. Позволь мне прибегнуть к иным средствам. Для меня это, так сказать, вопрос профессиональной чести.

— Даже не представляю, чем тут можно помочь.

— Хм... — В голосе женщины Локк уловил легкое недовольство, но выражения ее лица, погруженного в тень, разглядеть не смог. — Есть особые вина. Алхимические, из Тал-Веррара. Возбуждающего свойства. Не из дешевых, но очень действенные. — Она погладила живот Локка, пробежала пальцами по тонкой полоске волос, тянущейся от пупка к паху. — Они творят настоящие чудеса.

— Мне не нужно никакого вина, — рассеянно пробормотал Локк, отводя руку Фелисы в сторону. — Я сам не знаю, что мне нужно.

— В таком случае у меня есть еще одно предложение.

Переместившись чуть выше, женщина встала над ним на коленях и одним уверенным движением (ибо при всех своих соблазнительных изгибах она обладала порядочной силой) перевернула его на живот. После чего принялась разминать Локку мышцы шеи и спины, чередуя мягкие поглаживания с сильными надавливаниями.

— Предложение... ох... принимается...

— Ты же знаешь, Локк, — чуть погодя снова заговорила Фелиса, уже обычным голосом, без трепетного придыхания, призванного создавать у мужчин впечатление подлинной страсти, — что служительницы в приемном зале всегда сообщают нам об особых пожеланиях клиента?

— Ну да.

— Так вот, мне известно, что ты попросил рыжеволосую девушку.

— И что... ох, понижее, пожалуйста... и что с того?

— В «Лилиях» нас таких двое, и время от времени мужчины нас заказывают именно из-за цвета волос. Но дело в том, что одни хотят любую рыжеволосую, а другие — определенную.

— О-ох...

— С теми, которым нужна любая рыжеволосая, все понятно: развлеклись и пошли своим путем. Но ты попросил определенную девушку. Не меня.

— Извини. Я же сказал, твоей вины тут нет.

— Очень любезно с твоей стороны.

— Я в любом случае заплачу.

— И это тоже очень мило, — хихикнула Фелиса. — Правда, если бы ты отказался платить, тебе пришлось бы не только беспокоиться о моих уязвленных чувствах, но еще и объясняться с целой толпой вооруженных охранников.

— А знаешь, такой ты мне больше нравишься, — сказал Локк. — Без всяких этих подобострастных «чего-изволите-господин».

— Ну, иные мужчины любят прямодушных шлюх. А другие не желают слышать ничего, кроме восхищенных ахов, охов и вздохов. — Фелиса мяла шею Локка основанием ладоней. — Наша задача — угодить любому клиенту. Но ты, похоже, сохнешь по одной особе. И сейчас подумал хорошенько и осознал, что я тебе ее не заменю.

— Извини.

— Да перестань ты извиняться. Ну что ж поделать, если твоя возлюбленная сбежала от тебя за полконтинента?

— О боги! — простонал Локк. — Найди мне хотя бы одного человека в Каморре, не посвященного в мои сердечные дела, и я дам тебе сотню крон, клянусь.

— Мне просто один из братьев Санца рассказал.

— Один из Санца? Который?

— Понятия не имею. В темноте их не различить.

— Я у них, болтунов чертовых, языки вырежу.

— Ну-ну! — Фелиса шутливо взъерошила Локку волосы. — Пожалуйста, не надо. Нам, девушкам, их языки еще очень пригодятся.

— Хм...

— Бедный ты наш дурачок! Совсем потерял голову из-за нее. Ну что тут скажешь, Локк? Тебя хорошо отымели. — Фелиса тихо рассмеялась. — Жаль только, что не я.

Интерлюдия

НЕПОСЕДЛИВЫЕ ШЕДЕВРЫ

1

Как-то вечером, в первое лето после появления Жана в храме. Отец Цепши поднялся с ним и Локком на крышу для серьезного разговора. Священник, по обыкновению, курил самокрутку с джеремским табаком; солнце уже скрылось за горизонтом, и Древнее стекло Каморра разгоралось все сильнее в последних отблесках заката.

Отец Цепши хотел поговорить со своими воспитанниками о необходимости резать глотки, которая рано или поздно встанет перед ними.

В прошлом году такой же разговор состоялся у меня с Кало, Галдо и Сабетой, — начал он. — В вас двоих, мальчики, я вкладываю много сил, времени и средств. — Он выпустил несколько кривых, размытых полуколец дыма, как всегда потерпев неудачу в попытке выдуть череду ровных колечек. — И не просто много, а очень много. Вы — мое огромное достижение, возможно, даже труд всей моей жизни. Два моих непоседливых шедевра. Вот почему я хочу, чтобы вы накрепко запомнили: не всякую распря можно уладить полюбовно, иной раз драки не избежать. Если кто-нибудь пойдет на вас с ножом или другим оружием, вы должны остаться в живых во что бы то ни стало. А для этого иногда нужно ответить противнику тем же самым, а иногда — улепетывать с такой скоростью, будто земля горит под ногами. Но главное в каждом случае — принять правильное решение, как поступить. Вот почему сейчас мы поговорим о ваших возможностях и склонностях.

Священник устремил на Локка пристальный взгляд и медленно, глубоко затянулся сигаретой — так человек набирает в грудь побольше воздуха перед погружением в холодную воду.

— Мы с тобой оба знаем, Локк, что у тебя много талантов, поистине незаурядных способностей в самых разных областях. Поэтому скажу без обиняков: если дело дойдет до жесткого разговора с настоящим врагом, от тебя не останется ничего, кроме обоссанных штанов и кровавой лужи. На убийство-то ты способен, кто бы сомневался, просто ты не создан для открытых схваток, лицом к лицу с противником. И сам это знаешь, верно?

Молчание густо покрасневшего Локка само по себе служило ответом. Не в силах посмотреть в глаза священнику, мальчик с преувеличенным вниманием разглядывал свои башмаки, словно впервые видел столь диковинные предметы.

— Ну-ну, Локк, не всем же нам быть свирепыми вояками, и распускать нюни тут совершенно не из-за чего. Давай чтобы я больше не видел, как губы у тебя трясутся, ровно титьки у старой шлюхи, ладно? Ты обязательно научишься обращаться с ножом, с удавкой, с арбалетом. Но научишься нападать с любым оружием скрытно: со спины, сбоку, сверху, из темноты. —левой рукой Цеппи обхватил сзади за шею воображаемого противника, а правой панес ему удар на уровне поясницы, используя вместо кинжала недокуренную сигарету. — Овладеешь всеми хитрыми боевыми приемами, чтобы тебя не порубили в капусту, когда дойдет до дела.

Цеппи изобразил, будто стирает кровь со своего тлеющего «клинка», и снова глубоко затынулся.

— Вот так-то, Локк. Намотай это себе на ус, а лучше на оба. Нужно уметь признавать свои недостатки. Как говорится, ври сколько хочешь, да только не себе. — Он выпустил из ноздрей две тонкие струйки дыма, расплывшиеся серым облачком в неподвижном воздухе, и заметно повеселел. — И хватит пялиться на свои башмаки так, будто на них голая баба нарисована, ладно?

Слабо улыбнувшись, Локк наконец поднял глаза на священника и кивнул.

— Так, теперь ты. — Цеппи обратил взгляд на Жана. — Все мы знаем, что ты чрезвычайно вспыльчив нравом и во гневе крушишь черепа, как скорлупки. У нас есть изощренный плутовской ум в лице нашего Локка, искуснейшего обманщика. Кало и Галдо неплохи в любом деле, но ни в одном особо не блещут. Сабета — прирожденная чаровница, каких свет еще не видывал. Но кого у нас пока что нет, так это старого доброго громилы. Думаю, им можешь стать ты, Жан. Кулачным бойцом, охраняющим друзей от неприятностей. Свирепым головорезом с ножом в руке. Хочешь попробовать?

Теперь настал черед Жана с повышенным интересом разглядывать свои башмаки.

— Ну.. если вы считаете, что у меня получится...

— Я видел, каков ты во гневе, Жан.

— А я на собственной шкуре испытал, — ухмыльнулся Локк.

— Поверь бывалому человеку, который вятеро тебя старше, Жан. Ты никогда не кипяتيشся и угрозами воздух не сотрясаешь. Ты впадаешь в холодную ярость и решительно действуешь. Люди вроде тебя просто незаменимы в отчаянных обстоятельствах. — Цеппи снова затянулся и стряхнул пепел себе под ноги. — Ты у нас мастер вышибать мозги. Само по себе это твое умение не хорошо и не плохо, но нам оно весьма пригодится.

Жан, казалось, погрузился в раздумье, но и Локк, и Цеппи сразу поняли, что он уже принял решение. Глаза его под шапкой спутанных черных волос хищно прищурились, и кивнул он единственно для проформы.

— Превосходно! Я так и знал, что мое предложение тебе понравится, а потому взял на себя смелость заранее предпринять кое-какие шаги. — Священник достал из кармана черный кожаный бумажник и вручил Жану. — Завтра в половине первого тебя ждут в Обители Стекланных роз.

При упоминании самой известной и самой престижной в Каморре школы боевых искусств у обоих мальчиков округлились глаза. Жан раскрыл бумажник — внутри оказалась плоская эмблема: стилизованная роза из матового стекла, вплавленная прямо в кожу. Владелец такого знака мог перейти через Анжевину на острова Альсегранте, беспрепятственно миновав все сторожевые посты, поскольку он находился под прямой защитой дона Томсы Маранцаллы, хозяина Обители Стекланных роз.

— Этот дивный цветок открывает тебе путь за реку, где обитают важные персоны, но смотри не вздумай там валять дурака. Делай все, что велют. По улицам не болтайся: напрямик туда и напрямик же обратно. Будешь ходить на занятия четыре раза в неделю. И ради всех нас, укроти уже свои буйные патлы. С помощью огня и топора при необходимости.

Цеппи в последний раз затянулся быстро догорающей самокруткой и щелчком отправил окурок за парাপет. Заключительную затяжку он выдохнул наконец-то удачно: над головами мальчиков поплыло зыбко колеблющееся, но замкнутое кольцо дыма.

— Лопни мои глаза! Знамение! — Священник потянулся за уплывающим дымным кольцом, словно желая схватить и рассмот-

реть получше. — Либо этой моей затее суждено увенчаться успехом, либо я премного угодил богам, измыслив столь хитрый способ погубить тебя, Жан Таннен. В любом случае я остаюсь в выигрыше... Ладно, хватит рассиживаться, ребятки. У вас что, работы никакой нет, что ли?

2

Обитель Стеклянных роз воплощала собой самую суть Камора — загадочное творение Древних, оставленное смущать человеческие умы; опасное сокровище, брошенное за ненадобностью, точно надосвиная игрушка. Благодаря Древнему стеклу, покрывающему каменные стены, Обитель Стеклянных роз оказалась не подвластной ни времени, ни воздействию любых человеческих усилий — как Пять башен и еще дюжина разбросанных по городу строений, где обретались незаконные захватчики древнего великолепия. Обитель Стеклянных роз была самым величественным и грозным сооружением на склонах Альсегранте, и самый факт, что она принадлежала дону Маранцалле, свидетельствовал о чрезвычайной благосклонности герцога к последнему.

На следующий день, незадолго до полудня, Жан стоял перед дверями башни дона Маранцаллы — пятиэтажной громады из серого камня и серебристого стекла; могучей твердыни, рядом с которой окрестные особняки казались игрушечными домиками. С безоблачного неба лились волны раскаленного зноя, в воздухе висел кисловатый запах реки, до дна прогретой жгучим солнцем и развешенной кипящей. В каменной стене рядом с лакированными дубовыми дверями было оконце с матовым стеклом, и за ним смутно различалось чье-то лицо. Похоже, появление Жана не осталось незамеченным.

Он перебрался через Анжевину по кошачьему мостку не шире своего бедра, судорожно цепляясь за канатные поручни потными от страха руками на протяжении всего шестисотфутового перехода. На южный берег Дзантары, самого восточного из островов Альсегранте, ни один большой мост не вел, а переправа на лодке стояла полбарона. Тем, кто не мог себе позволить такие траты, приходилось совершать головокружительный переход по кошачьему мостку. Жан поднялся на узкую стеклянную арку впервые, и при виде людей, резво шагающих по ней, не держась за канаты, у него

все леденело внутри. Ступив наконец на каменную мостовую, он вздохнул с несказанным облегчением.

Красные, потные желтокурточники, стоявшие у караульной будки за мостом, пропустили Жана на удивление быстро. Солдаты заметно помрачнели, едва он предъявил стеклянный знак, и дорогу объяснили немногословно и словно бы неохотно. Не жалость ли слышалась в их голосах? Или, может, страх?

— Возвращайся живым-здоровым, малец! — внезапно крикнул один из стражников, когда Жан двинулся по улице, вымощенной белым камнем.

Значит, страх и жалость одновременно. А ведь только вчера Жан так радовался предстоящему приключению!

Заскрипели-загремели противовесы, и между створами дверей появилась темная щель. Еще через несколько секунд громадные двери медленно и величественно распахнулись усилиями двух мужчин в кроваво-красных куртках с кушаками, и Жан увидел, что дубовые дверные полотна имеют полфута в толщину и с внутренней стороны обиты широкими железными полосами. Мальчика обдало волной запахов: влажный камень, застарелый пот, жареное мясо и коричные благовония. Запахи богатства и благополучия, сытой жизни за неприступными каменными стенами.

Жан показал стеклянную розу привратникам, и один из них нетерпеливо махнул рукой:

— Тебя ждут. Будь гостем дона Маранцаллы и уважай этот дом, как свой собственный.

У левой стены роскошного переднего зала находились две чугунные винтовые лестницы затейливой ковки. Жан стал подниматься следом за мужчиной по одной из них, стараясь дышать ровно и по возможности не потеть. Входные двери внизу закрылись с тяжелым, гулким стуком.

Кружа по виткам узкой лестницы, они миновали три этажа, богато убранные толстыми красными коврами и бесчисленными гобеленами, в которых Жан при внимательном рассмотрении опознал боевые знамена. Дон Маранцалла вот уже четверть века служил личным фехтмейстером герцога и начальником чернокурточников. Эти полотнища в бурых пятнах крови были единственным, что осталось от несметных полчищ людей, коим судьба назначила биться против Никованте и Маранцаллы в сражениях, уже ставших легендой: кровопролитных битвах Войны за Железное море, Восстания Полоумного графа, Тысячедневной войны с Тал-Верраром.

Винтовая лестница привела в полутемную комнатушку чуть больше чулана, освещенную лишь тусклым красноватым светом бумажного фонаря. Положив ладонь на латушную ручку двери, мужчина обернулся к Жану и промолвил:

— Тыходишь в Безуханный сад. Ступай осторожно и ничего там не трогай, коли дорожишь жизнью.

Затем он распахнул дверь на крышу, и Жан невольно отшатнулся — столь ослепительное, столь поразительное зрелище явилось его взору.

В ширину Обитель Стекланных роз была в два с лишним раза больше, чем в высоту, а значит, верхняя площадка башни, обнесенная стеной, имела в поперечнике футов сто самое малое. На одно страшное мгновение Жану почудилось, будто перед ним буйно пылает радужно-переливчатый алхимический огонь. Никакие слухи и толки, ходившие по городу, не смогли подготовить мальчика к фаггастической картине, представшей его очам в ярком сиянии добела раскаленного солнца. Казалось, будто расплавленные алмазы пульсируют в мириадах тонких прожилок и искрятся на мириадах граней и кромок. Вот он, знаменитый розовый сад: бесчисленное множество цветов с безупречными лепестками, стеблями и шипами — цветов недвижных, безуханных и нестерпимо сверкающих отраженным огнем, ибо все они вырезаны из Древнего стекла, сотни тысяч роз тончайшей работы, совершенных во всем, вплоть до самого крохотного шипа. Ослепленный невыносимым блеском, Жан шагнул вперед, споткнулся и резко взмахнул руками, чтобы сохранить равновесие. Усилив воли он заставил себя зажмуриться, и в темноте перед глазами заплясали огненные сполохи, подобные вспышкам зарниц.

Слуга дона Маранцаллы мягко, но крепко взял мальчика за плечи:

— Иной раз поначалу будто слепнешь. Сейчас глаза привыкнут. Но помни мои слова: ни к чему не прикасайся, во имя всех богов.

Чуть погодя зрение Жана и впрямь приспособилось к ослепительному свету, и он смог разглядеть диковинный сад со всем вниманием. Ряды цветочных кустов стояли один за другим подобием прозрачных стен, и ближайший находился всего в двух шагах от мальчика. Все до единой розы являли собой совершенство без малейшего изъяна — как будто Древние заморозили живые цветы в миг наивысшей полноты летнего цветения, обратив в хрустальный лед. Однако там и сям в сердцевине стекланных извая-

ний виднелись темные пятна — полупрозрачные красновато-бурые сгустки, похожие на вмерзшие в лед облачка ржавого дыма.

Это была человеческая кровь.

Каждый лепесток, листик и шип имел кромки острее бритвы. При одном прикосновении к ним они резали человеческую кожу, как тонкую бумагу, и розовые кусты пили кровь, глубоко втягивая в свои стеклянные недра. Во всяком случае, ходили такие слухи. Говорили, мол, если саду «скормить» достаточно жизнью, когда-нибудь все до единой розы станут густого ржаво-красного цвета. Одни держались мнения, что сад питается только пролитой кровью; другие утверждали, что розы сами высасывают кровь из человека и могут выпить всю до последней капли через любой порез, сколь угодно маленький.

Чтобы пройти по дорожкам стеклянного сада, имеющим в ширину два-три фута, требовалось предельно сосредоточить внимание и соблюдать чрезвычайную осторожность, ибо малейшая оплошность могла стоить жизни. Дон Маранцалла считал свой сад наилучшим местом для обучения молодняка боевому искусству, что многое говорило об этом человеке. Впервые в жизни Жан исполнился благоговейного ужаса перед таинственным древним племенем, обитавшим в Каморре за тысячи лет до его рождения. Сколько еще своих смертельно опасных творений оставили они людям? И что могло заставить существ, наделенных столь невероятными способностями, навсегда покинуть город? Об этом даже думать было страшно.

Слуга Маранцаллы отпустил плечи Жана и отступил обратно в полутемную комнатку — теперь мальчик увидел, что она пристроена к башне и похожа на лачугу садовника.

— Дон ждет тебя в центре сада, — сказал мужчина и закрыл за собой дверь.

Жан остался на крыше один, под палящим солнцем, перед рядами стеклянных роз, томимых жаждой.

Но нет, он был здесь не один. Из глубины стеклянного сада доносился шум: лязг стали о сталь, глухое хаканье, отрывистые команды, отдаваемые властным звучным голосом. Еще несколько минут назад Жан поклялся бы, что ничего страшнее перехода по кошачьему мостку быть не может, но сейчас он бы охотно предпочел взобраться на самую вершину арки и сыграть там джигу на высоте пятидесяти футов над Анжевиной, не держась за веревочные поручни.

Однако зажатый в его руке кожаный бумажник служил напоминанием о том, что отец Цеппи верит в способность своего воспитанника преодолеть любые опасности, таящиеся в Безуханном саду. Несмотря на свой кровожадный блеск, стеклянные розы — всего лишь неодушевленные предметы, лишённые разума и воли, и достоин ли он доверия отца Цеппи, если боится пройти между ними? Подгоняемый стыдом, Жан медленно двинулся по извилистым дорожкам сада, шаг за шагом, с величайшей осторожностью. Пот градом катился по лицу и разъедал глаза.

— Я — Благородный Каналья, — шепотом повторял мальчик.

Эти тридцать футов, пройденные между стенами холодных, хищных цветов, стали самыми длинными в его короткой жизни.

Жан не дал розам отведать ни капли своей крови.

В самой середине сада находилась круглая площадка футов тридцать в поперечнике. Здесь два паренька примерно одних лет с Жаном кружили друг против друга, сноровисто орудуя сверкающими рапирами. За ними напряженно наблюдали с полдюжины мальчишек и высокий пожилой мужчина с суровым обветренным лицом, волосами до плеч и обвислыми усами цвета холодной золы. На нем был добротный дублет того же яркого оттенка красного, что и куртки привратников, но прилагались к этому вполне приличному предмету гардероба изрядно потрёпанные солдатские бриджи с разбитыми походными сапогами.

Все присутствовавшие на занятии ученики, дети аристократов, были наряжены не в пример лучше своего наставника — в парчовые жакеты, шелковые сорочки, безупречного покроя бриджи и начищенные до блеска сапожки. На всех мальчиках были также белые защитные нагрудники из бычьей кожи и толстые кожаные наручи с частыми серебряными заклепками, призванные отражать удары учебных клинков. При виде столь блестящего собрания Жан почувствовал себя голым и кинулся бы обратно в укрытие, кабы не страх перед розами-кровопийцами.

Один из поединщиков, удивленный неожиданным появлением Жана, на долю секунды отвлекся, а другой не преминул этим воспользоваться и молниеносно нанес противнику колющий удар в плечо. Острые рапиры прошло между кожаными ремнями и вонзилось в мышцу. Пораненный мальчик выронил свое оружие и зарол самым неподобающим образом.

— Господин Маранцалла! — заговорил один из учеников голосом более масляным, чем хорошо смазанный клинок, убранный

на хранение в оружейную. — Внимание Лоренцо отвлек вон тот мальчишка. Удар был нечестный!

Все юные господа разом повернулись и уставились на Жана с нескрываемым отвращением. Было трудно сказать, что в нем возмутило их больше всего — его простая одежда, его грушеподобная фигура или отсутствие у него всякого оружия и боевого снаряжения. Один только мальчик с расплывающимся пятном крови на рукаве не стал буравить вновь прибывшего враждебным взглядом, поглощенный своими страданиями. Седоволосый мужчина откашлялся и заговорил низким звучным голосом, который Жан уже слышал немногим ранее.

— С твоей стороны, Лоренцо, было глупо отводить глаза от противника. В некотором смысле ты получил по заслугам. — Кажется, дон Маранцалла добродушно посмеивался про себя. — С другой стороны, поистине благородный господин не станет наносить удар, если внимание противника отвлекла какая-то посторонняя помеха. В следующий раз вы оба постараетесь выступить лучше. — Затем он ткнул рукой в направлении Жана, не глядя на него, и продолжил без прежней теплоты в голосе. — А ты, любезный, скройся в саду и подожди там до конца занятия. Чтобы я тебя не видел, пока эти юные господа не откланяются.

Жану показалось, что лицо у него запылало жарче, чем само солнце. Он ринулся прочь и лишь через несколько секунд с ужасом осознал, что опять углубляется в смертельно опасный стеклянный лабиринт. Остановившись в нескольких поворотах от площадки, он неподвижно застыл на месте, полный страха и отвращения к себе. Солнце пекло нещадно, и пот лился с бедяги ручьями.

К счастью, ждать пришлось недолго. Вскоре звон стали утих, и дон Маранцалла отпустил учеников. Они гуськом прошли мимо Жана, уже без доспехов, в расстегнутых жакетах; все явно чувствовали себя спокойно в губительном лабиринте прозрачных розовых кустов. Никто из них не сказал Жану ни слова: они находились во владениях дон Маранцаллы, а отчитывать простолюдина в чужом доме считалось верхом неприличия. Тот факт, что все мальчики тоже взмокли от пота, а двое-трое обнаруживали явные признаки теплового удара, несколько не утешил удрученного Жана.

— Эй, ты! — крикнул дон Маранцалла, когда юные аристократы вышли из сада и стали спускаться по лестнице. — Теперь можешь подойти.

Призвав на помощь все свое достоинство — и обнаружив, что достоинства в нем очень мало, — Жан изо всех сил втянул живот и осторожно двинулся обратно на площадку. Дон Маранцалла стоял спиной к нему, ленливо поигрывая учебной рапирой, недавно проткнувшей плечо невнимательного поединщика. В его руке она казалась игрушечной, но кровь, блестящая на острие, была самой что ни на есть настоящей.

— Я... простите меня, сударь... господин Маранцалла. Должно быть, я пришел раньше времени. Я не хотел вам помешать...

Дон круто повернулся — одним стремительным движением, плавным и точным, как ход веррарского механизма, сохраняя злобствующую каменную неподвижность торса. Он пристально уставился на Жана, и от холодного пронзительного взгляда этих прищуренных черных глаз мальчишка в третий раз за день пробрал ледяной страх.

Внезапно Жан осознал, что находится наедине с человеком, который проложил путь к нынешнему своему высокому положению в прямом смысле слова по трупам.

— Ты считаешь возможным, чумазый, — зменным шепотом прошептал Маранцалла, — первым заговаривать с таким человеком, как я, в таком месте, как это? С благородным доном?

Жан задепелтал было извинения, но голос его пресекся с постыдным сдавленным всхлипом, похожим на влажный чавкающий звук, какой производит моллюск, выдавливаемый из расколотой раковины.

— Если ты просто дурак, я в два счета выбью всю дурь из твоей толстомясой задницы.

Мужчина широким шагом подошел к ближайшей стене стеклянных кустов и вложил окровавленное острие рапиры в сердцевину одного из цветков. Жан, словно зачарованный, в ужасе смотрел, как кровь исчезает с клинка и втягивается в стекло, где расплывается туманными розовыми волокнами и утекает в прозрачные недра скульптуры. Через несколько секунд дон Маранцалла отбросил в сторону чистую рапиру.

— Так и есть, да? Ты просто малолетний жирный придурок, невесть за каким рожном присланный в мою школу? Грязный нищерброд из Котлица, жалкий высерок какой-то поганой шлюхи?

Поначалу у Жана словно отнято язык. Потом кровь зашумела у него в ушах, как мощные волны, накатывающие на берег, и кулаки сами собой сжались.

— Я родился на Северной заставе! — в бешенстве проорал он, обретя наконец дар речи. — Мои родители держали лавку!

Едва он выпалил эти слова, как сердце у него будто остановилось. Помертвев от страха, Жан спрятал руки за спину, опустил голову и отступил на шаг назад.

На несколько долгих мгновений повисла тяжелая тишина, потом Маранцалла громко расхохотался и хрустнул пальцами — раздался звук, похожий на треск горящих смолистых поленьев.

— Не обижайся, Жан. Я просто хотел проверить, правду ли говорил Цеппи. Клянусь богами, ты парень не робкого десятка. И с характером.

— Так вы... — Мальчик удивленно уставился на дону, начиная понимать, что произошло. — Вы нарочно меня разозлили, сударь?

— Я знаю, сколь сильно задевают твои чувства непочтительные разговоры о твоих родителях. Цеппи мне много чего про тебя рассказал.

— Цеппи не слепец, — медленно проговорил Жан. — Я не послушник. А вы вовсе не... не...

— Не гнусный сукин сын?

Жан невольно прыснул.

— Просто интересно знать, сударь, доведется ли мне еще когда-нибудь встретить людей, которые какими кажутся, такие и есть на самом деле?

— Ты только что таких видел — они вышли из моего сада пару минут назад. И я действительно гнусный сукин сын. Еще до конца лета ты возненавидишь меня лютой ненавистью и будешь проклинать с утра до вечера.

— Ну... такая у вас работа.

— Совершенно верно, — кивнул дон Маранцалла. — Знаешь, я ведь не наследственный владелец Обители Стеклянных роз — она подарена мне герцогом за верную службу. Не подумай, что я не горжусь своим нынешним домом, но... мои родители были даже не с Северной заставы. Я родился на маленькой ферме.

— Да ну?!

— Ага. Но здесь, в стеклянном саду, твое происхождение не имеет никакого значения. Будешь у меня вкалывать до кровавого пота, пока не взмолишься о пощаде, пока не придумаешь новых богов, чтобы взывать к ним о милости. Единственное, что уважает мой сад, — это умение сосредоточиваться. Способен ли ты сохранять предельную сосредоточенность в каждый миг своего пребы-

вания здесь? Способен ли свести все свое внимание в одну точку и жить лишь настоящим мгновением, отрешившись от всех посторонних забот?

— Я... я попробую, сударь. Один раз я уже прошел через ваш сад. Смогу и еще раз пройти.

— Ты будешь делать это снова и снова, сотню и тысячу раз. Будешь бегать между моими розами и спать среди них. Так ты научишься сосредоточивать внимание. Но предупреждаю, некоторые потерпели здесь неудачу. — Дон Маранцалла обвел рукой сад. — Сам видишь, что от них осталось. Там и сям, в стекле.

Жан нервно сглотнул и кивнул.

— И еще одно. Ты тут пытался извиниться, что пришел слишком рано. На самом деле ты явился вовремя. Сегодня я продлил занятие, поскольку склонен идти навстречу этим маленьким говнюкам, когда у них возникает желание немножко покровосать друг друга. Впредь приходи ровно в час пополудни, чтобы уж точно не столкнуться здесь с ними. Им совсем ни к чему знать, что я учу тебя.

Когда-то Жан сам жил в весьма состоятельной семье и одевался не хуже мальчиков, которых только что видел. Сердце у него мучительно сжалось, и он тотчас сказал себе, что причиной тому старая боль утраты, а вовсе не стыд из-за такой ерунды, как патлатые волосы, бедная одежда или даже отвислый живот. Этой самоутешительной мысли оказалось достаточно, чтобы подавить слезы и сохранить спокойное выражение лица.

— Конечно, сударь. Я не хочу... ставить вас в неловкое положение.

— В неловкое положение? Ты меня неправильно понял, Жан. — Маранцалла лениво пнул игрушечную рапиру, звякнувшую о каменные плиты. — Эти кичливые ссыкуны обучаются здесь аристократическому искусству фехтования, с кучей разных благородных правил и запретов на бесчестные приемы. Ты же... — Он повернулся и крепко, но дружелюбно ткнул Жана двумя пальцами в лоб. — Ты у меня будешь учиться убивать.

Глава 7

ИЗ ОКНА

1

Локк в общих чертах изложил свой план во время долгого обеда, прошедшего в тревожной атмосфере.

Был Герцогов день, начало первого полудня, и Благородные Канальи сидели за столом в своем стеклянном логове. Снаружи с раскаленных небес лились потоки полднейного зноя, но в подземелье было прохладно — до странного прохладно даже для глубокого подвала. По предположению отца Цеппи, Древнее стекло обладало способностью не только поглощать и излучать свет, но и воздействовать на тепловое состояние воздуха.

Они приготовили роскошный обед, больше похожий на праздничный пир: тушенная баранина с луком и имбирем, фаршированные угри в пряном винном соусе и пирожки с яблоками, испеченные Жаном (и обильно политые аустерсалинским бренди).

— Бьюсь об заклад, даже герцогскому повару оторвали бы яйца, сделай он такое, — ухмыльнулся он. — По моим подсчетам, теперь каждый пирожок стоит три-четыре кроны.

— А сколько они будут стоять, когда мы их съедем и вывалим через задницу? — хихикнул Клоп.

— Вот сам и оцени, — сказал Кало. — Хватай весы.

— И совок, — добавил Галдо.

Братья Санца на протяжении всей трапезы вяло ковыряли вилками пряный омлет с рублеными ягнячьими почками — любимое блюдо всех Благородных Каналий. Но сегодня вообще все жевали без особого ашкетита, даром что обед своим великолепием затмевал даже роскошный пир, который они закатили по случаю первого успеха в своем предприятии с доном Сальварой. Один

только Клоп уплетал за обе щеки, налегая преимущественно на яблочные пирожки от Жана.

— Посмотрите на меня! — промычал он с набитым ртом. — Я становлюсь все дороже с каждым проглоченным кусочком!

Шутка была встречена суховатыми улыбками. Мальчик досадливо фыркнул и стукнул кулаками по столу:

— Ладно, если никому из вас не хочется есть, давайте обсудим, как нам сегодня избежать погибели.

— В самом деле, — поддержал Жан.

— Разумное предложение, — согласился Кало.

— Да, — кивнул Галдо. — Каков план действий?

— Ну что ж... — Локк отодвинул тарелку, скомкал льняную салфетку и бросил на стол. — Для начала нам придется вернуться в нашу комнату в Расколотой башне. Похоже, чертова лестница еще не закончила с нами.

— Зачем нам туда возвращаться? — спросил Жан.

— Там мы с тобой должны находиться, когда в девятом часу вечера за нами пойдет Аньяис. И там мы останемся, когда он убедится, что мы не в состоянии пойти с ним по причине самой что ни на есть уважительной.

— И какая же это причина? — осведомился Кало.

— В высшей степени впечатляющая, — ответил Локк. — Вам с Галдо сейчас нужно будет быстренько наведаться к Джессалине д'Обарт. Без помощи черного алхимика мне не обойтись. Вот что вы ей скажете...

2

Незаконная аптекарская лавка Джессалины д'Обарт и ее дочери Джанелены размещалась над крупной писчей конторой в respectableм Фонтанном квартале. Кало с Галдо переступили порог канцелярского учреждения в начале второго пополудни. Там за широкими деревянными столами сидела дюжина мужчин и женщин, орудовавших гусиными перьями, песочницами, угольными палочками и промокательными губками с размеренностью и неутомимостью заводных механизмов. Благодаря световым фонарям и толково расположенным зеркалам все рабочие места были хорошо освещены. Среди каморрских конторских служащих мало кто получал за свой труд меньше, чем рядовые писцы.

В глубине первого этажа находилась винтовая лестница, которую сторожила сурового вида молодая женщина, изображавшая на лице скуку, но постоянно поглаживавшая оружие, спрятанное под коричневым парчовым плащом. Братья Санца доказали честность своих намерений с помощью секретного условного жеста и нескольких медных баронов, перекочевавших в карман охранницы. Женщина дернула пинурок колокольчика, висевший рядом с лестницей, и махнула рукой: мол, проходите.

Лестница вела в приемную комнату — без окон, со стенами и полом, обшитыми золотистыми досками твердого дерева, которые все еще источали слабый аромат соснового лака. Высокий прилавок делил помещение ровно пополам. На половине посетителей не было ни единого стула, а на половине продавца не было никаких полок с товаром — одна лишь запертая дверь в голой стене.

За прилавком стояла Джессалина — яркой паружности дама за пятьдесят, с роскошной гривой угольно-черных волос и цепкими темными глазами, окруженными морщинками смеха. Справа от нее стояла Джанелена, направив на вошедших арбалет — облегченное комнатное оружие малой мощности, а значит, почти наверняка стрела смазана каким-нибудь ужасным ядом. Впрочем, братья Санца нимало не встревожились: черные алхимики всегда встречали посетителей таким манером.

— Госпожа д'Обарт, барышня д'Обарт... — промолвил Кало с низким поклоном. — Ваши покорные слуги.

— По-прежнему в полном вашем распоряжении, — добавил Галдо.

— Господин Санца и господин Санца, — откликнулась старшая д'Обарт. — Мы очень рады вас видеть.

— Хотя по-прежнему в ваших услугах не нуждаемся, — заметила младшая.

— Желаете купить что-нибудь? — Джессалина сложила руки на прилавке и вопросительно приподняла бровь.

— Вы угадали. Одному нашему другу нужно нечто особенное. — Кало достал из-под камзола кошелек и держал в руке не открывая.

— Особенное?

— Ну, если точнее — особого действия. Нашему другу должно стать дурно. Донельзя дурно.

— С моей стороны, конечно, неразумно упускать свою выгоду, — сказала Джессалина, — но три-четыре бутылки рома дадут

такой эффект за малую долю тех денег, в которые вам обойдется любое мое зелье.

— О нет, речь идет о дурноте другого свойства, — быстро заговорил Галдо. — Он должен занемочь так сильно, словно уже стучится в опочивальню Богини Смерти и спрашивает, можно ли войти. А немного погодя он должен полностью восстановить силы, словно и не лежал при последнем издыхании. Как актер в спектакле, если угодно.

— Хм... — Джанелена задумчиво нахмурилась. — Даже не знаю, есть ли у нас подобного рода средство, но крайней мере под рукой.

— Когда оно вам нужно? — спросила ее мать.

— Вообще-то, мы надеялись выйти отсюда с ним в кармане, — сказал Кало.

— Ну знаете, голубчики, мы чудес не творим. Вопреки всеобщему мнению. — Джессалина побарабанила пальцами по прилавку. — Такие зелья нужно заказывать заблаговременно. Так воздействовать на телесный состав... чтобы человек в одну минуту слег при смерти, а через пару часов встал да пошел как ни в чем не бывало... это дело мудреное, тонкое.

— А мы не картенские маги, — добавила Джанелена.

— И слава богам! — живо воскликнул Кало. — Но у нас *очень* срочная надобность.

— Ладно, — вздохнула Джессалина. — Попробуем сообразить что-нибудь этакое... незатейливое, но вполне отвечающее вашим требованиям.

— Цветок гробоконателя, — сказала ее дочь.

— Да, — кивнула Джессалина. — А после — сомнейская сосна.

— Кажется, и то и эго у нас есть. Проверить?

— Ступай, только арбалет оставь мне.

Отдав оружие матери, Джанелена отомкнула дверь в глубине помещения и скрылась за ней, плотно затворив за собой. Джессалина аккуратно положила арбалет на прилавок, но руку с приклада не убрала.

— Вы нас обижаете, сударыня, — притворно возмутился Кало. — Мы безобидны, как котята.

— И даже более, — подхватил Галдо. — Котята все-таки царапаются и гадят где ни попадя.

— Дело не в вас, мальчики, а в общей обстановке. После убийства Наски в городе очень неспокойно. Старый Барсави, не иначе,

замышляет страшную месть. Одним богам ведомо, кто такой этот Серый король и чего он хочет, но мне с каждым днем становится все тревожнее — мало ли какие гости могут нагрязнуть.

Да, паршивые времена настали, — вздохнул Кало.

Вскоре вернулась Джанелена, с двумя мешочками в руке. Заперев дверь, она передала мешочки матери и снова взяла арбалет.

— Значит, так, — сказала старшая д'Обарт. — Сначала ваш друг примет вот это, из красного мешочка. Здесь растертый цветок гробокопателя, такой пурпурный порошок. Красный мешочек, запомните. Порошок растворить в воде. Это сильное рвотное средство, вызывающее сами понимаете что.

— Ничего хорошего, — пробормотал Галдо.

— Через пять минут у вашего друга разболится живот. Через десять затрясутся руки-ноги. А через пятнадцать он начнет выbleвывать все, что съел за последнюю неделю. Зрелище не из приятных. Заранее приготовьте ведра.

— И все будет выглядеть правдоподобно? — осведомился Кало.

— Выглядеть? Голубчик мой, все будет по-настоящему. Разве можно притвориться, будто у тебя кишки выворачивает?

— Можно, — хором ответили братья Санца.

— Он выкидывал такие штуки с помощью пережеванных апельсинов, — добавил Галдо.

— Ну, здесь вашему другу притворяться не придется. Любой каморрский лекарь клятвенно заверит, что имеет место самое настоящее и очень тяжелое телесное расстройство, вызванное естественными причинами. Цветок гробокопателя мгновенно растворяется в желудке, так что в роте его не обнаружить.

— А потом? — спросил Кало. — Что насчет второго мешочка?

— Здесь кора сомнейской сосны. Ее нужно раскрошить и заварить, как чай. Превосходное противоядие от рвотного порошка — миглом устраняет его действие. Но учтите, цветок гробокопателя свое дело уже сделает. Кора не вернет пицу обратно в желудок и не восстановит силы, которые ваш друг потратит, пока его будет выворачивать наизнанку. Он будет слаб и нездоров еще день-два по меньшей мере.

— Звучит замечательно, — кивнул Кало. — Во всяком случае, в нашем странном понимании слова «замечательно». С сколько мы вам должны?

— Три кроны двадцать солонгов. И то потому лишь, что вы воспитанники старого Цеппи. Конечно, это не в подлинном смысле

алхимические снадобья, просто очищенное и облагороженное сырье, но и оно на дороге не валяется, знаете ли.

Кало отсчитал из кошелька двадцать золотых тиринов и сложил столбиком на прилавке.

— Вот пять крон. С учетом того, что наша сделка будет забыта всеми ее участниками.

— Санца, — промолвила Джессалина д'Обарт без тени улыбки. — Любая покупка, здесь совершенная, нами быстро и крепко забывается.

— Значит, нашу покупку нужно забыть быстрее и крепче, чем обычно. Кало добавил к столбику еще четыре монеты.

— Ну, если ты настаиваешь на дополнительных доводах...

Джессалина достала деревянный скребок и смахнула тирины с прилавка — судя по звуку, в кожаный мешок. Она избегала прикасаться к монетам: черные алхимики редко доживали до ее возраста, если ослабляли параноидальную бдительность в отношении всего, что приходится трогать, нюхать или пробовать на вкус.

— Мы глубоко вам благодарны, — сказал Кало. — И наш друг тоже.

— О, насчет вашего друга сильно сомневаюсь, — усмехнулась Джессалина д'Обарт. — Сначала угостите его порошком из красного мешочка, а потом посмотрите, сколь горячей благодарностью он ко мне проникнется.

3

Подай мне стакан воды, Жан. — Локк стоял у окна на седьмом этаже Расколотой башни и смотрел на длинные черные тени, отброшенные домами южного Каморра в свете закатного солнца. — Пора принимать снадобье. Сейчас где-то без двадцати девять, полагаю.

— Вот, уже развел. — Жан протянул товарищу полную жестяную кружку, на дне которой клубился лиловатый осадок. — Эта дрянь действительно растворяется в мгновение ока, как и говорили Санца.

— Пью за толстые карманы ротозеев, — произнес Локк. — Пью за истинных алхимиков, за луженый желудок, за неудачу Серого короля и удачу Многохитрого Стража.

— За то, чтобы нам благополучно пережить эту ночь. — Жан изобразил, будто чокается с Локком.

— Мм... — Локк опасливо отпил крохотный глоточек, а потом запрокинул голову и единым духом осушил кружку. — На самом деле недурственно. Мятный вкус, очень освежающий.

— Достойная эпитафия, — пробормотал Жан, забирая у него кружку.

Локк еще немного постоял у окна. Сетка была поднята, поскольку с моря по-прежнему дул сильный Ветер Герцога и насекомые еще не вились тучами в воздухе. В Арсенальном квартале за Виа Каморрацца было тихо и безлюдно. Сейчас, когда между городами-государствами Железного моря сохранялся относительный мир, огромные лесопилки, склады и мокрые доки простаивали без работы. В военное время на верфях строилось или ремонтировалось до двух дюжин кораблей сразу, а сейчас Локк видел там лишь один скелетообразный остов недостроенного судна.

За верфями вскипали белой пеной волны, разбивающиеся об Южную Иглу — облицованный Древним стеклом каменный волнорез длиной почти три четверти мили. На южной оконечности Иглы возвышалась сторожевая башня позднейшей постройки, резко очерченная на фоне темнеющего моря, а за ней, под тонкими алыми завитками облаков, смутно виднелись белые пятна парусов.

— Ох... — проговорил Локк. — Вроде начинается...

— Ты присядь лучше, — посоветовал Жан. — На тебя вот-вот слабость нахлынет.

— Уже... на самом деле... о боги, кажется, меня сейчас...

И началось. Мощная волна тошноты подкатила к горлу, неся с собой все съеденное Локком за день. Несколько долгих минут он провел на коленях, обнимая деревянное ведро с такой страстью, с какой еще ни один истовый богопоклонник не припадал к алтарю, взывая к небесным покровителям о заступничестве.

— Жан, — сдавленно прохрипел он между жестокими рвотными спазмами, — когда мне в следующий раз придет на ум подобный план, сделай милость, всади мне топорик в башку по самый обух.

— Вряд ли подействует. — Жан проворно заменил полное ведро на пустое и ободряюще похлопал друга по спине. — На черта мне зря затулять чудесные острые лезвия о твою медную башку.

Потом он плотно закрыл ставни на всех окнах, за которыми уже занимался Лжесвет.

— Вид у тебя плачевный, конечно, но надо, чтобы еще и запах произвел на Аньяиса должное впечатление.

Мучительные рвотные судороги продолжались и после того, как в желудке ничего не осталось. Локк корчился, трясся и стонал, схватившись за живот. Жан перетаскил друга на постель.

— Ты блее мела и весь в холодной испарине, — пробормотал он, глядя на него с неподдельной тревогой. — Неплохо, неплохо. Весьма правдоподобно.

— Мило, да? — прерывисто прошептал Локк. — О боги... сколько еще мне мучиться?

— Точно сказать трудно. Аньяис со своими людьми должен вот-вот подойти к таверне. Несколько минут они подождут нас там, закиная раздражением, и только потом ринутся наверх.

В течение этих нескольких минут Локку открылся весь смысл понятия «маленькая вечность». Наконец по лестнице загрохотали шаги, и мгновение спустя дверь сотряслась от яростных ударов.

— Ламора! — проорал Аньяис. — Таннен! Открывайте живо — или я вышибу дверь к чертовой матери!

— Слава богам... — прохрипел Локк, когда Жан двинулся к двери.

Мы ждали вас у «Последней ошибки»! Вы идете или... О боги, что здесь происходит?

Аньяис переступил через порог и тотчас вскинул руку, закрывая рукавом нос от мерзкого рвотного запаха. Жан указал пальцем на Локка, который с душераздирающими стонами корчился на кровати, кутаясь в тонкое одеяло, несмотря на душный жаркий вечер.

— Ему стало дурно с полчаса назад. Всю комнату заблевал на хрен. Не знаю, что с ним.

— Боги мои, да он позеленел уже.

Аньяис подошел поближе, глядя на Локка с ужасом и сочувствием. Он был в полном боевом облачении: многослойная кираса из вываренной кожи, расстегнутый кожаный нашийник, на мясистых руках — кожаные наручи с частыми заклепками. Наверх с ним поднялись несколько вооруженных слуг, но ни один из них не горел желанием последовать в комнату за хозяином.

— Я на обед взял каплуна, — сказал Жан. — А он — рыбный рулет. С тех пор мы оба ничего не ели, и я чувствую себя прекрасно.

— Захлебнись я Ионовой ссакой! Рыбный рулет! Бьюсь об заклад, на удивление свежий.

— Аньяис... — прохрипел Локк, протягивая к нему трясущуюся руку. — Не... не уходите без меня. Я... с вами. Я... в состоянии драться...

— О боги, пет! — Аньяис решительно помотал головой. — Ты совсем плох, Ламора. Тебе нужно показаться лекарю. Ты хоть вызвал лекаря, Таннен?

— Не успел еще. Как началось, все бегаю ведра выношу да вокруг него сучусь.

— Вот и продолжай в том же духе. Вы оба никуда не идете. Не сердись, Жан: его явно нельзя оставлять одного. Сиди здесь, присматривай за ним. И при первой же возможности стоняй за лекарем.

Аньяис наклонился и потрепал Локка по плечу:

— Не волнуйся, приятель, сегодня мы расправимся с этим гадом. Разделасмся раз и навсегда, а потом я пришлю кого-нибудь тебя проведать. Стотцом я все улажу, он поймет.

— Пожалуйста... прошу... Я обопрюсь на плечо Жана... я смогу...

— Разговор закончен. Ты даже на ногах не устоишь. Еле живой ведь — точно рыбешка, брошенная в вино. — Аньяис понятился к двери и напоследок сочувственно помахал Локку. — Я своими руками уделаю мерзавца и пару раз врежу от твоего имени, Ламора, уж не беспокойся.

Затем дверь с грохотом захлопнулась, и Локк с Жаном снова остались одни.

4

Через несколько долгих минут Жан отворил окно, выходящее на канал, и выглянул в разбавленные Лжесветом сумерки. Он увидел, как Аньяис со слугами торопливо пробираются через толпу и по кошачьему мостку переходят через Виа Каморрацца в Арсенальный квартал. Аньяис ни разу не оглянулся и скоро исчез в густых тенях вдали.

— Ну все. Тебе помочь... — начал Жан, отворачиваясь от окна.

Но Локк уже сам выполз из постели и сейчас плескал воду на алхимическую плитку. За последние полчаса он, казалось, поста-

ред лет на десять и похудел на добрых двадцать фунтов. Жан встревожился: у Локка не было лишних двадцати фунтов веса.

— Превосходно. Самое простое и самое незначительное дело на сегодня мы сделали. Работаем дальше, Благородные Канальи! — Локк поставил на плитку глиняный кувшин с водой: яркий отсвет раскаленного камня упал на его лицо. Постарел на десять лет? Да нет, скорее на все двадцать. — Теперь — сосновый отвар, да благословят его боги! И хорошо бы он оказался таким же действенным, как пурпурный порошок.

Жан, поморщившись, подхватил два ведра с рвотой и подошел к окну. Лжесвет уже угасал, и сильный, теплый Ветер Герцога гнал с моря низкие темные облака — сегодня ночью они скроют луны по крайней мере на пару часов. По всему городу загорались крохотные булавочные огоньки — словно незримый ювелир раскладывал свои товары на черном бархате.

— Похоже, от чудесного снадобья Джессалины я выблевал все, что съел за последние пять лет, — слабым голосом проговорил Локк. — И свою нежную душу в придачу. Прежде чем выплеснуть, глянь внимательно, не плавает ли она в одном ведре, ладно? — Дрожащими руками он крошил сухую сосновую кору прямо в кувшин с кипятком, не имея ни сил, ни желания заваривать как положено.

— Да вот она вроде, — отозвался Жан. — Мерзкая кривая душонка, смотреть противно. Без нее тебе будет лучше — нехай плывет в море.

Быстро высунувшись в окно, Жан убедился, что внизу нет лодок, плывущих навстречу поистине неприятной неожиданности, а затем просто вышвырнул оба ведра в канал одно за другим. Они с шумным плеском упали в серую воду с высоты семидесяти футов, но Жан был уверен, что никто не заметил, а если и заметил, то не обратил особого внимания. Каморрцы постоянно выбрасывали в Виа Каморрацца разные гадости.

Благополучно избавившись от ведер, Жан отодвинул дверцу потайного шкафа и достал оттуда два дешевых дорожных плаща и две широкополые веррарские шляпы из дрянной кожи, на ощупь сальной, как колбасная оболочка. Один серо-бурый плащ он накинул на плечи Локку, который тотчас запахнулся в него поплотнее и зябко поежился.

— У тебя прям материнская забота в глазах, Жан. Должно быть, я совсем дерьмово выгляжу.

— На самом деле выглядишь ты так, будто тебя повесили на прошлой неделе. Мне неудобно спрашивать, но... гм... ты уверен, что съужишь?

— Должен съужить, деваться-то некуда. — Обернув правую руку краем плаща, Локк взял кувшин с отваром, отхлебнул немного и проглотил вместе с кусочками коры, рассудив, что им самое место в пустом желудке. — Тьфу! Но опущениям — будто в живот сапожищем пнули. Я что, и Джессалину разозлил чем-то?

Лицо у него кривилось так, словно кожа, движимая собственной волей, пыталась оторваться и сползти с костей черепа, но он стойчески продолжал давиться мерзопакостным зельем. Жан крепко придерживал друга за плечи, втайне опасаясь, что еще один приступ рвоты доконает беднягу.

Через пару минут Локк со стуком поставил кувшин на стол и глубоко перевел дыхание.

— Не терпится побеседовать с Серым королем, когда вся эта херотень закончится, — прошептал он. — У меня накопилось несколько вопросов к нему, сугубо философского свойства. Например: «Ну что, нравится, когда тебя подвешивают за яйца, ублюдок?»

— Вопрос, смею заметить, скорее физиологический, нежели философский. Но, как ты сам сказал, сперва нужно дождаться, когда Сокольник уберется из города. — Жан говорил ровным, совершенно бесстрастным голосом, каким обычно высказывался при обсуждении планов, имеющих весьма отдаленное отношение к благоразумию и здравомыслию. — Жаль, конечно, что мы не можем просто прикончить сукина сына в темном переулке.

— Застигнуть врасплох, чтобы он и подумать ничего не успел, иначе нам крышка.

— Ярдов с двадцати, не меньше, — медленно произнес Жан, словно размышляя вслух. — Один меткий бросок Злобной сестрицы — и готово. Секундное дело.

— Увы, мы с тобой оба знаем, что убивать вольнонаемного мага нельзя, — вздохнул Локк. — Мы и недели не проживем, коли решимся на такое. Каргенцы устроят показательную расправу над нами, а заодно над Кало, Галдо и Клопом. Нет, это не выход. Долгое и мучительное самоубийство.

Локк задумчиво уставился на алхимический камень, все еще источавший слабое белое сияние, и потер ладони.

— Вот интересно, Жан... в самом деле интересно: не такие ли чувства испытывают наши жертвы? Когда мы их обираем и исчезаем, а они ничегошеньки не могут поделать?

Свет камня почти полностью померк, пока Жан раздумывал над ответом.

— Мне кажется, Локк, — наконец проговорил он, — мы давно сошлись во мнении, что все они получают по заслугам. И вообще, нашел тоже время угрызаться совестью.

— Угрызаться? — Локк встрепенулся и поморгал, словно пробуждаясь ото сна. — Нет, ты меня неправильно понял! Просто такое поганое чувство... Все-таки «нет выхода» — это для других, не для Благородных Каналий. Не нравится мне, когда меня загоняют в угол.

По знаку Локка Жан встал и помог ему подняться на ноги. В плаще ли было дело или в снадобье Джессалины, но Локк уже перестал дрожать.

— Ну *очень* не нравится, — продолжал он крепнущим голосом. — Прямо слов нет, как не нравится. Нужно поскорее отыграть этот чертов спектакль. А после того как я спляшу под веселую дудку нашего славного серого выжиги и его ручного колдуна, у нас будет время хорошенько подумать, что нам с ними делать.

Жан с ухмылкой хрустнул пальцами, потом закинул руку за шею, проверяя, готовы ли Злобные сестрицы к ночной вылазке.

— Ну что, хватит сил для прогулки по нашей Виноградной дороге? — спросил он.

— Хватит, не сомневайся. В конце концов, сейчас веса во мне значительно меньше, чем было до приема Джессалининой отравы, так что спуститься будет легче легкого. Из всех моих сегодняшних испытаний это — самое простое.

5

По всей высоте западной стены, выходящей на узкий переулок, тянулась деревянная решетка, оплетенная старыми толстыми лозами. Спускаться по ней с верхотуры было занятием не из приятных, но это позволяло избежать встречи с несколькими десятками знакомых, каждый вечер торчавших в «Последней ошибке». Благородные Канальи часто пользовались Виноградной дорогой.

На верхнем этаже Расколотой башни со стуком распахнулись оконные ставни. Весь свет в комнатах Локка и Жана был погашен. Крупная темная фигура выскользнула из окна на густо увитую виноградом ппалеру, мгновением позже за ней последовала тень поменьше. Одной рукой Локк судорожно вцепился в решетку, а другой осторожно затворил ставни. Огромным усилием воли он заставил уняться свой измученный желудок, бурно протестующий против долгого и трудного спуска вниз. Ветер Палача, летящий в соленую тьму Железного моря, теребил плащ и шляпу Локка незримыми пальцами, пахнущими болотом и возделанными полями.

Жан держался в двух-трех футах под Локком, и они медленно, но верно спускались вниз, перебирая руками по решетке и нащупывая ногами опоры. Окна шестого этажа были плотно закрыты ставнями, за которыми не брезжило ни огонька.

А на пятом сквозь щели ставен пробивались тонкие полоски янтарного света. Оба верхолаза, не сговариваясь, замедлили движение и постарались производить возможно меньше шума - превратиться в смутные серые тени, еле различимые во мраке.

Когда Жан поравнялся с окном, ставни вдруг широко распахнулись. Дощатая створка ударила его по спине, и он едва не сорвался со стены от неожиданности. До боли в пальцах вцепившись в опутанную лозами решетку, Жан тревожно покосился на окно. Застигнутый врасплох, Локк наступил товарищу на голову, но тотчас проворно подобрал ноги.

— Сам знаю, что другого выхода нет, сука несчастная! — прошипел мужской голос.

Послышался глухой стук, треск, и в следующий миг решетка тяжело сотряслась: кто-то еще выбрался из окна и сейчас шумно возился в виноградных лозах прямо под ними. Наружу высунулась черноволокая женщина. Она уже открыла рот, собираясь проорать что-то в ответ, но потом сквозь щели в открытой ставне увидела Жана и сдавленно ахнула. Это привлекло внимание мужчины — дюжего малого, даже крупнее здоровяка Таннена.

— Что за чертовщина? — ошеломленно прорычал он. — Ты что здесь делаешь?

— Богов потешаю, придурок. — Жан дрыгнул ногой, пытаясь слегка подтолкнуть мужика. — Будь добр, ползи уже вниз, любезный!

— Что ты делаешь у этого окна, мать твою? Никак подглядывать любишь? Сейчас я тебе поподглядываю, выродок!

Хрипло кряхтя от усилий, он стал карабкаться вверх и попытался схватить Жана за ноги. Жан дернулся в сторону, на долю секунды потерял равновесие — и мир вокруг завертелся. Черная стена, черное небо, черный булыжник мостовой в пятидесяти футах внизу. Упадешь с такой высоты — расшибешься в лепешку.

— Вы оба, убирайтесь от моего окна сейчас же! Ференц, отстань от него и спускайся уже вниз. Морганте ради! — завопила женщина.

— Черт! — тихо выругался Локк, застывший в нескольких футах над ней и с перепугу ненадолго утративший свое обычное красноречие. — Сударыня, вы усложняете нам жизнь. Если вы не хотите, чтобы мы вошли и усложнили жизнь вам, сделайте милость, заткните свою поганую пасть и закройте чертово окно!

Она, вздрогнув, задрала голову:

— Ах, так вас двое? Вы все, убирайтесь отсюда! Прочь! Прочь!

— Закрой окно, закрой окно, закрой окно, твою мать!

— Да я вас обоих укокошу, гниды! — взревел Ференц. — Сброшу к чертовой матери с этой...

Тут раздался леденящий душу треск, и решетка тяжело дрогнула под тремя вцепившимися в нее мужчинами.

— Ну вот, чего и следовало ожидать. — простонал Локк. — Спасибо тебе огромное, Ференц!

Затем из всех четырех глоток разом хлынули потоки цветистых проклятий, но кто какие проникновенные слова произнес, впоследствии ни один из них толком не помнил. Если двоих осторожных мужчин решетка еще кое-как выдерживала, то под весом троих неосторожных и порывистых она начала с громким хрустом, треском и скрипом отходить от стены.

Ференц, повинувшись силе тяжести и голосу здравого смысла, с поразительной скоростью заскользил вниз, обжигая ладони о виноградные плети и в ходе спуска отдирая от стены шпалеру. Когда он находился в двадцати футах от земли, хлипкая конструкция наконец сорвалась с последних креплений и вместе с ним ухнула в темный переулок, где бедняга оказался погребен под грудой деревянных обломков и виноградных лоз. Обрушилось добрых тридцать футов решетки, и теперь ноги Жана болтались в пустоте.

Молниеносно переместившись вправо, Локк спрыгнул на оконный карниз и носком башмака отпихнул женщину в глубину комнаты. Жан стал лихорадочно карабкаться вверх, поскольку кратчайший доступ к окну по-прежнему преграждала открытая ставня.

Решетка под его руками уже со зловещим треском отделялась от стены, когда он неуклюже перекинулся через ставню сверху и ввалился в окно, увлекая с собой Локка.

Путаясь в плащах, они рухнули на голый дощатый пол.

— Вон отсюда! Лезьте обратно в чертово окно! — провизжала обитательница комнаты, для пущей убедительности сопровождая каждое слово быстрым пинком в ребра Жану. По счастью, она была босиком.

— Глупейшее предложение, — сказал Локк откуда-то из-под своего дородного друга.

— Эй! Эй! Эй!

Жан поймал женщину за ногу и оттолкнул прочь. Она отлетела назад и упала навзничь на подвесную кровать, известную в народе как «виселка»: двухместный гамак из тонкой, но прочной полушелковой веревки, крепившийся к потолку на четырех крюках. Только сейчас Локк с Жаном заметили, что женщина в одном нижнем белье. А нижнее белье, которое каморрские дамы носят летом, прямо скажем, мало чего прикрывает.

— Пошли вон, ублюдки! Вон! Вон! Я сейчас...

Едва Локк с Жан успели встать с пола, как дверь напротив окна с грохотом распахнулась и в комнату вступил плечистый верзил с мускулатурой портового грузчика или кузнеца. В очах вошедшего горело мстительное удовлетворение, и от него исходил резкий, кислый запах крепкого спиртного, ощутимый даже с десяти шагов.

В первое мгновение Локк изумился, каким образом Ференцу удалось подняться обратно столь быстро, но во второе мгновение сообразил, что перед ними вовсе не Ференц.

Он невольно хихикнул.

Порыв ночного ветра с треском захлопнул ставню у него за спиной.

Женщина издала сдавленный писк, похожий на мяуканье котенка, надающего в глубокий темный колодец.

— Ах ты, грязная сука! — протяжно произнес мужик слегка заплетающимся языком. — Гнусная, грязная сука! Я так и знал. Так и знал, что ты не одна. — Он сплюнул и потряс головой, уставив мутные глаза на Локка с Жаном. — Причем сразу с двоими. Ну и ну! Черт... Значит, чтоб заменить меня в постели, требуются двое. Надеюсь, мальчишки, вы славно развлеклись напоследок с чужой бабой, — продолжал он, наклоняясь и вытаскивая из левого сапога

девятидюймовый вороненый стилет. — Потому как сейчас я превращу вас в девочек.

Жан широко расставил ноги и левой рукой потянулся за Злобными сестрицами, а правой отодвинул Локка себе за спину.

— Стой, стой! — закричал Локк, размахивая обеими руками. — Я понимаю, как это выглядит, но ты ошибаешься, приятель! — Он ткнул пальцем в оцепеневшую от ужаса женщину на кровати. — Твоя баба накувыркалась с другим еще до нашего появления!

— Гатис! — прошипела женщина. — Гатис, эти скоты хотели меня спланировать! Прикончи их! Спаси меня!

Гатис с рычанием бросился на Жана, держа кинжал перед собой хватом опытного поножовщика. Но он был слишком пьян и слишком взбешен, чтобы тягаться с трезвым и хладнокровным противником. Локк проворно отскочил в сторону, а Жан поймал Гатиса за запястье и сбил с ног стремительной подсечкой.

Верзила со всего маху грянулся спиной об пол, выронив клинок. Одновременно с этим Жан, по-прежнему крепко сжимавший запястье Гатиса, резко крутанул ему руку — послышался гошнотворный хруст. В первую секунду ошеломленный Гатис даже не вскрикнул, но потом боль прорвалась в затуманенное сознание, и он испустил хриплый вопль.

Жан схватил его за грудки, рывком поднял на ноги и со всей силы швырнул об стену слева от окна. Здоровяк с треском ударился затылком о камень и начал медленно валиться вперед, но правый кулак Жана, описавший в воздухе молниеносную дугу и врезавшийся ему в челюсть, отбросил его обратно. Еще раз шаркнувшись баншкой об стену, Гатис рухнул на пол и остался неподвижно лежать там, похожий на огромный бесформенный мешок теста.

— Да, да! — взвизгнула женщина. — Давай, вышвырни его из окна!

— Во имя всего святого, сударыня! — рявкнул Локк. — Нельзя ли уже определиться, на чьей ты стороне?

— Если Гатиса найдут мертвым под твоим окном, я вернусь и отправлю тебя за ним следом, — пригрозил Жан.

— А если скажешь кому-нибудь, что мы здесь были, — добавил Локк, — то будешь молить богов, чтобы мой друг вернулся и отправил тебя за ним следом.

— Но Гатис-то вас не забудет! Он все и расскажет! — испуганно проверещала женщина.

— Такой дюжий детина? Да я тебя умоляю! — Жан неспешно поправил плащ и надел шляпу, слетевшую с головы во время короткой схватки. — Завтра он наврет, что на него напали восьмеро громил с дубинками.

Покинув комнату через дверь, из которой недавно появился грозный Гатис, друзья оказались на площадке наружной лестницы с северной стороны башни. Теперь, когда виноградная шпалера обрушилась, у них не было другого выбора, кроме как быстро спускаться по ступенькам и возносить мольбы к Многохитрому стражу. Локк затворил за собой дверь, оставив огорошенную женщину лежать на подвесной кровати — в обществе бесчувственного Гатиса, валявшегося на полу под окном.

— Похоже, сегодня боги милостивы к нам, — проговорил Локк, торопливо шагая по скрипучим ступенькам. — По крайней мере, мы не потеряли свои дурацкие шляпы.

Прямо перед ними, шумно хлопая крыльями, пронеслась крупная птица — хищная черная тень на фоне городских огней.

— Ну а теперь, — добавил Локк, — нас взял под свое крыло наш друг Сокольник. Уж не знаю, к добру или к худу.

Интерлюдия

ВВЕРХ ПО РЕКЕ

1

Жан был на занятиях в Обители Стекланных роз, когда Локк узнал, что в скором времени отправится пожить на одну из ферм, расположенных выше по реке.

В гот Праздный день с утра зарядил проливной дождь, поэтому отец Цеппи спустился с Кало, Галдо и Локком в столовую, чтобы научить своих подопечных карточной игре «богач, нищий, солдат, герцог», смысл которой сводился к тому, чтобы хитростью выманить у соперников все деньги до последнего ломаного медяка. Само собой, мальчики быстро вошли в азарт.

Двойка, тройка и пятерка шишей, — торжествуяще объявил Кало. — И печать Двенадцати в придачу.

Умри в корчах, межеумок, — осклабился Галдо. — У меня полный набор чаш и печать Солнца в придачу.

Это тебя не спасет, придурок. Гони монеты.

— На самом деле, Кало, полная последовательность при любой печати бьет неполную, — указал Цеппи. — Так что Галдо взял бы верх, если бы не...

— А что, никого не интересует, какие карты у меня? — подал голос Локк.

— Да нет, в общем-то, — ответил священник. — Ибо никакая комбинация не кроет полный герцогский дом. Он выложил на стол свои карты и с чрезвычайно довольным видом похрустел пальцами.

— Вы жульничаете! — возмущился Локк. — Мы сыграли шесть партий, и у вас уже второй раз выпадает полный дом.

— Разумеется, жульничая, — согласился Цеппи. — Без жульничества играть скучно. Вот когда ты раскумекаешь, каким образом я жульничаяю, тогда я пойму, что ты начинаешь делать успехи.

— Ой, зря вы это нам сказали, — ухмыльнулся Кало.

— Теперь мы будем упражняться всю неделю, — пообещал Галдо.

— И в следующий Праздный день обдерем вас как липку, — подхватил Локк.

— Это вряд ли, — усмехнулся священник. — Поскольку в ближайший Покаянный день я отправляю тебя на трехмесячную практику.

— Что-что?

— Помнишь, в прошлом году я отсылал Кало в Лашен, изображать послушника ордена Гандоло? А Галдо тогда отправился в Ашмир, чтобы внедриться в орден Сендовани? Теперь настал твой черед. Побудешь какое-то время крестьянином.

Крестьянином?

— Ага, есть такие люди — слышал, может? — Цени сгреб со стола карты и ловко перетасовал. — Живут в деревнях и поставляют продукты в город.

— Да, но... я же ничего не знаю о крестьянском труде.

— Само собой. Когда я тебя купил, ты не умел ни кухарить, ни прислуживать за столом, ни одеваться, как подобает знатной особе, ни говорить по-вадрапски — но научился же. Теперь тебе предстоит еще кое-чему научиться.

— А где?

— В маленькой деревушке под названием Вилла-Сенциано, расположенной в семи-восьми милях выше по реке. Тамошние жители арендуют землю у герцога или у мелкой знати с Альсегранте. Я представляюсь священником ордена Дома Эллизы, а ты будешь послушником, которого отправили поработать на земле в угоду богине. У них так заведено.

— Но я и об ордене Дома Эллизы ничего не знаю!

— А тебе и не нужно. Человек, у которого ты будешь жить, знает, что ты один из моих маленьких безобразников. Твоя история предназначена для других.

— А нам чем заниматься в ваше отсутствие? — спросил Кало.

— За храмом присматривать. Меня не будет всего два дня. Может же Безглазый священник захворать и слечь ненадолго. Без меня на ступенях не сидите: когда я пропадаю на какое-то время, люди проникаются ко мне сочувствием и после моего возвращения подают гораздо охотнее, особенно если я жалостно чихаю и кашляю. Так что можете развлекаться, как вашей душе угодно, только не разгромите мне храм к чертовой матери.

– Я буду худшим карточным игроком в храме, когда вернусь, – расстроился Локк.

Ясное дело, – радостно подтвердил Кало. – Счастливого тебе пути, Локк!

– Наслаждайся свежим деревенским воздухом, – добавил Галдо. – Живи там сколько хочешь.

2

Пять башен вздымались над Каморром, подобные вскинутой длани неведомого божества. Пять громадных разновысоких цилиндров из Древнего стекла, с многочисленными башенками, шпилями, наружными галереями и странными архитектурными вычурами, которые наглядно свидетельствовали, что таинственные зодчие грандиозных сооружений не вполне разделяли эстетические вкусы людей, впоследствии присвоивших их творения.

Самая восточная башня, Заревая, имела четыреста футов в высоту и была мерцающего серебристо-красного цвета, как отражение закатного неба в водной глади. За ней стояла башня чуть повыше, чьи обсидиановые стены переливались всеми цветами радуги, точно горячее масло на солнце. Называлась она Черное Копье. Крайняя башня с другой стороны, Западный Страж, источала мягкое лиловое сияние турмалина, пронизанного жемчужно-белыми прожилками. Рядом с ней высился Янтарный Кубок, с затейливо вырезанными в стенах полостями и желобками, из которых ветер извлекал жутковатые заунывные мелодии. А посередине вздымалась самая высокая и величественная башня, сверкавшая, как расплавленное серебро, увенчанная знаменитым Небесным садом, откуда сползали по стенам густые виноградные лозы, из коих самые длинные висели в шестистах футах над землей. Она именовалась Вороновым Гнездом и служила резиденцией герцога Никованте.

Между крышами, шпилями и галереями всех Пяти башен протягивалась сеть полупрозрачных канатов (многие мили прочнейшей толстой веревки, свитой из Древнего стекла, были найдены в тоннелях под Каморром еще века назад). По канатам перемещались клетки с пассажирами и грузом, приводимые в движение слугами, вращающими огромные лебедки. Представители Пяти семейств видели в головокружительных переправах через зияющие

бездны своего рода испытание чести и отваги, хотя обитатели нижнего Каморра просто крутили пальцем у виска, на них гляючи.

Локк, до сих пор не уставший дивиться таким чудесам, завороженно смотрел, как с пристроенных к стенам площадок поднимаются или спускаются большие грузовые клетки, приводившие на память «паучьи клетки» на башнях Дворца Терпения.

Они со священником сидели в двуколке с маленьким багажным отделением сзади, где под старой парусиной лежало несколько узелков с разными нужными вещами. Цеппи был в просторном коричневом одеянии с серебряной и зеленой отделкой, изобличавшем в нем слугителя Дома Элизы, Матери дождей и жатвы, а Локк — в простой рубаше и штанах, босиком.

Две запряженные в двуколку лошади (не Усмиренные, ибо за пределами города Цеппи не пользовался кроткими белоглазыми тварями) неторопливо рысили по извилистой булыжной улице Семи Колес — главной улице квартала Мельничного водопада. На самом деле в белопенных струях Анжевины здесь вращались не семь колес, а столько, что и не счесть.

Пять башен располагались на широком плато, возвышавшемся на шестьдесят с лишним футов над Пижним городом. Анжевина протекала по плато чуть восточнее башен и низвергалась с этой высоты мощным шестиступенчатым водопадом шириной почти двести ярдов.

Колеса крутились на самом верху водопада, под огромным мостом из стекла и камня, где стояли в ряд деревянные мельницы.

Колеса крутились и в основании водопада, по обеим сторонам реки, используя силу бурного вспененного потока, чтобы привести в движение все, что только можно, от мельничных жерновов до воздушных мехов, раздувающих огонь под громадными чанами пивоварен. Повсюду здесь сновал деловой и рабочий люд, а изредка там и сям просезжали в золотых каретах знатные господа, которые навевывались в квартал Мельничного водопада, чтобы проследить за ходом дел на своих предприятиях и отдать распоряжения работникам.

В самом конце улицы Семи Колес священник с мальчиком повернули на восток и, проехав по широкому низкому мосту, оказались неподалеку от ворот Ченца — через них город покидали все перевозочные средства, направлявшиеся на север. Здесь стояла несусветная суতোлка, с которой едва справлялась маленькая армия желтокурточников. Караваны телег и подвод, входившие в город,

сразу за воротами Ченца попадали в полное распоряжение герцогских налоговых и пошлинных сборщиков — мужчин и женщин, легко опознаваемых по высоким черным шляпам без полей и прозванных за глаза шкуродерами.

Уличные разносчики, перекрикивая друг друга, расхваливали всяк свой товар, от теплого пива до вареной морковки. Попрошайки кланчили милостыню, красочно описывая самые невероятные причины своего бедственного положения и жалуясь на старые раны, полученные на войнах, явно закончившихся задолго до того, как они вообще появились на свет. Самых назойливых и вонючих из них желтокурточники гнали прочь своими черными лакированными дубинками. Было еще только девять часов утра.

— Ты бы видел, что здесь творится в полдень, — сказал отец Цеппи. — Особенно в пору урожая. Или в дождь. О боги...

Священническое облачение Цеппи и серебряный солон, незаметно переданный при рукопожатии, произвели должное впечатление: желтокурточники пропустили двуколку, не сказав ни слова, кроме «Доброго вам дня, ваша святость».

Ворота Ченца, с громадными створами из железного дерева, имели пятнадцать ярдов в ширину и почти столько же в высоту. В караульных домиках на городской стене размещались не обычные стражники, а чернокурточники — солдаты регулярной каморрской армии. Несколько из них сейчас прохаживались взад-вперед по стене, что была толщиной добрых двадцать футов.

К северу от Каморра начинались предместья, застроенные каменными и деревянными домами, с такими просторными улицами, дворами и площадями, каких нигде не найдешь в самом городе. Берег реки стал низменным и тонким; на севере и востоке широкими террасами поднимались холмы, искрещенные белыми цепочками межевых камней, отмечающими границы земельных наделов. В зависимости от того, с какой стороны налетали порывы легкого ветерка, в воздухе пахло то морской солью и дровяным дымом, то унавоженной землей и оливковыми рощами.

— Многие люди, живущие за пределами больших городов, — заговорил Цеппи, — по незнанию называют свои поселения городами — такие вот жалкие скопления домишек. Но если большинство здешних обитателей никогда не бывали в настоящем городе, то ты никогда не бывал в деревне. Поэтому держи глаза и уши открытыми, а рот закрытым. Все примечай да мотай на ус, особенно

в первые дни, пока будешь приспосабливаться к новой обстановке.

— А зачем вообще нужна эта поездка. Цеппи?

— Возможно. Локк, когда-нибудь тебе придется изображать человека самого низкого происхождения. Познакомившись с жизнью крестьянина, ты получишь известное представление и о погонщиках, и о багорщиках, и о деревенских кузнецах, и о коновалах — даже о разбойниках, орудующих в сельской местности.

На север из Каморра вела дорога, построенная в эпоху Теринского владычества: насыпная дорога с мелкими канавами по обочинам, покрытая гравием и железными опилками — отходами из кузниц Дымного квартала. Под воздействием дождей гравий местами слипся в твердые рыжевато-ржавые пласты, и колеса повозки звонко стучали, прокатываясь по ним.

— Среди чернокурточников много выходцев из деревень, расположенных к северу от Каморра, — неторопливо продолжал Цеппи. — Все каморрские герцоги охотно набирали в свои войска крестьян, когда требовалось пополнение, а проводить общий призыв среди городской черни не было необходимости. У солдат хорошее жалованье. А кто отслужит полных двадцать пять лет, получает в пользование земельный участок — если не убьют, конечно. Они приходят в Каморр с севера и уходят обратно на север.

— Поэтому, что ли, чернокурточники и желтокурточники друг друга недолюбливают?

— Ишь ты, смысленный какой! — В глазах Цеппи блеснул веселый огонек. — Твоя догадка недалеко от истины. Почти все желтокурточники — городские парни, которые хотят таковыми остаться. Ну а солдаты ко всему прочему народ обособленный и страшно заносчивый — таких задавак и скандалистов не сыщешь нигде, кроме как в спальнях высокородных дам. Они лезут в драку по любому поводу, а уж за честь мундира глотку перегрызут. Поверь мне, я знаю.

— Вы когда-то прикидывались солдатом?

— О Тринадцать, нет! Я служил по-настоящему.

— Чернокурточником?

— Да. — Отец Цеппи со вздохом откинулся на деревянную спинку сиденья. — Тридцать лет назад. Даже больше. Я был копейщиком у старого герцога Никованте. Из нашей деревни почти все мои сверстники ушли в армию. Времена были тяжелые, война

за войной. Герцогу требовалось расходное мясо, а нам — пропитание да звонкая монета.

— А как называлась ваша деревня?

Отец Цеппи криво усмехнулся:

— Вилла-Сенциано.

— О...

— Нас тогда целая толпа ушла. — Цеппи умолк, и несколько долгих мгновений слышался лишь стук копыт и колес по дороге. — А вернулось только трое. Если не здоровыми, то по крайней мере живыми.

— Всего трое?

— Насколько мне известно. — Цеппи поскреб в бороде. — К одному из них я тебя и везу. Его зовут Вандрос. Хороший человек. Необразованный, но умный в житейском смысле слова. Он отслужил свои двадцать пять лет и получил от герцога землю в аренду.

— В аренду?

— Большинство простых селян не владеют своей землей. Подобно тому, как городские домохозяева на самом деле не владеют своими домами. Старый солдат за выслугу лет получает в пожизненное пользование земельный участок. Своего рода вспомоществование от герцога. — Цеппи невесело усмехнулся. — Взамен за потерянные молодость и здоровье.

— Но вы-то не двадцать пять лет служили?

Нет. — Цеппи потерял бороду привычным нервным жестом. — Черт, курить-то как хочется! Но в ордене Элизы курение сурово порицается, имей в виду. Нет, я сильно занемог после одного сражения. Не обычная ерунда, вроде поноса или стертых в кровь ног, а изнурительная лихорадка. Встать не мог, валялся при смерти, вот меня и оставили... меня и многих других. На попечение странствующих священников Переландро.

— Но вы не умерли.

— Надо же, какой умный мальчик! Чтобы прожить со мной всего-навсего три года и на основании столь слабых улик прийти к совершенно правильному выводу!

— И что было потом?

— Да много всякого. А чем все закончилось, ты и сам знаешь. Я качу в этой повозке на север и развлекаю тебя болтовней.

— А что случилось с третьим человеком из вашей деревни?

— С ним-то? Ну, у него всегда котелок хорошо варил. Вскоре после того, как я свалился с лихорадкой, он получил звание сержанта. В битве при Нессеке сражался плечом к плечу с молодым герцогом, когда старый Никованте получил стрелу промеж глаз. Он остался в живых, продвинулся по службе и доблестно служил нынешнему Никованте в следующих нескольких войнах.

— А где он сейчас?

— В данную минуту? Откуда мне знать? Но позже днем он проведет очередное занятие с Жаном Танненом в Обители Стекланных роз.

— О... — Локк открыл рот от удивления.

— Да, жизнь — забавная штука, — задумчиво проговорил Цеппи. — Трое крестьян стали тремя солдатами. А из троих солдат один стал крестьянином, другой бароном, а третий священником-вором.

— А теперь и я стану крестьянином, на какое-то время.

— Да. Это чрезвычайно полезный опыт. Но не только.

— А что еще?

— Очередное испытание, сынок. Просто очередное испытание.

— То есть?

— Все эти годы я за тобой присматривал. Рядом с тобой всегда находились Кало, Галдо и Жан, а изредка — Сабета. Наш храм стал для тебя родным домом. Но время подобно реке, Локк, и течение всегда уносит нас дальше, чем мы предполагали. — Он тепло улыбнулся мальчику. — Я не смогу всю жизнь заботиться о тебе, сынок. Нам нужно проверить, как ты проявишь себя в новой незнакомой обстановке, предоставленной самому себе.

Глава 8

ПОГРЕБАЛЬНАЯ БОЧКА

1

Медленный, размеренный бой похоронных барабанов. Медленная, ровная поступь участников скорбного шествия, идущих на север от Плавучей Могилы, с факелами в руках. Две длинные цепочки кроваво-красных огней, ползущие под низкими темными облаками. Так все началось.

В середине процессии шел Венкарло Барсави, капа Каморра, а по обе руки от него шагали сыновья. Перед ним двигался гроб, убранный черным шелком и золотой парчой, который несли двенадцать (по числу теринских богов) носильщиков в черных плащах и черных масках. Позади Барсави катилась повозка с огромной деревянной бочкой, влекомая шестью мужчинами, а за повозкой следовали облаченные в черное служители Безымянного Тринадцатого бога.

Барабанный бой отдавался эхом от каменных стен, гулко раскатывался по каменным улицам, далеко разносился над мостами и каналами. Факельные огни отражались в каждом окне, в каждом кусочке Древнего стекла, мимо которых проплывали. Народ смотрел опасливо, если вообще смотрел: многие при приближении печальной процессии запирали двери на засовы и плотно закрывали ставни. Так в Каморре хоронят людей богатых и влиятельных: медленное скорбное шествие к Шепотному холму, погребальная церемония, а потом буйная, горькая тризна. Тосты за упокой усопшего, скорбный пир для тех, кто еще не призван на суд Азы Гийи, Повелительницы Долгого безмолвия. Погребальная бочка является неотъемлемой частью традиции.

Процессия покинула Деревяную Свалку в самом начале десятого и медленно вошла в Котлище, где ни один пьянчуга или

уличный мальчишка не посмел перейти через дорогу перед ней, где шайки головорезов и толпы грязного сброда в мрачном молчании стояли вдоль улиц, по которым проходил их повелитель со своими подданными.

Траурное шествие миновало Дымный квартал и вступило в Тихий. От каналов поднимался серебристый туман, теплый и липкий. Ни один желтокурточник не встретился на пути процессии, ни один констебль не появился в пределах видимости — капа заранее позаботился о том, чтобы для служителей порядка той ночью нашлись дела на другом конце города. Вся восточная часть Каморра сегодня принадлежала Барсави и длинной колонне факелоносцев. Чем дальше на север продвигался он, тем больше добропорядочных горожан при его приближении укрывалось за запертыми дверями, гасило огни в своих домах и молилось, чтобы шествие поскорее прошло мимо своей дорогой.

Когда бы кто из них наблюдал за процессией, то непременно заметил бы, что она не стала поворачивать к Шепотному холму, а движется дальше на север, к восточной окраине квартала Ржавый Затон, где в туманной ночной мгле смутно темнело огромное заброшенное здание под названием Гулкая Пора.

Пытливый наблюдатель подивился бы и численности похоронной процессии (свыше ста человек следовало за гробом), и странному облачению ее участников. Одни только гробоносцы были одеты в траур, а все остальные шли в полном боевом снаряжении: в кожаных кирасах с черными заклепками, нашейниках, плечах и наручах; с кинжалами, дубинками, топорами и маленькими круглыми щитами у пояса. И участвовали в шествии лишь отборные представители каморрских шак, самые лютые и опасные из Путных людей — мужчины и женщины с холодными глазами, жестокие головорезы, за каждым из которых числилось немало убийств. Они собрались из всех подвластных капе кварталов, из всех до единой шак — из Красноруких и Серолицых, Шалых Псов и Арсенальных, Речных Грабителей и Черных Трюкачей, Баронов Горелица и десятка других.

Однако самого странного в этой похоронной процессии сторонний наблюдатель, даже самый внимательный, никак не мог заметить.

Дело в том, что тело Наски Барсави, завернутое в шелковые простыни, пропитанные алхимическим составом, замедляющим смертное тление, осталось лежать в покоях на Плавучей Могиле.

Прошлой ночью Локк Ламора и дюжина других служителей Безымянного Тринадцатого, Многохитрого стража, вознесли молитвы за упокоение души и положили тело девушки посреди круга из священных свечей — до времени, когда ее отец покончит с делом, не имеющим никакого отношения к Шенотному холму. Убранный траурными шелками гроб был пуст.

2

— Я — Серый король, — произнес Локк. — Я — Серый король, лопни его глаза. Я — Серый король.

— Возьми чуть пониже и добавь хрипотцы, — посоветовал Жан Таннен, возившийся с обшлагом серого камзола, надетого на Локка. — Еще нужен легкий веррарский акцент. Ты говорил, у него акцент.

— Я — Серый король, — повторил Локк. — И я буду улыбаться во весь затылок, когда Благородные Канальи разделаются со мной.

— О, вот так хорошо, — кивнул Кало, наносивший на волосы друга вонючую алхимическую мазь, под действием которой они постепенно приобретали угольно-серый цвет. — Мне нравится. Акцент хоть и слабый, но вполне уловимый.

Локк стоял совершенно неподвижно, как портновский манекен, а Кало, Галдо и Жан толпились вокруг него с гримировальными и швейными принадлежностями в руках. Клоп сторожил у двери помещения, глядя в оба и чутко прислушиваясь, не появится ли поблизости какой незванный гость.

Благородные Канальи укрывались в одной из заброшенных лавчонок в окутанном густым туманом квартале Ржавый Затон, всего в паре сотен ярдов от Гулкой Норы. Ржавый Затон — мертвый остров, зловещий и почти необитаемый — пользовался дурной славой. Каморрцы, давно отбросившие всякие предрассудки насчет сооружений из Древнего стекла, по-прежнему испытывали смертельный страх перед Ржавым Затонем. Толковали, будто огромные черные тени, скользившие под водой в злепней лагуне, были вовсе не старыми славными акулами-людоедами, а тварями куда более древними и куда более ужасными. Соответствовали слухи действительности или нет — сказать трудно, но пустынный Ржавый Затон как нельзя лучше подходил для встречи Барсави

и Серого короля, которая поставит точку в их странной истории. Локк подозревал, что памятной ночью, когда Серый король впервые вторгся в его жизнь, их встреча тоже состоялась где-то здесь, в Ржавом Затоне.

Чтобы превратить Локка в Серого короля. Благородные Канальи прибегли ко всем мыслимым маскардным ухищрениям. Он уже разительно преобразился: серые волосы, серая одежда, серые сапоги на толстой подошве, прибавлявшей добрых два дюйма к росту, серые вислые усы, крепко приклеенные над губой.

— Выглядишь неплохо, — одобрительно заметил Клоп.

— Чертовски театрально, конечно, но Клоп прав, — согласился Жан. — Теперь, когда я подогнал этот дурацкий камзол по твоей фигуре, ты действительно выглядишь спогсшибательно.

— Жаль, что не для себя стараемся, — сказал Галдо. — Я бы получил гораздо больше удовольствия. А ну-ка, наклонись, Локк, соорудим тебе морщины.

Он принялся осторожно наносить на лицо товарища теплую восковидную мазь, которая быстро высыхала и твердела, стягивая кожу. Уже через минуту у Локка появились и гусиные лапки вокруг глаз, и носогубные складки, и морщины на лбу. Теперь он выглядел лет на сорок пять, если не старше. Его вид не вызвал бы никаких подозрений и при ясном свете дня, а уж ночью и подавно не вызовет.

— Просто блестяще, — удовлетворенно кивнул Жан. — Особенно если учесть, в какой спешке и в каких условиях пришлось работать.

Локк накинул капюшон плаща и натянул серые кожаные перчатки.

— Я — Серый король, — произнес он хриловатым низким голосом, изображая странный акцент настоящего Серого короля.

— По мне, так чертовски убедительно, — сказал Клоп.

— Ладно, в таком случае пора собираться на выход. — Локк подвигал челюстью, чувствуя, как растягивается и сокращается фальшивая морщинистая кожа. — Галдо, будь добр, подай стилеты. Пожалуй, один я спрячу в сапог, а другой — в рукав.

«Ламора», — внезапно раздался бесстрастный шепот Сокольника. Локк вздрогнул, а в следующее мгновение сообразил, что голос звучит у него в голове.

— Что такое? — встревожился Жан.

— Сокольник, — ответил Локк. — Он... снова проделывает этот свой поганый фокус.

«Барсави уже близко. Ты и твои друзья должны быть на своих местах через пару минут».

— Наш друг вольнонаемный маг проявляет нетерпение, — сказал Локк. — Так... повторим быстро еще раз. Клоп, ты помнишь, где должен находиться и что от тебя требуется?

— Прекрасно помню. — ухмыльнулся мальчишка. — На сей раз даже с крыши прыгать не придется, так что за меня не беспокойся.

Жан, тебя устраивает твое место?

Не особо, но лучшего-то нет. — Жан хрустнул пальцами. — Я буду неподалеку от Клопа, под полом. Если дело пойдет наперекосяк, ты, главное, сразу бросайся в чертов водопад. А уж я тебя прикрою, да так, что никому мало не покажется.

— Кало. Галдо. — Локк повернулся к близнецам, которые проворно складывали в суму инструменты и гримировальные принадлежности, — у нас все готово на случай бегства?

— Если придется уносить ноги, все пройдет без сучка без задоринки, — заверил Галдо. — Кругленькое состояньице упаковано в мешки, две повозки с лошадьми ждут за храмом, закупленного съестного хватит на долгое приятное путешествие.

— А стража у Виконтовых ворот пропустит нас мигом — исчезнем без следа, будто нас никогда и не было в Каморре, — добавил Кало.

— Хорошо. Ладно. Черт... — Локк взволнованно потер руки. — Ну... все вроде. Сейчас мне не до цветистых тирад, поэтому давайте просто произнесем ритуальные фразы и помолимся за благополучный исход.

Клоп шагнул вперед и откаплялся.

— Я делаю это потому лишь, что страсть люблю темными жуткими ночами прятаться в заброшенных домах с привидениями Древних.

— Лжец, — медленно проговорил Жан. — А я делаю это потому лишь, что всю жизнь мечтал увидеть, как призрак Древнего сожрет Клопа.

— Лжец! — воскликнул Кало. — А я делаю это потому лишь, что меня хлебом не корми — дай только перетаскать полтонны чертовых монет из хранилищ, разложить по мешкам да погрузить на телегу.

— Лжец! — хихикнул Галдо. — А я делаю это потому лишь, что собираюсь в ваше отсутствие заложить всю нашу мебель и прочее добро в ломбарде Гарца Пакась-Выкуси.

— Вы все лжецы, — сказал Локк, когда друзья выжидательно уставились на него. — Мы делаем это потому лишь, что, кроме нас, в целом городе нет таких умников, которые в силах справиться с подобной задачей, и нет таких дураков, которые вообще взялись бы за нее.

— Каналья! — хором выкрикнули его товарищи, на мгновение забыв, где находятся.

«Я отсюда слышу ваши вопли, — вновь раздался бесплотный голос Сокольника. — Вы что, совсем с ума спятили?»

— Дядюшка сердится, что мы шумим среди ночи, — вздохнул Локк. — Ладно, приступим к делу. И коли будет на то милость Многохитрого стража, увидимся в храме, когда все благополучно закончится.

3

Гулкая Нора представляет собой громадное — в сто футов высотой — кубическое здание из серого камня, скрепленного тусклой разновидностью Древнего стекла, которое не источает сияния после заката, да и вообще не отражает света. В него ведет единственный вход — обычных размеров дверь, расположенная в двадцати футах над мостовой, наверху широкой каменной лестницы.

Выше по течению от Анжевины отходит акведук, который пролегает к югу от Мельничного водопада и тянется к Ржавому Затону, где изливает свои воды прямо в Гулкую Нору. Как и само кубическое здание, акведук считается носителем некоего древнего проклятия, а потому никогда ни для каких нужд каморрцами не использовался. Маленький водопад низвергается в дыру в полу, и темная вода с шумом утекает по разветвленным катакомбам, расположенным под Гулкой Норой. Некоторые такие подземные реки впадают в канал к юго-западу от Ржавого Затона, другие уносят свои воды в места, людям неизвестные.

Локк Ламора стоял в темноте посреди Гулкой Норы, прислушиваясь к рокоту падающей воды и не сводя глаз с мутно-серого дверного проема. Единственным утешением служила мысль, что Жану и Клопу, скрючившимся в сыром мраке под полом, еще

больше не по себе. По крайней мере, пока события не начали развиваться.

«Они уже близко, — раздался голос Сокольника. — Совсем рядом. Приготовься».

Локк услышал приближение процессии прежде, чем увидел. Через открытую дверь донесся приглушенный бой похоронных барабанов, сначала едва уловимый сквозь гул водопада, но постепенно усиливавшийся. Вскоре за дверью разлилось красноватое свечение, и стало заметно, что серый туман сгустился пуце прежнего. Факельный свет мерцал тускло и смутно, будто сквозь толщу воды, но в нем уже слабо различались очертания помещения, где находился Локк. Внезапно барабаны смолкли, и Локк опять остался наедине с шумом водопада. Он вскинул голову, заложил одну руку за спину и застыл в ожидании, напряженно глядя на дверь и чувствуя бешеный стук крови в висках.

В дверном проеме появились два красных огонька, подобные глазам дракона из сказочных повестей, столь любимых Жаном. За огоньками двигались две черные тени. Когда зрение Локка приспособилось к алому свету факелов, он разглядел вошедших — рослых мужчин в плащах и при оружии. Причем разглядел достаточно хорошо, чтобы по их позам и выражению лиц понять, что они не ожидали его увидеть. Мужчины разом остановились, но после минутного колебания тронулись дальше — один заходил справа от Локка, другой слева. Сам же Локк продолжал стоять совершенно неподвижно.

В дверях показались еще два огонька, потом еще два. Барсави посылал своих людей вверх по лестнице парами. Вскоре перед Локком выстроилась широким полукругом дюжина мужчин, чьи факелы озаряли Гулкую Нору северным красным светом с глубокими тенями. Все стены здесь были покрыты резьбой — таинственными письменами Древних, разгадать которые человеку так и не удалось.

Еще дюжина, и еще одна. Толпа вооруженных людей разрасталась, и Локк видел в ней знакомые лица. Головорезы, костоломы, лиходее. Закоренелые убийцы. Лютое зверье. Ровно то, что обещал Барсави, когда они вдвоём стояли над бездыханным телом Наски.

Медленно тянулись минуты. Локк по-прежнему хранил молчание. Люди все продолжали входить по двое. Вот сестры Беранджа — Локк узнал бы их по тяжелой, важной поступи и при более

слабом освещении. Они встали в первом ряду, прямо посередине, и безмолвно застыли там, со сложенными на груди руками. За спину Локку никто не заходил — очевидно, по распоряжению Барсави. Он по-прежнему стоял один, напротив угрюмой толпы Путных людей, которая все прибывала и прибывала.

Наконец огромное сборище разбойников начало расступаться. Приглушенные голоса, шум дыхания, скрип кожаных доспехов отдавались от стен многократным эхом и смешивались с гулом водопада. Один за другим люди стали гасить свои факелы с помощью мокрых кожаных мешочков, в воздухе поплыл запах дыма, и вскоре помещение погрузилось в полумрак: теперь остался гореть, наверное, лишь каждый пятый факел.

Но и такого освещения хватило, чтобы увидеть капу Барсави, возникшего в дверном проеме. Он был в камзоле из акульей кожи и черном бархатном плаще с золотой оторочкой, накинутом на одну плечо. Серые волосы, умащенные маслом, были гладко зачесаны назад, борода заново заплетена в три тугие косицы. Капа широким шагом двинулся вперед, справа от него шел Аньяис, слева — Пакеро, и в сверкающих отраженным огнем глазах всех троих Локк не увидел ничего, кроме жажды убийства.

«Все не так, как кажется, — раздался голос Сокольника. — Стой прямо, смотри твердо».

Пройдя через толпу, Барсави остановился и несколько долгих мгновений буравил взором недвижно стоящего перед ним призрака в сером плаще с низко надвинутым капюшоном, под которым лица толком не разглядеть, лишь глаза зловеще мерцают оранжевым светом.

— Король... — наконец промолвил он.

— Капа... — отозвался Локк, усилием воли заставив себя неподнаться высокомерия, вызвав в себе невесть откуда чувство презрительного превосходства.

Он должен стать человеком, который не испытывает ни малейшего страха, стоя один перед сотней свирепых головорезов; который принудил грозного Барсави к встрече с ним, совершив череду жестоких убийств, из коих последним стало убийство его единственной дочери. Сейчас он не друг Наски, но ее хладнокровный убийца, не своевольный подданный капы, но человек, ему равный. Даже не равный, а во всем его превосходящий.

По-волчьи оскалившись в улыбке, Локк откинул плащ с левого плеча и левой рукой поманил капу — издевательским жестом

том, каким задиристый драчун, уверенный в своих силах, вызовет противника на бой.

— Ублажите его, — громко сказал капа, и дюжина мужчин и женщин вскинула арбалеты.

«О Многохитрый страж, — беззвучно воззвал Локк, — дай мне мужества!» До хруста стиснув зубы, он застыл в напряженном ожидании.

Одновременный щелчок дюжины тетив гулко отдался от каменных стен. Дюжина черных стрел, размытых в стремительном движении, со свистом рассекла воздух и...

...отскочила от незримой преграды прямо перед лицом Локка и со стуком рассыналась на полу у него под ногами, точно стайка мертвых птичек.

Локк рассмеялся во все горло, охваченный ликованием. Окажись сейчас Сокольник с ним рядом, он бы расцеловал ненавистного мага в обе щеки.

— Я тебя умоляю! Неужто ты не слышал историй про меня?

— Всего лишь проверка личности... — ответил капа, — ваше величество.

Последние слова прозвучали насмешливо. Локк ожидал, что после безуспешной арбалетной атаки Барсави по крайней мере станет поосторожнее, но тот шагнул вперед безо всяких признаков страха.

— Я рад, что ты пришел на мой зов, — сказал Локк.

— Не ты, по кровь моей дочери призвала меня сюда.

— Горюй, коли хочется, никто тебе не мешает, — усмехнулся Локк, мысленно взмолившись: «Прости меня, Наска, прости, богов ради!» — Но разве сам ты был милосерднее двадцать два года назад, когда захватывал власть в городе?

— Так вот, значит, что ты делаешь? — Капа остановился — футах в сорока от Локка — и впился в него взглядом. — Отнимаешь у меня мой город?

— Я позвал тебя, чтобы обсудить вопрос о власти в Каморре. Уладить все к обоюдному удовлетворению.

Сокольник пока еще в разговор не вмешивался. Видимо, Локк хорошо справлялся с делом.

— Боюсь, удовлетворение будет не обоюдным. — Барсави поднял левую руку, и из толпы выступил один человек.

Локк пристально в него взгляделся: немолодой мужчина, костлявый и лысоватый. Без доспехов и оружия. Очень странно. И он, похоже, дрожит от страха.

— Делай, как мы договорились, Эймон, — велел капа. — Я честно выполняю свою часть обязательств, не сомневайся.

Безоружный мужчина двинулся вперед, медленно и перешептливо. Он смотрел на Локка с нескрываемым ужасом, но тем не менее шел прямо к нему, а сотня до зубов вооруженных головорезов молча наблюдала за происходящим, ничего не предпринимая.

— Правильно ли я понял его намерения? — насмешливо осведомился Локк.

— Скоро мы все увидим, какие у него намерения, — ответил капа.

— Я неуязвим для ножа и убиваю одним прикосновением.

— Да, ходят такие слухи, — кивнул капа.

Мужчина продолжал приближаться. Он уже находился в тридцати футах от Локка... в двадцати...

— Эймон, — произнес Локк, — тебя посылают на верную смерть. Остановись.

«О боги! — подумал он. — Не делай того, что собираешься сделать! Не вынуждай Сокольника убить тебя».

Эймон продолжал идти, подволакивая ноги. Подбородок у него трясся, дыхание было частым и тяжелым. Он выставил вперед дрожащие руки, словно готовясь кинуться в огонь.

«О Многохитрый страж, прости тебя, пусть он испугается! — в отчаянии подумал Локк. — Пусть он остановится! Сокольник! Сокольник, пожалуйста, нагони на него страху, сделай с ним что угодно, только не убивай!» Холодный пот катился у него по спине ручьями. Он чуть наклонил голову и вперил пристальный взгляд в Эймона. Теперь их разделяло всего десять футов.

— Эймон, я тебя предупредил. — Он изо всех сил старался говорить спокойным тоном, но у него не очень-то получалось. — Тебе грозит смертельная опасность.

— Да... да, я знаю. — ответил мужчина дрожащим голосом.

Затем он сделал последний шаг и обеими руками потянулся к правому плечу Локка.

«Черт!» — подумал Локк и, хотя он прекрасно знал, что от него самого ничегошеньки не зависит и убьет несчастного Сокольник...

Он непроизвольно отшатнулся, чтобы Эймон не дотронулся до него.

Глаза Эймона вспыхнули от изумления, он сдавленно ахнул, а в следующий миг, к ужасу Локка, прыгнул вперед и обеими ру-

ками вцепился в его руку — точно голодный стервятник, запускающий когти в долгожданную поживу.

— А-а-а-а-а! — как безумный завопил он, и в первое мгновение Локк решил, что с ним происходит что-то ужасное.

Но нет — Эймон был живехонек и держал его мертвой хваткой.

— Черт и еще раз черт! — пробормотал Локк, занося левый кулак, чтобы кренко врезать бедняге.

Но он стоял в очень неустойчивой позе, и Эймон, воспользовавшись своим преимуществом, изо всех сил толкнул его и вновь дико заорал: «А-а-а-а-а!» Полный торжества вопль, премного озадачивший Локка, с размаху шлепнувшегося на задницу.

Потом позади Эймона загрохотали по камню тяжелые башмаки, и темные фигуры окружили Локка со всех сторон, грубо схватили и рывком подняли на ноги. Он стоял в пляшущем свете двух дюжин факелов, удерживаемый сильными руками за плечи, за локти и запястья, за шею.

Капа Барсави, с горящими дьявольским предвкушением глазами, протолкался через толпу, отодвинул Эймона в сторону и встал лицом к лицу с Локком!

— Ну что, твое величество? Бьюсь об заклад, тебя сейчас оторонь забирает, сукино отродье.

Люди Барсави загоготали, засвистели, заулюлюкали. Затем капин пудовый кулак двинул Локку под дых — и воздух с хрипом вырвался у него из легких, и черная боль взорвалась в груди, и лишь тогда он окончательно понял, что дело дрянь.

4

— Да, бьюсь об заклад, ты удивлен до чрезвычайности, — продолжал капа, расхаживая взад-вперед перед Локком, которого по-прежнему держало с полдюжины здоровенных мужиков ростом чуть ли не в полтора раза выше него. — Я тоже, признаться. Давайте-ка откинем капюшон, ребятки.

Грубые руки сорвали капюшон с головы Локка, и капа холодно воззрился на своего пленника, одной рукой поглаживая заплетенную в косицы бороду.

— Серое, серое, все серое. Смахиваешь на балаганного лицедея. — усмехнулся он. — А тощий-то какой! Ну и дохляка мы пой-

мали нынче, парни! Вот он, Серый король, повелитель теней, тумана, и больше ничего.

Злобно ощерясь, капа наотмашь ударил Локка по лицу справа и тут же — едва тот успел почувствовать обжигающую боль — нанес тяжелейший удар слева. Локк уронил голову на грудь, но чья-то рука схватила его за волосы и дернула назад, заставляя смотреть в глаза Барсави. Мысли лихорадочно метались в голове. Неужто люди капы ухитрились найти Сокольника? Каким-то образом отвлекли его внимание? Неужто капа настолько обезумел от горя и ярости, что решился убить вольнонаемного мага?

— О, мы знаем, что ты неуязвим для кинжала и стрелы, к великому нашему сожалению, — продолжал Барсави. — Но что насчет обычных побоев? Чары картенских магов — странная штука, верно? Оружие мощное, но узкого действия.

Под насмешливый гул толпы он снова со страшной силой двинул Локка кулаком в живот. Огненные волны боли раскатились от позвоночника по всему телу, колени у Локка подкосились, но грубые руки подхватили его, не давая упасть.

— Сегодня утром один из твоих людей явился на Плавучую Могилу, — оскалился Барсави.

У Локка по спине пробежали ледяные мурашки.

— Похоже, ты не одного меня разъярил, вернув мне тело Наски в таком виде. Похоже, не все твои люди сочли забавным подобное гнусное надругательство. Так что мы с твоим человеком быстро сторговались. И он порассказал много интересного про чары, тебя охраняющие. А что до историй про твою способность убивать одним прикосновением, так он сказал, что все это чушь собачья.

«Тебе крышка, — прозвучал в голове Локка тихий голос, явно принадлежавший не Сокольнику. — Тебе крышка. Тебе крышка». Разумеется, никто Сокольника под стражу не брал и никаким иным способом от дела не отвлекал. Это ясно как день.

— Но я не вполне доверял этому малому, а потому заключил сделку с Эймоном, которого ты наверняка не знаешь. Эймон умирает, у него ползучая хворь в нутре, опухоли в желудке и позвоночнике. Лекаря здесь бессильны. Бедняге недолго осталось, два месяца от силы. — Капа похлопал изможденного мужчину по спине с такой гордостью, словно тот приходился ему родным сыном. — Вот я и сказал: почему бы тебе, Эймон, не подойти и не схватить подлого выродка? Если он и впрямь убивает прикосно-

молить богов о скорой и безболезненной смерти. Пусть Локк Ламора просто бесследно сгинет в одну прекрасную ночь: пусть остальные Благородные Канальи избегут прискорбной участи, благополучно скрывшись из города. С трудом сдержав горячие слезы, подступившие к глазам, Локк заставил себя презрительно улыбнуться.

— Ну давайте, нсы поганые, покажите, на что способны, — обратился он к сыновьям Барсави. — Может, у вас получится лучше, чем у вашего папаши.

Аньяис и Пакеро при желании могли убить одним ударом, но сейчас у них такого намерения не было. Они молотили кулаками по ребрам и под ложечку, били костяшками в грудь и плечи, пинали в голени и бедра, наотмашь душили по голове и шее, пока Локк не стал хрипеть и задыхаться. Под конец Аньяис рывком поднял его на ноги и схватил за подбородок, чтобы посмотреть прямо в глаза.

— А это — от Локка Ламоры, — сказал он и свободной рукой нанес сокрушительный удар в висок.

Голова у Локка дернулась, острая боль пронзила шею, и в багровом тумане, застилавшем глаза, брызнули яркие снопы искр. Он закашлялся, сплюнул кровью и облизал распухшие губы.

— Ну а теперь, — громко произнес Барсави, — я свершу отцовское возмездие за смерть Наски.

Он трижды хлопнул в ладоши.

С улицы донеслись приглушенные чертыхания и тяжелый стук шагов по каменным ступеням. Через минуту в дверь вошли еще восьмеро мужчин, которые тащили громадную деревянную бочку — примерно такую же, в какой мертвую Наску Барсави вернули отцу. Погребальную бочку. Толпа живо расступилась перед ними. Они поставили бочку рядом с кашой, и Локк услышал, как в ней глухо плеснулась жидкость.

«О Тринадцать...» — пронеслось у него в голове.

— Неуязвим для ножа, неуязвим для стрелы, — медленно проговорил Барсави, словно размышляя вслух. — Но ты, как мы видим, беззащитен против побоев. И тебе, как мы видим, нужно дышать.

Двое парней сняли крышку, и Локка подтащили к бочке. В ноздри шибануло едким смрадом лошадиной мочи, и Локк закашлялся, давясь рвотными позывами и судорожно всхлипывая.

— Посмотрите на Серого короля, — прошептал кана. — Посмотрите, как он рыдает. Упоительное зрелище, которое я сохраню в памяти до конца своих дней. — Он возвысил голос. — Рыдала ли Наска? Плакала ли моя дочь, когда ты убивал ее? Не думаю. — Теперь он уже кричал. — Посмотрите на него в последний раз! Пнусный мерзавец испытает такие же муки, какие испытала моя дочь! Он умрет такой же смертью, что и она, но от моей руки!

Барсави схватил Локка за волосы и ткнул носом в зловонную бочку. На краткий миг Локк даже обрадовался, что ему нечем блевать, но и от сухих рвотных позывов измученный желудок крутило нестерпимыми спазмами.

— Одно мое прикосновение... — продолжал кана прерывистым голосом, сглатывая слезы злобного восторга. — Вот оно, одно мое прикосновение, сукино отродье! Не будет тебе яда. Не будет тебе быстрой смерти. Ты у меня славно помучаешься, хорошенько все распробуешь, пока будешь тонуть.

Крякнув от натуги, он приподнял Локка за шиворот, и несколько человек бросились подсобить хозяину. Все вместе они подхватили несчастного Ламору, перекинули через край бочки — и он упал головой вниз в тепловатую вонючую жидкость, в глухую тишину, в непроглядную смрадную темноту, разъедающую глаза, обжигающую ссадины, плотно обволакивающую со всех сторон.

5

Люди Барсави поставили крышку на место и заколотили покрепче деревянными молотками и обухами топоров. Напоследок кана треснул по ней кулаком и широко ухмыльнулся, хотя по щекам его все еще текли слезы:

— Сдается мне, бедняга не очень доволен исходом наших переговоров.

Мужчины и женщины дружно загоготали, торжествуя завопили, потрясая оружием и размахивая факелами, отчего по стенам бешено заметались тени.

— Теперь бросьте этого выродка туда. — Кана указал в сторону водопада. — Пускай плывет себе в море.

Дюжина человек с радостной готовностью подхватила бочку и со смехом и шутками потащила в северо-западный угол Гулкой

Норы, где водопад низвергался с потолка в черную расселину шириной футов восемь.

— Раз!.. — выкрикнул главный среди них. — Два!..

На счет «три» они швырнули бочку в темноту, и мгновение спустя где-то внизу послышался тяжелый всплеск. Тогда все вновь вскинули руки и испустили торжествующий вопль.

— Сегодня ночью, — прокричал Барсави, — пусть герцог Никованте мирно спит в своей постели, заперевшись в стеклянной башне! Сегодня ночью пусть Серый король спит смертным сном в лошадиной моче — в гробнице, которую я приготовил для него! Сегодня — моя ночь! Кто правит Каморром?

— Барсави! — хором прогремела толпа, и оглушительный крик отозвался многократным эхом от древних стен Гулкой Норы. Возбужденные возгласы, смех, рукоплескания слились в единый могучий гул.

— Сегодня ночью, — проорал капа, — пошлите вестников во все концы моих владений! Пошлите гонцов в «Последнюю ошибку»! Пошлите гонцов в Горелище! Разбудите Котлище и Скопище, Отбросы и Западню! Сегодня ночью мои двери широко открыты для всех! Шутные люди Каморра приглашаются в гости на Плавучую Могилу! Сегодня ночью мы закатым такой кутеж, что добропорядочные горожане накрепко запрутся в своих домах, желтокурточники затрясутся от страха в своих казармах и сами боги вскричат «Что за шум такой?», изумленно глядя с небес.

— Бар-са-ви! Бар-са-ви! Бар-са-ви! — грохотала толпа.

— Сегодня ночью мы отпразднуем великое событие, — закончил капа. — Сегодня ночью Каморр распрощался с последним из королей!

Интерлюдия

ВОЙНА С ПОЛУКРОНАМИ

1

Со временем Локк и остальные Благородные Канальи получили дозволение в свободное время гулять по городу в обычной одежде. Локку и Жану было без малого двенадцать лет, братья Санца выглядели немного старше, и отцу Цеппи стало трудно удерживать непоседливых мальчишек в подземном логове все время, когда они не сидели на ступенях своего храма или не проходили «ученичество» в других.

Священник поочередно отсылал своих воспитанников в главные храмы остальных одиннадцати теринских богов; перед мальчиками стояла задача пройти обряд посвящения в каждом из них. Юный Благородный Каналья приходил в храм под вымышленным именем и становился там послушником при содействии влиятельных людей, с которыми отец Цеппи заранее договаривался насчет него, пуская в ход свои связи или просто подкупая. Сделавшись же послушником, он неизменно радовал своих наставников грамотным письмом, обширными теологическими познаниями, примерным поведением и искренней верой. Новичок показывал замечательные успехи во всех предметах и уже в самом скором времени приступал к изучению так называемого сокровенного ритуала – обрядовых фраз, жестов и действий, предназначенных, так сказать, для внутреннего пользования среди посвященных служителей культа.

Впрочем, особого секрета все эти «сокровенные» вещи не представляли, ибо ни одному священнику любого теринского ордена просто в голову не приходило, что у кого-то достанет дерзости оскорбить богов, лишь притворяясь ревностным послушником, жаждущим принять посвящение. Даже люди, знающие о еретиче-

ском культе Тринадцатого, даже немногочисленные приверженцы оного не могли и помыслить, что кто-нибудь решится на такое святотатство, какое совершали отец Ценни и его воспитанники.

Всякий раз после нескольких месяцев успешной учебы и обряда посвящения даровитый юный неофит погибал от какого-нибудь несчастного случая. Кало чаще всего «тонул», поскольку умел надолго задерживать дыхание и любил плавать под водой. Галдо предпочитал просто бесследно пропадать, желательно во время сильного шторма или иного природного бедствия. Локк же разыгрывал разные затейливые спектакли, требовавшие длительной и вдумчивой подготовки. Из ордена Нары, Вестницы морового поветрия, Госпожи вездесущих хворей и недугов, он исчез, оставив в переулке за храмом свой разорванный и забрызганный кроличьей кровью балахон, в который были завернуты несколько писем и пергамент с переписанным по заданию наставника текстом.

Обогащенный новыми знаниями и опытом, каждый мальчик возвращался в храм Переландро и обстоятельно рассказывал остальным Благородным Канальям обо всем, что видел и слышал.

— У меня нет цели сделать из вас соискателей на должность в Верховном совете Двенадцати. — говорил отец Ценни. — Мне просто нужно, чтобы при необходимости вы могли нарядиться в одеяние любого ордена и достоверно изобразить служителя любого из теринских богов. Когда представляешься священником, люди обычно видят облачение, а не человека.

В настоящее время, однако, никто из мальчишек по делам «ученичества» не отсутствовал. Жан был на занятиях в Обители Стекланных роз, а остальные поджидали его на южном краю Плавучего рынка, на старом каменном причале в самом конце короткого переулка. Стоял теплый весенний день, ветреный и влажный. С северо-запада быстро плыли размытые серые облака, предвещавшие дождь.

Локк, Кало и Галдо наблюдали за последствиями столкновения двух лодок, из коих одна перевозила кур, а другая — кошек. При ударе суднышек друг о друга с десяток клеток открылось, и теперь бедные торговцы в совершенном смятении топтались туда-сюда среди разгоравшейся битвы пернатых и кошачьих. Несколько кур, спасаясь бегством, прыгнули в воду и сейчас с отчаянным квохтаньем молотили крыльями и лапами — без всякого толку, понятное дело, ибо для плавания природа приспособила их еще хуже, чем для полета.

— Гляньте-ка, — внезапно раздался голос за спиной у Благородных Каналий, — эти маленькие лоботрясы. похоже, из наших.

Локк и братья Санца разом повернулись и увидели с полдюжины мальчиков и девочек примерно своего возраста, в такой же простой, непритязательной одежде, как они сами. У их вожака была буйная грива кудрявых темных волос, стянутая на затылке черной шелковой лентой, которая служила своего рода знаком отличия.

— Вы — друзья наших друзей, парни? Вы из Путных людей?

Вожак подбоченился, а малорослая девчушка позади него сделала несколько условных жестов, по которым подданные капы опознавали друг друга.

— Мы — друзья ваших друзей, — отозвался Локк.

— Самые путные из всех Путных, — добавил Галдо, делая ответные жесты.

— Славные ребята. Мы ходим под Полными Кронами из Скопища. Называем себя Полукронами. А вы кто такие?

— Мы — Благородные Канальи, — сказал Локк. — Из Храмового квартала.

— Под кем ходите?

— Ни под кем, — ответил Галдо. — Мы сами по себе.

— Понятно. — Вожак Полукрон дружелюбно ухмыльнулся. — Я Тессо Воланти, а это моя шайка. Мы намерены забрать ваши деньги. Если только вы не пожелаете встать на колени и отдать нам предпочтение.

Локк нахмурился. «Отдать предпочтение» на языке Путных людей означало признать превосходство другой шайки над твоей собственной. А в таком случае Благородным Канальям впоследствии пришлось бы всегда уступать Полукронам дорогу на улицах и безропотно терпеть от них любые оскорбления и издевательства.

— Я Локк Ламора, — произнес Локк, медленно поднимаясь на ноги. — И Благородные Канальи не преклоняют коленей ни перед кем, кроме капы.

— Да неужто? — притворно изумился Тессо. — Даже когда вас трое против шестерых? Если ваш ответ «нет», придется с вами слегка потолковать.

— Должно быть, у тебя со слухом плоховато, — проговорил Кало, вставая одновременно с братом. — Он сказал, что мы отдадим тебе предпочтение, когда ты выковыряешь весь горох из нашего дерьма и сожрешь на обед.

— А вот это зря, — нахмурился Тессо. — Ничего не попишешь, придется наступать вам по бошкам.

Едва он успел договорить, как Полукроны двинулись в наступление, вшестером против трех. Локк — самый мелкий из всех детей, включая даже девочек, — отважно бросился в бой, размахивая тощими кулаками, но лупил он преимущественно по воздуху и очень скоро упал ничком от сильного толчка в спину. Одна девочка, что постарше, уселась на него верхом, а другая принялась пинать гравий ему в лицо.

Первый мальчишка, подскочивший к Кало, получил коленом в пах и с воем повалился наземь, но сразу за ним следом палетел Тессо и опрокинул Кало сильным ударом правой. Галдо обхватил Тессо вокруг пояса, попытался свалить с ног, рыча от напряжения, и они оба грохнулись на землю. «Слегка потолковать» означало поддаться на кулаках, не пользуясь никаким оружием и не нанося тяжелых телесных повреждений. Братья Санца знали толк в драках, но даже если бы Локк не сплюховал, численное соотношение сил все равно решило бы дело в пользу противника. Уже через несколько минут борьбы, возни, проклятий и чертыханий трое Благородных Каналий лежали посреди переулка, вывалянные в пыли и изрядно помятые.

— Ну что, парни? Как насчет предпочтения? Мы вас внимательно слушаем.

— Свернись рогаиком и поцелуй себя в зад. — пропыхтел Локк.

— Ответ неправильный, недоумок. — Вожак Полукрон наклонился и обшарил карманы Локка, пока один из мальчишек крепко держал того за руки. — Экая досада... пусто. Ну ладно, касатики, мы найдем вас завтра. И послезавтра. И послепослезавтра. Пока не отдадите нам предпочтение, мы от вас не отстанем и уж попортим вам кровушки. Помяни мое слово, Локк Ламора!

Полукроны неторопливо запагали прочь, потирая синяки и ушибы, которых, впрочем, у них было гораздо меньше, чем у поверженных противников. Братья Санца, стаяя и охая, поднялись на ноги и помогли встать Локку. Затем Благородные Каналии, опасливо озираясь по сторонам, похромали обратно к храму Переландро и пробрались в стеклянное подземелье по узкому водосливному тоннелю, снабженному потайной дверью.

— Вы не поверите, что случилось! — выпалил Локк, входя в столовую вместе с близнецами.

Цеппи сидел за столом ведьмина дерева и остро заточенным гусиным пером старательно выводил что-то на одном из пергаментов, во множестве разложенных перед ним. На досуге он увлекался подделкой таможенных бумаг, как иные увлекаются садоводством или разведением гончих псов. Готовые документы хранились в объемистой кожаной папке, и время от времени священник вырубал хорошие деньги от продажи своих произведений.

— Мм? Полагаю, шайка Полукрон из Скопица надрала вам задницу.

— Откуда вы знаете?

— Вчера вечером заходил в «Последнюю ошибку». Парни из Полных Крон сказали мне, что их подопечные собираются пройтись по окрестным кварталам и запугать других малолеток.

— Почему же вы нас не предупредили?

— Я полагал, если вы будете достаточно бдительны, они нипочем не возьмут верх над вами. Похоже, однако, что ваше внимание было занято чем-то другим.

— Они потребовали, чтобы мы отдали им предпочтение.

— Ну да, — кивнул отец Цеппи. — Обычное развлечение среди подростков. Настоящую работу им пока не доверяют, вот они и пробуют силы, притесняя малолеток из других шаек. Вы должны гордиться: вас наконец-то заметили. Теперь у вас с Полукронами война, которая будет продолжаться до тех пор, пока одна из сторон не запросит пощады. Но помните: вам разрешается только «слегка потолковать», и не более того.

— И что же нам делать? — медленно проговорил Локк.

Священник взял руку мальчика, свернул его пальцы в кулак и изобразил, будто наносит этим кулаком удар в челюсть Кало.

— И так повторяй раз за разом, пока ваши противники не начнут выплевывать зубы.

— Мы пытались. Они напали, когда с нами не было Жана. А я в драках не силен, вы сами знаете.

— Конечно знаю — а как же? В таком случае позаботься, чтобы в следующий раз Жан находился рядом. Ну и пошевели своими хитрыми мозгами. — Цеппи принялся расплавлять над свечой сургучную палочку. — Только не переусердствуй, Локк. Не вовлекай в дело стражников, храмовых служителей, солдат герцогской армии или еще кого-нибудь в таком роде. Надо, чтобы все выглядело так, будто вы шайка обычных мелких воришек, каковыми я вас всем и представляю.

— О, замечательно! — Локк сложил руки на груди; позади него братья Санца мокрыми тряпочками стирали друг у друга грязь с побитых физиономий. — Значит, это еще одно чертово испытание?

— Какой умный мальчик, — пробормотал священник, сливая расплавленный сургуч в крохотный серебряный сосуд. — Вестимо — испытание. И я лично очень огорчусь, если еще до середины лета эти маленькие засранцы не будут ползать перед вами на коленях, страстно желая отдать свое предпочтенье вам.

2

На следующий день Локк и братья Санца сидели на том же самом причале в то же самое время. По всему рынку торговцы убирали со своих плавучих лавок парусиновые навесы, поскольку дождь, ливший всю ночь и половину утра, уже давно закончился.

— Должно быть, мне мерещится, — раздался голос Тессо Воланти. — Не могу поверить, что вы, придурки, опять приперлись туда, где вам только вчера паломали бока.

— Почему бы и нет? — отозвался Локк. — Мы находимся ближе к своему кварталу, чем к вашему, а ты через пару минут подавишься собственными яйцами.

Трое Благородных Каналий поднялись на ноги. Перед ними стояли вчерашние противники — шестеро радостно ухмыляющихся Полукрон.

— Вижу, с арифметикой у тебя по-прежнему неважно. — Тессо похрустел костяшками, разминая кулаки.

— Странно слышать от тебя такое. Потому что сегодня у нас совсем другая арифметика. Локк указал пальцем за спину Полукронам.

Тессо встревоженно оглянулся, но при виде Жана Таннена, стоящего в переулке позади них, громко рассмеялся:

— Все равно численный перевес за нами. — Он неторопливо направился к Жану, который просто смотрел на него с добродушной улыбкой на румяном круглом лице. — Ну и что мы тут имеем? Красномордый жирный увалень. Подслепый, что ли? Вон, вижу, окуляры из карманка торчат. Ты чего вообще здесь делаешь, пузан?

— Я Жан Таннен, в засаде стою.

За долгие месяцы занятий у дона Маранцаллы Жан мало изменился внешне и выглядел все тем же кротким, тусоватым толстяком, но Благородные Канальи знали, какие алхимические перемены произошли в нем. Едва Тессо приблизился, кулаки Жана вылетели вперед, точно медные поршни веррарской водоподъемной машины.

Тессо резко пошатнулся, попятился на вихляющих ногах, беспорядочно размахивая руками, — ни дать ни взять марионетка под порывом ураганного ветра, — а потом просто рухнул мешком наземь, и глаза у него закатились.

В следующую минуту в переулке началось малое подобие светопреставления. Трое мальчишек из Полукрон ринулись на Локка и братьев Санца, а две девчонки опасливо двинулись к Жану. Одна из них кинула пригоршню гравия ему в лицо, но он вернулся, поймал противницу за запястье и швырнул об каменную стену. Одно из наставлений дона Маранцаллы: коли дерешься голыми руками, пускай тебе помогают стены и мостовые. Когда девчонка отлетела от стены, Жан нанес ей молниеносный удар правой, и она упала носом в землю.

— Бить девочек невежливо, — сказала ее подружка, пружинисто прыгая перед ним из стороны в сторону.

— Еще менее вежливо бить моих друзей, — отпарировал Жан.

Вместо ответа девчонка крутанулась на левой пятке и резко выбросила правую ногу вверх, целясь Жану в горло. То был прием боевого искусства шоссон — веррарского ножного боя. Жан отразил удар правой ладонью, а юная Полукрона, используя инерцию своего движения, крутанулась еще раз — теперь на правой пятке, стремительно вскидывая левую ногу. Но Жан успел прыгнуть вперед, и противница ударила его в бок не ступней, а бедром, которое он тотчас крепко обхватил согнутой левой рукой. Пока девчонка пыталась восстановить равновесие, Жан саданул ей кулаком по почкам, а потом подсечкой сбил наземь.

— Примите мои глубочайшие извинения, милые дамы, — с легким поклоном произнес он.

Локку, по обыкновению, доставалось больше всех, пока на помощь не подоспел Жан. Он рывком развернул Локкова противника к себе, крепко схватил за пояс и, наклонившись, со всей силы боднул под дых. Полукрона задохнулся от боли, а Жан, резко выпрямившись, ударил его головой в челюсть снизу. Мальчишка оп-

рокинулся навзничь, оглушенный, и остался неподвижно лежать посреди переулка. Кало и Галдо дрались со своими противниками на равных, но, когда рядом с близнецами внезапно возникли Жан с Локком (старавшимся принять по возможности грозный вид), Полукроны тотчас отступили и подняли руки.

— Ну что, Тессо? — спросил Локк через пару минут, когда кудрявый паренек с трудом поднялся с земли, утирая расквашенный нос. — Ты прямо сейчас отдашь нам предпочтение — или после того, как Жан тебе еще разок врежет?

— Признаю, сегодня вы нас уделали, угрюмо проговорил Тессо, пока остальные Полукроны, постанывая и охая, выстраивались полукругом позади него. — Но я бы сказал, теперь у нас ничья, один-один. Мы с вами еще встретимся, и очень скоро.

3

Дни становились длиннее, на смену весне пришло лето, а война с Полукронами все продолжалась. Цепни освободил своих воспитанников от работы во второй половине дня, и Благородные Канальи завели обыкновенные рыскать по северным кварталам Каморра, решительно преследуя Полукрон.

Тессо в ответ бросил на них все силы своей маленькой шайки. Полные Кроны были самой крупной бандой в Каморре, и ходящие под ними Полукроны не испытывали недостатка в новобранцах, в том числе и с Сумеречного холма. Но даже несмотря на численный перевес, успешно противостоять боевому мастерству Жана Таннена у них не получалось, а потому они изменили тактику военных действий.

Теперь Полукроны разбивались на маленькие группы и пытались отлавливать врагов поодиночке. Большую часть времени Благородные Канальи держались вместе, но время от времени каждому из них приходилось выходить в город по персональным поручениям. Несколько раз Локка крепко поколотили, и однажды он пришел к Жану с расквашенной губой и черными от синяков голенями.

— Слушай, — сказал мальчик, — что-то мы давно уже не задавали Тессо хорошей трепки. Поэтому давай поступим так: завтра я отправлюсь на южный край Плавучего рынка и засяду где-ни-

будь гам с таким видом, будто что-то замышляю, а ты спрячешься подальше от меня, ядрах в двухстах-трехстах, чтобы они тебя не заметили.

— Тогда я не подоспею к тебе на помощь вовремя, — нахмурился Жан.

— Твоя задача не в том, чтобы подоспеть прежде, чем меня начнут бить. А в том, чтобы хорошенько отдубасить Тессо, когда все-таки подоспеешь. Наломает поганцу бока так, чтобы его вопли были слышны аж в Талишеме. Все кости пересчитаешь, в один синяк исколотить.

— Я бы с удовольствием, но ничего не выйдет. Они при виде меня, как обычно, дадут деру, а тягаться с ними в беге я не могу, сам знаешь.

Об этом не беспокойся, — сказал Локк. — А сейчас притащи свою швейную шкатулку. Есть одна мысль.

4

И вот назавтра Локк затаился в переулке неподалеку от места, где началась война с Полукронами. День стоял пасмурный, и на Плавучем рынке шла оживленная торговля: народ спешил поскорее закончить свои дела, пока не хлынул дождь. Жан Таппен наблюдал за товарищем с утлого челнока, стоявшего поодаль среди скопления плавучих лавок.

Локк просидел в своем не особо укромном укрытии всего полчаса, прежде чем Тессо нашел его.

— Ламора, — сказал он, — я думал, ты хоть немножко набрался ума-разума. Что-то я не вижу поблизости никого из твоих дружков.

— А, Тессо. Здорово. — Локк зевнул. — Сдается мне, сегодня ты наконец отдашь мне свое предпочтение.

— Черта лысого, — осклабился вожак Полукрон. — Я даже не стану избивать тебя до бесчувствия. Пожалуй, сперва просто начищу рожу, а потом раздену догола и одежду твою утоплю в канале. Вот умора будет. Черт, чем дольше ты отказываешься подчиниться, тем больше развлечения мне доставляешь.

Он уверенно двинулся на Локка, еще ни разу не сумевшего не то что взять над ним верх в драке, но и просто дать достойный отпор. Локк не дрогнул — стоял на месте, странно погряхивая ле-

вым рукавом. На самом деле благодаря стараниям Жана рукав стал длиннее на добрых пять футов, но Локк его ловко подвернул и прижимал к боку, пока Тессо не приблизился вплотную.

Хотя кулачный боец из Локка был никудышный, в проворстве с ним мало кто мог соперничать, а в обшлаг рукава был шит свинцовый грузик — для силы и точности броска. Локк одним стремительным движением захлестнул длинный рукав вокруг пояса противника и левой рукой поймал утяжеленный обшлаг.

— Это еще что за шуточки? — грозно прорычал Тессо и врезал благородному Каналье кулаком в глаз.

Локк пошатнулся, но с места не сдвинулся. Он быстро просунул конец рукава в тряпичную петлю, свисавшую у него из левого кармана, завернул вверх и дернул за шнур, болтавшийся рядом с петлей. Хитроумная сеть веревок, наканунешитых Жаном в подкладку куртки, туго затянулась — теперь мальчики стояли грудь в грудь, крепко связанные вместе длинным рукавом, и без ножа жожаку Полукрон было ни о чем не высвободиться.

Вдобавок ко всему Локк обеими руками обхватил Тессо вокруг пояса и костлявыми ногами обвил его бедра, прямо над коленками. Не преуспев в попытках оторвать от себя ценного гаденыша, Тессо принялся остервенело бить Локка по голове куда ни попадя — у того аж искры из глаз посыпались.

— Какого черта, Ламора?

Жожа Полукрон тяжело сопел от натуги, еле удерживаясь на ногах под тяжестью Благородного Канальи. Наконец, как Локк и рассчитывал, он рванулся вперед и рухнул ничком, со всего маху придавив противника к земле. Воздух с хрипом вырвался из груди Локка, и весь мир вокруг него сотрясся.

— Совсем дурак, что ли? — прошипел Тессо. Побить меня ты не можешь. А теперь тебе и не убежать! Сдавайся, Ламора!

Локк плюнул кровью в лицо врагу.

— А я и не собираюсь ни драться с тобой, ни убежать. — Он дико ухмыльнулся. — Мне нужно просто задержать тебя здесь, пока не подоспеет Жан.

Тессо сдвоенно ахнул и оглянулся. Через Плавучий рынок быстро двигалась ветхая лодчонка, направляясь прямо к ним. И сидел в ней, усиленно орудуя веслами, не кто иной, как Жан Ташен.

— Ох, черт! А ну, отпусти меня, гнида! Отпусти сейчас же!

Слова свои Тессо сопроводил градом жестоких ударов. Уже через считанные секунды кровь текла у Локка из носа, изо рта, из

ушей и откуда-то из-под волос. Но невзирая ни на что, он продолжал цепляться за разъяренного подростка мертвой хваткой. Голова у него кружилась от боли и торжества одновременно. Внезапно Локк разразился пронзительным, слегка безумным смехом.

— Мне не нужно ни драться, ни убегать, — еле проговорил он, задыхаясь от хохота. — Я изменил правила игры. Мне нужно просто задержать тебя здесь... придурок. Здесь... пока... Жан не подоспеет.

— Ах ты, сучий потрох! — прошипел Тессо, с новой силой набрасываясь на ненавистного врага.

Он дупил кулаками, плевался, кусался, но все без толку.

— Давай, бей... бей... — невнятно мычал Локк. — Не жалея сил. Я могу терпеть хоть целый день. Ты давай бей... пока... Жан не подоспеет.

Часть III
РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Природа никогда не обманывает нас; это мы сами постоянно обманываемся.

*Жан-Жак Руссо.
Эмиль, или О воспитании*

Глава 9

ЗАНЯТНАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ ГРАФИНИ ЯНТАРНОГО КУБКА

1

В Герцогов день, в половине одиннадцатого вечера, когда темные облака низко висели над Каморром, закрывая луны и звезды, донья София Сальвара поднималась по канатной дороге на позднее чаепитие к донье Анжавесте Ворченце, вдовствующей графине Янтарного Кубка.

Пассажирская клеть тряслась и раскачивалась, влажный теплый Ветер Герцога трепал легкую накидку с капюшоном, и София крепко держалась за черные железные прутья, зачарованно глядя на юг. Внизу от горизонта до горизонта расстился огромный черно-серый город, залитый сиянием обычных и алхимических огней. Всякий раз, когда перед ней открывался вид Каморра с высоты одной из Пяти башен, донья Сальвара исполнялась тихой гордости. Древние воздвигли фантастические сооружения из Древнего стекла, впоследствии присвоенные людьми; позднейшие мастера возвели среди величественных стеклянных творений здания из камня и дерева, построив свой собственный город; вольнонаемные маги утверждали, будто владеют тайными знаниями Древних. Но именно алхимия каждую ночь отгоняла тьму от Каморра, именно алхимия приносила свет и в самый бедный дом, и в самую высокую башню — свет более чистый и безопасный, чем от природного огня. Именно искусство алхимии, подвластное донье Софии, укротило и приручило ночь.

Наконец долгий подъем закончился. Клеть с грохотом остановилась у посадочной платформы, преодолев четыре пятых от общей высоты башни. Ветер скорбно вздыхал в диковинных желобчатых арках на самой верхушке Янтарного Кубка. Два лакея в кремово-белых ливреях и безупречной белизны перчатках помогли

донья Софии выйти из клетки — в точности так же, как если бы она выходила из кареты на земле. Затем оба отвесили поясной поклон.

— Госпожа Сальвара, — промолвил тот, что слева, — моя хозяйка просит вас пожаловать в Янтарный Кубок.

— Очень любезно с ее стороны.

Если вам будет угодно подождать на террасе, донья Ворченца присоединится к вам через минуту.

Лакей провел Софию мимо полудюжины разгоряченных от усилий слуг, стоявших у сложного механизма из шестерней, рычагов и цепей, с помощью которого поднимались и спускались клетки. Все они тоже низко поклонились гостье, а она в ответ благосклонно улыбнулась и приветственно махнула рукой. Со слугами, выполняющими такого рода работу, лучше держаться повежливее.

Упомянутая терраса, выступавшая из северной стены башни, представляла собой широкую серповидную площадку из прозрачного Древнего стекла, обнесенную медными перилами. Едва оказавшись там, донья София сразу посмотрела себе под ноги, как она делала всегда, хотя ее настойчиво против этого предостерегали. Впечатление такое, будто они с лакеем ступают по воздуху на высоте сорока этажей над мощными дворами и хозяйственными постройками у подножия башни. Алхимические фонари казались отсюда крошечными точечками света, а экипажи — черными квадратиками не больше ногтя.

Слева, сквозь стрельчатые окна с подоконниками на уровне пояса, виднелись тускло освещенные покои и гостиные залы башни. Донья Ворченца, никогда не имевшая детей и давно похоронившая всех близких родственников, была, в сущности, последней представительницей некогда могущественного рода, и никто (во всяком случае, среди алчных, честолюбивых аристократов Альсегранте) не сомневался, что после ее смерти Янтарный Кубок перейдет во владение другого знатного семейства. Большая часть башни была погружена в безмолвный мрак, большая часть ее богатого убранства пылилась по кладовым и сундукам.

Тем не менее престарелая графиня по-прежнему устраивала роскошные вечерние чаепития. В дальнем, северо-западном углу прозрачной террасы, откуда открывался восхитительный вид на окутанные ночной мглой холмы и равнины, трепетал на Ветру Палача шелковый навес. Алхимические фонари в позолоченных латунных клетках, висевшие по четырем углам навеса, озаряли теплым светом маленький столик под ним и два кресла с высокими спинками.

Лакей выдвинул для гостыи кресло справа, предварительно положив на сиденье тонкую черную подушечку. Донья София уселась, легко прошуршав юбками, и кивком поблагодарила слугу. Он с почтительным поклоном отошел и встал поодаль — вне пределов слышимости, но достаточно близко, чтобы тотчас подойти по знаку хозяйки.

Ждать пришлось недолго: уже через пару минут старая донья Ворченца появилась из деревянной двери в северной стене башни.

Возраст имеет свойство усугублять телесные особенности людей, доживающих до таких лет, когда его воздействие уже явно ощущается: полные обычно толстеют, стройные — худеют. Донью Анжавесту Ворченцу время иссушило. Она не столько одряхла, сколько усохла до последнего мыслимого предела, превратившись в костлявую карикатуру себя прежней, в подобие деревянного божка, оживленного чудодейственной силой собственной воли. Ей давным-давно минуло семьдесят, но она по-прежнему ходила без посторонней помощи и даже без трости. Одевалась графиня эксцентрично, предпочитая платьям с пышными юбками, модным в настоящее время, черные бархатные камзолы, отороченные мехом, и черные панталоны с домашними серебряными туфлями без задников. Ее серебристо-седые волосы были гладко зачесаны назад и заколоты на затылке лакированными шпильками. Ясные темные глаза за полукруглыми очками живо блестели.

— София, — промолвила она, изящной поступью заходя под шелковый навес, — как же я рада тебя видеть! Давненько ты ко мне не навевывалась, милочка моя, вот уже несколько месяцев. Нет-нет, сиди, я сама. Невелик труд выдвинуть кресло, небось руки не отвалятся. Вот так. Ну, расскажи мне, как поживает Лоренцо. И про сад свой расскажи непременно.

— У нас с Лоренцо все в порядке, если говорить сугубо о нас самих. А сад процветает, донья Ворченца, благодарю вас.

— Сугубо о вас самих? Значит, есть еще что-то? Какие-то внешние обстоятельства, если мне позволительно полюбопытствовать?

В Каморре поздние вечерние чаепития были преимущественно женским обычаем и устраивались, когда возникала надобность спросить совета у подруги или просто излить душу и пожаловаться — чаще всего по поводу мужчин.

— Ах, донья Ворченца, конечно же позволительно! И да, лучше и не скажешь: именно что «внешние обстоятельства».

— Но дело не в Лоренцо?

— О нет! К Лоренцо у меня нет никаких претензий. — София вздохнула и посмотрела в кажущуюся пустоту под ногами. — Похоже... нам обоим нужен ваш совет.

— Совет, — усмехнулась старая дама. — Возраст производит поистине удивительные алхимические фокусы, придавая значимость нашему невинному бормотанию. Попробуй дать совет в сорок лет — прослынешь брюзгой. А сделай то же самое в семьдесят — и ты мудрец.

— Донья Ворченца, ваши советы всегда мне очень помогали. И я, видите ли... в настоящее время ни с кем больше не могу спокойно обсудить это дело.

— Вот как? Что ж, голубушка, я с радостью окажу всю посильную помощь. О, вот и наш чай! Давай-ка себя побалуем.

Ливрейный слуга подкатил к столику сервировочную тележку, накрытую серебряной куполообразной крышкой. Когда он ловко снял крышку, взорам явился серебряный чайный сервиз и восхитительный кондитерский изыск — торт в виде точной копии Янтарного Кубка, высотой всего девять дюймов, украшенный горящими алхимическими шариками размером с изюминку.

— Я своего бедного повара редко утруждаю настоящей работой, — рассмеялась донья Ворченца. — Для него сущее наказание служить человеку, предпочитающему самую простую и неприятную пищу, и при каждом удобном случае он отыгрывается, сотворяя такие вот кулинарные чудеса. С ним просто беда: закажешь яйцо всмятку, так он непременно подаст к столу танцующую курицу, которая снесет его прямо на тарелку. Скажи-ка, Жиль, это чудесное сооружение и впрямь съедобно?

— Безусловно, донья Ворченца. Здесь съедобно все, кроме светящихся шариков. Сама башня испечена из пряного теста. Башенки и террасы изготовлены из фруктового желея. Хозяйственные постройки и экипажи у подножья преимущественно шоколадные. Начинена башня заварным кремом с яблочным бренди, а окна...

— Спасибо, Жиль, этого довольно для краткого архитектурного обзора. Значит, горящие шарики следует выплевывать?

— Будет благопристойнее, сударыня, если вы позволите мне удалить их, прежде чем приступите к трапезе, — ответил повар, полный мужчина с тонкими чертами лица и черными кудрями до плеч.

— Благопристойнее? Неужто, Жиль, ты собираешься лишить нас удовольствия поплеваться с террасы горящими шариками,

будто мы девчонки малые? Буду тебе признательна, если ты оставишь все как есть. Что за чай?

— Воля ваша, донья Ворченца. — учтиво отозвался мужчина. — А чай я заварил «Сняющий».

Он взял серебряный чайник и налил дымящейся бледно-коричневой жидкости в стеклянный стакан, выполненный в виде раскрытого тюльпана на серебряной подставке. Через несколько секунд напиток начал источать мягкое оранжевое сияние.

— Ах, какая прелесть! — воскликнула донья София. — Я слышала о таком чае — веррарский, да?

— Лашенский. — Старая графиня легонько сжала в ладонях стакан, поданный Жилем. — Последняя новинка. Чайные мастера из кожи вон лезут, стараясь перещеголять друг друга. Через год придумают еще какую-нибудь диковину, чтоб нам было чем хвастаться перед гостями. Прощу прощения, милочка. — надеюсь, ты пробуешь на вкус творения своей любимой алхимии с таким же удовольствием, с каким работаешь с ними в саду?

— Разумеется, донья Ворченца!

София взяла стакан, поставленный перед ней поваром, поднесла к лицу и с наслаждением вдохнула смешанный аромат ванили и апельсиновых цветков. Потом отпила глоточек — терпкое, благоуханное тепло разлилось по языку, и душистый пар защекотал поздри. Жиль удалился обратно в башню, а дамы приступили к чаепитию. С минуту они смаковали напиток в молчании, и с минутой София блаженствовала, почти позабыв о своих неприятностях.

— Теперь посмотрим, будет ли он так же светиться, когда из нас выльется. — Донья Ворченца поставила на столик полупустой стакан.

Донья Сальвара невольно прыснула со смеху, и хозяйка улыбнулась, отчего все ее худое лицо собралось в глубокие морщины.

— Так о чем ты хотела меня спросить, дорогая?

— Донья Ворченца... — София на миг нерешительно замялась, потом продолжила: — Люди говорят, будто у вас есть какие-то связи с... гм... герцогским тайным сыском.

— С тайным сыском? — Старая графиня прижала руку к груди, приняв вид вежливого недоумения.

— Я о Полуночниках, донья Ворченца. О Полуночниках и их начальнике...

— Герцогском Пауке. Разумеется, голубушка, я прекрасно понимаю, о ком ты. Просто мне странно от тебя такое слышать —

«люди говорят». Говорят-то они всякое, да чаще всего не подумавши хорошенько.

— Но ведь неоднократно было замечено: стоит какой-нибудь даме пожаловаться вам на свои неприятности, как о них становится известно Пауку. Во всяком случае, складывается такое впечатление, поскольку каждый раз неприятности в самом скором времени разрешаются с помощью герцогских людей.

— Ах, дорогая моя! Любой слух, до меня доходящий, я передаю своим многочисленным знакомым в письмах и записках. Или упоминаю о нем в разговоре с какой-нибудь влиятельной особой, а дальше слух начинает жить собственной жизнью и рано или поздно достигает ушей человека, который предпринимает решительные действия.

— Не хочу вас обижать, донья Ворченца, но сдастся мне, вы лукавите.

— Не хочу тебя разочаровывать, деточка, но сдастся мне, у тебя нет никаких оснований для подобного предположения.

— Донья Ворченца, — София сжала край столика с такой силой, что у нее хрустнули пальцы, — нас с Лоренцо в настоящее время самым наглым образом грабят.

— Грабят? Как тебя понимать?

— И в деле замешаны Полуночники. Они... поведали в высшей степени странную историю и обратились к нам с настоятельной просьбой о сотрудничестве. Но... донья Ворченца, наверняка же есть способ проверить, действительно ли они те, за кого себя выдают.

— Так вас грабят Полуночники?

— Нет, не сами Полуночники... — София покусала губу. — Они... якобы следят за развитием событий и поджидают удобного момента, чтобы схватить преступника. Но... что-то здесь не так. Или же они просто говорят нам не все, что следовало бы.

— Милая моя София! Бедная моя девочка! Ты должна рассказать мне все по порядку, не упуская ни малейшей подробности.

— Это... непросто, донья Ворченца. Обстоятельства довольно... неловкие. И сложные.

— Мы здесь одни, моя дорогая. Самое трудное ты уже сделала — пришла ко мне. Теперь тебе осталось лишь рассказать все без утайки. А я уж позабочусь, чтобы слух о твоих неприятностях в ближайшее же время достиг нужных ушей.

София отпила еще глоточек чая, откашлялась и сгорбилась в кресле, чтобы посмотреть хозяйке прямо в глаза.

— Конечно же, — начала она, — вы слышали об аустерсалинском бренди, донья Ворченца?

— Не только слышала, милочка. У меня даже припрятано несколько бутылочек в питейных шкафах.

— И вы знаете, как он изготавливается? В какой строгой секретности?

— О, я хорошо понимаю причину подобной секретности. Нестоворчивым эмберленским виноторговцам, скажем прямо, чрезвычайно выгодно окружать свой товар тайной.

— В таком случае, донья Ворченца, вы поймете, почему мы с Лоренцо обеими руками ухватились за возможность, представившуюся нам, как тогда казалось, по воле счастливого случая...

2

Пассажи́рская клеть с доньей Сальварой медленно спускалась к земле, становясь все меньше, постепенно сливаясь с серым фоном мощеного двора. Донья Ворченца стояла у медных перил посадочной платформы, неподвижно глядя в ночную тьму, пока слуги вращали воров огромный лебедки. Жиль прокатил мимо серебряную тележку с почти пустым чайником и недоеденным тортом в виде Янтарного Кубка.

— Нет, Жиль, — обернулась графиня. — Отправь торт ко мне в кабинет. Мы будем там.

— Кто еще, сударыня?

— Рейнарт. Она уже направлялась к двери своих покоев, гулко шлепая по каменным плитам домашними туфлями серебряного шитья. — Найди Рейнарта. Чем бы он там сейчас ни занимался. Найди и пришли ко мне наверх, как только позаботишься о торте.

Пройти через несколько комнат, отпереть дверь, подняться по длинной винтовой лестнице. Донья Ворченца тихо чертыхалась. Ломота в коленях, щиколотках, ступнях. «Проклятая старость, — пробормотала она себе под нос. — Просто зла не хватает на богов, в милости своей ниспославших мне подагру». Дыша тяжело и прерывисто, графиня на ходу расстегнула камзол с меховой оторочкой.

На самом верху лестницы находилась толстая дубовая дверь, укрепленная железными полосами. Донья Ворченца взяла ключ, висевший у нее на запястье на шелковом шнуре, и вставила в серебряный замок над хрустальной круглой ручкой, одновременно

с осторожностью нажав на одну из декоративных медных пластин настенного светильника. Где-то в стене приглушенно защелкал скрытый механизм, и дверь отворилась внутрь.

Забудешь нажать на пластину, отпирая замок, — пиши пропало. Тридцать лет назад донья Ворченца самолично проследила, чтобы скрытая арбалетная ловушка, установленная подле двери, обладала весьма и весьма высокой убойной силой.

Здесь, на высоте восьми этажей над террасой, располагался кабинет доньи Ворченцы — просторная круглая зала, занимавшая всю верхнюю площадку башни и имевшая пятьдесят футов в поперечнике. Пол в ней устилали толстые ковры; через северную половину помещения тянулась длинная, плавно изогнутая галерея с медными перилами, куда вели две лестницы, с одного и другого конца. На галерее стояли в ряд книжные шкафы ведьмина дерева, с тысячами маленьких отделений и полочек. Сквозь прозрачный купол были видны низкие облака, похожие на клубящееся озеро дыма. Донья Ворченца поднялась на галерею, по пути зажигая алхимические шары легкими прикосновениями.

Там она сразу углубилась в работу и потеряла счет времени, переходя от шкафа к шкафу, выхватывая костлявыми пальцами бумаги то из одного отделения, то из другого. Часть пергаментов она складывала в стопку на столе, другие быстро пробегала глазами и убирала на место, сосредоточенно хмурясь и что-то бормоча себе под нос. От занятия своего она оторвалась, лишь когда внизу со щелчком открылась дверь.

В кабинет вошел рослый широкоплечий мужчина с острыми чертами лица, выдававшими в нем вадранца, и очень светлыми, почти белыми, длинными волосами, завязанными в хвост. Он был в рубчатом кожаном дублете, надетом поверх черной рубашки с широкими разрезными рукавами, в черных бриджах и высоких черных сапогах. Судя по двум маленьким серебряным булавкам на воротнике, мужчина носил звание капитана Ночных дозорщиков. На правом боку у него висела рапира с прямой гардой.

— Стефан, кто-нибудь из твоих ребят наведывался к дону и донье Сальвара, на Дюрону? — без всяких предисловий осведомилась старая графиня.

— К Сальвара? Нет, сударыня.

— Точно? Ты уверен? — С бумагами в руке донья Ворченца торопливо спустилась по ступенькам, с трудом удерживая равновесие. — Мне нужно знать без малейшей тени сомнения.

— Я знаю супругов Сальвара, сударыня. Встречался с ними обоими в прошлом году, на приеме по случаю Дня Перемен. Поднимался в Небесный сад в одной клетке с ними.

— И ты не посылаешь к ним никого из Полуночников?

— О боги, нет же!

— Значит, кто-то бесчестит наше доброе имя, Стефан. И думается мне, мы наконец-то добрались до Каморрского Шипа.

Рейнарт изумленно уставился на нее, потом недоверчиво ухмыльнулся:

— Вы шутите — нет? Ущипните меня — должно быть, я сплю. Объясните же мне, в чем дело.

— Всему свой черед. Я знаю, ты гораздо лучше соображаешь, когда мы утоляем твоё чертовое пристрастие к сладкому. Загляни-ка в подъемник, а я уже присяду, пожалуй.

— О боги! — воскликнул Рейнарт, заглядывая в шахту подъемного устройства. — Похоже, бедному тарту уже порядком досталось от кого-то. Но ничего, я быстро положу конец его страданиям. Здесь еще бутылка вина и бокалы — вроде бы одно из ваших сладких белых.

— Да благословят боги Жилы! Я так спешила наверх, что забыла распорядиться насчет вина. Окажи услугу, голубчик, налей нам по бокалу.

— Тоже мне услуга! Да за такой торт я готов еще и туфли вам почистить.

— Это твоё обещание, Стефан, я обязательно тебе припомню, когда ты в следующий раз выведешь меня из терпения. Эй, доверху наливай, доверху — мне ж не тринадцать лет, право слово. А теперь садись и слушай внимательно. Если дело обстоит так, как я думаю, значит нам наконец-то представилась возможность поймать треклятого Шипа с поличным.

— Как вас понимать?

— Отвечу вопросом на вопрос, Стефан. — Донья Ворченца отхлебнула большой глоток вина и удобно откинулась на спинку кресла. — Скажи-ка, что тебе известно об аустерсалинском бренди?

3

— Выдает себя за одного из наших, — задумчиво проговорил Рейнарт, когда графиня завершила рассказ. — Поистине поразительная наглость. Но вы уверены, что он и есть Шип?

— Если это не Шип, тогда остается предположить, что в Каморре завелся еще один равно искусный и дерзкий вор, обчищающий карманы знатных особ. А подобное предположение кажется мне крайне маловероятным: это чересчур даже для нашего города, полного неувловимых призраков.

— А может, это Серый король? По всем сведениям, он именно такой вот хитрый и увертливый негодяй.

— Мм... нет. Серый король убивает людей Барсави. А Шип занимается чистым плутовством. Еще ни капли крови не пролил, насколько мне известно. И едва ли это случайность.

Рейнарт отодвинул пустую тарелку из-под торта и отпил глоточек из своего бокала.

— Значит, если полагаться на свидетельство доньи Сальвары, мы имеем дело с шайкой, состоящей по меньшей мере из четырех человек. Сам Шип — назовем его Лукасом Фервайтом. Слуга Грауманн. И еще двое, которые проникли в дом Сальвара.

— Как ты верно заметил, Стефан, это по меньшей мере. По моим расчетам, в шайке человек пять или шесть.

— Почему вы так решили?

— Я думаю, мнимый Полуночник не лгал, когда сказал дону Сальваре, что нападение у храма Благоприятных Вод было разгромно: подобный спектакль вполне в духе столь сложного и хитроумного плана. А следовательно, мы имеем еще двух сообщников — грабителей в масках.

Если только их не наняли для разовой работы.

— Это вряд ли. Возьми в соображение, что до нас не доходило решительно никаких сведений на сей счет. Ни одного донесения, ни самого смутного слуха, ни шепотка, ни полсловечка о ком-нибудь, кто хвастался бы, что работал с самим Каморрским Шипом. А ведь воры в любой день готовы часами бахвалиться друг перед другом, хотя бы и соревнуясь, кто дальше посылт. Нет, они точно проболтались бы.

— С другой стороны, — возразил Рейнарт, — если просто перерезать глотку наемнику, когда он выполнит свою работу, то и платить ему не придется.

Но мы все-таки имеем дело с Шипом, а я твердо держусь мнения, что убивать не в его манере.

Значит, у него, что называется, закрытая лавочка... Ну да, так оно, конечно, надежнее. Но все равно их не обязательно шестеро. Двое, что изображали грабителей, вполне могли впоследствии проникнуть в дом Сальвара, переодевшись Полуночниками.

— Интересное предположение, мой дорогой Стефан. Давай условимся, что численность шайки от четырех до шести человек, иначе мы здесь всю ночь просидим, приводя всяк свои доводы. Полагаю, более крупной шайке не удалось бы столь успешно скрываться на протяжении такого долгого времени.

— Ладно, пусть будет от четырех до шести. — Рейнарт на миг задумался. — Я прямо сейчас могу предоставить в ваше распоряжение пятнадцать-шестнадцать человек. Часть своих ребят в ряженном виде я отправил в Скопище и Котлище, как только нам сообщили о похоронах Наски Барсави. Быстро собрать их не получится. Но все остальные будут в полной боевой готовности еще до рассвета. А поскольку в запасе у нас Ночные дозорщики, нам даже нет необходимости привлекать к делу желтокурточников. На них в любом случае нельзя положиться.

— Этого было бы достаточно, Стефан, имей я намерение схватить преступников незамедлительно. Но у меня другие планы. У нас есть еще по меньшей мере два-три дня, чтобы потуже затянуть сеть вокруг Шипа. По словам Софии, они обсуждали начальные расходы в размере двадцати пяти тысяч крон. Думаю, Шипи никуда не денется, пока не получит недостающие семь или восемь тысяч.

— В таком случае давайте я соберу хотя бы один взвод. Отправлю ребят во Дворец Терпения, там они затеряются среди желтокурточников, но если понадобится — выступят в полном боевом снаряжении уже через пять минут после приказа.

— Очень разумно, так и сделай. Теперь что касается до самого Шипа... Завтра утром отправь кого-нибудь к Мераджо, самого опытного своего человека. Нужно выяснить, держит ли Фервайт там счет и с какого времени.

— Кальвино. Я пошлю Марализу Кальвино.

— Отличный выбор. А поскольку все знакомые нашего лжекупца тоже находятся под подозрением, пусть она еще наведет справки о стряпчем, которого Фервайт с Сальварой встретили на улице сразу после разыгранного нападения у храма.

— Эккари, кажется? Эванте Эккари?

— Да. А потом тебе надо будет самолично проверить храм Благоприятных Вод.

— Мне? Уж кто-кто, а вы, сударыня, прекрасно знаете, что я не исповедую вадранскую веру. От родителей я унаследовал только вадранскую внешность.

— Ничего, притвориться верующим тебе труда не составит, а для дела нужна именно твоя внешность — она отведет от тебя подозрения. Осмотрись там хорошенько — нет ли в храме каких сомнительных личностей, не заходит ли туда кто из каморрских воров, не происходит ли что-нибудь странное. Существует вероятность, пусть и очень слабая, что в спектакле с ограблением принимал участие кто-то из служителей. Так или иначе, нам необходимо все проверить — хотя бы для того, чтобы исключить такую вероятность.

— Хорошо, сударыня, будет сделано. А что насчет гостиницы?

— Да, «Фрегат». Попли туда одного человека, только одного. У меня там есть два давних осведомителя среди прислуги. Один думает, что докладывает желтокурточникам, другая считает, что работает на капю. Имена я потом сообщу. Для начала я хочу просто выяснить, проживают ли по-прежнему наши друзья там, в Буш-притном номере. Если да, отправившь туда нескольких своих ребят под видом прислуги. Пока что — только для наблюдения.

— Хорошо. Рейнарт встал и стряхнул крошки с бриджей. — А ваша сеть? Когда и каким образом вы собираетесь туго затянуть ее?

— Как мы уже давно поняли, ловить Шипа — все равно что пытаться поймать рыбу голыми руками. Нужно заманить мошенника в какое-нибудь место, откуда нипочем не сбежать, где он будет отрезан от своих людей и со всех сторон окружен нашими.

— Окружен нашими? Но как... О, понял! Вороново Гнездо!

— Вот именно. Молодец, Стефан. Через полторы недели будет День Перемен. Праздник летнего солнцеворота, с размахом отмечаемый герцогом. Пятьсот футов над землей, толпа каморрских аристократов и добрая сотня стражников. Я велю донье Софии пригласить Лукаса Фервайта на торжество к герцогу, в качестве гостя сунругов Сальвара.

— Если только он не заподозрит ловушки...

— Думаю, он будет чрезвычайно признателен за приглашение. Думаю, безграничная наглость нашего друга как раз и станет причиной нашего с ним долгожданного личного знакомства. София скажет Фервайту, что у них возникли временные денежные трудности и остальные несколько тысяч они смогут выплатить лишь после праздника. Забросим крючок с двойной наживкой в расчете на алчность и одновременно на тщеславие Шипа. Уверена, он не устоит против искушения.

— Мне всех своих ребят привлечь к делу?

— Безусловно. — Донья Ворченца отпила глоточек вина и медленно улыбнулась. — Нужно, чтобы при входе его встречал Полуночник, чтобы за столом ему прислуживали Полуночники, чтобы горшок за ним, воспользуйся он таковым, выносил Полуночник. Мы поднимем Шипа наверх Воронова Гнезда, а внизу поставим побольше людей, чтоб следили, не убегает ли кто из башни, а если убегает, то куда.

— Еще что-нибудь?

— Нет. Давай берись за работу, Стефан. Через пару часов вернешься и доложишь что да как. Я буду здесь — ожидаю сообщений из Плавучей Могилы сразу по возвращении похоронного шествия Барсави. А пока напущу старому Никованте о наших предположениях.

— Ваш покорный слуга, сударыня.

Рейнарт коротко поклонился и широким быстрым шагом вышел из кабинета.

Еще прежде, чем тяжелая дверь захлопнулась за ним, донья Ворченца поднялась с кресла и направилась к конторке, стоящей в нише слева от двери. Достав чистый пергаментный лист, она торпливо написала на нем пару строк, а потом сложила и запечатала каплей голубого воска, выдавленного из маленькой бумажной тубы. Воск был алхимический и на воздухе затвердевал за считанные секунды. Графиня не пользовалась источниками открытого огня в помещении, где хранились в строгом порядке многие тысячи документов, собранных за несколько десятилетий.

В ящике конторки лежал перстень с печаткой, который донья Ворченца никогда не носила за пределами кабинета. Изображенный на нем символ не имел ничего общего с фамильным гербом Ворченца. Графиня крепко прижала печатку к застывающему воску и через пару мгновений отняла от него с еле слышным треском.

Когда она отошлет записку вниз в лотке подъемника, один из ночных слуг тотчас же поспешит на северо-восточную посадочную террасу и перенравится по канатной дороге в Вороново Гнездо. Там он вручит послание лично в руки старому герцогу, даже если тот уже удалился в опочивальню.

Так поступали со всякой бумагой, скрепленной голубой восковой печатью с изображением паука.

Интерлюдия

НАСТАВНИК ШКОЛЫ СТЕКЛЯННЫХ РОЗ

Нет, вот оно, мое сердце. Бей! Бей! А теперь сюда. Бей! Потоки серой холодной воды низвергались с небес на Обитель Стеклянных роз. Каморрский зимний дождь разливался кипящим озером под ногами Жана Таннена и дона Маранцаллы. Вода струйками стекала по листьям и стеблям прозрачных цветов, ручьями бежала по лицу Жана, снова и снова коловшего рапирой кожаную мишень размером чуть поболее мужского кулака, привязанную к концу палки, которую держал дон Маранцалла.

— Бей сюда. И сюда. Нет, слишком низко. Здесь печень. Прикончи меня скорее, убей сейчас же! Вдруг у меня еще остались силы для стремительного выпада? Выше! Выше, в сердце, под ребра! Вот, уже лучше.

В разрыве клубящихся облаков блеснула тускло-белая вспышка, похожая на пламя, буйно полыхнувшее за пеленой дыма. Мгновением позже прогремел оглушительный раскат грома — будто разъяренные боги обрушили свой гнев на землю. Жан даже не представлял, каково сейчас находится на самом верху Пяти башен — они еле виднелись за правым плечом дона Маранцаллы, смутные серые колонны, теряющиеся в мгlistых высотах.

— Ладно, Жан, довольно. Рапирой ты владеешь неплохо и при необходимости сумеешь ею воспользоваться. Теперь настала пора проверить, к чему еще у тебя есть способности. — Дон Маранцалла, закутанный в изрядно потрепанный непромокаемый плащ, проплепал по воде к большому деревянному ящику. — В своем кругу ты не сможешь таскать с собой длинный клинок. Сходи-ка за куклой.

Жан торопливо двинулся через стеклянный лабиринт к комнатухе, откуда вела вниз лестница. Мальчик по-прежнему опа-

сался розовых кустов — лишь дурак не опасался бы, — но уже вполне освоился с ними. Они больше не казались голодными хищниками, только и ждущими момента, чтобы напасть на него, а стали просто препятствием, не представляющим особой угрозы для человека достаточно внимательного и осторожного.

Куклой назывался кожаный манекен в виде человеческого торса с головой и руками, установленного на железном шесте. Неловко взвалив ее на плечо, Жан вышел из сухой комнатухи обратно под проливной дождь и вернулся на площадку посреди Безуханного сада. По пути кукла несколько раз задела за стеклянные стены лабиринта, но бескровная кожаная плоть была розам не по вкусу.

Дон Маранцалла все еще рылся в деревянном ящике. Жан установил манекен в центре площадки: железный шест легко вошел в глубокую лунку, пробуренную в камне, выплеснув из нее маленький фонтанчик воды.

— Вот пренеприятнейшая штукавица. — Маранцалла поболтал в воздухе четырехфутовой цепью, туго обернутой очень тонкой кожей — по всей видимости, лайкой. — Так называемая плеть пристава. Завернута в кожу, чтоб не звенеть. Смотри, с обеих концов у нее крючки, позволяющие носить ее на поясе наподобие ремня. Легко прячется под одеждой... хотя тебе в скором времени потребуется цепь подлиннее, чтобы обхватить талию.

Маранцалла уверенно шагнул вперед и хлестнул «плетью пристава» по кожаной голове манекена. Цепь отскочила со стуком, напоминающим влажный шлепок.

Несколько минут Жан развлекался, азартно дупя куклу «плетью пристава», а учитель молча наблюдал за ним. Потом, пробормотав что-то себе под нос, Маранцалла забрал у мальчика цепь, а взамен вручил два одинаковых кинжала длиной около фута, с чуть изогнутыми однолезвийными клинками и массивными гардами, усеянными острыми медными шипами.

— Вот тоже серьезные штучки. Известны под названием «воровские зубы». Особого мастерства в обращении не требуют: можешь колоть, рубить или просто бить как боги на дуцу положат. Эти шипы в два счета сдерут лицо с черепа, а гарды остановят любого противника, кроме разве взбешенного быка. Ну-ка, попробуй.

С кинжалами Жан выступил даже лучше, чем с «плетью пристава». Дон Маранцалла одобрительно поаплодировал.

— Все правильно, молодец. Удар в живот снизу вверх и вгоняешь фут стали под ребра. Пощекотал острием сердце противника — и вот ты уже победил в споре, сынок.

Забирая у Жапа кинжалы, он усмехнулся:

Самое то, что надо для уроков зубного дела, верно?

Мальчик недоуменно взглянул на него.

— Неужто ты впервые слышишь такое выражение? Ваш капа, он родом не из Каморра. Раньше преподавал в Теринском колледгии. Так вот, когда он просто устраивает кому-нибудь головоломку, это называют «уроками этикета». Когда вздергивает на дыбу и зверски пытает, добиваясь признаний, это «уроки пеня». А когда перерезает человеку глотку и бросает его в залив на корм акулам...

— А, понял, — сказал Жан. — Это и есть уроки зубного дела, да?

— Точно. Имей в виду, это не я придумал, а люди из твоего круга. Бьюсь об заклад, капе эти выражения известны, хотя при нем никто их, ясное дело, не употребляет. Помалкивать — оно всегда лучше, будь ты разбойник или солдат. Так... вот еще одна славная игрушка...

Маранцалла вручил Жану два топорика с деревянными рукоятями. С одной стороны у них было полукруглое лезвие, с другой — противовес в виде железного шара.

— У этих черенокрушлок нет особого названия. Полагаю, боевой топорик тебе уже доводилось видеть. Можно бить лезвием, можно круглым бойком. Обычно бойком пользуются, когда нужно просто оглушить, но если саданешь достаточно крепко, раскрошишь черепушку не хуже, чем лезвием, так что соизмеряй силу удара, когда имеешь дело не с «куклой», а с живым человеком.

Взвесив в руках топорики, Жан сразу понял: вот самое то. Оружие посерьезнее карманных ножей и кастетов, с которыми ходили почти все Путные люди, но очень удобное и маневренное. Вдобавок топорики такого размера легко спрятать под одеждой.

Жан чуть согнул ноги в коленях и подался вперед — такая стойка, принятая в ножевом бою, определенно годилась и здесь. Прыгнув вперед, он нанес удары обоими топориками одновременно, глубоко всадив лезвия в ребра манекена, затем рубанул по правому плечу с такой силой, что кожаная кукла сотряслась, а еще мгновение спустя жажнул по голове бойком. С минуты мальчик

бешено рубил и молотил топориками. Руки его работали как поршни; лицо медленно расплывалось в счастливой улыбке.

— Хм, неплохо, — похвалил дон Маранцалла. — Очень даже неплохо для первого раза. Похоже, они пришлись тебе по нутру.

Поддавшись внезапному порыву, Жан отбежал к краю площадки, футов на пятнадцать от манекена. Между ним и мишенью колыхалась серая завеса дождя, поэтому он весь собрался, сосредоточился... а потом шагнул вперед и метнул топорик, вложив в бросок всю силу руки и корпуса. Лезвие с глухим стуком врезалось в голову куклы и намертво застряло в слоях кожи.

— Ух ты! — сказал дон Маранцалла. В мутном небе снова блеснула молния, и над крышей раскатисто гроыхнул гром. — Ничего себе! Ну вот мы и обнаружили в тебе замечательные задатки, которые станем развивать.

Глава 10

УРОКИ ЗУБНОГО ДЕЛА

1

В темноте под Гулкой Норой Жан Таинен порывисто двинулся с места еще прежде, чем бочка рухнула в черную воду, слабо освещенную красноватыми отблесками факелов.

Под древним каменным зданием находилась решетка подвесных балок из ведьмина дерева, связанных между собой канатами из Древнего стекла. От времени балки покрылись толстым слоем слизи и мерзкими наростами плесени, но несколько не утратили своей прочности, не уступавшей прочности камня, из которого были сложены стены Гулкой Норы.

Водопад низвергался с крыши в один из множества подземных каналов, образывавших настоящий лабиринт. В иных вода текла спокойно, гладкая как стекло, в других бурлила и пеннлась, точно на речных порогах. По углам балочной решетки медленно вращались колеса и еще какие-то диковинные устройства, которые Жан быстро осмотрел при свете маленького алхимического шара, прежде чем устроиться для долгого ожидания. Клон, по понятной причине не желавший далеко отходить от старшего товарища, примостился на балке фугах в двадцати слева от него.

В каменном полу Гулкой Норы имелись загадочного назначения сквозные квадратные отверстия размером два на два дюйма, расположенные в случайном порядке. Жан разместился под одним из них, поодаль от грохочущего водопада, чтобы хоть как-то слышать голоса людей наверху.

Что там происходило, он не вполне понимал - но по прошествии мучительно долгих минут, когда красный свет факелов усилился и кана Барсави загонорил с Локком, тревога Жана переросла в ужас. Потом послышались крики, проклятия, топот тяжелых

башмаков — и ликующий рев толпы. Ну все, Локка схватили. Где же чертов маг?

Жан торопливо пополз по балке, напряженно высматривая кратчайший путь к водопаду. От балок до края каменной расселины, куда обрушивается вода, будет добрых пять-шесть футов, но, если держаться в стороне от падающего потока, он сумеет выбраться наверх. Кроме того, это самый быстрый путь — и единственный. В тусклом красноватом свете, проникающем сквозь отверстия в полу, Жан обернулся и знаком велел Клопу оставаться на месте.

Сверху снова дошлась торжествующий вой толпы, а затем громкий голос капы: «Теперь бросьте этого выродка туда. Пускай плывет себе в море».

В море? Сердце у Жана бешено заколотилось. Они что, уже перерезали Локку глотку? Жгучие слезы подступили к глазам при мысли, что сейчас он увидит бездыханное тело, падающее в пенных струях водопада, — бездыханное тело во всем сером.

Однако в расселину сбросили бочку — громадную черную бочку, которая с громким плеском рухнула в черный канал под водопадом, взметнув мощный фонтан брызг. Жан дважды моргнул, прежде чем сообразил, что это значит.

— О боги... — пробормотал он. — Мечь той же монетой! Чертовски поэтично со стороны Барсави!

Очередной взрыв ликования наверху, тяжелый топот ног, звон оружия. Барсави что-то орал, надсаживая глотку, толпа дружно вопила в ответ. Потом тусклые лучики красноватого света, пробивавшиеся сквозь отверстия в полу, начали постепенно меркнуть и гаснуть. Люди Барсави покидали Гулкую Нору, и Жан решил попытать счастья.

Внезапно послышался еще один всплеск, ясно различимый даже сквозь оглушительный рокот водопада. Жан достал из-за пазухи алхимический шар, слегка встряхнул, и в темноте расцвела бледная белая звездочка. Крепко держась одной рукой за мокрую балку, Жан швырнул светильник в канал футов в сорока справа, куда должно было отнести бочку. Шар плюхнулся в воду и завис у самой поверхности, тускло освещая каменные стенки канала, имевшего не более восьми футов в ширину, и тяжело покачивающуюся бочку, погруженную на три четверти.

По каналу с шумным плеском двигался Клоп по грудь в воде. Алхимический шар упал футов в трех от него.

Черт, маленький поганец сиганул в канал по собственному почину! Похоже, он просто от природы не способен долго оставаться там, откуда можно спрыгнуть.

Жан лихорадочно огляделся вокруг: ему потребуется добрая минута, чтобы добраться до места, с которого он сможет бухнуться в нужный канал, не переломав ноги о каменные перегородки.

— Клоп! — проорал Жан, рассудив, что люди наверху его голоса не услышат из-за своего же гвалта. — Твой светильник! Достань живо! Локк в бочке!

Клоп торопливо выгнул из-за пазухи белый шар и тряхнул. В соединенном свете двух алхимических светильников Жан ясно разглядел очертания черной бочки. Он прикинул расстояние, принял решение и свободной рукой потянулся за одним из своих топориков.

— Клоп, — крикнул он, — взламывай не сбоку, а сверху! Крышку выбивай!

Но как?!

Стой на месте, не двигайся!

Цепляясь левой рукой за балку, Жан подался вправо, прошептал: «Прошу, пожалуйста», обращаясь ко всем богам сразу, и метнул топорик. Лезвие со стуком врезалось в дощатый бок бочки и крепко засело в нем. Клоп испуганно отпрянул, но тотчас же бросился вперед, загребая воду руками.

Жан пополз было дальше по балке, но почти сразу остановился, краем глаза заметив какое-то движение в темноте. Он напряженно взгляделся в густые тени слева. В одном из каналов чертова подземного лабиринта что-то двигалось. Несколько темных силуэтов размером с собаку. Они стремительно скользили под водой, размеренно работая щетинистыми лапами, и с поразительным проворством перебирались через каменные перегородки, подобно...

— Мать честная! — пробормотал Жан. — Быть такого не может!

Соленые дьяволы, несмотря на жуткий вид и устрашающие размеры, были существами пугливыми. Эти огромные пауки во множестве обитали на скалистом побережье к юго-западу от Каморра — прятались там в глубоких расщелинах, охотились на рыбу и чаек, а время от времени, когда заплывали слишком далеко от берега, становились добычей акул или морских дьяволов. Моряки испытывали перед ними суеверный ужас и при встрече забрасывали камнями или стрелами.

Только полный дурак осмелился бы приблизиться к отвратительной твари, вооруженной клыками размером с палец и сильным ядом, который если и не убьет, то причинит такие мучения, что смерть покажется желанной. Однако соленые дьяволы при виде человека обычно предпочитали спасаться бегством. Будучи одиночными засадными охотниками, они избегали тесного взаимодействия друг с другом. В детстве Жан помирал со страху, читая исследовательские труды ученых и натуралистов, посвященные этим существам.

Но сейчас он видел целую свору чертовых пауков, которые, точно охотничьи псы, всем скопом неслись по воде и камню в сторону Клопа и бочки.

— Клоп! — во все горло завопил Жан. — Кло-о-оп!!!

2

О том, что происходило наверху, Клоп имел еще меньше представления, чем Жан. Однако, когда бочка с плеском рухнула в темную воду, он мигом смекнул, что сбросили ее не просто так. А поскольку сидел мальчишка прямо над каналом, текущим от водопада, он просто без лишних раздумий сиганул с высоты пятнадцати футов в быстрый поток.

В полете Клоп подобрал ноги и бухнулся в воду задницей, подняв фонтан брызг, словно катапультный снаряд. При падении он ушел под воду с головой, но сразу же понял, что спокойно может встать на ноги: глубина канала не превышала четырех футов.

Сейчас Клоп лихорадочно рубил топориком крышку бочки. Собственный светильник он поставил на каменную дорожку у канала, поскольку алхимический шар Жана, висевший в воде у самой поверхности, давал достаточно света.

— Клоп! — внезапно проорал старший товарищ, явно не на шутку испуганный. — Кло-о-оп!!!

Мальчик обернулся направо и смутно разглядел в темноте отвратительных тварей, несущихся прямо к нему. Невольно содрогнувшись не столько даже от страха, сколько от омерзения, он быстро огляделся вокруг, не приближается ли угроза еще откуда.

— Давай живо из воды, Клоп! Забирайся на камни!

— А как же Локк?!

— В настоящую минуту он не горит желанием вылезти из бочки! — прокричал Жан. — Уж поверь мне!

Едва Клоп выкарабкался из струистой воды, пронизанной светом алхимического шара, бочка тронулась с места и, тяжело покачиваясь, медленно поплыла по направлению к южной стене здания, за которой подземный канал уходил неведомо куда. В отчаянии позабыв о собственной безопасности, Жан вскочил на ноги и побежал по балке к водопаду, поскользываясь на вековой слизи и размахивая руками для равновесия. Через несколько секунд он с налету обхватил обеими руками вертикальную опору; ноги сорвались с осклизлого бревна и на мгновение повисли в пустоте, но он все-таки сумел удержаться. Теперь, после этого безумного броска вперед, Жан оказался совсем рядом с водопадом. Он пружинисто присел и прыгнул, в полете подтягивая колени к груди. Бухнулся в воду, взметнув фонтан брызг не меньше, чем произвела бочка пару минут назад, крепко ударился задницей о дно и тотчас встал во весь рост, шумно отфыркиваясь и уже сжимая в руке второй свой топорик.

Клоп сидел на корточках на каменном бортике канала и размахивал светильником в попытке отогнать пауков. Соленые дьяволы уже были в каких-нибудь пятнадцати футах от него и продолжали двигаться вперед, хотя теперь и опасливо. Пятнистые черносеребые щитки; неподвижные глаза чернее ночи, зловеще посверкивающие в свете алхимического шара; волосатые ротовые щупальца так и ходят, черные ядовитые клыки обнажены.

Четыре проклятые твари. Отплевываясь, Жан выбрался из канала. Ему показалось, что несколько жутких паучьих глаз повернулись и пристально проследили за ним.

— Жан, — проскулил Клоп, — что-то вид у них больно злобный.

— Странно, — сказал Жан, подбегая и на лету ловя топорик, брошенный мальчиком.

Пауки находились всего в десяти футах от них, на другой стороне канала. Тридцать два немигающих черных глаза; тридцать две нетерпеливо подергивающиеся волосистые лапы.

— Чертовски странно, — повторил Жан. — Соленые дьяволы так себя не ведут.

— Замечательно. — Клоп держал алхимический шар перед собой в вытянутой руке, словно пытаясь спрятаться за ним. — Объясни это им.

— Уверен, мы с ними пойдем друг друга. Я бегло владею топориком.

Едва Жан успел договорить, как пауки с пугающей одновременностью прыгнули в воду, произведя четыре одинаковых всплеска.

Один из них поднырнул под бочку, уже спесенную течением на несколько футов вправо от Жана с Клопом. Многочисленные черные лапы высунулись из воды, заметались в воздухе, пытаясь схватить добычу. Мальчик вскрикнул от страха, смешанного с отвращением. Жан прыгнул вперед, молниеносно ударил обеими топориками, с тошнотворным хрустом перерубая две колючности, и тотчас отскочил назад. Из обрубков струей хлестнула синяя кровь.

Два невредимых наука выбрались из канала несколькими секундами раньше своих покалеченных собратьев и бросились к Жану, скрежеща когтями по мокрому камню. Поняв, что попытка атаковать топориками двух науков одновременно успехом вряд ли увенчается, Жан выбрал более неприятный план действий.

Злобная сестрица, зажата в правой руке, описала стремительную дугу сверху вниз и врезалась пауку, что справа, прямо между двумя симметричными рядами глаз. Жуткая тварь в агонии забила лапами, и Клоп испуганно отскочил назад, выронив алхимический шар. Используя инерцию движения, Жан вскинул левую ногу и обрушил тяжелый банмак на морду второго соленого дьявола, ринувшегося на него с выставленными клыками. Паучьи глаза лопнули, точно желированные фрукты, и Жан надавил каблуком со всей силы, испытывая такое ощущение, будто топчет мешок мокрых перьев.

Почувствовав, как в банмак просачивается теплая жидкость, он вытащил ногу из месива, в которое превратилась голова отвратительного существа, и тотчас увидел, что два раненых соленых дьявола, яростно пиня и шелкая, уже выбираются из канала, прямо за трупами своих сородичей.

Один из них вырвался вперед и ринулся на Жана, растопырив лапы и вскинув голову с обнаженными ядовитыми клыками. Жан нанес сокрушительный удар бойками обеих Сестриц, расплющивая паучью башку о мокрые камни. Синяя кровь плеснула фонтаном, забрызгав Жана лицо и шею, и он с трудом подавил тошноту.

Теперь остался всего один соленый дьявол. Взыбленный задержкой, вызванной нападением мерзких тварей, Жан взревел и мощно прыгнул вперед, подтягивая колени и раскидывая руки в стороны. Он приземлился обеими ногами прямо на спинной щиток последнего паука, который буквально взорвался под ним, судорожно дернув неестественно вывернутыми вверх конечностями.

— Га-а-а! — дико завопил Клоп, весь заляпанный синей жидкостью, немногим раньше циркулировавшей в теле соленого дьявола.

Не теряя ни секунды, Жан бросил мальчику одну Сестрицу, снова прыгнул в воду и с шумным плеском рванулся к бочке, успевшей отплыть еще футов на десять дальше. Остановив бочку свободной рукой, он принялся яростно крушить топориком крышку.

— Клоп! — задыхаясь, проорал он. — Посмотри, нет ли поблизости еще каких чертовых тварей!

Клоп торопливо выкарабкался обратно на каменную дорожку, но уже через несколько секунд бухнулся обратно в канал и обеими тощими руками схватился за бочку, удерживая на месте.

— Не видать, Жан. Давай быстрее!

— Да куда уж... — хрясь! хрясь! хрясь! — быстрее-то?

Наконец острое лезвие пробило крышку, из дыры полилась вонючая лошадиная моча, и Клоп закашлялся, давясь рвотными спазмами. Бешено колотя топориком, Жан расширил отверстие, а еще через несколько секунд выломал-таки всю крышку целиком, и смрадная волна мутно-желтой склизкой жидкости окатила ему грудь. Отшвырнув топорик, он запустил обе руки глубоко в бочку, вытащил бесчувственное тело Локка Ламоры и лихорадочно осмотрел на предмет резаных или колотых ран и прочих повреждений: шея вроде цела.

Крякнув от натуги, Жан взвалил тело говарища на каменную дорожку, рядом с мертвыми пауками, чьи конечности все еще слабо подергивались, и быстро выбрался из воды. Присев на корточки, он содрал с Локка плащ, рванул серый камзол, так что пуговицы брызнули в стороны, и принялся ритмично надавливать на грудь обеими ладонями.

— Клоп... — прохрипел он, — Клоп, давай сюда живо, хватай ноги и сгибай-разгибай. Жизненные соки в нем застыли. Может, вместе нам удастся их разогреть. Клянусь богами, если он оживет, я достану десять книг по лекарскому делу и вызубрю наизусть все до единой!

Клоп проворно выкарабкался из канала, схватил Локка за щиколотки и начал сгибать-разгибать его ноги, в то время как Жан попеременно то давил на живот, то колотил кулаками по груди, то хлестал по щекам.

— Ну давай же, черт поберит! — пыхтел он. — Не сдавайся, ты, заморыш несчастный...

Тело Локка судорожно выгнулось, из горла вырвался мокрый, булькающий кашель, пальцы слабо заскребли по камню, и он тяжело перекатился на левый бок. С шумным вздохом облегчения Жан шлепнулся на задницу, прямо в синюю лужу паучьей крови.

Локк изверг струю водянистой рвоты, весь скорчился, содрогнулся и снова блеванул фонтаном. Клоп подхватил его под мышки и чуть приподнял. С минуты Локк лежал так, сотрясаясь всем телом, прерывисто дыша и кашляя.

— О боги, — наконец проговорил он слабым, хриплым голосом. — О боги... мои глаза! Вижу еле-еле... Там что, вода?

— Она самая, течет себе, — ответил Жан.

— Так мне бы окунуться. О Тринадцать, смуть бы с себя всю эту гадость.

Не дожидаясь помощи друзей, Локк скатился в темный поток, пару раз окунувшись с головой, а потом сорвал с себя всю оставшуюся одежду, кроме белой нижней рубашки и серых бриджей.

— Ну что, полегчало? — спросил Жан.

— Вроде, да. — Локк опять подавился рвотным позывом. — Глаза разъедает, носоглотка горит огнем, грудь разрывается, башка раскалывается как, словно все семейство Барсави колотит по ней дубинками, я весь в лошадиной ссаке, а Серый король, сдается мне, только что совершил какой-то очень хитрый шаг, пока мы тут отвлекали капю. — Он тяжело оперся о каменный бортик и снова сдавленно закашлялся. Потом наконец заметил трупы пауков и резко отшатнулся. — Ф-фу! Боги мои... Похоже, я что-то пропустил.

— Соленые дьяволы, — сказал Жан. — Целая стая, и напали на всех скопом. Совершенно самоубийственное поведение.

— Надо же... уму непостижимо...

— Этому есть только одно объяснение.

— Заговор богов, — пробормотал Локк. — А, понял. Колдовство.

— Вот именно. Чертов маг! Если он может приручить скорпионьего сокола, то ему ничего не стоит...

— А может, он вообще ни при чем? — перебил Клоп. — Сами знаете, какие слухи ходят про Гулкую Нору.

— Да чего тут вспоминать о слухах, если у нас имеется живой колдун, питающий к нам сильнейшую неприязнь? Жан прав. Меня засунули в бочку не в наказание за скверную актерскую игру, и эти кусачие твари не просто так здесь прогуливались. Вы оба тоже должны были погибнуть, а если и не погибнуть, то...

— Испугаться до смерти, — кивнул Жан. — Отвлечешься надолго. Чтобы ты уже точно утонул.

— Похоже на то. — Локк потер саднящие глаза. — Нет, ну просто поразительно! Всякий раз, когда мне кажется, что я наконец-то тупо смирился с происходящим, возникают новые обстоятельства, приводящие меня в бешенство. Както с Галдо... Черт, нужно поскорее до них добраться!

— Да, они тоже могут влигнуть, — согласился Жан.

Наверняка уже влигли, но мы успешнее выкрутимся, если будем держаться вместе.

Локк попытался выбраться из воды, но у него неостало сил. Жан схватил товарища за шиворот и выволок на дорожку. Локк кивком поблагодарил и с трудом поднялся на ноги, дрожа всем телом.

Боюсь, я совсем ослаб. Уж извини, Жан.

— Не извиняйся. Тебе сегодня здорово досталось. Счастье, что мы успели вытащить тебя из бочки, пока не стало слишком поздно.

— Я в неоплатном долгу перед вами обоими. Это было... — Локк содрогнулся и снова закашлялся. — Это было чертовски ужасно.

Могу лишь догадываться, — сказал Жан. — Ну что, двинулись?

— Ага, быстрым шагом. Выбираемся тем же путем, каким вы сюда проникли, и стараемся не шуметь. Люди Барсави все еще могут находиться поблизости. И да, смотрите в оба, не кружат ли над нами какие подозрительные птицы.

— Всенепременно. Так, сюда мы пробирались ползком по тоннелю с западной стороны... — Жан осекся и хлопнул себя по лбу. — Тьфу, пропась! Куда ж я Сестриц-то подевал?!

— Не беспокойся. — Клоп потряс в воздухе топориками. — Я подозревал, что ты не захочешь расставаться со своими Сестрицами, а потому зорко приглядывал за ними.

— Премного тебе обязан, Клоп. Они мне наверняка еще понадобятся нынче ночью.

3

Когда они выползли из тоннеля и вскарабкались на набережную канала к западу от Гулкой Норы. Ржавый Затон казался таким же пустынным, как обычно. Похоже, люди Барсави уже удалились

восвояси. С минуту Благородные Канальи сидели на корточках, напряженно всматриваясь в темное небо, но ничего похожего на сокола так и не увидели.

— Давайте к Дымному кварталу, — предложил Локк. — Мимо Бедняцкого кургана. Украдем там какую-нибудь лодку и вернемся домой через сточную трубу.

Старая сточная труба на юге Храмового квартала, проходившая прямо под храмом Переландро, снаружи закрывалась железной решеткой с потайным замком, которая позволяла Благородным Канальям незаметно покидать свое подземное логово и столь же незаметно возвращаться.

— Хорошая мысль, — кивнул Жан. — Меня сейчас совсем не тянет таскаться по улицам и мостам у всех на виду.

Они крадучись двинулись на юг, благодаря богам за теплый низкий туман, клубившийся вокруг. Жан шел впереди, держа топорики наготове и непрерывно крутя головой во все стороны, точно кот на бельевой веревке. Локк еле плелся за ним, то и дело спотыкаясь и падая. Наконец они перешли через мост и спустились на юго-восточный берег Тихого квартала. Теперь слева от них смутно маячила черная громада Бедняцкого кургана, и воздухе висел сырой кладбищенский смрад.

— Ни единого стражника, — прошептал Локк. — Ни единого ребятенка с Сумеречного холма. Ни души. Чертовски странно даже для этого квартала.

— Сегодня ночью вообще все не так, верно? — проворчал Жан, прибавляя шаг.

Вскоре они пересекли еще один мост и оказались на южной окраине Дымного квартала. Локк старался не отставать, ковылял изо всех сил, хватаясь за живот и отбитые бока. Клоп шел последним, поминутно озираясь через плечо.

На северо-восточной границе Дымного квартала, у берега одноименного канала, теснились ветхие дощатые пристани и полуразрушенные каменные причалы. Все барки и более-менее приличные лодки стояли на цепях с замками, но несколько утлых челнов были просто привязаны веревками. В городе, где полно таких вот дрянных лодчонок, ни один здравомыслящий вор не позарится на подобную добычу — во всяком случае, без острой на то необходимости.

Они забрались в первую же, где, по счастью, оказалось еще и весло. Локк бессильно рухнул в корме, а Клоп схватил весло, пока Жан отвязывал веревку.

— Спасибо, Клоп. — Жан уселся на мокром дне лодки, с трудом втиснувшись между бортами; они втроем едва помещались в крохотной скорлупке. — Чуть погода я тебя сменяю.

— И что, ни словечка про мое нравственное воспитание?

— Твое нравственное воспитание завершено. — Жан уставился в небо; Клоп изо всех сил орудовал веслом, выгребая на середину канала. — Теперь тебе настала пора узнать, что такое война.

4

Никем не замеченные, они проплыли вдоль северного берега Дымного канала и приблизились к храму Переландро, высившемуся смутной громадой в серебристом тумане.

— Вот так, аккуратненько, — бормотал себе под нос Жан, подводя лодку к зарешеченному отверстию сточной трубы, находившемуся в ярде над водой и имевшему футов пять в поперечнике.

Труба почти напрямиком вела к подземному коридору с лестницей, что спускалась из храма в стеклянное логово. Просунув руку между железными прутьями решетки, Клоп привел в действие замочный механизм и со словами «Я первый пойду» приготовился вскарабкаться в трубу.

— А вот и нет. — Жан поймал мальчишку за шиворот. — Первыми пойдут Злобные сестрицы. Сядь пока и удерживай лодку на месте.

Клоп подчинился, недовольно насупившись. Жан пролез в отверстие и скрылся во мраке.

— Тебе предоставляется честь идти вгорым, Клоп, — улыбнулся Локк. — Потом подашь мне руку, пособишь забраться.

Когда все трое благополучно втиснулись в трубу, Локк обернулся и обеими ногами отпихнул лодчонку от стенки набережной. Течение понесет скорлупку к Виа Каморрацца, и она будет плыть, невидимая в тумане, пока кто-нибудь не врежется в нее на лодке покрупнее и не приберет к рукам неожиданную находку. Локк затворил решетку — смазанные маслом железные петли повернулись без единого скрипа — и запер замок.

С минуту Благородные Канальи ползли на четвереньках в крошечном мраке, слыша лишь собственное дыхание да шорох одежды. Потом Жан с тихим щелчком отомкнул потайную дверь и осторожно выбрался в полутемный коридор подвала. Сразу спра-

ва от него находилась лестница, ведущая навверх, к секретному люку под бывшей постелью отца Цеппи. Жан изо всех сил старался ступать бесшумно, но деревянные половицы все равно поскрипывали у него под ногами. С колотящимся сердцем Локк выскользнул в коридор следом за товарищем.

Освещение было тусклое: стеклянные стены и потолок, всегда источавшие мягкое золотое сияние, сейчас едва мерцали бледно-серебристым светом.

Жан крадучись двинулся к кухне, держа топорики наготове. Достигнув конца коридора, он низко пригнулся, заглянул за угол — а в следующий миг резко выпрямился во весь рост и прорычал: «Ах ты ж, твою мать!»

Кухня была разгромлена.

Шкафчики с пряностями опрокинуты, пол сплошь усыпан осколками стеклянной и глиняной посуды. Дверцы буфетов распахнуты, все полки в них опустошены. Водяная бочка перевернута, обломки позолоченных стульев свалены грудой в углу. Чудесная люстра, висевшая над обеденным столом на протяжении всех лет, что Благородные Канальи прожили здесь, представляла собой поистине плачевное зрелище: все подвесные цепи, кроме двух, перерублены; стеклянные планеты и созвездия разбиты вдребезги; армиллярные кольца непоправимо искорежены. Солнце в центре люстры треснуло, точно яйцо, и алхимическое масло, прежде светившееся в нем, вытекло и расползлось на столе вязкой лужей.

Локк и Жан стояли столбом, в ужасе озирая картину чудовищного разгрома. Клоп выскочил из-за угла, обуреваемый желанием ринуться в бой с неведомыми врагами, и застыл как вкопанный:

— Я... боги мои! О боги!..

— Кало? — крикнул Локк, забыв о всякой осторожности. — Кало? Галдо? Вы здесь?

Жан отодвинул тяжелую портьеру в дверном проеме, ведущем в гардеробную. Он не издал ни звука, но Злобные сестрицы вывалились у него из рук и со стуком упали на пол.

Гардеробная тоже выглядела так, будто по ней пронесся ураган. Сотни изысканных нарядов и маскарадных костюмов, бесчисленные шляпы, галстуки, бриджи и чулки — все исчезло. Зеркала разбиты, сундук с гримировальными принадлежностями перевернут, все его содержимое рассыпано, разлито и размазано по полу.

Рядом с сундуком лежали навзничь Кало и Галдо, уставившись в полумрак мертвыми, остекленелыми глазами. Глотки у обоих были перерезаны от уха до уха — две глубокие черные раны, одинаковые как две капли воды.

5

Жан рухнул на колени.

Клоп попытался протиснуться мимо Локка, но тот, собрав последние силы, оттолкнул его обратно в кухню и сдавленно проворкотал: «Нет, Клоп, не надо...»

Слишком поздно. Мальчишка хлопнулся на пол у стола ведьмина дерева и разразился истошными рыданиями.

«О боги, какой же я дурак! — в отчаянии подумал Локк, нетвердым шагом входя в гардеробную. — Нужно было сразу же собирать вещи и бежать».

— Локк, — хрипло прошептал Жан, а в следующий миг вдруг повалился ничком на пол и судорожно затрясся, забился всем телом, словно в припадке падучей.

— Жан! О боги, что с тобой?

Присев на корточки, он прижал пальцы к шее под круглым толстым подбородком товарища: пульс стучал как бешеный. Жан тяжело перевернулся на спину и уставился на него вытаращенными глазами, беззвучно открывая и закрывая рот.

Мысли вихрем пронеслись в голове Локка. Яд? Какая-то коварная ловушка? Неведомая алхимическая отравка, оставленная где-то здесь? Но почему она на него не действует? Или он уже настолько плох, что даже не ощущает симптомов отравления? Локк лихорадочно огляделся вокруг и заметил темный предмет, лежащий на полу между мертвыми братьями Санца.

Рука... отрубленная человеческая кисть, высохшая и сморщенная. На серой ладони черной ниткой вышито имя. Буквы кривые, но вполне разборчивые, поскольку каждая обведена бледной линией мерцающего алхимического света.

ЖАН ТАННЕН

«Ты даже не представляешь, что я могу сотворить с тобой, вышив твоё настоящее имя», — сами собой всплыли в памяти слова Сокольника. Жан снова застонал, весь выгнулся от дикой боли.

заколотил ногамп. Локк потянулся к огрубленной кисти. Мысли его отчаянно метались. Что делать? Как поступить? Изрубить чертову руку на мелкие кусочки? Сжечь на алхимической плите? Выбросить в реку?.. Он мало чего знал о практической магии, но сейчас любое действие казалось лучше бездействия.

В кухне прохрустели по битому стеклу чьи-то тяжелые шаги.

— Не двигайся, малец. Твой жирный приятель тебе вряд ли поможет. Вот так, сиди смирно.

Локк быстро подхватил с пола один из топориков, переделожил в левую руку и подскочил к двери гардеробной.

На пороге кухни стоял совершенно незнакомый мужчина в длинном красновато-коричневом плаще с откинутым капюшоном. Сальные черные волосы, вислые черные усы. В правой руке он держал арбалет, небрежно направленный на Клопа. При виде Локка, возникшего в дверном проеме, глаза незнакомца удивленно расширились.

— Что за чертовщина? Тебя здесь не должно быть.

— Ты человек Серого короля. — Поднятую руку с топориком Локк прятал за косяком, словно бы держась за стену.

— Ага, один из многих.

— Я заплачу любую цену, какую назовешь. Скажи только, где он сейчас, что делает и как мне обезопаситься от картенского мага.

— Никак. Это я скажу и бесплатно. Любую цену, говоришь? У тебя нет таких денег.

— У меня есть сорок пять тысяч полных крон.

— Были. — довольно дружелюбно поправил мужчина. — Были, да слыли.

— У тебя одна стрела. А нас двое, — указал Локк. За спиной у него снова мучительно застонал Жан. — Есть над чем подумать, верно?

— Ты выглядишь неважно, а мальчишка угрозы не представляет. Я сказал, не двигаться, ценю!

— Одной стрелы не хватит, — прошипел Клоп, чьи глаза горели холодной яростью, какой Локк никогда еще в нем не видел. — Ты понятия не имеешь, с кем связываешься.

— Одна стрела, — повторил Локк. — Она предназначалась для Клопа, да? Не окажись я здесь, ты бы сначала застрелил его, а потом прикончил Жана. Похвальный план. Но теперь нас двое, а у тебя по-прежнему всего одна стрела.

— Эй, полегче, любезные! Вряд ли кто-нибудь из вас горит желанием получить дыру промеж глаз.

— Ты не знаешь, против кого прешь... на что мы способны.

Мальчик легонько крутанул запястьем, и что-то выпало из рукава ему в ладонь. Локк, едва уловивший движение, присмотрелся — что там? Никак «сиротский фунтик»? О боги... с таким оружием против арбалета не пойдешь...

— Клоп, — негромко проговорил он.

— Скажи ему. Локк! Растолкуй, с кем он связывается и что с ним будет! Мы запросто с ним справимся!

— Клоп, не...

— Мы его одолеем, Локк, ты и я! Он не сможет остановить нас обоих. Черт, бьюсь об заклад, он и одного-то из нас не остановит.

— Кто первый сдвинется с места, в того стреляю. — Мужчина отступил на шаг назад, вскинул арбалет, крепко подхватив цевье левой рукой, и стал переводить оружие с Локка на Клопа и обратно.

— Клоп, послушай меня...

— Послушай своего товарища, малец. — Пособник Серого короля явно нервничал: на лбу у него выступила испарина.

— Я — Благородный Каналья, — медленно проговорил Клоп дрожащим от гнева голосом. — Никто не смеет нападать на нас. Никто не может взять над нами верх. Ты заплатишься, сволочь такая!

С горящим решимостью лицом мальчишка вскочил с пола, замахиваясь «сиротским фунтиком». Щелкнул спусковой крючок, и звон отпущенной тетивы отозвался эхом от стеклянных стен.

Стрела, нацеленная Клопу промеж глаз, угодила в шею.

Клоп дернулся, словно ужаленный оводом, ноги под ним подломились, и он рухнул навзничь, выронив бесполезный «сиротский фунтик».

Убийца отбросил арбалет и схватился за кинжал, висевший на поясе, но Локк уже выскочил из дверного проема и метнул топорик, вложив в бросок всю свою ярость. Жан расколол бы противнику череп пополам лезвием; Локку чудом удалось попасть в цель бойком, но и этого оказалось достаточно. Удар пришелся чуть ниже правого глаза, и мужчина отшатнулся, завопив от боли.

Молниеносно подхватив с пола арбалет, Локк со страшным криком ринулся на противника и с размаху саданул прикладом прямо в лицо, сломав нос, — кровь хлынула фонтаном. Мужчина повалился назад, треснувшись затылком о стеклянную стену, тя-

жело осел на пол и вскинул руки в попытке защититься от следующего удара. Локк ударил еще раз, еще и еще, дробя убийце пальцы; оба орала дикими голосами, один от ярости, другой от боли, и вошли чудовищным эхом метались по стеклянному подвалу.

Под конец Локк нанес сокрушительный удар плечом арбалета в висок — голова дернулась вбок, кровь забрызгала стену, и мужчина мешком рухнул на пол в углу коридора.

Отшвырнув арбалет, Локк бросился к Клопу и упал на колени с ним рядом.

Стрела пробила мальчику шею справа от дыхательного горла и вошла в нее по самое оперение. Локк осторожно приподнял голову Клопа, под которой расплзлась темная лужа крови, и нащупал наконечник стрелы, торчащий из шеи сзади. Теплая скользкая жидкость текла у него по рукам; он чувствовал, как она толчками струится из раны, в лад с хриплыми вздохами мальчишки. Клоп неподвижно смотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Прости меня, прости... — сквозь слезы бормотал Локк. — Будь я проклят, это моя вина... Мы могли сбежать... нам следовало сбежать. А мне гордость не позволила... и вот... ты. Кало. Галдо... Эта стрела должна была поразить меня.

— Твоя гордость... правильная, — прошептал мальчик. — Ты... Благородный Канальтя.

Локк зажал пальцами рану в отчаянной надежде остановить кровотечение, но Клоп пронзительно вскрикнул, и Локк отдернул дрожащую руку.

— Правильная... — прохрипел Клоп, и из угла рта у него вытекла струйка крови. — И я... уже не ученик, не подручник какой-нибудь... А настоящий Благородный Канальтя...

— Ты никогда не был простым подручником, Клоп. — Локк с трудом подавил рыдание, попытался убрать волосы мальчика назад и содрогнулся от ужаса, увидев на мертвенно-бледном лбу смазанный красный след от своей окровавленной руки. — Ты отважный маленький дурачок... маленький безголовый храбрец. Это моя вина, Клоп... скажи, скажи, что это моя вина...

— Не твоя... — еле слышно прошептал мальчик. — О боги... больно... как больно...

Больше он не произнес ни слова — еще пару раз слабо всхрипнул и обмяк на руках у Локка.

Локк оцепенело уставился вверх. Ему почудилось, будто стеклянный потолок, многие годы проливавший на него теплое золо-

гистое сияние, сейчас со злорадным удовольствием мерцает темно-красным светом, отражая залитый кровью пол, на котором он, Локк, стоит на коленях над бездыханным телом Клопа.

Одним богам ведомо, сколько времени он оставался бы гам, окаменелый от горя, если бы в соседней комнате не застонал Жан.

Локк, вздрогнув, очнувшись, бережно опустил голову Клопа на пол, с трудом встал и подобрал Злобную сестрицу. Медленным, неверным шагом войдя в гардеробную, он высоко замахнулся и изо всех оставшихся сил ударил топориком по заколдованной руке, лежащей между мертвыми братьями Санца.

Когда лезвие врезалось в иссохшую плоть, бледное голубое свечение вокруг кривых букв чуть померкло, и в тот же миг Жан шумно, судорожно вздохнул. Истолковав это как обнадеживающий знак, Локк принялся методично, яростно рубить проклятую руку на мелкие кусочки — кромсал сморщенную кожу, крушил хрупкие кости, пока не распались все черные стежки, которыми было вышито имя Жана, и голубое свечение не погасло окончательно.

Несколько долгих мгновений он неподвижно стоял над телами Кало и Галдо, потом за спиной у него тяжело завозился Жан.

— Будь оно все проклято... Клоп... — Толстяк кое-как поднялся на ноги и испустил надрывный стон. — Прости меня, Локк, прости, богов ради. Я не мог... даже шевельнуться.

— Ты ни в чем не виноват, — проговорил Локк с такой мукой, словно звук собственного голоса причинял ему нестерпимую боль. — Это была смертельная ловушка. На том, что здесь оставили для нас, было твое имя. Они знали, что ты сюда вернешься.

— Ты про... про отрубленную руку? Человеческую кисть с вышитым на ней моим именем?

— Да.

— «Хватка висельника». — пробормотал Жан, уставившись на крошево сухой мертвой плоти и тела братьев Санца. — В свое время я читал про такой магический прием. Похоже, он действует...

— Да, обездвиживает тебя, — бесцветным голосом продолжил Локк. — После чего убийца, прятаясь наверху, спускается в подвал, чтобы пристрелить Клопа и разделаться с тобой.

— Всего один?

— Да, всего один. — Локк тяжело вздохнул. — Жан, нужно подняться в храм. Светильное масло... будь добр, принеси его сюда.

— Светильное масло?

— Все, что есть. Быстро!

В кухне Жан на несколько секунд задержался у тела Клопа — упал на колени, закрыл ему глаза и сотрясся в беззвучных рыданиях. Потом тяжело встал, смахивая с лица слезы, и бросился выполнять распоряжение товарища.

Локк выволок в кухню труп Кало Санцы, уложил возле стола рядом с Клопом, сложил ему руки на груди и прикоснулся губами к холодному лбу. Мужчина в углу заворочал головой и застонал. Локк с размаху пнул его в лицо и вернулся в гардеробную за телом Галдо. Через пару минут оба близнеца лежали посреди разгромленной кухни, и Клоп между ними. Не в силах выносить остекленелый взгляд мертвых друзей, Локк накрыл тела шелковыми скатертями из разоренного буфета.

— Клянусь, я совершу посмертное приношение, братья. — прошептал он, стоя на коленях над тремя трупами. — Такое приношение, которому подивятся сами боги и при виде которого души всех каморских герцогов и кап почувствуют себя жалкими нищими. Великое приношение кровью, золотом и огнем. Я клянусь в этом именем Азы Гийн, принимающей всех нас в свои владения, именем Переландро, укрывавшего нас в своей обители, именем Многохитрого Стража, кладущего палец на чашу весов, когда взвешиваются наши души. Я клянусь в этом отцу Цеппи, защищавшему и оберегавшему нас. И прошу у вас прощения, что не сумел сделать то же самое.

Усилием воли Локк заставил себя подняться на ноги и заняться делом.

В гардеробной он собрал несколько старых костюмов, валявшихся по углам, и все уцелевшее содержимое гримировального сундука: с десяток накладных усов, пару фальшивых бород и банку театрального клея. Все это он свалил в кучу во входном коридоре, а затем заглянул в хранилище. Как и следовало ожидать, там не осталось ничегошеньки: ни единой монетки в колодцах и на полках. Несомненно, мешки с деньгами, ранее погруженные на телегу, тоже бесследно исчезли.

В спальнях комнатах в глубине подвала Локк собрал одеяла и простыни, пергаменты, книги и свитки. Все это он сложил грудой на обеденном столе. Наконец он — в окровавленной одежде, с окровавленными руками — встал над бесчувственным телом черноволосого мужчины, дожидаясь Жана.

— Давай открывай глаза, — велел Локк. — Я знаю, ты меня слышишь.

Слуга Серого короля моргнул, сплюнул кровью и заелозил по полу ногами, пытаясь забиться подальше в угол.

Локк неподвижно смотрел на него сверху вниз. Положение вещей казалось совершенно противоестественным. Убийца был крепкий, мускулистый мужик, на голову выше Локка, а Локк, и всегда-то не боги весть какой грозный с виду, после всех событий сегодняшней ночи выглядел совсем задохликом. Но все самое страшное, что было в нем, сейчас сосредоточилось в его глазах, с холодной, лютой ненавистью буравящих убийцу.

Жан стоял в паре шагов позади товарища, с перекинутым через плечо мешком и заткнутыми за пояс топориками.

— Жить хочешь? — спросил Локк.

Мужчина не ответил.

— Вопрос простой, и я спрашиваю во второй и последний раз: жить хочешь?

— Я... да, — прерывисто прошептал слуга Серого короля.

— Прекрасно. Тем приятнее мне будет лишить тебя такого удовольствия. — Локк опустил на колени и достал из-за пазухи маленький кожаный мешочек, висевший у него на груди. — Когда-то давно, — медленно произнес он, — когда я стал достаточно взрослым, чтобы осознавать свои поступки, я раскаялся в убийствах, вольно или невольно мной совершенных. И даже после того, как я погасил свой долг, я все равно всегда носил на груди вот это — как напоминание.

Резким движением Локк сорвал мешочек с шеи и достал из него акулий зуб. Потом вложил зуб вместе с мешочком мужчине в ладонь и силой согнул его переломанные пальцы. Тот весь скорчился и завопил от боли.

— Но теперь... — продолжал Локк, — теперь я снова стану убийцей. И буду убивать, пока в живых не останется ни одного прислужника Серого короля. Ты слышишь меня, скотина? Я расправлюсь с картенским магом, расправлюсь с Серым королем. и даже если все силы Каморра, Картена и самого ада пойдут на меня, я не остановлюсь — лишь больше трунов оставлю на своем пути к твоему хозяину.

— Ты сумасшедший, — прохрипел мужчина. — Тебе никогда не одолеть Серого короля.

— О, я сделаю и больше, не сомневайся. Все планы, которые он вынашивает, я расстрою. Все цели, к которым он стремится, я уничтожу. Все, ради чего ты убил моих друзей, исчезнет без следа. Все до единого люди Серого короля умрут понапрасну, начиная с тебя.

Жан шагнул вперед, схватил убийцу за шиворот и поволок в кухню, не обращая внимания на вопли о пощаде. Там он швырнул его на пол у стола рядом с тремя телами, и объятый ужасом мужчина пришел в еще сильнееший ужас, почуввав густой запах светильного масла.

Ни слова не говоря, Жан с размаху саданул круглым бойком топорика убийце по правому колену — тот дико взвыл от боли. Второй сокрушительный удар раздробил ему левую коленную чашечку. Мужчина тяжело перекатился на бок и весь скрючился в попытке защититься от следующих ударов — но таковых не последовало.

— Когда увидишь Многохитрого Стража, — негромко проговорил Локк, вертя что-то в руках. — передай ему, что Локк Ламора учится медленно, но уясняет крепко. А когда увидишь моих друзей, скажи им, что за тобой последуют многие.

Он разжал пальцы, и на пол упал узловатый темно-серый шнур с распущенными белыми волокнами на одном конце. Алхимический фитиль. При соприкосновении с воздухом белые нити через несколько секунд воспламенялись, поджигая медленно горящую толстую оплетку. А упал шнур прямо в лужу светильного масла, разлитого на полу.

Локк с Жаном быстро поднялись по лестнице, ведущей в старый каменный храм, и с грохотом захлопнули за собой крышку потайного люка.

В стеклянном подземелье у них под ногами разгорался огонь.

И сквозь рев пламени слышались истошные человеческие вопли.

Интерлюдия

ИСТОРИЯ ПРО ИГРОКОВ В РУЧНОЙ МЯЧ

Ручной мяч — старинная теринская игра, столь же любимая жителями южных городов-государств, сколь презираемая вадранцами, обитающими на севере своего королевства (хотя вадранцы-южане ничего против нее не имеют). Ученые мужи скептически относятся к распространенному мнению, будто игра зародилась в эпоху Теринского владычества, когда безумный император Сартрана забавы ради перекидывался со своими подданными отрубленными головами преступников. Однако с решительным опровержением они не выступают, поскольку умалять зверства, творимые тогда, можно лишь на основании твердых доказательств, каковых не имеется.

Ручной мяч — игра грубая и для грубых людей, которая проводится между двумя командами на любой сравнительно ровной площадке. Сам мяч представляет собой плотный шар из склеенной древесной смолой кожи, диаметром примерно шесть дюймов. Поле длиной двадцать-тридцать ярдов ограничено с обеих сторон прямыми линиями, обычно начерченными мелом. Каждая команда пытается перенести мяч за линию противника. Игрок, перебегающий, перешагивающий или перепрыгивающий через нее, должен держать мяч обеими руками.

Мяч может перебрасываться от одного игрока к другому, но не должен касаться никакой части тела ниже пояса или падать на землю, ибо тогда он переходит к другой команде. Беспристрастный наблюдатель, которого называют просто «судья», следит за соблюдением правил, более или менее успешно.

Игры проводятся между командами, представляющими кварталы или острова Каморра. А выпивки, ссоры и споры по поводу

каждой из них начинаются за несколько дней до нее и заканчиваются, когда от нее остается одно лишь воспоминание.

Говорят, однажды во времена правления первого каморрского герцога Андраканы состоялась игра между Котлищем и Горелищем. Молодой рыбак Маркос считался лучшим игроком в Котлище, а его ближайший друг Жервен слыл самым честным и справедливым игровым судьей во всем городе. Разумеется, судить состязание доверили ему.

Игра проходила на одной из пыльных заброшенных площадей Зольника, вокруг которой собралась тысячная толпа орущих каморрцев, пьяных и полупьяных. Игра была ожесточенная, и под конец, когда песочные часы показывали, что время почти вышло, Котлище отставало всего на одно очко.

С яростным ревом Маркос схватил мяч и мощным броском прорвался через цепь защитников. С подбитым глазом, черно-синими от ушибов руками и в кровь разодранными коленями, он отчаянно прыгнул к белой линии в тот самый миг, когда упала последняя песчинка в часах.

Маркос лежал на булыжнике, вытянув вперед руки с мячом, который касался меловой линии, но не пересекал полностью. Растолкав столпившихся игроков, Жервен несколько секунд смотрел на простертого Маркоса, а потом сказал: «Не пересек черту. Очко не засчитано».

Возмущение одних каморрцев и ликование других вылились в страшные беспорядки, при подавлении которых желтокурточники убили, по разным мнениям, от дюжины до сотни человек. По меньшей мере три капы погибли в ходе маленькой войны, разгоревшейся из-за отказов платить выигрыши по ставкам, и Маркос поклялся никогда больше не разговаривать с Жервеном. Они двое с детства рыбачили вместе на одной лодке, а теперь жители Котлища предупредили всю семью Жервена, что, если они посмеют еще раз сунуться к ним в квартал, за их жизнь никто не даст и ломаного медяка.

Минуло двадцать лет, тридцать, тридцать пять. К власти пришел первый герцог Никованте. За все это время Маркос с Жервеном ни разу не виделись. Жервен покинул город и много лет прожил в Джереше, где работал гребцом на галерах и за плату охотился на морских дьяволов. В конце концов, затосковав по родным краям, он сел на корабль и вернулся в Каморр. На причале Жервен увидел мужчину, вылезавшего из рыбацкой лодочки, такого же

седого, бородатого, потрепанного жизнью мужчину, как он сам, — и изумленно остановился, признав в нем своего старого друга.

— Маркос! — радостно вскричал он. — Маркос из Котлиша! Благодарение богам! Ты ведь помнишь меня?

Маркос повернулся и несколько секунд пристально смотрел на путешественника, стоящего перед ним. Потом без всякого предупреждения выхватил из-за пояса длинный рыбацкий нож и всадил по самую рукоять ему в живот. А в следующий миг с силой толкнул ошеломленного Жервена, и бывший игровой судья упал в воду Каморрского залива и на поверхность уже не всплыл.

— Не пересек черту, как же! — со злостью проговорил Маркос.

Веррарцы, картенцы и лашенцы понимающе кивают, слушая эту историю. Хотя достоверность ее вызывает большие сомнения, она служит очередным подтверждением общеизвестной истины: все каморрцы самые настоящие сумасшедшие.

Каморрцы же видят в истории про Маркоса и Жервена полезное напоминание о недопустимости промедления в вопросах мести — ну или о важности долгой памяти (в случае, если сразу отомстить не получилось).

Глава 11

ПРИ ДВОРЕ КАПЫ РАЗЫ

1

Им пришлось украсть еще одну лодку, поскольку от предыдущей Локк опрометчиво избавился. В любое другое время он посмеялся бы над своей оплошностью.

«И Клон посмеялся бы, и Кало с Галдо...» — пронеслось у него в уме.

Лодка плыла по течению на юг, между Скопищем и Мара-Каморрацца. Локк с Жаном сидели в утробном молчании, завернувшись в старые плащи, подобранные с пола гардеробной. Тусклые мерцающие огни в густом тумане и приглушенные, невнятные голоса в отдалении казались Локку отсветами и отзвуками какой-то другой, незнакомой жизни, оставшейся в далеком прошлом и не имеющей никакого отношения к городу, в котором он жил сколько себя помнил.

— Какой же я дурак! — простонал он, утыкаясь лбом в планшир.

Все тело у него болело, измученный желудок снова крутили сухие спазмы.

— Повторишь это еще раз, я швырну тебя в воду и веслом по башке огрею! — пригрозил Жан.

— Нам нужно было сразу бежать.

— Возможно. А возможно, не все несчастья, постигающие нас, являются прямым следствием принятых нами решений, брат. Возможно, беды приходят независимо от наших поступков. Возможно, если бы мы сбежали, картенский маг нагнал бы нас в пути и разбросал бы наши кости где-то между Каморром и Талишесом.

— И все же...

— Мы остались живы, — с напором произнес Жан. — Мы живы и можем отомстить. Ты правильно поступил с пособником

Серого короля там, в нашем логове. Теперь надо понять, почему все так случилось и что нам делать дальше? Перестань вести себя так, будто ты надыхался дымом Призрачного камня. Сейчас мне нужны твои мозги, Локк. Мне нужен Каморрский Шип.

— Дай мне знать, когда найдешь его. Каморрский Шип — фантом, призрак, дурацкая выдумка.

Нет, он сидит здесь, в лодке, вместе со мной. И если ты еще не стал им, то должен стать немедленно. Только Шип способен одолеть Серого короля. Одному мне точно не справиться. Почему Серый король поступает так с нами? Что это дает ему? Думай, дружище! Шевели мозгами, черт побери!

— Слишком много простора для догадок... Но давай несколько сузим вопрос, — принялся размышлять вслух Локк, уже слегка окреншим голосом, — Рассмотрим силы противника. Сегодня под храмом мы видели одного из его людей. Еще одного я видел, когда меня похитили ночью. Следовательно, мы знаем, что на Серого короля работают по меньшей мере двое, не считая вольнонаемного мага.

— Верно. Но-твоему, он действует недостаточно предусмотрительно и расчетливо?

— Нет. — Локк медленно потер ладони. — Нет, все его действия кажутся мне продуманными и хитроумными, как веррарский механизм.

Однако в наше логово он послал всего одного человека.

— Да... Но братья Санца были уже мертвы, я считался мертвым, ты попал в ловушку, устроенную картенским магом, а Клопу предназначалась арбалетная стрела. Дело верное. Раз, два и готово. Быстро и жестоко.

— Но все равно — почему бы не послать двоих? А лучше троих? Если Серый король так жаждет покончить с нами, почему не действовал наверняка? — Жан сделал несколько легких тревков веслами, выравнивая лодку по течению. — С трудом верится, что в самый решающий момент он вдруг потерял бдительность.

— Возможно... возможно, все остальные люди сегодня были нужны Серому королю в другом месте, очень нужны. И к нам он мог послать всего лишь одного. — Локк ахнул и стукнул кулаком по ладони. — Возможно, мы для него вообще не главное!

— В таком случае — что главное?

— Не что, а кто! — Локк резко выпрямился и застонал, борясь с головокружением. — С кем он воевал все эти месяцы, Жан? Барсави уверен, что Серый король мертв. Что он станет делать сегодня ночью?

— Он... закатит разгульный пир. Грандиозное торжество, как на День Перемен. Будет праздновать свою победу.

— На Плавучей Могиле, — подхватил Локк. — Он распахнет двери настезь, выставит бочки с вином — боги, на сей раз действительно с вином! Созовет всех своих подданных. Все Путные люди Каморра, в стельку пьяные, заполонят мост и причалы Дровяной Свалки. Как в старые добрые дни.

— Значит, Серый король разыграл свою смерть для того лишь, чтобы Барсави закатил пир?

— Дело не в пире, Жан, а... а в людях! Ведь там соберется весь Путный народ. Вот оно что! О боги, вот оно что! Сегодня впервые за несколько месяцев Барсави появится перед своими подданными. Понимаешь? Все шайки, все гарристы станут свидетелями того, что там произойдет!

— А что произойдет-то?

— Не знаю, но Серому королю не откажешь в умении устраивать красочные представления. Сдается мне, Барсави влип в жуткую передрагу. Гребни со всей мочи, Жан! Высадишь меня в Котлице. Оттуда я сам доберусь до Дровяной Свалки. Мне нужно попасть на Плавучую Могилу возможно скорее.

— Ты с ума спятил? Если Серый король со своими приспешниками все еще рыщут по городу, они убьют тебя как пить дать. А если тебя увидит Барсави, когда ты должен валяться при смерти с жестоким поносом? Да ты и гак, считай, при смерти, только посмотри на себя!

— Никто и не увидит Локка Ламору. — Торопливо перебрав все уцелевшие гримировальные принадлежности, Локк приложил к подбородку фальшивую бороду и слабо ухмыльнулся. — Волосы у меня еще несколько дней будут седыми, поскольку смывочный раствор сию минуту горит ярким пламенем в нашем логове. Измажусь сажей, надвину капюшон пониже и превращусь в неприметного жалкого бродягу с избитой до синяков рожей, явившегося за дармовой выпивкой.

— Тебе нужно отлежаться, Локк. Из тебя сегодня едва душу не выколотили. Ты же еле живой!

— Да уж, болит у меня даже в таких местах, о существовании которых я раньше и не подозревал, но тут никуда не денешься. — Локк быстро наносил на подбородок театральный клей, прямо пальцами. — У нас не осталось ничего — ни гримировальных принадлежностей толковых, ни денег, ни костюмов, ни храма нашего,

ни друзей. А у тебя, Жан, есть два часа от силы, чтобы найти нам надежное укрытие, пока Серый король не хватился своего чело- века.

— И все же...

— Жан, я вдвое меньше тебя. Сейчас не время кудахтать надо мной. Я сумею раствориться в толне, а ты будешь привлекать к себе взоры, как восходящее солнце. У меня предложение такое: отыщи подходящую развалину в Зольнике, повыгоняй оттуда крыс и оставь мне какие-нибудь знаки поблизости. Просто намалой сажей на стенах. Я тебя найду, когда освобожусь.

— Но...

— Жан, ты требовал подать тебе Каморрского Шина. Вот он перед тобой. — Локк прилепнул к подбородку фальшивую боро- руду и прижал покренче, дожидаясь, когда клей хорошо схватит- ся и кожу перестанет щипать. — Отвези меня в Котлице и высади там. Ради Кало, Галдо и Клопа, если не ради меня! Сегодня на Плавучей Могиле случится что-то важное, и мне необходимо сво- ими глазами увидеть, что именно. Почему Серый король столь люто обошелся с нами, объяснят события, которые произойдут в ближайшие несколько часов... если только они уже не происходят.

2

Устроив торжество по случаю победы над убийцей своей доче- ри, Венкарло Барсави, прямо скажем, во всех отношениях превзо- шел самого себя.

Двери Плавучей Могилы были распахнуты настежь. Все кара- ульные оставались на своих постах, но особой бдительности не проявляли. Огромные алхимические шары, висящие по краям шел- ковых навесов на палубе галеона, озаряли Дровяную свалку под темным небом, подобные маякам в густом тумане.

В «Последнюю ошибку» были отправлены расторопные слуги за вином и едой. Таверна бы гро опустела не только в части съест- ного и питейного, но также в части посетителей и obsługi — все они, хмельные и тверезые, устремились к Дровяной свалке, охва- ченные нетерпеливым любопытством.

Стражники на берегу лишь бегло осматривали гостей, пропус- кая всех подряд мужчин и женщин, под чьими плащами не угады- валось никакого оружия. Разгоряченный победой, кана решил

размахнуться во всю ширь, что сыграло на руку Локку: в надвинутом капюшоне, с накладной бородой и измазанным сажей лицом, он затесался в шумную толпу головорезов из Котлица и вместе с ними прошел по длинному мосту на галеон Барсави, похожий в праздничном освещении на прогулочную галеру из романтических сказаний о султанах Бронзового моря.

На Плавучей Могиле яблоку было негде упасть. Капа Барсави восседал на троне в окружении самых приближенных людей: двух своих сыновей, красных и шумных от вина, дюжины наиболее могущественных гаррист и безмолвных, бдительных сестер Беранджа. Работая локтями и тихо чертыхаясь, Локк протолкался в середину капиной крепости, протиснулся в угол рядом с дверью приемного зала и оттуда стал наблюдать за происходящим, кривясь от боли, задыхаясь от слабости, но радуясь, что сумел занять место с хорошим обзором.

На галереях толпились горлопаны и буйны из всех каморрских шаек, и шум там с каждой минутой усиливался. Жара стояла невыносимая, и вошь тоже — хоть топор венной. Локку казалось, будто запахи накатывают на него тяжелыми волнами, придавливая к стене. Мокрое сукно и кожа, застарелый пот и разнообразные масла для волос, вино и кислое винное дыхание.

В самом начале второго часа пополуночи Барсави внезапно встал и поднял руку, требуя внимания.

Тишина растеклась по огромному залу, как волна от брошенного в воду камня. Путные люди толкали друг друга локтями, вяло замолчать, и указывали пальцами на капю. Меньше чем через минуту возбужденный гомон толпы стих до приглушенного гула. Капа удовлетворенно кивнул.

— Надеюсь, праздник удался на славу?

Люди восторженно завопили, зарукоплескали, затопали грубыми башмаками так, что пол затрещал. Локк усомнился в разумности столь буйного поведения на корабле любого рода, но тоже покричал, похлопал и потопал вместе со всеми.

— Приятно сознавать, что неприятности остались позади, верно?

Снова ликующий рев толпы. Локк яростно поскреб фальшивую бороду, теперь мокрую от пота. У него вдруг пронзило острой болью живот — в том самом месте, которому младший Барсави уделил особое внимание при избииении. От жары, духоты и вони горло опять сдвинули рвотные спазмы, а за сегодня он уже так на-

мучился тошнотой и рвотой, что до конца жизни хватит. Локк судорожно закашлялся, зажимая рот обеими ладонями, и мысленно взмолился, чтобы боги дали ему силы продержаться еще несколько часов.

Одна из сестер Беранджа, чьи украшения из акульих зубов ярко блестели в свете бесчисленных канделябров, подступила к капе и зашептала что-то ему на ухо. Выслушав свою телохранительницу, Барсави широко улыбнулся.

— Черина просит, чтобы я позволил им с сестрой развлечь нас! — прокричал он. — Позволить?

Толпа взревела вдвое громче прежнего (и, казалось, вдвое искреннее). Деревянные стены сотряслись от оглушительного гула, и Локк вздрогнул всем телом.

— В таком случае — акульи бои!

Следующие несколько минут в огромном зале царила полнейшая сумятица. Дюжина капиных стражников расталкивала пьяную толпу, расчищая место посреди помещения — круг ярдов десять-двенадцать в поперечнике. Люди в страшной давке отступали вверх по лестницам, и скоро галереи уже трещали под их тяжестью. Локка зажали в угол еще теснее.

Потом стражники принялись подцеплять баграми и вынимать деревянные панели пола, под которыми чернела вода Каморрского залива. Трепет предвкушения и ужаса прокатился по толпе при мысли о том, что может скрываться там. «Для начала — неуспокоенные души восьми бедняг из Полных Крон», — мелькнуло в голове у Локка.

Когда последние панели были сняты, всем взорам (ну или почти всем) открылись крохотные деревянные площадки — размером в две ладони, не больше, — расположенные футами в пяти одна от другой. Арена акульих боев, проводившихся лично для Барсави и смертельно опасных даже для таких опытных контрареквиалл, как сестры Беранджа.

Черина и Райза, наторелые мастерицы распалить толпу, начали снимать с себя кожаные дублеты, наручи и нашейники. Они двигались медленно и грациозно, а капины подданные орали во все горло, выражая одобрение, топали, хлопали, прихлебывали вино, и иные даже выкрикивали непристойные предложения.

Аньяис выскочил вперед с мешочком алхимического порошка в руках, высыпал весь в воду и благоразумно отступил назад. То был так называемый подстрекатель — смесь сильнодействующих

веществ, которая возбуждала в акуле лютую ярость, не угасавшую на протяжении всей схватки. Если запах крови привлекает и разгорячает акулу, то подстрекатель приводит ее в совершенное бешенство — и страшная хищная рыба с стремительно мечется взад-вперед, вспенивая воду, и в слепой ярости бросается на женщин, скачущих по деревянным площадкам.

Сестры Беранджа подошли к самому краю маленькой водной арены с обычным своим оружием — топориками с заостренным обухом и короткими метательными копьями. Аньяис и Пакеро стояли позади них слева. Капа по-прежнему стоял у своего кресла, хлопая в ладоши и широко улыбаясь.

Черный плавник прорезал поверхность воды, хвост мощно хлестнул. Короткий всплеск — и разлитое в воздухе возбуждение усилилось. Локк почти телесно ощущал эту смесь животного вожделения и животного страха. Волна поятилась, отступая еще ярда на два от водной арены, но все равно многих зрителей в первых рядах трясло в нервном ознобе, а несколько человек развернулись и стали пробиваться в глубину толпы, под презрительный смех и улюлюканье окружающих.

На самом деле морская хищница имела в длину всего пять-шесть футов; в Плавучем цирке нередко использовали акул и вдвое крупнее. Но даже сравнительно небольшая рыба запросто может в прыжке покалечить человека, а уж если она утянет противника под воду... ну, в такой неравной схватке размер акулы вообще не имеет значения.

Сестры Беранджа вскинули руки, приветствуя зрителей, потом одновременно повернулись к капе. Локк так и не научился различать, кто из них Черина, а кто Райза... И сейчас, при виде двух женщин, похожих как две капли воды, сердце у него мучительно сжалось от горя по близнецам Сацца.

Играя на публику, Барсави медленно поднял ладонь и обвел своих подданных вопросительным взглядом. Когда зал взорвался ободряющими криками, капа спустился с помоста, встал между контрареквизалами и получил поцелуй в щеку от каждой из них.

Тут вдруг вода перед ними трюими взволновалась: черная тень стремительно проскользила вдоль края водной арены и нырнула в черную глубину. Пятьсот сердец обмерло враз, в пятистах горлах перехватило дыхание. Внимание Локка сейчас было обострено до предела, он с поразительной ясностью видел каждую мелочь в общей картине, словно бы застывшей перед ним во вре-

мени: от нетерпеливой, жадной улыбки на багровом жирном лице Барсави до дрожащих отблесков огней на темной воде.

— Каморр! — прокричала сестра, стоявшая справа от капы.

И вновь толпа смолкла, на сей раз так мгновенно, будто кто-то перерезал острым ножом одну гигантскую глотку. Пятьсот пар глаз напряженно впились в капу и его телохранительниц.

— Мы посвящаем эту смерть, — продолжала женщина. — капе Венкарло Барсави, нашему господину и покровителю!

— И он поистине заслуживает этого! — выкрикнула другая Беранджа.

В следующий миг прямо перед ними из воды взметнулась акула — темно-серое чудовище с черными беззекими глазами и оскаленными белыми зубами. Подняв десятифутовый столб брызг, она взвилась в воздух, рывком всего тела перевернулась и стала падать... падать...

Прямо на капу Барсави.

Пытаясь защититься, Барсави вскинул руки, и страшные челюсти сомкнулись на одной из них. Тяжелое мускулистое тело рыбы с глухим плепком упало на пол, увлекая за собой капу. Неумолимые челюсти сжались крепче прежнего, Барсави дико заорал, и кровь хлынула фонтаном из прокушенной правой руки, растекаясь по полу, заливая тупое акулье рыло.

Аньяс и Пакеро бросились на помощь отцу. Не сводя взгляда с акулы, одна из сестер Беранджа стремительно приняла боевую стойку, занесла сверкающий топор и метнула со всей силы.

Лезвие врезалось Пакеро Барсави над левым ухом, раскроив череп; очки так и отлетели в сторону. Молодой человек сделал еще пару неверных шагов вперед и ничком рухнул на пол, уже мертвый.

Толпа исторгла вопль ужаса, заколыхалась и отхлынула. «Прошу, не дай мне лишиться чувств сейчас, о Великий Благодетель! — мысленно взмолился Локк. — Укрепи мои силы, дабы я смог увидеть дальнейшие события и уразуметь наконец, что все это значит!»

Аньяс ошалело уставился на отчаянно бьющегося отца и бездыханного брата, но прежде чем он успел произнести хоть слово, вторая сестра Беранджа подступила к нему сзади, обхватила одной рукой, уперев древко короткого копья под подбородок, и с размаху всадила острый боек топора в затылок. Аньяс всхрипнул,

выплеснув изо рта кровавую струйку, повалился ничком и больше уже не шевелился.

Бешено извиваясь и молотя хвостом, акула терзала зубами правую руку капы, а он с дупераздирающими воплями колотил по жесткой шершавой морде левой рукой, в кровь облирая кожу. Наконец с тошнотворным хрустом акула оторвала руку и скользнула обратно в воду, оставив на полу широкую красную полосу. Барсави тяжело откатился назад, заливая все вокруг кровью, хлещущей из рваного обрубка, и в диком ужасе воззрился на мертвые тела своих сыновей.

Потом он попытался подняться на ноги, но одна из сестер Беранджа пинком повалила его обратно на пол.

В толпе позади поверженного капы произошло движение, и несколько Красноруких, бессвязно вопя, ринулись вперед с оружием наготове. Последовала схватка столь молниеносная, что Локк, непривычный к такого рода зрелищам, даже не разглядел ничего толком, но ясно было одно: две полудоетые женщины расправились с полудюжиной здоровых вооруженных мужиков с жестокостью, которой позавидовала бы и акула. Стремительно мелькали короткие копья, взлетали и падали топоры, кровь хлестала фонтаном из проткнутых и перерубленных глоток. Последний Краснорукий, с кровавым месивом вместо лица, рухнул на пол секунд через пять после того, как первый из них бросился в атаку.

На галереях началась страшная давка. Теперь Локк видел людей, прокладывающих себе путь в толпе: мужчины в серых непромокаемых плащах, с арбалетами и длинными ножами. Одни стражники Барсави просто стояли в оцепенении, ничего не предпринимая, другие обратились в бегство, а иные уже были убиты противниками в сером. Звенели арбалетные тетивы, свистели в воздухе стрелы. Гулко грохнули громадные двери зала, захлопнувшись словно сами собой, застрекотал и защелкал запорный механизм. Люди отчаянно бились в них, пытаясь выломать, но все без толку.

Один из стражников Барсави протолкался через объятую паникой толпу и навел арбалет на сестер Беранджа, которые по-прежнему стояли над раненым капой, точно львицы, стерегущие добычу. В следующий миг неясная черная тень с диким клекотом низринулась на него из-под утопавшего во мраке потолка, и выпущенная стрела, просвистев высоко над головами контрареквиалл, воплилась в дальнюю стену. Стражник яростно отбивался от крупной коричневой птицы, и спустя несколько мгновений она взмыла

ввысь на изогнутых серпом крыльях, а мужчина вдруг схватился за шею, пошатнулся и упал ничком.

— Оставайтесь все на своих местах! — внезапно прогремел повелительный голос. — Оставайтесь на местах и успокойтесь!

Приказ возымел гораздо более сильное действие, чем ожидал Локк. Он и сам почувствовал, как страх в нем ослабевает и паническое желание пуститься наутек исчезает. Истощенные вопли стихли, бешеные удары в дверь прекратились, и жуткая тишина повисла в зале, где всего пару минут назад буйно ликовали подданные капы Барсави.

У Локка волосы зашевелились на голове: произошедшая в людях перемена была совершенно неестественной. Возможно, он не понял бы этого, если бы однажды уже не испытал на себе действие магических чар. Локк невольно задрожал. «О боги, — пронеслось у него в уме, — надеюсь, решение явиться сюда не было самоубийственным».

А потом в зале появился Серый король.

Казалось, он просто вышел из некоей незримой двери, распахнувшейся около кресла Барсави. Одетый все в тот же серый плащ с капюшоном, он легкой, уверенной поступью охотника прошел между трупами Красноруких. С ним рядом шагал Сокольник, высоко подняв кулак в грубой перчатке. Через секунду на руку к нему слетела Вестриса, сложила крылья и издала пронзительный горжествующий крик. По толпе пробежал испуганный гул.

— Не бойтесь, я вас не трону, — промолвил Серый король. — На сегодня я покончил с расправами.

Он остановился между сестрами Беранджа и посмотрел на капу Барсави, который с мучительными стонами корчился у его ног.

— Приветствую тебя, Венкарло. Боги мои, сегодня ты выглядишь не лучшим образом.

Серый король откинул капюшон, и Локк снова увидел худое лицо с резкими чертами, пронзительные глаза, темные с проседью волосы. Увидел — и ахнул от изумления, ибо наконец понял, почему с первого знакомства с Серым королем его не оставляло смутное, странное чувство, что где-то он уже встречал этого человека.

Итак, части хотя бы одной головоломки встали на свои места. Серый король стоял между сестрами Беранджа, и теперь Локк ясно видел, что они трое очень, очень похожи внешне — чуть ли не как тройняшки.

3

— Каморр! — прокричал Серый король. — Правлению семейства Барсави пришел конец!

Его люди зорко следили за порядком в толпе; всего их было дюжины две, не считая сестер Беранджа и Сокольника. Картенский маг безостановочно шевелил пальцами левой руки и что-то бормотал себе под нос, медленно обводя взглядом огромное помещение. Заклинания, которые он творил, чтобы успокоить толпу, определенно оказывали свое действие, но зачарованное внимание всех собравшихся, несомненно, приковали также и три черные линии, вытатуированные у Сокольника вокруг запястья.

— Да и самому семейству Барсави пришел конец, — продолжал Серый король. — У тебя не осталось ни дочери, ни сыновей, Венкарло. Я хотел, чтобы перед смертью ты знал, что я истребил с лица земли всю заразу, произошедшую из твоих чресел. В прошлом, — возвысил он голос, — вы знали меня под именем Серого короля. Но имя это я запрещаю произносить впредь. Отныне зовите меня... капа Раза!

«Раза, — подумал Локк. — „Мечь“ на сгаротеринском. Грубовато».

К великому своему сожалению, он по-прежнему ничего толком не понимал про Серого короля.

Капа Раза, как он теперь себя называет, наклонился над Барсави, истекающим кровью и хрипло скулящим от боли, стащил у него с пальца перстень с печаткой, высоко поднял его, показывая толпе, а потом надел на безымянный палец своей левой руки.

— Я ждал много лет, чтобы увидеть тебя в таком вот прискорбном положении, Венкарло. Теперь все твои дети мертвы, и твоя власть перешла ко мне вместе с твоей крепостью и всеми твоими богатствами. Все наследство, которое ты собирался оставить своим потомкам, теперь принадлежит мне. Я стер тебя из истории, как ошибочную меловую запись с грифельной доски. Мог ли ты представить такое? Помнишь, как долго и мучительно умирала твоя жена? Как она до самой своей кончины доверяла твоим телохранительницам, сестрам Беранджа? Как они приносили ей пищу? Жена твоя умерла вовсе не от опухоли в желудке. То была черная алхимия. Таким образом я просто, так сказать, разжигал аппетит, пока готовился к убийству Венкарло Барсави. — Капа Раза дьявольски улыбнулся. — А она страшно мучилась, верно? Так знай,

приятель, возлюбленная твоя супруга умерла не по воле богов. Как и все, кого ты любил, она умерла из-за тебя.

— Но... почему? — еле слышно простонал Барсави.

Опустившись на колени, новый каморрский капа почти нежно приподнял голову старика и зашептал что-то на ухо. Когда он умолк, Барсави ошеломленно уставился на него с отвисшей челюстью и вытаращенными глазами, а Раза медленно кивнул.

Потом он схватил Барсави за бороду, заплетенную в три косицы, и рывком запрокинул ему голову назад. Из рукава другой руки у него выскользнул в ладонь стилет, который миг спустя он всадил по самую рукоять в жирное горло Венкарло Барсави. Тот слабо дрыгнул ногами и затих.

Капа Раза выдернул клинок и встал. Сестры Беранджа грубо подхватили своего бывшего хозяина под мышки и скинули в темную воду Каморрского залива, поглотившую труп с такой же готовностью, с какой многие годы поглощала тела врагов и безвинных жертв капы Барсави.

— Каморром правит один капа! — звучно возгласил Раза. — И теперь это я! Теперь! Это! Я! — Он вскинул над головой окровавленный стилет и медленно обвел глазами толпу, словно ожидая возражений. Когда таковых не последовало, он продолжил: — Я преследовал цель не просто устранить Барсави, но заменить его. На то у меня свои причины. Но сейчас речь идет не только обо мне, но и обо всех вас, Путные люди Каморра. — Он окинул пристальным взглядом собрание, скрестив руки на груди и выдвинув подбородок, подобный бронзовому изваянию победоносного полководца древности. — Выслушайте меня со всем вниманием, а потом примите решение.

4

— Я не собираюсь ничего у вас отнимать, — продолжал он. — Все доставшееся вам тяжким трудом, потом и кровью у вас и останется. Я восхищаюсь действующими в городе порядками в той же мере, в какой ненавидел человека, их установившего. Посему предлагаю следующее. Все будет как раньше. Все гарристы со своими шайками работают на прежних территориях и платят прежнюю дань раз в неделю, в тот же самый день. Тайный уговор остается в силе. Все преступления, каравшиеся смертью при Барсави,

будут караться смертью и при моем правлении. Вся полнота власти Барсави переходит ко мне. Все должники Барсави становятся моими должниками. А я, в свою очередь, наследую все долги и обязательства Барсави. Кому Барсави был что-то должен, теперь этот долг на мне. И первый среди таких людей — Эймон Данзьер... Подойди ко мне, Эймон.

В толпе справа от капы Раза раздались приглушенные голоса, произошло движение, и через несколько секунд вперед вытолкнули тощего человечка, которого Локк до боли ясно помнил по событиям в Гулкой Норе. Помертвелый от ужаса, бедняга еле шел на подгибающихся ногах.

— Не бойся, Эймон. — Капа Раза протянул к нему левую руку ладонью вниз, как обычно делал Барсави. — Преклони передо мной колени и назови меня своим капой.

Сотрясаемый крупной дрожью, Эймон упал на одно колено, взял руку Раза и поцеловал перстень. На губах у него осталась кровь Барсави.

— Капа Раза... — умоляюще проговорил он.

— Ты совершил очень смелый поступок в Гулкой Норе, Эймон. Поступок, на который отважились бы немногие. Награда, обещанная тебе Барсави, представляется совершенно справедливой, и я выполню его обещание. Ты получишь тысячу крон, роскошный особняк и такие жизненные утехи, что люди здоровые, которым еще жить да жить, возмечтают оказаться на твоём месте.

— Я... я... — Из глаз Эймона полились слезы. — Я и помыслить не мог... Благодарю вас, кана Раза. Премного благодарю.

— А я от души благодарю тебя за оказанную мне услугу.

— Так, значит... если мне позволено будет спросить, кана Раза... там, в Гулкой Норе, были не вы?

— Разумеется, не я! — Раза рассмеялся приятным, звучным смехом. — Нет, то была просто иллюзия.

В дальнем углу зала эта самая иллюзия сейчас кипела от бешенства, сжимая и разжимая кулаки.

— Сегодня ночью вы увидели меня с обгаренными кровью руками! — прокричал кана Раза. — Но также увидели, как руки эти я великодушно простираю к вам. Со мной нетрудно ладить. Я радую единственно о нашем с вами общем благоденствии. Служите мне, как служили Барсави, и вы не пожалеете, обещаю вам. Итак, гарристы, кто из вас готов признать меня своим капой, преклонив передо мной колени и поцеловав мой перстень?

— Шальные Псы! — выкрикнула невысокая худощавая женщина в первом ряду толпы.

— Мясники Лжесвета! — гаркнул мужчина, стоявший неподалеку от нее. — Мясники Лжесвета говорят «да»!

«Да что ж такое творится-то? — растерянно подумал Локк. — Ведь Серый король зверски убил их старых гарристов! Или они ведут с ним какую-то хитрую игру?»

— Мудрые Дворяги!

— Бароны Горелища!

— Синяки!

— Полные Кроны! — послышался еще один голос, сопровождаемый гулом одобрения. — Полные Кроны признают капю Разу!

Внезапно Локку захотелось расхохотаться во все горло. Он прижал к губам кулак и сделал вид, будто давится кашлем. Теперь все стало ясно как день. Серый король не только устраивал самых преданных гарристов Барсави, но и заранее сговаривался с их подчиненными.

О боги! Путных людей, перешедших на сторону Серого короля, здесь с самого начала было гораздо больше, чем его слуг в серых плащах. И все они с нетерпением ждали, когда же начнется настоящее представление.

С подюжины мужчин и женщин выступили вперед и преклонили колено перед капой Разой — на самом краю водной арены, где акула ни разу больше не показалась после того, как отгрызла руку несчастному Барсави.

«Да уж, обращаться с животными проклятый колдун умеет превосходно, ничего не скажешь», — подумал Локк со смешанным чувством зависти и злобы. Он ощущал себя совершенно беспомощным и бессильным всякий раз, когда Сокольник проявлял свои способности.

Гарристы один за другим преклоняли колено и присягали капе в верности, целуя кольцо и произнося «капа Раза» с подлинным воодушевлением. Из толпы вышли еще пятеро вожаков, очевидно почуявших, куда ветер дует. Локк быстро прикинул: после всех принесенных сейчас присяг в подчинении у Разы оказалось уже добрых три-четыре сотни Путных людей. То есть силы, находящиеся в его распоряжении, значительно возросли.

— Итак, мы с вами познакомились. — громко обратился Раза ко всей толпе, — и я поставил вас в известность о своих намерениях. Теперь вы можете возвращаться к своим делам.

Сокольник поводил в воздухе свободной рукой. Загремели запорные механизмы, и громадные двери со щелчком отомкнулись.

— Тем, кто по-прежнему колеблется, я даю три дня! — прокричал капа Раза. — Через три дня они должны явиться сюда и поклясться мне в верности, как в свое время клялись Барсави. Мне искренне хочется быть снисходительным, но предупреждаю: сейчас меня лучше не сердить. Вы видели, на что я способен. Вы знаете, что я располагаю возможностями, каких не было у Барсави. Вы знаете, что во гневе я беспощаден. Если не желаете служить мне, если считаете более разумным или более интересным противостоять мне, я дам вам дельный совет: собирайте все нажитое добро и покидайте город через сухопутные ворота. Если хотите разойтись со мной и пойти своей дорогой, мои люди вас не тронут. На три дня я даю вам такое обещание... Но по истечении трех дней, — он угрожающе понизил голос, — я предприму необходимые показательные меры. Ступайте же, поговорите со своими пезонами. Посоветуйтесь с друзьями и другими гарристами. Передайте им мои слова и скажите, что я жду от них клятвы в верности.

Когда он умолк, одни принялись проталкиваться к дверям, а другие (которые поумнее, видимо) стали выстраиваться в очередь перед капой Разой. Бывший Серый король принимал клятвы, стоя на залитом кровью полу в окружении трупов.

Минут через пять, когда давка у дверей уменьшилась и плотный смрадный поток взопрелых людей распался на несколько потоков пониже, Локк двинулся к выходу. Голова у него была как свинцом налита, и ноги тоже: похуже, усталость брала наконец свое.

Там и сям на полу валялись трупы — стражники Барсави, преданные слуги. Теперь, когда толпа постепенно рассеивалась, Локк видел все больше бездыханных тел. У самых дверей лежал Бернелл, состарившийся на службе у Барсави. Глотка у него была перерезана, под головой растеклась лужа крови, кинжалы оставались в ножнах: он не успел даже выхватить оружие.

Локк тяжело вздохнул, на мгновение задержался в дверях и в последний раз оглянулся на капу Разу и Сокольника. Вольнонаемный маг, казалось, смотрел прямо на него. Сердце у Локка подпрыгнуло к самому горлу и бешено заколотилось, но колдун ничего не сказал и не сделал — просто стоял неподвижно, надзирая за ритуальными действиями новых подданных капы, преклоняющих колени и целующих перстень. Вестриса разинула клюв и ко-

ротко зевнула, словно дела непернатых навели на нее страшную скуку. Локк поспешил выйти прочь.

Все стражники, наблюдавшие за людским потоком, что тянулся из галеона к набережной, были подданными нового капы Разы; они даже не потрудились сбросить в воду окровавленные тела, простертые у них под ногами. Иные из них смотрели холодно и враждебно, а иные дружелюбно кивали. Многих Локк знал в лицо.

— Три дня, дамы и господа, три дня. — сказал один из стражников. — Так и передайте своим друзьям. Теперь нами правит капа Раза. Беспokoиться не о чем — живите себе, как жили.

«Ну ладно, теперь многое прояснилось, — подумал Локк. — Еще раз прости меня, Наска. Я ничего не смог бы поделывать, даже если бы у меня достало духа попытаться».

Схватившись за мучительно ноющий живот и опустив голову, он доплелся до берега. Ни один стражник даже не взглянул на него, грязного бородатого старика, каких в городе тысячи — таких вот никчемных, жалких попрошаек с самого дна каморрского общества, как две капли воды похожих друг на друга.

Так, теперь надо надежно укрыться. И продумать дальнейшие действия.

— Радуйся сегодняшнему своему успеху, сукин сын, — яростно прошептал Локк, миновав последних стражников Разы. — Радуйся на здоровье. Тем приятнее мне будет увидеть выражение твоих поганых глаз, когда я всажу кинжал тебе в сердце.

5

Но на одних мыслях о мести долго не продержишься. Уже на середине медленного, одинокого пути к Зольнику у Локка снова начались жестокие колики.

Желудок невыносимо жгло, резало и крутило. В глазах темнело, туманилось и плыло, как у пьяного. Весь в испарине, Локк шатко брел по улице, схватившись за живот и мыча от боли.

— Чертов глядела, — раздался насмешливый голос в темноте. — Небось гоняет сейчас драконов, бегает по радугам да утерянные сокровища Каморра ищет.

Последовал взрыв смеха, и Локк прибавил шагу, сколько мог, чтобы не схлопотать от весельчаков колотушек. Еще никогда в жизни он не испытывал такого изнеможения. Казалось, все силы

в нем сторели, обратившись в кучку тлеющих угольков, с каждой минутой мерцающих все слабее, остывающих, подергивающихся серым пеплом.

Зольник, и всегда-то не особо гостеприимный, сейчас представлялся его затуманенному сознанию чудовищным скоплением страшных теней. Локк дышал тяжело и прерывисто, пот лился с него ручьями, голова гудела, на глаза давило так, будто кто-то запихивал комки сухой корпии за глазные яблоки. Еле волоча налитые свинцовой тяжестью ноги, он брел и брел сквозь ночной мрак, между неясными черными громадами полуразрушенных зданий. Незримые твари шмыгали в темноте; незримые наблюдатели приглушенно ворчали, когда он проходил мимо.

— Что за... боги... мне надо... Жан... — бессвязно пробормотал он, споткнувшись о камень разрушенной кладки и с размаху растянувшись на пыльной мостовой.

Вокруг пахло известняком, костерным дымом и мочой. Локк попытался встать, но сил хватило лишь приподняться немного на руках.

— Жан... — в последний раз прохрипел он, а потом упал ничком, лишившись чувств еще прежде, чем голова ударилась о землю.

6

В третьем часу пополудни, примерно в миле от южного берега Отбросов, показался корабль: из темноты проступил расплывчатый черный силуэт судна, которое неуклюжими медленными галсами шло к Старой гавани, хлопая на ветру призрачно-белыми парусами. Первыми корабль заметили скучающие дозорные на трехэтажной сторожевой башне, расположенной в самом конце Южной Иглы.

— Идет, чисто пьяный, так и валится под ветер, — сказал часовой помоложе, глядя в подозрную трубу.

— Веррарский небось, — пробормотал старший, продолжая сосредоточенно скоблить, ковырять и корябать тонким пожом кусок слоновой кости.

Он хотел вырезать портик храма Ионо, украшенный барельефом с изображением утопленников, ставших жертвами Повелителя Алчных вод. То, что у него получалось, пока больше напоминало кучку белого собачьего дерьма в натуральную величину.

— Управление кораблем лучше доверить слепому безрукому пьянчуге, чем веррарцу. — сказал он и сплюнул.

В остальном корабль ничем не привлекал внимания до тех пор, пока на нем не зажглись яркие сигнальные фонари, отбрасывающие желтые отблески на зыбкую темную воду.

— Желтые огни, сержант! — вскричал молодой часовой. — Желтые огни!

— Чго?! — Сержант бросил свою костяную поделку, выхватил подзорную трубу из рук напарника и пристально взгляделся в приближающееся судно. — Черт! И впрямь желтые.

— Чумной корабль, — прошептал паренек. — Никогда еще такого не видел.

— Может, и чумной, да. А может, какой-нибудь ленивый джеремский болван просто не удосужился разобраться в сигнальных огнях. — Сержант сложил подзорную трубу и быстро подошел к большому медному цилиндру, установленному на западном паранете и направленному на тускло освещенные береговые башни Арсенального квартала. — Звони в колокол, малый! Звони в чертов колокол!

Паренек схватился за веревку, свисавшую рядом с противоположной паранетной стенкой, и начал мерно бить в тяжелый колокол: динь-дон... динь-дон...

На одной из Арсенальных башен вспыхнул и замерцал голубой огонек. Сержант крутил туда-сюда круглую ручку на медном цилиндре, сдвигая и раздвигая шторки, за которыми скрывался мощнейший алхимический фонарь. В условленном порядке чередуя длинные и короткие вспышки, он мог передать то или иное короткое сообщение на сторожевые посты Арсенального квартала. А тамошние караульные такими же световыми сигналами передавали сообщение дальше. При удаче оно уже через две минуты достигало Дворца Терпения или даже Воронова Гнезда.

Время шло. Чумной корабль приближался, постепенно увеличиваясь в размерах и обретая четкость очертаний.

— Ну давайте же, придурки! — раздраженно проворчал сержант. — Просыпайтесь! Ладно, хватит трезвонить, парень. Думаю, нас услышали.

Наконец над окутанным туманом городом разнеслись пронзительные свистки Карантишной службы, а еще чуть погодя загремели барабаны желтокурточников, поднятых по тревоге. На Арсенальных башнях вспыхнули яркие белые огни, и сержант разглядел крошечные фигурки людей, бегущие вдоль берега.

— Ну, посмотрим теперь, что будет, — пробормотал он.

На северо-востоке один за другим зажигались огни малых сторожевых башен, что стояли через каждые двести ярдов по всей длине Южной Иглы и береговой линии Отбросов — вокруг Старой гавани, где по вековому закону и обычаю Каморр принимал чумные корабли. Якорная стоянка глубиной шесть фатомов находилась в ста пятидесяти ярдах от берега, в пределах досягаемости для дюжины мощных метательных машин, способных в считанные минуты потопить или сжечь любое судно.

Из Арсенальных ворот между двумя ярко освещенными башнями выплывала галера — одно из быстроходных патрульных судов, прозванных в народе чайками, поскольку слаженные взмахи их длинных весел напоминали взмахи крыльев. Галера имела по двадцать весел с каждого борта и приводилась в движение восьмьюдесятью наемными гребцами. На палубе находились сорок мечников, сорок лучников и еще с полдюжины солдат, обслуживающих две тяжелые стрелометные машины — так называемые скорпии. Это многovesельное судно, не приспособленное для перевозки грузов и снабженное всего одной мачтой с простым парусом (обычно свернутым), предназначалось для единственной цели — сблизиться с любым кораблем, угрожающим безопасности Каморра, и истреблять всех людей на нем в случае неповиновения.

От причалов Южной Иглы отходили суда поменьше, с белыми и красными фонарями на носу: лоцманские лодки и барки с желтокурточниками.

Патрульная галера набирала скорость: длинные весла слаженно взлетали и падали, вспенивая черную воду, попутная струя за кормой становилась все длиннее. Над гаванью разносился мерный бой барабанов, задающих гребцам ритм, и зычные голоса, выкрикивающие команды.

— Не успеет остановиться вовремя, бедолага, — пробормотал сержант. — Подойдет слишком близко к берегу. Как бы не пришлось идти наперерез, чтобы он замедлил ход.

Под надутыми призрачно-белыми парусами чумного корабля сутилось несколько человек — явно недостаточно для того, чтобы успешно с ними управиться. Тем не менее, войдя в Старую гавань, судно начало понемногу сбавлять скорость. Топсели были свернуты, хотя и неаккуратно, а из остальных парусов команда уже успела выпустить ветер — они обвисли и немного погодя, под скрип талей и приглушенные командные крики, тоже стали подтягиваться к рьям.

— А обводы у него великоленные, — задумчиво проговорил сержант. — Любо-дорого смотреть.

— Это не галеон, — заметил младший часовой.

— Ага. Похоже на гладкопалубник, какие строят в Эмберлене. Полуфрегатами вроде бы зовутся.

Теперь стало видно, что чумной корабль и впрямь черный, а не кажется таким в ночной тьме: корпус из ведьмина дерева, сплошь украшенный тонкой резьбой, был покрыт черным лаком. Никаких орудий на палубе не наблюдалось.

— Ох уж эти северяне! У них даже корабли непременно должны быть черными. Но ты только глянь, какой красавец! И бьюсь об заклад, быстроходный. Ну надо же приключиться такой напасти! Теперь он застрянет в карантине на добрый месяц. Беднягам здорово повезет, если они живы останутся.

«Чайка» уже огибала оконечность Южной Иглы; весла мощными ударами рубили воду. В свете бортовых фонарей двое часовых разглядели, что скорпии уже заряжены и окружены расчелами, а лучники возбужденно топчутся на своих высоких подмостках, с луками в руках.

Через несколько минут «чайка» поравнялась с черным кораблем, находившимся ярдах в четырехстах от берега и продолжавшим медленно двигаться вперед. На самый нос галеры широким шагом вышел офицер и приложил ко рту руно:

— Что за судно?

— «Сатисфакция», Эмберлен, — последовал ответ.

Последний порт захода?

Джерем.

— Хорошенькое дело, — пробормотал сержант-часовой. — Бедняги могли подцепить там любую заразу.

— Какой груз на борту?

— Только судовой провизии. Мы шли за грузом в Ашмир.

— Команда?

— Шестьдесят восемь человек. Из них двадцать умерло.

— Значит, у вас имеются веские причины выставить чумные огни?

— Да, да, черт возьми! Мы не знаем, что это за хворь такая... Люди горят в лихорадке. Капитан умер, и лекарь только вчера скончался. Мы просим о помощи!

— Вам разрешается встать на чумную стоянку! — прокричал каморрский офицер. — Но запрещается подходить к берегу ближе

чем на сто пятьдесят ярдов, иначе вас отправят на дно. Все шлюпки, спущенные на воду, будут потоплены или сожжены. Любой, кто попытается добраться до берега вилавь, будет застрелен — если прежде его не растерзают акулы, конечно.

— Пожалуйста, пришлите к нам лекаря. Хоть алхимиков пришлите, богов ради!

— Труны за борт не бросать, все мертвецы остаются на корабле. — продолжал офицер. — Любые свертки, пакеты и прочие предметы, так или иначе переправленные на берег с вашего судна, будут преданы огню без досмотра. Любая же попытка переправить что-либо на берег станет основанием для сожжения или затопления корабля. Все понятно?

— Да, но... во имя всего святого... вы можете еще чем-нибудь помочь нам?

— На берегу о вас будут молиться священники. По мере надобности мы будем переправлять по веревке запасы пресной воды и провизии — веревки будут перекидываться к вам с нашей лодки и обрезать после использования.

— И это все?

— Приближаться к берегу вам запрещено под страхом смерти. Но вы вольны в любую минуту развернуться и покинуть стоянку. Да помогут вам Аза Гийя и Ионо в час вашего бедствия! Я молюсь о вас и желаю вам скорейшего выздоровления от имени герцога Пикванте Каморрского.

Через несколько минут остроносый черный корабль со свернутыми парусами бросил якорь в Старой гавани. Там он стоял, слегка покачиваясь на мелкой волне, и желтые огни ярко сияли над черной водой. А огромный город, окутанный серебристым туманом, спал глубоким сном.

Интерлюдия

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ДОЛГОГО БЕЗМОЛВИЯ

1

Жан Таннен поступил в услужение к Богине Смерти примерно через полгода после того, как Локк завершил свое пребывание в ордене Нары. Под именем Таврина Калласа он выехал из Каморра в южном направлении и через неделю прибыл в огромный храм Азы Гийи, известный как Обитель Откровения, чтобы провести там пять или шесть месяцев и, набравшись новых знаний, вернуться домой.

В отличие от слугителей остальных одиннадцати (или двенадцати) теринских богов, слугители Азы Гийи проходили обучение и посвящение лишь в одном месте. Прибрежное нагорье, начинавшееся к югу от Талишема, оканчивалось могучими меловыми скалами, которые отвесно обрывались к бурным волнам Железного моря с высоты трехсот или четырехсот футов. Обитель Откровения, вырубленная в одной из скал фасадом к морю, своими размерами и величием напоминала творение Древних, но на самом деле была создана долгими и усердными трудами рук человеческих.

Многочисленные прямоугольные галереи, прорубленные в недрах скалы, соединялись между собой лишь наружными переходами - дощатыми мостками, деревянными лестницами или вытесанными в камне ступеньками. Никаких перил, поручней и прочих защитных ограждений здесь не было в помине, и в любой час суток, в дождь ли, в ведро ли, равно ученики и наставники торопливо перебегали туда-сюда на головокружительной высоте, хранимые от падения в морскую пучину лишь удачей да верой в собственные силы.

С западной стороны храма находилось двенадцать вырезанных в скале колонн диаметром около шести футов и высотой семьдесят футов. На каждой из них сзади были вырублены неглубокие уступы для рук и ног, а на верхушке установлен медный колокол. Ранним утром и поздним вечером двенадцать учеников должны были забираться на колонны и одновременно ударять в колокола двенадцать раз — по числу богов в теринском пантеоне. Звон всегда получался не очень стройный, и Жан, пользуясь этим, частенько ударял в свой колокол еще и тринадцатый раз.

За первый месяц пребывания Жана в храме трое учеников сорвались с колонн и разбились насмерть, пытаясь выполнить ритуал. Мальчика тогда странно удивило столь малое количество жертв, поскольку почти все религиозные обязанности новых служителей Азы Гийи (не говоря уже об устройстве храма) несли в себе опасность преждевременной встречи с Богиней Смерти.

— Здесь, в Обители Откровения, мы различаем два аспекта смерти: Смертный переход и Смерть вечную, — говорила одна из наставниц, престарелая жрица в черном с тремя плетеными серебряными ожерельями на шее. — Смерть вечная есть великая тайна Всемиловитейшей госпожи, непроницаемая для тех, кто находится по сию сторону смертной завесы. А значит, приблизиться к пониманию великого таинства Смерти мы можем через лишь через познание Смертного перехода. За время, проведенное в Обители Откровения, вы не раз подойдете к нему вплотную, а многие из вас еще в пору ученичества ступят за последнюю черту — по собственной ли невнимательности и небрежности или по непостижимой воле Всемиловитейшей госпожи. Как служители Азы Гийи, вы до скончания своих дней ежеминутно будете сознавать близость Смертного перехода и последствия одного. Для всего живого естественно отвращаться и бежать от смерти и самых мыслей о ней. Строгая дисциплина поможет вам побороть естественный страх.

2

Как и в большинстве теринских храмов, посвященные первой ступени Сокровенного таинства должны были упражняться в чистописании, арифметике и риторике, чтобы при переходе на следующий уровень обучения не отставать от посвященных, уже

овладевших начальными знаниями. Со своим преимуществом в возрасте и подготовке Жан перешел на вторую ступень Сокровенного таинства всего через полтора месяца после своего прибытия в храм.

— Отныне вы будете скрывать свои лица, — изрек священник, проводивший церемонию перехода. — Станьте существами без пола, возраста и личных черт. У всех служителей Всемиловитвейшей госпожи одно лицо — непроницаемое и непостижимое. Люди не должны видеть в нас личностей, себе подобных мужчин и женщин. Служители Богини Смерти должны внушать благоговейный ужас, чтобы те, для кого мы священнодействуем, получили верное о ней представление.

Серебряная маска, носимая служителями ордена Азы Гийи, называлась Скорбным ликом. У новопосвященных она сохраняла грубое сходство с человеческим лицом: выступ носа, ротовое и глазные отверстия. Высшие же жрецы и жрицы скрывали свое лицо за частой серебряной сеткой, овальной и слегка выпуклой. Жан надел свой Скорбный лик, горя надеждой постигнуть новые тайны ордена, но, к великому своему разочарованию, обнаружил, что с переходом на вторую ступень Сокровенного таинства его обязанности ничуть не изменились. Он по-прежнему бегал туда-сюда с разными посланиями и переписывал свитки, мыл полы и мыл посуду в кухне, по-прежнему карабкался по ненадежным каменным уступам к колоколам Двенадцати богов, над бушующим морем, в ветер и дождь.

Только теперь он имел честь проделывать все это в серебряной маске, ограничивающей поле видимости. Еще двое посвященных второй ступени Сокровенного таинства совершили Смертный переход вскоре после того, как Жана повысили в статусе.

А еще через месяц его впервые отравили.

3

— Все ближе и ближе. — Голос жрицы звучал приглушенно и доносился словно издалека. — Все ближе и ближе вы к Смертному переходу, к пределу великой тайны. Конечности ваши холодеют. Ход ваших мыслей замедляется. Сердце ваше бьется все слабее, все реже. Теплые телесные соки в вас иссякают... огонь жизни угасает.

Она дала выпить каждому из них немного зеленого зелья (какого-то яда, неизвестного Жану), и сейчас дюжина посвященных второй ступени Сокровенного таинства лежала на полу пластом, слабо подергиваясь. Все серебряные маски неподвижно смотрели в потолок темными глазницами, ибо никто из учеников не мог даже головы повернуть.

Наставница не потрудилась предварительно объяснить, как подействует яд, и сейчас Жан подозревал, что готовность новопосвященных весело плясать на краю смерти все еще носит характер скорее теоретический, нежели практический.

«Конечно, кому, как не мне, знать, умнику такому... — смутно подумал он, заодно дивясь тому, сколь далекими и чужими кажутся ноги. — О Многохитрый страж... все служители здесь совсем больные на голову. Дай мне силы выжить, и я вернусь к Благородным Канальям... туда, где жизнь проста и бесхитростна».

Ага, бесхитростная такая жизнь, где он обретается в стеклянном подzemелье под обветшалым храмом, прикидываясь служителем Переландро и одновременно беря уроки боевого искусства у личного фехтмейстера великого герцога Каморрского. Жан, вероятно захмелевший от выпитого зелья, громко захихикал.

Неуместный звук разнесся эхом по низкому учебному помещению, и священнослужительница медленно повернулась. Лицо ее скрывалось за Скорбным ликом, но Жан в своем затуманенном состоянии мог поклясться, что кожей чувствует испепеляющий взгляд.

— Внутреннее озарение, Таврин?

Не в силах сдержаться, он снова захихикал. Похоже, яд играл шутки с угрюмой замкнутостью, которую Жан изображал со дня своего прибытия в храм.

— Я видел, как сгорели мои родители. — сказал он. — Я видел, как сгорели мои любимые кошки. Вы слышали, как орут заживо горящие кошки? — Он опять прыснул со смеху и едва не поперхнулся собственной слюной от удивления. — Я ничего не мог поделать, просто стоял и смотрел. А вы знаете, куда надо бить клинком, чтобы человек умер мгновенно... или через минуту... или через час? Вот я — знаю. — Он бы катался от хохота по полу, кабы мог пошевелиться, а так лишь подрагивал всем телом и слабо скреб пальцами камень. — Долгая, мучительная смерть? Два-три дня жесточких страданий? Это я тоже могу устроить. Ха! Смертный переход? Да мы с ним старые друзья.

Несколько мгновений, показавшихся одурманенному Жану бесконечными, наставница неподвижно смотрела на него из-под серебряной маски. «Вот же треклятое зелье, — бессильно думал мальчик. — Я ведь и впрямь проговорился».

— Таврин, — наконец промолвила жрица, — когда действие изумрудного вина прекратится, задержишься здесь. С тобой побеседует Верховный проктор.

Остаток утра Жан пролежал все в том же оцепенении, объятый смятением и ужасом. Время от времени на него по-прежнему накатывали приступы истерического смеха, сменявшиеся приступами пьяного самобичевания. «Столько трудов -- и все псу под хвост. Оказывается, притворщик из меня пикудышный».

Вечером, к неописуемому своему удивлению, Жан узнал, что перешел на третью ступень Сокровенного таинства Азы Гийи.

— Я давно разглядел в тебе незаурядные способности, Каллас, — сказал Верховный проктор, согбенный старик, чей одышливый силпый голос глухо доносился из-под Скорбного лика. — Сначала ты проявил замечательное усердие в обычной учебе и с похвальной быстротой освоил все внешние ритуалы. А теперь ты пережил озарение... озарение в ходе первого же своего Смертного мучения. Ты избранник Азы Гийи. Таврин Каллас! Сирота, воочию видевший страшную гибель своих родителей... Самой судьбой тебе предназначено служить Всемилостивейшей госпоже!

— А... гм., каковы дополнительные обязанности посвященных третьей ступени? — спросил Жан.

Смертное мучение, разумеется, — ответил Верховный проктор. — Месяц Смертного мучения, месяц нахождения на грани Смертного перехода. Тебе предстоит еще не раз испытать изумрудное вино и познать иные способы приблизиться к нашей Госпоже, готовой принять тебя в свои объятия. Тебя будут венчать за шею на шелковой веревке, удушая почти до смерти, из тебя будут выпускать кровь, ты будешь отбиваться от напущенных на тебя ядовитых змей и барахтаться в ночном море, где обитают многочисленные слуги Азы Гийи. Я завидую тебе, младший брат! Я завидую тебе, только начинающему постигать наши тайны!

Той же ночью Жан бежал из Обители Откровения.

Упаковал свои скудные пожитки и кое-какую снедь, похищенную с кухни. Перед самым своим прибытием в Обитель Откровения он схоронил мешочек с деньгами под громадным валуном.

примерно в миле от меловых скал, близ деревни Утоление Скорбей, снабжавшей обитателей скал всем необходимым. Этих денег хватило на обратную дорогу. Жан нацарапал записку и оставил ее на постели в своей новой одиночной келье, отведенной ему как посвященному третьей ступени.

Премного благодарен за предоставленные возможности, но не могу ждать. Избран постичь великую тайну Смерти вечной, не могу довольствоваться изучением менее значительной тайны Смертного перехода. Всемилостивейшая призывает меня.

Таврин Каллас

Потом Жан в последний раз вскарабкался по каменным ступенькам над бушующим морем, в крошечной тьме, которую рассеивал лишь тусклый красный свет алхимических штормовых фонарей. Никем не замеченный, он добрался до верха храма, затем до верха скалы — и растворился в ночи.

4

— Черт... — потряс головой Галдо, когда Жан закончил свой рассказ. — Я рад, что меня отправили в орден Сендовани.

В вечер возвращения Жана отец Цеппи перво-наперво обстоятельно допросил своего воспитанника касательно пребывания в храме Азы Гийи, а потом позволил четверем мальчикам подняться на крышу с кружками тепловатого каморрского пива. Они сидели под звездным небом, по которому плыли редкие серебристые облака, и с нарочитой небрежностью прихлебывали хмельной напиток. Им страшно нравилось воображать себя самостоятельными взрослыми мужчинами, собравшимися посидеть вместе на досуге.

— Без дураков, — сказал Кало. — В ордене Гандоло нам через неделю давали сладкую выпечку и пиво. А каждый Праздничный день выдавали по медяку, чтобы мы потратили по собственному усмотрению. Во имя Покровителя торговли и звонкой монеты.

— А мне больше всего нравится служить Великому Благодетелю, — сказал Локк. — Поскольку все наши обязанности сводятся к тому, чтобы сидеть на ступенях и делать вид, будто Благодетеля не существует. Когда мы не воруем, во всяком случае.

— Золотые слова. — согласился Галдо. — Служение Богине Смерти — для полных придурков.

— Но все же... тебе не приходило на ум, что вдруг они правы? — спросил Кало и, отпив глоток пива, уточнил свою мысль: — Что ты и впрямь призван служить Всемилостивейшей госпоже?

— У меня было время подумать об этом на обратном пути в Каморр, — ответил Жан. — И я решил, что они действительно правы. Только в другом смысле.

— То есть? — хором произнесли братья Санца, как часто делали, когда одновременно испытывали подлинное недоумение.

Вместо ответа Жан завел руку за спину и вытащил из-за пояса топорик — подарок дона Маранцаллы. Простой, ничем не украшенный, но ладный и превосходно уравновешенный — славное оружие для отрока, еще не вошедшего в полную силу. Жан положил топорик перед собой и широко улыбнулся.

— Вот оно как... — хором выдохнули Кало и Галдо.

Часть IV

ОТЧАЯННАЯ
ИМПРОВИЗАЦИЯ

Когда я играю, для меня не существует
ничего, кроме игры.

Митч Уильямс

ТОЛСТЫЙ СВЯЩЕННИК ИЗ ТАЛ-ВЕРРАРА

1

Очнувшись, Локк обнаружил, что лежит на спине и смотрит в законченный штукатурный потолок с поблекшей фреской. Фреска изображала беззаботных мужчин и женщин в нарядах эпохи Теринского владычества, собравшихся вокруг огромной винной бочки, с кружками в руках и веселыми улыбками на румяных лицах. Локк застонал и снова закрыл глаза.

— Вот он и пришел в чувство, как я обещал, — раздался незнакомый голос. — Все благодаря припарке. Превосходное средство при истощении телесных каналов.

— Ты кто такой, черт побери? — Локк пребывал не в самом благодушном настроении. — И где я нахожусь?

— Ты в безопасности, хотя я не взялся бы утверждать, что в полном порядке. — Жан Таннен с улыбкой положил руку на плечо Локка. Обычно безукоризненно опрятный, сейчас он выглядел не лучшим образом: изрядная щетина, чумазая физиономия. — А иные бывшие пациенты знаменитого господина Ибелиуса не согласились бы и с моим утверждением насчет безопасности.

Жан быстро сделал рукой пару условных знаков: мол, не волнуйся, можешь говорить свободно.

— Что за язвительные уколы, Жан? Хорошенькое вознаграждение за мои груди!

Незнакомый голос, похоже, принадлежал востроносому старику со смуглым лицом, сморщенным, как кора древнего дуба. Его темные глаза раздраженно поблескивали за толстенными очками. Одет он был в дрянную полотняную рубашу, всю в бурых пятнах то ли соуса, то ли крови, и горчично-желтый камзол устарелого фасона, вышедшего из моды еще лет двадцать назад. Кучерявые

седые волосы были заплетены в тугую, упругую косичку на затылке.

— Я вернул твоего друга к берегам сознания, — произнес старик.

— Да бросьте вы, Ибелиус, Переландро ради! У него же не арбалетная стрела в башке сидела. Ему надо было просто отоспаться.

Теплые жизненные соки в нем почти иссякли, в телесных каналах практически не осталось энергии. Он был мертвенно-бледен, бездыханен, жестоко избит, обезвожен и истощен.

— Ибелиус? — Локк попытался приподняться, не без частичного успеха, а Жан обхватил товарища за плечи и помог довершить начатое; комната плыла перед глазами Локка. — Собачий лекарь из Красного Затона?

Собачьими лекарями в народе прозывались незаконные врачи, не имеющие (подобно черным алхимикам) разрешения на профессиональную деятельность и не входящие ни в одну медицинскую гильдию; они лечили разнообразные хвори и телесные повреждения Путных людей Каморра. Если настоящий врач посмотрит косо на пациента, получившего рубленую рану в половине третьего ночи, и, скорее всего, вызовет городскую стражу, то собачий лекарь не станет задавать никаких вопросов — при условии, что ему заплатят вперед.

Конечно, обращаясь за помощью к собачьим лекарям, человек всегда шел на заведомый риск, ибо далеко не все они обладали достаточным мастерством. Среди них встречались поистине опытные целители, настигнутые жизненными невзгодами или изгнанные из профессии за преступления вроде раскапывания могил. Многие же были просто самоучками, которые приобретали практический опыт, излечивая последствия пьяных драк и грабительских налетов. А иные были натуральными безумцами или прирожденными убийцами — причем порой и тем и другим одновременно.

— Мои коллеги, положим, и впрямь собачьи лекари, — возмущенно фыркнул Ибелиус. — Но сам я — настоящий врач, получивший образование в Теринском коллегии. И ваше исцеление — прямое тому свидетельство.

Локк огляделся по сторонам. Он (в одной только набедренной повязке) сидел на соломенном тюфяке в углу пустой комнаты — по всей видимости, в одном из заброшенных особняков Зольника. Единственная дверь была завешена парусиновым полотнищем; освещали помещение два оранжеватых алхимических шара. Локк

ощущал колючую сухость в горле, болезненную ломоту во всем теле и собственный отвратительный запах — более противный, чем естественная вонь давно немытого тела. Грудь и живот у него покрывала растрескавшаяся полупрозрачная пленка. Он поводил по ней пальцами.

— Что это за дрянь такая?

— Припарка, сударь. Если точнее, знаменитая припарка Вараньелли, хотя вряд ли это о чем-то вам говорит. Я использовал ее для возбуждения токов в ваших нутряных каналах, дабы направить теплые жизненные соки туда, где они сейчас всего нужнее, то бишь в брюшную полость. Нам не следует разгонять их по всему телесному составу.

— Из чего же состоит ваша припарка?

— Это сложная смесь, деятельную основу коей образуют живица и так называемые подручные садовника.

— Подручные садовника?

— Земляные черви, — пояснил Жан. — Земляные черви, растертые в живице.

— И ты позволил ему обмазать всего меня этой мерзостью? — Локк со стоном откинулся обратно на тюфяк.

— Только ваш живот, сударь, — поправил Ибелиус. — Ваш многострадальный живот.

— Он лекарь, Локк, ему виднее, — сказал Жан. — Я мастак только кости переламывать, а собирать людей восдино — не ко мне.

— Ладно... а что со мной стряслось-то?

— Истощение, полное телесное истощение, какого я еще не видывал. — Ибелиус взялся за левое запястье Локка и посчитал пульс. — Жан сказал, вы приняли сильное рвотное в Герцогов день, вечером.

— Да, было такое... даже не напоминайте!

— И после этого вы ничего не ели и не пили. Вдобавок были зверски избиты и чуть не утоплены в бочке с лошадиной мочой — чудовищная жестокость, сударь, превелико вам сочувствую. И еще получили глубокую резаную рану на левом локте, ныне хорошо заживающую. Однако весь тот вечер вы оставались на ногах и в ясном рассудке, невзирая на все ваши раны и полное изнеможение. И делали свое дело, ни перед чем не останавливаясь.

— Ну да... смутно припоминаю.

— С вами просто приключился колланс, сударь. Выражаясь обыденным языком, ваше тело решительно восстало против того,

чтобы вы продолжали над ним издеваться. — Ибелиус довольно хихикнул.

— Сколько времени я здесь провалялся?

— Два дня и две ночи, — ответил Жан.

— Что? Вот дьявол! И все время был без сознания?

— Так точно, — кивнул Жан. — Ты грохнулся замертво на моих глазах. Я сидел в укрытии всего ярдах в тридцати от тебя. И далеко не сразу сообразил, почему этот нищий бородатый старик кажется мне знакомым.

Я поил вас снотворным зельем, — сказал Ибелиус. — Ради вашего же блага.

— Черт подери!

— Безусловно, я принял правильное решение, ибо иначе вы нипочем не согласились бы отдохнуть. Вдобавок так мне было легче ставить вам малоприятные припарки, чтобы снять отеки и синяки с лица. Находитесь вы в сознании, вы бы выражали бурное недовольство мерзким запахом.

— Ох... — тяжело вздохнул Локк. — У вас хоть выпить-то есть что-нибудь?

Жан подал другу кожаную флягу с красным вином. Оно оказалось теплым, кислым и разбавленным настолько, что стало уже скорее розовым, но тем не менее Локк торопливыми, жадными глотками осушил добрую половину фляги.

— Поосторожнее, господин Ламора, поосторожнее, — предостерег Ибелиус. — Боюсь, вы сильно переоцениваете нынешние свои возможности. Заставьте его поесть супа, Жан. Вашему другу необходимо восстановить телесные силы, иначе жизненные соки в нем опять иссякнут. Он и так-то слишком худой, а сейчас вплотную приблизился к состоянию бледной немочи.

Локк за обе щеки упледел суп из акульею мяса в молоке с растертым картофелем — пресный, комковатый, не первой свежести и самый вкусный из всех, что ему доводилось пробовать когда-либо, — а потом длинно потянулся.

— О боги, целых два дня... Полагаю, за это время капа Раза не свернул себе шею, свалившись с какой-нибудь лестницы, к великой нашей радости?

— Увы, ничего подобного, — ответил Жан. — Он по-прежнему с нами. Как и его насмный колдун. И эта парочка времени не теряет. Думаю, тебе будет интересно узнать, что Благородные Кана-

льи теперь объявлены вне всякого закона. Я считаюсь живым, и пятьсот крон обещано тому, кто доставит меня новому капе — предпочтительно уже бездыханным.

— Хмм... — задумчиво протянул Локк. — Осмелюсь спросить, господин Ибелиус, что же заставляет вас торчать здесь, обмазывая меня дохлыми червяками, когда вы можете получить солидное денежное вознаграждение, выдав капе Разе любого из нас?

— Объяснить это могу и я, — сказал Жан. — Существовал еще один Ибелиус — служил стражником на Плавучей Могиле у Барсави. Преданный слуга прежнего капы.

— О... мои соболезнования, господин Ибелиус. Ваш брат?

— Да, младший. Болван несчастный... я всегда настоятельно советовал ему найти другую работу. Похоже, у нас обоих есть веские причины для скорби — по милости капы Разы.

— Да. — кивнул Локк. — Да, господин Ибелиус. Я намерен закопать выродка в землю так глубоко, как никогда еще никого не закапывали с сотворения мира.

— Ага. Жан говорит то же самое. Вот почему я даже не беру платы за свои услуги. Не скажу, что я высоко оцениваю ваши возможности, но любой враг капы Разы вправе рассчитывать на мою посильную помощь — и мое глухое молчание.

— Очень вам признателен, — промолвил Локк. — И если уж мне приходится терпеть мерзкие припарки из червей и живицы, то я рад... гм... что именно вы мне их ставите.

— Всегда к вашим услугам, господин хороший.

— Итак, Жан, — продолжил Локк, — у нас имеется надежное укрытие, опытный лекарь и сами мы двое. Что еще у нас есть?

— Десять крон, пятнадцать солонов и пять медяков, — доложил Жан. — Тюфяк, на котором ты лежишь. Вино и суп, тобой поглощенные. Ясное дело, Злобные сестрицы, которые всегда при мне. Несколько плащей, несколько пар башмаков, ну и твоя одежда. Еще отсырелая штукатурка и осыпающаяся каменная кладка — этого добра хоть завались.

— И все, что ли?

— Да, если не считать вот этого. — Жан поднес к лицу серебряную сетчатую маску служителя Азы Гийи. — Помощь и утешение от Повелительницы Долгого безмолвия.

— Откуда у тебя это?

— Высадив тебя на берегу Котлища, я решил вернуться в Храмовый квартал и раздобыть там что-нибудь полезное.

2

Пожар в храме Переландро все еще пылал, когда Жан Таннен, полуодетый, появился у черного хода в храм Азы Гийи, расположенного через две улицы от дома Благородных Каналий.

Конечно, камень и Древнее стекло не горят, но вот содержимое здания — совсем другое дело. В подземелье со стеклянными стенами, отражающими и усиливающими жар огня, все превратится в белую золу, а сам храм дотла выгорит изнутри от лютого жара, что поднимается снизу. Возле здания топтались желтокурточники, построенные в пожарную цепочку, но они ничего не могли поделать, пока из дверей не перестанет валить раскаленный черный дым, пахнувший смертью.

Жан забарабанил в заднюю дверь храма Богини Смерти, мысленно моля Многохитрого Стража помочь Ему достоверно изобразить веррарский акцент, в котором он уже давно не упражнялся. Чтобы выглядеть более жалостно, Жан опустился на колени.

Через пару минут щелкнула задвижка, дверь приоткрылась на долю дюйма, и в щель выглянула послушница в черном одеянии без всяких украшений и простой серебряной маске, столь хорошо знакомой Жану.

— Меня зовут Таврин Каллас, — задыхаясь, проговорил Жан. — Я нуждаюсь в вашей помощи.

— Ты умираешь? — спросила послушница. — Людям в добром здравии мы не помогаем. Если тебе нужна еда и иная помощь, я посоветовала бы обратиться в храм Переландро... хотя нынче вечером там, похоже, стряслась... неприятность.

Я не умираю, но действительно нуждаюсь в еде и иной помощи. Я слуга Всемилостивейшей Госпожи, посвященный пятой ступени Сокровенного таинства.

Жан тщательно продумал ложь. В ордене Азы Гийи служители четвертого ранга, носившие полный жреческий сан, почти никогда не покидали своих храмов. Служители же пятого в качестве курьеров разъезжали между городами с разными важными поручениями. А назови Жан любой ранг выше — ему пришлось бы иметь дело со старшими жрецами и жрицами, которые наверняка слышали о Таврине Калласе.

— Меня послали из Тал-Веррара в Джереш по делам нашего ордена, но по пути наш корабль захватили джеремские пираты. Они отняли у меня священническое одеяние, должностные печати, все бумаги и даже Скорбный лик.

— Что?! — Послушница (совсем юная девушка, судя по голосу) наклонилась, чтобы помочь Жану встать. Поскольку весу в ней было раза в четыре меньше, чем в нем, выглядела попытка довольно комично. — Они осмелились напасть на посланника Всемиловейшей Госпожи?

— Джеремиты не веруют в Двенадцать богов, сестра, — вздохнул Жан, позволяя поднять себя с колен. — Они находят особое удовольствие в том, чтобы мучить праведных. Много долгих дней я провел на пиратской галере, прикованный к веслу. Вчера вечером галера бросила якорь в Каморрском заливе. Мне было приказано опорожнить ночные горшки за борт, пока офицеры предаются разгулу на берегу. Вдруг я увидел в воде плавники наших Темных братьев и, помолясь Госпоже, воспользовался случаем.

Служители Азы Гийи предпочитали скрывать от непосвященных (особенно в Каморре) свою веру в то, что акулы являются возлюбленными Богини Смерти и что они со своими непостижимыми путями и внезапными жестокими нападениями наилучшим образом воплощают таинственную сущность Всемиловейшей Госпожи. Все служители в серебряных масках считали появление акул чудесным знамением. Верховный проктор Обители Откровения не шутил, предлагая Жану поплавать в море после наступления темноты. Говорили, акулы нападают лишь на тех, кто не тверд в вере.

— Темные братья! — ахнула послушница. — И они помогли тебе бежать?

— Слово «помощь» здесь неуместно, ибо Госпожа не помогает, а дозволяет. Так же обстоит дело и с Темными братьями. Я нырнул в залив и почувствовал, как они кружат вокруг меня и проплывают подо мной. Увидел острые плавники, рассекающие воду. Мои пленители заорали, что я сумасшедший, а при виде Братьев весело рассмеялись в полной уверенности, что сейчас меня растерзают в клочья и сожрут. Я тоже рассмеялся — когда выбрался на берег, целый и невредимый.

— О, восславь Госпожу, брат.

— Уже восславил, восславляю и буду восславлять впредь. Она вызволила меня из плена и дала мне еще одну возможность выполнить порученное дело. Прошу, сестра, отведи меня к управителю храма. Позволь встретиться со святым отцом или святой матерью. Мне нужны лишь священнические одеяния, Скорбный лик да келья на несколько дней, куда я не улажу свои дела.

3

— Таврин Каллас? Не под этим ли именем ты в свое время проходил послушание в Доме Откровения?

— Под ним самым.

— А ты не боишься, что они отправят в главный храм посыльного с запросом и выяснят, что много лет назад Таврин Каллас, движимый священной любознательностью, бросился со скалы в море?

— Конечно, они так и поступят. Но пока посыльный проделает путь в оба конца, пройдут недели, а я не собираюсь так долго там задерживаться. Вдобавок это принесет приятное разнообразие в их жизнь. Узнав, что Таврин Каллас давным-давно считается мертвым, они смогут громкогласно свидетельствовать о чуде. О зримом послании из царства теней, так сказать.

— Ага, о послании прямо из задницы непревзойденного лжеца. Ты молодчина, Жан!

— Просто я знаю, как разговаривать со служителями Смерти. У каждого свои способности.

— Но послушайте... разумно ли это? — вмешался Ибелиус. — Наряжаться в священнические одеяния служителей Азы Гийи без всякого на то права? Водить за нос... саму Всемиловейшую Госпожу? — Он коснулся обеими руками своих глаз, потом губ и наконец силел пальцы на груди в области сердца.

— Когда бы мои выходки оскорбляли Всемиловейшую Госпожу, — ответил Жан, — она бы уже давно со мной расправилась — мокрого места не оставила бы.

— Кроме того, мы с Жаном посвящены в служение Великому Благодетелю, — сказал Локк. — А сами вы почитаете Многохитрого Стража, господин Ибелиус?

— По опыту знаю, что лишняя предосторожность никогда не помешает. Пускай я не возжигаю свечи и не жертвую деньги, но я никогда не отзываюсь дурно о Благодетеле.

— Так вот, — продолжал Локк, — наш наставник однажды сказал нам, что посвященным слугам Великому Благодетелю необъяснимым образом все сходит безнаказанно, когда они по необходимости выдают себя за служителей других богов.

— Я бы сказал, такое даже приветствуется, как ни странно, — добавил Жан. — А в нынешних обстоятельствах у человека моего роста и телосложения невелик выбор обличий, под которыми можно скрыться.

— А... понимаю.

— Сдается мне, в последнее время у Богини Смерти и без нас дел по горло, — сказал Локк. — Я уже вполне очухался. Жан, и чувствую себя прекрасно, господин Ибелиус. Нет-нет, не трудитесь вставать — я уверен, что мой пульс по-прежнему там, где и должен быть: в моем запыстье. Что еще расскажешь, Жан?

— Обстановка в городе напряженная и чреватая кровью, но Капа Раза держит все в своих руках. По слухам, все Благородные Канальи мертвы — кроме меня, за чью голову объявлено славное вознаграждение. Мы якобы отказались присягнуть Разе, кинулись в бой за Барсави и были, ясное дело, убиты в неравной схватке. Все остальные гарристы принесли клятву верности новому Капе. Раза не стал выжидать полных три дня, как обещал. Пяти-шести самым строптивым нынче ночью перерезали глотки, всего пару часов назад.

— О боги! Откуда у тебя такие сведения?

— Частью от Ибелиуса, который все еще может спокойно выбираться в город, покуда старается не привлекать к себе внимания. Частью от людей, присутствовавших на известном богослужении. Мне случилось оказаться на Дровяной Свалке, когда чертова туча народу вдруг возжелала вознести зауспокойные молитвы.

— Значит, все Путные люди в подчинении у Разы?

— Похоже на то. Они волей-неволей свыкаются с новым положением вещей. Каждый из них хватается за нож по малейшему поводу — упали ли вдруг булавка на пол с ним рядом, укуси ли его комар. — но каким-то немислимым образом он всех этих головорезов подчинил своей власти. Сейчас Раза заправляет всеми делами из Плавучей Могилы, как Барсави в свое время. И выполняет почти все свои обещания.

— А что насчет... другого нашего знакомца? — Локк жестом дал понять, что имеет в виду Каморрского Шипа. — О нем что-нибудь слышно? В город просочились какие-нибудь слухи?

— Нет, — прошептал Жан. — Похоже, Раза достаточно просто поубивать всех нас, а раскрывать подлинную личность Шипа он не собирается.

Локк с облегчением вздохнул.

— Но происходят и другие странные вещи, — продолжал Жан. — Вчера вечером Раза задержал с полдюжины человек из разных шаек и во всеуслышание обвинил в том, что они работают на Наука.

— Вот как? А по-твоему, обвинение справедливо или здесь какой-то очередной хитрый план?

— Не знаю... возможно, они и впрямь шпионы Паука. Я узнал их имена от Ибелиуса и долго ломал голову. Но между всеми этими людьми нет решительно никакой связи — во всяком случае, очевидной для меня. Так вот, Раза сохранил им жизнь, по всех до единого изгнал из города. Дал день, чтобы они уладили свои дела и навсегда покинули Каморр.

— Интересно. Знать бы, что за этим кроется.

— Да может, ничего такого и не кроется.

— Хотелось бы верить.

— И еще чумной корабль, господин Ламора! — выпалил Ибелиус. — Превосходное судно. Жан забыл о нем упомянуть.

— Чумной корабль?

Да, эмберленский фрегат, с лакированным черным корпусом. Не корабль, а загляденье. Чертовски красивый — и такое впечатление, будто парит над самой водой, даже килем в нее не погружаясь. — Жан поскреб щетинистый подбородок. — Он бросил якорь на чумной стоянке той самой ночью, когда капа Раза преподавал капе Барсави свой урок зубного дела.

— Хм... интересное совпадение.

— Вот и я о том же! Боги любят посылать знаменья. Предположительно, на борту уже двадцать-тридцать мертвецов. Но вот что странно: капа Раза принял обязательство снабжать корабль продовольствием.

— Что?

— Да-да. Его люди сопровождают груженные повозки до причала и надзирают за переправкой продуктов на корабль. Раза выдает деньги на закупку хлеба и мяса ордену Сендовани — они заменяют орден Переландро с тех пор, как... ну ты понимаешь.

— А на черта людям капы охранять столь невинный груз?

Я тоже задался таким вопросом, — сказал Жан. — И вчера вечером покрутился там на берегу в обличье жреца Азы Гийи. Так вот, оказывается, они переправляют на корабль не только еду и воду.

4

Вечером Престольного дня — на следующий день после прихода к власти нового капы — из облаков сеялся мелкий дождь. Не дождь даже, а тончайшая изморось — теплый, влажный поцелуй

небес. На удивление плотный и крепкий слугитель Азы Гийи стоял на берегу, пристально глядя на чумной корабль, отдавший якорь в Старой гавани. Ветер трепал мокрое одеяние священника, серебряная маска в свете желтых судовых огней отливала золотистой бронзой.

У самого длинного причала Отбросов покачивалась на слабой волне утлая лодчонка, от которой к чумному кораблю, стоящему в полете стрелы берега, тянулась веревка. С туго свернутыми парусами «Сатисфакция» казалась какой-то... бесплотной, что ли. На палубе там и сям смутно различались крохотные фигурки людей.

На причале несколько дюжих портовых рабочих выгружали в лодку кладь из двухколесной телеги под надзором десятка вооруженных охранников в плащах. С любой из сторожевых башен у Старой гавани в подзорную трубу можно было хорошо рассмотреть, что там за груз такой. Часовые сейчас несли караул на всех башнях до единой (и так будет все время, пока чумной корабль остается в гавани), но вряд ли кого-нибудь из них волновало, что именно отправляют на судно: главное, чтобы оттуда ничего не передавали на берег.

Жан же, напротив, горел желанием выяснить, с чего вдруг капа Раза проявил такое участие к бедным мореплавателям из Эмберлена.

— Эй, ты, давай-ка разворачивайся и уноси свою задницу... о, прошу прощения, ваша святость!

Несколько мгновений Жан наслаждался явным замешательством мужчин и женщин, повернувшихся к нему при его приближении. Выглядели они ребятами крутого нрава, бывальыми бойцами, привыкшими причинять и терпеть боль. Однако при виде Скорбного лика все разом виновато съезжились, точно дети, застигнутые над запретным горшком меда.

Никого из них Жан не признал в лицо, — по всей вероятности, перед ним были люди из шайки самого Разы. Он окинул всех внимательным взглядом, пытаясь заметить какие-нибудь характерные особенности, по которым можно судить, кто они такие и откуда родом, но в попытке своей не преуспел. В глаза бросалось лишь обилие украшений, главным образом серег — у одной молодой женщины в каждом ухе их было штук семь или восемь. Такая мода распространена скорее среди моряков, нежели среди представителей преступного мира, но это еще ни о чем не говорило.

– Я пришел вознести Всемилостивейшей Госпоже молитву о заступничестве за несчастных, — промолвил Жан. — Не обращайтесь на меня внимания, прошу вас, продолжайте свои благородные труды.

Засим он повернулся почти спиной к ним и устремил взор на корабль, напряженно прислушиваясь к звукам, раздающимся позади: побряхтываниям грузчиков, тяжелым шагам, скрипу старых, изъеденных солью досок под ногами. Телега, насколько он успел разглядеть, была доверху нагружена небольшими мешками, каждый размером с одногаллонный винный бурдюк. Грузчики обращались с ними осторожно, но через несколько минут...

— Черт тебя подери, Мадзик! — рывкнул старший надзиратель, когда один из мешков упал на причал со странным звенящим стуком. Тут же спохватившись, мужчина стиснул руки и оглянулся на Жана. — Ох, прошу прощения, ваша святость. Просто мы клятвенно обещали проследить, чтобы все... э-э... припасы были доставлены на чумной корабль в полной сохранности.

Жан медленно повернулся и с минуту молчал, давая надзирателю проникнуться суеверным трепетом под долгим, неподвижным взглядом безликой маски. Потом он чуть заметно кивнул:

— Тебе простится, ибо ты делаешь дело, удобное богам. Твой хозяин выказал похвальное благочестие, приняв на себя обязанности, обычно выполнявшиеся служителями ордена Переландро.

— Да... гм... несчастье-то какое. Настоящая трагедия.

— Всемилостивейшая Госпожа ходит за смертным садом так, как ей угодно, — веско произнес Жан, — и срывает в нем любые цветы, какие пожелает. Не гневайся на своего работника. Для человека естественно испытывать страх и смятение в близости от... чего-то столь необычного.

— О, вы про чумной корабль. Да, нас всех от него... гм... мороз по коже подирает.

— Не стану вам больше мешать. Приходите за нами в храм Азы Гийи, коли несчастным на борту потребуется наша молитвенная помощь.

— Э-э... конечно. Б-благодарю вас, ваша святость.

Пока Жан важной, медлительной поступью шагал обратно к берегу, рабочие закончили погрузку мешков и отвязали лодку от причала.

— Тяли! — проорал один из охранников.

Веревка натянулась, и чуть погодя, когда крошечные темные фигурки на палубе «Сатисфакции» приноровились к ритму рабо-

ты, лодка быстро заскользила к фрегату, оставляя на темной воде зыбкий серебристый след.

Жан двинулся через Отбросы на север, нарочно ступая с величавой неторопливостью, чтобы дать себе время хорошенько поразмыслить над одним вопросом, вертевшимся на уме.

Какого рожна отсылать на корабль, полный мертвых и умирающих людей, мешки с деньгами?

5

— Мешки с деньгами? Ты уверен?

— Это был холодный презренный металл, Локк. Если ты помнишь, до недавних пор у нас его было хоть лопатой гребти. Уж звон монет мы с тобой ни с чем не спутаем.

— Хм... Значит, если только герцог не начал на днях чеканить кроны из хлебной муки, капа Раза в своей благотворительной деятельности столь же великодушен и милосерден, как я в своей решимости покончить с ним.

— Я постараюсь еще что-нибудь выяснить.

— Хорошо, хорошо. А теперь нам нужно вытащить меня из постели и заставить заняться каким-нибудь полезным делом.

— Господин Ламора! — взволновался Ибелиус. — Вы еще не настолько оправились, чтобы волевым усилием подняться с постели и выйти в город. Именно ваши волевые усилия и довели вас до нынешнего истощенного состояния.

— Со всем уважением к вам, господин Ибелиус, но теперь, когда я пришел в чувство, я твердо намерен предпринять решительные действия против капы Разы. пускай даже мне придется ползать по городу на карачках. И свою войну я начинаю прямо отсюда.

Локк с трудом приподнялся и попытался встать на ноги. Голова у него снова закружилась, колени подломились, и он рухнул на пол.

— Прямо отсюда? — хмыкнул Жан. — Исходная позиция, я бы сказал, слабоватая.

— Это невыносимо, Ибелиус! — простонал Локк. — Я должен действовать. Мне необходимо срочно восстановить силы.

— Мой дорогой господин Ламора... — вздохнул Ибелиус. Он подхватил Локка под одну руку, Жан под другую, и вдвоем они

уложили его обратно на тюфяк. — Вы же сами видите, что ваши желания и возможности вашего организма — две совершенно разные вещи. Если бы только я получал по солону за каждого пациента, который является ко мне с такими же речами! «Ибелиус, я двадцать лет курил джеремские порошки, и теперь у меня идет кровь горлом. Исцели меня живо!» Или: «Ибелиус, я пил и буянил всю ночь, и мне выбили глаз в драке. Верни мне зрение, черт побери!» Да получай я даже не по солону, а хотя бы по медяку за каждое такое требование, я бы все равно премного обогатился и давно уже удалился на покой в Лашен.

— Но я не смогу отомстить капле Разе, пока валяюсь тут, уткнувшись носом в пыльный тюфяк! — воскликнул Локк, снова вскипая гневом.

— Так отдыхайте, сударь, отдыхайте! — раздраженно произнес Ибелиус. — И будьте добры не винить меня в том, что я не столь всемогущ, как боги! Отдыхайте и набирайтесь сил. Завтра, когда можно будет без опаски выйти в город, я принесу еще какой-нибудь еды. Восстановление аппетита — обнадеживающий признак. Хорошее питание и крепкий сон поспособствуют притоку жизненных соков, и возможно, уже через пару дней ваше состояние станет вполне удовлетворительным. Устранить последствия телесных страданий, вами пережитых, в два счета не получится. Имейте терпение.

Локк тяжело вздохнул:

— Ладно. Я просто... горю желанием поскорее расправиться с капой Разой.

— Мне тоже не терпится, чтобы вы поскорее с ним расправились, господин Ламора. — Ибелиус снял очки и протер о рубашку. — Если бы я полагал, что вы сумеете убить мерзавца сейчас, когда сил у вас не больше, чем у полузадушенного котенка... да я бы самолично затолкал вас в корзину и отнес напрямик к нему. Но у нас не тот случай, и ни одна припарка, описанная в моих лечебниках, дела не поменяет.

— Послушай господина Ибелиуса, Локк, и не вешай голову. — Жан потренил товарища по плечу. — Считаю, что тебе представилась возможность поупражнять ум. Я соберу все сведения, какие только возможно, и сделаю все, что скажешь. А ты пошевели мозгами и придумай план, как нам поймать этого скота на крючок и отправить в ад. За Каю, Галдо и Клопа.

6

К следующему вечеру Локк оправился уже настолько, что мог самостоятельно прохаживаться по комнате. Мышцы по ощущениям казались желеобразными, и у него было такое чувство, будто он управляет своими конечностями откуда-то из далекого далека — посылая гелиографические сигналы, преобразовывающиеся в движения суставов и сухожилий. Но Локк больше не падал носом в пол, вставая с тюфяка, и за последние несколько часов, минувших с прихода Ибелиуса с корзинкой снеди, он умял целый фунт жареной колбасы и три краюхи хлеба, густо намазанных медом.

— Господин Ибелиус, — сказал Локк, когда лекарь в тысячный, наверное, раз принялся щупать у него пульс, — мы с вами примерно одного роста и телосложения. У вас, случайно, не найдется приличного камзола? А также бриджей, жилета и прочих предметов одежды, подходящих благопорядочному человеку?

— Ах, были у меня такие вещи, и вполне добротные... но боюсь. Жан еще не сообщил вам...

— Ибелиус сейчас живет с нами, — сказал Жан. — В одной из соседних комнат.

— Собственные мои комнаты, где я занимался врачебной практикой... — Ибелиус нахмурился, и Локку показалось, что стекла его очков слегка затуманились. — Они сгорели на следующее утро после прихода капы Разы к власти. Всех, кто состоял в родстве с убитыми людьми Барсави... всех нас просто выживают из Каморра! Уже произошло несколько убийств. Пока еще я могу выходить в город, соблюдая известную осторожность, но... я лишился почти всего своего имущества, в том числе и какого-никакого гардероба. И пациентов! И бесценных книг! Вот еще одна причина, почему я страстно желаю Разе всяческого зла.

— Проклятье! — с досадой произнес Локк. — Господин Ибелиус, вы не оставите нас с Жаном наедине на пару минут? Нам нужно обсудить одно дело чрезвычайной секретности. Приношу вам свои извинения.

— Не стоит извиняться, сударь, я все понимаю. — Ибелиус встал и отряхнул штукатурную пыль с одежды. — Пойду посижу снаружи, пока не позовете. Ночной воздух улучшит работу кровеносных сосудов и поспособствует притоку уравновешенных телесных соков.

Когда он удалился, Локк взъерошил пальцами сальные волосы и испустил протяжный стон:

— О-ох... я бы не отказался от ванны, но сейчас с радостью согласился бы и просто постоять полчаса под дождем. Жан, для войны с Разой нам требуются средства. Чертов ублюдок присвоил наши сорок пять тысяч, и мы сидим здесь с десятью кронами в кармане. Нам необходимо возобновить наше предприятие с дон-ом Сальварой, но боюсь, все пошло прахом, поскольку я уже четыре дня у него не показывался и никак не давал о себе знать.

— Это вряд ли, — улыбнулся Жан. — Пока ты лежал в беспмятстве, я потратился на письменные принадлежности и чернила. Отправил с посыльным записку супругам Сальвара от имени Грауманна. В ней сообщалось, что в ближайшие несколько дней ты будешь занят одним крайне деликатным делом и, возможно, не найдешь времени для визита к ним.

— Правда? — Локк уставился на друга с ошарашенным видом человека, которого привели к виселице для того лишь, чтобы в последнюю минуту извиниться перед ним и вручить мешок золота. — Ты и впрямь сделал это? Да благословят тебя боги, Жан! Я бы тебя расцеловал, не будь ты такой же чумазый, как я сам.

Охваченный возбуждением, Локк принялся бегать по комнате -- ну или, во всяком случае, ходить-взад вперед со всей резвостью, на какую были способны его ноги, все еще дрожащие от слабости. Вот он — прячется в какой-то поганой дыре, внезапно лишенный всех преимуществ, к которым привык за многие годы! У него не осталось ничего — ни стеклянного подземелья, ни хранилища с деньгами, ни гардеробной, ни гримировального сундука... ни шайки. Все, все отнял проклятый Раза.

Вместе с деньгами пропал и объемистый пакет с бумагами и ключами, завернутый в промасленную ткань. В бумагах содержались данные о счетах, открытых в банкирском доме Мераджо на имя Лукаса Фервайта, Эванте Эккари и всех прочих вымышленных лиц, под именами которых Благородные Канальи на протяжении многих лет сотрудничали с Мераджо. На счетах оставалось в общей сложности несколько тысяч крон, но без документов их из банка не забрать. В пакете лежали также ключи от Бушпритового номера гостиницы «Фрегат», где в кедровом платяном шкафу хранилась одежда Лукаса Фервайта... за прочной дверью с хитроумным шестеренчатым замком, который нипочем не вскрыть не то что Локку, но и самому искусному взломщику.

— Черт! — в отчаянии проговорил Локк. — Куда ни кинь, всюду клин. Нам позарез нужны деньги, и Сальвара готов дать их нам, но не могу же я явиться к нему в таком виде. Мне требуется приличное платье, розовое масло для волос, разные сопутствующие мелочи. Фервайт должен выглядеть, как Фервайт, — но как я преобразуюсь в него, имея на руках жалкие десять крон?

Действительно, общая стоимость костюма и галантерейных мелочей, которые Локк носил в образе вадранского торговца, доходила до сорока полных крон — такую сумму в два счета не соберешь, обчищая карманы на улицах. Вдобавок заведения немногочисленных портных, способных удовлетворить утонченному вкусу, были неприступными, как крепости, и находились в богатых кварталах, где желтокурточники рыщут не взводами, а целыми батальонами.

— Вот же досада! Просто руки опускаются, — сокрушался Локк. — Все упирается в одежду. Одежда, одежда... Даже смешно — всего лишь какие-то несчастные тряпки, а без них никуда.

— Но у нас все-таки есть десять крон, — заметил Жан. — На питание нам и одного серебра надолго хватит.

— Да, это все же лучше, чем ничего...

Локк тяжело уселся на соломенный тюфяк и подпер кулаками подбородок. Уголки рта у него опустились, брови сдвинулись, и лицо приняло мрачно-сосредоточенное выражение, знакомое Жану еще с детства. Через несколько минут Локк вздохнул и поднял глаза на друга:

— Ладно, завтра возьму семь или восемь крон и отправлюсь в город — если достанет сил, конечно.

— В город? У тебя есть план?

— Нет. Ничего даже близко похожего. Ни одной толковой мысли в голову не лезет. — Локк слабо усмехнулся. — Но ведь именно так и рождались все лучшие мои планы, верно? Главное — найти какую-нибудь отправную точку, а уж дальше за мной дело не станет.

Интерлюдия

ЗАКЛИНАТЕЛИ БЕЛОГО ЖЕЛЕЗА

В Каморре говорят, что разница между честным и нечестным дельцом состоит в том, что честный делец, разорив человека, имеет любезность не перерезать ему глотку напоследок.

Подобные высказывания несколько вредят репутации обитателей улицы Златохватов — торговцев, перекупщиков и ростовщиков, чьи усилия помогли поднять из руин Теринской империи не только Каморр, но все до единого города-государства и обеспечить пышное процветание... отдельных счастливых слоев теринского населения.

От размаха дел, которыми ворочают на улице Златохватов, у простого лавочника голова пошла бы кругом. Бывает, какой-нибудь купец в Каморре передвинет пару костяшек на счетах — и уже на следующий день запечатанные секретные бумаги отправляются в Лашен, откуда в скорейшем времени четыре галеона с тремястами душами на борту отплывают к самому северному порту Эмберлена, нагруженные всевозможным богатым товаром. Каждое утро сотни торговых караванов по всему континенту пускаются в путь или прибывают к месту назначения, согласно предписаниям и указаниям хорошо одетых людей, которые плетут коммерческие сети протяженностью в тысячи миль, попивая чай в задних комнатах деловых контор.

Но есть еще разбойничьи шайки, которым заранее сообщают, где и когда устроить засаду, чтобы караван того или иного купца бесследно пропал по пути из одного города в другой. Есть келейные переговоры без протоколов и большие деньги, что переходят из рук в руки, минуя всякие учетные ведомости. Есть наемные убийцы, черные алхимики и секретные соглашения, заключенные

с преступными сообществами. Ростовщичество, мошенничество и внутренние спекуляции. Сотни тайных денежных махинаций, столь сложных и хитроумных, что для них еще и названий не придумано, искусных манипуляций с деньгами и документами, столь изощренных и коварных, что даже вольнонаемные маги низко склонили бы голову перед изобретателями оных.

Из всего этого и складывается торговля. А в Каморре, когда заходит речь о честной или нечестной коммерческой практике, о торговой деятельности самого широкого размаха, на ум всякому человеку прежде всего приходит одно имя: Мераджо.

Джанкана Мераджо — седьмой в своем знаменитом роду. Его семья владела и управляла банкирским домом на протяжении двух с половиной столетий. Но урожденное имя, в общем-то, значения не имеет — достаточно просто сказать: Мераджо из банкирского дома Мераджо. Эта фамилия давно стала обозначением должности.

Семья Мераджо приобрела начальное состояние благодаря внезапной смерти герцога Страволи Каморрского, скончавшегося от болотной лихорадки во время государственного визита в Тал-Веррар. Николія Мераджо, капитан быстроходного торгового брига, первой вернулась в Каморр с известием о смерти герцога и тотчас потратила все свои сбережения до последнего медяка, чтобы скупить все запасы черного крена в городе. Затем она перепродала ткань по грабительским ценам представителям власти, желавшим провести похороны со всеми подобающими траурными почестями, а часть вырученной прибыли вложила в покупку небольшой кофейни на приканальной улице, которая впоследствии получила название (во многом по милости ее семейства) улицы Златохватов.

Здание кофейни, словно воплощая собой честолюбивые устремления своих владельцев, постоянно достраивалось и разрасталось: обзаводилось новыми помещениями, галереями и этажами, поглощало соседние дома, простирало свои стены все дальше, подобное птенцу, выталкивающему из гнезда своих еще не вылупившихся соперников.

Первые Мераджо снискали известность как оборотливые торговцы и перекупщики; они во всеуслышание заявляли, что способны выжать из средств вкладчиков гораздо больше прибыли, чем любой другой делец в городе. Третий в роду, знаменитый Оставо Мераджо, на протяжении целого года каждое утро отправлялся

на богато убранной барке к самому глубокому месту Каморрского залива и там кидал в воду пятьдесят золотых тиринов. «Как бы я ни швырялся деньгами, все равно к концу каждого дня я получаю больше чистого барыша, нежели любой из моих соперников», — похвалялся он.

Последующие Мераджо перешли от вложения денег к накоплению, сбережению и ссуживанию под процент. Они одними из первых поняли, какое баснословное состояние можно нажить, занимаясь не собственно торговлей, а торговым посредничеством.

И вот теперь Джанкана Мераджо сидит в центре вековой финансовой паутины, охватывающей все теринские города-государства. Его подпись на пергаменте порой имеет не меньше веса, чем хорошо снаряженная армия или флотилия боевых кораблей.

Недаром говорится, что в Каморре правят два герцога — Никованте, герцог Древнего стекла, и Мераджо, герцог Белого железа.

Глава 13

ОРХИДЕИ И НАЕМНЫЕ УБИЙЦЫ

1

На следующее утро Локк стоял перед дверями банкирского дома Мераджо. Большие водяные часы в холле только-только прозвонили десять. В почти безоблачном небе ясно светило солнце, накрапывал теплый слепой дождь. На Виа Каморрацца кипело движение: грузовые барки и пассажирские лодки сражались за водное пространство со страстным воодушевлением, приличествующим скорее участникам морской битвы.

Одну из десяти крон пришлось разменять, чтобы обеспечить Локка более или менее опрятным костюмом. Волосы у него по-прежнему оставались седыми, а накладная борода была острижена клинышком. На человека состоятельного он, разумеется, несколько не походил, а имел обличье скромного служащего — конторского курьера или писца.

Банкирский дом Мераджо представлял собой четырехэтажное нагромождение архитектурных причуд, сооруженных в разное время за последние двести лет: колонны, портики, арочные окна, каменные и деревянные фасады, наружные галереи со скамьями, носившие не только практический, но и декоративный характер. Шелковые навесы над галереями были цветов каморрских монет: коричневато-медного, желтовато-золотого, серо-серебряного и молочно-белого. Даже здесь, на улице, Локк видел вокруг десятки лужасов фервайтов, деловых людей в ладно скроенных богатых камзолах, каждый из которых стоил не меньше, чем зарабатывает за пять лет простой ремесленник или рабочий.

Если бы Локк посмел хоть пальцем тронуть кого-нибудь из этих господ, охранники банкирского дома Мераджо мигом вылетели бы толпой из дверей, словно пчелы из потревоженного улья.

В погоне за нарушителем порядка они соревновались бы с несколькими патрулями желтокурточников, расхаживавшими по набережной, и победителю выпала бы честь вышибить ему мозги дубинкой.

В кошельке у Локка позвякивало семь беложелезных кронок, двадцать серебряных солонов и пара медяков. Он был безоружен и очень смутно представлял, что станет говорить и делать, если его сомнительный план провалится.

О Многохитрый страж, — прошептал Локк, — сейчас я вхожу в банкирский дом, где собираюсь получить то, что мне нужно. Мне не помешала бы твоя помощь. А если ты мне не поможешь... то и черт с тобой. Я все равно получу то, что мне нужно.

Вскинув голову и решительно выдвинув подбородок, он начал подниматься по ступеням.

2

— Частное сообщение для Кореандра Превина, — сказал Локк охранникам в холте, проводя пальцами, как гребнем, по мокрым волосам.

Охранников было трое — крепкие парни в малиновых бархатных куртках, черных бриджах и черных же шелковых рубашках. Позолоченные пуговицы у них блестели как новенькие, но рукояти длинных ножей и дубинок, висевших на поясе, были изрядно потерты.

Превин... Превин... — пробормотал один из охранников, листая справочную книгу в кожаном переплете. — Хм... Общественный зал, пятьдесят пять. Он вроде принимает без предварительной договоренности. Знаешь, куда идти?

Не впервой здесь, — ответил Локк.

— Хорошо. — Отложив книгу в сторону, охранник взял грифельную доску с лежащим на ней пергаментным листом и выхватил перо из чернильницы. — Имя, квартал?

— Таврин Каллас. Северная застава.

— Писать умеешь?

— Нет, сударь..

— Тогда просто нарисуй тут какой-нибудь значок.

Охранник протянул грифельную доску, и Локк нацарапал жирный крестик рядом с именем «ТАВРЕН КАЛУС». С почерком у парня дело обстояло лучше, чем с правописанием.

— Проходи, — мотнул головой охранник.

Огромное помещение на первом этаже банкирского дома Мераджо — так называемый Общественный зал — было тесно заставлено солидными дубовыми конторками, стоявшими в восемь рядов по восемь штук в каждом. Сидели за ними торговцы, менялы, юристы, клерки и прочие мелкие служащие, которые арендовали рабочие места у банка — кто повседневно, а кто, за недостатком средств, лишь два-три раза в неделю. Подле всех почти конторок сидели клиенты, оживленно разговаривая, горячо споря или безмолвствуя в ожидании. Через большие световые фонари лились потоки солнечного света; легкий стук дождя смешивался с деловым гулом, наполнявшим зал.

По двум сторонам помещения поднимались до самого потолка четыре яруса закрытых галерей с медными перилами. Там с удобством располагались самые влиятельные и богатые коммерсанты Каморра. Все они входили в правление банкирского дома, однако никакой фактической властью не обладали — Мераджо просто предоставлял им многочисленные привилегии, ставившие их выше (в прямом и переносном смысле) мужчин и женщин в Общественном зале.

В каждом уголке здания стояли бдительные охранники в обманчиво расслабленных позах. Там и сям пробегали подавальщики в черных куртках, черных бриджах и длинных малиновых фартуках. В задней части банкирского дома находились огромная кухня и винный погреб, который сделал бы честь любой таверне. У людей, занятых срочными делами, зачастую не хватало времени, чтобы выйти перекусить или послать кого-нибудь за едой. Иные злые служавшие практически жили здесь, возвращаясь домой только чтобы поспать и сменить одежду — да и то потому лишь, что банкирский дом закрывался по наступлении часа Лжесвета.

С видом спокойным и уверенным Локк зашагал через Общественный зал к конторке, помеченной цифрой пятьдесят пять. Стряпчий Кореандр Превин несколько лет назад помогал братьям Санца открыть счет на имя Эванте Эккари. Тогда он был примерно такого же роста и телосложения, как Локк, и сейчас оставалось лишь надеяться, что с тех пор он не пристрастился к жирной пище.

— Чем могу быть полезен? — любезно осведомился Превин, по счастью все такой же художавый.

Локк окинул быстрым взглядом его камзол — изящного свободного кроя, темно-зеленый, с кричащими пурпурными обшлага-

ми, отделанными золотым шитьем. Кореандр Превин, судя по всему, хорошо разбирался в модных фасонах, но был слеп, как бронзовая статуя, когда дело доходило до расцветки одежды.

— Господин Превин, — заговорил Локк, — мое имя Таврин Каллас. У меня возникло весьма необычное затруднение, и оно могло бы успешно разрешиться с вашей помощью. Хотя должен сразу предупредить, что услуга, о которой я вас прошу, несколько выходит за рамки ваших обычных обязанностей.

— Я стряпчий, — сказал в ответ Превин, — и трачу свое время только на клиентов. Вы намерены стать таковым?

— Я намерен положить в ваш карман пять полных крон не позднее сегодняшнего вечера, если вы согласитесь мне помочь.

Локк провел ладонью по столешнице, и на ней, словно по волшебству, появилась беложелезная монета. Возможно, он проделал фокус не очень ловко, но Превин, явно несведущий в трюкачестве, изумленно вскинул брови.

— Ясно. Я вас внимательно слушаю, господин Каллас.

— Вот и славно. Заручившись вашим вниманием, я надеюсь в самом скором времени заручиться и вашим согласием вывести меня из затруднения. Видите ли, господин Превин, я являюсь представителем некоего торгового дома, который я, при всем к вам уважении, предпочел бы не называть. Я уроженец Каморра, но давно живу и работаю в Талишеме. Сегодня вечером мне предстоит встретиться за ужином с несколькими крупными предпринимателями — один из них благородный дон — и обсудить с ними условия важной сделки, для заключения которой меня прислали в Каморр. Но... неловко даже говорить, право слово... боюсь, я стал жертвой ограбления.

— Ограбления? Что вы имеете в виду, господин Каллас?

— Мой гардероб, — печально пояснил Локк. — Вся моя одежда, все мои вещи были украдены, пока я спал. А хозяин гостиницы, будь он трижды проклят, отказывается брать на себя ответственность за преступление и заявляет, что я просто дверь не запер на ночь, а значит, сам и виноват!

— Я могу порекомендовать стряпчего, собаку съевшего на подобных делах. — Превин выдвинул ящик стола и принялся перебирать лежащие в нем бумаги. — Вам надо вызвать хозяина таверны в Тяжебный суд при Дворце Терпения. На все про все уйдет пять-шесть дней, и вы процесс непременно выиграете, если предъявите суду свидетеля, который подтвердит ваши показания. А я пока что могу составить все документы, необходимые для...

— Покорнейше прошу прощения, господин Превин, — перебил Локк. — В любых других обстоятельствах я бы с радостью воспользовался вашим дельным советом и попросил вас подготовить все нужные бумаги. Но у меня нет пяти-шести дней. Боюсь, в моем распоряжении осталось лишь несколько часов. Как я сказал, сударь, деловой ужин назначен на сегодняшний вечер.

— Хм... А нельзя ли перенести встречу? Безусловно, ваши коммерческие партнеры войдут в ваше затруднительное положение и не станут возражать.

— Увы, это решительно невозможно! Ну посудите сами, господин Превин: кто согласится доверить десятки тысяч кроун торговому дому, представитель которого не способен даже позаботиться о сохранности собственной одежды? Я... я просто в отчаянии. Боюсь, сделка не состоится... ускользнет из моих рук. Вдобавок упомянутый мной аристократ... он большой педант, знаете ли. У него каждый шаг на месяц вперед расписан. Если я перенесу встречу, боюсь, он посчитает меня человеком безответственным и вообще откажется иметь со мной дело.

— М-да-а-а... Может статься, ваши опасения обоснованны, господин Каллас. Вам лучше судить о характере ваших партнеров. Но чем же я могу вам помочь?

— Мы с вами одного роста и телосложения, господин Превин. И меня восхищает ваш безупречный вкус в отношении фасонов и расцветок одежды. Я предлагаю следующее: вы предоставите мне во временное пользование подходящий к случаю костюм со всеми сопутствующими галантерейными мелочами, а я дам вам пять полных кроун как залог в обеспечение сохранности ваших вещей. Когда же я верну вам одежду, залог останется у вас.

— То есть вы... э-э... просите меня одолжить вам костюм?

— Да, господин Превин, я был бы глубоко вам признателен за любезное содействие. Вы окажете мне неоценимую услугу. И мой хозяева, полагаю, не постоят за благодарностью.

— Хм... — Превин задвинул ящик стола и, задумчиво нахмурясь, сложил пальцы домиком под подбородком. — Предложенный вами залог составляет четверть от стоимости костюма, который я мог бы одолжить вам для вашего делового ужина с доном. Но меньшей мере четверть.

— Уверяю вас, господин Превин, я человек чрезвычайно аккуратный и предусмотрительный — прискорбная кража моего гардероба скорее исключение, подтверждающее правило. Я буду бе-

речь ваш костюм так, словно от него зависит моя жизнь... да, собственно, так оно и есть. Если переговоры сорвутся, я наверняка лишусь места.

— Ваша просьба... довольно необычна, господин Каллас. Странная просьба, прямо скажем. На какое торговое сообщество вы работаете?

— Мне... не хотелось бы его называть, господин Превин. Я боюсь повредить репутации своих хозяев. Надеюсь, вы понимаете, что я просто стараюсь выполнить свои обязательства перед ними.

— Да-да, конечно. Но и вы должны понимать, что ни один здравомыслящий человек не отдаст незнакомцу тридцать кроун в обмен на пять без... более существенных гарантий, чем горячие заверения. Прошу прощения, господин Каллас, но так дело не пойдет.

— Ну хорошо, — вздохнул Локк. — Я работаю на Западное торговое сообщество Железного моря, учрежденное в Тал-Верраре.

— Западное торговое сообщество Железного моря... Хм... — Превин выдвинул другой ящик стола и принялся листать какую-то тонкую книжницу. — У меня тут справочный указатель Мераджо на текущий год, семьдесят восьмой Азы Гийи. Ага, вот Тал-Веррар... так, так... Западного торгового сообщества Железного моря в списке не значится.

— Ох, опять эта чертова загвоздка! Мы учредили Сообщество только во втором месяце нынешнего года, потому и не попали в списки. Такое было хлопотное дело, вспомнить с грашно.

— Господин Каллас, я искренне вам сочувствую, честное слово, но... Вы уж простите, сударь, но я нахожу ваши обстоятельства слишком странными, чтобы принимать в них участие. Боюсь, я ничем не могу вам помочь. Однако от души желаю вам изыскать способ умиротворить своих деловых партнеров.

— Умоляю вас, господин Превин...

— Сударь, наш разговор окончен.

— Значит, я обречен. У меня не осталось никакой надежды. Прошу вас, сударь, войти все-таки в мое положение и...

— Я юрист, господин Каллас, а не торговец платьем. Наш разговор окончен. Желаю вам удачи — и доброго дня.

— Неужто я ничем не могу повлиять на вас, чтобы вы хотя бы подали мне надежду на...

Превин взял с конторки медный колокольчик и трижды позвонил. Из толпы посетителей неподалеку появились охранники. Локк со вздохом сгреб в кулак свою беложелезную крону.

— Проводите этого человека к выходу, — велел Превин, когда один из охранников положил руку в перчатке на плечо Локка. — Только, пожалуйста, со всей любезностью.

— Слушаюсь, господин Превин. А вас, сударь, прошу сюда.

По меньшей мере трое крепких мужчин помогли Локку подняться с места и проворно вывели сначала в главный проход посередине Общественного зала, затем в холл и наконец на ступени банкирского дома. Дождь уже прекратился, и в воздухе витал свежий запах пара, поднимавшегося от теплых камней.

— Не советую показываться здесь впредь. — промолвил один из охранников.

Все трое пристально смотрели вслед Локку, пока тот спускался по ступенькам мимо идущих навстречу деловых людей, которые не обращали на него ни малейшего внимания — в отличие от нескольких желтокурточников, с интересом наблюдавших за происходящим.

— Проклятье... — пробормотал Локк, быстрым шагом направляясь на юго-запад.

Сейчас он намеревался перейти через мост на Виденцу и отыскать там портного.

3

Водяные часы отзванивали полдень, когда Локк вернулся к ступеням банкирского дома Мераджо. Светлый костюм «Таврина Калласа» он сменил на темный льняной дублет и дешевые черные бриджи с черными чулками. Седые волосы скрывались под черным бархатным беретом, козлиная бородка исчезла (он еле ее отодрал, чуть ли не с кожей, и решил отныне всегда носить с собой растворитель для клея), а вместо нее появились тонкие усики. Лицо у Локка покраснело от жары и быстрой ходьбы, одежда местами уже промокла от пота. В руке он держал свернутые в трубку пергаментные листы (пустые). Когда Локк вошел в холл и обратился к охранникам, в речи его слышался легкий талиншемский акцент.

— Мне нужен стряпчий. На прием я не записан, никого здесь не знаю, поэтому согласен подождать, пока кто-нибудь освободится.

— Стряпчий, значит... — Уже знакомый Локку охранник полистал справочную книгу. — Вот, пожалуйста: Даниэлла Монте-

гю, Общественный зал, шестнадцатый стол. Или... Этьен Акало, тридцать шестой. Там есть огороженные места для ожидания.

- Вы очень любезны. - сказал Локк.
- Имя, квартал?
- Галдо Авриллан. Я из Талишема.
- Писать умеете?
- А как же! Даже вензеля ногами.

Охранник недоуменно воззрился на Локка, и только спустя несколько секунд, когда один из двоих других парней прыснул со смеху, на лице у него медленно проступило понимание. Однако до улыбки он не снизошел.

- Поставьте здесь свою подпись или какой-нибудь иной знак, господин Авриллан.

Взяв протянутое ему перо, Локк размашисто начертил заковыристую подпись рядом с именем «ГАЛЛДО ОВРЕЛАН», дружески кивнул охранникам и неспешно двинулся к Общественному залу.

Остановившись при входе словно бы в легком замешательстве, Локк быстро обшарил взглядом огромное помещение и — вместо того, чтобы пройти к огороженным медными перилами местам для ожидания, — направился напрямик к конторке под номером двадцать два, подле которой в настоящую минуту не было клиента. Хорошо одетый молодой человек, сидевший за ней, сосредоточенно строчил что-то на пергаментном листе. Локк опустился в кресло напротив и негромко кашлянул.

Служащий поднял голову. Он был каморрец стройного телосложения, с зализанными назад каштановыми волосами и большими влажными глазами за очками в тонкой оправе. Одет он был в кремовый камзол с лиловой подкладкой, видневшейся с изнанки манжетов, и лиловых же тонов жилет и рубашку. Шейные платки ниспадали на грудь пышными сборчатыми складками кремового и темно-пурпурного цвета. «Наряд чересчур щегольской, пожалуй, — подумал Локк. — И парень явно выше меня на пару дюймов — но это невелика беда».

- Не желаете ли вы, сударь, положить в свой карман пять беложелезных крон еще до наступления вечера? — спросил Локк веселым и доверительным тоном, не забывая о легком акценте.

- Я... что... пять... Вы меня врасплох застали своим вопросом, сударь. Чем я могу быть полезен? И кто вы такой, позвольте поинтересоваться?

— Меня зовут Галдо Авриллан. Я из Талишема.

— Вот как! Вы говорите, пять крон? Обычно за свои услуги я беру гораздо меньше. Какое же у вас ко мне дело, разрешите узнать?

— Ваши услуги — ваши профессиональные услуги — мне не требуются, господин...

— Магрис. Арманд Магрис. — представился служащий. — Но... если вы меня не знаете и в услугах моих не нуждаетесь...

— Плачу белым железом, как я сказал. — Локк проделал нехитрый фокус с той же монетой, которую двумя часами ранее выкладывал на стол Кореандра Превина: она, словно по волшебству, выпрыгнула у него из кулака и легла на костяшки пальцев (перекатывать монетки по костяшкам, как делали братья Санца, Локк так и не научился). — Пять беложелезных крон за пустяковую услугу, хотя и несколько необычную.

— В каком смысле необычную?

— Видите ли, господин Магрис, я попал в полосу невезения. Я являюсь торговым представителем кондитерской фирмы «Стролло и сыновья» — крупнейшего в Талишеме поставщика десертов и сладостей. Я прибыл морем из Талишема, чтобы встретиться с несколькими возможными клиентами в Каморре — высокопоставленными клиентами, знаете ли. Два благородных дона и их супруги рассчитывают с помощью моих хозяев разнообразить свой стол новыми кулинарными изысками.

— Вы желаете, чтобы я составил проект договора о сотрудничестве... или о продаже?

— О нет, господин Магрис, у меня к вам дело далеко не столь обыденное. Прошу вас выслушать до конца историю моих злоключений. Я отбыл из Талишема на корабле, взяв с собой дюжину упаковок с образцами изысканных десертов, каких не готовят даже знаменитые каморрские повара: разноцветными леденцами отменного вкуса, шоколадными конфетами с начинкой из алхимического крема, коричневыми пряниками с глазурью из аустерсалинского бренди и прочими дивными лакомствами. Мне предстояло отобедать с нашими возможными клиентами и позаботиться о том, чтобы они пришли в восторг от кулинарного мастерства моих хозяев. Знаете, ведь для одних только праздничных пиров закупается сладостей на такие суммы, что голова кругом... в общем, речь идет о чрезвычайно важной для нас сделке.

— Нисколько не сомневаюсь, — сказал Магрис. — Похоже, работа у вас весьма приятная.

— О, я был всем доволен, если бы не одно прискорбное обстоятельство, — вздохнул Локк. — Доставивший меня сюда корабль — хотя и впрямь быстроходный, как мне обещали, — кишмя кишел крысами.

— Боги мои! Уж не хотите ли вы сказать...

— Да, мой товар, — горестно кивнул Локк. — Мой превосходный товар хранился в ненадежных упаковках и вдобавок не на виду, что облегчило дело чертовым грызунам. Они жадно набросились на сласти и подчистую уничтожили все, что я вез с собой.

— Печально слышать о вашей утрате, — сказал Магрис. — Чем же я могу вам помочь?

— Товар лежал вместе с моей одеждой. И вот в довершение всех бед мой гардероб, погрызенный крысиными зубами и испачканный, прошу прощения, пометом, пришел в полную негодность. В дорогу я оделся очень просто, и теперь это единственный костюм, оставшийся у меня.

— О Двенадцать, ну и положеньице! У ваших хозяев есть счет в банке Мераджо? Вы можете взять кредит на покупку нового платья?

К сожалению, нет. Мы думаем открыть здесь счет, я уже давно убеждаю хозяев в такой необходимости. Но пока еще мы не сделали этого, и вот теперь у меня нет возможности срочно раздобыть денег, а сегодняшняя деловая встреча очень важна для нас, чрезвычайно важна. Пускай я не могу представить образцы нашего товара, но я должен по крайней мере появиться на обеде с объяснениями и извинениями, дабы не оскорбить наших возможных клиентов. Один из них — человек очень привередливый и требовательный. Крайне привередливый и требовательный. Если я не приду на встречу, хотя бы и с пустыми руками, он непременно распушит в своих кругах слух, что фирма «Стролло и сыновья» не заслуживает доверия. Это страшно повредит нашей репутации, не только деловой, но и человеческой.

— Да, иные аристократы излишне строги в соблюдении принятых порядков. Но я по-прежнему не понимаю, чем же могу вам помочь в данных обстоятельствах.

— По счастливой случайности, сударь, мы с вами одного телосложения. И ваш вкус в одежде поистине безупречен, господин Магрис. Мы с вами словно близнецы, разлученные при рождении,

настолько совпадают наши предпочтения в части фасонов и расцветок платья. Вы немного выше меня ростом, но это не столь важно, когда речь идет всего лишь о нескольких часах. Я прошу вас, сударь... я вас умоляю одолжить мне подходящий к случаю костюм. Деловой обед с высокопоставленными клиентами назначен на сегодняшний вечер — богов ради, помогите мне выглядеть достойно и тем самым спасти доброе имя моих хозяев.

— Вы хотите... вы хотите позаимствовать у меня камзол, бриджи, чулки, башмаки и все сопутствующие галантерейные мелочи?

— Совершенно верно. И я клятвенно обещаю беречь каждый стежок как зеницу ока. Более того, я дам вам в залог пять беложелезных крон, а когда верну костюм в целостности и сохранности, вы оставите деньги себе. Согласитесь, сумма немалая за такую-то пустячную услугу, — полагаю, вы столько за месяц зарабатываете, если не за два.

— Хм... Да, сумма и впрямь значительная. Но все же... — У Магриса был такой вид, будто он изо всех сил старается сдерживать ухмылку. — Это весьма странная просьба, как вы наверняка и сами понимаете.

— Понимаю, сударь, прекрасно понимаю... Но что мне сделать, чтобы вызвать у вас сочувствие? Я готов умолять на коленях, господин Магрис, мне сейчас не до гордости — ведь на кону не только моя работа, но и репутация моих хозяев.

— Да уж, — кивнул Магрис. — Вне всякого сомнения. Жаль, что крысы не говорят по-терински. Бьюсь об заклад, они дали бы убедительнейшие показания в вашу пользу.

— Шесть беложелезных крон, — проговорил Локк. — Это все, что у меня есть. Прошу вас, сударь...

— «Пи-пи-пи, — сказали бы они. — Пи-пи-пи». Такие жирненькие крыски, маленькие прожорливые злодейки. Они дали бы показания и потом попросились бы обратно на талишеский корабль, чтобы продолжить свое пиршество. Фирма «Стролло и сыновья» обзавелась бы преданными работниками, цускай и мелкими.

— Господин Магрис, я не вполне вас...

— Вы ведь не из Талишема, верно?

— Господин Магрис, пожалуйста!..

— Это просто очередная проверка, да? Вроде той, на которой попалась бедная Вилла в прошлом месяце. — Не в силах больше сдерживаться, Магрис расплылся в радостной улыбке, явно довольный собой до чрезвычайности. — Можете доложить господину Ме-

раджо, что мое чувство достоинства не улетучивается при виде белого железа. Я не запятнаю честь его банкирского дома участием в подобных розыгрышах. Надеюсь, вы не забудете передать ему мои наилучшие пожелания?

Локк не раз в жизни испытывал разочарование, поэтому сейчас довольно легко подавил желание перемахнуть через конторку и придушить Магриса. Внутренне вздохнув, он скользнул взглядом по сторонам — и вдруг увидел самого Мераджо, стоящего в одной из лож второго яруса и пристально смотрящего в зал.

На Джанкане Мераджо был распахнутый сюртук самого модного фасона, с яркими обшлагами и блестящими серебряными пуговицами. И сюртук, и бриджи, и шейные платки были красивейшего темно-синего цвета — цвета неба перед самым часом Лже-света. Выглядел костюм неброско, но столь богато и изысканно, что каждый сразу понимал, каких огромных денег он стоит. Локк опознал владельца банка по орхидее, приколотой к груди справа, — это было единственное приметное украшение, которое всегда носил Мераджо: свежая орхидея, ежеутренне срезавшаяся для него в саду.

Мераджо был заметно ниже советников и секретарей, толпившихся у него за спиной, а значит, примерно одного роста с Локком. И телосложение имел такое же сухощавое.

План возник из ниоткуда — просто вторгся в мысли подобно абордажной команде, стремительным натиском захватывающей корабль. В мгновение ока он всецело завладел Локком, ясный и простой, как мычание коровы. Локк приятно улыбнулся Магрису и сказал уже без талишемского акцента:

— Вы слишком умны для меня, господин Магрис. Слишком умны. Примите мои поздравления: вы правильно сделали, что ответили отказом на мою просьбу. Не беспокойтесь, я сейчас же доложу лично Мераджо о вашей похвальной стойкости. Несомненно, он отдаст должное и вашей проницательности. А теперь разрешите откланяться...

4

С задней стороны здания находилась служебная дверь, через которую доставлялись продукты в кухню и кладовые. Она открывалась в небольшой холл, где передыхали между сменами пода-

вальщики: новичкам позволялось прерваться лишь на пять-десять минут, старшим же работникам на отдых и еду отводилось целых полчаса. У двери, лениво привалившись к стене и скрестив руки на груди, стоял единственный охранник. При виде приближающегося Локка он встрепенулся:

— По какому делу?

— Да так, ничего особенного. Просто хотел потолковать с кем-нибудь из подавальщиков или кухонных распорядителей.

— Тебе здесь не общественный парк. Ступай гулять в другое место.

Будь другом. — Локк протянул охраннику солон, словно чудом появившийся в руке. — Я ищу работу, вот и все. Хочу поговорить с кем-нибудь из подавальщиков или распорядителей, которые сейчас свободны. А остальных отвлекать не стану.

— Уж постарайся. — Монета исчезла в кармане охранника. — И смотри долго там не задерживайся.

Локк вошел в невзрачный холл с низким потолком, пропитанный застойными кухонными запахами. Здесь с полдюжины подавальщиков стояли вприслонку к стене или прохаживались взад-вперед. Один или двое из них прихлебывали чай, остальные просто наслаждались минутами досуга. Быстро окинув всех оценивающим взглядом, Локк выбрал мужчину примерно своего роста и сложения и решительно подошел к нему.

Мне нужна ваша помощь, — негромко произнес он. — Дело на пару минут, плачу пять крон.

— Ты кто такой, черт возьми?

Локк схватил руку подавальщика и сунул в ладонь беложелезную монету. Мужчина отдернул руку, потом посмотрел, что в ней лежит. Его глаза предприняли попытку вылезти на лоб.

— Выйдем, поговорить надо, — сказал Локк.

— Конечно-конечно, — живо согласился подавальщик, лысоватый брыластый человек лет тридцати пяти.

Они вышли в переулочек и остановились футах в сорока от охранника, вне пределов слышимости.

— Я работаю на герцога. — приглушенным голосом сообщил Локк. — У меня срочное послание для Мераджо, но в своей одежде мне показываться в банке нельзя... по некоторым причинам. — Он помахал под носом у подавальщика пустыми листами, туго свернутыми трубкой.

— Давайте я передам, — предложил тот.

— У меня приказ: лично в руки, и никак иначе. Мне необходимо подняться наверх, не привлекая к себе внимания. Дело займет не больше пяти минут. Плачу пять крон, как я уже сказал. Белым железом, прямо сейчас. Мне надо переодеться подавальщиком.

— Черт, — расстроился мужчина. — Обычно у нас в чулане всегда валяется запасная форменная одежда... черные куртки там, фартуки. Мы могли бы подобрать что-нибудь для вас. Но сегодня, как назло, постирочный день. Все отослали к прачкам, ничего не осталось.

— Ну как же не осталось? На тебе надего ровно то, что мне нужно.

— Но погодите... это невозможно...

Локк снова схватил руку подавальщика и сунул в нее остальные четыре кроны:

— У тебя хоть раз в жизни лежали в кармане такие деньги?

— О Двенадцать, нет, — прошептал мужчина. Он облизал пересохшие от волнения губы и после короткого колебания кивнул. — Что я должен сделать?

— Просто следуй за мной. Управимся легко и быстро.

— У меня есть минут двадцать. Потом мне надо вернуться на рабочее место.

— Не беспокойся. Я сообщу Мераджо, что ты помог нам обоим. У тебя не будет никаких неприятностей.

— Э-э... хорошо. А куда мы идем?

— Здесь рядом, за углом. Нам нужна гостиница.

Через улицу от банкирского дома находилась гостиница «Отрадная сень» — сравнительно чистая, дешевая, без особых удобств, предназначенная для народа попроще: курьеров, студентов, писцов и разных мелких служащих. Она представляла собой двухэтажное здание с открытым внутренним двором, построенное на манер особняка эпохи Теринского владычества. Посреди двора росла высокая олива, нежно шелестевшая листвой в лучах солнца.

— Комната с окном, на день, — отрывисто сказал Локк, бросая на стойку несколько монет.

Хозяин гостиницы торопливо вышел из-за стойки с ключом в руке и проводил двоих мужчин в девятый номер на втором этаже.

Вся обстановка комнаты состояла из двух складных кроватей и небольшого шкафа. Единственное окно было затянуто промасленной бумагой. Хозяин «Отрадной сени» с поклоном удалился,

не промолвив ни слова. Держатели каморрских гостиниц, как правило, теряли всякое любопытство относительно своих постояльцев при виде серебра, выложенного на стойку.

— Как тебя величать? — Локк затворил дверь и задвинул щеколду.

— Бенжавьер, — ответил подавальщик. — А вы... э-э... вы точно уверены, что все пройдет гладко?

Вместо ответа Локк достал кошелек и вложил его в руку Бенжавьеру:

— Здесь еще две полные беложелезные кроны сверх того, что ты уже получил. И немного золота и серебра в придачу. Мое слово стоит дорого — и ты можешь оставить кошелек у себя в качестве залога, пока я не вернусь.

— Боги мои, — пролетел Бенжавьер. — Все это так... странно. Чем же я заслужил столь невероятную милость небес?

— У богов свои цели, для нас непостижимые, — ответил Локк. — Ну так что, приступим к нашему делу?

— Да-да, конечно...

Бенжавьер торопливо развязал тесемки и кинул фартук Локку. Потом принялся стаскивать куртку и штаны. Локк стянул с головы бархатный берет.

— О, да вы седой совсем, — удивился Бенжавьер. — Хотя по лицу не скажешь.

— Я всегда выглядел моложе своих лет, слава богам. Ценное качество для человека, работающего на герцога. Мне нужны и твои башмаки тоже — мои совсем не подходят к этому великолепному паряду.

Мужчины проворно разделлись и обменялись вещами. Уже через минуту Локк стоял посреди комнаты в черном форменном костюме подавальщика, с повязанным поверх него малиновым фартуком. Бенжавьер, в одном исподнем, сидел на кровати, перекидывая из руки в руку кошелек.

— Ну? Как я выгляжу?

— Превосходно. В точности как подавальщик.

— Вот и славно. А ты, со своей стороны, выглядишь вполне состоятельным человеком. Ладно, запишись и жди меня, я скоро вернусь. Стукну в дверь ровно пять раз, ясно?

— Как день.

Затворив за собой дверь, Локк сбегал по лестнице, торопливо пересек двор и вышел на улицу. Не желая лишний раз показы-

ваться на глаза охраннику у служебного входа, он вернулся к банкирскому дому длинным путем, чтобы войти через переднюю дверь.

— Тебе не полагается ходить здесь, — строго сказал охранник со справочной книгой, когда Локк ворвался в холл, весь красный и потный от быстрой ходьбы.

— Знаю, прошу прощения. — Локк помахал свернутыми в трубку бумагами. — Меня послали принести эти документы одному из юристов, обслуживающих особо важных клиентов.

— О, тогда извини. Не будем тебя задерживать, проходи.

Уже в третий раз за день Локк вошел в полный народа Общественный зал и стал пробираться через толпу, не привлекая ничего внимания. Он ловко проскальзывал между хорошо одетыми посетителями и предупредительно уступал дорогу подавальщикам с накрытыми серебряными подносами, не забывая по-свойски кивать, когда они проходили мимо. Через пару минут он нашел, что искал: двоих охранников, стоявших у стены в глубине зала и тихо разговаривавших друг с другом.

— Срочное дело, господа! — выпалил Локк, приблизившись к ним: каждый из парней весил по крайней мере фунтов на семьдесят больше его. — Кто-нибудь из вас знает некоего Бенжавьера? Он один из нас, подавальщиков.

— Ну, в лицо знаю, — ответил один из охранников.

— У него крупные неприятности. Сейчас малый в «Отрадной сени», и он только что попался на одной из проверок Мераджо. Мне велели немедленно доставить Бенжавьера сюда, а вас двоих взять себе в подмогу.

— Что за проверка такая?

— Да вы знаете. Наподобие той, какую недавно устроили Вилле.

— А, той служащей из Общественного зала. Бенжавьер, говоришь? И что же он натворил?

— Поддался на подкуп, и Мераджо, мягко выражаясь, недоволен. Так что нам лучше поторониться.

— Э-э... конечно, конечно.

— Давайте через заднюю дверь.

Локк шагал рядом с охранниками, успешно создавая видимость, будто уверенно направляется к черному ходу, хотя на самом деле он просто следовал за ними по извилистым служебным коридорам и через кухонные помещения. Когда трое мужчин наконец

достигли заднего холла, Локк немного обогнал своих спутников и вышел на улицу первым, небрежно помахав рукой охраннику, скучающему на посту. В глазах у того не появилось ни проблеска узнавания — оно и понятно: здесь работали десятки подавальщиков, и посторонний человек мог довольно долго выдавать себя за одного из них, не вызывая никаких подозрений, а Локку много времени и не требовалось.

Уже через несколько минут он пять раз громко постучал в девятый номер «Отрадной сени». Едва Бенжавьер приоткрыл дверь, Локк сильным толчком распахнул ее настежь и вошел в комнату, приняв такой же суровый и властный вид, с каким выступал перед Сальварой в образе Полуночника.

— Это была проверка на преданность. Бенжавьер, — произнес он, холодно глядя на подавальщика. — Проверка, которую ты не прошел. Держите его, парни!

Охранники двинулись к полуодетому бедняге, ошеломленно вытаращившему глаза.

— Но... я не... но вы же сказали...

— Твоя работа состоит в том, чтобы обслуживать клиентов банкирского дома Мераджо и хранить верность господину Мераджо. Моя же работа заключается в том, чтобы находить и наказывать людей, недостойных доверия хозяина. Ты продал мне свою форменную одежду, черт побери! — Локк сгрэб с постели беложелезные кроны и ссыпал обратно в кожаный кошелек. — Я мог бы быть вором. Или насмным убийцей. А ты предоставил мне возможность пройти напрямик к господину Мераджо переодетым в подавальщика.

— О боги... да вы шутите, должно быть... ушам своим не верю!

— Разве эти люди похожи на шутников? Извини, Бенжавьер, ничего личного, но ты принял неправильное решение. — Локк придержал дверь. — Давайте, ребята, ведите его в банк, да поживее.

Бенжавьер яростно забрыкался, рыча и скуля:

— Нет, нет... не надо! Я всегда верно служил...

Локк схватил мужчину за подбородок и пристально посмотрел в глаза:

— Будешь сопротивляться, вырываться, орать и устраивать шум, все выйдет за пределы банкирского дома, ясно? Тогда мы позовем стражников, и тебя в цепях потащат во Дворец Терпения. А у господина Мераджо там много друзей. Рассмотрение твоего

дела запросто может затянуться на несколько месяцев. Тебе наверняка придется сидеть в «паучьей клетке» и думать о своем преступлении аж до зимних дождей. Я внятно излагаю?

— Да! — прорыдал Бенжавьер. — О боги, я прошу прощения, низжайше прошу прощения...

— Тебе не передо мной нужно извиняться. Ладно, парни, давайте быстро отведем малого обратно в Дом. Господин Мераджо хочет поговорить с ним.

Локк шагал впереди, за ним следовали охранники, крепко держа под руки Бенжавьера, по-прежнему плачущего в три ручья, но уже покорного и безмолвного. Локк решительно прошел в задний холл мимо опарашенного охранника и рывкнул;

— Все вон отсюда! Живо!

Несколько подавальщиков возмущенно встrepенулись, но при виде полуголого Бенжавьера, зажатого между двумя охранниками, мигом смекнули, что что-то очень неладно, и поспешно покинули помещение.

— Оставайтесь с ним здесь, — велел Локк. — Я схожу за господином Мераджо, и мы через пару минут придем. Гоните всех отсюда. Пускай подавальщики пока отдыхают в каком-нибудь другом месте.

— Эй, что тут происходит? — спросил охранник служебного входа, заглядывая в дверь.

— Если ты дорожишь своей работой, смотри в оба за переулком и никого не пропускай, — повелительно промолвил Локк. — Сейчас сюда спустится Мераджо, и он будет сильно не в духе, так что лучше не лезть ему на глаза.

— Пожалуй, он правду говорит, Лаваль, — проговорил один из парней, державших несчастного Бенжавьера.

— Э-э... конечно, конечно... — Охранник ретировался.

— Что же до тебя... — Локк подступил вплотную к Бенжавьеру. — Как я уже сказал, ничего личного. И мой тебе совет: не пытайся хитрить и вилить. Мераджо на ложь не покупается, уже не раз доказано. Просто признайся как на духу, будь честным. Ты меня понимаешь?

— Да... — пролепетал Бенжавьер, давась рыданиями. — Да, умоляю вас... Я сделаю все, что прикажете...

— А делать ничего и не нужно. Но если ты надеешься на снисходительность и сочувственное понимание господина Мераджо, тебе следует во всем чистосердечно признаться. Никаких уверток и отговорок, ясно?

– Да... да, конечно...

– Стойте здесь, я мигом ворочусь.

Локк круто повернулся и двинулся к двери. Покидая холл, он позволил себе довольно ухмыльнуться: охранники, державшие Бенжавьера, теперь выглядели такими же испуганными, как и бедный подавальщик. Странно все-таки, насколько легко подчинить себе людей одними только повелительными заманками. Локк прошел через кухни, прошагал по запутанным служебным коридорам и снова оказался в Общественном зале.

– Господин Мераджо все еще наверху? – спросил он первого же попавшегося охранника. И опять с деловым видом помахал скрученными трубкой бумагами.

– Насколько я знаю, да, – ответил парень. – Сдастся мне, сейчас он на третьем этаже, принимает доклады.

– Премного благодарен.

Кивнув двум охранникам, стоявшим у подножья широкой чугунной лестницы, Локк стал подниматься по ступенькам. Форменная одежда подавальщика, похоже, давала немалые привилегии, но для пущей убедительности он держал на виду скрученные в трубку листы.

Быстро обшарив взглядом второй этаж и не найдя там намеченной жертвы, Локк поднялся выше.

Джанкана Мераджо находился на третьем этаже, как и сказал охранник. Стоял там у медной ограды, неподвижным взглядом глядя в Общественный зал и краем уха слушая своих счетоводов, которые зачитывали с восковых табличек цифры, ничего не говорящие Локку. Телохраниителей рядом с Мераджо видно не было, – должно быть, в пределах своего коммерческого царства он чувствовал себя в полной безопасности. Тем лучше. Наслаждаясь собственной дерзостью, Локк подошел к банкиру и встал чуть позади в ожидании, когда его заметят.

Счетоводы и служащие начали перешептываться, и уже через несколько секунд Мераджо повернулся. Он устремил на Локка тяжелый взгляд, не сулящий ничего хорошего, и тотчас подозрительно прищурился:

– Ты у меня не работаешь.

– Привет вам от капы Разы, – промолвил Локк негромким, почтительным голосом. – Я должен довести до вашего сведения нечто важное, господин Мераджо.

Несколько мгновений владелец банкирского дома пристально смотрел на него, потом снял очки и положил в карман.

— Так, значит, это правда. Я слышал, что Барсави разделил участь всего земного... И теперь новый капа присылает ко мне своего холоуя. Очень любезно с его стороны. Что ему от меня нужно?

— Интересы моего хозяина в известном смысле совпадают с вашими, господин Мераджо. Я здесь для того, чтобы спасти вашу жизнь.

Мераджо презрительно фыркнул:

— Вряд ли моей жизни что-нибудь угрожает, мой неуместно одетый друг. Я нахожусь в своем банкирском доме, и любой охранник здесь отрежет тебе яйца по одному моему слову. На твоём месте я бы уже начал объяснять, откуда у тебя форменный костюм.

— Я его купил у одного из ваших подавальщиков, некоего Бенжавьера, — ответил Локк. Я знал, что он проявит сговорчивость, потому как он участвует в заговоре с целью вашего убийства.

— Кто, Бен? Какие у тебя доказательства, черт подери?

— По моему распоряжению двое ваших охранников сейчас удерживают Бенжавьера, полуголого, в заднем холле.

— Что значит — по твоему распоряжению? Ты кем себя вообразил?

— Капа Раза поручил мне спасти вашу жизнь, господин Мераджо. Я говорю совершенно серьезно. Что же до того, кто я такой... получается, я ваш спаситель.

— Мои охранники и подавальщики...

— Недостойны доверия, — перебил Локк. — Вы слепой, что ли? Я же не у старьевщика купил форменный костюм. Нет, я спокойно вошел через служебную дверь, предложил пару крон, и ваш Бенжавьер выпрыгнул из одежды на раз-два. — Локк прищелкнул пальцами. — А охранник у двери пропустил меня еще за меньшие деньги — за один-единственный солон. Ваши люди не железные, господин Мераджо. И вы сильно переоцениваете их преданность вам.

Медленно краснея лицом, владелец банка уставился на Локка с таким видом, будто вот-вот его ударит. Вместо этого, однако, он кашлянул и слегка развел руками:

— Хорошо. Сообщите мне ваши важные сведения, а дальше я сам решу, что делать.

— Ваши счетоводы так и напирают на меня сзади. Отошлите их прочь, чтобы мы могли поговорить наедине.

— Не указывай, что мне делать в собственном...

— Я буду вам указывать, черт возьми, а вы будете меня слушаться, — раздраженно произнес Локк. — Потому что я ваш телохранитель, господин Мераджо. Вам грозит смертельная опасность, и счет идет на минуты. Вам уже известно про одного продажного подавальщика и одного нерадивого охранника. Может, вы все-таки позволите мне наконец позаботиться о вашей безопасности?

— С чего вдруг капа Раза забеспокоился за меня?

— Ваше личное благополучие, скорее всего, несколько не интересует моего хозяина. Но вот безопасность вашего банкирского дома чрезвычайно важна для него. Представители веррарских коммерческих кругов, желающие привести Каморр в упадок, замышляли убить вас. Раза пришел к власти всего четыре дня назад. Ваша насильственная смерть потрясет город до основания. Паук и городская стража возьмутся за наших людей, пытаясь найти убийцу. Капа просто не может допустить, чтобы с вами приключилось несчастье. Как и герцог Никованте, он должен поддерживать спокойствие и порядок в Каморре.

— А откуда твой хозяин узнал о заговоре?

— Подарок богов, так сказать. Канины агенты случайно перехватили несколько писем, занимаясь совсем другим делом. Прошу вас, отошлите прочь своих счетоводов.

Мераджо немного подумал, потом что-то буркнул и раздраженно махнул рукой своим служащим. Они понялись, испуганно вытаращив глаза.

— Для вашего убийства наняли очень опасного человека, — приглушенно проговорил Локк. — Лашенца, вооруженного арбалетом, над которым вроде бы поработал картенский маг. Он совершенно неуловим и почти никогда не промахивается. Вам, вероятно, будет лестно узнать, что за вашу голову назначено вознаграждение в десять тысяч крон.

— Все это, знаете ли, в уме не укладывается, любезный... — Мераджо вопросительно поднял брови.

— Мое имя не имеет значения, — сказал Локк. — Давайте сейчас спустимся в холл за кухнями. Вы сами сможете поговорить с Бенжавьером.

— В холл за кухнями? — Мераджо нахмурился. — Но могу ли я быть уверен, что ты сам не пытаешься заманить меня туда, чтобы прикончить?

— Господин Мераджо, вы одеты в шелк и бархат, а не в кольчугу. Я добрых десять минут стою рядом с вами. Если бы мой хо-

зяин желал вашей смерти, ваши кишки уже давно валялись бы здесь на ковре. Я не жду от вас благодарности и даже не стараюсь вам понравиться, но, богов ради, уразумейте же наконец, что мне приказано охранять вас, а приказы капы Разы не обсуждаются.

— Хм... Звучит убедительно. А новый капа что, такой же грозный правитель, каким был Барсави?

— Барсави умер, скуля и рыдая у ног Разы. Барсави и все его отпрыски. Выводы делайте сами.

Мераджо снова нацепил очки, поправил орхидею на груди и заложил руки за спину:

— Ладно, пойдем в задний холл. Я за тобой.

5

Бенжавьер и охранники позеленели от страха, когда в холл следом за Локком стремительно вошел Мераджо. Похоже, они лучше Локка угадывали настроение хозяина, и сейчас выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Бенжавьер! — прогремел Мераджо. — Бенжавьер, я просто поверить не могу! После всего, что я для тебя сделал... после того, как взял тебя на работу и утряс твои неприятности с капитаном корабля, где ты служил раньше... У меня нет слов!

— Простите меня, господин Мераджо... — пролепетал бедный подавальщик, чьи щеки были мокрее скатной крыши в грозу. — Простите, я не хотел ничего дурного...

— Не хотел ничего дурного? Так, значит, этот человек говорит истинную правду?

— Да, простите меня боги! Да, господин Мераджо, все чистая правда! Я виноват, я страшно раскаиваюсь... умоляю вас...

— Молчать, черт тебя подери!

Мераджо стоял с отвисшей челюстью, словно человек, внезапно получивший пощечину. Он огляделся по сторонам с таким опешелым видом, будто впервые оказался в этом холле, будто ливрейные охранники были не людьми вовсе, а некими чужеземными существами. Казалось, сейчас он пошатнется и упадет навзничь. Однако Мераджо огромным усилием воли сумел справиться с собой и, стиснув кулаки, резко повернулся к Локку.

— Расскажи все, что знаешь, — прорычал он. — Клянусь богами, все замешанные в этом деле узнают на собственной шкуре, что у меня длинные руки!

— В первую очередь главное, — сказал Локк. — Вы должны дожить до завтрашнего утра. Ваши личные комнаты находятся на четвертом этаже, верно?

— Да.

— Нам нужно немедленно туда подняться. Заприте этого негодяя в кладовой, здесь у вас наверняка найдется кладовая с надежным запором. Вы разберетесь с ним позже, когда опасность минует.

Бенжавьер вновь разразился рыданиями, а Мераджо кивнул, с отвращением морщась.

— Отведите его в сухую кладовую и заложите дверь засовом. Вы двое будете сторожить там. А ты...

Охранник служебного входа, снова заглянувший в холл, густо покраснел.

— Если ты еще раз пропустишь сюда кого-нибудь постороннего, хотя бы дитя малое, я прикажу отрезать тебе яйца и взамен них вставить раскаленные уголья. Ясно?

— Д-да... ясно, господин Мераджо, с-сударь...

Мераджо круто развернулся и широким шагом покинул холл. Теперь Локк шел следом, едва за ним поспевая.

6

Личные комнаты Джанканы Мераджо, как и его костюм, производили впечатление роскоши и одновременно изысканной скромности. Этот человек явно считал, что лучшими украшениями — в одежде ли, в убранстве ли помещений — служат дорогие материалы и высочайшее качество работы.

Обитая железом дверь со щелчком закрылась, и зубья веррарского шестеренчатого замка с лязгом вошли в гнезда. Мераджо и Локк оказались наедине. В изящных водяных часах на лакированном столе как раз наполнилась доверху чаша, означавшая час дня.

— Итак, господин Мераджо, — отрывисто произнес Локк, — вам ни в коем случае нельзя покидать свои комнаты, пока мы не схватим убийцу. По нашим предположениям, он появится здесь между часом и четырьмя пополудни.

— С этим возникнут трудности, — сказал Мераджо. — Я все-таки должен следить за ходом работы. Мое отсутствие внизу сразу заметят.

— Не обязательно, — возразил Локк. — Вам не пришло в голову, что мы с вами почти одинакового роста и телосложения? И что одного человека, стоящего в тени на верхней галерее, легко принять за другого?

— То есть... ты предлагаешь переодеться мной?

— Из перехваченных писем мы узнали об одном обстоятельстве, играющем нам на руку. У убийцы нет подробного описания вашей внешности. Он просто получил приказ застрелить единственного в банке человека с крупной орхидеей на груди. Если я в вашем костюме, с приколотой к груди орхидеей, встану на вашем обычном месте на галерее, арбалетная стрела, предназначенная вам, полетит в меня.

— Гм... честно говоря, мне непонятна твоя жертвенная готовность занять мое место, если ваш убийца и шрянь никогда не промахивается.

— Прошу прощения, господин Мераджо, но я, должно быть, недостаточно ясно все объяснил. Во-первых, если я не сделаю этого для вас, мой хозяин в любом случае меня убьет. Во-вторых, уворачиваться от объятий Повелительницы Долгого безмолвия я умею гораздо ловчее, чем вы можете представить. И наконец, за ваше спасение мне обещано столь щедрое вознаграждение... знаете, на моем месте вы бы тоже согласились испытать судьбу.

— И что же прикажешь мне делать тем временем?

Просто отдыхайте здесь, за крепко занертой дверью. Займите себя чем-нибудь на пару часов. Полагаю, нам не придется долго ждать.

— А что будет, когда убийца выпустит стрелу?

— Неловко признаться, но сейчас в банкирском доме находится еще по меньшей мере полдюжины капиных людей... вы только не расстраивайтесь, прошу вас. Некоторые из ваших сегодняшних клиентов — не клиенты вовсе, а самые опытные и сильные бойцы капы Разы, умеющие действовать быс гро и бесшумно. Как только убийца выстрелит, они мигом на него набросятся. Он даже не успеет понять, кто на него напал — наши молодцы или ваши охранники.

— А если ты окажешься не настолько проворен, как думаешь? И стрела попадет в цель?

— Тогда я умру, а вы останетесь живы, и мой хозяин будет доволен, — ответил Локк. — Поступая на службу, мы тоже приносим клятву верности, господин Мераджо. Во исполнение присяги, данной капе Разе, я готов принять смерть. Итак, каково будет ваше решение?

В половине второго пополудни Локк Ламора вышел из комнат Мераджо, одетый в прекраснейший костюм из всех, что он носил когда-либо в жизни: камзол, жилет и бриджи цвета вечернего неба (который, по мнению Локка, был ему очень к лицу). Белую шелковую сорочку, приятно холодившую кожу, словно вода осенней реки, он самолично выбрал в гардеробной Мераджо, как и чулки, шейные платки, перчатки и башмаки. Волосы Локк гладко зачесал назад и смазал розовым маслом; флакон масла сейчас покоился у него в кармане вместе с кошельком золотых тириннов, стянутым из верхнего ящика комода. Орхидея, приколотая на груди справа, все еще хранила благоуханную свежесть и источала сладковатый аромат, похожий на запах малины.

Счетоводы и немногочисленные охранники, посвященные в историю с переодеванием, почтительно сложили голову, когда Локк степенно вошел в галерею на четвертом этаже и нацепил на нос очки Мераджо. Впрочем, очки Благородный Каналья тотчас же снял и положил обратно в карман камзола, мысленно обругав себя за тупоумие: ведь в образе Лукаса Фервайта он носил фальшивые очки, с простыми стеклами, а в настоящих, рассчитанных на слабое зрение, он ни черта не видел, перед глазами все расплывалось. Это нужно запомнить на будущее.

Спокойно и неторопливо, будто действуя по условленному плану, Локк приблизился к чугунной лестнице и стал спускаться вниз. Издалека он и впрямь походил на Мераджо в достаточной степени, чтобы не привлекать особого внимания. Оказавшись в Общественном зале, Локк запагал в сторону служебного коридора с таким уверенным видом, что и здесь лишь несколько человек посмотрели ему вслед с легким недоумением. Перед входом в кухню он сорвал с груди орхидею и сунул в карман.

Подойдя к сухой кладовой, Локк коротко кивнул двоим охранникам и ткнул большим пальцем через плечо:

— Господин Мераджо велел вам встать у служебной двери, с Лавалем рядом. Никого не впускать, как он сказал. Вы сами старика слышали: если что — раскаленные угли взамен яиц. Мне надо допросить Бенжавьера.

Охранники переглянулись и кивнули. Оба уже настолько уверились во властных полномочиях Локка, что беспрекословно подчинились бы, даже предстань он перед ними в дамском нижнем

белье. Похоже, в прошлом Мераджо не раз прибегал к помощи тайных агентов для проверки порядка в своем учреждении, и сейчас Локк извлекал выгоду из их репутации.

Локк быстро вошел в кладовую и прикрыл за собой дверь. Обомлевший от страха пленник даже не шелохнулся, когда Локк бросил ему кошелек. Увесистый кожаный мешочек ударил Бенжавьеру прямо в глаз, и бедняга с воплем отпрянул к стене, закрыв лицо ладонями.

— Черт! — сказал Локк. — Извини, я думал, ты поймаешь.

— Что еще вам от меня надо?!

— Я пришел извиниться. Нет времени вдаваться в объяснения. Прости, что втянул тебя в неприятности, но у меня были свои причины... обстоятельства вынудили поступить так.

— Втянул в неприятности?.. — Бенжавьер осекся. Несчастный подавальщик шумно хлюпнул носом и истерически проорал: — Вы о чем вообще говорите?! Что происходит? Что вы наврали про меня господину Мераджо?

— У меня, повторяю, нет времени входить в объяснения. В кошельке шесть крон, частично тиринами, чтоб было легче разменять. Если ты останешься в Каморре, за твою жизнь я не дам и ломаного медяка. Беги из города через сухонутные ворота. Забери мою одежду в «Отрадной сени», вот ключ от комнаты.

На сей раз Бенжавьер поймал брошенный ему предмет.

— Все, больше никаких вопросов, — сказал Локк. — Сейчас я схвачу тебя за ухо и выведу на улицу. А ты сделай вид, будто напуган до смерти, ясно? Как только мы зайдем за угол и скроемся из виду, я тебя отпущу. Если тебе дорога жизнь, ты стрелой помчишься в «Отрадную сень», переоденешься там и со всех ног рванешь из города. Отправляйся в Талишем или Ашмир. Денег, что я тебе дал, там хватит на год безбедного существования. При желании сможешь даже открыть какое-нибудь свое дело.

— Но я не...

— Либо мы вдвоем сейчас выходим отсюда, — перебил Локк, — либо я оставляю тебя на верную смерть. Способностью выбирать правильное решение обладает не каждый, и похоже, у тебя такой нет. Ну что ж, извини за беспокойство.

Минуту спустя Локк провел подавальщика через задний холл, держа за ухо особой, очень болезненной хваткой, хорошо известной любому городскому стражнику. Бенжавьер вполне убедительно рыдал и молил о пощаде. Трое охранников у служебной двери

не обнаружили не малейшего сочувствия к несчастному, когда Локк протасил его мимо них.

— Вернусь через пару минут, — бросил Локк. — Господин Мерджо велел поговорить с ним один на один.

— Богов ради, спасите меня от него! — душераздирающе возопил Бенжавьер. — Он же меня изуечит!.. Умоляю вас!..

Охранники лишь рассмеялись в ответ, хотя Лаваль, запятнавший себя мелким издомством, выглядел не особо веселым. Локк провел горемычного Бенжавьера по переулку, а как только они завернули за угол, отпустил его и оттолкнул.

— Беги! — велел он. — Беги во всю мочь. У тебя есть еще минут двадцать, пока они сообразят, в какую глубокую лужу сели. А тогда в погоню за тобой отправят суровых ребят. Давай, беги!

Бенжавьер ошарашенно уставился на него, потом потряс головой и шаткой поступью двинулся в сторону «Отрадной сени». Теребя фальшивый ус, Локк с минуту смотрел вслед бедняге, а затем повернулся и растворился в толпе. Солнце палило нещадно, и Благородный Каналья обильно потел в своем великолепном поворе. Но на губах у него играла довольная улыбка.

Он шагал на север, к Двусеребряному парку. Там, совсем рядом с южными воротами парка, находилась лавка галантерейных товаров для знатных господ, а в соседнем квартале торговали черные алхимики, не знавшие Локка в лицо. Нужно купить растворитель для клея, чтобы избавиться от усов, а также средство, восстанавливающее натуральный цвет волос... Тогда он снова превратится в Лукаса Фервайта и сможет нанести визит супругам Сальвара, дабы выудить у них из кармана еще несколько тысяч крон.

Глава 14

ТРИ ПРИГЛАШЕНИЯ

1

— Ах, Лукас! Донья София, лучезарно улыбаясь, встретила гостя у двери особняка, из которой лился в ночь мягкий желтый свет. Шел уже одиннадцатый час. Покончив со своими делами в банкирском доме и посетив пару лавок, Локк до самого вечера просидел в укрытии, но еще днем он отправил к супругам Сальвара посыльного с запиской, где сообщалось, что Фервайт сегодня нанесет им поздний визит.

— Надолго же вы пропали! — сказала она. — Мы хоть и получили записку от Грауманна, но все равно уже начали волноваться за наше деловое предприятие... и за вас самого, разумеется. У вас все в порядке?

— Счастлив видеть вас снова, донья Сальвара. Да, у меня все в порядке, благодарю за заботу. На минувшей неделе мне пришлось с утра до вечера вести переговоры с разными сомнительными личностями, но теперь все уладилось наилучшим образом. Один корабль полностью снаряжен, осталось только погрузить товар; мы сможем отплыть в ближайшие же дни. А второй корабль вот-вот переидет в наше распоряжение.

— Входите же, Лукас, прошу вас! Не стойте на пороге, будто посыльный! Конте, подай нам какую-нибудь легкую закуску. О, знаю! Принеси-ка моих апельсинов, из нового урожая. Мы будем в частной гостиной.

— Слушаюсь, сударыня. — Конте пристально посмотрел на Локка, слегка прищурив глаза, и натянуто улыбнулся. — Господин Фервайт... Надеюсь, ны в добром здравии?

— О да, Конте, благодарю.

— Превосходно. Я вернусь через минуту.

Почти во всех каморрских особняках рядом с холлом было две гостиные: общая и частная. Первая служила для деловых встреч с незнакомыми людьми и различных официальных приемов. Обычно в ней царил холодная, безликая роскошь и безупречная чистота — хоть с ковра ешь. Частная же гостиная предназначалась для близких друзей, и вся обстановка там, удобная и уютная, отражала вкусы и пристрастия хозяев дома.

Донья София провела Локка в частную гостиную, где находилось четыре кожаных набивных кресла с высокими спинками, похожие на троны. Вместо привычного маленького столика здесь возле каждого кресла стояло горшечное деревце, чуть выше спинки. В комнате витал аромат кардамона, исходивший от листьев.

Локк пригляделся к растениям повнимательнее. Деревца были не молодые, как показалось сначала, а просто миниатюрные: листья размером с ноготь, стволы обхватом с мужское запястье, ветки толщиной с палец. В кроне каждого деревца была установлена деревянная полочка и висел алхимический шар. Легкими прикосновениями София зажгла фонари, и комната наполнилась янтарным светом и зеленоватыми тенями. Причудливые узоры, отброшенные листвой на стены, завораживали и умиротворяли. Локк провел пальцами по мягким, тонким листьям ближайшего деревца:

— Ваши творения бесподобны, донья София. Даже с точки зрения человека, хорошо знакомого с работой наших мастеров-растениеводов. Нам больше интересуют практическая польза, плодовитость... Вы же творите чудеса от избытка вдохновения.

— Благодарю вас, Лукас. Присаживайтесь, пожалуйста. Выращивание миниатюрных растений средствами алхимии — древнее искусство, которым я с удовольствием занимаюсь на досуге. И как вы можете заметить, от моих деревец есть и практическая польза. Впрочем, они не самое большое чудо в этой комнате — я вижу, вы стали одеваться по каморрской моде!

— Ах вот вы о чем! Ну... один из ваших торговцев платьем, похоже, проникся ко мне сочувствием и предложил такую цену, что я просто не смог отказаться. Я впервые задержался в Каморре на столь долгий срок, вот и решил заодно попробовать наряжаться на здешний манер.

— Великолещный костюм!

— Да-да, — подтвердил дон Сальвара, который как раз вошел в комнату, на ходу застегивая манжеты камзола. — Гораздо луч-

ше вашей черной тюремной одежды. Не поймите меня неправильно — для северного климата она самое то, наверно, но здесь выглядит так, будто пытается задушить до смерти своего несчастного хозяина. Ну, рассказывайте, дорогой Лукас. Как там тратятся наши деньги?

— Один галеон уже точно наш, — доложил Локк. — Команда набрана, товар закуплен. Завтра-послезавтра я самолично прослежу за погрузкой, и корабль сможет отплыть на следующей неделе. Я уже почти договорился насчет второго галеона, который тоже в считанные дни будет готов к отплытию.

— Если я не ошибаюсь, — заметила София, — «почти договорился» не совсем то же самое, что «точно наш».

— Вы не ошибаетесь, донья София. — Локк вздохнул и принял такой вид, будто ему страшно неловко снова поднимать щекотливый вопрос. — Тут возникли непредвиденные обстоятельства... Капитану второго судна поступило соблазнительное предложение доставить особый груз в Балинель — путешествие довольно долгое, но и платят за него немало. И он пока что не дал мне утвердительного ответа.

— Полагаю, чтобы капитан согласился на наше предложение, понадобится еще несколько тысяч крон? — спросил дон Лоренцо, усаживаясь подле супруги.

— Боюсь, что именно так, мой дорогой дон Сальвара.

— Хм... О, вот и Конте! Знаете, давайте обсудим дело чуть позже, Лукас. Мне не терпится похвастаться новыми достижениями своей жены.

Конте принес три серебряные чаши на медном подносе. В каждой лежала половинка апельсина, нарезанная таким образом, чтобы кусочки мякоти можно было извлекать из сердцевины маленькой двузубой вилочкой. Слуга поставил чашу с вилочкой и положил льняную салфетку на полку в деревце справа от Локка. Супруги Сальвара выжидающе смотрели на гостя, пока Конте обслуживал их самих.

Огромным усилием воли подавив тревогу, Локк взял чашу, подцепил вилочкой ломтик мякоти и положил на язык. Он изумленно поднял брови, когда во рту у него разлилось приятное покалывающее тепло, как от крепкого хмельного напитка.

— Ба! Плод пропитан каким-то ликером, чрезвычайно приятным на вкус. Апельсиновым бренди? С лимонной ноткой?

— Не пропитац, Лукас. — Дон Лоренцо совсем по-мальчишески ухмыльнулся, с неподдельной гордостью. — Эти апельсины

поданы в своем природном виде. Выведенное Софией дерево само вырабатывает хмельные соки и насыщает ими плоды.

— Святые Сущности! — воскликнул Локк. — Какой удивительный гибрид! Насколько мне известно, такого с цитрусовыми еще никто не проделывал.

— Я добилаась желаемого результата всего пару месяцев назад. — улыбнулась София. — Апельсины первых урожаев совершенно не годились для угощения. Но последний урожай, похоже, удался. Осталось провести еще ряд исследований — и продукт можно смело пускать в продажу.

— Мне хотелось бы назвать его именем Софии, — сказал дон Лоренцо. — Каморрский апельсин София — алхимическое чудо, которое ввергнет в уныние веррарских виноторговцев.

— Я бы предпочла какое-нибудь другое название. — София шутливо хлопнула мужа по запястью.

— Наши мастера-растениеводы будут в восторге не только от ваших апельсинов, но и от вас самой, сударыня, — учтиво промолвил Локк. — Я же говорил, что наше сотрудничество может оказаться куда более плодотворным, чем мы предполагали. Ваше поразительное умение видоизменять любое и всякое растение... Мне думается, сегодня для будущей репутации дома бель Аустеров вы могли бы сделать больше, чем старинные эмберленские традиции.

— Вы мне льстите, господин Фервайт. Но давайте не будем считать корабли, пока они не пришли в порт.

— Действительно, — кивнул дон Лоренцо. — И кстати, упоминание о кораблях возвращает нас к разговору о наших делах. Боюсь, у меня для вас огорчительная новость, Лукас. Право, даже стыдно говорить... В общем, в последние дни меня постиг ряд неудач. Один из моих должников не выполнил свои долговые обязательства на крупную сумму, и несколько моих деловых предприятий оказались далеко не такими успешными, как я ожидал. Короче, в настоящее время наше денежное положение оставляет желать лучшего, и вложить еще несколько тысяч крон в наше совместное предприятие мы едва ли сможем.

— О!.. — проговорил мнимый Фервайт. — Это... это и впрямь огорчительно.

Он отправил в рот очередной ломтик апельсина и высосал из него хмельной сок, терпкость которого помогла ему скривить губы в подобии улыбки, хотя улыбаться ну совсем не хотелось.

Служитель Азы Гийи крадучись двигался по Берегу Отбросов, перескальзывая из тени в тень с осторожной кошачьей грацией, неожиданной для человека столь крупного телосложения.

В вечернем воздухе разливался тонкий туман. Стояла тяжелая жара, душная и влажная. Пот ручьями струился по лицу Жана под частой серебряной сеткой Скорбного лика. Каморрцы по вековому опыту знали, что две недели перед летним солнцеворотом и Днем Перемен — самые знойные в году. Поодаль от берега тускло светили уже знакомые желтые фонари; до слуха доносился плеск воды и крики людей на борту «Сатисфакции», которые подтягивали к кораблю лодку с очередным благотворительным грузом.

Что именно переправляют на чумное судно, так и оставалось для Жана загадкой, и он не видел иного способа выяснить что-нибудь наверное, кроме как напасть на грузчиков — но о столь решительной мере, разумеется, не могло быть и речи. Поэтому сегодня Жан решил сосредоточить внимание на одном из складов, расположенном неподалеку от причалов.

Отбросы еще не сравнялись с Зольником по степени разрухи и запустения, но быстро шли к такому же упадку. Ветхие полуразвалившиеся здания опасно кренились под разными углами, и казалось, будто весь квартал медленно, но верно тонет в своего рода болоте из прелого дерева и битого кирпича. С каждым годом сырость все сильнее разъедала известковый раствор, скреплявший камни здешних стен; с каждым годом все больше законопослушных предпринимателей бежало отсюда в другие кварталы, и все больше трупов — наспех спрятанных под горами мусора или вообще не спрятанных — обнаруживалось на здешних улицах.

Рыская по кварталу в своих черных священнических одеяниях, Жан заметил один склад, возле которого вот уже несколько ночей кряду сновали взад-вперед люди Разы. При свете дня строение казалось таким же заброшенным, как и все соседние здания, но по ночам оно оживало: в окнах почти до самого рассвета горел свет, из дверей выходили грузчики с увесистыми мешками на плечах, и пару раз подкатывали телеги.

Но сегодня ничего подобного не наблюдалось. Складское здание, где еще вчера вечером кипела деятельность, сегодня было темным и безмолвным. Сегодня оно всем своим видом подстегивало любопытство, и Жан твердо вознамерился разведать тайные дела капы Разы, пока Локк распивает чай со знатью.

Чтобы выполнить задуманное любым из возможных способов, требовались терпение, бдительность и крайняя осторожность. Жан несколько раз обошел склад широким кругом, укрываясь в тени при виде любого прохожего и зажимая серебряную маску под мышкой, чтоб не отблескивала. В густой темноте легко спрятаться даже очень крупному человеку, а уж ходить бесшумной поступью Жан умел.

Покружив вокруг склада, он удостоверился, что ни на окрестных улицах, ни на крышах соседних зданий никаких наблюдателей нет. «Ну, если только они не скрываются так искусно, что мне нипочем не увидеть», — подумал он, прижимаясь всем телом к кожной стене строения.

— Аза Гийя, помоги мне, — чуть слышно пробормотал Жан, медленно приближаясь к одной из дверей склада. — Если ты сейчас не снизойдешь к моим мольбам, я не смогу вернуть это прекрасное облачение и серебряную маску твоим слугам.

Дверь оказалась не только не заперта, но еще и приоткрыта. Жан снова надел серебряную маску, вытащил свои топорики и спрятал в правом рукаве, чтоб были наготове, но оставались незаметными на случай, если он столкнется с человеком, который обмирает от благоговейного страха при одном только виде жреца Азы Гийи.

Дверь тихо скрипнула, и уже мгновение спустя Жан стоял внутри, прижавшись спиной к стене возле нее. Он зорко всматривался сквозь сетчатую маску в темноту, напрягал слух и принюхивался. К ожидаемому запаху влажной земли и гнилой древесины примешивался еще какой-то странный запах — пережженного металла, что ли.

Застыв на месте, Жан несколько долгих минут прислушивался, не раздастся ли какой звук. Ничего, лишь где-то в отдалении поскрипывают и вздыхают корабли на якоре да шумит Ветер Палача, летящий с моря. Левой рукой Жан достал из-под одеяния алхимический шар (почти такой же, какой брал с собой в Гулкую Нору), резко встряхнул пару раз, и фонарь загорелся. При мертвенно-белом свете шара стало видно, что склад представляет собой одно огромное помещение. У дальней стены валялись грудой сломанные трухлявые перегородки, — вероятно, там раньше находилась складская контора. Пол был земляной, хорошо утоптаный: в углах и возле стен лежали кучи мусора, некоторые из них были накрыты кусками парусины.

Жан плотно прижимал фонарь к животу, направляя свет только вперед и сам оставаясь почти невидимым во мраке. На осмотр склада он собирался потратить минут пять от силы.

Медленно двигаясь к северной стене, Жан ощутил еще один запах и весь передернулся от отвращения. Что-то здесь разлагалось и гнило. Тухлое мясо? Но запах был тошнотворно-сладковатый, и Жан все понял еще прежде, чем обнаружил труны.

Они лежали в северо-восточном углу помещения, под куском парусины. — трое мужчин и женщина, все в нижних рубашках, бриджах, грубых башмаках и кожаных перчатках. Поначалу Жан удивился, но потом заметил у них на руках татуировки. По давней традиции каморрские наемные мастеровые выкальвали на плече или запястье символы своего ремесла. Дыша ртом, чтобы не чувствовать смрада, Жан немного передвинул труны и как следует разглядел татуировки. Кто-то убил двух зеркальчиков и двух златокузнецов. У троих мужчин были колотые раны, но вот у женщины... у нее на восковой, бескровной щеке багровели два вздутых рубца.

Жан со вздохом накрыл тела парусиной, а в следующий миг заметил у себя под ногами что-то блестящее. Опустившись на колени, он поднял крошечный округлый кусочек стекла, похожий на каплю, растекшуюся и застывшую на земле. Посветив туда-сюда алхимическим шаром, он увидел еще несколько десятков таких же стеклянных капелек, рассыпанных вокруг трунов.

Аза Гийя, — прошептал Жан, — я украл одеяние твоих слугителей, но эти люди пред тобой ни в чем не виноваты. Поскольку, кроме меня, некому помолиться за упокой их души, я смиренно прошу тебя: не суди строго несчастных, принявших скорбную смерть и нашедших последнее пристанище в столь презренном месте. Многохитрый Страж, если ты поддержишь мою мольбу, я буду безмерно тебе благодарен.

Внезапно двери в северной стене здания со скрипом распахнулись. Жан хотел было отпрыгнуть назад, но тотчас передумал: раз уж он не успел погасить свой фонарь, сейчас для него лучше остаться в образе величавого священника Азы Гийи.

Меньше всего он ожидал увидеть здесь сестер Беранджа.

Черина и Райза были в непромокаемых плащах, но с откиннутыми капюшонами, и акульки зубы на серебряных головных сетках контрареквизит поблескивали в свете Жанова алхимического шара. Каждая из сестер тоже держала в руке алхимический шар. Обе одновременно встряхнули свои фонари, и по всему помеще-

нию разлился яркий красный свет. Казалось, будто женщины держат в ладонях живой огонь.

— Какой любознательный священник, — промолвила одна из них. — Добрый вам вечер.

— Служители вашего ордена редко появляются в подобных местах без приглашения, — добавила другая.

— Место и вид смерти для нас, служителей Азы Гийи, не имеет значения. — Жан посветил фонарем на тела под парусиной. — Здесь было совершенно злодеяние, и я читал заупокойную молитву, коей заслуживает каждая душа, переходящая в Долгое безмолвие.

— О, злодеяние! Ну что, предоставим священнику заниматься своим делом? А, Чернна?

— Нет, — ответила та. — Поскольку в последние дни его дела странным образом соприкасаются с нашими.

— Ты права, сестра. Столкнись мы с ним раз-другой, списали бы это на случай. Но святой отец весьма настырен.

— Да, настырен до чрезвычайности. — Сестры медленно приближались к Жану, довольно скалясь, словно кошки, загнавшие в угол уже покалеченную мышь. — Сначала на нашем причале, теперь в нашем складе...

— Вы хоть понимаете, что собираетесь чинить помехи посланнику Повелительницы Долгого безмолвия, самой Богине Смерти? — спросил Жан с колотящимся сердцем.

— Чинить помехи — наше ремесло, — сказала одна из женщин. — Мы нарочно оставили двери незапертыми — на случай, если тебе захочется сунуть сюда нос.

— Надеялись, что ты не устоишь против такого искушения.

— И мы сами много чего знаем о Всемилостивейшей госпоже.

— Тоже верно служим ей, хотя и немного не так, как ты.

Красные отблески заиграли на обнаженной стали: обе сестры выхватили из-за пояса изогнутые кинжалы в локоть длиной — воровские зубы, с которыми Маранцалла познакомил Жана много лет назад. Близнецы Беранджа продолжали медленно приближаться.

— Ладно, милые дамы, раз уж с любезностями покончено, долой этот маскарад! — Жан бросил наземь свой алхимический светильник, откинул капюшон и сорвал маску с лица.

— Таннен! — ахнула одна из сестер. — Вот черт! Так, значит, ты не сбежал из города через Виконтовы ворота?

Сестры Беранджа на миг застыли на месте, а потом одновременно двинулись в сторону, заходя к нему слева и отдаляясь друг

тысяч крон. Тем более что в свое время многим из них я тоже оказывал подобные услуги.

— Фух... У меня точно гора с плеч свалилась, сударь и сударыня. Я рад слышать, что ваши нынешние неприятности не разрушат наших планов. И стыдиться здесь нечего, уверяю вас. Уж кто-кто, а представители дома бель Аустеров хорошо знают, что такое денежные затруднения.

— Я поговорю со своими возможными работодателями в ближайший Праздный день... который, кстати, в этом году совпадает с Днем Перемен. Вам доводилось когда-нибудь присутствовать на официальном праздновании по случаю Дня Перемен, Лукас?

— Увы, нет, дон Лоренцо. Я еще ни разу прежде не посещал Каморр в пору летнего солнцеворота.

— В самом деле? — София посмотрела на мужа, вскинув брови. — Почему бы нам не пригласить Лукаса с собой на праздник к герцогу?

— Превосходная мысль! — Дон Лоренцо лучезарно улыбнулся Локку. — Раз уж мы все равно не можем отправиться в путь, пока я не достану еще несколько тысяч крон, почему бы вам не стать нашим гостем, Лукас? Там соберется вся каморрская знадь, все влиятельные особы из Нижнего города...

— По крайней мере все, кто в настоящее время пользуется благосклонностью герцога, — уточнила София.

— Да, разумеется, — кивнул дон Лоренцо. — Правда, Лукас, пойдемте с нами! Торжество состоится в Вороновом Гнезде. Герцог открывает двери своего дворца лишь раз в году — в День Перемен.

— Ваше приглашение — неожиданная честь для меня, сударь и сударыня. Я бы с превеликой радостью воспользовался вашим гостеприимством, но боюсь, как бы это не помешало моей работе в наших общих интересах.

— Ах, бросьте, Лукас! — воскликнул дон Лоренцо. — До праздника еще целых четыре дня, а вы сами сказали, что проследите за погрузкой товара на первый галеон уже завтра-послезавтра. Отдохните немного от трудов, не упустите редкую возможность побывать на пиру у герцога. София будет развлекать вас, пока я веду переговоры насчет займа со своими друзьями. А получив на руки деньги, мы уже через несколько дней сможем отправиться в путь, верно? Если, конечно, вы поставили нас в известность обо всех осложнениях.

— Да, господин Сальвара. Закавыка со вторым галеоном — единственное осложнение, возникшее у нас, не считая вашей... гм...

временной неплатежеспособности. В любом случае груз, предназначенный для отправки в Балинсьель, прибудет в город только на следующей неделе. Удача и Святые Сущности снова благоволят нам.

— Значит, решено? — Донья София взяла мужа за руку и улыбнулась. — Вы пойдете с нами в Вороново Гнездо?

— Привести на торжество к герцогу необычного, интересного гостя считается своего рода честью, — доверительно сказал дон Лоренцо. — Так что вы премного обяжете нас своим согласием.

— Ну что ж, если это доставит вам удовольствие... — проговорил Локк. — Боюсь, я не большой любитель пышных празднеств, но ради вас готов отвлечься от своих дел на один вечер.

— Вы не пожалеете, Лукас, — пообещала София. — Уверена, все мы будем с удовольствием вспоминать герцогский пир, когда отпиривимся в плавание.

4

В ближнем бою в известном смысле легче иметь дело с полудюжиной противников, чем с двумя. Двое не станут толкаться, мешая друг другу нападать и наносить удары, особенно если они обладают навыком слаженных действий. А уж если кто в Каморре и умел сражаться в паре, так это близнецы Беранджа.

Вращая в руках топорики и внимательно следя за женщинами в ожидании, когда одна из них сделает первый выпад, Жан оценил свои незначительные преимущества. Он не меньше десятка раз видел Черину с Райзой за работой в Плавучем цирке и на Плавучей Могиле. Возможно, это ему особо не поможет, поскольку он все-таки не акула, но это хоть что-то.

— Говорят, в бою ты хорош, — сказала та сестра, что слева, и одновременно с этим та, что справа, бросилась вперед, держа один нож повыше, для защиты, а другим замахиваясь снизу, чтобы пырнуть в живот.

Отпрыгнув в сторону, Жан отбил удар ножа своим левым топориком, а правым попытался садануть противницу по голове. Но она успела вскинуть второй клинок, и топорик с лязгом отскочил от стальной гарды. Как и следовало опасаться, женщина оказалась невероятно проворна. Ну ладно... Жан со всей силы пиуль ее в левое колено — нехитрый прием, с помощью которого он в своей жизни сломал десятки коленных чашечек.

Невесть каким образом предугадав его намерение, противница молниеносно вскинула согнутую ногу, и удар пришелся ей в голень, лишив равновесия, но особого вреда не причинив. Жан широко замахнулся, готовясь обрушить топорики на падающую женщину, но она обратила свое падение в стремительное вращение с мощным выбросом правой ноги и пяткой шарахнула Жана в лоб с такой силой, что у того из глаз искры посыпались.

Шоссон. Ну конечно. Как же он ненавидит этот вид боевого искусства!

Жан отшатнулся, и лишь годами выработанный инстинкт спас его от смертельного прямого удара, при котором нож вошел бы под ложечку по самую рукоять. Он резко опустил топорики перед собой лезвиями внутрь (дон Маранцалла шутливо называл этот прием «крабьими клешнями») и бойком правого зацепил и дернул в сторону клинок, нацеленный ему под ребра. Женщина такого явно не ожидала, и Жан, воспользовавшись секундным замешательством противницы, долбанул ее в шею бойком второго топора. Толком размахнуться он не успел, но удар все равно получился довольно сильным. Закашлявшись, Беранджа понятилась, и перед Жаном внезапно снова оказалось несколько футов свободного пространства. Он сделал шаг назад, еще на ярд увеличивая расстояние между собой и противницами. Стена у него за спиной была уже совсем близко, но в тесном бою топорики значительно уступают ножам, и Жану требовалось пространство для размаха.

Едва первая сестра начала отступать, вперед кинулась вторая, и Жан тихо чертыхнулся сквозь зубы. Стоя спиной к стене, он лишает женщин возможности напасть на него спереди и сзади одновременно, но и сам лишается возможности бежать — а сестры могут атаковать поочередно: пока одна переводит дух, другая продолжает изматывать противника.

Взревев от ярости, полыхнувшей в нем с новой силой, Жан метнул оба топорика во вторую Беранджа. Хотя и застигнутая врасплох, она все же успела отскочить в сторону с проворством, в котором несколько не уступала сестре, и топорики пролетели мимо — лишь один из них слегка задел волосы. Впрочем, Жан особо и не рассчитывал поразить цель. С вытянутыми руками он бросился на женщину — когда противники сходятся на расстояние поцелуя, против «воровских зубов» вернее всего действовать голыми руками. Беранджа выставила вперед кинжалы, уверенная в своей скорой победе, однако она недооценила ловкость и проворство Жа-

на, каковую промашку часто совершали люди, прежде не имевшие с ним дела. Ценко схватив контрареквиваллу за запястья, Жан рывком развел ей руки в стороны. Как он и ожидал, женщина резко занесла ногу назад, собираясь его шутить.

Стиснув пальцы у нее на запястьях еще крепче, Жан рванул противницу на себя и со всей силы ударил лбом прямо в нос. Раздался тошнотворный хруст, и горячая кровь брызнула на черное священническое облачение. «Надеюсь, Аза Гийя в конечном счете простит мне это случайное оскорбление», — мелькнуло у Жана в уме. Не давая женщине опомниться, он схватил ее всей пятерней за лицо и отшвырнул прочь — словно толкатель ядра на древне-теринских состязаниях. Она отлетела на сестру, едва успевшую опустить свои ножи, чтоб ее не поранить, и обе Беранджа рухнули навзничь на трупы, накрытые парусиной.

Жан бросился к своим топорикам, валявшимся посреди склада, подхватил их, крутанул в руках и быстро расстегнул застежку на горле. Пока сестры поднимались на ноги и приходили в себя, он успел скинуть на пол священническое одеяние.

Близнецы Беранджа опять медленно приближались к нему, держа друг от друга на расстоянии футов десяти, и обе выглядели несколько удрученными. «Боги мои, — подумал Жан, — ведь для большинства мужиков сломанный нос самый что ни на есть веский повод, чтобы дать деру». Но сестры продолжали наступать, злобно посверкивая глазами. Жутковатый смешанный свет алхимических фонарей — двух красных и одного белого — четко обрисовывал силуэты женщин, держащих ножи наготове.

Ладно, по крайней мере, теперь у него есть пространство для боя.

Ни словом не перемолвившись, близнецы Беранджа разом кинулись на врага — четыре кинжала блеснули в воздухе. На сей раз Жана спасла именно отработанная слаженность их действий. Он мигом понял, что одна из них попытается обманым движением отвлечь его внимание, а другая тем временем нанесет смертельный удар. Женщина, что слева — со сломанным носом, — бросилась вперед за долю секунды до того, как то же самое сделала ее сестра. Жан молниеносно отразил выпад левым своим топориком и тотчас отскочил в сторону, преграждая путь той Беранджа, что нападала справа, и одновременно замахиваясь на другую, стремительно прыгнувшую туда, где он находился долей секунды ранее. Боек топорика с влажным хрустом проломил череп, и женщина тяжело упала наземь, выронив ножи из уже безжизненных рук.

Вторая контрареквиалла испустила пронзительный вопль, и Жан чуть не пал жертвой собственной оплошности, ибо в рукопашной схватке за всяким отвлекающим приемом следует смертоносный удар. Пока он замахивался правым топориком, противница яростно рубанула обоими кинжалами. Один клинок он сумел отразить, но второй преобильно полоснул по груди справа, вспоров кожу и мышцы. В следующий миг Беранджа пинком в живот опрокинула Жана и прыгнула на него, с горящими лютой ненавистью глазами. Он со всей силы оттолкнул ее ногами, и она, хрипло хакнув, отлетела назад и рухнула навзничь. Острая боль пронзила правое плечо Жана, и левое бедро обожгло как огнем. Черт, проклятая контрареквиалла успела-таки всадить кинжалы. На бедре у него зияла глубокая рана. Жан застонал. Нужно скорее заканчивать схватку, иначе он умрет от кровопотери, если не от руки оставшейся в живых сестры.

Беранджа уже вскочила с пола. О боги, какая же она прыткая! Жан с трудом поднялся на колени, задыхаясь от жгучей боли в резаной ране на груди. Он чувствовал, как по животу и ногам струится теплая жидкость, вместе с которой истекало время его жизни. Женщина снова ринулась вперед, держа наготове зловеще поблескивающие кинжалы, и Жан сделал свой последний ход.

Поскольку в раненой правой руке у него уже не осталось силы для хорошего замаха и швырка, он просто кинул топорик снизу вверх, целясь в лицо противнице. Столь слабый бросок не представлял не то что смертельной, а и вообще никакой опасности, но Беранджа на секунду остановилась, и этой секунды оказалось достаточно. Вторым топориком Жан с бокового замаха рубанул ее по правому колену — раздался сладостный для его слуха хруст, — а мгновение спустя глубоко всадил лезвие в левую коленную чашечку. Сильно пошатнувшись, женщина попыталась ударить Жана обоими ножами, но он успел отпрыгнуть в сторону. Клинок просвистел у него над самым ухом, а контрареквиалла с диким воплем повалилась ничком.

Жан несколько раз перекатился вправо — и правильно сделал. Когда он кое-как встал, держась за окровавленную грудь, оставшаяся в живых сестра Беранджа ползла к нему с кинжалом в правой руке.

— Ты истекаешь кровью, Таннен. Ты не доживешь до утра, чертов каналья.

— Благородный Каналья, — поправил Жан. — Да, может, и не доживу. Но знаешь, что я тебе скажу? Кало и Галдо Санца сейчас смеются над тобой, тварь.

Он занес левую руку и метнул топорик, вложив в бросок всю свою силу и ненависть. Лезвие врезалось женщине прямо между глаз. С ошеломленным выражением она упала ничком и распласталась на полу, словно тряпичная кукла.

Не теряя времени, Жан схватил свои топорики, накинул на себя плащ одной из сестер и низко надвинул капюшон. Голова у него кружилась, и он ощущал все признаки кровопотери, увы, известные ему не понаслышке. Оставив тела сестер валяться на земляном полу в свете алхимических фонарей, Жан неверной поступью вышел в темноту. Он обойдет стороной Котлище, где на каждом шагу подстерегает опасность, и пройдет через северную окраину Дровяной свалки. Главное — добраться до Зольника, а там будет Ибелиус, и у Ибелиуса наверняка найдется какое-нибудь целебное средство.

Но если собачий лекарь полезет к нему со своими вонючими припарками, Жан все пальцы паршивцу переломает.

5

Поздним вечером донья Ворченца сидела в своем любимом кресле в кабинете на самом верху Янтарного Кубка, хмуро глядя на стопку последних письменных донесений. В них сообщалось о кровавых расправах, продолжавшихся после прихода Серого короля к власти: в заброшенных зданиях находили все новые тела убитых воров. Ворченца раздраженно потрясла головой: меньше всего подобные беспорядки нужны ей сейчас, когда многолетняя деятельность по розыску и поимке Каморрского Шипа наконец вошла в решающую стадию. Раза изобличил и изгнал из города добрую дюжину ее шпионов, что само по себе внушало глубокую тревогу. Ни один из них о других агентах не знал, а значит, либо все они оказались не настолько хитрыми и ловкими, как она полагала, либо Раза обладал невероятной проницательностью. Или же среди ее людей, что рангом выше уличных лазутчиков, завелся предатель.

Проклятье! И почему спрашивается, новый капа просто изгнал разоблаченных шпионов, а не убил на месте? Пытался избежать

вражды с ней? Коли так, в попытке своей он не преуспел. Пора уже поставить Разу на место – послать на встречу с ним Стефана и для вящей убедительности еще сорок-пятьдесят чериокурточников.

Защелкал механизм хитроумного замка, и дверь кабинета отворилась. Донья Ворченца не ждала Стефана сегодня вечером. Вот удача! Сейчас она все обсудит со своим помощником...

Но в кабинет вошел не Стефан Рейнарт.

А темноглазый мужчина с резкими чертами худого лица и темными волосами, сильно тронутыми сединой на висках. Был он в сером камзоле, серых бриджах, серых чулках, серых башмаках и серых же перчатках. Лишь небрежно повязанные шейные платки кроваво-алели у него на груди. И он вошел в закрытый для всех посторонних кабинет доньи Ворченцы как к себе домой.

Сердце у старой графини бешено заколотилось. Она прижала руку к груди и ошеломленно уставилась на незнакомца. Незванный гость не только умудрился отомкнуть дверь, не получив арбалетной стрелы в спину, но еще и привел с собой сообщника – мужчину помоложе, лысоватого и светлоглазого, тоже одетого во все серое, но с ярко-красными обшлагами на рукавах камзола.

– Кто вы такие, черт возьми? – рявкнула донья Ворченца, и на мгновение ее надтреснутый старческий голос обрел былую силу. Сжав кулаки, она встала с кресла. – Как вы сюда попали?

– Мы ваши покорные слуги, донья Ворченца, и пришли – хоть и с некоторым опозданием – засвидетельствовать вам свое почтение. Надеюсь, вы простите нас за невольную задержку: я был по горло занят делами своего маленького королевства.

– Вы говорите так, будто мне известно, кто вы такой, сударь. Я спросила ваше имя.

– У меня их несколько, – ответил мужчина, – но в настоящее время я зовусь капой Разой. А это мой помощник, величающий себя Сокольников. Что же до того, как мы попали в ваши чудесный кабинет...

Он взглянул на Сокольника, и тот поднял левую руку ладонью вперед. Рукав камзола немного сполз, и донья Ворченца увидела три широкие черные линии, вытатуированные у мужчины на запястье.

– О боги! – прошептала она. – Картенский маг!

– Совершенно верно, – кивнул капа Раза. – Вы меня простите, сударыня, но только искусство моего помощника могло заста-

вить ваших слуг проводить нас наверх, и только оно позволило нам проникнуть в ваше святилище, лишней раз вас не побеспокоив.

— Но теперь вы меня все-таки побеспокоили, — резко промолвила графиня. — Извольте объяснить, зачем вы явились?

— Мы решили, что нам настало время побеседовать с герцогским Пауком.

— О чем вы говорите? В башне живу я одна, и, кроме моих слуг, здесь больше никого нет.

— Вот именно. Поэтому вам нет необходимости лукавить перед нами.

— Боюсь, вы глубоко заблуждаетесь на мой счет, — ледяным голосом произнесла донья Ворченца.

— Да ну? А что там за бесчисленные бумаги в шкафах позади вас? Кулинарные рецепты? А докладные записки на столике у кресла? Неужто Стефан Рейнарт ежедневно оповещает вас о последних веяниях каморрской моды — новых покроях и расцветках платьев? Бросьте, сударыня. У меня есть самые разные источники сведений, и я отнюдь не дурак. Любые дальнейшие ваши попытки отпираться я истолкую как умышленное оскорбление.

— А я принимаю за оскорбление ваше непрошеное присутствие здесь, — отчеканила старая графиня после короткой паузы.

— Я рассердил вас, донья Ворченца, и за это низжайше прошу прощения. Но есть ли у вас возможность выразить своей гнев действием? Все ваши слуги спят мирным сном. Ваш Рейнарт и все Полночники сейчас на другом конце города — суют нос в мои дела. Мы с вами одни здесь, донья Ворченца, — так почему бы нам не побеседовать в учтивом тоне? Я ведь пришел для серьезного и уважительного разговора с вами.

Несколько мгновений старая графиня холодно смотрела на него, потом махнула рукой в сторону одного из кресел:

— Присаживайтесь, господин Мститель. Боюсь, для вашего помощника равно удобного места здесь не найдется.

— Ничего страшного, — сказал Сокольник. — Я обожаю конторки.

Он уселся за конторку у двери, а Раза прошел через комнату и опустился в кресло напротив доньи Ворченцы.

— Ну и как, господин Мститель, вы свершили свою месть?

— О да, — весело откликнулся Раза. — И знаете, не врут люди: месть и впрямь сладка.

— Барсави чем-то досадил вам в прошлом?

— Ха! Очень даже досадила, да. Именно поэтому я убил двух его сыновей у него на глазах, а потом скормил самого Барсави акулам, которых он так любил.

— Что, какая-то старая вражда?

— Я целых двадцать лет мечтал погубить Барсави. И вот наконец мечта моя сбылась, и я занял его место. Мне жаль, если своими действиями я доставил вам... известное неудобство, но больше я не жалею ни о чем.

— Барсави был дурным человеком... жестоким и безжалостным преступником, — сказала донья Ворченца. — Но он обладал острым умом и понимал многие вещи, недоступные разумению прежних кап. Уговор, который мы с ним заключили, приносил выгоду обеим сторонам.

И было бы грех от него отказываться, — подхватил Раза. — При всей своей ненависти к Барсави я чрезвычайно высоко ценю Тайный уговор. Мне бы хотелось, чтобы он оставался в силе, и я отдал гарристам необходимые приказы на сей счет в первую же ночь, как пришел к власти.

— Да, мои соглядатаи сообщили мне. Но должна признаться, я надеялась узнать это от вас лично и несколько раньше.

— Меня задержали обстоятельства. Я с готовностью признаю, что показал себя не в лучшем свете, и хотел бы исправить первое впечатление, сложившееся у вас обо мне.

— Каким же образом?

— Я был бы счастлив присутствовать на празднике по случаю Дня Перемен, устраиваемом герцогом. Хорошо одеваться и прилично держаться в обществе я умею. Представить меня можно под любым именем, как господина с независимым состоянием. Уверяю вас, никто в Вороновом Гнезде меня не узнает. Мальчишкой я подолгу зачарованно глядел на Пять башен, и сейчас мне очень хочется засвидетельствовать свое почтение каморрской знати, хотя бы раз. Я приду не с пустыми руками, но с щедрым подарком — я уже придумал, каким именно.

— Вы просите от меня слишком много, кап Раза, — медленно проговорила донья Ворченца. — Мы с вами живем в разных мирах, и они не должны пересекаться. Я же не заявляюсь на ваши воровские кутежи.

— Зато в них участвуют ваши соглядатаи, — весело заметил Раза.

— Уже нет. Кстати, почему вы просто изгнали их из города? Ведь предательство в ваших кругах карается смертью. Почему же вы не перерезали глотки моим осведомителям?

— Вы предпочли бы, чтоб я их убил, донья Ворченца?

— Едва ли. Но меня интересуют ваши мотивы.

— Мне кажется, они вполне очевидны. Радея о собственной безопасности, я просто не считал нужным казнить ваших соглядатаев, как сделал бы Барсави. Я не хотел лишний раз сердить вас и решил выказать свое дружеское расположение к вам, сохранив всем им жизнь.

— Хм...

— Я несколько не сомневаюсь, донья Ворченца, что вы в ближайшее же время начнете внедрять новых шпионов в ряды моих людей. Милости прошу! Пусть победит хитрейший. Однако мы отвлеклись от предмета нашего разговора.

— Капа Раза, вы не производите впечатление человека, в беседе с которым нужно облекать свои соображения в деликатные слова, поэтому позвольте мне говорить прямо. Сотрудничать с вами, соблюдать Тайный уговор во благо всего Каморра — это одно дело. Я даже согласна встречаться здесь с вами в случае надобности — при условии, что вы будете являться только по моему приглашению. Но я просто не могу привести к герцогу человека вашего положения.

— Очень жаль, — посетовал капа Раза. — Однако ведь герцог принимает у себя Джанкану Мералжо, верно? Человека, не раз пользовавшегося услугами моих предшественников? Принимает и многих других торговых дельцов и денежных воротил, извлекающих выгоду из договоренностей с каморрскими шайками? Тайный уговор способствует обогащению всех представителей каморрской знати. В сущности, я служу им. Именно благодаря мне они набивают карманы деньгами. Неужели я настолько презренное существо, что мне нельзя тихонько постоять у столов с закусками и насладиться праздничным зрелищем? Прогуляться по Небесному саду и утолить свое любопытство?

— Капа Раза, вы пытаетесь играть на чувствительных струнах, которых во мне нет. Будь у меня мягкое сердце, я не была бы герцогским Пауком. Не хочу вас обижать, право слово, но скажу вам так: вы стали капой всего неделю назад и я еще только начинаю составлять о вас мнение. Для меня вы по-прежнему остаетесь незнакомцем, сударь. Вот если вы продержитесь у власти по меньшей

мере год, не допустите беспорядков среди Путных людей Каморра и ни разу не нарушите Тайного уговора... ну что ж, тогда можно будет подумать о вашей просьбе.

— Значит, вы отказываетесь пойти мне навстречу?

— Отказываюсь — во всяком случае, пока.

— Ах, — вздохнул Раза, — вы даже не представляете, как огорчили меня таким своим ответом. Я уже приготовил для знатных каморрцев подарки, которые не могут ждать до следующего года. Нижайше прошу меня извинить, сударыня, но я отказываюсь принять ваш отказ.

— Как прикажете вас понимать?

— Сокольник... Раза взглянул на своего помощника.

Наемный маг стоял за конторкой, держа писчее перо над чистым листом пергамента.

— Донья Ворченца, — произнес он, выводя на листе крупные округлые буквы. — Анжавеста Ворченца, если не ошибаюсь? Какое красивое имя... очень красивое и самое что ни на есть подлинное...

Сокольник быстро зашевелил пальцами левой руки, перебирая серебряную нить, и на пергаменте появилось странное серебристо-голубое свечение. Буквы, из которых складывались слова «Анжавеста Ворченца», загорелись призрачным огнем, и старая графиня, сидевшая в глубине комнаты, застонала и схватилась за голову.

— Мне жаль, что приходится прибегать к столь неприятным средствам убеждения, донья Ворченца, — промолвил Раза. — Но разве вы сами не видите, какую огромную услугу окажете герцогу, приведя меня к нему в качестве гостя? Вы же не хотите лишиться своего повелителя чудесных подарков, которые я жажду почтительнейше преподнести ему?

— Я... я не знаю...

— Нет, знаете, — возразил Сокольник. — Вы безмерно рады пригласить каца Разу на празднество по случаю Дня Перемен — и приглашаете с истинно дружеским радушием.

Буквы на пергаменте засияли еще ярче.

— Капа Раза, — медленно проговорила донья Ворченца, — вы... непременно... должны воспользоваться гостеприимством герцога.

— И вы решительно настаиваете, — продолжал маг. — Капа Раза просто обязан ответить согласием. Вы не примете отказа.

— Я... не приму... отказа.

— А я и не откажусь, — весело улыбнулся Раза. — Вы очень добры, донья Ворченца. Очень добры. Что же до моих подарков, так я хотел бы преподнести герцогу четыре превосходных изваяния. Без нужды отвлекать хозяина праздника я не стану: мои люди просто доставят скульптуры в Вороново Гнездо, при вашем содействии, и оставят где-нибудь там в сторонке. Мы обратим внимание герцога на них, когда он немного освободится.

— Как чудесно, — подсказал Сокольник. — Вы в восторге от предложения капы Разы.

— Я... в совершенном восторге... капа Раза. Очень похвально с вашей стороны.

— Да, именно что похвально. Вы правы. — Усмехнувшись, он встал с кресла и сделал знак Сокольнику.

— Донья Ворченца, произнес маг, — вы получили несказанное удовольствие от этой беседы. Вы с нетерпением будете ждать встречи с капой Разой в День Перемен и, конечно же, окажете ему всяческое содействие в доставке предназначенных герцогу подарков в Вороново Гнездо.

Он сложил вчетверо пергамент и сунул в карман камзола, а потом поводит в воздухе левой рукой, проворно перебирая пальцами серебряную нить.

Старая графиня несколько раз моргнула и глубоко вздохнула:

— Ах, капа Раза, неужто вы уже уходите? Беседа с вами доставила мне величайшее удовольствие.

— А я, со своей стороны, положительно очарован вами, донья Ворченца. — Раза поклонился на аристократический манер, изящно выставив вперед правую ногу. — Но дела не терпят отлагательства. Мне нужно заняться своими и предоставить вам заниматься вашими.

— Ну, значит, быть по сему, голубчик. — Графиня начала было подниматься с кресла, но Раза жестом остановил ее:

— Нет-нет, не трудитесь нас провожать. Мы сами найдем выход из вашей чудесной бапти. Прошу, возвращайтесь к своим делам, от которых мы оторвали вас.

— О, вы несколько мне не помешали! — заверила донья Ворченца. — Стало быть, до встречи в День Перемен? Вы принимаете мое приглашение?

— Да. — Капа Раза обернулся, уже у самой двери, и одарил графиню очаровательной улыбкой. — Я с радостью принимаю ваше приглашение. Увидимся в День Перемен, донья Ворченца, в Вороновом Гнезде.

Интерлюдия ДОЧЕРИ КАМОРРА

Первый настоящий переворот в преступном мире Каморра произошел почти за полвека до возвышения капы Барсави и явился прямым следствием несдержанного права некоего сводника по имени Тревор Варгас, а по прозвищу Лютый.

У Лютого Тревора было великое множество других прозвищ, заглазно употреблявшихся проститутками в притоне разврата, которым он заправлял. Сказать, что он был буйным, кровожадным безумцем, значило бы оскорбить чувства большинства буйных, кровожадных безумцев. Зачастую для своих подопечных Тревор представлял гораздо больше опасности, чем иные клиенты, платившие медью и серебром за свои жестокие развлечения с ними. Если он от чего и оберегал женщин, так только от собственных кулаков, за какую-то милость бедным шлюхам приходилось отдавать ему почти весь свой заработок.

И вот как-то раз одна проститутка, вконец замученная дурным обращением, вдруг решительно не пожелала участвовать в ежевечернем развлечении Тревора, которое заключалось в том, что она, стоя на коленях, услаждала его ртом и языком, а он нещадно драл ее за волосы, пока она не начинала выть в голос от боли. Еще не успев ни о чем подумать, женщина выхватила из-за лифа кинжал, всадила своднику в пах слева от мужского достоинства и резанула лезвием вправо. Кровь хлынула фонтаном, дикие вопли сотрясли воздух, но попытка Тревора свернуть шею взбунтовавшейся подопечной, как и последующая попытка обратиться в бегство, оказалась безуспешной, поскольку жизнь стремительно вытекала из него. Шлюха повалила своего хозяина (уже бывшего) на пол и уселась на него верхом, чтобы не дать уползти из комнаты. Силы

Лютого таяли с каждой секундой, и очень скоро он скончался, решительно никого своей смертью не огорчив.

На следующий вечер местный капа прислал замену Тревору. Проститутки встретили нового сводника милыми улыбками и тотчас же предложили бесплатно воспользоваться своими услугами. Поскольку вместо мозгов у мужика была кучка щебенки, он охотно согласился. Женщины проворно раздели его, обезоружили — и закололи кинжалами, набросившись со всех сторон. Происшествие это привлекло самое пристальное внимание капы, и на другой день он отправил шестерых головорезов навести порядок в мятежном притоне.

Но события приняли неожиданный поворот. Еще несколько артелей проституток избавились от своих сводников, и объединившиеся женщины засели в товарном складе на северной окраине Западни. Капины люди по прибытии туда обнаружили не шесть-семь перепуганных шлюх, как ожидали, а без малого две дюжины разъяренных женщин, успевших приобрести оружие на все деньги, какие сумели собрать.

Арбалеты замечательно уравнивают силы, особенно если бьют с близкого расстояния и неожиданно. Тех шестерых молодчиков больше никто не видел.

Так началась настоящая война. Капы, потерявшие сводников и шлюх, всячески старались исправить положение дел, но с каждым днем все больше и больше женщин присоединялось к бунтовщицам. Они наняли для своей защиты несколько других шаек, открыли «дома наслаждения» со своими порядками и стали в них работать. По уровню обслуживания новые бордели с уютными и удобными комнатами сильно превосходили пригоны, где по-прежнему верховодили мужчины, и клиенты потекли к дамам в новые заведения.

Много крови пролилось тогда. Были зверски убиты десятки проституток и дотла сожжено несколько борделей. Но женщины квитались с врагами не хуже любого капы в истории Каморра, и за смерть каждой почной жрицы расплачивался жизнью один из капиных людей. Меньше чем через год после убийства Лютого Тревова суровые дамы убедили последних сводников, не желавших терять источники заработка, прекратить сопротивление. Между капами и городскими шлюхами установилось шаткое перемирие, которое со временем переросло в устойчивое взаимовыгодное соглашение.

Каморрские проститутки разделились по территориальному признаку на два сообщества: Портовички забрали себе западную половину города, а Гильдейские лилии стали заправлять на восточной. В квартале же Западня, где работы было в избытке, мирно уживались представительницы обоих цехов. Дело продолжало процветать. Вскоре женщины перестали паниковать для своей защиты головорезов из других шаек и завели собственных надежных охранников. Конечно, ремесло проституток по-прежнему оставалось не самым приятным, но теперь они по крайней мере сами вели свои дела и могли требовать от своих клиентов соблюдения известных приличий.

Портовички и Гильдейские лилии полностью захватили каморрский рынок продажной любви и в обмен на обещание не участвовать ни в какой преступной деятельности получили право безжалостно пресекать любые попытки торговать женщинами, предпринимаемые за пределами двух своих цехов. Само собой разумеется, иные клиенты поначалу не считали нужным выполнять правила, установленные дамами: подчас они поднимали руку на шлюх, отказывались платить за услуги или грубо пренебрегали требованиями, касательными чистоплотности и трезвости. Таким нарушителям преподавались суровые уроки, и многие мужчины, к своему прискорбию, на опыте убедились, что принять грозный вид решительно невозможно, когда одна разгневанная шлюха держит твой шишак в зубах, а другая приставляет кинжал к пояснице.

Когда Венкарло Барсави истребил всех своих противников и стал единственным капой Каморра, даже он не посмел нарушить равновесие, установившееся между городскими шайками и двумя гильдиями проституток. Встретившись с представительницами Портовичек и Лилий, он согласился не покушаться на их относительную независимость, а они в свою очередь согласились выплачивать новому капе процент от прибыли — значительно меньший, чем взимался с других Путных людей.

Барсави сразу уразумел одну важную вещь, не доходившую до понимания большинства каморрских мужчин, и именно поэтому годы спустя нанял в телохранители сестер Беранджа. У него хватило ума понять, что недооценивать женщин Каморра — значит сильно рисковать здоровьем, а то и жизнью.

Глава 15

УКУС ПАУКА

1

— Вы можете пообещать мне, что на сей раз проявите больше осторожности, чем проявляли раньше? И чем проявил ваш друг Жан на минувшей неделе?

— Вы наш лекарь, господин Ибелиус, а не мать родная, — ответил Локк. — Как вам уже десять раз было сказано сегодня, я полностью готов — умом и телом — к посещению Воронова Гнезда. Я само воплощение осмотрительности.

— Ох, сударь, в таком случае не дайте мне боги когда-нибудь повстречать воплощение неосмотрительности!

— Да отвяжитесь вы от него, Ибелиус, — проворчал Жан. — Имейте совесть, не загоняйте под каблук человека, с которым пока еще не состоите в браке.

Он сидел на своем тюфяке, изможденный и весь встрепанный: отросшая темная щетина подчеркивала страшную бледность его лица. От полученных ран Жан едва не умер, и сейчас у него на груди, плече и бедре были толстые повязки.

— Лекари — существа полезные, — сказал Локк, поправляя обшлага камзола, в недавнем прошлом принадлежавшего Мералжо. — Однако в следующий раз, Жан, нам лучше заплатить подороже, но взять кого-нибудь помолчаливее.

— Ну знаете, сударь, тогда сами перевязывайте свои раны и ставьте припарки! — обиделся врач. — Хотя с таким же успехом вы двое можете прямо сейчас выкопать себе могилы и в них спокойно дожидаться своего неминуемого перехода в царство теней.

— Что вы, господин Ибелиус! — Локк взял старика за плечи. — Мы с Жаном невыразимо благодарны вам за помощь. Когда бы не ваше вмешательство, мы оба наверняка уже были бы мерт-

вы. Я щедро оплачу вам все дни, что вам пришлось провести с нами в этой дыре. В ближайшем времени я получу несколько тысяч крон и часть денег отдам вам. Вы уедете в дальние края и начнете новую жизнь весьма состоятельным человеком. А остальные деньги мы потратим на то, чтобы отправить на тот свет капу Рау. Выше голову, господин Ибелнус! Смотрите, как лихо Жан расправился с его сестрами.

— Но повторить такой подвиг я не в состоянии, — заметил Жан. — Поэтому ты и правда поосторожнее там, Локк. Я не смогу примчаться на помощь, если сегодня вечером что-то пойдет не так.

— Не сможете, ясное дело, но непременно попытаетесь, — пробурчал Ибелнус.

— Да не волнуйся, Жан. Обычная вечеринка у герцога с участием всех придворных и подданных, которые соберутся в стеклянной башне на высоте шестисот футов, — что там может пойти не так?

— Твой сарказм звучит неубедительно, — вздохнул Жан. — На самом деле ты в восторге от предстоящего приключения, верно?

— Ну разумеется, дружище. Цеппи плясал бы от радости, будь он жив. Я сыграю Лукаса Фервайта перед самым герцогом, черт побери, не говоря уже обо всех прочих наших знакомых аристократах — де Марре, Фелучча, старом Джаварризе... О Многохитрый Страж, это будет настоящая потеха! При условии, конечно, что я выступлю уснепно. Ну а через пару дней у нас появятся деньги, и мы сможем отомстить Рауе.

— Когда тебя ждут Сальвара?

— В начале третьего — а значит, мне нужно поторопиться. Жан, Ибелнус, как я выгляжу?

— В вас не признать человека, который совсем недавно лежал тут на болезном ложе, — ответил лекарь. — Надо отдать вам должное, вы искуснейший мастер своего дела. Чтобы преобразиться до полной неузнаваемости... я даже не представлял, что такое возможно.

— Мало кто представляет, господин Ибелнус, — сказал Жан. — И это играет нам на руку. Вы выглядите превосходно, господин Фервайт. Надеюсь, вы пойдете на Дюрону кружным путем?

— О боги, конечно! Я же не совсем сумасшедший. Пойду на север, через кладбища, потом через Тихий квартал. Не хотелось бы попасться кому-нибудь на глаза здесь, в Зольнике.

Несмотря на душную жару, Локк надел непромокаемый плащ, в котором Жан вернулся после встречи с сестрами Беранджа. Он избавится от плаща, когда достигнет Шепотного холма, а сейчас нужно скрыть от посторонних взглядов великолепный наряд. Человек в парадном костюме может привлечь нежелательное внимание каких-нибудь бродяг на глухих улочках Зольника.

— Ну все, пошел в Вороново Гнездо, — сказал Локк. — Увидимся позже. Отдыхай, Жан. Господин Ибелиус, прошу вас, окружите моего друга материнской заботой. Надеюсь вернуться с хорошими новостями.

Будет здорово, если вы вообще вернетесь, — проворчал старик.

2

День летнего солнцеворота, или День Перемен. Семнадцатое число месяца парфиса семьдесят восьмого года Алы Гийи по теринскому календарю. В День Перемен весь Каморр словно сошел с ума.

В округлой рыночной заводи раскинулась арена Плавучего цирка, несколько меньших размеров и не таких правильных очертаний, как во время обычных ежемесячных представлений. В центре ее находилась площадка для игры в ручной мяч, сооруженная из нескольких больших плоскопалубных барок, крепко связанных между собой канатами. Участники состязаний — все из простого люда — разбились на команды по цветам головных повязок, вслепую вытащенных из бочонка, и теперь с пьяным азартом дрались за мяч под вопли толпы, тоже полностью состоявшей из простолюдинов. Когда одна из команд забрасывала мяч, к игровой площадке подплывала лодчонка с пивной бочкой, и все до единого в этой команде получали по щедрой порции пива. Само собой, с течением времени игра становилась все более грубой и бесчестной. Игроки то и дело сталкивали друг друга в воду, откуда их вылавливали бдительные желтокурточники, никаким иным образом в происходящее не вмешивавшиеся.

В День Перемен на улицы Нижнего Каморра высыпали толпы простых горожан с пивными бочонками и винными мехами. Шумные людские потоки пересекались, сталкивались, сливались и разделялись. С высоты птичьего полета беспорядочное кружение народа по городским улицам походило на вращение крови в жилах хмельного гуляки.

В Западне царило бурное оживление. Праздник, точно огромная воронка, затягивал в себя чужеземных моряков и прочих гостей города, которые уже через пару часов каморрского радушия были не в состоянии отличить собственную задницу от уха. Не многие корабли покинут порт завтра, ибо у матросов с переноя не будет сил даже флаг поднять, не говоря уже о парусах.

В Котлище, Скопище и Отбросах подданные капы Разы славляли щедрость своего нового правителя, велевшего выкатить на улицы десятки и десятки телег с бочками дешевого красного вина. Люди, слишком бедные или слишком ленивые, чтобы отправиться в Западно — средоточие разнузданного веселья, — напивались до одури прямо на порогах своих домов. По владениям Разы ходили гарристы с большими корзинами хлеба и раздавали его всем желающим. В каждой ковриге была занечена медная или серебряная монета, и, когда эти тайные дары были обнаружены (ценой нескольких сломанных зубов), ни одной неискромсанной хлебной ковриги не осталось нигде к югу от Храмового квартала.

Плавающая Могила распахнула свои двери для гостей. С полдюжины гаррист со своими людьми развлекались здесь карточной игрой, принявшей поистине грандиозный размах. В какой-то момент целых сорок пять мужчин и женщин тасовали карты, пили, ожесточенно спорили и бранились в приемном зале над темными водами Дровяной Свалки, совсем недавно поглотившими капу Барсави и его сыновей.

Самого Разы нигде не было видно. Во второй половине дня он отправился по делам в северную часть города, сообщив лишь нескольким своим доверенным слугам, что приглашен на праздник к герцогу и будет смотреть на них с высоты Воронова Гнезда.

В Храмовом квартале День Перемен праздновали не столь буйно. Священники и послушники каждого храма в полном составе менялись местами со служителями других храмов, всех по очереди. Жрецы Азы Гийи в черных одеяниях совершили торжественный ритуал на ступенях храма Иона, в то время как слуги Повелителя Алчных вод проделали то же самое на ступенях обители Богини Смерти. Священники Дома Эллизы и Азри, Морганте и Нары, Гандоло и Сендовани возжигали свечи и возносили к небесам молитвенные гимны у одного алтаря и через несколько минут шли к следующему. Дополнительные молитвы читались перед сгоревшим храмом Переландро, где единственный старик в белом облачении, только на днях призванный из Ашмира, растерянно раз-

мышлял, с чего начать письменный доклад Верховному служителю по поводу ущерба, причиненного пожаром стеклянному подвалу, о существовании которого он узнал только по прибытии сюда.

Зажиточные пары с Северной заставы и из Фонтанного квартала направлялись в Двусеребряный парк. Согласно старинному поверью, плодом любовного соития, совершенного там на исходе Дня Перемен, станет чудесное дитя, радость и услада своих родителей. Впрочем, сегодня мужчины и женщины, уединявшиеся в густых зарослях парка, не думали ни о каких иных радостях и уладах, помимо любовных.

В Старой гавани покачивался на якоре фрегат «Сатисфакция», с реющими на мачтах желтыми флагами и горящими даже днем желтыми фонарями. С десяток человек сновали взад-вперед по палубе, незаметно подготавливая корабль к ночному бою. У мачт были сложены арбалеты, накрытые парусиной. Вдоль бортов лежали противобордажные сети, которые команда быстро натянет в случае надобности. Повсюду стояли ведра с песком: если сегодня ночью береговые катапульты все-таки выстрелят, часть из них обязательно метнет снаряды с алхимическим огнем, а тушить водой алхимический огонь — все равно что лить масло в обычный.

В темных недрах «Сатисфакции» еще три десятка человек поглощали сытный обед, чтобы сражаться не на голодный желудок. Все они были совершенно здоровы, никого даже не познабливало.

Вокруг подножия Воронова Гнезда, резиденции герцога Никованте Каморрского, стояла добрая сотня экипажей. Четыреста ливрейных кучеров и охранников бродили взад-вперед по широкому двору, жуя легкие закуски, принесенные расторопными герцогскими слугами. Всем им предстояло ждать здесь своих хозяев до самого утра. Лишь один раз в году — в День Перемен — все аристократы с островов Альсегранте и все до последнего члены Пяти семейств собирались в Вороновом Гнезде, чтобы вкушать изысканные яства и вина, плести интриги и строить козни, обмениваться комплиментами и тонкими оскорблениями, в то время как восседающий на возвышении герцог взирает на них слезящимися глазами. С каждым годом седины в волосах старого правителя прибавлялось; с каждым годом поклоны подданных становились все вычурнее, а разговорчики втихомолку — все ядовитее. Вероятно, Никованте правил слишком уж долго.

Шесть ценных подъемников Воронова Гнезда непрерывно поднимались и опускались. Из каждой пассажирской клетки, со

скрипом открывавшейся наверху башни, выходила очередная группа разодетых в пух и прах гостей, которые тут же смешивались с оживленной толпой важных аристократов и угодливых льстецов, влиятельных особ и никчемных фанфаронов, крупных торговцев и светских бездельников, безобидных пьяниц и лошених хищников. Солнце лило потоки жаркого, ослепительного света, и казалось, будто знатные господа и дамы Каморра стоят в озере расплавленного серебра на вершине гигантского белоогненного столпа.

Железная клеть с Локком Ламорой и четой Сальвара медленно проплыла сквозь дрожащий от зноя воздух и с лязгом остановилась у посадочной террасы герцогской башни.

3

— Святые Сущности, я в жизни не видел ничего подобного! — воскликнул Локк. — Я никогда еще не поднимался столь высоко над землей и, клянусь Подводными Дланями, никогда еще не бывал в столь высоком обществе! Сударь, сударыня, заранее прошу простить меня, если я буду цепляться за вас обоих, словно утопающий.

— Мы с Софией с молодых лет бываем здесь, — сказал Лоренцо. — Каждый год в День Перемен. От всего этого дух захватывает только первые десять-одиннадцать раз.

— Придется поверить вам на слово, сударь.

Слуги в черных ливреях с серебряным шитьем и блестящими серебряными пуговицами придержали дверцы клетки, пока супруги Сальвара и Локк выходили на посадочную террасу. Мимо прошагали в ногу несколько чернокурточников при полном параде, держа на плече рапиры в серебряных ножнах. Солдаты были в высоких меховых шапках с гербом Каморрского герцогства, и Локк сочувственно вздохнул при мысли, каково приходится беднягам, вынужденным часами ходить взад-вперед под нещадно палящим солнцем. Сам он в своем великоленном наряде тоже обливался потом, но у него, как и у прочих гостей, имелась возможность укрыться в башне при желании.

— Дон Лоренцо и донья София? Господин и госпожа Сальвара?

К ним приблизился высоченный плечистый мужчина, на целую голову выше большинства присутствующих. Резкие черты лица и очень светлые волосы выдавали в нем вадранца древнейших, чис-

тейших кровей — выходца из Астрата или Винтилы, расположенных далеко на северо-востоке, в самом сердце королевства Семи Сущностей. Однако одет он был в черное форменное платье Ночных дозорщиков, с серебряными капитанскими звездочками на воротнике, и говорил на изысканном теринском без малейшего акцента.

— Совершенно верно, — ответил дон Сальвара.

— Ваш покорный слуга, сударь и сударыня. Меня зовут Стефан Рейнарт. Полагаю, донья Ворченца упоминала обо мне.

— О, конечно! — Донья София протянула руку; Рейнарт поклонился, выставив вперед правую ногу, и поцеловал воздух в дюйме над рукой. — Очень приятно наконец-то познакомиться с вами, капитан Рейнарт. Как себя чувствует сегодня наша дорогая донья Ворченца?

— Прекрасно, благодарю вас. В настоящую минуту она вяжет. — Капитан значительно усмехнулся, словно забавляясь какой-то шуткой, понятной только им двоим. — Захватила одну из гостиных герцога и занялась вязанием. Вы же знаете, она не любит больших шумных сборищ.

Я непременно разыщу ее, — сказала София. — Мне будет очень приятно повидаться с ней.

— Уверен, она тоже будет чрезвычайно вам рада, сударыня... А это, осмелюсь предположить, господин Фервайт — эмберленский торговец, которого, как мне сказали, вы пригласили с собой? — Рейнарт снова поклонился, на сей раз слегка, и произнес по-вадрански, но с очень сильным акцентом: Да будут Сущности благосклонны к вам, а море спокойно, господин Фервайт.

— Да приведут вас Подводные Длани к великой удаче, — ответил изрядно удивленный Локк на своем прекрасном вадранском, а затем из вежливости вновь перешел на теринский: — Так вы мой земляк, капитан Рейнарт? На службе у каморрского герцога? Подумать только!

— Я действительно чистокровный вадранец, — кивнул Рейнарт. — Но я потерял родителей в раннем детстве — они умерли в Каморре, когда находились здесь по торговым делам. Меня усыновила и вырастила донья Ворченца, владельца Янтарного Кубка — вон той башни, сверкающей золотом на солнце. Своих детей у графини нет. И хотя я не наследую ни ее титула, ни состояния, мне было разрешено служить в герцогском Ночном дозоре.

— Поразительно! Должен сказать, выглядите вы весьма внушительно — ни дать ни взять король Семи Сущностей. Вне сомнения, герцог чрезвычайно доволен, что вы состоите у него на службе.

— От всего сердца надеюсь, что это так, господин Фервайт. Но я вас задерживаю. Прошу прощения, господин и госпожа Сальвара. Моя скромная особа — совсем не интересный предмет для разговора. Позвольте мне проводить вас в башню.

— Да-да, пожалуйста, — откликнулась София, а потом прошептала Локку на ухо: — Донья Ворченца — славная старушка. Всем нам, альсегрантским дамам, она как бабушка родная: всех выслушает, всех рассудит, каждой даст дельный совет. В последнее время ей нездоровится — с каждым месяцем она все больше отдаляется от общества, но по-прежнему очень близка нам. Надеюсь, вам представится возможность познакомиться с ней.

— Почту за счастье, госпожа Сальвара.

Рейнарт провел их в самую башню, и Локк невольно ахнул, потрясенный открывшимся взору зрелищем.

Серебристые стены Воронова Гнезда, снаружи совершенно непрозрачные, изнутри были почти прозрачными (но крайней мере, здесь, наверху). Казалось, будто в толще стекла висит некая туманная дымка, смягчающая резкий, ослепительный свет солнца — отсюда оно выглядело не нестерпимо ярким огненным шаром, но молочно-белым диском, на который можно спокойно смотреть незащищенными глазами. Однако все остальное сквозь стеклянные стены было видно так ясно, словно никаких стен и в помине нет. К северу от башни расстиралась холмистая равнина, пересеченная широкой Агжевиной, а к югу лежали острова Нижнего Каморра, словно нарисованные на подробной географической карте. Локк различал даже тонюсенькие черные мачты кораблей, пронывающих вдоль южной границы города. Сердце у него затрепетало от восторга и голова слегка закружилась.

Прямо над ними находился Небесный сад. По слухам, в бесчисленных горшках и кадках там на крыше было в общей сложности целых сто тонн плодородной земли. По стенам башни каскадами спускались пышные виноградные лозы, а на самой вершине крыши буйно зеленели ухоженные кусты и могучие деревья — настоящий лес, только маленький. В ветвях одного из деревьев было установлено деревянное кресло с видом на Железное море. Сидалище это считалось самой высокой точкой города, на какую может

подняться человек в здравом уме. Сейчас в Небесном саду наверняка было полно детей: по обычаю, именно туда отпускали резвиться юных аристократов, пока родители развлекались внизу.

Помещение, где оказался Локк со своими спутниками, занимало не весь этаж башни, а лишь северную его половину. Схватившись за поручни у южной стены, он посмотрел вниз и увидел четыре таких же полукруглых зала, расположенные футаях в двадцати один под другим; и во всех них толпились гости. Снова накатило головокружение. Глядя сквозь прозрачную стену на залы, нижний из которых находился в восьмидесяти футаях под ногами, и на умопомрачительную панораму, открывающуюся с высоты башни, Локк испытывал такое ощущение, словно весь мир накренился и вот-вот сорвется со своей оси.

— У вас приступ высотобоязни, Лукас, обычное дело в Вороновом Гнезде, — рассмеялся дон Лоренцо. — Вы вцепились в поручень мертвой хваткой. Пойдемте выпьем чего-нибудь и подкрепимся немного. Скоро ваши глаза попривыкнут к окружающим картинам, и вы почувствуете себя прекрасно.

— Ох, ваши бы слова да богам в уши, господин Сальвара. Однако я и впрямь с радостью наведался бы к столам.

Дон Лоренцо повел Локка через толпу людей в шелках и батисте, капемире и мехах, на ходу приветственно кивая или помахивая рукой знакомым. Софрия куда-то исчезла вместе с Рейнартом.

Составленные в длинный ряд столы, накрытые белоснежными льняными скатертями с серебряной каймой, ломились от всевозможных закусок (впрочем, легкие закуски на подобных роскошных приемах могли соперничать с основными блюдами обычного праздничного обеда). Гильдейские повара — мастера восьми Прекрасных искусств Каморра — стояли навтытяжку в своих парадных темно-желтых одеждах и черных академических шапочках с длинной золотой кисточкой. У всех поваров, равно мужчин и женщин, на четырех пальцах правой и левой руки чернели замысловатые татуировки, каждая из которых означала принадлежность к одной из Восьми Кулинарных Школ.

На одной половине стола размещались десерты (пятое Прекрасное искусство): пирожные с вишневым кремом, заключенные в тонкие золотые оболочки, тоже съедобные; медово-коричные тарталетки, вылепленные в виде корабликов, — целая флотилия таких крохотных суденышек с белыми марципановыми парусами, с черными изюминками вместо матросов. Были здесь и сочные

груши, начиненные мякотью речной дыни или заварным кремом с бренди. Были и целые речные дыни, полностью очищенные от зеленой кожуры, — каждую из них украшал искусно вырезанный в розовой мякоти герб Каморра, и все до единой источали розовое сияние, ибо освещались изнутри алхимическими шарами, помещенными в сердцевину.

Другую половину стола занимали мясные закуски. Там стояли во множестве серебряные подносы с различными *фантазмаволями*, то есть «невероятными яствами». Каждое такое блюдо являло собой некоего фантастического зверя, составленного из частей двух разных животных в ходе приготовления. Локк увидел жареного поросенка с головой стерляди, обложенного черной икрой. Рядом лежала свиная голова с болотным яблоком во рту; к ней было приделано туловище жареного каплуна, обильно политое темным карамельным соусом с винными ягодами. У Локка аж слюнки потекли — так соблазнительно это выглядело. По его знаку один из поваров отрезал изрядный кусок свинопетуха и подал на серебряной тарелке с серебряной вилочкой. Мясо таяло во рту, как сливочное масло, и от густых пряных ароматов кружилась голова. Локк уже давно не ел столь изысканных кушаний, и он знал наверняка, что ему самому пришлось бы приложить много усилий и потратить уйму времени, чтобы приготовить подобное блюдо на кухне в стеклянном подземелье, даже с самой деятельной помощью братьев Санца. При этой мысли аппетита у него поубавилось, и доедал он уже без особого удовольствия. Желания отведать кальмара с бычьей головой у Локка не возникло.

В самой середине стола находилось главное его украшение: огромный — футов восемь в поперечнике — кондитерский шедевр в виде макета Каморра. Острова Альсегранте, выпеченные из сладкого теста, покоились на приподнятых металлических подставках; каналы между ними были наполнены голубым пуншем, который черпаком разливал в чаши повар, стоявший справа от бесподобного десерта. Из карамели кулинары воспроизвели в миниатюре все главные мосты и все главные достопримечательности Каморра — от Расколотой башни на юге до Обители Стеклянных роз и величественных Пяти башен на севере. При внимательном рассмотрении Локк заметил даже крохотный — с миндальнику размером — шоколадный галеон посреди кофейного пудинга, изображающего Дровяную Свалку.

— Ну как вы тут, Лукас?

Рядом снова стоял дон Сальвара, с бокалом вина в руке. Расторопный слуга в черной ливрее забрал у Локка пустую тарелку.

— Я просто потрясен! — восторженно воскликнул Локк, почти не преувеличивая свои чувства. — Идучи сюда, я совершенно не знал, чего ожидать, и, клянусь Подводными Дланями, наверное, оно и хорошо, что у меня не было заранее составленного представления. Думаю, такого великолепия нигде больше не увидишь — ну разве только при дворе короля Семи Сущностей.

— Своими похвальными словами вы делаете честь нашему городу. Я превелико рад, что вы согласились присоединиться к нам с Софией. А я сейчас перемолвился с несколькими своими добрыми знакомыми, и с одним из них мы условились обстоятельно побеседовать где-то через час. Полагаю, он ссудит меня тремя тысячами крон. Неловко говорить, право, но он человек очень мягкий и уступчивый. И вдобавок чрезвычайно тепло ко мне относится.

— Лукас! — К ним подошла София в сопровождении Рейнарта. — Надеюсь, Лоренцо не дает вам скучать?

— Я положительно восхищен зрелищем праздника, госпожа Сальвара! Даже если бы ваш супруг просто оставил меня сидеть где-нибудь в уголке с разинутым ртом, я бы все равно не скучал ни минуты.

— Ну, так я с вами не поступлю, конечно же, — рассмеялся дон Лоренцо, а затем обратился к жене: — Я только что разговаривал с доном Беллариджо, дорогая. Он здесь со скульптором, которого взял под свое покровительство пару месяцев назад, — с тем одноглазым лашенцем.

Мимо прошли четверо ливрейных слуг, несущих на деревянных носилках тяжелую пирамиду из стекла и золота, увенчанную гербом Каморра. По всей видимости, внутри нее находились алхимические шары, ибо стекло светилось теплым оранжевым сиянием. Пока Локк смотрел, сияние стало зеленым, потом голубым, а потом снова оранжевым.

— Ах, какое чудо! — Донью Софию, похоже, приводило в восторг вообще все алхимическое. — Переменчивые огни! И до чего же точно все отлажено! Сил нет, как хочется исследовать внутреннее устройство пирамиды. Интересно, может ли лашенец дона Беллариджо изготовить для меня такую же?

Еще три четверки слуг пронесли мимо еще три подобные пирамиды, отличавшиеся друг от друга лишь цветами алхимических шаров, в них заключенных.

— Не знаю, — ответил Рейнарт. — Эти изделия — подарки для герцога от одного из наших... самых необычных гостей. Они и впрямь очень красивые.

Локк снова повернулся к столу и внезапно увидел Джанкану Мераджо, с традиционной орхидеей на груди. Банкир стоял в каких-нибудь шести футах от него, в одной руке держа серебряную тарелку, а другой поддерживая под локоть молодую красавицу в красном платье. Мераджо скользнул по Локку равнодушным взглядом и отвел было глаза прочь, но в следующий миг встрепнулся и пристально взгляделся в костюм, надетый на незнакомце. Денежный воротила открыл рот, собираясь заговорить, потом закрыл, потом снова открыл.

— Сударь, — холодно начал он, — прошу прощения, но...

— О, господин Мераджо! — воскликнул дон Сальвара, направляясь к нему.

При виде аристократа банкир опять закрыл рот и учтиво поклонился, хотя и не очень низко.

— Дон Сальвара... — промолвил он. — Очаровательная донья София... Как приятно видеть вас обоих! Приветствую вас, капитан Рейнарт.

Затем Мераджо вновь воззрился на Локка.

— Господин Мераджо, какая удача! — возбужденно заговорил Локк. — Рад наконец-то познакомиться с вами. Я неоднократно пытался разыскать вас в вашем банкирском доме и уже боялся, что мне так и не явится случая засвидетельствовать вам свое почтение.

— В самом деле? А я как раз собирался полюбопытствовать... кто вы такой будете, сударь?

— Господин Мераджо, — вмешался Сальвара, — позвольте представить вам Лукаса Фервайта, торговца из Эмберлена, служащего торгового дома бель Аустеров. Он прибыл в Каморр, чтобы обсудить условия ввоза на наш рынок партии легкого пива. Мне хочется посмотреть, смогут ли эмберленские сорта тягаться по спросу с нашими лучшими. Лукас, это достопочтенный Джанкана Мераджо, владелец банкирского дома, носящего его имя. Многим он известен как Герцог Белого железа. Весь финансовый мир вращается вокруг него, точно созвездия вокруг небесной оси.

— Ваш покорный слуга, сударь, — с поклоном произнес Локк.

— Из Эмберлена? — переспросил банкир. — Из дома бель Аустеров?

— Именно так, — подтвердила донья София. — Лукас наш особый гость здесь, на празднестве.

— Не сочтите за дерзость, господин Мераджо, — сказал Локк, — но нравится ли вам покрой моего камзола? И ткань, из которой он пошит?

— Интересный вопрос, — нахмурился банкир. — Поскольку и то и другое кажется мне до странности знакомым.

— Оно и неудивительно! По совету донна и доньи Сальвара я положил обзавестись костюмом, сшитым по каморрской моде, и попросил портного выбрать фасон, которому отдает предпочтение человек, славящийся на весь город своим утонченным вкусом в одежде. И кого же он назвал мне, как не вас, сударь! Этот мой костюм скроен в точности по образцу ваших. Боюсь показаться нескромным, но все же доложу вам, что нахожу сей наряд чрезвычайно удобным.

— Ну что вы... — Мераджо заметно смутился. — Тут нет ничего нескромного — напротив, я весьма польщен, сударь, весьма польщен. Прошу меня извинить, я... гм... неважно себя чувствую. Жара, знаете ли. Пожалуй, мне стоит вынуть темного пушша из вон того великолепного кулинарного изделия. Было очень приятно с вами познакомиться, господин Фервайт. Донья София, дон Лоренцо, с вашего позволения, я покину вас.

Мераджо двинулся прочь. Один раз он оглянулся через плечо на Локка, а потом тряхнул головой, словно прогоняя подозрительные мысли.

«О Многохитрый Страж, — подумал Локк, — ну и шутник же ты!»

— Вполне ли вы насытились, Лукас? — спросила донья София.

— Да, сударыня, я полностью утолил аппетит.

— Прекрасно! Тогда почему бы нам не разыскать донью Ворченцу? Она прячется в одной из гостиных внизу, сидит там с вязанием. Если она сегодня в ясном сознании, вы будете от нее в восторге, обещаю.

— Донья Ворченца? — сказал Рейнарт. — Она сейчас в самой северной комнате на западной галерее, двумя этажами ниже. Вы знаете, как туда пройти?

— Конечно, — кивнула София. — Ну что, Лукас? Пойдемте за свидетельствуем графине свое почтение, а Лоренцо пока займется важным делом, которое должен решить.

— Я не забыл, дорогая, не надо мне напоминать, — с шуточным раздражением проворчал дон Лоренцо, а потом обратился к Локку: — Надеюсь, господин Фервайт, сегодня вечером старая донья говорит по-терински, иначе вам придется познакомиться с подобием каменной статуи. Или графиня так ведет себя только при мне?

— К сожалению, сударь, не могу сказать, что все это чистой воды притворство, — вздохнул Рейнарт. — А теперь я вынужден вас покинуть, господа. Мне нужно немного походить между гостями, пытаясь создать видимость, будто я исполняю свои служебные обязанности. Кланяйтесь от меня донье Ворченце, сударыня.

— Непременно, капитан. Вы идете, Лукас?

София повела Локка к широкой стеклянной лестнице с лакированными деревянными перилами, у подножия которой горели алхимические фонари в затейливых кованых колпаках — после наступления темноты они будут выглядеть необычайно красиво.

Этажом ниже находился точно такой же просторный зал, с таким же длинным столом, уставленным яствами. Здесь тоже возле стола стояла диковинная стекляннно-золотая пирамида. «Хм... любопытно», — подумал Локк.

— Госпожа Сальвара, — с улыбкой промолвил он, указывая рукой, — а не попробовать ли уговорить кого-нибудь из слуг отдать вам во временное пользование одну из этих чудесных пирамид, дабы вы заглянули внутрь и удовлетворили свое любопытство?

— Ах, Лукас, кабы только я могла пойти на такое... Но мыслимое ли дело, чтобы в отплату за оказанное гостеприимство заимствовать у герцога предметы убранства? Лукас? Что с вами, Лукас?

Локк встал как вкопанный, уставившись на лестницу, что вела вниз. По ступенькам поднимался стройный худощавый мужчина в сером камзоле, серых бриджах и серых перчатках. Жилет и четырехугольная шляпа у него были черные, а шейные платки — ярко-красные. На левой его руке поблескивал очень знакомый перстень, надетый поверх перчатки: перстень Барсави, черная жемчужина каморского капы.

Локк встретился взглядом с капой Разой, и сердце у него застучало, как барабан на военной галере. Правитель преступного мира Каморра тоже остановился, с таким ошарашенным видом, что Локк едва не рассмеялся в голос. Потом в глазах Разы полыхнула лютая ненависть, он стиснул зубы, и на скулах вздулись жел-

ваки. Но уже в следующий миг новоявленный капа овладел собой и, изящно крутанув тросточкой с золотым набалдашником, спокойной поступью направился навстречу Локку и донье Софии.

4

— Вы, не иначе, каморрская донья, — любезно произнес капа Раза. — Я, кажется, не имел счастья быть вам представленным, милостивая сударыня. — Он снял шляпу и грациозно поклонился, выставив вперед правую ногу.

— Я донья София Сальвара, с острова Дюрона.

Раза почтительно поцеловал ей руку:

— Ваш покорный слуга, госпожа Сальвара. Меня зовут Лучано Анатолиус. Очарован, сударыня, положительно очарован. А ваш спутник? Не встречались ли мы с вами раньше?

— Едва ли, сударь. — ответил Локк. — Ваше лицо кажется мне странно знакомым, но, если бы мы встречались прежде, я бы наверняка вспомнил.

— Господин Анатолиус, это Лукас Фервайт, торговец из Эмберлена, служащий торгового дома бель Аустеров, — сказала донья София. — Мой личный гость здесь, на герцогском празднике.

— Эмберленский торговец? Примите мои поздравления, сударь. Надо полагать, вы человек весьма оборотливый, коли получили доступ в столь избранное общество.

— Я делаю все, что можно и должно, сударь... все, что можно и должно. В вашем городе у меня появились замечательные друзья, открывающие передо мной самые неожиданные возможности.

— Нисколько не сомневаюсь. Так вы говорите, торговый дом бель Аустеров? Производители и поставщики знаменитого бренди? Просто потрясающе! Я, как и все, высоко ценю доброкачественные напитки и обычно покупаю оные бочками.

— В самом деле, сударь? — радостно улыбнулся Локк. — Вель из всей тары наш торговый дом оказывает предпочтение именно бочкам, чье содержимое зачастую удивляет и даже ошеломляет. Мы гордимся тем, что всегда и всем даем удовлетворение — все счета сводим аккуратнейшим образом. Платим равной монетой, если вы меня понимаете.

— Прекрасно понимаю, — значительно усмехнулся капа Раза. — Только так, по моему разумению, и нужно вести дела.

— Но знаете, господин Анатолиус, — живо воскликнул Локк, — теперь я понял, почему ваше лицо кажется мне знакомым! Нет ли у вас сестры? Или даже двух? Сдается мне, мы с ними как-то встречались — сходство между вами просто поразительное.

— Нет, — нахмурился капа Раза. — Боюсь, вы ошибаетесь, сударь. У меня нет сестер. Донья София, господин Фервайт, было чрезвычайно приятно с вами познакомиться, но я вынужден удалиться по неотложным делам. Желаю вам обоим приятно провести вечер.

Дружелюбно улыбаясь, Локк протянул руку для прощального рукопожатия:

— Всегда приятно завести новых друзей. Полагаю, мы с вами еще свидимся, господин Анатолиус?

Капа Раза гневно сверкнул очами, но потом совладал с собой: он неминуемо наделал бы большого шума, когда бы не ответил на сей учтивый жест.

Его сильные пальцы сомкнулись на запястье Локка, и Локк с трудом подавил искушение другой своей рукой выхватить кинжал, спрятанный в сапоге.

— Вы очень любезны, господин Фервайт, — медленно проговорил капа Раза, сохраняя бесстрастность. — Но вряд ли нам еще когда-нибудь представится случай увидеться.

— Если этот город чему и научил меня, господин Анатолиус, — отозвался Локк, — так только тому, что он полон самых разных неожиданностей. Доброго вам вечера.

— И вам того же, господин... гм... эмберленский купец.

Раза быстро зашагал через зал, провожаемый взглядом Локка. Один раз он обернулся, и на мгновение их глаза снова встретились. Потом капа, с развевающимися полами серого камзола, проворно взбежал по ступенькам и скрылся из виду.

— Я что-то пропустила, Лукас? — недоуменно спросила донья София.

— Пропустили? — Локк улыбнулся простодушной улыбкой Лукаса Фервайта. — Не думаю, сударыня. Просто господин Анатолиус сильно напомнил мне одного человека, которого я знал прежде.

— Какого-то эмберленского друга?

— О нет, не друга. И упомянутый человек ныне мертв... мертвее мертвого. — Локк вдруг осознал, что говорит сквозь стиснутые зубы, и постарался принять непринужденный вид. — Итак, отправимся на поиски вашей доньи Ворченцы, сударыня?

— Да-да, конечно. Прошу, следуйте за мной, Лукас.

Они направились к лестнице, по которой пару минут назад поднялся капа Раза, и спустились в еще один такой же зал, полный знагных господ — «представителей голубой крови и золотой крови», как выразился бы отец Цеппи. Здесь вместо стола с закусками стояла сорокафутовая питейная стойка из полированного ведьмина дерева, где гостей обслуживали две дюжины ливрейных слуг обоего пола. На столах и полках за ними тысячи стеклянных бутылок сверкали в струящемся свете разноцветных алхимических фонарей. У одного и другого конца стойки возвышались громадные пирамиды винных и пивных бокалов, огороженные бархатными шнурами; одно неосторожное движение — и гора превосходного столового хрусталя общей стоимостью во многие сотни крон рухнет на пол. Для цуцей сохранности герцогского имущества рядом с пирамидами бокалов стояли навтыжку чернокурточники. И к слову о пирамидах — здесь тоже, в нескольких футах справа от питейной стойки, за бархатным шнуром, переливалось разноцветным сиянием чудесное изваяние из золота и стекла.

София и Локк прошли вдоль стойки и длинной очереди гостей, желающих подбодриться спиртным по своему выбору; многие из них уже явно утратили обычную человеческую способность твердо держаться на ногах. В западной стене зала была массивная дверь ведьмина дерева, украшенная серебряным гербом герцога Никованте. Толчком отворив ее, донья София провела Локка в плавно изогнутый коридор, залитый мягким серебристым светом алхимических фонарей. В коридор выходило три двери, и донья София прошла к последней из них, находящейся, как понял Локк, близ северной стены башни.

— Неизвестно еще, кого мы здесь обнаружим, — шаловливо улыбнулась София, — донью Ворченцу или молодую парочку, занятую чем-нибудь не вполне приличным.

Чуть приоткрыв дверь, она заглянула в щель и, потянув Локка за рукав, прошептала:

— Все в порядке, это она.

Локк и София вступили в почти квадратную комнату с чуть изогнутой внешней стеной. Здесь, в отличие от приемных залов башни, Древнее стекло было непрозрачным. Через единственное окно в северной стене, с поднятой деревянной шторой, лился солнечный свет и теплый вечерний воздух.

В комнате находилось единственное деревянное кресло с высокой спинкой, и в нем сидела престарелая дама, которая сосре-

дотошно склонялась над мелькающими блестящими спицами и непонятного назначения вязаным изделием, из-под них выходящим. На полу у ее ног лежало несколько клубков черной шерсти. Одета старуха была весьма необычно: черный мужской камзол, темно-пурпурные панталоны, какие носят кавалерийские офицеры, и серебрястые домашние туфли с загнутыми сверху носками, как из волшебных сказок. Ее глаза за полукруглыми очками казались ясными, но она не оторвала взгляда от спиц, когда донья София вывела Локка на середину комнаты.

— Донья Ворченца? — София кашлянула и возвысила голос. — Донья Ворченца? Это я, София. Я хочу познакомить вас кое с кем.

«Щелк-щелк, — говорили спицы доньи Ворченцы, — щелк-щелк». Но глаза доньи Ворченцы так и не поднялись на вошедших.

— Позвольте представить вам донью Анжавесту Ворченцу, вдовствующую графиню Янтарного Кубка. Она... гм... то присутствует в нашем мире, то улетывает куда-то. — София сокрушенно вздохнула. — Лукас, вы позволите мне оставить вас здесь на минутку? Я схожу к питейной стойке. Донья Ворченца любит белое вино. Возможно, бокал сего напитка вернет ее к нам.

— Разумеется, донья София, — живо откликнулся Локк. — Почту за честь побыть в обществе графини. Ступайте спокойно.

— А вам принести чего-нибудь?

— О нет, благодарю вас, сударыня. Возможно, я пропущу глоток-другой чуть позже.

София кивнула и удалилась из комнаты, со щелчком закрыв за собой дверь. Локк прошелся взад-вперед, заложив руки за спицу.

Спицы все постукивали и постукивали одна о другую. Локк пригляделся и озадаченно приподнял бровь. Что там за изделие выплзает из-под бойких спиц доньи Ворченцы, так и оставалось загадкой. Возможно, оно еще далеко от завершения, а потому пока неопознаваемо. Локк вздохнул, еще разок прошелся туда-сюда, а потом остановился у окна.

К северу от города, до самого горизонта, расстиралась бурозеленая холмистая равнина. Локк видел извилистые темные линии дорог, разноцветные крыши домишек и серо-голубую ленту Анжевины — дивный пейзаж, вдали размытый знойным маревом. Солнце изливало потоки жарких белых лучей, и ни облачка не было на голубом небе.

Внезапно шею сзади пронзила острая боль, и он резко повернулся, схватившись за место укола и ощутив теплую влагу под пальцами. Перед ним стояла донья Ворченца, вдовствующая графиня Янтарного Кубка, держа в руке вязальную спицу, которой только что в него ткнула. Теперь глаза старухи ясно сияли за полукруглыми стеклами очков, и худое морщинистое лицо расплывалось в торжествующей улыбке.

— А-а-а-ай!... — Локк яростно потер шею и лишь с великим трудом вспомнил о необходимости изображать вадранский акцент. — Что это было, черт возьми?

— Скорбная ива, господин Шип, — ответствовала донья Ворченца. — Яд скорбной ивы, вы о нем наверняка слышали. Жить вам осталось всего несколько минут... и мне очень хотелось бы провести их за беседой с вами.

5

— Вы... вы...

— Ну да, уколола вас в шею отравленной спицей. И должна признаться, сделала это с превеликим удовольствием, голубчик. Что еще я могу сказать? Вы причинили нам немало хлопот.

— Но... но, донья Ворченца, я не понимаю... Неужто я чем-то вас обидел?

— Да оставьте уже свой вадранский акцент! Он чрезвычайно убедителен, но, боюсь, все равно не поможет вам, как вы ни улыбайтесь и ни стройте из себя невинность, господин Шип.

Локк вздохнул и потер глаза:

— Донья Ворченца, если ваша спица и впрямь отравлена смертельным ядом, то какого черта мне с вами говорить начистоту?

— Вопрос разумный, спору нет. — Она достала из кармана камзола маленькую склянку с серебряным колпачком. — В обмен на ваше сотрудничество я предлагаю вам противоядие. Конечно же вы предпочтете поладить со мной. Вы находитесь в шестистах футах над землей, и все мои Полуночники сейчас рядом, переодетые в ливрейное платье. Бежать бесполезно — вы не сделаете и десяти шагов по коридору, как вас схватят.

— Вы... Полуночники... Нет, вы шутите, наверное? Вы что... герцогский Паук?

— Именно! — просияла улыбкой старая графиня. — И клянусь богами, мне невыразимо приятно сорвать маску перед человеком, способным по достоинству оценить мой маленький спектакль...

— Но... — ошеломленно проговорил Локк. — Но ведь Паук... я думал, что Паук...

— Мужчина? Так думаете вы, господин Шип, и все остальные горожане. Я всегда считала, что наилучшую маскировку тебе обеспечивают чужие предрассудки. Вы со мной согласны?

— Хм... — Локк мрачно усмехнулся, чувствуя, как вокруг ранки от спицы растекается холодное онемение. — Вы меня повесили на моей же веревке, донья Ворченца.

— Вы чрезвычайно умны, господин Шип, надо отдать вам должное. Чтобы так долго водить за нос моих людей!.. Даже жаль сажать такого удальца в паучью клетку. Должно быть, это для вас очень непривычно и странно — встретиться с достойным противником, сумевшим заманить вас в западню?

— О нет... — Локк вздохнул и опустил лицо в ладони. — Мне очень жаль вас разочаровывать, донья Ворченца, но список людей, не обвертевших меня вокруг пальца, с каждым днем становится все короче.

— Да, приятно мало, — покачала головой графиня. — Но вы, надо полагать, уже неважно себя чувствуете? Шум в ушах, слабость в коленях? Просто кивните. Если вы сообщите, где прячете украденные деньги, условия вашего содержания во Дворце Терпения будут вполне терпимыми. А если назовете имена своих сообщников — так и вовсе мягкими.

— У меня нет сообщников, донья Ворченца, — с напором произнес Локк. — А если б даже и были, я бы ни о чем их не выдал.

— А Грауманн?

— Грауманн — наемный работник. Он думает, что я и впрямь эмберленский торговец.

— А мнимые разбойники, напавшие на вас около храма Благоприятных Вод?

— Тоже наемники. Уже давно вернулись к себе в Талишем.

— А лжеполночники, приходившие к доцу Сальваре?

— Гомункулы. Каждое полнолуние вылезают у меня из задницы — вот уже сколько лет с ними мучаюсь.

— Шутить изволите? Ничего, яд скорбной ивы скоро отнимет у вас язык, навсегда отнимет. Вот что, господин Шип, вам ведь не обязательно прямо сейчас выкладывать свои секреты. Просто при-

знайте свое поражение, и я дам вам противоядие. А разговор мы продолжим позже, в более приятной обстановке.

Несколько долгих секунд Локк пристально смотрел на донью Ворченцу, в глазах которой светилось самодовольное торжество. Правая рука у него непроизвольно сжалась в кулак. Вероятно, донья Ворченца настолько привыкла внушать трепет своим властным видом, что напрочь забыла о разнице в возрасте. Или ей просто не пришло в голову, что благовоспитанный мужчина, пускай и преступник, способен сделать то, что сделал Локк в следующий миг.

Он двинул почтенную даму в зубы. Женщину помоложе да покрепче такой удар — не удар даже, а тычок — только рассмешил бы, но у доньи Ворченцы голова резко откинулась назад, глаза закатились и колени подломились. Локк подхватил старуху, не дав упасть, и проворно вынул у нее из пальцев склянку. Усадив бесчувственное тело в кресло, он откупорил пузырек и вылил в рот все его содержимое. Теплая жидкость имела цитрусовый вкус. Проглотив противоядие, Локк отбросил склянку прочь и торопливо снял камзол, которым крепко привязал донью Ворченцу к креслу, в несколько узлов завязав рукава у нее за спиной.

Она уронила голову на грудь и застонала. Локк легонько хлопал графиню по плечу. Потом, повинувшись внезапному порыву, он быстро (и по возможности вежливо) обшарил карманы ее камзола и удовлетворенно хмыкнул, достав из одного из них маленький шелковый кошелек, набитый монетами.

— Хм... не то, на что я рассчитывал, — пробормотал он. — Но назовем это справедливым возмещением за укол ядовитой спицей.

Локк прошелся взад-вперед по комнате, потом вернулся к донье Ворченце, опустился перед ней на колени и сказал:

— Сударыня, меня удручает необходимость столь жестоко обращаться с человеком, подобным вам. На самом деле я искренне восхищаюсь вами и в любое другое время с интересом выслушал бы ваши объяснения, где именно я сплеховал и чем выдал себя. Но вы должны признать: идти на сделку с вами было бы сущим безумием. Дворец Терпения меня попросту не устраивает. Так что благодарю вас за приятную беседу. И кланяйтесь от меня дону и донье Сальвара.

Затем Локк подошел к окну, до упора открыл деревянную ставню и перелез через подоконник.

Блестящие стены Воронова Гнезда лишь на первый взгляд казались совершенно гладкими: на самом деле на них имелись желобки и выступы, опоясывающие башню на уровне каждого этажа. Локк выбрался на такой вот узкий выступ шириной примерно шесть дюймов, крепко прижался грудью к теплему стеклу и замер в ожидании, когда кровь перестанет стучать в висках молотом. Однако тяжелое биение в голове не прекращалось.

— Я конченный дурак, — со вздохом пробормотал Локк. — Второго такого не сыщется на всем белом свете.

Он принялся медленно двигаться вправо, чувствуя, как теплый ветер упруго толкает его в спину. Чуть погода выступ немного расширился; вдобавок Локк нащупал руками желобок, за который можно уцепиться. Решив, что теперь-то он со стены всяко не сорвется, Локк глянул через плечо вниз — и тотчас пожалел об этом.

Одно дело — видеть панораму Каморра изнутри башни, сквозь прозрачную преграду, отделяющую тебя от воздушной бездны. Здесь же, снаружи, казалось, будто весь мир кренится и стремительно летит куда-то вниз по широкой дуге. Под ногами у Локка сейчас было не шестьсот футов, а тысяча, десять тысяч, миллион... бездонная пропасть, вид которой не поверг бы в смертельный ужас разве только богов. Он зажмурил глаза и вдавился в стену с такой силой, словно хотел намертво слиться с ней, просочиться в стеклянные недра, стать подобием известкового раствора между камнями. Свинина и каплун у него в желудке изъявили бурное желание извергнуться наружу потоком рвоты, и горло явно приготовилось удовлетворить сие требование.

«О боги, а не нахожусь ли я на прозрачном участке стены? — подумал Локк. — В таком случае, надо полагать, я представляю собой чертовски забавное зрелище...»

Внезапно над головой у него раздался скрип и скрежет. Подняв глаза, Локк ахнул от неожиданности. Сверху спускалась одна из пассажирских клетей — она проплывет мимо футов в трех от стены.

Клеть была пуста.

«О Многохитрый Страж, я сделаю это, — прошептал Локк. — Но лишь об одном прошу тебя, лишь об одном умоляю: когда все останется позади, сделай так, чтобы я напрочь забыл это событие. Сотри всякое воспоминание о нем из моей памяти. И я никогда до конца моих дней не поднимусь на высоту более трех футов над землей. Заранее благодарю тебя!»

Клеть со скрином ползла вниз. Она находилась уже в десяти футах над Локком... в пяти... и вот днище ее оказалось на уровне его глаз. Дыша тяжело и часто, Локк развернулся спиной к стене. Небо над головой и земля далеко внизу казались непостижимо огромными, не объять взглядом... только не думать о них, только не думать! Клеть медленно проплывала мимо — вот они, железные прутья, в трех футах перед ним, над головокружительной воздушной бездной.

Локк с диким воплем оттолкнулся от стены и прыгнул. Ударившись всем телом о прутья клетки, он вцепился в них отчаянной хваткой, какой еще ни один ополоумевший от ужаса кот не цеплялся за ветку дерева. Клеть тяжело качнулась взад-вперед, и Локк изо всех сил постарался не обращать внимания на невероятную штуку, которую проделал при этом горизонт. Дверца... нужно отворить дверцу! Дверцы клеток кренко запирались, но на обычные засовы.

Руки у него тряслись так, словно на дворе стояла лютая стужа, и Локку пришлось с минуту повозиться, чтобы отодвинуть засов и распахнуть дверцу. Потом он рывком перекинул тело внутрь клетки и, испытав последний тошнотворный приступ головокружения, с грохотом захлопнул за собой дверцу. А в следующий миг бессильно плюхнулся на пол, с трудом переводя дыхание, крупно дрожа от пережитого страха и, вероятно, остаточного действия яда.

— Ну что сказать? — шумно отдуваясь, пробормотал он. — Помереть можно было от ужаса, разрази меня гром.

Футах в двадцати справа от Локка поднималась снизу еще одна клеть, полная знатных гостей. Находившиеся в ней мужчины и женщины смотрели на него очень странно, и он помахал им рукой.

Локк опасался, что вдруг его клеть остановится, не достигнув земли, и поползет обратно вверх. Ну ладно, решил он, в таком случае придется попытать судьбу во Дворце Терпения. Однако клеть продолжала опускаться, видимо, донья Ворченца все еще сидела в полубеспамятстве, привязанная к креслу, не в состоянии позвать на помощь. Когда клеть стукнулась о землю, Локк уже был на ногах. Ливрейные слуги, открывшие дверцу, недоуменно вылупились на него.

— Прошу прощения, — неуверенно проговорил один из них. — Но разве вы... э-э... находились в этой клетке, когда она отошла от посадочной террасы?

— Разумеется, — кивнул Локк. — А вы, ребята, заметили черную тень, сорвавшуюся со стены башни там, на самом верху? Птица, представляете? Огромная птица, каких вы в жизни не видавали. Я чуть не обмочился со страху, доложу вам. Скажи-ка, любезный, здесь есть наемные экипажи?

— Ступайте к заднему ряду, — ответил лакей. — Ищите кареты с белыми флажками и фонарями.

— Премного благодарен. — Локк быстро порывлся в шелковом кошельке дощи Ворченцы — там оказалась немалая сумма золотом и серебром. Бросив по солону каждому из слуг, он вышел из клетки. — Это была птица, ага?

— Конечно, сударь, — отозвался один из мужчин, почтительно прикоснувшись к своей черной шапке. — Огромная птица, каких мы в жизни не видавали.

6

Наемный экипаж доставил Локка к Шенотному холму. Там Благородный Каналья щедро расплатился с возницей (достаточно щедро, чтобы тот начисто запомнил о поездке), а затем направился на юг, через Зольник, на своих двоих. Добравшись до убежища где-то, наверное, в шестом часу вечера, он влетел в занавешенную парусиной дверь с криком: «Жан, у нас крупные неприятности!» — и тотчас остановился как вкопанный.

Посреди комнаты, скрестив на груди руки, стоял Сокольник и с ухмылкой смотрел на него. Локк за долю секунды охватил взглядом всю картину: Ибелнус недвижно валялся у дальней стены, Жан лежал у ног вольнонаемного мага, корчась от боли.

Вестриса сидела на плече хозяина, вперив в Локка золотисто-черные глаза. Мгновением спустя она раскрыла клюв и испустила пронзительный торжествующий вопль, заставивший Локка вздрогнуть.

— О да, господин Ламора, — насмешливо произнес Сокольник. — У вас действительно очень крупные неприятности...

Интерлюдия

ТРОН НА ПЕПЕЛИЩЕ

Некогда Терим-Пель называли Жемчужиной Древних. Он был самым большим и самым величественным из городов, возведенных загадочным древним племенем за тысячелетия до появления здесь людей.

Терим-Пель лежал близ верховий Анжвинны — там, где белопенный поток бурными каскадами низвергался с горных вершин. Вокруг города, расположенного у подножия могучей скалистой гряды, на расстояние двух дней конного пути простирались тучные поля, где осенью наливались золотом густые колосья, — щедрый дар земли столице огромной империи.

Власти Теринского престола подчинялись все южные города, между коими имперские строители проложили десятки тысяч миль дорог. Имперские военачальники постоянно держали патрульные отряды на всех дорогах и гарнизоны во всех более-менее значительных селениях, дабы торговцы и посыльные могли беспрепятственно путешествовать из конца в конец империи — от Железного моря до Медного.

Картен и Лапен, Нессек и Талишем, Эспара и Ашмир, Ириден и Каморр, Балинель и Иссара — всеми этими могущественными городами-государствами правили герцоги, получавшие свои серебряные короны из рук самого императора. Немногочисленные нынешние герцоги, может, и обладают большой властью, но все они — правители самопровозглашенные, ибо древние династии, восходящие к эпохе Теринского владычества, давно уже пресеклись.

Начало упадку Теринской империи положило вторжение вадрашцев — морских разбойников, захвативших самые северные области континента. Они поименовали семь больших рек, впадаю-

щих в Железное море. Семью Святыми Сущностями и отразили неоднократные попытки Теринского престола отвоевать свою территорию, наголову разбив все войска, посланные на север. Изрядно ослабленная кровавой войной империя смирилась с территориальной потерей, но не пала перед врагом.

Пока в дело не вступили картенские вольнонаемные маги.

Они основали гильдию в Картене и начали привлекать в нее чародеев из других городов, не обращая ни малейшего внимания на гневные запретительные требования императора Терим-Пеля. Он решительно приказал им прекратить всякую призывную деятельность, а они, по слухам, ответили коротким письмом, в котором единственно перечисляли цены за свои возможные услуги Превосходнейшему Величеству. Император отправил к ним собственных придворных магов, но все посланники были обезглавлены. Тогда император поднял войска и двинулся на Картен, поклявшись истребить всех до единого чародеев, называющих себя картенскими вольнонаемными магами.

Сей шаг теринского владыки послужил лишь укреплению правил, еще только складывавшихся в новой гильдии магов. Теперь маги во всеуслышание поклялись жестоко расправляться со всяким, кто дерзнет поднять руку на одного из них.

За время пути к Картену солдаты императора убили с дюжину колдунов.

Четыре сотни вольнонаемных магов встретили войско противника у восточной стены Картена — четыре сотни чародеев, соизволивших дать решительное сражение. Меньше чем за два часа они истребили треть императорской армии. Над землей клубился странный туман, ограничивавший видимость и препятствовавший слаженным войсковым маневрам; жуткие призраки и видения осаждали солдат. Вынужденные стрелы останавливались в воздухе и падали на землю или вдруг летели обратно и поражали самих лучников. Боевые товарищи яростию нападали друг на друга, сведенные с ума и ослепленные колдовскими чарами, способными превратить человека в послушную марионетку. Самого императора изрубил на мелкие куски собственный телохранитель. Говорят, когда впоследствии останки несчастного собрали, чтобы сжечь на погребальном костре, среди них не было ни одного кусочка крупнее пальца. Империя потерпела сокрушительное поражение: уцелевшие полководцы обратились в беспорядочное бегство, оставшиеся в живых солдаты удирали обратно в Терим-Пель со скоростью, которой позавидовали бы спешные гонцы.

Однако этим дело не кончилось. Вольнонаемные маги на закрытом совещании постановили привести в исполнение свои новые законы — да так, чтобы весь мир, покуда жива память человеческая, содрогался при одной мысли о конфронтации с ними.

Они наслали жестокую кару на город Терим-Пель.

Огненная буря, ими вызванная, была поистине чудовищной. Четыре сотни магов соединенными усилиями воспламенили в сердце империи грандиозный пожар, описать который у историков по сей день не хватает духу. По слухам, буйные языки огня сверкали нестерпимой белизной, как раскаленные ядра звезд, и громадный столб черного дыма поднимался столь высоко, что был виден и с берегов Железного моря далеко к востоку от Каморра, и из Винтилы, столицы молодого королевства Семи Сущностей, расположенного далеко на севере.

Но даже эта ужасная огненная буря, сотворенная колдовством, не причинила вреда Древнему стеклу, и все сооружения, воздвигнутые Древними, остались в целости и сохранности. Однако все прочее огонь бесследно уничтожил: дерево, камень, металл, известковый раствор, бумагу и все живое. Все до единого строения, созданные человеческими руками, все до единого культурные памятники, все до единого жители, не успевшие покинуть город до начала пожара, сгорели дотла — и там, где прежде стоял блистательный Терим-Пель, теперь чернела страшным шрамом на лице земли выжженная пустыня, под которой почва спеклась на добрый фут в глубину.

Горячий ветер носился над пустошью, взметывая тучи золы вокруг подножья единственного рукотворного предмета, умышленно сохраненного магами — трона Теринской империи. Трон этот и поныне стоит там, посреди населенного призраками горелища, где пепел под воздействием времени и дождей слипся в черную корку каменной твердости. Ничто больше не произрастает на месте погибшей имперской столицы; ни один человек в здравом рассудке и близко не подойдет к сему зловещему памятнику, свидетельствующему о беспощадности картенских магов.

Именно они сокрушили империю своим сверхъестественным огнем; именно они ввергли все южные города-государства в многовековые войны и распри, покуда королевство Семи Сущностей крепло на севере.

Именно этот образ возникает перед глазами каждого, кто помыслит пойти супротив картенского мага, — образ пустого трона, одиноко стоящего посреди безотрадной черной пустоши.

Глава 16

ЦВЕТ ПРАВОСУДИЯ – КРАСНЫЙ

I

Сокольник пошевелил пальцами, и Локк Ламора рухнул на колени, сраженный знакомой жгучей болью, пронзившей самые кости.

— Как радостно обнаружить, что вы остались живы после нашего небольшого мероприятия в Гулкой Норе, — издевательски промолвил чародей. — Впечатлен, весьма впечатлен. Даже несмотря на вашу репутацию, я не видел в вас достойного противника. Еще сегодня днем я считал, что разыскиваю одного только Жана Таннена, — а тут такая приятная неожиданность.

— Ты... кровожадная тварь! — яростно прорычал Локк.

— Ничего подобного. Я всего лишь выполняю приказ своего наемателя. А приказано мне позаботиться о том, чтобы убийца его сестер умер медленной и мучительной смертью. — Сокольник хрустнул костяшками. — Вы же для меня — поистине неожиданный подарок судьбы, господин Ламора.

Локк с воплем рванулся к магу, преодолевая невыносимую боль, но тот пробормотал несколько невнятных слов — и дикая мука, терзавшая тело Локка, усилилась десятикратно. Он повалился навзничь, судорожно хватая ртом воздух, но легкие у него словно обратились в камень.

Когда минуто спустя маг прекратил чудовищную пытку, Локк бессильно обмяк на полу, хрипя и задыхаясь. Все шло у него перед глазами.

— Странно все же, как порой наши победы становятся причинами нашей гибели, — сказал Сокольник. — Взять, к примеру, тебя, Жан Таннен. Ты, вне сомнения, превосходный боец, раз одолел сестер моего клиента, хотя и сам пострадал в схватке. А теперь

они нанесли тебе ответный удар из царства теней. Всевозможные поразительные вещи происходят, знаешь ли, когда в руки мастерам вроде меня попадают телесные частицы другого человека — ну там обрезки ногтей или прядь волос. Или кровь с лезвия кинжала.

Жан застонал, не в силах произнести ни слова от боли.

— Да-да, — продолжал Сокольник. Я чрезвычайно удивился, увидев, к кому привела меня кровь с кинжала. На твоём месте я бы скрылся из города с первым же торговым караваном, направляющимся на другой конец континента. Возможно даже, мы не стали бы тебя преследовать.

Благородные Канальи не бросают друг друга в опасности, — сдавленно прохрипел Локк. — И не бегут от врага, которому поклялись отомстить.

— Совершенно верно, — кивнул вольнонаемный маг. — Вот почему они всегда подышают у моих ног в грязных хибарах вроде этой.

Внезапно Вестриса взмахнула крыльями, перелетела с плеча хозяина на комод в углу комнаты и оттуда злобно воззрилась на Локка, возбужденно подергивая головой. Сокольник достал из-за пазухи листок пергамента, перо и склянку с чернилами. Откупорив склянку, он аккуратно поставил ее на постель, обмакнул перо в чернила и лучезарно улыбнулся Локку:

— Жан Таннен. Какое простое имя! И вышить было легко, а уж написать вообще раз плюнуть.

Перо забегало по бумаге. Сокольник стремительно вычерчивал большие округлые буквы с завитками, улыбаясь все шире и довольнее. Едва он закончил, в левой руке у него невесть откуда появилась серебряная нить, и пальцы зашевелились в почти гипнотическом ритме. От листа изошло бледное серебристое сияние, обрисовавшее черты его лица.

— Жан Таннен! — громко произнес маг. — Встань, Жан Таннен! У меня есть для тебя работа.

Дрожа крупной дрожью, Жан поднялся сначала на колени, потом на ноги. Локк же по-прежнему не мог и пальцем пошевелить.

— Жан Таннен, возьми свои топорики, — велел Сокольник. — Больше всего свете тебе сейчас хочется взять топорики.

Жан нагнулся и вытащил из-под тюфяка Злобных сестриц. Сжимая топорики в руках, он выпрямился, и уголки губ у него поползли вверх.

— Тебе не терпится пустить в ход свое любимое оружие, правда, Жан? — Сокольник крутил-вертел в пальцах серебряную нить. — Тебе безумно хочется вонзить лезвия в человеческую плоть... увидеть, как брызнет фонтаном кровь. О да... ты не беспокойся, Жан. У меня есть работа для тебя и твоих Злобных сестриц.

Он указал на Локка правой рукой, в которой держал пергаментный лист:

— Убей Локка Ламору.

Вздрогнув всем телом, Жан шагнул к Локку, но потом нерешительно остановился, нахмурился и закрыл глаза.

— Я называю твое имя, данное тебе при рождении, Жан Таннен! — возвысил голос Сокольник. — Твое достоподлинное имя — имя твоего духа. Я называю твое имя, Жан Таннен! Убей Локка Ламору! Взмахни своими топориками и убей Локка Ламору!

Жан сделал еще один неуверенный шаг вперед, медленно поднимая топорики. Он мучительно заскрежетал зубами, и из правого глаза у него выкатилась слеза. Он глубоко вздохнул и сделал еще один шаг. Потом судорожно всхлипнул и занес топорики над головой.

— Нет! — вдруг резко сказал маг. — Нет, подожди. Отойди на шаг назад.

Жан повиновался и отступил на добрый ярд от Локка, который мысленно возблагодарил богов, испытывая невыразимое облегчение, но одновременно и холодея от ужаса при мысли о том, что последует дальше.

— Жан — человек довольно мягкосердечный, — произнес маг, — но ты, любезный Ламора, вообще слюняй слюняем, верно? Ведь именно ты чуть ли не на коленях умолял меня сделать с тобой все, что угодно, только не трогать твоих друзей. Именно ты, ни слова не сказав, дал затолкать себя в бочку с лошадиной мочой, хотя мог бы предать своих друзей и, возможно, остаться в живых. Ну ладно, я знаю, как поправить дело. Жан Таннен, брось топорики.

Злобные сестрицы тяжело ударились об пол, подпрыгнули и упали прямо перед носом у Локка. Мгновение спустя Сокольник снова пробормотал несколько слов на своем загадочном наречии и повертел в пальцах серебряную нить. Жан с душераздирающим воплем рухнул наземь и слабо задергался в судорогах.

— Думаю, будет гораздо лучше, если *ты* убьешь Жана, любезный Ламора, — сказал Сокольник.

Вестриса испустила пронзительный крик, до жути напоминающий издевательский смех.

«О черт... — подумал Локк. — О боги...»

— Конечно, мы уже знаем, что фамилия твоя ненастоящая, — продолжал маг. — Но полное имя мне и не требуется — вполне достаточно лишь части подлинного имени. Вот увидишь, Локк. Сейчас сам убедишься.

Серебряная нить исчезла у него из руки. Он обмакнул перо в чернильницу и написал на пергаменте несколько букв.

— О да. Ты снова можешь двигаться.

Едва Сокольник вымолвил эти слова, страшное оцепенение и впрямь отпустило Локка, и он осторожно согнул-разогнул пальцы. Маг опять принялся крутить-вертеть серебряную нить, пергаментный лист опять начал источать бледное сияние, и у Локка возникло странное ощущение, будто воздух вокруг него сгущается и давит со всех сторон.

— А теперь я называю твое имя, Локк, — с напором произнес Сокольник. — Я называю подлинное имя, данное тебе при рождении. Встань и возьми топорики Жана Таннена. Встань и убей Жана Таннена!

Локк рывком поднялся на колени и на мгновение уперся руками в пол.

— Убей Жана Таннена!

Задыхаясь и дрожа, Локк стиснул в руке один из топориков и на четвереньках пополз вперед. Жан Таннен лежал ничком на пыльном полу чуть позади мага, всего в трех или четырех футах от своего товарища.

— Убей. Жана. Таннена.

Подползши вплотную к Сокольнику, Локк остановился и медленно повернул голову в сторону товарища. Один глаз у Жана был приоткрыт и смотрел на него с диким ужасом; трясущиеся губы беззвучно шевелились.

Локк оттолкнулся от пола и, взревев от натуги, резко взмахнул топориком.

Удар тяжелого бойка пришелся Сокольнику прямо промеж ног. Тот сдавленно взвыл, схватился за пах и рухнул наземь, выронив серебряную нить и пергамент.

Локк крутанулся вправо, готовясь отразить нападение скорпионьего сокола, но, к великому своему изумлению, увидел, что

птица свалилась со своего насеста и бьется на полу, тщетно хлопая крыльями и испуская придушенные хриплые крики.

Локк улыбнулся самой жестокой улыбкой из всех, в каких когда-либо кривились его губы, и с трудом поднялся на ноги.

— Так вот оно что! — Продолжая злобно скалиться, он медленно занес топорик бойком вниз. — Ты видишь все, что видит она, и каждый из вас чувствует то же, что и другой.

Горячее ликование захлестнуло душу, но минутное промедление едва не стоило Локку жизни. Сокольнику хватило сил, чтобы выдавить единственное невнятное слово и скрючить пальцы наподобие когтей. Локк задохнулся и шатко пошатнулся, чуть не выронив топорик. Такое ощущение, будто два раскаленных кипжала вонзились в почки; от жгучей боли он утратил способность не то что действовать, но и соображать.

Сокольник попытался встать, но тут вдруг Жан Таппен перекатился к нему и схватил за грудки. Потом рванул на себя со всей мочи, и Сокольник грохнулся лбом об пол. Чудовищная боль, раздиравшая внутренности Локка, сейчас исчезла, а Весгриса издала очередной пронзительный крик.

Не теряя ни секунды, Локк рубанул топориком и с сухим хрустом раздробил левое крыло пернатой твари.

Сокольник истошно завопил и забился столь яростно, что почти вырвался из хватки Жана. Он орал дурным голосом и в совершенном ужасе пучил глаза, мертвой хваткой вцепляясь в руку своего противника. Локк с размаху пнул мага в лицо, и тот тяжело перевалился на спину, захлебываясь и отплеываясь кровью из перебитого носа.

— У меня к тебе только один вопрос, ты, надменный ублюдок, — сказал Локк. — Я прекрасно понимаю, что фамилия Ламора очень примечательная. Честно говоря, я понятия не имел, что она означает в переводе, когда взял ее себе. Просто перенял имя старого колбасного торговца, который подкармливал меня, малого ребенка, в Горелище, еще до чумы. Ну понравилось мне слово «Ламора», и все тут. Но с чего ты взял, — с расстановкой проговорил он, — нет, ну с чего ты взял, дурень, что Локк — подлинное мое имя. данное мне при рождении?

Он снова взмахнул топориком, развернув его лезвием вниз, и одним ударом отрубил голову скорпионьему соколу.

Предсмертный крик птицы отозвался эхом от стен и слился с душераздирающим воплем Сокольника, который схватился за

голову и бешено заколотил ногами. Столь страшные звуки совершенно невыносимы для слуха, и Локк с Жаном облегченно вздохнули, когда маг, прерывисто всхлипывая, погрузился в беспамятство.

2

Ощувшись, Сокольник из Картена обнаружил, что лежит распластанный на пыльном полу. В воздухе висел запах крови — крови Вестрисы. Колдун закрыл глаза и беззвучно заплакал.

— Всё, господин Ламора, теперь мерзавцу нишчем не вырваться, — доложил Ибелиус.

Освободившись от напущенных на него чар, собачий лекарь с превеликой охотой пособил связать картенца. Они с Жаном нашли в глубине особняка несколько железных штырей и вколотили их в пол, а мага привязали к ним за руки и за ноги длинными полосами ткани, оторванными от простыней. Полосками поменьше они туго обмотали Сокольнику все пальцы, чтоб он и шевельнуть ими не мог.

— Хорошо, — кивнул Локк.

Жан Таннен сидел на тюфяке, уставившись на мага тусклыми глазами, окруженными тенью. Локк стоял в ногах у пленника, глядя на него с лютой ненавистью.

Ибелиус присел на корточки над стеклянной банкой, в которой горел масляный фитиль, и стал раскалять над огнем лезвие кинжала. К потолку поднималась струйка бурого дыма.

— Вы безмозглые дураки, если решили убить меня, — всхлипывая, проговорил Сокольник. — Подумайте о последствиях: мои собратья жестоко отомстят вам.

— Я и не собираюсь тебя убивать, — сказал Локк. — Просто поиграю в тобой в занятную игру под названием «вопи от боли, пока не ответишь на мои вопросы».

— Делайте что хотите. Кодекс моей гильдии запрещает предавать клиентов.

— Да ты больше не работаешь на своего клиента, болван несчастный. И никогда уже не будешь на него работать.

— Готово, господин Ламора, — сообщил Ибелиус.

Выгнув шею, картенский маг испуганно посмотрел на собачьего лекаря. Потом судорожно сглотнул, облизал пересохшие губы и лихорадочно пошарил по сторонам мокрыми от слез глазами.

— В чем дело? — Локк осторожно взял докрасна раскаленный кинжал, протянутый Ибелиусом. — Боишься огня? С чего бы вдруг? — Он усмеялся без тени веселости. — Ведь только огонь и спасет тебя от смертельной кровопотери.

Жан поднялся с тюфяка и встал коленом на левую руку мага, придавив к полу запястье. Локк медленно шагнул вперед, держа в одной руке топорик, а в другой раскаленный кинжал.

— Теоретически я очень даже одобряю ваши действия, — сказал собачий лекарь. — Но на практике я бы... э-э... предпочел удалиться.

— Конечно, господин Ибелиус, как вам угодно.

Старик с порохом отодвинул дверной запавес и исчез за ним.

— Итак, — обратился Локк к пленнику. — я согласен, что убивать тебя, пожалуй, не стоит. Но когда я наконец позволю тебе с позором удрать обратно в Картен, ты вернешься туда как наглядное свидетельство того, какая участь ждет твоих поганых собратьев, этих кичливых негодяев с мозгами набекрень, коли они посмеют досаждать кое-кому в Каморре.

Жанов топорик стремительно взлетел и опустился, с хрустом отрубив мизинец картенского колдуна. Сокольник испустил дикий вопль.

— Это за Паску, — сказал Локк. — Помнишь Наску?

Он снова взмахнул топориком — и безымянный палец покотился по пыльному полу. Из обрубка брызнула кровь.

— А это за Кало.

Еще один взмах — и Сокольник лишился среднего пальца. Маг извивался и корчился в своих путах, истощно визжа и мотая головой из стороны в сторону.

— И за Галдо тоже. Знакомые имена, не правда ли, господин вольнонаемный маг? Для тебя — лишь подстрочные примечания к тексту договора, заключенного гобой с клиентом. А для меня — имена моих любимых друзей. Так, теперь следующий палец. Этот — за Клопа. На самом деле за мальчонку следовало бы оттянуть мизинец — да, впрочем, какая разница!

Топорик снова взлетел и опустился — и указательный палец Сокольника присоединился к своим собратьям, отправленным в кровавое изгнание.

— Ну а все остальные твои пальцы, — сказал Локк, — все до единого — это за нас с Жаном.

3

Работа была довольно утомительной; чтобы прижечь все раны, книжал пришлось раскалять несколько раз. Ко времени, когда Локк с Жаном закончили, Сокольник лежал с зажмуренными глазами и стиснутыми зубами, трясаясь и подергиваясь от боли.

— Ну а теперь настало время поговорить, — сказал Локк, усаживаясь на грудь картенцу.

— Я не могу... — прошептал колдун. — Я не имею права выдавать секреты своего клиента.

— У тебя больше нет клиента. Ты больше не работаешь на капю Разу. Он нанимал могущественного картенского мага, а не беспалого уродца с дохлой птицей в придачу. Лишив тебя пальцев, я освободил тебя от всех обязательств перед Разой. Так мне представляется, во всяком случае.

— Иди к черту! — прохрипел Сокольник.

— Прекрасно. Значит, ты выбираешь трудный путь, — усмехнулся Локк и бросил остывший книжал Жану, который вновь принялся раскалять на огне лезвие. — Будь на твоём месте любой другой мужчина, я бы в следующую очередь занялся твоими яйцами и отпустил бы немало шуточек насчет евнухов. Но сдается мне, такую утрату ты в силах перенести; все-таки ты у нас не рядовой мужчина. Думаю, единственное, что ты по-настоящему боишься потерять, до смерти боишься, — это твой язык.

Колдун в ужасе уставился на Локка.

— Умоляю, сжальтесь надо мной, — хрипло проговорил он, едва шевеля дрожащими губами. — Смилуйтесь, богов ради... Я просто выполнял условия договора, заключенного с клиентом.

— Ты вышел за пределы дозволенного, когда взялся за моих друзей.

Прошу вас... — прошептал Сокольник.

— Нет, я вырежу тебе язык. И прижгу обрубок, пока ты будешь корчиться от боли. Превращу тебя в немтыря. Полагаю, без пальцев ты в конце концов еще научился бы творить кое-какие магические заклинания — но без языка?

— Не надо! Умоляю!...

— Тогда говори! — велел Локк. — Рассказывай все, что я хочу знать.

— О боги! — прорыдал Сокольник. — Да простят меня боги! Спрашивайте... задавайте свои вопросы.

— Поймаю тебя на лжи -- оттяпаю сначала яйца, потом язык, — предупредил Локк. — Не испытывай моего терпения. Почему капа Раза решил убить нас?

— Деньги, — прошептал маг. — Вамне подземное хранилище. Я узнал о нем, когда начал следить за вами. Сперва Раза собирался использовать вас для того лишь, чтобы отвлечь внимание капы Барсави. Но когда мы обнаружили, сколько денег вы успели накопить, он захотел завладеть вашим богатством — чтобы расплатиться со мной еще за месяц службы. Он нуждался в моей помощи, чтобы успешно завершить все свои дела здесь, в городе.

— Так вы убили моих друзей и пытались убить Жана и меня самого из-за каких-то поганых денег?

— Вы производите впечатление человека, который обид не прощает, — задыхаясь и кашляя, проговорил Сокольник. — Забавно, правда? Мы решили, что для нас будет безопаснее, если вы все благополучно отправитесь к праотцам.

— Вы правильно решили. Так, теперь насчет капы Разы, Серого короля, или как там его еще.

— Анатолиус.

-- Это его настоящее имя? Лучано Анатолиус?

— Да. Откуда вы знаете?

— Отвечай на мои вопросы, черт тебя подери! Анатолиус, значит. Почему он имел зуб на Барсави?

— Все дело в Тайном уговоре.

— Он-то здесь при чем?

— Заключение Тайного уговора сопровождалось большим кровопролитием... и разными трагическими событиями. Тогда в городе жил один богатый, влиятельный торговец, располагавший достаточными средствами и возможностями, чтобы узнать о секретной договоренности между капой Барсави и герцогским Пауком. Будучи незнатного происхождения, он страшно разозлился, что уговор на него не распространяется.

— И Барсави с ним расправился во избежание возможных осложнений?

— Да. Аврам Анатолиус, торговец из Фонтанного квартала. Барсави убил его самого, жену и троих младших детей — Лавина, Ариану и Морина. Но трое старших успели сбежать из города с одной из служанок — она уберегла их от смерти, выдав за собственных детей, и отвезла в Талишем подальше от опасности.

— А звали их Лучано, Черина и Райза.

— Да... самый старший сын и сестры-близнецы. Всю свою сознательную жизнь они были одержимы жаждой мести, господин Ламора. Вы в сравнении с ними — лишь жалкий любитель. К событиям, произошедшим в городе за последние пару месяцев, они готовились целых двадцать два года. Черина и Райза вернулись в Каморр восемь лет назад под вымышленными именами, заслужили славу искусных контрареквизитов и стали самыми доверенными слугами Барсави. Лучано же сделался моряком, дабы овладеть искусством командования и скопить состояние, которое позволило бы оплатить услуги вольнонаемного мага.

— Капа Раза был капитаном грузового судна?

— Нет, пирагом. Но не одним из грязных, оборванных дикарей, каких полно в Медном море, а настоящим знатоком своего дела, хладнокровным, неприметным и неуловимым. Он нападал редко, но всегда чрезвычайно успешно: захватывал ценный груз эмберленских галеонов, пускал корабли ко дну и не оставлял в живых ни одного свидетеля, способного указать на него.

— Черт побери! — вдруг медленно проговорил Жан. — Ох же черт побери. Он — капитан «Сатисфакции»!

Да, так называемого чумного корабля, — хихикнул Сокольник. — Просто удивительно, насколько легко отпугнуть людей от твоего корабля, чтобы не совали нос куда не надо!

— И под видом благотворительной помощи он перенправляет на судно свои богатства, — сказал Жан. — То бишь все деньги, похищенные у нас, и все деньги, прежде принадлежавшие Барсави.

— Ага, — печально вздохнул картенский маг. — Только теперь они принадлежат моей гильдии — плата за оказанные услуги.

— Ну это мы еще посмотрим. А что дальше? Несколько часов назад я видел твоего хозяина Анатолиуса в Вороновом Гнезде. Что он собирается делать дальше, черт возьми?

— Хм... — Сокольник на минуту задумался; Локк нетерпеливо ткнул его топориком в шею, и маг загадочно улыбнулся. — Вы хотите убить Раза, Ламора?

— *Ha jastica vei cala.* — раздельно произнес Локк.

— Ваш старотеринский вполне сносен, — сказал картенец. — Но вот с произношением у вас просто беда. Ну да, «цвет правосудия — красный». Так вы жаждете поквитаться с ним, значит? Хотите, чтоб он визжал резаной свиной под вашим пожом?

— Для начала и такое сгодится.

Неожиданно Сокольник запрокинул голову и разразился смехом — пронзительным смехом с потками безумия. Грудь его бурно вздымалась, из глаз текли слезы.

— Что такое? — Локк снова ткнул мага топориком. — Хватит прикидываться полоумным и отвечай на мой вопрос, чтоб тебя!

— Да я дам даже два ответа, — задыхаясь от хохота, проговорил Сокольник. — Выбирайте любой на свой вкус. Что один, что другой вас сильно расстроит. Который сейчас час?

— А какая тебе, к черту, разница?

— Сейчас все объясню. Только скажите, который сейчас час.

— Ну, положим, где-то половина восьмого, — прорычал Жан, и картенец зашелся в новом приступе смеха.

На худом лице его отражалось веселье, какого совершенно нельзя ожидать от человека, только что лишившегося всех пальцев.

— Что за дьявол? Отвечай на вопрос — или я отрублю тебе еще что-нибудь!

— Анатолиус вернется на Плавучую Могилу. У галеона, возле одного из потайных выходов, стоит шлюпка. С наступлением часа Лжесвета «Сатисфакция» поднимет якорь — сначала направится на восток, потом к южной окраине Дровяной свалки, ну а оттуда — в открытое море. Все люди Разы уже на борту — они пробрались на судно по одному-двум в лодке, что доставляла туда как называемое продовольствие. Все сбежали из города, точно крысы с тонущего корабля. Раза останется здесь до самой последней минуты. Это в его характере: последним покидать место опасности. Они подберут своего вожака с берега к югу от Дровяной свалки.

— Все люди Разы? — переспросил Локк. — То есть все до единого, кто помогал ему здесь?

— Да, — подтвердил Сокольник. — Рассчитайте время правильно — и застанете его одного на берегу, прежде чем он поднимется на борт своего корабля.

— Это меня несколько не расстраивает. Напротив, очень даже радует.

— Но есть еще одно важное обстоятельство. Выход «Сатисфакции» в море — не конечная цель Анатолиуса, но всего лишь часть большого плана, который он осуществляет.

— Часть плана?

— Да пошевелите мозгами, Ламора! Вы же не тупой, право слово. Барсави убил Аврама Анатолиуса — но кто позволил ему сделать это? Кто был, так сказать, соучастником?

— Ворченца, — медленно проговорил Локк. — Донья Ворченца, герцогский Паук.

— Вот именно. — кивнул Сокольник. — А за ней стоит тот, кто уполномочил ее принимать такие решения.

— Герцог Никованте.

— Да. — прошептал колдун, заметно воодушевляясь. — Именно так! Но не он один. Кто выиграл от Тайного уговора? Кто старался скрыть достигнутые соглашения в ущерб низкородным торговцам вроде Аврама Анатолиуса?

— Здешняя знать.

— Да. Каморрские аристократы. И теперь Анатолиус намерен покарать их.

— Их? Кого именно?

— Да всех сразу, господин Ламора!

— Но как такое возможно, черт побери?

Пирамиды. Четыре необычные пирамиды, доставленные сегодня герцогу в качестве подарка. Сейчас они стоят на разных этажах Воронова Гнезда.

— Пирамиды? Ну да, видел сегодня такие — золото, стекло и разноцветные алхимические фонари. Твоя работа?

— Нет. Я такими пустяками не занимаюсь. Переменчивые алхимические огни смотрятся прекрасно, но на самом деле они пустая безделка. Однако в недрах пирамид скрывается нечто поистине неожиданное.

— Что имелось?

— Алхимические фитили. Они спустя время догорят до глиняных горшков с маслом, которые полыхнут ярким пламенем.

— И всего-то?

— О нет, господин Ламора. — Теперь картенский маг ухмылялся во весь рот. Прежде чем панять меня, Анатолиус потратил уйму денег на покупку одного редкого минерала.

— Хватит валять дурака, Сокольник! О чем ты говоришь, твою мать?

— Призрачный камень.

Локк с минуту молчал, потом потряс головой, словно прогоняя ненужные мысли:

— Да ты бред несешь!

— Сотни фунтов призрачного камня содержатся в диковинных пирамидах, выставленных на обозрение каморрской знати, которая сегодня к часу Лжесвета соберется в приемных залах Во-

ронова Гнезда. Там будет и сам герцог, и Паук, и все их друзья, родственники, наследники и слуги. Что вам известно о дыме прозрачного камня, господин Ламора? Он чуть легче воздуха и будет подниматься вверх, пока не заполнит все четыре этажа, где проводится праздник; а через воздухопроводные отверстия в крыше он проникнет в Небесный сад, где сейчас резвятся все малолетние отпрыски каморрских аристократов. Люди, находящиеся на посадочных террасах, возможно, и успеют спастись... хотя я сильно в этом сомневаюсь.

— К часу Лжесвета, — тихо проговорил Локк.

— Именно, — прошипел Сокольник. — Теперь вы видите, какой выбор вам предстоит сделать, господин Ламора? В час Лжесвета человек, которого вы жаждете убить, ненадолго останется один на Плавучей Могиле. И в час Лжесвета шестьсот человек наверху Воронова Гнезда постигнет участь страшнее смерти. Ваш друг Жан, похоже, совсем плох — вряд ли он в силах вам помочь. Так что выбор за вами, господин Ламора. Удачи в принятии решения.

Локк резко встал и бросил топорик Жану.

— Черт бы тебя побрал, Сокольник! Ни о каком выборе здесь и речи быть не может.

— Ты в Вороново Гнездо? — спросил Жан.

— Куда же еще?

— Желаю приятно провести время, пытаюсь убедить стражников и знатных господ в своей искренности, — насмешливо произнес маг. — Сама донья Ворченца уверена, что пирамиды не представляют никакой опасности.

— Ну ладно. — Локк криво усмехнулся и поскреб затылок. — Сегодня я желанный гость в Вороновом Гнезде. Думаю, меня там встретят с распростертыми объятиями.

— А как ты оттуда выберешься? — осведомился Жан.

— Не знаю. Ни малейшего понятия не имею. Но такое положение дел всегда играло мне на руку. Все, я помчался. Жан, если ты все-таки пойдешь к Плавучей Могиле, а ты наверняка пойдешь... ради всех богов, затаись где-нибудь поблизости от нее, только не вздумай туда соваться! Сейчас ты совершенно не в состоянии сражаться. — Локк повернулся к картенскому магу. — Капа Раза... как он владеет клинком?

— Превосходно. — широко улыбнулся Сокольник.

— Так... слушай, Жан. Я сделаю все, что возможно, в Вороновом Гнезде, а потом попробую успеть к Плавучей Могиле. Если

опоздаю — ничего не понишешь. Мы пустимся в погоню за каной Разой и рано или поздно доберемся до него. Но если я не опоздаю, если он все еще будет там...

— Локк, да ты шутишь, наверное! Позволь мне по крайней мере пойти с тобой. Если Раза хоть сколько-нибудь владеет клинком, он тебе в два счета кишки выпустит.

— Хватит спорить, Жан. Ну посмотри на себя: ты же еле на ногах держишься от слабости — толку от тебя сейчас, считай, никакого. А я вполне здоров и безумно зол. Еще неизвестно, как повернется дело. Ладно, мне пора бежать. — Обняв друга на прощание, Локк быстро двинулся прочь, но у самой двери остановился и оглянулся. — Отрежь мерзавцу язык.

— Но вы же обещали! — дурным голосом заорал Сокольник. — Вы же обещали!

— Я тебе ничего не обещал, паскуда. А вот своим мертвым друзьям дал слово, которое намерен сдержать.

Локк откинул парусиновую занавеску и стремительно вышел из комнаты. Присев на корточки, Жан в какой уже раз принялся раскалять над огнем лезвие кинжала. Резво шагая по усыпанной мусором улице, Локк слышал истошные вопли Сокольника, которые постепенно стихли в отдалении, когда он повернул на север и трусцой побежал в сторону Шепотного холма.

4

Время шло к половине девятого, когда Локк снова вступил в широкий мошениый двор главной из Пяти башен. Добраться сюда из Зольника оказалось не так-то просто. Пробейся-ка сквозь толпы пьяных гуляк, уже потерявших всякое соображение и телесную чувствительность, а потом еще пройди через альсегрантскую сторожевую заставу. В конце концов Локку удалось убедить солдат, что он адвокат, спешащий на встречу с одним своим знакомым из числа герцогских гостей; вдобавок он сунул стражникам несколько золотых тиринов из спрятанного в рукаве кошелька — «подарок по случаю дня летнего солнцеворота». Если учесть все эти сложности, казалось чудом, что он вообще успел вовремя. До Лжесвета оставался еще час с четвертью; небо на западе уже начинало краснеть, а на востоке наливалось ночной синевой.

Локк стал пробираться через тесные ряды экипажей. Лошади переступали копытами и тихо ржали; многие из них опорожнились на гладкие плиты самого большого парадного двора в Каморре. Благородный Каналья возмущенно фыркнул: все-таки лошади не какие-нибудь там веррарские водоподающие машины, чтобы вот так вот оставлять их здесь для своей надобности. Лакеи, кучера и охранники стояли кучками, жуя закуски и глаза на Пять башен, чьи стены из Древнего стекла уже загорались странными яркими цветами в лучах заката.

Локк, усиленно соображавший, что бы такое убедительное сказать слугам у подъемника, настолько погрузился в свои мысли, что даже не заметил Конте, пока тот не обхватил его сильной рукой за шею сзади, одновременно ткнув стилетом в поясницу.

— Так-так, — произнес знакомый голос. — Господин Фервайт! Благодарение богам. Даже пикнуть не смей, просто иди со мной.

Крепко подталкивая сзади, Конте повел своего пленника к одной из близстоящих карет — Локк мигом признал в ней экипаж, в котором прибыл сюда с Софией и Лоренцо. Карета представляла собой черный лакированный короб с единственным окошком напротив дверцы, сейчас наглухо закрытым шторкой.

Конте швырнул Локка на мягкое сиденье, захлопнул за собой дверцу и уселся напротив, держа стилет наготове.

— Конте, послушай, — заговорил Локк, уже не пытаясь изображать вадранский акцент, — мне нужно подняться наверх. Всем, кто сейчас там находится, грозит смертельная опасность.

Он даже не догадывался, что из сидячего положения можно нанести столь сильный пинок. Конте уперся свободной рукой в сиденье и показал, что такое очень даже возможно. Удар грубого башмака отбросил Локка в угол кареты; голова треснулась о деревянную стенку, зубы лягнули, прикусив язык, и во рту растекаясь солоноватый вкус крови.

— Где деньги, засранец?

— Так у меня все забрали!

— Слабо верится. Шестнадцать с половиной тысяч полных крон?

— Да пожалуй что и больше. Прибавь сюда еще стоимость жратвы и развлечений в Плавучем цирк...

Конте снова резко выбросил вперед ногу, и Локк снова грохнулся об стенку.

— Черт тебя побери, Конте! Говорю же, нет у меня никаких денег! Меня самого обчистили! Но сейчас это не важно!

— Послушай-ка внимательно, господин-твою-мать-Фервайт. Я сражался у холма Священных Врат. Тогда я был много моложе тебя нынешнего.

— Ну и молодец! Хотя мне совершенно плева... — Локк осекся, получив очередной сильный удар ногой.

— Я сражался у холма Священных Врат, — продолжал Конте, — когда был совсем еще юнцом. Самым перессавпимся, наверное, из всех копейщиков герцога Никованте, что участвовали в той мясорубке. Я просто помирал со страху; мой непосредственный командир был в полной заднице, веррарская пехота и кавалерия Полоумного графа напирали. Нашу конницу откинули назад, нас выбили с занятых позиций. Каморрские аристократы обратились в бегство — все, помимо одного.

— Я, хоть убей, не понимаю, при чем здесь все это. — Локк потянулся было к двери, но Конте угрожающе поднял кинжал, приказывая оставаться на месте.

— Барон Иландро Сальвара, — промолвил Конте. — Он сражался, пока под ним не пала лошадь. Сражался, пока не получил четыре тяжелые раны, после чего его волоком утащили с поля боя. Для всех прочих аристократов мы были просто расходным мясом; Сальвара же чуть не погиб, пытаясь спасти своих солдат. Уволившись из герцогской армии, я несколько лет прослужил в городской страже, а когда все там у меня пошло наперекосяк — испросил аудиенцию у старого дона Сальвары. Я напомнил барону, что мы с ним вместе бились у холма Священных Врат. Сказал, что тогда он спас мою чертову жизнь и теперь я готов преданно служить ему до скончания его жизни. И он взял меня на службу. Когда барон умер, я положил столь же преданно служить Лоренцо, его сыну. Еще раз потянься к двери, Ламора, и я из тебя решимости-то подвыпущу, с кровушкой вместе... Вот Лоренцо... — продолжал Конте с нескрываемой гордостью. — Он настоящий делец, не в пример своему отцу. Но сделан из того же крутого теста. Сам посуди: он ринулся в тот переулок с кинжалом в руке, когда не знал, что вы там дурацкий спектакль разыгрываете, когда думал, что ты и впрямь подвергся нападению разбойников. Сейчас ты гордишься собой, червяк? Гордишься тем, что хитро обманул человека, попытавшегося спасти твою ничтожную жизнь?

— Я делаю, что должен, Конте, — проговорил Локк с яростью, удивившей его самого. — Делаю, что могу. Твой Лоренцо что, праведный служитель Переландро? Нет, он каморрский аристократ, извлекающий выгоду из Тайного уговора. Его прапрапрадед наверняка перерезал не одну глотку, чтобы получить знатный титул. А твой Лоренцо на этом изо дня в день наживается. В Котлище голодные люди хлебуют чай из золы, заваренной на моче, в то время как ты услужливо чистишь фрукты да утираешь губы своим хозяевам. Не надо рассказывать мне, что и почему я сделал. Сейчас мне нужно подняться наверх Воронова Гнезда.

— Сперва ты скажешь, где деньги, или я выбью из тебя все дерьмо, на каждом куске которого останется отпечаток моего башмака.

— Послушай, Конте. Всем, кто сейчас находится в Вороновом Гнезде, грозит смертельная опасность.

— Я тебе не верю. И не поверил бы, даже скажи ты, что меня зовут Конте. Даже скажи ты, что огонь горячий, а вода мокрая. Чего бы ты ни хотел — хрен тебе, не получишь.

— Конте, умоляю тебя! Ну сам подумай, куда я сбегу из Воронова Гнезда? Там же все до единого Полуночники! Там герцогский Паук! Там все Ночные дозорщики! Там три сотни каморрских аристократов! А я безоружен. Ну заломи мне руки и самолично доставь туда. Во имя всех богов, доставь меня наверх! Нам нужно подняться на башню до часа Лжесвета, иначе будет уже поздно!

— Поздно для чего?

— Нет времени объяснять. Услышишь мой разговор с Ворченцей — сам все поймешь.

— На черта тебе разговаривать с этой выжившей из ума старушкой?

— Виноват. Похоже, я лучше тебя осведомлен о положении вещей. Слушай, я не могу больше лясы точить. Прошу тебя, Конте, богов ради! Да, я не Лукас Фервайт. Я гнусный вор. Свяжи мне руки, приставь нож к спине — делай что хочешь, я не возражаю. Только доставь меня в Вороново Гнездо. Ну пожалуйста, Конте!

— Как твое настоящее имя?

— Да какая разница?

— Отвечай! — потребовал Конте. — И тогда, возможно, я свяжу тебе руки, кликну стражников и поднимусь с тобой наверх.

Локк покорно вздохнул:

— Меня зовут Таврин Каллас.

Несколько мгновений Конте пристально смотрел на него, потом хмыкнул:

— Ну ладно, господин Каллас. Вытяни руки вперед и не двигайся. Сейчас я тебя свяжу, да так, чтоб побольнее было. Потом пойдем прогуляемся.

5

Чернокурточники, стоявшие у посадочных площадок внизу, разумеется, уже знали словесный портрет Локка, а потому прерменно обрадовались, кода Конте пригласил к ним пленника со связанными руками. Они зашли в клеть — Локк с двумя солдатами по бокам и Конте сзади — и стали подниматься наверх.

— Пожалуйста, отведите меня к донье Ворченце, — попросил Локк. — Если не сможете ее найти, разыщите господина или господжу Сальвара. Или хотя бы одного из ваших капитанов по имени Рейнарт.

— А ну, заткнись! — рыкнул один из чернокурточников. — Пойдешь, куда поведут.

Клеть с лязгом остановилась у посадочной террасы. Взоры гостей, толкущихся там, с любопытством обратились на Локка, сопровождаемого тремя конвоирами. В первом же приемном зале, неподалеку от входа, стоял капитан Рейнарт с тарелкой медово-коричневых корабликов в руке. При виде Локка глаза у него расширились; он быстро отправил в рот остатки марципанового паруса и резким движением сунул тарелку проходящему мимо подавальщику, едва не упавшему от неожиданности.

— Черт подери! — воскликнул Рейнарт. — Где вы его отыскали?

— Это не мы, сударь, а вон он. — Чернокурточник ткнул большим пальцем через плечо. — Он говорит, что служит у дона и доньи Сальвара.

— Я поймал малого около экипажей, — сказал Конте.

— Просто невероятно! Отведите задержанного в восточный коридор этажом ниже. Там есть пустая кладовая без окон. Обыщите его, разделайте до подтанников и бросьте туда. И чтобы у двери безотлучно караулили двое. Мы побеседуем с ним после полуночи, когда гости начнут расходиться.

— Нет, Рейнарт, нет! — вскричал Локк, тщетно пытаясь вырваться из хватки мужчин. — Я сам вернулся! По своей воле, пони-

маете? Всем здесь грозит смертельная опасность! Вы же посвящены в дела своей приемной матери? Мне необходимо поговорить с доньей Ворченцей!

— Меня предупредили особо упи не развешивать на твои рассказы. — Рейнарт сделал знак чернокурточникам. — В кладовую, живо!

— Рейнарт, нет! Пирамиды, Рейнарт! Загляните в чертовы пирамиды!

Он уже вопил во все горло. Гости поворачивались и вытягивали шею, весьма заинтересованные происходящим. Рейнарт ладонью зажал Локку рот. Из толпы появились еще несколько чернокурточников.

— Будешь шуметь и дальше — пушу тебе кровь на глазах всех присутствующих здесь господ, — угрожающе произнес Рейнарт и отнял руку от лица пленника.

— Я знаю, кто она. Рейнарт! Знаю, кто такая донья Ворченца! Я буду орать об этом во всех залах, через которые вы меня силком протащите. И прежде чем вы запрете меня в кладовой, об этом узнают все, кто здесь находится! Прошу вас, обследуйте пирамиды!

— А что с ними не так?

— В них кое-что спрятано, черт возьми! Они доставлены в баню приспешниками капы Разы, замыслившего чудовищное злодеяние.

— Пирамиды — подарок герцогу от одного из гостей. Мои начальники самолично осмотрели каждую из них.

— Ваши начальники подпали под воздействие колдовских чар. На капу Разу работает вольнонаемный маг! Я уже не раз убеждался, что ему ничего не стоит затуманить человеку разум.

Чушь какая-то! Самому не верится, что стою здесь и слушаю очередную сказку, тобой сочиненную. Все, тащите малого вниз, только дайте-ка я сначала заткну ему пасть.

Рейнарт схватил льняную салфетку с подноса у подавальщика, стоявшего рядом, и принялся скручивать из нее кляп.

— Рейнарт, умоляю, отведите меня к донье Ворченце! Ну какого рожна я стал бы возвращаться, кабы не чрезвычайные обстоятельства? Если вы сейчас посадите меня в кладовую, все здесь погибнут к чертовой матери! Я связан и под стражей — богов ради, отведите меня к донье Ворченце!

Несколько мгновений Стефан холодно смотрел на него, потом бросил салфетку обратно на поднос и поставил палец в лицо Локку:

— Ладно, так и быть. Отведу тебя к донье. Но если пикнешь хоть слово, пока мы туда идем, я заткну тебе пасть, избыю до потери чувств и швырну в кладовую. Ясно?

Локк усиленно закивал.

Рейнарт знаком велел еще нескольким чернокурточникам присоединиться к процессии и повел пленника, под охраной шести солдат и Конте, через зал и вниз по лестнице. Они прошагали по тому же коридору к той самой гостиной, где Локк впервые увидел донью Ворченцу. Старая графиня сидела в кресле, прижимая к губам мокрую салфетку, а подле нее на коленях стояла донья София. Дон Сальвара неподвижно стоял у окна, поставив ногу на подоконник. Все трое немало изумились, когда Рейнарт распахнул дверь и втолкнул Локка в комнату.

— Никого не впускать! — приказал Рейнарт стражникам — Прошу прощения, но на вас это тоже распространяется, — добавил он, когда Конте двинулся за ним следом.

— Пускай слуга доня Сальвары войдет, Стефан, — велела донья Ворченца. — Он уже знает столь многое, что скрывать от него все остальное не имеет смысла.

Конте вошел, почтительно поклонился графине и крепко схватил пленника за локоть, пока Рейнарт запирает дверь. Супруги Сальвара хмуρο усталились на Локка.

— Привет вам, София. И вам, Лоренцо. Приятно видеть вас обоих снова, — произнес Локк своим обычным голосом, без всякого акцента.

Старая графиня поднялась с кресла, в два шага подошла к Локку и с размаху ударила ладонью по губам. Голова у него дернулась вправо, шею пронзила острая боль.

— Ох!.. Вы чего это?

— Возвращаю должок, господин Шин.

— Да вы же первая ткнули меня отравленной спицей!

— Вы это заслужили, — отрезала Ворченца.

— Я лично так не счи...

Рейнарт схватил Локка за левое плечо, рывком развернул к себе и врезал кулаком в челюсть. Для особы столь преклонного возраста и столь хилого телосложения Ворченца выступила весьма неплохо, но Рейнарт умел бить по-настоящему. Локк провалился

в черноту, а очнувшись, обнаружил, что валяется на боку в углу комнаты. В голове у него, прямо за глазами яблоками, молотили кувалдами по наковальням крохотные кузнецы. «Интересно, как они туда забрались?» — смутно подумал он.

— Я же говорил, кажется, что донья Ворченца — моя приемная мать, — сказал Рейнарт.

— Ух ты! — весело усмехнулся Конте. — Ваша закрытая вечеринка вполне в моем вкусе.

— А кто-нибудь из вас догадается поинтересоваться, — проговорил Локк, с трудом поднимаясь на четвереньки, — какого черта я вернулся в Вороново Гнездо после того, как благополучно удрал отсюда?

— Вы спрыгнули с выступа на стене, да? — спросила донья Ворченца. — И уцепились за клеть, спускающуюся вниз?

— Совершенно верно. Все прочие пути бегства я посчитал слишком опасными для своего здоровья.

— Вот видишь, Стефан! Я же говорила!

— Ну, в общем-то, я не исключал такой возможности, — сказал вадранец. — Просто мне даже думать не хотелось, что кто-то и впрямь выкинул подобную штуку.

— Стефан не любит высоты, — пояснила старая графиня.

— И правильно делает, — кивнул Локк. — Но пожалуйста, прошу вас, выслушайте же меня наконец! Я вернулся, чтобы предупредить вас о смертельной угрозе. Пирамиды с переменчивыми огнями... кана Раза доставил сюда четыре таких. Они представляют ужасную опасность для всех присутствующих в башне.

— Пирамиды? — Донья Ворченца недоуменно вскинула брови. — Ну да, некий господин преподнес в дар герцогу четыре пирамиды из стекла и золота. — Она взглянула на Рейнарта. — Уверена, герцогские охранники тщательно обследовали каждую из них и не обнаружили ничего подозрительного. Сама я толком ничего не знаю, просто высказываю свои соображения в качестве любезности.

— Мое начальство так мне и сообщило, — подтвердил Рейнарт.

— Ох, да бросьте уже! — вскричал Локк. — Вы — герцогский Паук. Я — Каморрский Шип. Вы встречались с капой Разой? И с вольнонаемным магом по имени Сокольник? Они говорили вам о пирамидах?

Дон и донья Сальвара ошеломленно вытаращились на Ворченцу. Старая дама заметно смутилась и закашлялась.

— Опаньки! — сказал Локк. — София и Лоренцо ничего не знают, да? Для них вы просто славная старушка, друг и советчик семьи? Извините, конечно, что ненароком выболтал ваш секрет. Но мне сейчас нужно поговорить с вами как с Пауком. С наступлением часа Лжесвета всем здесь будет крышка!

— Я знала! — выдохнула София. — Я знала! — Она вцепилась мужу в руку с такой силой, что тот поморщился. — Я же тебе говорила!

— А я все еще сомневаюсь, — отозвался Лоренцо.

— Да нет, — вздохнула донья Ворченца. — София не ошибается. Я действительно герцогский Паук. Но если это выйдет за пределы комнаты — прольется чья-то кровь.

Конте остолбенело смотрел на нее — с неопишваемым изумлением и своего рода одобрением. Локк наконец-то поднялся на ноги.

— Что же до пирамид, так я самолично обследовала все четыре, — продолжала донья Ворченца. — Это подарок герцогу, и ничего больше.

— Нет, это смертельная ловушка, — настойчиво возразил Локк. — Это средство осуществления чудовищного плана. Вскройте одну из них и убедитесь сами! Капа Раза хочет уничтожить всех до единого мужчин, женщин и детей, сейчас находящихся в Вороновом Пнезде. И поверьте, это будет страшнее, чем обычное убийство.

— Капа Раза — порядочнейший, благовоспитаннейший господин. Из скромности он едва не отказался от моего приглашения ненадолго присоединиться к нам здесь сегодня. А вы просто плетете очередную свою небылицу, преследуя собственные свои цели.

— О да, конечно! — взорвался Локк. — Я примчался обратно к Воронову Пнезду после удачного побега отсюда, сам себя связал покрепче и принудил толпу чертокурточников доставить меня наверх — все для собственных своих коварных целей. И вот я застиг вас там, где и рассчитывал. Ваши сраные пирамиды набиты Призрачным камнем, Ворченца! Призрачным камнем!

— Призрачным камнем? — испуганно встрепенулась София. — Откуда вы знаете?

— Да ничего он не знает! — отрезала донья Ворченца. — Он просто лжет. Пирамиды не представляют ни малейшей опасности.

— Вскройте одну из них, — повторил Локк. — Чтобы положить конец нашим спорам, всеми богами заклинаю вас — вскройте. С наступлением часа Лжесвета они воспламятся внутри.

— Пирамиды — собственность герцога, стоимостью в тысячи крон. Никто не станет портить великолепные изделия по безумной прихоти всем известного преступника.

— Тысячи крон против сотен жизней. Все до единого каморрские аристократы вот-вот превратятся в стадо животных, тупо мычащих и пускающих слюни, вы понимаете? Все дети, играющие сейчас в Небесном саду... вы можете представить их с глазами, затянутыми белой целеной, как у Усмирённых лошадей? Так вот, именно это случится со всеми нами! — проорал он. — Мы все станем Усмирёнными! Эта дрянь пожрет наши души!

— Ну... может, проверить и не помешает, — неуверенно произнес Рейнарт.

Локк с благодарностью посмотрел на него:

— Совсем не помешает, Рейнарт. Прошу вас, сделайте это!

Донья Ворченца потеряла виски:

— Нет, об этом и речи быть не может. Стефан, посади его под замок, в какое-нибудь помещение без окон. До завершения праздника.

— Донья Ворченца, — вскричал Локк в совершенном уже отчаянии, — вам что-нибудь говорит имя Аврам Анатолиус?

Она холодно воззрилась на него:

— Даже не знаю, как вам ответить. А вам-то оно что-нибудь говорит?

— Двадцать два года назад кана Барсави убил Аврама Анатолиуса. И вы знали об этом. Вы знали, что Аврам Анатолиус представляет угрозу для вашего Тайного уговора.

— Не вижу, при чем здесь это. Советую вам умолкнуть — или я заставлю вас замолчать уже навсегда.

— У Анатолиуса был сын, — лихорадочно проговорил Локк, когда Стефан шагнул к нему. — И он остался в живых, донья Ворченца. Лучано Анатолиус. Он и есть кана Раза. Лучано отомстил кане Барсави за смерть своих родителей и младших братьев с сестрой — а теперь он хочет отомстить вам и всем каморрским аристократам!

— Нет. — Старая графиня снова потеряла виски. — Нет, вздор какой-то. Кана Раза произвел на меня приятнейшее впечатление. Просто представить не могу, чтобы он пошел на такое.

— А Сокольник? — спросил Локк. — Вы помните Сокольника?

— Ну да. — медленно проговорила Ворченца отстраненным голосом. — Он... тоже очень мне понравился. Тихий и вежливый молодой человек.

— Сокольник с вами что-то сделал, донья Ворченца. Я своими глазами видел, как он вытворяет такие вещи. Он произносил ваше подлинное имя? Писал что-нибудь на бумаге?

— Я... я... не могу... — Донья Ворченца вся скрючилась; лицо ее собралось в глубокие морщины, словно от боли. — Я должна пригласить капю Разу... Было бы невежливо не пригласить его... на празднество в Вороново Гнездо... — Она рухнула на пол около кресла и испустила страдальческий вопль.

София и Лоренцо кинулись к старухе, а Рейнарт схватил Локка за грудки, рывком поднял в воздух на добрый фут от пола и шарахнул об стену.

— Что ты с ней сделал? — проревел он.

— Да ничего ровным счетом, — задыхаясь, выдавил Локк. — Это картенский маг напустил на нее чары! Ну сами посудите — она что, здраво рассуждает насчет пирамид?

— Стефан, — слабо прохрипела донья Ворченца, — отпусти Шипа. Он правду говорит... чистую правду... Раза и Сокольник... У меня почему-то из памяти вон вылетело... На самом деле я ведь и не собиралась удовлетворять просьбу нового капю... насчет приглашения... а потом Сокольник что-то там написал на листке...

Она снова поднялась с кресла, тяжело опираясь на руку Софии.

— Ты сказал, Лучано Анатолиус? То есть капа Раза — сын Аврама Анатолиуса? Но откуда ты это знаешь?

— Да от того самого вольнонаемного мага, которого распял на полу пару часов назад, — ответил Локк, соскальзывая по стенке и становясь на ноги, ибо Рейнарт наконец разжал хватку. — Я отрубал мерзавцу все пальцы один за другим, чтобы заставить его говорить. А напоследок велел вырезать язык и прижечь обрубком.

Все в ужасе уставились на Локка.

— Еще я обозвал его паскудой, — добавил тот. — Он здорово обиделся.

— Убить картенского мага — значит навлечь на себя муки страшнее смерти, — медленно проговорила донья Ворченца.

— Так он ведь жив. Просто жалок и никчемн во всех отношениях.

Донья Ворченца потрясла головой:

— Стефан, эти пирамиды... Одна из них стоит на этом этаже рядом с питейной стойкой?

— Да. — Рейнарт решительно двинулся к двери. — Что еще тебе известно про них, Шип?

— Там алхимические запалы. И глиняные горшки с горючим маслом. В час Лжесвета они воспламенятся, и вся башня заполнится дымом Призрачного камня. И Анатолиус уплывет в дальние края, надрываясь от хохота.

— Лучано Анатолиус — не он ли повстречался нам у лестницы? — спросила София.

— Он самый, — ответил Локк. — Лучано Анатолиус, он же капа Раза, он же Серый король.

— Если там и впрямь алхимические запалы, осмотреть пирамиды следует мне, — решительно промолвила София.

— Если это опасно, я пойду с тобой, — сказал Лоренцо.

— И я тоже, — подхватил Конте.

— Замечательно! Можем пойти все вместе! Будет весело! — Локк махнул связанными руками в сторону двери. — Только давайте уже поторопимся, мать вашу!

Ворченца и Рейнарт выпли из комнаты первыми, и капитан знаком велел встрепетавшимся чернокурточникам следовать за собой. Конте крепко взял Локка за плечо и повел в самом хвосте процессии. Они быстро прошагали по коридору в приемный зал.

— У другого конца питейной стойки, возле бокалов, за бархатным шнуром, — сказал Локк.

Толпа разгоряченных вином гостей расступилась перед странной процессией. Рейнарт широким шагом приблизился к солдату, охранявшему гору хрусталя.

— Этот конец стойки временно закрыт. Проследи за этим. — Потом он повернулся к другим чернокурточникам. — Встаньте оцеплением фугах в двадцати отсюда. Именем герцога никого не пропускать!

Донья Сальвара поднырнула под бархатный шнур и присела на корточки подле пирамиды. За стеклом, вделанным в грани, попрежнему переливалось разными цветами мягкое сияние.

— Капитан Рейнарт, кажется, я видела у вас за поясом перчатки. Можно позаимствовать?

Рейнарт протянул ей свои черные кожаные перчатки, и она их надела.

— Лишняя предосторожность не повредит. Изготовить яд чрескожного действия — раз плюнуть, — отсутствующим голосом произнесла София, начиная ощупывать и пристально разглядывать стеклянно-золотую поверхность.

Она обследовала все грани пирамиды одну за другой, хмурясь все сильнее по ходу дела.

Наконец молодая женщина поднялась на ноги.

— Не вижу ни единой щели в корпусе, ни единого шва. Искусная работа. Если устройство должно источать дым — ума не приложу, каким образом. — Донья Сальвара посгучала пальцем в перчатке по одному из оконцев. — Ну разве только... — Она постучала по оконцу еще раз. — Это так называемое декоративное стекло, тонкое и хрупкое. В скульптуре оно используется крайне редко, в алхимических лабораториях вообще никогда, поскольку при нагревании... — София повернулась к Локку столь резко, что ее темно-золотистые волосы разлетелись в стороны, на мгновение окружив голову подобием ореола. — Вы говорили, там внутри сосуды с горючим маслом?

Так мне сказал человек, отчаянно не желавший лишиться языка.

— Ага, тогда понятно. При возгорании масло выделит очень много тепла. От жара стекло расколется вдребезги — и дым потечет наружу! Капитан, разрешите мне воспользоваться вашей рапирой.

Если Рейнарт и растерялся на миг, то виду не показал: молча извлек рапиру из ножен и протянул донье Сальваре эфесом вперед. Осмотрев серебряное навершие рукояти, женщина удовлетворенно кивнула и ударила им по стеклу — оно разбилось с тонким звоном. Лезвием рапиры София поотбивала острые осколки по краям отверстия, после чего вернула оружие владельцу. В толпе зрителей, которую едва сдерживала редкая цепь поминутно извиняющихся чернокурточников, раздались испуганные возгласы.

— Осторожнее, дорогая! — встревожился Лоренцо.

— Не учи моряка срать в море, — пробормотала молодая дама, заглядывая в оконце — оно было шириной дюймов восемь внизу, а сверху темного сужалось.

Просунув внутрь руку в перчатке, София нащупала один из переливчатых алхимических фонарей и, легонько крутанув кистью, вытащила его из пирамиды.

— Надо же, даже не закреплен никак. — Она положила фонарь на пол и снова заглянула в оконце. А в следующий миг зажала ладонью рот и вскочила на ноги. — О боги!...

— Ну, что там? — шагнула к ней донья Ворченца.

— Призрачный камень, — с отвращением проговорила София. — Да так много, что запах слышен. — Она вся передернулась,

как делают иные люди при виде большого паука. — В одной этой пирамиде достаточно камня, чтобы навсегда «усмирить» всех присутствующих в башне. А ведь у нас еще три таких же. Капа Раза подошел к делу основательно.

Донья Ворченца посмотрела сквозь стеклянную стену на север. Небо на городом было значительно темнее, чем полчаса назад, когда Локка вели через зал на вторую встречу со старой графиней.

— София, ты можешь сделать что-нибудь? Можешь предотвратить возгорание?

— Вряд ли. Алхимических запалов не видать — не иначе, заложены под камнем. И в любом случае они могут воспламениться от одного прикосновения. Пытаться их обезвредить не менее опасно, чем дать им воспламениться.

— Нужно спустить пирамиды вниз и оттащить подальше, — предложил Рейнарт.

— Нет, — покачала головой София. — Будучи легче воздуха, дым Призрачного камня поднимается вверх. Отнести пирамиды на значительное расстояние от башни мы до прихода Лжесвета не успеем. Если они возгорятся у подножья Воронова Гнезда, все мы окажемся прямо в столбе дыма. Лучшее всего было бы утопить пирамиды — при взаимодействии с водой Призрачный камень уже через несколько минут теряет свои губительные свойства. То есть масло все равно будет гореть, но белый дым выделяться не будет. Ах, если бы только мы могли сбросить пирамиды в Анжевину!

— Не получится, — сказала донья Ворченца. — Но мы можем утопить их в пруду Небесного сада — он глубиной десять футов и футов пятнадцать в поперечнике. Этого достаточно?

— Да! Надо скорее поднять пирамиды наверх.

— Стефан... — начала графиня, но Рейнарт уже взялся за дело, не дожидаясь распоряжений.

— Дамы и господа! — проорал он во весь голос. — Нам требуется полное ваше содействие, именем герцога Никованте! Ночные дозорщики, ко мне! Расступитесь, дамы и господа, освободите проход к лестнице! Прошу прощения, но я не стану церемониться с теми, кто будет путаться под ногами. Нам необходимо срочно вынести эти чертовы штуковины из залов и поднять в Небесный сад. — Рейнарт схватил за плечо одного из своих солдат. — Беги на посадочную террасу, разыщи лейтенанта Рацелина. От моего имени прикажи удалить всех до единого детей из Небесного сада.

Чтоб через пять минут там никого не было. Он знает, что делать. Сейчас действуем, потом приносим извинения.

– Освободите мне руки, – попросил Локк. – Пирамиды-то тяжеленные. Я далеко не силач, конечно, но моя помощь будет не лишней.

Донья Ворченца с любопытством взглянула на него:

– А почему вы решили вернуться и предупредить нас, господин Шин? Почему не воспользовались случаем благополучно скрыться из города?

– Я вор, донья Ворченца, – спокойно ответил Локк. – Я вор и, возможно даже, убийца. Но подобное злодеяние переходит все мыслимые пределы. Кроме того, я поклялся расправиться с капой Разой, а значит, должен был расстроить его планы. Вот и все.

Он вытянул вперед руки, и старая графиня медленно кивнула:

– Хорошо, помогайте. Но позже мы с вами еще побеседуем.

– Всенепременно. Падесюж, на сей раз обойдется без отравленных спиц. Конте, будь другом, перережь чертовы веревки.

Телохранитель Сальвары выполнил просьбу, но угрожающе прорычал при этом:

– Попытаешься валять дурака – скину тебя в пруд и велю завалить пирамидами сверху.

Локк, Конте, дон Сальвара и несколько чернокурточников окружили пирамиду и присели, готовясь ее поднять. София, хмурясь, обвела мужчин глазами, а потом подошла и, немного потеснив мужа, заняла место с ним рядом.

– Пойду разыщу герцога, – сказала донья Ворченца. – Узнаю, доложили ли ему о происходящем.

Она торопливо зашагала прочь.

– Что ж, вполне посильная ноша для восьмерых, – проговорил Рейнарт, – но понотеть придется изрядно. Ступенек-то предстоит преодолеть немало.

Пошатываясь и спотыкаясь под тяжестью пирамиды, они поднялись на один лестничный пролет. На следующем этаже уже стояла в ожидании еще дюжина чернокурточников.

– Найти остальные три пирамиды! – прокричал Рейнарт. – По восемь человек на каждую! Найти и отнести в Небесный сад! Именем герцога гнать в шею всех, кто станет путаться под ногами... и богов ради, только не уроните проклятые скульптуры!

Вскоре еще три группы солдат, крихтя и чертыхаясь, тащили наверх другие три пирамиды. Локк обливался потом и задыхался; остальным вокруг приходилось не лучше.

— А что, если эта херовина возгорится прямо у нас в руках? — пропыхтел один из чернокурточников.

— Сначала мы получим сильнейшие ожоги ладоней, — ответила София, вся красная от усилий. — Потом лишимся чувств, не успев пройти и шести ступенек, а потом станем Умирренными. И будем чувствовать себя страшно глупо, так ведь?

Они миновали последний зал, где продолжался праздник, и стали подниматься выше. Слуги и стражники в служебных коридорах поспешно отскакивали в стороны, пропуская их. На самом верху Воронова Гнезда находилась широкая мраморная лестница в Небесный сад, идущая по спирали вдоль дымчато-прозрачных стен. Они преодолевали виток за витком, и весь Каморр словно бы медленно вращался вокруг них далеко внизу. Над выгнутым западным горизонтом тускло белел полудиск заходящего солнца. Внимание Локка привлекли страшные зыбкие тени за стеклянной стеной, и он лишь через несколько секунд сообразил, что это длинные виноградные лозы Небесного сада, колеблемые ветром.

Навстречу по ступенькам сбегали шумными стайками ребятишки, подгоняемые чернокурточниками и строго увещаемые слугами.

И вот лестница привела в Небесный сад, представлявший собой настоящий лес в миниатюре. Апельсиновые деревья, оливы и диковинные гибридные растения шелестели изумрудной листвой, колышась на теплом ветру под безоблачным багровым небом.

— Где ваш чертов пруд? — прохрипел Локк. — Я-то здесь впервые.

— В восточной части сада, — ответил Лоренцо. — В детстве я часто играл там.

Пробравшись под низко свисающими ветвями плакучей ивы, они вышли прямо к так называемому пруду — круглому водоему футов пятнадцать в поперечнике — и без малейшего промедления бросили в него пирамиду. Взметнулся мощный фонтан брызг, двоих солдат окатило с головы до ног. Через пару секунд скульптура глухо ударилась о дно, выпустив молочно-белое облако.

В скором времени вслед за ней одна за другой отпавились остальные три пирамиды. Вода в пруду стала мутно-белой, а около водоема столпились десятки чернокурточников.

— И что теперь? — все еще задыхаясь, спросил Локк.

— Теперь нужно убираться с крыши, немедленно! — громко произнесла донья София. — От воды по-прежнему исходят ядови-

тые испарения. Лучше и близко не подходить к пруду еще три-четыре часа по крайней мере.

Все до единого солдаты с готовностью вняли такому совету и вмиг покинули крышу Воронова Гнезда.

6

Лжесвет уже понемногу занимался, когда они спустились из Небесного сада в верхнюю гостиную залу, где их поджидала донья Ворченца. За распахнутыми широкими дверями на посадочную террасу были видны соседние башни, мерцающие призрачными струистыми отблесками. Толпа гостей встревоженно гудела; чернокурточники сновали в ней взад-вперед, поминутно на кого-то наталкиваясь и почтительно извиняясь.

— Волнение среди людей такое, будто война началась, — сказала графиня, когда супруги Сальвара, Конте, Локк и Рейнарт подошли к ней. — О боги, зачем посылаете мне столь суровое испытание? Никованте призывает всю свою гвардию. Стефан, ночь тебе предстоит тяжелая.

— А Полуночники? — спросил Рейнарт.

— Выведи всех отсюда, быстро и без шума. Пусть ждут во Дворце Терпения в полной боевой готовности. Я направлю их туда, куда прикажет герцог Никованте.

— Господин Шип, — обернулась она к Локку, — мы вам глубоко признательны за все, что вы для нас сделали, и ваш благородный поступок вам зачтется. Но сейчас вас под стражей препроводят в Янтарный Кубок. Вы мой пленник, но вы заслужили известные поправки.

— Ну знаете! — вознегодовал Локк. — Вы мне должны куда больше! Мне нужен капан Раза!

— Раза сейчас нужен очень и очень многим. Герцог намерен раздавить мерзавца, как таракана. Он вторгнется в капины владения и захватит Плавучую Могилу.

— Что за дурость! — вскричал Локк. — Да Раза на хрен не сдались Путные люди, он просто попользовался нами в своих целях. Плавучая Могила уже пуста. В настоящую минуту Раза собирается покинуть город. Он вовсе не хотел быть капой, а затеял все для того лишь, чтобы расправиться с Барсави и уничтожить каморрскую знать.

— Откуда вам столько известно о делах Разы, господин Шип?
 — Когда Раза еще величал себя Серым королем, он принудил меня помочь ему обхитрить Барсави. Пообещал оставить меня в покое после этого, но слова не сдержал. Он убил троих моих друзей и похитил мои деньги.

— *Ваши* деньги? — возмущенно воскликнул дон Лоренцо, сжимая кулаки. — Полагаю, вы имели в виду *наши* деньги!

— Ну да. А также деньги, украденные мной у доньи де Марре, дона Джаварриза и дона Фелуччи. Больше сорока тысяч крон — целое состояние. И Раза все прибрал к рукам. Я не солгал, когда сказал, что у меня ничего нет.

— В таком случае сделка между нами не состоится, — промолвила донья Ворченца, — поскольку вам нечего предложить нам.

— Я сказал, что у меня нет денег, но не сказал же, что не знаю, где они находятся. Раза схоронил их вместе с деньгами Барсави. Он собирался расплатиться с картенским магом и тайно сбежать из города.

— Ну так скажите, где деньги, — потребовала донья Ворченца.

— Вы отдадите мне Разу. Вы прикажете отвезти меня вниз и отпустить с миром. Раза убил троих моих друзей. Я твердо положил вырезать сердце у него из груди и готов отдать все белое железо Каморра за такую возможность.

— В этом городе людей вешают за кражу нескольких серебряных монет. А вы украли десятки тысяч крон — и рассчитываете остаться на свободе? Не выйдет.

— Решайте, донья Ворченца! Решайте сейчас, потом поздно будет. Вы хотите вернуть деньги? Я скажу вам, где они спрятаны, вместе со всем состоянием Барсави, наверняка немалым. В обмен я прошу одного: отдайте мне Разу. Отпустите меня, и я убью злодея, который хотел уничтожить всю каморрскую знать. Ну будьте благоразумны! Теперь, когда все вы знаете меня в лицо, вряд ли я смогу вернуться к прежнему своему ремеслу — по крайней мере, здесь, в Каморре.

— Вы слишком много на себя берете, господин Шип.

— Да неужто? А кто помешал кане Разае поджечь здесь такое количество Призрачного камня, которого хватило бы, чтоб усмирить к чертовой матери весь город? Герцогский Паук? Нет, Каморрский Шип, спасибо ему большое. Все присутствующие здесь сегодня мужчины, женщины и дети живы-здоровы потому лишь, что у меня чертовски мягкое сердце, а не потому, что вы успешно

выполнили свою работу. Вы в долгу передо мной, Ворченца. Вы передо мной в огромном долгу, если судить по чести. Отдайте мне Разу — и забирайте деньги.

Несколько долгих мгновений старая графиня смотрела на него взглядом, способным обратить воду в лед.

— Если судить по чести, господин Шип, — наконец проговорила она, — я перед вами действительно в долгу за услугу, оказанную герцогу и каморрским аристократам. Ступайте на все четыре стороны. Если доберетесь до Разы первым, он — ваш. Но если мы вас опередим, извиняться я не стану. А если вы возобновите свою преступную деятельность и наши пути вновь пересекутся, я вас вздерну без суда и следствия.

— Виолне справедливо, — кивнул Локк. — Да, чуть не забыл: мне понадобится оружие.

К великому его удивлению, капитан Рейнарт расстегнул перевязь с ранирой и бросил ему со словами:

— Пусти мерзавцу кровь. Желаю успеха.

— Итак... — произнесла донья Ворченца, пока Локк застегивал ремень на талии, над великолепными синими бриджами Мерраджо. — Теперь скажите, где деньги.

— У частных причалов к северу от Каморрских зубьев стоят три барки-дерьмовоза. Ну вы знаете — они вывозят из города помой и нечистоты.

— Конечно знаю, — кивнула графиня.

— Так вот, Раза спрятал все деньги в одной из них. В деревянных сундуках, по понятной причине обернутых множеством слоев непромокаемой ткани. Сбежав из Каморра, он собирается встретить свою барку дальше по реке и выгрузить с нее сундуки. Так что пока все богатство там — под кучами говна, прошу прощения.

— Дичь какая-то, — нахмурилась донья Ворченца.

— Я не обещал, что ответ будет приятным. Но посудите сами, кому придет в голову искать денежный клад в подобном месте?

— Хм... А которая из барок?

— Не знаю. Знаю только, что в одной из трех.

Ворченца взглянула на Рейнарта.

— Ну, — сказал капитан, — не просто же так боги сочли нужным изобрести рядовых солдат.

— Ох, черт!.. — Локк тяжело сглотнул. «А теперь давай поубедительнее, — приказал он себе. — Постарайся изо всех сил». — Донья Ворченца, боюсь, опасность еще не миновала.

— Вы о чем?

— Лодки... барки... побег... Я все понять не мог. Сокольник отпуская всякие странные шуточки у меня под ножом. Словно насмеялся надо мной. И до меня только сейчас дошло. Чумной корабль, «Сатисфакция»... Вы должны его потопить!

— С чего вдруг?

— Судно принадлежит Анатолиусу. По словам Сокольника, наш друг много лет пиратствовал в Беложелезном море — сколачивал состояние, чтобы нанять карпенского мага и вернуться в Каморр для мести. «Сатисфакция» — корабль Анатолиуса. Однако, вместо того чтобы уйти на нем в открытое море, он собирается уплыть на лодке вверх по Анжевине...

— И что это значит?

— Сокольник туманно намекнул на какой-то запасной план. Наверняка чумной корабль и есть запасной план. И на борту там не груда трупов, донья Ворченца, а небольшая команда, набранная из людей, невосприимчивых к черному шепоту, вроде герцогских Упырей. Небольшая команда и множество животных в трюмах — коз, овец, ослов. Тогда я решил, что Сокольник просто глумится, но если как следует подумать...

— Животные — переносчики черного шепота, — сказал Рейнарт.

— Совершенно верно, — кивнул Локк. — Сами они от него не умирают, но вот людей заражают в два счета. Потопите проклятый корабль, донья Ворченца! Если Раза узнает, что уничтожить каморрскую знать у него не получилось, он может обрушить свою месть на весь город. Не дайте случиться такому!

— Но это же безумие, — прошептала донья Ворченца, однако по ней было видно, что она почти поверила.

— Анатолиус уже попытался истребить всех до единого аристократов, включая детей. Да, он безумен, графиня. Представьте, в какое бешенство он придет, узнав о провале своего плана? Его людям нужно будет лишь подвести корабль к причалу и выпустить животных. Если они снимутся с якоря достаточно быстро, вы вряд ли успеете остановить их вовремя. А может, они просто забросят на берег несколько овец катапультной. Потопите чертов корабль, донья Ворченца, немедленно!

— Знаете, господин Шип, — с сомнением проговорила графиня, — для вора с вашими аппетитами у нас на удивление доброе сердце.

— Я посвященный служитель Безымянного Тринадцатого бога, Многохитрого стража, Великого Благодетеля, — отвечал Локк. — Священник в своем роде. И я не для того спас находящихся здесь людей, чтобы увидеть страшную гибель всего моего города. Во исполнение священного долга, донья Ворченца, потопите корабли! Умоляю вас!

Несколько мгновений старая дама пристально смотрела на него поверх очков, потом повернулась к Рейнарту и медленно проговорила:

— Стефан, ступай к сигнальному фонарю на посадочной террасе. Передай в Арсенал и Отбросы мой приказ. — Она сложила руки на животе и вздохнула. — Именем герцога Пиковайте потопить «Сатисфакцию» и убить всех до единого, кто попытается доплыть до берега.

Локк облегченно вздохнул:

— Благодарю вас, донья Ворченца. Теперь... мой подъемник?

— Ваш подъемник, господин Шип... — Она скрипнула зубами. — Как я и обещала, я прикажу сейчас же спустить вас вниз. И если богам будет угодно, чтобы вы нашли капю Разу прежде, чем до него доберутся мои люди... пусть боги дадут вам силы расправиться с мерзавцем.

— Я буду скучать по вас, донья Ворченца. И по вас тоже, господин и госпожа Сальвара... приношу извинения, что из-за меня ваши деньги оказались утопленными в дерьме. Надеюсь, мы с вами останемся друзьями.

— Еще раз сунетесь в наш дом — станете постоянным украшением моей лаборатории, — холодно пообещала донья София.

7

Голубые вспышки сигнального фонаря, установленного на посадочной террасе Воронова Гнезда, были сразу замечены на передаточном посту Дворца Терпения, даже несмотря на зыбкое мерцание Лжесвета, заливавшего город. Через считанные секунды там тоже быстро задвигались вверх-вниз шторы сигнальных фонарей — и срочное сообщение пронеслось над тысячными толпами гуляк к сторожевым башням Арсенала, Отбросов и Южной Иглы.

— Мать твою перемать, — пробормотал сержант в башне на самой оконечности Иглы и часто поморгал, словно сгоняя пелену с глаз.

Все ли он правильно понял? Верно ли сосчитал вспышки? С виноватым чувством он задвинул под лавку винный мех, вопреки всем правилам принесенный на пост по случаю Дня Перемен.

— Гляньте на корабль, сержант! — воскликнул его молодой напарник. — Чего это они там удумали?

«Сатисфакция» медленно разворачивалась левым бортом. На реях грот- и фок-мачт смутно виднелись матросы, ставящие паруса. Десятки крохотных темных фигурок сновали по палубе, освещенной желтыми фонарями и призрачным Лжесветом.

— Они снимаются с якоря, сержант. Готовятся выйти в море... откуда там взялось столько народа?

— Понятия не имею. Но только что пришло световое сообщение — видал? Боги милостивые, эту несчастную чумную посудину приказано пустить ко дну!

По береговой линии Отбросов вспыхивали один за другим ярко-оранжевые булавочные огоньки: во всех катапультиных башнях имелись масляные сигнальные фонари, которые зажигались, когда расчет заряжал и взводил метательное орудие. В Арсенале загремели барабаны, и в ответ из глубины города донеслись резкие свистки, перекрывающие приглушенный гул праздничных толп.

И вот с тяжким грохотом выстрелила первая катапульта — огромный камень просвистел в воздухе и упал в воду в нескольких ярдах от правого борта фрегата, подняв мощный фонтан брызг.

Следующая машина метнула оранжево-белый огненный снаряд, который на мгновение словно бы завис в полете, подобный грозному знамени, сотканному из ослепительного света. Часовые на оконечности Южной Иглы с зачарованным ужасом смотрели, как он рухнул на палубу, разбрасывая вокруг длинные языки пламени. Люди в панике металась по палубе, несколько из них уже были объяты огнем. Один человек прыгнул за борт — точно горящий уголек упал в лужу.

— Боги мои, это ж горючее масло, — проговорил молодой дозорный. — Оно ведь и в воде горит.

— Ну знаешь, даже акулы любят жаркое, — натужно усмехнулся сержант.

Тут в фальшборт фрегата со страшным треском ударил камень — щепки так и полетели в стороны. Люди с дикими воплями попадали на палубу, а огонь уже подбирался к снастям и парусам, невзирая на отчаянные попытки команды сбить его песком. Следующий огненный снаряд рухнул на ют, и штурвальных вмиг по-

глотило ревущее облако белого пламени. Бедняги даже вскрикнуть не успели.

Камни летели градом, разрушая обшивку судна и в клочья разрывая немногие развернутые наруса. Пожар уже полихал вовсю и на корме, и на носу, и посередине корабля. Оранжевые, белые и красные языки огня плясали там повсюду, взвиваясь в небо вместе с дымными клубами разных оттенков. Под обстрелом дюжины катапульта безоружный и обездвиженный фрегат никак не мог рассчитывать на спасение. Уже через пять минут после того, как из Воронова Гнезда было послано световое сообщение, «Сатисфакция» превратилась в громадный погребальный костер — в гору красно-белого огня, вырастающую из воды, что багровым зеркалом мерцала под обреченным кораблем.

Лучники выстроились на берегу, готовые убить любого, кто попытается добраться до суши, но таковых не оказалось. Огонь, вода и хищники, населяющие залив, избавили солдат от необходимости пускать в ход оружие.

8

Лучано Анатолиус, Серый король, каморрский капа, последний представитель своего рода, стоял в одиночестве на верхней палубе Плавучей Могилы, под шелковым навесом, и смотрел, как горит его корабль. Ветер Палача налетал порывами, и в темном небе дрожали отблески Лжесвета.

Он смотрел на восток немигающими глазами, в которых крохотными точками отражался далекий огонь пожара; он смотрел на север, где ярко сияла башня Вороново Гнездо и сверкали голубые и красные вспышки, но ни облачка белого дыма так и не всплывало.

Он стоял один на палубе Плавучей Могилы — и не плакал, хотя слезы подступали к горлу.

Черина и Райза не заплакали бы, мать и отец не заплакали бы. Они не плакали, когда люди Барсави вломились к ним в дом среди ночи и отец погиб в неравной схватке, дав Гизелле время схватить в охапку троих детей и сбежать с ними через заднюю дверь.

Он смотрел неподвижным взглядом на полыхающую «Сатисфакцию», но мысленно находился в давнем прошлом. Тринадцатилетний мальчишка, он бежит, спотыкаясь, по знакомым дорожкам темного сада; ветки хлещут по лицу, и горячие слезы градом

льются по щекам. В доме позади них взлетают и падают ножи, детский голос отчаянно кричит: «Мама, мамочка!» — потом крик обрывается.

«Мы никогда этого не забудем, — сказала Райза, когда они сидели в темном трюме корабля, увозившего их в Галишем. — Мы не забудем, правда, Лучано?»

Ручонка сестры сжалась в кулак в его руке. Черина беспокойно спала рядом, вскрикивая и бормоча во сне.

«Мы никогда не забудем, — ответил он. — И мы еще вернемся. Обещаю, мы еще вернемся»

И вот теперь он стоял на палубе Барсавиной крепости в Каморре и смотрел, как горит его корабль, окрашивая кровавыми отблесками темную воду Старой гавани. И он уже ничего не мог поделать, ровным счетом ничего.

— Капа Раза? — раздался нерешительный голос у него за спиной.

На палубу с галерей внизу поднялся человек. Парень из Шалых Псов, один из многочисленной компании картежников, собравшейся в тронном зале. Анатолиус медленно повернулся.

— Капа Раза... тут посыльный пришел, ваша честь. Один из Мясников Лжесвета. Говорит, в Зольнике какой-то человек дал ему тирын и велел немедленно доставить вам вот это.

Парень протянул джутовый мешок, на котором кривыми черными буквами было написано «РАЗЕ». Чернила, казалось, еще не высохли.

Лучано взял мешок и махнул рукой, отсылая Шалого Пса прочь. Парень поспешно бросился к люку, ведущему вниз, не на шутку испуганный выражением, которое он увидел в глазах своего хозяина.

Каморрский капа раскрыл мешок и уставился на труп скорпионьего сокола. Обезглавленный труп скорпионьего сокола. Он вытряхнул содержимое мешка на палубу. Голова и тело Вестрисы с глухим стуком ударились о доски, а следом за ними вылетел сложенный вчетверо пергаментный лист, испачканный кровью. Капа схватил его и развернул.

«МЫ УЖЕ ИДЕМ».

Лучано смотрел на записку неизвестно сколько времени — может, пять секунд, может, пять минут. Потом смял в кулаке и выронил. Комок бумаги подкатился прямо к широко раскрытым остекленным глазам Вестрисы.

Идут, значит идут. Он еще успеет скрыться из города, когда расквитается с последним долгом.

Грохоча сапогами по ступенькам, он быстро спустился в ярко освещенный зал, где продолжалась шумная гулянка. В воздухе висел густой запах табачного дыма и спиртного.

Мужчины и женщины огрызали глаза от своих карт и игральных костей, когда он широким шагом проходил мимо. Многие приветственно махали рукой и выкрикивали славословия, но никто не удостоился ответа. Капа Раза толчком распахнул дверь в свои личные покои (прежде принадлежавшие Барсави) и скрылся за ней.

Через несколько минут он стремительно вышел обратно в зал, переодетый в наряд Серого короля: дымчато-серый кожаный камзол, башмаки из акульей кожи с тусклыми серебряными пряжками, серые фехтовальные перчатки, растрескавшиеся на сгибах от долгого употребления, и в сером плаще с поднятым капюшоном. Плащ развевался у него за спиной; отблески фонарей сверкали на лезвии обнаженной рапиры.

Веселое сборище разом умолкло.

— Все вон отсюда! — отрывисто приказал Капа. — Убирайтесь подальше. Двери оставьте открытыми. Никаких часовых. Убирайтесь живо, пока я даю вам такую возможность.

Карты разлетелись врассыпную по полу; игральные кости со стуком запрыгали по доскам. Мужчины и женщины вскакивали на ноги и устремлялись к выходу, гася за собой своих вусмерть пьяных товарищей. Покатились бутылки, опрокинутые при беспорядочном бегстве, на столах растеклись лужи вина. Уже через минуту Серый король стоял один в сердце Плавучей Могилы.

Он медленно подошел к правому борту старого галеона, где с потолка свисало несколько серебряных шнуров. Потянул за первый, и белые огни канделябров погасли; потянул за второй, и портьеры на высоких окнах раздвинулись, впуская в тронный зал ночную тьму; дернул за третий шнур, и в темных стенных нишах зажглись красные алхимические шары. Недра деревянной крепости превратились в подобие пещеры, озаренной багровым светом.

Серый король сел на трон, положив рапиру на колени. В его глазах под низко надвинутым капюшоном горели зловещие красные отблески.

Он сидел на своем троне и ждал, когда явятся последние двое Благородных Каналей.

В половине одиннадцатого вечера Локк вошел в тронный зал и остановился, положив руку на эфес рапиры и устремив пристальный взор на Серого короля, который неподвижно сидел в пустом приемном зале в тридцати ярдах от него. Локк дышал тяжело и часто, но не от долгой ходьбы: большую часть пути он проделал на украденной лошади.

Сжимая рукоять Рейнартовой рапиры, он испытывал одновременно возбуждение и страх. Локк понимал, что вряд ли может тягаться с Серым королем в боевом мастерстве, но кровь в нем кипела. Ему страстно хотелось верить, что гнев, надежда и проворство помогут ему взять верх в схватке.

— Серый король... — промолвил он, откашлявшись.

— Каморрский Шип...

— Рад тебя видеть, — улыбнулся Локк. — Я боялся, вдруг ты уже покинул город. Впрочем, извиняюсь — ведь для этого тебе потребовался бы фрегат, верно? А я убедил мою добрую подругу, графиню Янтарного Кубка, пустить «Сатисфакцию» ко дну.

— Поверь, тебе недолго осталось наслаждаться этой своей маленькой победой, — усталым голосом проговорил Серый король. — А где же Жан Таннен?

— Скоро подойдет. С минуты на минуту.

Локк медленно двинулся вперед, сокращая расстояние между собой и противником.

— Я предупреждал Сокольника, что с Танненом шутки плохи, — сказал Серый король. — Очевидно, он не внял предостережению. Вы оба невероятно живучи, с чем вас и поздравляю, но, думаю мне, я окажу вам большую услугу, убив вас прежде, чем до вас доберутся картенские маги, пылающие жаждой мести.

— Ты полагаешь, верно, что Сокольник мертв. Ан нет, твой приятель жив-живехонек. Но он — увы и ах! — никогда уже не будет играть ни на одном музыкальном инструменте.

— Интересно. Как тебе удалось все это проделать, хотелось бы знать? Почему Богиня Смерти не считает нужным загасить тебя, как бесполезный огарок? Ну очень хотелось бы знать.

— Плевать на твои хотелки. Но вот почему ты повел себя так по отношению к нам, Лучано? Почему не попытался заключить с нами честное соглашение? Мы вполне могли бы договориться...

— Могли бы! — хмыкнул Серый король. — Я думать не думал ни о каких «могли бы». Для меня существовали только мои настоящие потребности. Я забрал у вас то, что мне требовалось, а оставлять вас в живых было слишком опасно. Это вы ясно дали мне понять.

— Но ты же мог обойтись обычной кражей! Я бы все отдал, лишь бы Кало, Галдо и Клоп остались в живых. Я бы все отдал, пригрози ты убить моих друзей!

— Да какой вор отдаст свои деньги без боя?

— Такой, у которого есть что-то важнее денег. Для нас главное удовольствие состояло в самом мошенничестве, а не в обладании украденным. Если бы мы по-настоящему дорожили нашими богатствами, то давно уже придумали бы, как их с толком потратить.

— Ну, задним числом легко говорить, — вздохнул Серый король. — Будь твои друзья живы, ты бы шел совсем по-другому.

— Мы же крали у аристократов, придурок! Только у них, и ни у кого больше! Тоже напел, против кого пойти... Да ты здорово услужил каморрской знати, убив моих товарищей. Ты преподнес своим заклятым врагам великолепный подарок, черт тебя дер! —

— А ты, значит, обкрадывал мерзавцев, благородно воздерживаясь от убийств... Я что, должен был прийти в восторг от твоих подвигов? Назвать тебя братом по оружию? Деньги — дело наживное. Ламора. Одними кражами не преподашь аристократам урок, которого они заслуживают.

— Но как ты мог поступить так, Лучано? Как мог человек, потерявший близких и люто ненавидевший Барсави, причинить мне такое же зло?

— Такое же? — Серый король вскочил с трона, сжимая в руке рапиру. — Такое же?! Разве твои родители были убиты в постели ради сохранения подлой тайны, Ламора? Разве твои маленькие братья и сестра погибли от ножа душегуба? Жалкий вор! Ты понятия не имеешь, что такое настоящее злодеяние!

— От твоей руки погибли три моих брата, — ответил Локк. — И чуть не погиб четвертый. У тебя не было никакой необходимости убивать их. А когда ты решил, что расправился с нами, ты попытался уничтожить сразу несколько сот человек. В том числе детей, Лучано! Детей, которые родились много лет спустя после того, как Барсави убил твоих родителей. Приятно, конечно, воображать себя праведным мстителем, но мне лично твои поступки кажутся свидетельством тяжелого помешательства.

— Все эти люди жируют за счет Тайного уговора. Все они — гнусные паразиты, виновные уже по факту своего рождения. Оставь свои доводы при себе, священник. Думаешь, я не обдумывал их бессонными ночами на протяжении двадцати двух лет? — Серый король шагнул вперед, наставляя острие рапиры на Локка. — Будь моя воля, я бы разрушил этот город до основания и написал бы на руинах имена своих близких.

— *Ila justicca vei cala*, — прошептал Локк, двигаясь навстречу противнику и вытаскивая из ножен рапиру Рейнарта.

Теперь их разделяло каких-нибудь два ярда.

— Да, цвет правосудия — красный. — Серый король слегка согнул ноги в коленях и чуть опустил острие рапиры — такую стойку каморрские фехтовальщики называют «выжидающий волк». — Воистину так.

Локк ринулся в атаку еще прежде, чем Серый король договорил; стальной клинок рассек воздух, сверкнув серебристой молнией. Серый король отразил удар средней частью лезвия и мгновенно сделал встречный выпад — в проворстве он явно не уступал Локку, а возможно, даже и превосходил его. Ламора избежал прямого колющего удара в грудь лишь потому, что успел отпрыгнуть назад (довольно неуклюже, прямо скажем). Он приземлился на корточках и резко выкинул вперед левую руку, чтобы не шлепнуться задницей на пол. А в следующий миг повернулся всем корпусом вправо, одновременно приподнимаясь с корточек в полуприсед, и в левой руке у него неведь откуда появился кинжал, которым он поворачивал в воздухе.

— Хм... — сказал Серый король. — Надеюсь, ты не собираешься фехтовать на веррарский манер. По-моему, совершенно дурацкая школа.

— Ты бейся, как тебе угодно. — Локк с вызывающим видом поводил кинжалом вправо-влево. — А я постараюсь не очень запачкать кровью твой плащ.

Театрально вздохнув, Серый король выхватил один из двух длинных кинжалов, висевших у него на поясе, и выставил вперед, держа прямо над рапирой таким образом, что два клинка напоминали раздвинутые клещи, нацеленные на Локка. Затем он сделал два нелепо высоких прыжка вперед.

Локк невольно бросил взгляд на его ноги и еле успел сообразить, что своими дурацкими подскоками Серый король как раз и хотел отвлечь его внимание. Локк резко метнулся вправо и лишь

чудом отразил кинжалом молниеносный выпад. Ответный же удар Серый король отбил с такой легкостью, словно заранее знал, куда тот будет направлен. Проклятье! Анатолиус снова оказался проворнее него.

Последовало несколько секунд отчаянной схватки. Клинки стремительно мелькали, чертя в воздухе призрачные серебристые узоры — выпад и отскок, ложный выпад и атака, удар и отбив. Локк старался держаться вне досягаемости ударов противника, более сильного и длиннорукого, а Серый король с поразительной точностью и легкостью отражал каждый его выпад. Наконец они отскочили друг от друга и на миг застыли на месте, тяжело дыша и глядя друг на друга с бешеной злобой бойцовых псов.

— Ну что ж... — промолвил Серый король. — С тобой все понятно.

Почти небрежным движением он выбросил вперед рапиру; Локк снова отпрыгнул и кое-как отбил клинок, слабо стукнув острием по острию, будто мальчишка на первой неделе обучения. Глаза Серого короля заблестели.

— С тобой все яснее ясного.

Снова небрежный выпад, и Локк снова отпрыгнул назад.

— На самом деле в фехтовании ты не особо силен, верно?

— Мне же выгодно, чтобы ты так думал, правда?

Серый король расхохотался:

— Ну уж нет! Нет, нет, нет! — Одним решительным движением он скинул плащ на пол и хищно оскалился, отчего на худом лице пролегли глубокие складки. — Хватит шутить. Хватит валять дурака.

И он бросился в атаку, быстрый как молния и свирепый как тигр. За ним стояло двадцать лет боевой практики и двадцать лет черной ненависти. Краешком сознания Локк отстраненно отмечал свою несостоятельность против Серого короля, продолжая отчаянно отбиваться, не успевая следить глазами за стремительно мелькающим клинком, который раз за разом впивался в него.

Один укол, второй, третий — в левое запястье, в предплечье, в плечо.

Холодное удивление поразило Локка даже сильнее, чем боль. Потом по скользкой от пота коже поползли щекотные струйки горячей крови, и из-под ложечки поднялась волна тошноты. Кинжал выпал у него из левой руки, обогранный не чужой кровью, но собственной.

— Наконец-то мы оказались в обстоятельствах, где хитрость и притворство тебе не помогут, Ламора. — Серый король резко взмахнул рапирой, стряхивая с острия кровь Локка, и мельком взглянул на красные брызги, разлетевшиеся дугой по полу. — Ну что ж, прощай.

Он снова шагнул вперед. В свете алхимических фонарей лезвие его рапиры казалось алым.

— Аза Гийя, — прошептал Локк, — помоги мне свершить правосудие над убийцей моих друзей. Помоги мне воздать кровью за кровь!

Возвысив голос до крика, он сделал яростный выпад, промахнулся, отскочил и тотчас вновь ринулся на противника, вкладывая в удары всю свою ненависть и весь свой страх, орудуя клинком так быстро, как никогда еще не орудовал. Однако Серый король отпрыгивал и уворачивался с такой легкостью, словно сражался с малым ребенком.

— Похоже, Ламора, — сказал он во время очередной паузы, — конечная разница между нами состоит в том, что я, в отличие от тебя, знал, что делаю, когда остался здесь дожидаться нашей последней встречи.

— Нет, — задышавшись, проговорил Локк. — Разница между нами в том, что я, в отличие от тебя, отомщу своему врагу.

Ледяная боль пронзила левое плечо Локка, и он в ужасе уставился на клинок Серого короля, на добрых три дюйма воткнутый ему в грудь над самым сердцем. Серый король яростно крутанул рапиру и выдернул, чиркнув лезвием по ребру. Локк рухнул на колени и инстинктивно выставил вперед беспомощную левую руку, чтобы остановить падение.

Но и инстинкт тоже подвел его: при столкновении с полом кисть неуклюже подвернулась и запястье сломалось с тошнотворным хрустом. Дыхание перехватило от дикой боли, Локк даже вскрикнуть не смог. А в следующий миг Серый король с размаху ударил его ногой в висок, и мир разлетелся на тысячи разноцветных осколков и закружился сумасшедшим калейдоскопом перед глазами, застланными пеленой жгучих слез. Рапира Рейнарта со стуком покатилась по полу.

Локк сознавал, что лежит спиной на жестких половицах. Сознавал, что перед глазами стоит кровавый туман. Сознавал, что в сломанном запястье ослепительными вспышками пульсирует боль и кровоточащая дыра в груди горит мучительным, нестерпимым

огнем. Но яснее всего он сознавал, что потерпел позорное поражение, что три мертвых друга теперь останутся неотомщенными и души их вовек не обретут покоя, потому что Локк Ламора проиграл схватку с Серым королем.

Он судорожно втянул в себя воздух, и новая вспышка чудовищной боли обожгла грудь и спину. Но теперь именно эта всепоглощающая боль, именно эта безумная, кровавая мука заставила Локка подняться с пола. Взревев по-звериному, он подтянул колени к животу и рывком вскочил на корточки, пытаясь схватить Серого короля за пояс.

Смертельный удар рапиры, нацеленный Локку в сердце, пришелся в левую руку. Клинок пронзил насквозь предплечье и вышел с другой стороны. Совершенно обезумев от боли, Локк резко вскинул руку вперед и вверх, не давая противнику выдернуть рапиру. Застрявшее в предплечье лезвие рвало в клочья мясо и шило сухожилия, в то время как мужчины отчаянно боролись.

Перед самыми глазами Локка блеснул кинжал Серого короля. Движимый животным инстинктом, Локк пустил в ход единственное оружие, имевшееся в его распоряжении. Он со всей силы впился зубами в пальцы, сомкнутые вокруг рукояти, и прокусил до костей. Противник с воплем вырвал кинжал и не без труда вырвал руку. Локк выплюнул кровавые лохмотья кожи.

— Да сдавайся ты! — проорал Серый король, обрушивая кулак на голову Локка и сразу же нанося страшный удар в нос.

Здоровой правой рукой Локк попытался вытащить из ножен второй кинжал Серого короля. Серый король со смехом оттолкнул его руку.

— Тебе не победить! Тебе не победить, Ламора! — выкрикивал он, осыпая градом ударов Локка, который вцепился в него отчаянной хваткой, какой тонущий человек вцепляется в плавучее бревно. Со свирепым хохотом Серый король молотил противника по голове, по лицу, по плечам, норовя попасть кулаком прямо в кровоточащую рану. — Тебе... меня... не одолеть!

— А мне и не нужно, — прошептал Локк, поднимая к нему залитое кровью и слезами лицо с разбитыми губами, сломанным носом и помутненными глазами. Он дико осклабился. — Мне не нужно тебя убивать, ублюдок. Мне нужно просто задержать тебя здесь... до прихода Жана.

При этих словах Серый король заработал кулаками с удвоенной яростью, но Локк уже не чувствовал ударов — он залился пронзительным безумным смехом и повторил:

— Мне нужно... просто задержать тебя здесь... до прихода Жана!

Шипя взбешенной кошкой, Серый король наконец выдернул левую руку из правой руки противника и потянулся за кинжалом. В следующий миг Локк вытряхнул из рукава в ладонь золотой тирип и резким движением кисти метнул за спину Серому королю — монета со стуком отскочила от стены и покатилась по полу.

— Ага, выродец, вот и он! — завопил Локк, брызжа кровавой слюной на рубашку Серого короля. — Жан! Скорее, на помощь!

И Серый король круто повернулся, волоча за собой Локка. Он повернулся, испугавшись нападения Жана Таннена сзади, и лишь потом сообразил, что поддался на обман. Он повернулся всего на секунду — на ту самую секунду, о которой Локк иступленно молил всех богов. На ту самую секунду, что и спасла Локку жизнь.

Этой секунды оказалось достаточно, чтобы Локк Ламора правой рукой обхватил Серого короля вокруг пояса, выдернул кинжал у него из пожен и, испустив последний вопль боли и торжества, глубоко всадил клинок в спину ненавистного врага, справа от позвоночника.

Серый король выгнулся всем телом, судорожно разевая рот, но не в силах вздохнуть от страшной ледяной боли. Он отчаянно попытался оттолкнуть Локка, словно случившееся можно было исправить, высвободившись из хватки противника, но Локк лишь кренче вцепился в него и до жути спокойным голосом прошептал:

— За Кало Санцу, моего друга и брата.

Серый король опрокинулся навзничь, и Локк тяжело упал сверху, едва успев выдернуть кинжал у него из спины. Затем он размахнулся и всадил клинок в живот поверженному врагу, прямо под ложечку. Кровь хлынула фонтаном, и Серый король с мучительными стонами забился в агонии. Локк вогнал кинжал глубже и громко произнес:

— За Галдо Санцу, моего друга и брата!

Последним предсмертным усилием Серый король плюнул Локку в лицо теплой солоноватой кровью и схватился за рукоять кинжала. Обездвиженным левым плечом Локк навалился на умирающего и оттолкнул прочь его совсем уже ослабшие руки. Потом, хрипло всхлипнув, он рывком вытащил клинок из живота Серого короля и с размаху вонзил в шею под кадыком. Он яростно пилил ему горло, пока не перерезал шею наполовину, пока потоки крови не залили весь пол вокруг. Серый король дернулся в последней

конвульсии и испустил дух, продолжая смотреть на Локка широко раскрытыми остекленелыми глазами.

— За Клопа, — прошептал Локк. — Его настоящее имя было Бертилион Гладек. Мой ученик. Мой друг. Мой брат.

Тут все силы покинули его, и он медленно повалился на труп Серого короля.

— Мой брат...

Но человек под ним ничего уже не ответил, и Локк вдруг с пронзительной остротой осознал, что сердце, еще минуту назад стучавшее в груди, к которой сейчас он приникает щекой, уже никогда, никогда не забьется. И, осознав это, он расплакался — зашелся в рыданиях, сотрясших все его тело и вызвавших новые вспышки жгучей боли в истерзанных мышцах и жилах. Обезумевший от кровавого морока телесных страданий, от горя и торжества, от множества других, не поддающихся определению чувств и ощущений, он лежал на бездыханном теле злейшего своего врага и плакал навзрыд, как брошенный младенец, разбавляя горячими слезами теплую кровь, заливающую грудь Серого короля.

Он лежал там посреди безмолвного зала, озаренного красными фонарями, наедине со своей победой, не в силах пошевелиться и истекая кровью.

10

Там его и нашел Жан через пару минут. Он осторожно стащил Локка с трупа на пол и перевернул на спину, тем самым вызвав у своего полуживого друга душераздирающий стон.

Боги мои! — вскричал Жан. — О боги! Дурень несчастный! Балбес чертов! — Он зажал ладонями раны на груди и шее Локка, словно пытаясь загнать кровь обратно в тело. — Ну почему ты не дождался меня? Почему не дождался?

Локк уставился на него мутными глазами, сочувственно приподнял брови и прошептал с самым серьезным видом:

— Я же на лошади добрался... а ты бежал, бедняга... совсем выдохся небось... У тебя не хватило бы сил драться... А Серый король... такой душка. Не смог ему отказать...

Жан невольно прыснул:

— Черт бы тебя побрал, Локк Ламора! Я же отправил ему послание. Чтоб задержать на какое-то время.

— Премного тебе признателен, дружище. Но я все-таки... расправился с ним. Расправился с ним и сжег его корабль.

— Ах вот, значит, что там горело. Я видел пожар с другой стороны Свалки. Потом увидел, как тыходишь в Плавучую Могилу, словно к себе домой, и помчался на помощь. Но я тебе даже не понадобился.

— О нет. — Локк сглотнул и поморщился от вкуса собственной крови. — Ты мне очень даже помог... точнее, твоя репутация.

Жан ничего не ответил, и лицо его вдруг приняло столь горестное выражение, что у Локка сжалось сердце.

— Вот месть и свершилась, — слабым голосом проговорил Локк.

— Свершилась, — эхом повторил Жан.

На глаза у Локка снова навернулись слезы. Он зажмурился и потряс головой:

— Мерзкое это дело.

— Что правда, то правда.

— Ты иди, Жан... оставь меня здесь.

Жан, стоявший на коленях над Локком, отшатнулся, словно от удара:

— Что?!

— Оставь меня... Я все равно умру... через несколько минут. У меня они уже ничего не выпытают. А ты еще успеешь скрыться из города. Прошу... оставь меня...

Даже в красном свете алхимических шаров было видно, как побагровело лицо Жана. Брови у него взметнулись вверх, и черты приняли столь страшное выражение, что у Локка хватило сил испугаться. Зубы стиснуты, челюсти окаменели, на толстых щеках вздулись желваки.

— Будем считать, что ты этого не говорил. — после долгой паузы произнес Жан убийственно холодным тоном, какого Локк никогда раньше от него не слышал.

— Я просчитался! — в отчаянии прохрипел Локк. — Серый король оказался мне не по зубам. Выпустил из меня всю кровь, прежде чем я ухитрился прикончить его. Пообещай мне... пообещай, что разыщешь Сабету и...

Сам ее разыщешь, придурок, когда мы оба уберемся отсюда к чертовой матери.

— Жан! — Правой рукой Локк слабо вцепился Жану в отворот куртки. Прости, но я совсем плох. Пожалуйста... уходи,

иначе тебя схватят. Чернокурточники появятся здесь с минуты на минуту. Я не могу допустить, чтобы тебя схватили. Прошу, оставь меня. Я ведь и шагу ступить не смогу.

— Да тебе и не придется, дурень ты этакий, — прошептал Жан, здоровой рукой смахивая с глаз горячие слезы.

Действуя неуклюже, но быстро, он соорудил из плаща Серого короля перевязь для своей раненой руки. Потом перевязь эту он просунул Локку под колени и, крепко поднатужившись, поднял своего друга, весившего чуть ли не вдвое меньше него самого, и прижал к груди здоровой рукой.

— Хватит нюни распускать, нытик несчастный, — проворчал Жан, размашисто шагая по мосту к берегу. — В тебе наверняка еще осталось с полстакана крови.

Но Локк уже провалился в глубокое беспамятство, то ли от боли, то ли от кровопотери, и лицо его было таким бледным, что казалось стеклянным. Глаза у него были приоткрыты, но ничего не видели: из вяло раззявленного рта вытекала струйка кровавой слюны.

Задышавшись и весь дрожа, не обращая внимания на собственную страшную боль в ранах, Жан побежал со всей скоростью, на какую был способен.

Тело Серого короля осталось лежать на полу в пустом тронном зале Шлавучей Могилы, освещенном красными фонарями.

Интерлюдия

МАЛОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Отец Цеппи сидел на крыше храма Переландро, сурово глядя на поразительно самонадеянного четырнадцатилетнего отрока, в которого превратился маленький сирота, когда-то купленный им у Воровского наставника.

— Помяни мое слово, Локк Ламора, — с расстановкой произнес он, — когда-нибудь по своему безрассудству ты облажаешься с таким оглушительным треском, что небеса содрогнутся, луны сойдут со своих орбит и боги от смеха обосрут кометами. И я страстно надеюсь дожить до того, чтобы увидеть все это.

— Да я вас умоляю! — ухмыльнулся Локк. — Такого никогда не случится.

Эпилог ЛЖЕСВЕТ

1

Шел восемнадцатый день месяца парфиса семьдесят восьмого года Азы Гийи. Сырое каморрское лето. Весь город мучился похмелем — и небеса, казалось, тоже.

Хлестал теплый дождь, лился сплошными полотнищами, которые, подобно зыбким полупрозрачным зеркалам, отражали мерцание Лжесвета и сотворяли в воздухе мимолетные произведения искусства. Впрочем, людям, вынужденным мокнуть под дождем, было не до красот, и они от души проклинали ненастную погоду.

— Сержант! Сержант Видрик! — проорал молодой желтокурточник перед постом Видрика на южной окраине Скопища.

Видрик, немолодой худой мужчина с задубелым лицом, высунулся в окно караульной хибары, и на него обрушился поток воды со сливного желоба. Грянул оглушительный удар грома.

— В чем дело, сынок?

Стражник выступил из пелены дождя, и Видрик узнал Констанцо, новенького парня, который совсем недавно перевелся сюда с Северной заставы. Он держал в поводу Умиреного осла, запряженного в открытую повозку, за которой стояли еще двое желтокурточников. Они плотно кутались в непромокаемые плащи и выглядели положительно несчастными, что свидетельствовало об их здравомыслии.

— Мы тут нашли кое-что, — доложил Констанцо. — Кое-что чертовски странное.

С прошлой ночи отряды желтокурточников и чернокурточников прочесывали южные кварталы Каморра. По городу носились смутные слухи о попытке убийства, совершенной в Вороновом Гнезде. Одним богам ведомо, за каким рожном Пауку понадобилось обшаривать все закоулки Зольника и Отбросов, но сержант при-

вык не задаваться лишними вопросами. Почему да зачем — не его ума дело.

— Что значит «чертовски странное»? — прокричал он, падевая плащ и поднимая капюшон.

Он вышел под дождь и направился к повозке, приветственно помахав двоим желтокурточникам, стоявшим за ней. Один из них на прошлой неделе проиграл ему два барона в кости и до сих пор не отдал.

— Вот, гляньте. — Констанцо откинул мокрое одеяло, накрывавшее груз.

Под одеялом оказался моложавый мужчина, лысоватый, заросший щетиной и страшно бледный. Одет он был в великолепный серый камзол с красными обплатами, обильно забрызганный кровью.

Мужчина был живой, но явно не в своем уме. Он лежал на дне повозки, прижимая к щекам беспальные руки, и смотрел на Видрика неподвижным, совершенно безумным взглядом.

— М-м-ма-а-а... — промычал он. — М-м-му-ы-ы-ы...

Язык у него был отрезан: в глубине рта болтался обрубок, все еще сочащийся кровью.

— М-м-му-а-а-а-а!

— Лопни Переландровы яйца! — воскликнул Видрик. — Надеюсь, вот эта хрень у него на залястье мне мерещится?

— Не мерещится, сержант, — сказал Констанцо. — Он вольнолаемный маг... был им, во всяком случае.

Он снова накиннул одеяло на лицо мужчины и сунул руку под плащ.

— Есть еще кое-что. Давайте я вам в караульной покажу.

Видрик провел парня в лачугу. Там оба откинули капюшоны, но плащи снимать не стали. Констанцо достал сложенный вчетверо лист пергамента:

— Мы нашли этого малого в одном из заброшенных домов в Зольнике. Он был привязан к полу, а на груди у него лежала записка.

Видрик развернул лист и прочитал:

ЛИЧНОМУ ВНИМАНИЮ ГЕРЦОГСКОГО ПАУКА
ДЛЯ ОТПРАВКИ ОБРАТНО В КАРТЕН

— Черт! — выругался Видрик. — И впрямь картенский маг. Сдается мне, он не станет настойчиво советовать своим друзьям посетить Каморр.

— Что нам с ним делать, сержант?

Видрик со вздохом свернул пергамент и отдал Констанцо.

— Спихнем ответственность на начальство. Сбагрим малого с рук и забудем, что видели. Живо везите его во Дворец Терпения, ребята. Пускай кто-нибудь другой с ним разбирается.

2

В кипящей от дождя воде Каморрского залива мерцал и дробился Лжесвет. Донья Анжавеста Ворченца, вдовствующая графиня Янтарного Кубка, стояла на набережной, кутаясь в непромокаемый плащ с меховой оторочкой, и наблюдала за солдатами, которые шарили длинными деревянными шестами в барке, полной раскисшего от дождя дерьма. Запах шел сногшибательный.

— Прошу прощения, сударыня, — сказал сержант, стоявший рядом с графиней. — Но мы совершенно уверены, что в других двух барках ничего нет, а здесь мы уже целых шесть часов ищем, и я сильно сомневаюсь, что найдем что-нибудь. Разумеется, мы продолжим поиски, коли прикажете.

Донья Ворченца глубоко вздохнула и обернулась на карету, запряженную четверкой вороных жеребцов и украшенную «переменчивыми огнями» гербовых цветов рода Ворченца. Внутри сидели супруги Сальвара и капитан Рейнарт, глядя на нее через раскрытую дверцу. Графиня поманила их рукой.

Первым подошел Рейнарт — он, по обыкновению, был без плаща и переносил проливной дождь с нестигаемой стойкостью. Дон же и донья Сальвара благоразумно кутались в плащи, и вдобавок Лоренцо держал над головой жены белый шелковый зонтик.

— Дайте угадаю, — сказал Рейнарт. — В барках одно дерьмо?

— Боюсь, что так, — ответила Ворченца. — Благодарю за содействие, сержант. Можете быть свободны. И людей своих заберите. Они нам больше не понадобятся.

Когда прემного обрадованные желтокурточники колонной двинулись прочь по набережной, очень аккуратно неся шесты на плечах, графиня вдруг судорожно всхлинула, затряслась всем телом и наклонилась вперед, закрыв лицо ладонями.

— Донья Ворченца! — вскричала София, бросаясь к ней и хватая за плечи.

Но когда все трое встревоженно склонились над старой дамой, она внезапно выпрямилась и залилась сухим кудахчущим смехом,

задыхаясь и привизгивая, потрясая перед собой крошечными кулачками.

— О боги... — славенно проговорила она наконец. — Нет, это уже слишком.

— Что такое? Донья Ворченца, в чем дело? — Рейнарт схватил ее за руку и пытливо взгляделся в лицо.

— Деньги, Стефан... — Она громко захихикала. — Денег здесь никогда и в помине не было. Маленький паскудник заставил нас покопаться в дерьме просто ради собственной забавы. А деньги находились на «Сатисфакции».

— Почему вы так решили?

— Разве не ясно? У меня в голове вдруг все сложилось в цельную картину. Капа Раза отсылал на чумной корабль продовольствие, так?

— Так.

— Но вовсе не из милосердия. Он просто переправлял на фрегат свои богатства.

— На чумной корабль? — недоуменно нахмурилась София. — Но ведь в этом нет никакого смысла!

— Есть, если корабль не чумной! — воскликнула графиня. — Насчет чумы они нас обманули!

— Но почему Лукас столь упорно настаивал на затоплении корабля? — спросил Лоренцо. — Просто со зла? Раз деньги ему не достались, пускай никому не достанутся?

— Его звали Каллас, мой дорогой, — поправила София мужа. — Таврин Каллас.

— Да не важно, дорогая! Наши сорок пять тысяч плюс все состояние Барсави. Огромные деньги, чтобы так вот взять и отправить на дно залива, лишь бы никому не достались.

— О да, — медленно кивнула донья Ворченца. — И ведь он объяснил, почему так поступает. Прямо тогда же и объяснил. И как же я сразу не сообразила, дура старая!

— Думаю, все со мной согласятся, — промолвила София, — если я скажу, что мы не вполне вас понимаем.

— Шил упомянул, что является посвященным служителем Тринадцатого. Еретического культа Безымянного Тринадцатого бога, Многохитрого Стража, покровителя воров и мошенников. «Во исполнение священного долга, — сказал он. — Во исполнение священного долга». Он сказал это не просто так. — Графиня снова закатилась смехом и покусала костяшки пальцев, чтобы остано-

виться. — Анатолиус убил троих его друзей. Неужели не ясно? Никакой угрозы корабль не представлял, и Шип хотел потопить его не ради спасения Каморра. То было посмертное приношение, Стефан, посмертное приношение!

Рейнарт хлопнул себя по лбу -- брызги так и полетели.

— Да, — сказала донья Ворченца. — И я потопила жертвенный дар за него, в кишашей акулами воде глубиной шестьдесят фатомов.

— Так, значит... — убитым голосом пролепетал дон Лоренцо. — значит, все наши деньги лежат на дне Старой гавани, на глубине трехсот шестидесяти фугов?

— Боюсь, что так.

— И... что же нам теперь делать?

Донья Ворченца вздохнула и на минуту задумалась.

— Во-первых, — наконец заговорила она, подняв глаза на супругов Сальвара, — все обстоятельства этого дела объявляются государственной тайной Каморрского герцогства, и я именем герцога приказываю всем вам хранить полное молчание о произошедшем. Каморрский Шип -- миф. Деньги, якобы им украденные, никогда не существовали. Герцогский Паук никогда всерьез этим делом не интересовался.

— Но именно всеобщее молчание и играет Шипу на руку, позволяя хранить в тайне свою преступную деятельность, — с расстановкой произнесла София. — Так они сами сказали Лоренцо, когда проникли в наш дом под видом Полуночников.

— Точно, — подтвердил Лоренцо. — Один из мнимых Полуночников так прямо и сказал: мол, Шип как раз и рассчитывает, что уязвленное самолюбие не позволит его жертвам рассказать о кражах другим возможным жертвам. И мне кажется, здесь они не врал.

— Наверняка не врал, — кивнула донья Ворченца. — Но тем не менее другого выбора у нас нет. Со временем вы поймете, что государство вроде нашего не вправе проявлять слабость. В мои обязанности входит заботиться о безопасности герцога Никованте, а не о его совести.

Супруги Сальвара хмуро смотрели на все, не произнося ни слова.

— Да бросьте, не стоит так огорчаться, — усмехнулась графиня. — Вы ведь еще не знаете о настоящем наказании, которое я на-

значила вам за то, что вы влипли в эту историю. Давайте сейчас вернемся в Янтарный Кубок и поговорим о вас.

— Какое еще наказание, донья Ворченца? — возмущенно вскричал Лоренцо. Мы потеряли почти семнадцать тысяч крои! Разве этого не достаточно?

— Далеко не достаточно, — покачала головой донья Ворченца. — Я тут хорошенько подумала и решила наконец, кто унаследует титул графини Янтарного Кубка после моей смерти. — Она на мгновение умолкла, а потом уточнила: — Вернее сказать, графа и графини Янтарного Кубка.

Что?! — София взвизгнула, как восьмилетняя девчонка. Особо визгливая восьмилетняя девчонка, привыкшая визжать по любому поводу, и очень громко.

— Это не благодеяние, имейте в виду, — сказала донья Ворченца. — Вместе с титулом к вам перейдут и тяжелые обязанности.

— Вы шутите, должно быть, — недоверчиво промолвил Лоренцо. — На островах Альсегранте найдется добрых две дюжины семейств, более знатных и влиятельных, чем наше. Герцог не отдаст Янтарный Кубок нам во владение в обход других претендентов.

— Полагаю, я знаю герцога Никованте несколько лучше, чем вы, молодой человек, — строго ответила донья Ворченца. — И полагаю, право выбирать наследника все-таки остается за мной.

— Но... тяжелые обязанности? — медленно проговорила София. — Не хотите же вы сказать...

— Именно это я и хочу сказать, София. Я не буду жить вечно. Всякий раз, когда мне на голову сваливаются неприятности вроде истории с Шипом или Серым королем, я вдруг понимаю, что не буду, да и не хочу, жить вечно. Пускай роль Паука играет кто-нибудь другой. Многие годы мы успешно вводили всех в заблуждение, заставляя считать, что должность главы тайного сыска занимает мужчина. Давайте же и дальше держать всех в заблуждении, поставив на эту должность сразу двоих людей. — Она оперлась на руку Рейнарта и позволила проводить себя к карете. — Стефан будет всемерно помогать вам в вашей работе и служить связующим звеном между вами и Полуночниками. Вы оба обладаете достаточно живым и гибким умом. Еще несколько лет — и я уверена, мне удастся развить в вас все необходимые качества.

— А потом? — спросила донья София.

— А потом, моя дорогая, все эти чертовы проблемы станут вашей головной болью. — Донья Ворченца вздохнула. — Старые грехи не предать полному забвению: они всегда всплывают в самую неожиданную минуту. И вам придется платить за благополучие Каморра разменной монетой собственной совести год за годом, пока этот кошелек не опустеет.

3

— Господин Ламора! — возопил Ибелиус. — Ну это ж ни в какие ворота не лезет!

В сиянии Лжесвета море казалось серо-зеленым травяным полем, подернутым зыбью от ветра. Волны накатывали чередой и с грохотом разбивались о борт галеона «Золотая добыча» — одного из двух всего кораблей, которые нынче вечером покинули порт Каморра, направляясь сначала в Талишем, а оттуда в Тал-Веррар. Ветер завывал в вантах и парусах старого судна, и матросы в дождевиках бегали взад-вперед по палубам, бормоча молитвы Ионо, Повелителю Алчных вод.

Локк Ламора полулежал на деревянных ящиках на кормовой палубе, закутанный в несколько одеял, непромокаемых плащей и кусков парусины — ни дать ни взять сосиска в тесте. Из многослойного свертка выглядывало лишь мертвенно-бледное (и разукрашенное синяками) лицо. Жан Таннен сидел рядом с другом, тоже плотно закутанный от дождя, хотя и не до полной обездвиженности.

— Господин Ибелиус, — проговорил Локк слабым голосом, слегка гнусавым по причине сломанного носа, — в своей жизни я не раз покидал Каморр, но все только по суше. Я ничего подобного не видел прежде... и мне очень хочется увидеть напоследок.

— Да вы же, почитай, при смерти, господин Ламора! Скакать по палубе, да еще в такую собачью погоду, — сущее безумие с вашей стороны.

— Послушайте, Ибелиус, — вмешался Жан, — если бы то, чем сейчас занимается Локк, называлось «скакать», тогда трупы могли бы работать акробатами в цирке. Оставьте нас в покое ненадолго, ладно?

— Ах, вы устали от меня, усердного лекаря, чьими стараниями ваш друг сегодня выкарабкался с того света? Да богов ради, моло-

дые люди! Любуйтесь своим распрекрасным морским видом — только потом никого не вините, кроме себя!

Возмущенный Ибелиус зашагал прочь по шаткой палубе. Явно новичок в море, он двигался неверными зигзагами, нелепо размахивая руками и с трудом удерживая равновесие.

Каморр удалялся все дальше и дальше, постепенно скрываясь за колышущимися полотнищами дождя. От Нижнего города исходил Лжесвет, подобный бледному свечению ауры. Пять башен призрачно мерцали под черным клубящимся небом. Попутная струя галеона сверкала серебром в темноте, точно полоса Лжесвета на бурливой воде.

Они сидели на корме и смотрели, как город исчезает за мутным горизонтом.

— Ты прости, Локк, — сказал Жан. — Прости, что не смог толком помочь тебе под конец.

— О чем ты говоришь, черт побери? Ты убил Черину и Райзу; я бы с ними нипочем не справился. Ты вытащил меня из Плавающей Могилы и приволок к Ибелиусу, чтобы тот снова обмазал меня с головы до ног своей мерзопакостной мазью. За что тебе извиняться, Жан? Если не считать припарки, конечно.

— Да нет, Локк, я виноват, как ни крути. Мое имя... Я всю жизнь использовал свое настоящее имя и думать не думал, к каким ужасным последствиям это приведет.

— Ты про каргенского мага? О боги, Жан! Ну возьми какое-нибудь вымышленное имя на новом месте. Таврин Каллас — самое то. Пускай этот малый постоянно объявляется в разных городах по всему континенту — орден Азы Гийи будет с восторгом возвещать народу все новые и новые свидетельства чуда.

— Но я пытался тебя убить, Локк. Прости... я ничего не мог с собой поделать.

— Убить меня пытался не ты, Жан, а чертов Сокольник. И ты действительно ничего не мог поделать. О боги, я сижу тут с пропоротой насквозь рукой и дырой в груди, а носешь и канючишь почему-то ты. Все, хватит уже!

В затянутом тучами небе над головой тяжело прогрохотал гром; с носовой палубы донеслись неистовые командные крики.

— До встречи с тобой, Жан, — сказал Локк, — я даже не представлял, что бывают такие верные и надежные друзья. Ты спасал мою жизнь столько раз, что и не счесть. Мне легче самому умереть, чем потерять тебя. И вовсе не потому, что ты — это все, что у меня осталось в жизни.

Жан ничего не ответил, и они долго молчали, глядя на вспененные волны Железного моря, набегавшие одна на другую все быстрее и быстрее.

— Ты уж извини, — наконец промолвил Жан. — Я и впрямь несу сам не знаю что. Спасибо тебе, Локк.

— Выше нос, дружнице! Ты хотя бы обладаешь большей подвижностью, чем какой-нибудь головастик на сухом берегу. А посмотри на мой тесный парусиновый кокон... — Локк вздохнул. — Вот она, победа.

— Ну да.

— И пошло оно все в задницу, — сказал Локк.

Они еще несколько минут сидели в молчании под проливным дождем.

— Локк... — наконец перешитительно произнес Жан.

— Да?

— Ты прости, конечно, но все-таки... как твое настоящее имя?

— О боги, — слабо улыбнулся Локк. — У меня что, не может быть никаких секретов?

— Ты-то мое знаешь.

— Так у тебя оно в любом случае одно-единственное.

— Это нечестно!

— Ну ладно, — вздохнул Локк. — Поди сюда.

Жан придвинулся поближе и низко склонился над ним. Локк прошептал ему на ухо несколько слогов, и глаза Жана изумленно расширились.

— Ну знаешь... — медленно проговорил он. — Чем такое, лучше уж всю жизнь зваться Локком.

— А я о чем говорю.

Галеон шел на юг, постепенно выбираясь из шторма, и последние слабые отблески Лжесвета вскоре померкли вдалеке. Потом корабельные фонари яркими лучами пронизали ночную мглу, и Локк с Жаном поплыли дальше под сплошным дождем.

Послесловие

Невероятная удача свалилась мне на голову в счастливый день, когда этот роман был принят к публикации. Я выражаю глубокую признательность Саймону Спэнтону, Джиллиан Редферн, Кристине Куявинске, Ханне Уитекер и Сьюзен Хоу из «Орион букс», ну и, разумеется, Энн Гролл из «Бантама» и Дсанне Хоук.

Чтобы поддерживать в начинающем авторе веру в собственные силы (и щелкать его по носу при необходимости), обычно требуется целая толпа народу. Я не мог бы пожелать себе более терпеливых и добрых помощников, чем мои родители, Джилл и Том Линч. И едва ли я сумел бы обойтись без энергичной онлайн-команды великих и ужасных знатоков – Гейба Шуинара, Мэтью Вудринга Стовера, Кейдж Бейкер, Боба Урелла, Саммер Брукс, М. Линн Букер, Криса Биллетта, Габриэля Месы, Алекса Бермана, Клаки, Мастеджа, Шевчика, Ариэль и всех остальных, включая участников ролевой игры «Дела, а не слова».

Хочу также поблагодарить своих друзей, близких и дальних: Джейсона Макгрея, Даррена Вилланда, Клео Макадамс, Джейсона Стефанса, Пег Керр, Филлипа Шилла, Бредфорда Уокера, Дж. Х. Франка, Джейсона Сартина, Абру Стаффин-Вибе, Сэмми и Льюиса, Майка и Бекки, Бриджит и Джо, Энни и Джозайю, Эрика и Аман, Майка и Лору, Пола, Эдриана, Бена и Дженни Роуз, Аарона, Джесси, Криса и Рен, Энди Нельсона и – последнюю по счету, но не по значению – Роуз Миллер, которая, конечно, пока еще не доросла до взрослой компании, но вполне достойна стоять в одном ряду со всеми вышеперечисленными.

*Нью-Ричмонд, Висконсин
16 сентября 2005 г.*

Оглавление

Пролог. Мальчик, который слишком много крал	9
---	---

Часть I

ПЛАН

Глава 1. Облапошить дону Сальвару	41
Интерлюдия. Локк объясняет	76
Глава 2. Второй шаг и акульи бои	81
Интерлюдия. Локк остается на ужине	106
Глава 3. Вымышленные люди	122
Интерлюдия. «Последняя ошибка»	151

Часть II

НЕОЖИДАННОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ

Глава 4. При дворе капы Барсави	169
Интерлюдия. Мальчик, плачущий над мертвым телом	206
Глава 5. Серый король	226
Интерлюдия. Жан Таннен	248
Глава 6. Ограничения	261
Интерлюдия. Непоседливые шедевры	279
Глава 7. Из окна	291
Интерлюдия. Вверх по реке	308
Глава 8. Погребальная бочка	316
Интерлюдия. Война с Полукронами	332

Часть III

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Глава 9. Занятая история для графини Янтарного Кубка	345
Интерлюдия. Наставник школы Стеклянных роз	358
Глава 10. Уроки зубного дела	362

Интерлюдия. История про игроков в ручной мяч	382
Глава 11. При дворе капы Разы	385
Интерлюдия. Повелительница Долгого безмолвия	406

Часть IV

ОТЧАЯННАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ

Глава 12. Толстый священник из Тал-Веррара	415
Интерлюдия. Заклинатели белого железа	432
Глава 13. Орхидеи и наемные убийцы	435
Глава 14. Три приглашения	462
Интерлюдия. Дочери Каморра	483
Глава 15. Укус Паука	486
Интерлюдия. Трон на пепелище	510
Глава 16. Цвет правосудия – красный	513
Интерлюдия. Малое пророчество	561
Эпилог. Лжесвет	563

Линч С.

Л 59 Хитрости Локка Ламоры : роман / Скотт Линч ; пер. с англ. М. Куренной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 576 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-08786-6

«Свежо, оригинально, крайне занимательно — и великолепно исполнено» (Джордж Мартин).

Однажды Воровской наставник явился к отцу Цеппи, Безглазому священнику храма Переландро, чтобы сбыть с рук несносного мальчишку Локка Ламору. Ведь Ламора, хоть и прирожденный вор, был воистину несносен, и для его исключительных талантов город-государство Каморр — прорезанное десятками каналов, раскинувшееся на множестве островов под сенью исполинских башен из стекла Древних — могло оказаться тесным. С течением лет Локку и его благородным Канальям сходит с рук многое вплоть до нарушения Тайного уговора, регулирующего всю жизнь Путных людей Каморра, но вот в закулисы преступного сообщества появляется Серый король — безжалостный, невидимый и неуязвимый убийца, — внося свои коррективы в очередную гениальную аферу Локка...

В новом переводе — один из самых ярких фэнтези-дебютов последних лет.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

СКОТТ ЛИНЧ
ХИТРОСТИ ЛОККА ЛАМОРЫ

Редактор Александр Гюзман
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.07.2016. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 36. Заказ № 2400/16.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@attirus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60 E-mail: trade@azbooka.sph.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.attirus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YZNF1679701R

Лучшая зарубежная книга года в жанре фэнтези по версии журнала «Мир фантастики». Нашумевший образец авантюрно-плутовской фэнтези, первый роман цикла «Благородные Канальи», погружающий читателя в мир ренессансного Каморра, где живут и «работают» блистательные аферисты и воры, проворачивающие свои операции по извлечению денег из богатых кошельков. Но когда в городе появляется Серый король, начинают исчезать подданные владыки воровского мира — мира, к которому относится и сам Локк...

Labirint.ru

Перечитываю дебютный роман Линча уже второй раз, и со всей ответственностью готов заявить: эта книга — в моей личной верхней десятке, а то и пятерке.

Если вы еще не читали про Локка Ламору — немедленно читайте. Если читали — перечитывайте.

Патрик Ротфусс

Это та самая книга, в которой плохие парни имеют свои моральные ценности и свято их блюдут. Та книга, читая которую девочки-подростки влюбляются в мальчиков-хулиганов, наделяя их чертами пиратов, разбойников, подонков, но ироничных, умных и благородных. А уж если у героя разбито сердце, его любовь находится за тридевять земель и он не смотрит ни на одну красивую женщину, которых, как правило, в изобилии водится вокруг, — все, пиши пропало: главный герой тут же заносится в разряд налюбимейших! И как хорошо, что автор уже написал продолжение. В трудные минуты жизни можно будет снова с головой нырнуть в мир Скотта Линча, полный жестокости, но такой романтичный...

Livelib.ru

Высокооктановая и совершенно органичная смесь плутовского романа и фэнтези.

Ричард Морган

© Cover Illustration © Daniel Enoch

www.azhbooka.ru